

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 3. Мартъ. 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
В. В. Міаковскій. Годы ученія А. Н. Радищева	5
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. III. Николаевская эпоха.	43
Ө. Ф. Зѣлинскій. Трагедія власти	79
II. Воспоминанія:	
В. Ө. Лазурскій. Яснополянскіе посѣтители въ 1894 г.	119
И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній	135
А. А. Пеликанъ. Во второй половинѣ XIX вѣка	155
И. Е. Рѣпинъ. Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на Волгѣ».	200
Н. Б. Броневскій. Изъ воспоминаній. (Нач. XIX в.)	226
III. Матеріалы:	
Т. О. Соколовская. Сокровенность масонскихъ списковъ	239
Е. А. Колосовъ. Къ характеристикѣ общественнаго міросозерцанія Н. К. Михайловскаго.	247
IV. Обзоръ журналовъ.	
С. В. Петлюра. Былое въ украинскихъ журналахъ	268
А. М. Васютинскій. Вольтеръ-придворный и Вольтеръ-помѣщикъ.	279
В. Н. Перцевъ. Изъ писемъ бар. Штурмфедеръ объ австрійской революціи 1848 г.	283
С. Дурылинъ. О погибшихъ произведеніяхъ Гаршина	287
— Статьи въ текущихъ журналахъ.	289
V. Критика и библіографія:	
Г. И. Шрейдеръ. Е. Сидоренко. Итальянскіе угольщики въ нач. XIX в. М. Н. Покровскій. П. Струве. Крѣпостное хозяйство. Ю. Гессенъ. И. Кузьминъ. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. М. Кулпковскій. По поводу книги Кузьмина. К. Тандеръ. Собраніе сочиненій А-ндра. Н. Веселовскаго.	

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

подъ редакціей *С. П. Мельцунова и В. И. Семеvскаго.*

(2-ой годъ изданія).

Журналъ занимается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **8 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **4 руб.**, на одинъ мѣсяць **1 руб.**, за границу **12 руб.**, $\frac{1}{2}$ года **6 руб.** Для народныхъ учителей и учащихся допускается рассрочка по **2 р.** (1 января, 1 апрѣля, 1 іюня, 1 сентебрія).

— Перемѣна адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала **1 руб.**, налож. плат. **1 р. 25 к.** Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ **7 р. 50 к.** (безъ № 1). На пересылку накладывается платежъ.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ **конторѣ** журнала (складъ книгоиздательства «За друга», Н. Кисловка д. № 1, кв. 4, тел. 4-50-61).

— Подписка принимается и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ —

Объявленія въ журналъ принимается въ конторѣ по цѣнѣ **60 руб.** за страницу; **30 руб.** $\frac{1}{2}$ стран.; **15 руб.** $\frac{1}{4}$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колон.) **30 коп.** Вкладка до 1 лота **10 р.** за тысячу.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.

Книгоиздательство „ЗАДУГА“.

(Москва, Нижняя Кисловка, д. 1, кв. 4). Тел. 4-50-61.

ВО ВСѢХЪ КРУПНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ИМѢЮТСЯ
ВЪ ПРОДАЖѢ:

„ВОЙНА и МИРЪ“.

Историко-литературный комментарий къ роману Л. Н. ТОЛСТОГО

«Война и Миръ».

Сборникъ подъ редакціей В. П. ОБНИНСКАГО и Т. И.
ПОЛНЕРА.

Съ шестью иллюстраціями на вкладныхъ листахъ. Виньетки знаменитаго французскаго
рисовальщика Жана Батиста Изабей. Сблжка французской работы начала XIX вѣка.

VII + 310 страницъ. Цѣна 3р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Т. И. Полнеръ. «Война и миръ» Л. Н. Толстого. 2) Н. В. Покров-
скій. Исторія работы Толстого надъ романомъ «Война и миръ». 3) Н. В. Покровскій. Исто-
чники «Войны и мира». 4) В. Н. Перцевъ. Философія исторіи Л. Н. Толстого. 5) А. К. Дми-
велеговъ. Александръ и Наполеонъ. 6) С. П. Мельгуновъ. На войнѣ 1812 г. 7) Н. В. Сивковъ.
Вліяніе войны 1812 г. на духовную жизнь Россіи. 8) В. И. Пичета. Война 1812 г. и народ-
ное хозяйство. 9) В. Е. Степанова. Война 1812 г. въ живописи. 10) В. П. Обнинскій. Война
сто лѣтъ назадъ и теперь. 11) Л. С. Козловскій. Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Первая половина извѣстно изданной и со вкусомъ иллюстрированной книги посвя-
щена ближайшимъ образомъ самому произведенію, вторая—широко поставленному исто-
рическому освѣщенію эпохи. Открывающая сборникъ большая статья г. Полнера даетъ
характеристику личности Толстого, какъ она сложилась къ 60-мъ годамъ, и общій обзоръ
«Войны и миръ» съ идейной, исторической и психологической стороны: то и другое сдѣлано
сжато, ярко и свѣжо. Двѣ статьи К. В. Покровскаго раскрываютъ исторію работы надъ
романомъ и источники, которыми пользовался Толстой при его созданіи: онѣ содержатъ
новыя наблюденія надъ творчествомъ Л. Н. и полны интереса. В. Н. Перцевъ изслѣдуетъ
изложенную въ романѣ философію исторіи. Всѣ 150 страницъ, занятія перечисленными
статьями, даютъ цѣнный вкладъ въ историко-литературное пониманіе великой эпопеи
Толстого. Во второй части гг. Дживелеговъ, Мельгуновъ, Сивковъ, Пичета, Степанова и
Обнинскій съ различныхъ сторонъ освѣщаютъ эпоху Отечественной войны, при чемъ почти
всѣ статьи такъ или иначе не теряютъ связи съ романомъ Толстого, отмѣчая совпаденія
или, чаще, отклоненія послѣдняго отъ подлиннаго историческаго значенія отдельныхъ
явленій эпохи. Статья В. П. Обнинскаго, сравнивающая способы веденія войны, тогдашніе и
современные и дѣлающая общественно-психологическіе выводы отсюда, такъ же, какъ
послѣдняя статья Л. С. Козловскаго «Война и миръ» въ ученіи Толстого»,—прекрасно
закljučаютъ собою сборникъ, одной изъ цѣлей котораго было содѣйствовать установленію
здраваго, человѣческаго взгляда на войну. Весь сборникъ интересно задумать, прекрасно
выполненъ и производитъ очень пріятное впечатлѣніе. (А. Грузинскій. Утро Россіи).

Общее впечатлѣніе отъ сборника отличное. Онъ хорошо составленъ и прекрасно
изданъ. Иллюстраціи вышли очень хорошо. Поклонники великаго писателя и его произ-
веденія должны быть благодарны составителямъ сборника («Голосъ Москвы»).

Цѣлью сборника, какъ видно изъ короткаго предисловія, было «дать комментарій къ великому творенію Толстого». Но, развиваясь и исполняясь, цѣль расширилась, и сборникъ производитъ сейчасъ впечатлѣніе не только комментарія къ «Войнѣ и миру», но отрицательнаго комментарія къ войнѣ.

Несмотря на неизбежную въ коллективномъ трудѣ повторяемость и на упоминаемыя въ предисловіи мелкія противорѣчія, весь сборникъ производитъ впечатлѣніе цѣльной, интересной и краснорѣчивой аргументаціи противъ войны. (Изъ рец. **И. Игнатова**. «Рус. Вѣд.» 1913—94).

Сборникъ только сейчасъ преодолевъ препону «независящихъ обстоятельствъ» Камнемъ преткновенія явилось то, что участники сборника нѣсколько разошлись съ официально освѣщеніемъ Отечественнѣйшей войны и ея результатовъ.

Справедливость требуетъ сказать, что и Толстой позднѣйшаго времени, конечно, взглянулъ бы иначе на описанныя имъ событія, чѣмъ сдѣлать это въ 1864—1869 г.г. Но изученію толстовской эпопеи книга даетъ неоцѣнимые матеріалы, и изслѣдователь не можетъ пройти мимо этихъ статей Ползнера, Мельгунова, Джигелева, Пичеты, Сивкова, Перцева, Козловскаго. Въ высшей степени интересны показанія К. Покровскаго о томъ какъ Толстой точилъ свое слово, и какъ онъ почерпалъ матеріалы у историковъ и мемуаристовъ. (Изъ рец. **А. Измайлова** «Русское Слово» 1893—102).

Мысль сборника—дать комментарій къ «Войнѣ и миру»—очень удачна.

Величайшій русскій романъ ждетъ еще детальнаго изученія и освѣщенія и, какъ попытка сдѣлать это съ разныхъ сторонъ, сборникъ весьма интересенъ... (**Книжникъ**. «Кіевская Мысль». 1913—122).

Хотя сборникъ по темамъ своимъ связанъ съ памятью Толстого и 12-го года, на него не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одно изъ множества юбилейныхъ изданій, значеніе которыхъ временное. Это не только богатый комментарій къ «Войнѣ и миру», но полное выясненіе, преимущественно на основаніи романа, историческаго и нравственнаго смысла событій достопамятной години, долго занимавшихъ великаго художника, и разносторонній анализъ исторіософическихъ взглядовъ Толстого и его отношеній къ проблемѣ войны... (**«Рѣчь»**, 5 авг. 1913 г. Изъ рецензій Н. Л.).

Въ своихъ отношеніяхъ къ войнѣ 1812 года и къ войнѣ вообще Левъ Толстой, какъ прекрасно показано въ сборникѣ, прошелъ черезъ существенно разныя точки зрѣнія: отъ дань отвѣченной идеализаціи войны, какъ величественнаго зрѣлища и выраженія національных достоинствъ народа. Въ этомъ развитіи онъ, конечно, отразилъ весьма ярко настроенія и представленія русскаго общества. Въ этомъ также заключается не послѣдній интересъ книги, помимо значенія ея для характеристики личности, творчества и взглядовъ Толстого. (**«Вѣстникъ Европы»**, 1913 г. июль).

На складъ въ книгоиздательство „ЗАДРУГА“

ПОСТУПИЛИ ОСТАВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГИ

С. П. Мельгунова,

„СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ

80—90 гг.

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ“.

(Въ книгѣ, на основаніи неопубликованныхъ архивныхъ данныхъ, излагается исторія образованія и дѣятельности Союзнаго Совѣта сѣдиненныхъ землячествъ).

Цѣна 50 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“
М. МАРЕКЪ.
 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ИЗДАНИЕ
„Всеобщая Исторія
Искусствъ“.

Въ это изданіе войдетъ весь знаменитый, одновременно выходящій на всѣхъ европейскихъ языкахъ циклъ руководствъ „Ars una species mille“ въ авторизованныхъ, исключительно намъ предоставленныхъ переводахъ, а также монографическіе труды Вельфлина, Фромонтэна и Ю. Мейера-Грефе. Все изданіе печатается на мѣловой бумагѣ и составитъ 10 томовъ (свыше 4,000 стр. текста) съ 5,000 иллюстр., печатанныхъ съ оригинальныхъ клише, и 26 рисунками въ краскахъ, исполненными въ Парижѣ.

Вышли изъ печати.

- 1) **С. Рейнанъ.** Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. 650 рис.
- 2) **Ю. Мейеръ-Грефе.** Импрессионисты. 60 рис.
- 3) **Э. Фромонтэнъ.** Старые мастера. (Бельгія и Голландія). 91 рис. въ текстѣ и 2 рис. въ краскахъ.

Печатаются и выйдутъ въ апрѣль с/г.

- 4) **Л. Гуртинъ.** Исторія искусства во Франціи. 945 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
- 5) **Норрадо. Риччи.** Исторія искусства въ Италіи. 771 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

- 6) **Г. Масперо.** Исторія искусства въ Египтѣ. 565 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
- 7) **Г. Фельфлинъ.** Классическое искусство. 126 рис.

Готовятся къ печати:

- 8) **В. Армстронгъ.** Исторія искусства въ Британіи и Ирландіи. 598 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
- 9) **М. Дьелафуа.** Исторія искусства въ Испаніи и Португаліи. 745 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
- 10) **М. Роозъ.** Исторія Искусства во Фландріи. 656 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Стоимость всего изданія въ изящ. кож. перепл. съ золот. тиснен. по подпискѣ 39 р. съ пересылкой.

Все изданіе закончится въ декабрѣ 1914 г.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи первыхъ десяти томовъ по 4 руб. за каждый; девятый томъ высылается безплатно. Въ провинц. за налож. пл. допл. по 10 коп. съ каждой посылки.

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Гл. контора кн-ва „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. Марекъ.
 Москва, Рождественскій бульваръ, д. 10. кв. 21. Тел. 2-68-45.
 Отдѣленіе въ С.-П.-Бургѣ: Поварской, 8, кв. 10. Тел. 51-56.

Контора проситъ гг. подписчиковъ при заказѣ указывать — высылать ли всѣ вышедшія книги ОДНОВРЕМЕННО или по тому ежемѣсячно.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 3. М а р т ъ. 1914.

М О С К В А.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., собств. домъ.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	<i>Стр.</i>
В. В. Міаковскій. Годы ученія А. Н. Радищева	5
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. III. Николаевская эпоха.	43
Ө. Ф. Зѣлинскій. Трагедія власти	79
II. Воспоминанія:	
В. Ө. Лазурскій. Яснополянскіе посѣтители въ 1894 г.	119
И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній	135
А. А. Пеликанъ. Во второй половинѣ XIX вѣка	155
И. Е. Рѣпинъ. Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на Волгѣ».	200
Н. Б. Броневскій. Изъ воспоминаній. (Нач. XIX в.)	226
III. Матеріалы:	
Т. О. Соколовская. Сокровенность масонскихъ списковъ	239
Е. А. Колосовъ. Къ характеристикѣ общественнаго міросозерцанія Н. К. Михайловскаго.. . . .	247
IV. Обзоръ журналовъ.	
С. В. Петлюра. Былое въ украинскихъ журналахъ	268
А. М. Васютинскій. Вольтеръ - придворный и Вольтеръ - помѣщикъ.	279
В. Н. Перцевъ. Изъ писемъ бар. Штурмфедеръ объ австрійской революціи 1848 г.	283
С. Дурылинъ. О погибшихъ произведеніяхъ Гаршина	287
— Статьи въ текущихъ журналахъ.	289
V. Критика и библіографія:	
Г. И. Шрейдеръ. Е. Сидоренко. Итальянскіе угольщики въ нач. XIX в. М. Н. Покровскій. П. Струве. Крѣпостное хозяйство. Ю. Гессенъ. И. Кузьминъ. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. М. Куликовскій. По поводу книги Кузьмина. К. Тіандеръ. Собраніе сочиненій А-ндра. Н. Веселовскаго.	

Н. Бродскій. Собрание сочинений С. А. Венгерова т. II. Писатель-гражданинъ Гоголь. Е. Коршъ. Журналъ «Софія». **ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ** С. Сватиковъ. Императорская публичная библіотека за 100 лѣтъ. П. Войковъ. Одна изъ загадокъ исторіи.

В. Филипповъ. Театральные нравы прошлаго вѣка. 292
— Новыя книги. 325

VI. Некрологъ:

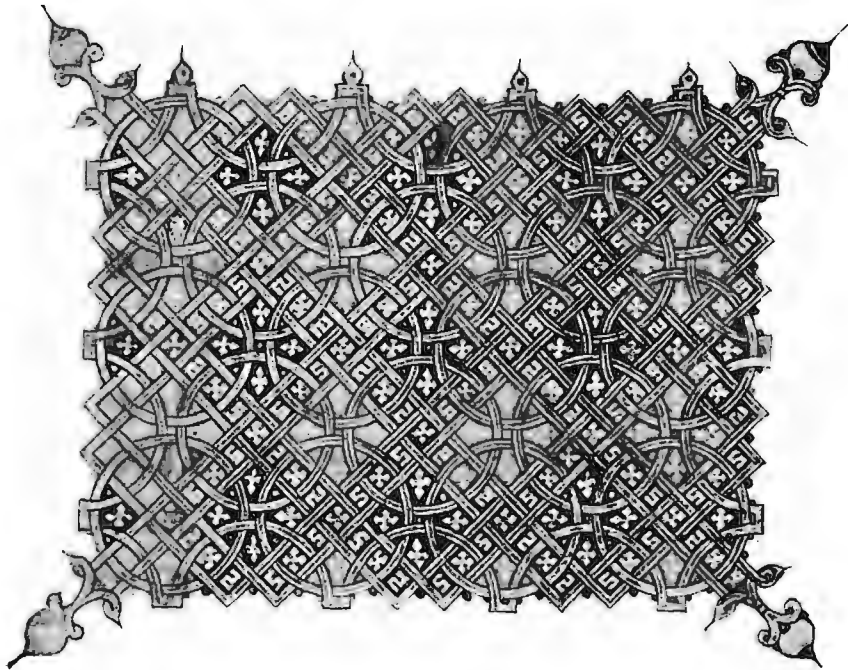
В. Я. Богучарскій. А. Х. Христофоровъ.. . . . 326

VII. Рисунки:

1. Сибирскій этапъ. 2. Арестантская партія въ пути. Портретъ С. Н. Южакова, Э. О. Короленко, А. Х. Христофорова. **Заставки** изъ рукописныхъ евангелій XVI в. изъ собранія А. А. Титова.

IX. Объявленія.

О подпискѣ на изданіе «Масонство».

Годы ученія А. Н. Радищева.

Литература о Радищевѣ разрослась въ большое количество статей и книгъ. Но вся она чрезчуръ односторонняя: интересовались исключительно «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», а въ біографіи Радищева періодомъ слѣдствія и суда. Остальные періоды оставались въ тѣни, и до сихъ поръ, напримѣръ, почти не использованъ такой богатый біографическій матеріалъ, какъ письма Радищева изъ ссылки. Въ послѣднія десятилѣтія, когда повысился интересъ къ Радищеву, опубликовывалось много новыхъ матеріаловъ, проливавшихъ подчасъ новый свѣтъ на многіе неясные въ жизни Радищева періоды. Но въ той стѣлкѣ, съ какою шло «оповѣщеніе» широкихъ читательскихъ массъ о жизни и литературной дѣятельности Радищева, эти факты не были приняты во вниманіе. Даже въ серьезныхъ работахъ, не рассчитанныхъ только на минутный успѣхъ среди общественнаго возбужденія,—въ работахъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ матеріала, этотъ послѣдній былъ исчерпанъ не въ достаточной мѣрѣ полно. Для примѣра можно указать на очень важное при описовкѣ петербургской жизни Радищева 1771—1775 годовъ письмо А. М. Кутузова, напечатанное еще въ 1896 году (Русск. Стар., т. 88.); оно не было использовано ни въ одной изъ біографій Радищева, въ такомъ множествѣ появившихся съ 1902 года. Это игнорированіе части печатнаго матеріала привело къ тому, что

очень интересная и цѣнная для пониманія Радищева статья его (въ журналѣ «Бесѣдующ. Гражданинъ» 1789 г.) не вошла ни въ одно изъ «Полныхъ собраній сочиненій Радищева» 1907 года, несмотря на то, что указаніе на принадлежность ея Радищеву было опубликовано уже въ февралѣ 1906 года, въ приложеніи къ «Русскому Вѣстнику» (въ «Запискахъ С. А. Тучкова»).

Большинство біографическихъ работъ послѣднихъ лѣтъ восходитъ къ двумъ—тремъ работамъ предыдущаго времени (чаще всего Сухомлинова и В. А. Мякотина) и потому не цѣнны въ смыслѣ привлеченія и использованія матеріаловъ, давно опубликованныхъ, но забытыхъ. Такъ, при характеристикѣ обстановки пажескихъ лѣтъ жизни Радищева всѣ біографы неизмѣнно приводятъ Миллеровскій проектъ реорганизации учебнаго дѣла въ пажескомъ корпусѣ (стр. 10, примѣч. 4.), проектъ поздняго сравнительно съ пребываніемъ Радищева времени (1765 года) и къ тому же не введенный въ обиходъ корпуса и нисколько не характерный для дѣйствительной постановки учебнаго дѣла. Проектъ этотъ былъ извлеченъ изъ Государств. Архива академикомъ Сухомлиновымъ и, какъ новый неопубликованный матеріалъ, напечатанъ имъ въ изслѣдованіи о Радищевѣ, откуда и былъ позаимствованъ позднѣйшими біографами. Между тѣмъ, для характеристики жизни пажескаго корпуса тѣхъ лѣтъ значительно важнѣе «Матеріалы», собранные гр. Милорадовичемъ (Кіевъ, 1876 г.), совершенно никѣмъ не использованные съ этой цѣлью. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Съ исчерпывающей полнотой до настоящаго времени освѣщенъ развѣ только эпизодъ слѣдствія и суда надъ Радищевымъ.

Въ задачи данной работы входило—привлечь, какъ можно полнѣе, весь печатный матеріалъ о Радищевѣ и освѣтить біографическими фактами, насколько возможно яснѣе, его литературную дѣятельность.

Настоящая работа касается перваго періода жизни, который можетъ быть названъ, по преимуществу, «годами ученія». Сюда вошла обрисовка жизни пажескаго корпуса, внѣшнихъ и еще болѣе внутреннихъ вліяній, испытанныхъ въ Лейпцигѣ, и, наконецъ, годы ученія на родинѣ, приспособленіе и знакомство съ русской дѣйствительностью и русскимъ обществомъ. Это—радищевскіе «Lehrjahre». Даже литературная дѣятельность этого періода, выражающаяся въ переводѣ «Размышлений» Мабли,—какъ бы срастается тѣсно съ годами лейпцигской жизни.

Слѣдующій періодъ, это—творческій расцвѣтъ, выросшій на почвѣ, подготовленной въ Лейпцигѣ, и давшій цѣлый рядъ значительныхъ произведеній.

Слѣдствіе и судъ отдѣляютъ его отъ смежнаго періода ссылки въ Сибири и Нѣмцовъ, гдѣ въ вынужденномъ бездѣйствіи Радищевъ опять берется за учебники и книги и въ то же время пишетъ цѣлый рядъ произведеній какъ поэтическихъ, такъ и научныхъ— философскаго и историческаго характера. Содержательная и глубокая, духовной стороною своей, жизнь Радищева замыкается послѣднимъ періодомъ — попыткой государственной дѣятельности въ комиссіи о составленіи законовъ.

І. Въ корпусъ пажей. 1762—1766 г.

Въ семьѣ.—Въ Москвѣ у Аргамакова.—Въ корпусъ пажей.—Пажи.—Ихъ обязанности во дворцѣ.—Учебныя занятія пажей.—Нравы.—Близость къ театру.—Программа одного спектакля.

Годы ученія Радищева до Лейпцигскаго университета типичны для многихъ дворянскихъ семей того времени.

Первоначальныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ «были преподаны ему обыкновеннымъ тогдашнимъ способомъ, т.-е. посредствомъ часослова и псалтыри»¹⁾. Затѣмъ былъ приглашенъ учитель французъ, оказавшійся впослѣдствіи бѣглымъ солдатомъ. Этимъ и ограничилось образованіе въ семьѣ,—въ семьѣ человѣка, по тогдашнему времени очень образованнаго, какимъ былъ отецъ Радищева, многимъ интересовавшагося, знавшаго нѣсколько языковъ.

Слѣдующая стадія—годы ученія въ Москвѣ у родственника со стороны матери, М. Ѳ. Аргамакова, человѣка просвѣщеннаго и передового. Его дѣти, а вмѣстѣ съ ними и Радищевъ, воспитывались подъ наблюденіемъ республиканца-француза, совѣтника Руанскаго парламента, бѣжавшаго даже отъ преслѣдованій французскаго правительства; уроки же давали профессора недавно открытаго университета²⁾. Возрастъ Радищева не позволяетъ допускать какое-либо значительное вліяніе гувернера-республиканца и московскихъ профессоровъ: Радищеву было всего 12 лѣтъ.

¹⁾ Біограф. очеркъ Н. А. Радищева. Русск. Стар. 1872, т. VI, ноябрь, стр. 574.

Первымъ учителемъ русской грамоты былъ дядька Радищева Петръ Мамонтовъ, по прозванію Сума, часто разсказывавшій ему сказки и воспѣтый Радищевымъ во вступленіи къ поэмѣ «Бова».—Н. Кашинъ. Новый списокъ біографіи А. Н. Радищева. М. 1912, стр. 3.

²⁾ Большинство изъ первыхъ профессоровъ московскаго университета было—нѣмцы, среди которыхъ блистали имена Дильтея и Шадена. Первымъ держался весь юридическій факультетъ; онъ читалъ естеств. право по руководству Пуффендорфа, римское, феодальное, уголовное и государственное право. Шаденъ же читалъ нравствен. философію, право естеств. и народное. Изъ русскихъ именъ извѣстнѣе всего имена математика Барсова и Поповскаго, проф. элоквенціи, магистра философіи и поэта-переводчика. См. Словарь проф. Моск. Унив.

когда его помѣстили въ пажескій корпусъ; но эти факты свидѣтельствуя объ общемъ характерѣ той обстановки, въ которой протекали дѣтскіе годы будущаго писателя и которая не могла не оставить слѣдовъ на его воспріимчивой душѣ.

Какъ бы то ни было, въ 1762 году мы видимъ Радищева уже среди пажей. 25 ноября этого года «сынъ подполковника А. Н. Радищевъ», стараніями Аргамакова, «былъ пожалованъ пажомъ». Радищевъ черезъ годъ уже очутился въ Петербургѣ, пріѣхавъ туда въ январѣ 1764 года, вмѣстѣ съ дворомъ, остававшимся въ Москвѣ послѣ коронаціи.

Въ тѣ времена пажескій корпусъ не былъ учебнымъ заведеніемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это было скорѣе общежитіе молодыхъ людей, назначенныхъ прислуживать при дворѣ лицамъ царствующаго дома. Они исполняли мелкія порученія во дворцѣ и внѣ его, были на посылкахъ у государыни, прислуживали за ея обѣдами и ужинами, провожали лицъ императорской фамиліи при ихъ выѣздахъ, стояли при ихъ каретахъ. Исполняя такого рода обязанности при дворѣ, пажи являлись какъ бы благороднымъ штатомъ прислуги: различныя приказанія лакеямъ передавались черезъ нихъ, лакеи служили для ношенія блюды только до столовой комнаты, а за столомъ услуживали исключительно пажи¹⁾. Съ ними и обращались, какъ съ прислугой, и за неявку къ столу безъ уважительныхъ причинъ, за непорядки при отправленіи должности—штрафовали вычетомъ изъ жалованья. Въ ихъ средѣ господствовали грубые нравы: пьянство и «непристойныя поступки» были явленіемъ нерѣдкимъ, и должностнымъ лицамъ при дворѣ, квартирмейстерамъ и камеръ-фурьерамъ, предоставлялось право «драть за уши пажей, когда они будутъ по ихъ малолѣтству чинить какіе-либо непристойныя при дворѣ поступки»²⁾. Такія мѣры воздѣйствія продѣлывались надъ молодыми дворянами. Какъ разъ въ годъ поступленія Радищева, Екатерина повелѣла опредѣлять въ пажи исключительно «дворянскихъ дѣтей, достойныхъ по разсмотрѣнію»³⁾.

Баронъ Шуди, первый гофмейстеръ и организаторъ корпуса пажей (въ 1859 г.), получилъ инструкцію, въ которой по воспитательной части повелѣвалось внимательно слѣдить за поступками пажей, наблюдать, чтобы они во дворцѣ и внѣ его «были въ лучшемъ порядкѣ, чистотѣ и исправности платья, бѣлья и убранства волосъ, не дѣлали никакихъ непристойныхъ поступковъ, рѣзво-

¹⁾ Гр. Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи пажескаго Е. И. В. корпуса 1711—1815. Кіевъ 1876., стр. 10—11.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

³⁾ Указъ отъ 15 ноября 1762 года. Тамъ же, стр. 10.

стей и ни надъ кѣмъ не насмѣхались во время банкетовъ, не брали со стола кушанья, конфектъ и проч.»¹⁾). Наказанія допускались сообразныя съ возрастомъ пажей и то такія, какія «приличны благороднымъ дѣтямъ»; и вообще обращаться съ пажами предписывалось «скромно и неогорчительно, какъ съ честными дворянами, чтобы они могли хорошо держать себя лучше отъ увѣщанія, нежели отъ штрафа и наказанія». Такъ предписывалось въ 1759 году, но быть пажей былъ совсѣмъ иной, и о томъ, каковы были отношенія къ пажамъ, краснорѣчиво говорятъ воспоминанія самого Радищева о гофмейстерѣ Бокумѣ, сопровождавшемъ пажей въ Лейпцигъ. До нѣкоторой степени могутъ характеризовать эти отношенія и записки А. А. Башилова, говорящія о болѣе позднемъ времени ²⁾. Башиловъ былъ пажомъ въ концѣ царствованія Екатерины и въ царствованіе Павла. «Сохрани Боже замарать платье», вспоминаетъ онъ: за это «просто-за-просто сѣкли розгами, отчего съ всею шалостью, мы берегли наши мундиры». «Главный нашъ начальникъ былъ оберъ-гофмаршалъ кн. Ѳ. С. Бярятинскій, весьма ласковый и милый, обращеніе коего съ нами было драть насъ за уши и величать щенками. Тогда³⁾ пажи служили за столомъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли счастье быть приглашенными къ столу Ея Величества... Тарелки были серебряныя, а какъ императрица была ужъ въ старыхъ лѣтахъ, то, Боже сохрани, столкнуться тарелкѣ съ тарелкою, чтобы онѣ зазвенѣли; конецъ тотъ же—розги»⁴⁾). Конечно, и во времена Радищева отношеніе къ пажамъ было не лучше.

Въ такой-то обстановкѣ проходили юношескіе годы Радищева. Учебная сторона была здѣсь совсѣмъ плохо поставлена. До 1759 года пажамъ не сообщали никакихъ систематическихъ знаній. Докладная записка барона Шуди, которая была положена въ основу организаціи воспитательной стороны жизни новаго пажескаго корпуса (1759 г.), впервые говорить въ общихъ чертахъ о «развитіи разума и памяти въ наученіи наукъ», при чемъ науки должны быть выбраны «не педантическія и сухія», но пригодныя для выработки способныхъ къ гражданской и военной жизни людей⁵⁾. Инструкція, данная барону Шуди, точно перечисляетъ эти «науки»: геометрія, географія, фортификація, исторія, языки французскій и нѣмецкій; да еще: рисованіе, танцы, фехтованіе и верховая ѣзда. Какъ видимъ, русскій языкъ не входилъ въ планъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ «Заря» 1871. Спб. № 12; стр. 195.—Молодость А. А. Башилова.

³⁾ Служба при дворѣ была отмѣнена при Александрѣ I, когда реформированный пажескій корпусъ былъ превращенъ въ военно-учебное завед.

⁴⁾ Молодость А. А. Башилова стр. 195.

⁵⁾ Матеріалы, стр. 25.

преподаванія 1759 года¹⁾. Повидимому, такая постановка учебнаго дѣла была и во время пребыванія въ пажескомъ корпусѣ Радищева. Но важность знакомства съ роднымъ языкомъ была уже признана и, по словамъ «Матеріаловъ для исторіи пажескаго корпуса», «пажамъ было вмѣнено въ обязанность переводить на русскій языкъ французскія комедіи, дѣлать изъ театральныхъ пьесъ экстракты, которые представляютъ въ придворную контору наканунѣ тѣхъ спектаклей для поднесенія Ея Величеству и ихъ императорскимъ высочествамъ»²⁾. Вся эта постановка дѣла преслѣдовала лишь ту цѣль, чтобы пажи, «сдѣлавшись образованными, могли показать себя пріятными, учтивыми и во всемъ совершенными, какъ христіанскій законъ и честная ихъ природа повелѣваетъ»³⁾. Первыми учителями реформированнаго корпуса пажей (т.-е. съ 1759 года) были нѣмецъ Яганъ Литхенъ и французъ Морамбертъ. Они, какъ рекомендовалъ ихъ баронъ Шуди, были «способны наблюдать присмотръ о добромъ порядкѣ и честныхъ поступкахъ пажей» и обучать ихъ: первый—нѣмецкому и латинскому языкамъ, а «если пожелается, то и физикѣ, геометріи, фортификаціи и алгебрѣ»; а второй, кромѣ французскаго языка,—«хорошему писанію, исторіи, географіи и ваппенкунству» (геральдикѣ). Въ началѣ 1762 г. Литхенъ былъ уволенъ, такъ что все преподаваніе въ бытность Радищева пажомъ лежало на одномъ Морамбертѣ. Число пажей доходило до 40, и ясно, что одному учителю не было возможности справиться съ такимъ количествомъ учениковъ разнаго возраста при 6-ти предметахъ преподаванія. Правда, былъ еще и гофмейстеръ (во время пребыванія Радищева—это былъ Францъ Ротштейнъ); но гофмейстеръ вѣдалъ только хозяйственную и инспекторскую часть воспитательнаго дѣла⁴⁾. Ученіе

¹⁾ Съ 1745 года по 1759-ый камеръ-пажи обучались французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Преподаваніе отечественнаго языка отсутствовало, а больше всего удѣлялось вниманіе верховой ѣздѣ и танцамъ. Объ обученіи же простыхъ пажей свидѣніи за эти годы нѣтъ. «Матеріалы», стр. 23.

²⁾ Матеріалы, стр. 27.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Для характеристики общаго направленія постановки учебнаго дѣла интересенъ и планъ для обученія пажей, составленный Г. Ф. Миллеромъ въ 1765 году, извлеченный изъ Государств. Архива М. И. Сухомлиновымъ («А. Н. Радищевъ, авторъ «Путеш. изъ Петерб. въ Москву». Спб. 1883, стр. 3—4.). Количество предметовъ и число учителей здѣсь значительно увеличивается. Вмѣсто двухъ учителей проекта 1759 года, ихъ уже 5: 1) учитель «математики, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, фортификаціи, артиллеріи, механики»; 2) «учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права»; 3) «учитель исторіи, географіи, генеалогіи и геральдики»; 4) «учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ»; 5) «учитель русскаго языка», въ преподаваніи, котораго предлагалось обращать вниманіе на «правописаніе, грамматическія правила, и стилистику», а также на «сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ». Словомъ, и

было страшно запущено; доминировала чисто практическая точка зрѣнія—подготовить вѣжливыхъ и изящныхъ молодыхъ людей для нуждъ двора, а благое намѣреніе барона Шуди—выпускать въ жизнь людей, подготовленныхъ къ военной и гражданскій службѣ,—оставалось на бумагѣ.

Дежурства при дворѣ отнимали много времени. Это были все тѣ же мелкія услуги, исполненіе порученій и прислуживаніе. Радищевъ въ числѣ прочихъ пажей долженъ былъ бывать при дворѣ и сталкиваться съ жизнью и нравами придворнаго общества.

Нравы среди самихъ пажей не могли особенно измѣниться ко времени пребыванія Радищева, и отношеніе къ пажамъ со стороны начальствующихъ лицъ, которымъ пажи прислуживали, было, конечно, то же, что и раньше. Тутъ была своя традиція нравовъ и отношеній. Записки Башилова достаточно свидѣлствуютъ объ этомъ, и шестидесятые годы въ жизни корпуса не могутъ существенно отличаться отъ смежныхъ съ ними промежутковъ: концомъ царствованія Екатерины II (Башиловъ) и жизнью дореформеннаго корпуса (до 1759 года), о которыхъ сохранились самыя отрицательныя свѣдѣнія. Грубость нравовъ въ этой средѣ за періодъ 60-хъ годовъ косвенно подтверждается живыми картинками изъ жизни пажей за-границей, переданными самимъ Радищевымъ («Житіе Ушаксва»).

Въ сущности, пажи были предоставлены самимъ себѣ. Двухъ человѣкъ было недостаточно, чтобы руководить воспитаніемъ, обученіемъ, чтеніемъ молодыхъ дворянъ, и неудивительно, что пажи росли, по современнымъ отзывамъ, «шалунами и невѣждами». Шуди указывалъ въ своемъ меморіалѣ (1759 г.) на отсутствіе дисциплины, какъ на корень зла. Пажи въ любое, незанятое службой во дворцѣ время, уходили изъ общежитія, не испрашивая разрѣшенія. У пажей была своя крѣпостная прислуга, присутствіе которой вносило разлагающее дѣйствіе на всякую дисциплину: съ помощью этой прислуги пажи продѣлывали, что хотѣли, и когда было запрещено безъ отпуска отлучаться изъ общежитія,

здѣсь господствовала практическая тенденція сдѣлать изъ пажей людей, не нарушающихъ этикетъ и лоскъ двора. Въ коротенькомъ проектѣ было уделено вниманіе и «рѣзвости пажей» (*mechanceté (es pages)*). Очевидно, это было распространенное зло, съ которымъ Миллеръ предлагалъ бороться «нравоучительными разсужденіями» учителей, «чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ», и рекомендуется за столомъ читать каждый день главу изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы черезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ». Но проектъ Миллера не былъ осуществленъ и поэтому нисколько не характеризуетъ собственно учебной стороны дѣла. Учителемъ оставался тотъ же Морамбертъ, предметы оставались тѣ же. Расширеніе программы было совершено только въ 1785 году, по проекту П. В. Завадовскаго, установившаго 15 предметовъ, распределенныхъ на 8 лѣтъ обученія, при 11 учителяхъ («Матеріалы», стр. 32).

крѣпостные служили имъ для любыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Для большаго порядка штатъ этой прислуги былъ только сокращенъ: камеръ-пажу разрѣшалось имѣть при себѣ двоихъ, а пажу—одного служителя. Оставленные, такимъ образомъ, безъ должнаго руководительства въ тѣ молодые годы, когда оно нужнѣе всего, особенно для юношей, сталкивавшихся съ нравами двора, пажи проводили время зачастую въ попойкахъ и рано познавали «любовныя утѣхи».

Такая обстановка окружала юношу Радищева. Вмѣстѣ съ товарищами по корпусу онъ дѣлилъ свое время между службой во дворцѣ, кое-какимъ ученіемъ въ общежитіи и свободнымъ времяпровожденіемъ. Среди товарищей Радищева было нѣсколько чelовѣкъ, выдѣлившись въ послѣдствіи. Ихъ мы увидимъ еще въ Лейпцигѣ. Пажескій корпусъ, вообще, по своему привилегированному положенію давалъ очень много дѣятелей на различныхъ поприщахъ идейнаго, общественнаго и государственнаго служенія.

Среди занятій пажей особенно интересны ихъ отношенія къ придворному театру. Выше было цитировано мѣсто изъ «Матеріаловъ для исторіи пажескаго корпуса» о томъ, что пажамъ «вмѣняли въ обязанность переводить на русскій языкъ французскія комедіи, дѣлать изъ театральныхъ пьесъ экстракты», которые представлялись въ придворную контору наканунѣ спектаклей для поднесенія Екатеринѣ II.¹⁾ Это сообщеніе любопытно тѣмъ, что проливаетъ свѣтъ на загадочное упоминаніе имени Радищева на одной изъ найденныхъ А. Н. Пыпинымъ французскихъ программъ придворнаго театра. Онѣ сохранились въ дѣлахъ Государственнаго Архива и напечатаны Пыпинымъ въ приложеніяхъ къ «Сочиненіямъ Имп. Екатерины II».²⁾ Хотя, по точному смыслу цитируемаго мѣста «Матеріаловъ», ясно, что рѣчь идетъ объ экстрактѣ пьесъ на русскомъ языкѣ, но и это указаніе, устанавливая какую-то близость пажей къ придворному театру, позволяетъ предполагать, что пажами составлялись программы пьесъ и дѣлались краткіе экстракты изъ нихъ, подобные двумъ найденнымъ А. Н. Пыпинымъ. Тѣмъ естественнѣе предположить это, что главный начальникъ пажей баронъ Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ до 1762 года былъ завѣдывающимъ театрами³⁾, а послѣ этого года, вплоть до назначенія на эту должность И. П. Елагина (въ 1766 году), попрежнему оставался очень близкимъ лицомъ къ театру вслѣдствіе своей службы въ придворной конторѣ, и всѣ распоряженія Ека-

¹⁾ Матеріалы, стр. 27.

²⁾ Изд. И. Ак. Наукъ, т. IV. Спб. 1901, стр. 237—241.

³⁾ М. Лонгиновъ. Управленіе русскими театрами въ Спб. и М.—Русск. Арх. 1870. стр. 1551.

терины II относительно театра за эти годы скрѣплялись подписью Сиверса¹⁾.

Обѣ программы, найденныя А. Н. Пыпинымъ, относятся къ одному и тому же спектаклю французскаго придворнаго театра за періодъ 1764—1765 годовъ. На программахъ сохранились имена четырехъ составителей: Кутузова, Корсакова, Челищева и Радищева. Поставленные рядомъ, эти имена должны быть отнесены къ четыремъ сверстникамъ пажамъ 1762—1766 гг., и такъ какъ одинъ изъ нихъ, А. В. Корсаковъ, умеръ въ январѣ 1767 года по дорогѣ въ Лейпцигъ, то эти программы могли быть составлены названными лицами только до отъѣзда за-границу²⁾.

¹⁾ Архивъ Дирекц. Импер. театровъ. Спб. 1892. т. II стр. 62, 63 и др.

²⁾ А. Н. Пыпинъ предполагаетъ, что программы относятся къ репертуару Эрмитажнаго театра, подразумѣвая подъ послѣднимъ тотъ интимный театръ Екатерины II, который возникъ при дворѣ, послѣ возвращенія императрицы изъ путешествія въ Крымъ, въ 1787 году. («Соч. Екатерины II», т. IV, стр. 237). «Имена Tchelicheff и Radichoff (сохранившіеся на программахъ), особенно рядомъ поставленные, относятся, повидимому, къ извѣстнымъ друзьямъ—Челищеву и Радищеву», замѣчаетъ Пыпинъ. Съ такимъ же правомъ приходится признать имена Кутузова и Корсакова относящимися къ пріятелямъ Радищева—А. М. Кутузову и рано умершему А. В. Корсакову. Смерть послѣдняго въ январѣ 1767 года указываетъ на то, что программы относятся не къ 80-мъ годамъ, а ко времени до конца 1766 года—времени отъѣзда пажей въ Лейпцигъ. Эта догадка могла бы быть доказана списками актеровъ 60-годовъ, такъ какъ на обѣихъ программахъ сохранились фамиліи игравшихъ въ томъ спектаклѣ. (Актеры: Beaumont, Pochet, Neuville, Ceneval, Cochois, Delpry, Clairvalle, Repaud, Lange; актрисы: m-lle Valville, m-e Planchenault, m-lle Huguet, m-e Duchauumont, m-lle Boulanger.) Но ни камеръ-фурьерскій журналъ, ни «Хроника» Носова, ни «Лѣтопись» П. Арапова, ни «Архивъ Дир. Им. Театровъ», ни другіе труды и статьи по исторіи театра въ Россіи (Карабанова, Лонгинова въ Русск. Арх. 1870 г., Греча въ «Русской Талии» 1825 г., Штелина въ «Спб. Вѣстникѣ» 1779 г., Селиванова въ «Ежегодникѣ И. Т. 1895—96 г.», Опочинина, Архангельскаго въ «Русск. Обзоръ» 1894 г. и др.) не позволяютъ установить списка французскихъ актеровъ 60-хъ годовъ XVIII вѣка. Единственное указаніе, которое намъ удалось разыскать, это сообщеніе въ современныхъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этой газетѣ въ концѣ каждаго № помѣщались списки уѣзжавшихъ за границу иностранцевъ для предупрежденія лицъ, имѣвшихъ къ нимъ какія либо денежныя претензіи. Въ номерахъ 99, 100 и 101 (отъ 13, 16 и 19 декабря) за 1765 г. отмѣчена въ числѣ «отъѣзжающихъ изъ Санктпетербурга»—«французская комедіанка Валвилъ». Поэтому, дату: декабрь 1765 г. можно считать предѣльной, когда былъ данъ спектакль съ участіемъ актрисы Valville. Въ номерѣ же 100 и 101 (отъ 15 и 19 декабря) за 1766 г. упомянутъ—«бывшей придворной—французской націи—комедіантъ Бомонъ». Отъѣздъ Бомона, быть можетъ, связанъ съ указомъ 13 октября 1766 г., когда были введены новые штаты, между прочимъ, и французскаго театра. Этимъ указомъ предписывалось «разобрать всѣхъ нынѣ при спектакляхъ находящихся людей и о излишнихъ, безъ контрактовъ содержащихся, подать обстоятельную вѣдомость чужестранцы ли они, могущіе отсюда отлучиться или російскіе подданные, кои безъ пропитанія оставлены быть не могутъ (Арх. Дир. Имп. Театровъ, т. II, стр. 85, № 94). Бомонъ, очевидно, не попалъ въ число «штатныхъ» актеровъ и уѣхалъ на родину. Тѣмъ же указомъ 1766 года предписывалось заключать съ актерами контракты. Заключение контрактовъ, какъ правило, и начинается только съ этого года. Этимъ объясняется отсутствіе свѣдѣній объ актерамъ до 1766 г. въ официальныхъ источникахъ, напр.: въ «Архивѣ Дир. Имп. Театровъ», гдѣ исторія театра, даже до 80-хъ годовъ, отразилась очень скудно.—Въ

На первой программѣ комедіи Детуша—«*Le philosophe marié*» приписано: «Composé par le Sr. Koutouzoff, écrit par le Sr. Corsakoff; на второй же—программѣ комедіи въ одномъ дѣйствіи «*Le procureur arbitre*» Пуассона, шедшей вслѣдъ за предыдущей комедіей, въ качествѣ «петипьеса» или «нахъ-комедіи»¹⁾),—находится подобная приписка: «composé par le Sr. Tchélitcheff, écrit par le Sr. Radichoff». Программы состоятъ изъ списка дѣйствующихъ лицъ, съ указаніемъ игравшихъ актеровъ, и изъ «argument»—короткаго экстракта, передающаго содержаніе пьесы. Такъ какъ слово «composé» вѣрнѣе всего относится къ самой программѣ, а—«écrit»²⁾ можетъ быть отнесено только къ составленію экстракта (argument), то это argument къ пьесѣ «*Procureur arbitre*» нужно считать составленнымъ А. Н. Радищевымъ, въ бытность пажомъ. Составленіе этихъ экстрактовъ, вѣроятно, не было случайнымъ, и пажи, очевидно, принимали какое-то участіе въ театральныхъ затѣяхъ Екатерины.

Санктпб. Вѣдом. 1768 года мы находимъ имя еще одного актера изъ числа упомянутыхъ въ программахъ Пыпина: въ № 45, среди отѣжающихъ отмѣченъ «Делпи, бывшей придворной комедіантъ».

Подтвержденіемъ того, что программы относятся къ 1764—1765 годамъ служить еще одно обстоятельство. Въ томъ же дѣлѣ Государственнаго Архива (X, 355 л. 19—21), въ которомъ находятся программы съ именами пажей—сохранились еще четыре программы французскихъ пьесъ. Всѣ эти шесть программъ написаны однимъ ровнымъ и красивымъ почеркомъ и выдѣляются среди прочихъ документовъ, которые относятся исключительно къ Эрмитажному театру 80-хъ годовъ (см. Соч. Имп. Ек. II, т. IV, стр. 237—245.). На этихъ четырехъ программахъ фамиліями исполнителей заполнены только женскія роли: *La comtesse Daria de Tchernichew*, *la comt. Anne de Cheremettoff* и *la comt. Natalie de Tchernichew*. Эти же имена великосвѣтскихъ любительницъ драматическаго искусства мы встрѣчаемъ въ спектакляхъ, относящихся къ 1765 и 1766 году. Такъ, напр., въ пьесѣ «Женатый философъ» (какъ разъ той же, къ которой относится первая программа съ именами пажей) и въ «малой комедіи» (петипьесѣ) «Нравы вѣковъ» принимали участіе, между прочимъ, графиня Анна Петровна Шереметева, гр. Дарья Петровна Чернышева и гр. Наталья Петровна Чернышева (Описаніе спектакля у графа П. Б. Шереметева. Спб. Вѣдом. 1765, № 12.). Точно также въ пьесахъ «Контртанъ или Препятствія», «Вечеринка по модѣ» и «Зенейдъ»—участвовали тѣ же лица (Спб. Вѣдом. 1766 г., № 20.)

¹⁾ Въ концѣ программы ком.: «*Le Philosophe mariée*» указано, что за ней слѣдуетъ въ тотъ же день «*Le Procureur arbitre pour petite pièce*».—Соч. имп. Ек. II, т. IV, стр. 240.

²⁾ «Écrit» не можетъ означать—«переписано, копировано», такъ какъ программы, пьесы и роли переписывались особыми копіистами и учениками театральнаго училища. Къ тому же, обѣ программы написаны не разными почерками, а однимъ и тѣмъ же «ровнымъ, красивымъ почеркомъ». Сочин. Ек. II, т. IV, стр. 237.

II. Радищевъ въ Лейпцигъ. 1767—1771 г.

Недостатокъ въ образованныхъ людяхъ.—Цѣль отправленія 12 молодыхъ дворянъ въ Лейпцигъ.—Гофмейстеръ Бокумъ.—Лейпцигскія исторіи.—Дальнѣйшая судьба отправленій за-границу.—Лейпцигскіе годы въ жизни русскихъ студентовъ.—Воспоминанія В. Н. Зиновьева.—Ф. В. Ушаковъ.—Чтенія въ Лейпцигскомъ кружкѣ.—Увлеченіе философіей.—Платнеръ.—Гельвецій.—Разсужденіе Ушакова о любви и о книгѣ Гельвеція.—Политическіе писатели.—Трактатъ Беккариа и работа Ушакова.—Увлеченіе Мабли.—Учебныя занятія.—Распущенность.—Дружба съ Кутузовымъ

Отправленіе 12 молодыхъ дворянъ, среди которыхъ былъ и Радищевъ, для завершенія образованія въ Лейпцигъ—было значительнымъ эпизодомъ и въ жизни Радищева, и въ исторіи образованія въ Россіи вообще. Это была попытка Екатерины II получить европейски образованныхъ юристовъ. Въ тѣ годы, когда шло усиленное впитываніе въ русскую жизнь элементовъ западно-европейской культуры, во всѣхъ областяхъ чувствовался недостатокъ въ людяхъ, которые могли бы поднять и поддерживать то или другое дѣло на должной высотѣ. Русская дѣйствительность не могла дать такихъ людей съ широкимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи. И при Екатеринѣ, когда потокъ западнаго вліянія сталъ особенно широкимъ, все чаще прибѣгають къ посылкамъ въ чужіе края для пріобрѣтенія специальныхъ знаній. Понадобился ли для придворнаго театра живописецъ или даже танцоръ,—Екатерина отправляетъ на два года за-границу Бубликова и Фирсова, одного «для лучшаго танцованію обученія», а другого для того же «въ живописной и театральнѣй наукѣ»¹⁾ Еще большая потребность была не въ людяхъ со специальными познаніями, а съ общимъ образованіемъ въ европейскомъ духѣ. Недостатокъ въ такихъ людяхъ могъ дать почувствовать себя особенно сильно при любой внутренней реформѣ въ ближайшемъ будущемъ. Екатеринѣ нужны были кадры образованныхъ людей, при помощи которыхъ можно было бы проводить эти реформы, и она остановила свой выборъ на молодыхъ дворянахъ, обучавшихся при дворѣ въ званіи пажей. Однимъ изъ первыхъ опытовъ Екатерины было отправленіе нѣсколькихъ пажей въ Лейпцигъ²⁾. Что цѣль этой отправки была именно такова, мы знаемъ

¹⁾ Архивъ Дирекціи Импер. Театровъ. т. I, отд. II, стр. 77, № 83. Указъ отъ октября 1764 года; и стр. 82, № 88. Указъ отъ декабря 1764 года.

²⁾ Въ томъ же 1765—6 г. трое студентовъ московской духовной академіи съ учителемъ Рудневымъ были отправлены въ Геттингенскій университетъ, гдѣ провели шесть лѣтъ, слушая лекціи философій, исторіи, математики и физики.—«Богословскій факультетъ при Екатеринѣ». «В. Европы» 1873, № 11. См. также В. С(емевскій): «Литература Екатерининскаго юбилея».—«Р. Ст.» 1874, т. IX, апрѣль. Одновременно въ тотъ же университетъ были посланы два студента академич. университета для обу-

изъ заявленія самой императрицы. Когда, въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Петербургъ, гофмейстеръ, отправленный съ молодыми людьми, сообщалъ, что «природное косноязычество препятствуетъ меньшому Ушакову быть статскимъ человѣкомъ», и просилъ исходатайствовать ему высочайшее дозволеніе «послѣдовать плану наукъ, приличныхъ искусному офицеру»,—то Екатерина велѣла «просителю объявить, что при отправленіи сихъ молодыхъ людей въ Лейпцигъ... намѣреніе было и есть получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ»¹⁾. Да и тотъ предположительный проектъ обученія наукамъ, который былъ составленъ собственноручно Екатериной, ясно обнаруживаетъ намѣренія императрицы. Дѣйствительно, кромѣ языковъ, лейпцигскіе студенты изъ русскихъ дворянъ должны были обучаться «моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву».²⁾ Въ тѣхъ планахъ обученія, которые были составлены профессорами, преобладали юридическія науки,—словомъ, Радищевъ съ товарищами были отправлены въ Лейпцигъ на юридическій факультетъ. Московскій университетъ, тогда еще очень молодое учрежденіе, конечно, не могъ удовлетворить желаніямъ Екатерины получить европейски образованныхъ юристовъ: общая обстановка, общая атмосфера всего дѣла была здѣсь, конечно, совершенно иною, чѣмъ въ Лейпцигѣ. Кипучая научная жизнь Лейпцига сама собою втягивала въ свою струю молодые умы, и годы, проведенные здѣсь, при минимальномъ интересѣ къ наукамъ, оставляли на ходѣ умственного развитія свои глубокіе слѣды. Въ Москвѣ не было особенно выдающихся профессоровъ; не было даже достаточнаго числа ихъ, и весь юридическій факультетъ, на примѣръ, былъ представленъ Дильтеемъ, читавшимъ чуть ли не всѣ дисциплины. Но Дильтей не умѣлъ заинтересовать слушателей и, вѣчно занятый посторонними дѣлами, къ своимъ прямымъ обязанностямъ относился нерадиво. Изъ юристовъ еще могутъ быть названы знаменитый Шаденъ и безвѣстный Лангеръ, читавшій естественное и народное право и политику³⁾. А, между тѣмъ, въ Лейпцигскомъ университетѣ, одномъ изъ самыхъ старыхъ университетовъ нѣмецкихъ государствъ,—научная сила юридического факультета состояла изъ цѣлаго ряда первоклассныхъ ученыхъ.

ченія исторіи, статистикѣ, натуральному праву, нѣмецкому государств. праву и политикѣ. Сб. отд. р. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 58, 65. Объ отправленіи русскихъ студ. въ Оксфордскій унив. см. В. Александренко. Изъ жизни русск. студ. въ Оксфордѣ. Ж. М. Н. Пр. 1893, янв.

¹⁾ Сборникъ Русскаго Ист. Об-ва, т. X, стр. 115—116.

²⁾ Тамъ же, стр. 107.

³⁾ Словарь профессоровъ Московскаго университета.

Во времени пребыванія въ немъ Радищева, читали свои курсы Платнеръ, Гоммель, Беме. Лейпцигскій университетъ въ числѣ своихъ студентовъ всегда насчитывалъ очень много иностранцевъ, заканчивавшихъ здѣсь свое образованіе.

Слава его, гремѣвшая во всей Европѣ, издавна привлекала и русскихъ. Вмѣстѣ со студентами изъ Польши, они даже составляли одну изъ націй, на которыя дѣлились студенты Лейпцига, именно, польскую націю; такъ что всѣ студенты изъ Россіи при записи въ университетскіе списки—«*matricula academiae lipsiensis*»—неизмѣнно отмѣчались буквой Р. (*Poloni*)¹⁾. Впрочемъ, въ 60-хъ годахъ, до пріѣзда Радищева съ товарищами, въ официальныхъ университетскихъ записяхъ М. И. Сухомлиновымъ обнаружено имя одного только русскаго, какого-то *Ivanowitz Petrus Bojaslowskiensis, Russus*,—занесенное въ «*Matricula*» подъ 1765 годомъ. Очевидно это лицо не имѣло никакого отношенія къ официальному отправленію молодыхъ людей за-границу и находилось въ Лейпцигѣ частнымъ образомъ, быть можетъ, даже скоро уѣхало оттуда, такъ какъ въ сохранившейся перепискѣ, ни официальной, ни частной, нѣтъ никакихъ упоминаній о немъ. Такія упоминанія были бы вполне естественны, такъ какъ въ самомъ началѣ 1767 г. въ Лейпцигѣ была уже цѣлая колонія русскихъ студентовъ, отправленныхъ Екатериною на казенный счетъ.

Составилась эта колонія наполовину изъ пажей. 22 февраля 1766 года на списокъ пажей Екатерина собственноручно отмѣтила кружками фамиліи 6 человѣкъ, повелѣвъ отправить ихъ въ Лейпцигъ. Самому старшему, Петру Челищеву, было около 20 лѣтъ, Алексѣю Кутузову и Андрею Рубановскому—по 18 лѣтъ, Сергѣю Янову—17, Радищеву—16 лѣтъ, и Александръ Римскій-Корсаковъ, самый младшій изъ пажей, былъ отправленъ въ 15 лѣтнемъ возрастѣ²⁾.

Это были лучшіе по успѣхамъ пажи выпуска 1766 года. Двое изъ оставшихся (Дубянской и Загряжскій) были въ то же время выпущены въ армію. Такая же участь ожидала бы и Радищева, еслибъ не это счастливое для него отправленіе въ Лейпцигъ. Остальные 6 человѣкъ изъ отправленныхъ за-границу были выбраны изъ молодыхъ дворянъ, очевидно, по особымъ ходатайствамъ и рекомендаціямъ. Ѳедоръ Ушаковъ, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей среди этихъ молодыхъ дворянъ, былъ «вскормленникомъ» Григорія Николаевича Теплова, и по его ходатайству былъ записанъ въ число студентовъ, отправленныхъ

¹⁾ Сухомлиновъ, М. И.—Исторія Россійской Академіи, вып. VI, стр. 10, 13.

²⁾ Матеріалы для ист. пажескаго корпуса, стр. 32.

въ Лейпцигъ. В. Н. Зиновьевъ былъ двоюроднымъ братомъ графовъ Владимира, Алексѣя и Григорія Григорьевичей Орловыхъ. Князя Несвижскій и Трубецкой тоже имѣли достаточно вліятельную родню. Пятымъ былъ братъ Ѳ. В. Ушакова, Михаилъ, и шестымъ — нѣкто Иванъ Насакинъ. Уже во время пребыванія всѣхъ этихъ молодыхъ людей въ Лейпцигъ туда были посланы и еще нѣсколько дворянъ.

Кромѣ студентовъ, въ Лейпцигъ находилось семейство гофмейстера Егора Ивановича Бокума, іеромонахъ Павелъ, потомъ и учитель русскаго языка—Сергѣй Подобѣдовъ. Въ общей сложности число людей, находившихся въ Лейпцигъ въ связи съ посылкою туда русскихъ студентовъ, доходило до 30 человѣкъ.

Екатерина не пожалѣла денегъ на все это предпріятіе и позже, когда увидѣла, что изъ ея затѣи получается совсѣмъ не то, чего она хотѣла, постоянно жаловалась на огромныя траты и заявляла даже, что «намѣрена рушить все тамошнее сдѣланное учрежденіе, для того что отъ него болѣе безпокойства, нежели пользы»¹⁾. Неудача предпріятія объясняется, главнымъ образомъ, личными качествами гофмейстера, сдѣланнаго руководителемъ молодыхъ дворянъ за-границей. Официальная переписка Екатерины со своими секретарями и секретарей съ посланникомъ при саксонскомъ курфюрстѣ въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскимъ, — ясно обрисовываетъ нравственную фізіономію этого человѣка. Радищевъ въ своемъ «Житіи Ушакова» нисколько не сгустилъ красокъ, нарисовавъ Бокума вздорнымъ, хвастливымъ, лживымъ, а главное, расчетливымъ, заботившимся больше о своемъ карманѣ, чѣмъ объ интересахъ студентовъ. Такимъ же представляется онъ намъ при чтеніи его собственныхъ донесеній и всей переписки по поводу всевозможнѣйшихъ злоупотребленій и неподобающихъ поступковъ этого злополучнаго воспитателя. Бокумъ же все время жаловался на дороговизну жизни въ Лейпцигѣ²⁾ и представлялъ фиктивные отчеты, копіи со счетовъ, а подчасъ не посылалъ никакихъ оправдательныхъ документовъ³⁾. При расходованіи отпущенныхъ денегъ, онъ экономилъ даже на самомъ необходимомъ: на пищѣ и одеждѣ⁴⁾. Но результаты такой экономіи оказывались совсѣмъ неожиданными. «Слышно, что онъ многимъ долженъ,— писалъ статсъ-секретарь Екатерины, А. В. Олсуфьевъ, кн. Бѣло-

¹⁾ Сборн. Русск. Ист. Об-ва, т. 97, стр. 133—134.—Сначала на каждого студента Екатерина ассигновала по 800 р., а съ 1769 года, вслѣдствіе постоянныхъ просьбъ и жалобъ Бокума,—по 1000 рублей въ годъ. Въ общей сложности, по ея расчету расходовалось ежегодно 15.000 руб. (Сб. Р. И. О-ва, т. 97, стр. 194.).

²⁾ Сборн. Р. И. Об-ва, т. X, стр. 112. ³⁾ стр. 115, 122, 128. ⁴⁾ стр. 123—примѣч., 124.

сельскому,—и разными происками отъ платежа отбываетъ, отзываясь при томъ безстыдно, яко бы доходятъ къ нему отсюда переводы денегъ неисправно, чему, однакожъ, совсѣмъ быть не можно, потому что... на каждую треть впередъ имѣеть онъ деньги на свою диспозицію». Словомъ, Бокумъ вообразилъ, что «дворяне для его собственной корысти содержатся въ Лейпцигѣ на толь изобильномъ казенномъ иждивеніи, что при семъ случаѣ имѣеть онъ находку вывлечь себя, жену и дѣтей своихъ изъ собственной бѣдности»¹⁾. Но мало этого; его отношенія къ молодымъ дворянамъ были ниже всякой критики: онъ позволялъ себѣ брань, удары, наказаніе розгами, или, по выраженію Олсуфьева, примѣнялъ средства «безчестныя», непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя ²⁾.

Въ одномъ изъ столкновеній со студентами, Бокумъ сразу же принялъ ничѣмъ не вызванныя крутыя мѣры: посадилъ всѣхъ подъ стражу. До Екатерины же дѣло дошло въ такомъ свѣтѣ, что Бокумъ оказался виновнымъ только въ томъ, что «не умѣлъ съ начала взять авторитета», а вся вина падала на двухъ лицъ—*Θ. Ушакова* и *Насаккина*³⁾, поведеніемъ которыхъ Бокумъ особенно былъ недоволенъ и о которыхъ часто упоминалъ въ своихъ донесеніяхъ⁴⁾. Имя Ушакова, какъ зачинщика, попадаетъ не разъ и въ письмахъ Екатерины⁵⁾. Письмамъ самихъ студентовъ не вѣрили въ Петербургѣ, личнымъ рассказамъ вернувшихся въ Россію ранѣе другихъ, *Челищеву* и *кн. Трубецкому*, тоже не повѣрили⁶⁾. И только тогда обратили вниманіе на всѣ безобразія, творимыя Бокумомъ, когда въ Лейпцигѣ очутился сынъ Олсуфьева и когда Бокумъ безъ всякихъ стѣсненій наказалъ его розгами⁶⁾. Тогда только былъ отправленъ въ Лейпцигъ цѣлый рядъ писемъ, достаточно энергично воспрещавшихъ Бокуму подобное обращеніе со своими воспитанниками⁷⁾. И только въ октябрѣ 1771 года *кн. Бѣлосельскому* было поручено «Бокума счесть; считавъ же, отпустить его»⁸⁾. Одновременно съ этимъ часть студентовъ, въ

¹⁾ Сборн. Р. И. Об-ва, т. X, стр. 125. ²⁾ стр. 119.

³⁾ Русскій Архивъ. 1863, стр. 201—202.

⁴⁾ Сборн. Р. Ист. Об-ва, т. X, стр. 209.

⁵⁾ Сборн. Русск. Ист. Об-ва, т. X, стр. 125. Негодованіе родителей по поводу слуховъ о лейпцигскихъ безобразіяхъ только раздражало Екатерину (Сборн. Русск. Ист. Об-ва, т. 97, стр. 193—194).

⁶⁾ Сб. Р. И. Об-ва, т. X, стр. 123.

⁷⁾ Тоже, стр. 1190. См. также письмо Екатерины. (Сборникъ Р. И. Об-ва, т. 97, стр. 194.) Письмо Олсуфьева къ Бѣлосельскому (Сб. И. Об-ва т. X, стр. 122—125) и къ нему же — отъ Голицына (Сборн., т. 97, стр. 194 — 195).

⁸⁾ Сборн. Р. Ист. Об-ва, т. 97, стр. 195. Этотъ вороватый и нерадивый маіоръ Бокумъ—явленіе не исключительное въ тогдашней Россіи. Исторія пажескаго корпуса знаетъ еще одного подобнаго воспитателя и завѣдывающаго хозяйственной частью въ общежитіи пажей. Это—гофмейстеръ Соло-

ихъ числѣ и Радищевъ, была возвращена въ Россію, а часть осталась еще въ Лейпцигѣ, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ нѣсколькихъ профессоровъ. Собственноручная записка Екатерины по этому поводу заканчивается словами: «а молодыхъ господъ по мѣрѣ, какъ выучатся, возвратить сюда и никого болѣе въ Лейпцигъ не отправлять для ученія»¹⁾.

Такъ закончилась эта интересная попытка общенія съ западно-европейской наукой. Еще во время пребыванія въ Лейпцигѣ Радищева, въ 1769 году, Екатерина дополнительно послала пажу Осипа Козодавлева²⁾, извѣстнаго впослѣдствіи своими литературными трудами, дѣятельностью въ академіи и на административномъ поприщѣ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, кромѣ упомянутыхъ уже братьевъ Олсуфьевыхъ, осенью 1770 г. вновь были отправлены на казенный счетъ для обученія наукамъ гр. Николай Матюшкинъ, пажъ Николай Волковъ и Василій Мельгуновъ³⁾. Въ томъ же году, или въ началѣ 1771 г., кажется, былъ посланъ въ Лейпцигъ еще одинъ пажъ Иванъ Бунинъ⁴⁾. Но скорѣе отношеніе императрицы къ этому вопросу мѣняется. Еще лѣтомъ 1770 г. Екатерина проситъ графа Н. Панина раздобыть «у Гогенталя, которому подчинены всѣ университеты Саксоніи, подробный планъ, какимъ образомъ устроить гимназію и университетъ, на подобіе лейпцигскаго»⁵⁾. Еще въ маѣ 1772 г. она, разрѣшая отпускъ «корнету Шереметьеву въ чужіе края на два года для наученія», совѣтуетъ ему—лучше «ѣхать куда въ университетъ, нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять»⁶⁾. И даже въ 1785 году отправляется нѣсколько учащихся академической

монъ Зейсманъ, бывший воспитателемъ при пажахъ въ 1742—1744 г. Онъ также «рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели заботился о пажахъ. Въ концѣ-концовъ, онъ былъ уличенъ «въ забраніи саможелательно куска тонкаго голландскаго полотна въ 28 руб., да камеръ-туху въ 6 руб., да денегъ 50 р. у купца Генриха Шнейдера», которому поручено было придворной конторой сдѣлать для Зейсмана богатое платье на коронаціонную церемонію. Съ него взыскали вычетами изъ жалованія 84 рубля, и какъ только онъ расчелся съ казной, то получилъ «абшить, за ево надѣ камеръ-пажами и пажами несмотрѣніе и по должности званія его во обученіи оныхъ нераденіе и слабости» (Матеріалы для ист. паж. корп., стр. 17). У Бокума все это вышло въ значительно большихъ размѣрахъ, такъ какъ дѣло происходило за-границей, вдалекѣ отъ Петербурга, и Бокумъ «притворными доношеніями могъ быть надеженъ, что непорядки его останутся навсегда неизвѣстными», какъ писалъ Олсуфьевъ (Сборникъ т. X, стр. 125).

¹⁾ Сборн. Р. И. Об-ва, т. 97, стр. 195.

²⁾ Сборн. Р. Ист. Об-ва, т. X, стр. 117; Сухомлиновъ. Ист. Росс. Акад. т. VI, стр. 14.

³⁾ Сборн., т. X, стр. 118.

⁴⁾ Мат. для ист. паж. корпуса. Списокъ пажей выпуска 1771 года. Имя Бунина въ официальной перепискѣ, опубликованной въ Сборникѣ, т. X, не встрѣчается.

⁵⁾ Сб. Р. Ист. Об-ва, т. 97, стр. 104, № 1969.

⁶⁾ Сборникъ Бартенева: «XVIII вѣкъ». т. I, стр. 77. Письмо Екатерины къ кн. М. Н. Волконскому. № 33.

гимназіи въ Гёттингенскій университетъ¹⁾; но уже въ концѣ 80-хъ г.г. надъ западной Европой надвигаются тучи революціи. Настроеніе умовъ становится тревожнымъ, симпатіи Екатерины колеблются, и къ западно-европейскому образованію она начинаетъ относиться подозрительно. Очень характерно для перемѣны, происшедшей въ Екатеринѣ, письмо ея къ кн. М. М. Голицыну²⁾, относящееся, правда, уже къ 1791 г., но интересное диаметрально противоположнымъ взглядомъ тому, котораго сама она держалась, отправляя молодыхъ людей въ Германію. Какъ подозрительно относилась теперь Екатерина къ такимъ попыткамъ, которыя раньше предпринимала сама, видно изъ дѣла Невзорова и Колокольниковца, отправленныхъ для занятій медициной въ Лейденскій университетъ извѣстнымъ масономъ И. В. Лопухинымъ на свой счетъ³⁾.

Вернемся къ Радищеву и его товарищамъ, въ жизни которыхъ эта педагогическая попытка Екатерины составила цѣлую эпоху. Годы ученія въ Лейпцигскомъ университетѣ положили прочный «закасъ» для всего того, что сказалось потомъ такъ ярко у Радищева и въ меньшей степени у другихъ. Это было время, «когда всѣ страсти, пробуждаясь въ первый разъ, производили въ новой душѣ не стройное хотя волненіе, но дни блаженнѣйшіе всея жизни содѣловали»⁴⁾. Эти годы стали прочнымъ путеводнымъ столбомъ въ тѣхъ житейскихъ дорогахъ, которыми пришлось идти Радищеву. Недаромъ изслѣдователь философскихъ взглядовъ Радищева—для характеристики внутренней жизни лейпцигскаго кружка и симпатій будущаго писателя—разсматриваетъ его позднѣйшій трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи». Наслоенія тѣхъ лѣтъ, которыя слѣдовали за годами ученія въ Лейпцигѣ, приобрѣтенныя самостоятельнымъ чтеніемъ въ Петербургѣ и въ ссылкѣ, располагались вокругъ основныхъ зеренъ міровоззрѣнія, воспринятыхъ въ эти «блаженнѣйшіе дни» научныхъ занятій на студенческой скамьѣ. Въ трактатѣ «О человѣкѣ», по словамъ Милюкова, сохранились самые живые слѣды лейп-

¹⁾ Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII., стр. 87.

²⁾ Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 1138. Письмо отъ 22 апрѣля 1791 года. «Не могу по совѣсти инако совѣтовать вамъ,—писала Екатерина,—какъ то, чтобъ дѣтей вашихъ не посылать въ нѣмецкія училища, ибо во многихъ изъ нихъ теперь ученые раздѣлились на два класса, равно для общества вредные: одни явные безбожники, а другіе лицемерствуя стараются отклонять умы отъ участія въ дѣлахъ свѣта, на которомъ однакожъ по волѣ Божіей живемъ, и упражняютъ ихъ сновидѣніями и разными иными нецѣлостными мартинизма».

³⁾ Сборн. «XVIII вѣкъ», I, 395—398; Записки И. В. Лопухина, Р. Арх., 1884, кн. I, 48—49 примѣч.—Разсказъ самого Невзорова въ В. Европы, 1867 г., т. IV, № 7, стр. 61.

⁴⁾ Полн. собр. соч. Р-ва, подъ ред. А. Бороздина, т. I, стр. 12.

цигскихъ занятій и чтеній» ¹⁾). И это—спустя четверть вѣка, отдѣляющую трактатъ отъ первыхъ философскихъ впечатлѣній! Такую же связующую нить можно провести между первыми впечатлѣніями изъ области политической литературы, полученными въ Лейпцигѣ и всѣмъ позднѣйшимъ политическимъ міровоззрѣніемъ, которое развернулось въ сочиненіяхъ Радищева. Вернувшись въ Россію, онъ переводитъ Мабли, того Мабли, котораго онъ съ увлеченіемъ читалъ въ лейпцигскомъ кружкѣ своихъ товарищей. Черезъ десятокъ лѣтъ онъ пишетъ «Житіе» своего товарища по лейпцигскимъ годамъ, Ушакова, и эти воспоминанія устанавливаютъ промежуточный пунктъ между сложившимся міровоззрѣніемъ Радищева и университетомъ, оставившимъ такіе глубокіе, незабываемые слѣды. Всѣ позднѣйшія наслоенія въ этой области политическихъ взглядовъ располагаются точно такъ же, какъ въ области философскихъ,—вокругъ перваго прочнаго «закваса».

Лейпцигскіе годы имѣли такое большое значеніе не только для Радищева. На всѣхъ молодыхъ людяхъ, такъ или иначе, отразилось университетское преподаваніе или прочтенныя въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ книги и даже борьба съ Бокумомъ, которая тѣсно сблизила ихъ между собою. Мы видѣли, что могло дать Радищеву и его товарищамъ пажамъ обученіе въ корпусѣ. Если по плану, оставшемуся неосуществленнымъ (проектъ Миллера 1765 г.), для пажей полагался особый учитель философіи и морали, то на дѣлѣ этого не было, и не удивительно, что пажи, отправленные въ Лейпцигъ, ѣхали туда съ очень скуднымъ философскимъ багажомъ. На самые основные вопросы міровоззрѣнія у нихъ не было сколько нибудь продуманнаго рѣшенія. Біографіи другихъ 6-ти молодыхъ людей извѣстны мало. Но и къ нимъ относятся слова Радищева (въ «Житіи Ушакова»), обрисовывающія религиозныя представленія его товарищей. «Если бы возможно было опредѣлить, каксе каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ», говоритъ Радищевъ, «то бы описаніе сіе показалось взятымъ изъ какого-либо путешествія, въ ксемъ описываются исповѣданія вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе, какъ палача, орудіемъ кары вооруженнаго, и боялся думать о Немъ, столь застрашенъ былъ силою Его прещенія. Другому казался Онъ, окруженный толпою младенцевъ, азбучный учитель, котораго дразнить ни во что не вмѣняется, ибо уловкою какою-нибудь можно избѣгнуть его розги и скоро съ нимъ опять поладить» ²⁾.

¹⁾ Очерки по истор. русской культуры. Спб. 1903, ч. III, стр. 380.

²⁾ Соч. Р-ва, ред. Бороздина, т. I, стр. 21.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей вовсе не получили дома систематическаго образованія, а прямо изъ домашней обстановки попали въ Лейпцигъ. Одинъ изъ нихъ, В. Н. Зиновьевъ, самый младшій изъ всѣхъ студентовъ, вспоминалъ впоследствии (въ 1806 г.) объ этомъ времени до отправленія за-границу. «До двѣнадцатилѣтняго возраста я находился въ домѣ моихъ родителей, гдѣ мнѣ весьма памятно, что я занимался продажей ртути моей покойной сестрѣ—и наушничествомъ. Со стыдомъ вспоминаю объ удовольствіи, съ которымъ это дѣлалъ, но, оставленный на попеченіе порочныхъ слугъ,—я шелъ по ихъ стопамъ»... «Слѣдовательно,—прибавляетъ Зиновьевъ,—я долженъ благодарить Провидѣніе, которое, несмотря на мои пороки, осыпаетъ меня благодѣяніями, потому что на двѣнадцатомъ году я былъ отправленъ изъ моего отечества и удаленъ отъ всѣхъ окружавшихъ меня негодяевъ». Лейпцигскими годамъ В. Н. Зиновьевъ склоненъ приписывать могущественное вліяніе на его душу. «Въ то время, какъ я и нѣсколько молодыхъ людей находились подъ надзоромъ маіора Бокума, насъ выучили по-нѣмецки, заставляли читать разныя книги священнаго писанія, и я смѣю сказать, что это чтеніе въ будущемъ принесло мнѣ наиболѣе пользы и было причиной, что, несмотря на мое стараніе заглушить крикъ совѣсти моими пороками, я не могъ этого достигнуть» ¹⁾. Въ этомъ признаніи можно подчеркнуть только ту мысль, что лейпцигскій университетъ—поворотный пунктъ въ жизни и представленіяхъ Зиновьева. Если онъ приписываетъ громадную роль въ этомъ поворотѣ религіозно-нравственному воспитанію, то онъ ошибается, и эта ложная мысль возникла у него подъ вліяніемъ его позднѣйшаго піэтистически-мистическаго настроенія. Въ этомъ позднѣйшемъ періодѣ жизни Зиновьева піэтизмъ доходитъ до того, что его дневникъ путешествія по Западной Европѣ то съ дипломатическими порученіями, то съ цѣлями, имѣющими отношеніе къ масонству, весь испещренъ обращеніями къ Богу за ниспосланныя милости и милосердіе. По словамъ Н. П. Барышникова, подготовлявшаго этотъ дневникъ къ печати, эти отступленія такъ длинны и часты, что производили бы «весьма тяжелое впечатлѣніе» на читателя, отчего ихъ и пришлось опустить ²⁾. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Зиновьевъ подтверждаетъ мысль, что религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ онъ пользовался мало. Лицо, приставленное для этого, не могло выполнять такую отвѣтственную функцію. Хотя «при насъ былъ священникъ нашего исповѣданія,—говоритъ Зиновьевъ,—но я,

¹⁾ Русская Старина, 1878 г., т. XXIII, стр. 613.

²⁾ Тамъ же, стр. 594.

не помню, чтобы я у него хоть однажды былъ на духу»¹⁾. Этотъ священникъ, іеромонахъ Павелъ, довольно юмористически описанъ Радищевымъ въ «Житіи Ушакова». И, конечно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ не могъ имѣть нравственнаго вліянія на молодыхъ людей, и тѣ любили продѣлывать шутки надъ добродушнымъ и недалекимъ іеромонахомъ. Бокумъ, призванный быть руководителемъ студентовъ, и подавно не пользовался никакимъ авторитетомъ. Наоборотъ, съ Бокумомъ шла постоянная борьба, потому что онъ съ самаго перваго дня обнаружилъ свои корыстолюбивыя склонности, а въ мѣрахъ воздѣйствія на молодыхъ дворянъ, почувствовавшихъ себя на свободѣ, онъ не различалъ границы дозволеннаго отъ недозволеннаго. Первое же столкновеніе съ Бокумомъ сплотило его «подвластныхъ» и выдвинуло впередъ Ѳедора Васильевича Ушакова.

Среди лейпцигскаго кружка русскихъ студентовъ это—центральная фигура. Съ нимъ приходилось считаться и Бокуму; онъ мѣшалъ злополучному воспитателю примѣнять свои «педагогическіе» приемы и осуществлять «домостроительскія» намѣренія». Въ Петербургъ шли просьбы Бокума освободить его отъ надзора за Ушаковымъ. Біографія Ѳ. В. Ушакова извѣстна очень мало. Радищевъ сообщаетъ, что 17-ти лѣтъ онъ отлично окончилъ сухопутный кадетскій корпусъ, гдѣ давалось болѣе завершенное образованіе, чѣмъ то, которое получали пажи. Умнаго и образованнаго юношу взялъ къ себѣ въ секретари Г. Н. Тепловъ, ставшій тогда очень близкимъ лицомъ ко двору, вслѣдствіе своего участія въ переворотѣ 1762 г., и сдѣланный даже преподавателемъ политическихъ наукъ наслѣднику престола, Павлу Петровичу²⁾. Въ должности секретаря Теплова Ушаковъ трудился надъ составленіемъ рижскаго торговаго устава и получилъ чинъ коллежскаго ассесора. Передъ нимъ открывалась широкая дорога служебныхъ успѣховъ. Близость къ такому вліятельному лицу, какъ Тепловъ, создавала для Ушакова большой кругъ знакомствъ и людей, «обыкновенно, друзьями называющихся»³⁾. Въ Петербургѣ онъ велъ жизнь свѣтскаго человѣка, дѣля свое время между огромной работой, которая лежала на немъ, и различными свѣтскими удовольствіями. Радищевъ не скрываетъ, что Ушаковъ еще въ Россіи «подсѣкъ корень своего здравія» и «почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій»⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 613.

²⁾ М. Н. Лонгиновъ. Біограф. свѣдѣн. о русск. писат. XVIII в. Р. Стар. 1870 г., т. II, стр. 194—197.—Г. Н. Тепловъ.

³⁾ Соч. Р-ва, ред. Бороздина, т. I, стр. 17.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 18.

Очевидно, что въ Лейпцигѣ Ушаковъ ѣхалъ и съ большими знаніями и съ большимъ жизненнымъ опытомъ; это, вѣроятно же всего, и выдвигало его впередъ во всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Въ противовѣсъ неопредѣленности воззрѣній большинства русскихъ студентовъ, Радищевъ отмѣчаетъ въ Ушаковѣ «твердость мыслей и вольное оныхъ изреченіе» ¹⁾. Но и воззрѣнія Ушакова подверглись серьезной переработкѣ. Его мнѣнія вначалѣ, повидимому, носятъ отпечатокъ взглядовъ той среды, въ которой онъ вращался въ Петербургѣ, и только путемъ штудированія теоретиковъ естественнаго права онъ очистилъ свой умъ отъ многихъ предразсудковъ свѣтскаго общества. Такъ, въ началѣ лейпцигской жизни, по поводу столкновенія съ Бокумомъ, ударившимъ одного изъ студентовъ по лицу, Ушаковъ говорилъ товарищамъ, что такіа оскорбленія смываются только кровью. «Сіе говорилъ онъ изъ опытовъ», замѣчаетъ Радищевъ, «и подкрѣплялъ примѣрами; но ни онъ, ни мы не понимали еще всей гнусности поединковъ въ благоустроенномъ обществѣ» ²⁾. Это—замѣчаніе сорокалѣтняго Радищева, далекаго отъ юношескихъ лѣтъ жизни на чужбинѣ; но весьма вѣроятно, что къ выводу о «гнусности поединковъ» онъ и другіе могли прійти еще въ Лейпцигѣ подъ вліяніемъ тѣхъ гуманныхъ идеаловъ, которые раскрывали передъ ними ихъ профессора на лекціяхъ и философы-писатели въ прочтенныхъ тогда книгахъ. «Мы въ это время начали только слушать преподаваніе права естественнаго», вспоминалъ въ «Житіи Ушакова» Радищевъ: и не объявъ еще всю онаго связь, остановились при первыхъ движеніяхъ, производимыхъ въ человѣкѣ оскорбленіемъ». Они пытались тогда уже разсмотрѣть вопросъ съ точки зрѣнія человека въ естественномъ состояніи и рѣшили, что человѣкъ долженъ отвѣчать на оскорбленіе мщеніемъ. «Несовершенное еще расположеніе мыслей представило уму нашему въ естественномъ насъ положеніи въ отношеніи нашего начальника» ³⁾. Этотъ процессъ совершенствованія взглядовъ пережилъ со всѣми товарищами и Ушаковъ. «Онъ съ наивеличайшимъ рвеніемъ вдался ученію» съ первыхъ же дней пребыванія въ Лейпцигѣ ⁴⁾. Любопытно къ чтенію пробудилъ во всѣхъ молодыхъ людяхъ нѣкій Θ . ⁵⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

²⁾ Тамъ же, стр. 27—28.

³⁾ Соч. Р-ва, I, стр. 28.

⁴⁾ Тамъ же, I, 24.

⁵⁾ Тамъ же, I, 35.—П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ своему уничтоженному изданію сочиненій Радищева. высказалъ предположеніе, что подъ этой буквой скрытъ одинъ изъ гр. Орловыхъ: либо Θ ед. Григ., либо даже Алексѣй Григ., если принять « Θ » за опечатку вм. «О». (Соч. Р-ва, изд. 1872 г., т. II, стр. 417). А. Г. Орловъ былъ лѣтъ на 10 старше Ушакова и др.

при своемъ случайномъ проѣздѣ черезъ Лейпцигъ. Этотъ Ѳ. «почиталъ выше всѣхъ другихъ» книгу Гельвеція «De l'esprit» и познакомилъ съ нею молодыхъ людей. Ѳ. В. Ушаковъ прочелъ ее подрядъ четыре раза ¹⁾, а всѣ остальные «за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научались». Плодомъ этихъ занятій надъ книгой Гельвеція явились пять писемъ Ушакова «О Разумѣ», написанныхъ частью по-французски, частью по-нѣмецки. Радищевъ перевелъ ихъ и приложилъ еѣ своей первой книжкѣ—біографіи автора писемъ, Ѳ. В. Ушакова.

Согласно инструкціи Екатерины русскіе студенты обучались «всѣмъ частямъ философіи и правамъ». Ушаковъ, кромѣ обычныхъ университетскихъ лекцій, бралъ еще частные уроки изъ самыхъ различныхъ областей знанія. Его трудолюбіе и работоспособность Радищевъ отмѣчаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одно время Ушаковъ увлекался математикой, которая привлекла его своей дисциплинирующей мышленіе точностью,—усердно штудировалъ латинскихъ классиковъ, изъ которыхъ его прельщали «Цицеронъ, гремѣющій противъ Катилины, и колкій Сатирикъ, не щадящій Нерона» ²⁾. Читаніемъ книгъ онъ восполнялъ пробѣлы университетскаго преподаванія и, сопоставляя прочтенное въ книгахъ съ лекціями профессоровъ, «онъ старался», по выраженію Радищева, «отыскать истину въ средѣ оныхъ» ³⁾. Послѣ его смерти Радищевъ нашелъ въ его бумагахъ выписки изъ многихъ книгъ, доказывавшія, что Ушаковъ «располагалъ свое чтеніе со вниманіемъ» ⁴⁾. Въ своихъ занятіяхъ онъ пользовался и непосредственнымъ руководствомъ профессоровъ: знаменитый Геллертъ дѣлалъ ему указанія относительно его сочиненій ⁵⁾ и называлъ его своимъ любимымъ ученикомъ. Ушаковъ, какъ увидимъ ниже, былъ успѣшнымъ ученикомъ проф. уголовного права Гоммеля и подъ его руководствомъ изучалъ трактатъ Беккаріи. Радищевъ, который, несомнѣнно, вынесъ изъ пребыванія заграницей больше, чѣмъ другіе его товарищи, удивляется той усидчивости и энергіи, съ которой Ушаковъ, при всей неблагоприятной внѣшней обстановкѣ и условіяхъ его жизни, работалъ надъ самообразованіемъ сверхъ положенныхъ обязательныхъ занятій. Но несомнѣнно также, что

Въ 1768 г., послѣ тяжелой болѣзни онъ предпринялъ заграничн. поѣздку въ сопровожденіи брата Ѳ. Григ. (Русск. біогр. словарь. Изд. Р. Ист. Об-ва). Черезъ Берлинъ и Вѣну онъ отправился въ Италію и проѣздомъ черезъ Лейпцигъ пробылъ тамъ нѣск. дней. Среди тов. Радищева былъ его двоюродный братъ В. Н. Зиновьевъ. (Р. Арх. 1870 стр. 939.).

¹⁾ Сборн. «XVIII вѣкъ» кн. II, стр. 347.

²⁾ Соч. Р-ва, I, стр. 38. ³⁾ I, 37. ⁴⁾ I, 41.

⁵⁾ I, 39.

при томъ вліянні, которымъ пользовался Ушаковъ на нѣкоторыхъ близкихъ ему товарищей, въ томъ числѣ на Радищева и Кутузова, его занятія и чтеніе не проходили для нихъ безслѣдно. Литературные опыты Ушакова, конечно, были имъ извѣстны, обсуждались и пробуждали мысли и желаніе самимъ ознакомиться съ книгами, трактующими о тѣхъ же вопросахъ. Поэтому-то литературныя упражненія Ушакова, такъ счастливо сохраненныя его восторженнымъ почитателемъ—Радищевымъ,—представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики внутренней жизни кружка. Къ сожалѣнію, въ нихъ не отразились политическія теоріи, съ которыми знакомились молодые дворяне, и которыя такъ привлекали къ себѣ вниманіе Радищева. Ушаковъ, повидимому, жилъ болѣе въ кругу философскихъ интересовъ, нежели политическихъ. Эти философскіе интересы и вліянія, которыя испыталъ лейпцигскій кружокъ, могутъ быть установлены довольно опредѣленно. Самъ Радищевъ даетъ нить къ пониманію настроенія кружка. «Человѣкъ», говоритъ онъ, «достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи, внѣ зримой окрugi лежащія, возносится на крыліяхъ воображенія за предѣлы естественности и нерѣдко теряется въ неосязаемомъ», иначе говоря: «всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ метафизику» ¹⁾.

Это было характернымъ для перваго періода ихъ лейпцигской жизни. Изъ своей домашней обстановки или оторванные отъ услуженія при дворѣ, съ самыми смутными понятіями, они попали въ атмосферу, давшую почву этому, по словамъ Радищева, естественному для молодого ума увлеченію метафизикой. Лекціи по философіи, между прочимъ, читалъ ставшій извѣстнымъ впослѣдствіи Эрнестъ Платнеръ,—тогда еще молодой ученый, окончившій лишь въ 1766 г. лейпцигскій университетъ и въ 1767 г. получившій первую ученую степень доктора медицины ²⁾. Его философскіе взгляды того времени были близки къ идеямъ Лейбница, которыя въ переработанномъ видѣ были господствовавшей системой въ ученыхъ университетскихъ кругахъ ³⁾. Самъ Платнеръ изъ наукъ теоретической философіи, считалъ наиважнѣйшей метафизику ⁴⁾. И въ позднѣйшихъ лек-

¹⁾ I, 21.

²⁾ См. біографич. замѣтку о Платнерѣ у Е. Боброва: «Философія въ Россіи. Матеріалы и изслѣдов. Казань. 1900, стр. 369—370.

³⁾ П. Миллюковъ. Очерки по истор. русск. культуры. ч. III, стр. 379.

⁴⁾ Е. Бобровъ. Философія въ Россіи, стр. 372. Здѣсь Бобровъ цитируетъ Dessoir'a—Geschichte der neueren deutschen Psychologie, 1897 г., I. Halbband. p. 225.

ціяхъ (конецъ 80-хъ годовъ), которыя сохранились въ современныхъ записяхъ и въ передачѣ случайнаго слушателя ихъ, Карамзина, видно то же увлеченіе сокровенной сущностью вещей, противопоставляемой частнымъ, отдѣльнымъ явленіямъ физическаго и духовнаго міра. «Геній не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго, кромѣ натуры и человѣка въ цѣломъ. Итакъ философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова есть его наука. Онъ можетъ иногда занимать и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей, всегда въ связи съ сею. Онъ имѣетъ особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ; и потому часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ»¹⁾. Такъ говорилъ популярный профессоръ въ 1789 г., т.-е. тогда, когда уже начинало сказываться въ философскихъ воззрѣніяхъ Платнера вліяніе Канта; и то уваженіе къ метафизикѣ, съ которымъ сказаны цитированныя слова, было, конечно, еще сильнѣе въ первые годы его ученой дѣятельности. Вліяніе этой стороны платнеровыхъ воззрѣній на русскихъ студентовъ или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ, было велико. Л. Майковъ, издавшій «Путешествіе по сѣверу Россіи» П. И. Челищева, посланнаго вмѣстѣ съ Радищевымъ въ Лейпцигъ, говоритъ, что вліяніе Платнера на Челищева не подлежитъ сомнѣнію и доказывается многими страницами его дневника²⁾. Но особенно вліяніе Платнера испыталъ Радищевъ. Когда увлеченіе метафизикой немного остыло, Радищевъ занялся подъ руководствомъ того же Платнера медициной. Двадцать лѣтъ спустя, въ разговорѣ съ Карамзинымъ Платнеръ вспоминалъ, какъ своихъ лучшихъ учениковъ, Радищева и Кутузова³⁾. Дѣйствительно, рѣчи Платнера могли привлекать къ себѣ вниманіе слушателей и оставлять въ ихъ душѣ глубокіе слѣды. Это былъ свѣтлый умъ, и лекціи его, богатая глубокими мыслями, всегда ратовали за сближеніе научныхъ вопросовъ съ жизненными требованіями. Платнеръ былъ горячимъ поклонникомъ не сухой науки ради науки, но дѣйствительной науки ради жизни, окружающей человѣка; такая наука ведетъ человѣчество къ умственному и нравственному совершенствованію. Лекціи Платнера были образчикомъ такой науки. Съ большимъ одушевленіемъ и подъемомъ затрагиваетъ Платнеръ вопросы соціальнаго характера о несо-

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Истор. Росс. Акад., т. VI, стр. 19. Эта записка Карамзина подтверждается и современными записями лекцій Платнера, изданнымъ уже послѣ его смерти. (Тамъ же, стр. 20).

²⁾ П. Челищевъ. Путешествіе по сѣверу Россіи. Спб. 1886 г., стр. VII.

³⁾ Письма русск. путешественника. Московск. Журналъ 1791 г., ч. III. кн. I, июль, стр. 46—47.

вершенствѣ законовъ, ведущихъ къ нищетѣ, о черствости сердецъ правящихъ классовъ, о стремленіяхъ сохранять народъ въ невѣжествѣ ¹⁾. И эти слова, вѣроятно, сильнѣе всего запечатлѣвались въ юныхъ умахъ.

Увлеченіе метафизикой знаменовало собою первый періодъ въ философскихъ занятіяхъ лейпцигскаго кружка. Уже послѣ книги Гельвеція они отвернулись отъ метафизики. Этотъ толчокъ въ направленіи эмпиризма былъ данъ тѣмъ Θ ., который обратилъ вниманіе Ушакова на Гельвеція. Называя себя воспитанникомъ Θ ., Ушаковъ признается въ письмѣ къ нему: «Вы вселили въ меня отвращеніе непреборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ, и мерзеніе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего я отягощалъ память мою» ²⁾. Указаніе на этотъ переломъ въ философскихъ симпатіяхъ находимъ и въ небольшомъ размышленіи Ушакова о любви. «Нравовучители», говоритъ онъ здѣсь, «углубяся въ отдѣленнѣйшую (отвлеченную) метафизику, доказываютъ весьма велегласными словами, что все несходствующее съ совершеннѣйшею совершенностію (которую не объясняютъ) и съ существеннымъ порядкомъ вещей, котораго не знаютъ, есть противудобродѣтель, порокъ и зло». Ушаковъ же, отступая отъ абстрактнаго понятія, предлагаетъ наблюдать только «дѣйствительныя отношенія» ³⁾. Въ этомъ же размышленіи интересны и этические взгляды Ушакова. Онъ эвдемонистъ. «Назовемъ добродѣтельскъ», говоритъ онъ, «то, что удовольствіе и благосостояніе всѣхъ (а какъ сіе невозможно) по крайней мѣрѣ многихъ людей содѣлываетъ»; и, рассматривая въ свѣтѣ этики любовь, онъ задается вопросомъ «полезна ли она, или вредна» ⁴⁾. Эвдемонистическіе взгляды могли быть навѣяны и лекціями Платнера, который держался ихъ въ своей этикѣ ⁵⁾, а еще больше французскими философами эпохи просвѣщенія, хотя бы тѣмъ же Гельвеціемъ.

Гельвецій, дѣйствительно, оставилъ глубокій слѣдъ въ философскихъ взглядахъ кружка. Правъ былъ Радищевъ, когда говорилъ, что по трактату «О Разумѣ» они учились мыслить. Письма Ушакова о книгѣ Гельвеція подтверждаютъ это. Письма эти должны были излагать «цѣль мыслей сочинителя»; но Уша-

¹⁾ См. у Сухомлинова, Ист. Росс. Акад., VI, 17—18. Характеристику Платнера Сухомл. здѣсь дѣлаетъ по: *Denkmäler verdienstvoller Deutscher des XVIII—ten und XIX Jahr. Leipzig. 1829, Bd. III, 57—76.*

²⁾ Сб. «XVIII вѣкъ», стр. 347. Письмо первое «О Разумѣ». ³⁾ Тамъ же, стр. 344. «О любви».

⁴⁾ Сб. «XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 344.

⁵⁾ Е. Бобровъ. Философія въ Россіи, III, 372.

ковъ не только конспектируетъ прочтенную книгу, онъ и критикуетъ взгляды Гельвеція. Критика не пошла дальше первой главы, но характеръ ея достаточно опредѣляется и по пяти сохранившимся письмамъ, которыя вполне обнаруживаютъ источникъ этой критики. Какъ показалъ П. Н. Миллюковъ, авторъ писемъ опирался на учебникъ голландскаго математика и философа с'Травесанда ¹⁾. Въмѣсто конспекта книги, получились скорѣе размышленія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ первой главы трактата Гельвеція. Второе письмо, напимѣръ, представляетъ собой такое размышленіе по поводу одного только опредѣленія разума, даннаго Гельвеціемъ въ самомъ началѣ книги: «разумъ—есть способность мыслить». Точно также и въ слѣдующемъ письмѣ говорится, въ зависимости съ первой главой «De l'esprit»,—о взаимодѣйствіи вещей или тѣлъ, и о причинѣ ихъ движенія. Ушаковъ возвращается къ изложенію содержанія книги въ письмѣ четвертомъ и, приведя нѣсколько мыслей, полемизируетъ съ Гельвеціемъ. Гельвецій указываетъ двѣ «причины, производящія нашъ разумъ»—«тѣлесную чувствительность», принимающую «ударенія внѣшнихъ предметовъ» и память, хранящую «сдѣланное на чувства удареніе». Обѣ эти способности онъ называетъ «страдательными силами» (*puissances passives*) ²⁾. Расхожденіе Ушакова съ трактатомъ обнаруживается по поводу взгляда Гельвеція на память, какъ на «одно изъ орудій тѣлесной чувствительности и чувствованіе продолженное, но ослабѣвшее» ³⁾. Гельвецій доказываетъ это тѣмъ соображеніемъ, что «когда воспоминается какой-либо образъ», то «внутренніе органы находятся почти точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были» при соотвѣтствующемъ воспріятіи. Это «положеніе органовъ производитъ чувствованіе. Слѣдовательно, вспоминать есть чувствовать» ⁴⁾. Разобравъ этотъ доводъ Ушаковъ доказываетъ его неосновательность ⁵⁾. Онъ отдѣляетъ память отъ чувствованія и указываетъ на то, что «истинный источникъ памяти отъ насъ скрытъ совершенно». Память, ко-

¹⁾ Очерки по ист. русск. культуры, ч. III, 379—380.

²⁾ *De l'esprit*, par Helvétius. Paris 1822. Tome I, p. 2.

³⁾ «XVIII вѣкъ», II, 351.—Helvétius, I, p. 13.: «la mémoire n'est autre chose qu'une sensation continuelle, mais affaiblie».

⁴⁾ «XVIII вѣкъ», II, 351.—Helvétius, I, p. 14.

⁵⁾ «Если бы при воспоминаніи внутренніе мои органы были въ таковомъ же положеніи, какъ при удареніи предметовъ на чувства, то не имѣя ничего передъ глазами, я видѣлъ бы солнце... Говоря, что память ни иное что есть, какъ чувствованіе продолженное, но ослабшее,—все присвоимъ чувствительности, но чувствительность производится движеніемъ нервовъ. Сіе движеніе можетъ умножиться и уменьшиться по мѣрѣ ударенія сильнаго или слабаго всѣхъ частей предмета; слѣдовало бы, что, когда воспоминаю о солнцѣ, то же бы было, что я вижу луну, коея свѣтъ 200.000 разъ слабѣе свѣта солнечнаго» (стр. 532).

нечно, связана съ вещами, но «возобновленіе понятій есть собственное дѣйствіе души» ¹⁾. Роль психики активна и не ограничивается одними страдательными воспріятіями, отъ которыхъ воспоминаніе отличается такъ же, какъ идея предмета отличается отъ самаго предмета. Эти возраженія сдѣланы по с'Травесанду. Мы видимъ, что они кореннымъ образомъ расходятся съ Гельвеціемъ и въ его крайній сенсуализмъ вносятъ существенныя поправки; его мыслямъ Ушаковъ противопоставляетъ такія, которыя совершенно измѣняютъ основныя положенія Гельвеціева трактата, напримѣръ, опредѣленіе памяти. Точно такъ же и въ другомъ мѣстѣ, характерномъ для сенсуализма Гельвеція, Ушаковъ подставляетъ свое, противоположное пониманіе: Гельвецій утверждаетъ, что и «судить (=высказывать сужденія)—то же, что чувствовать; сила сужденія есть тѣлесная чувствительность» ²⁾. Ушаковъ возражаетъ, что если сужденіе есть тоже воспріятіе, а душа—сущность пассивная, то не возможно ни сравненіе, ни вообще логическая обработка доставленнаго чувствами матеріала, ни единство ощущенія, получаемого при помощи пяти внѣшнихъ чувствъ.

Такъ русскіе студенты учились мыслить по Гельвецію. На примѣрѣ Ушакова мы видимъ, что это не означало полного подчиненія французскому философу. Философскія идеи, которыя имъ внушались на лекціяхъ и въ рекомендованныхъ профессорами учебникахъ, позволяли имъ критически отнестись къ крайностямъ философскаго сенсуализма, представителемъ котораго былъ Гельвецій ³⁾.

Лекціи Платнера, учебная литература, французскіе писатели—таковы были философскія вліянія, испытанныя молодыми умами въ очагѣ европейской культуры и образованности.

Къ сожалѣнію, для обрисовки ихъ политическихъ симпатій мы имѣемъ значительно меньше прямыхъ свидѣтельствъ, чѣмъ для такой же цѣли въ области философіи. Радищевъ сохранилъ намъ работу Ушакова о правѣ наказаній и о смертной казни⁴⁾. Но и въ ней, благодаря преобладанію элемента абстрактнаго, философскаго, намъ удается замѣтить только требованія вольности и гуманности

¹⁾ «XVIII в.», II, 353.

²⁾ «XVIII вѣкъ», II, 353.—Helvétius, I, 17. «Juger n'est que sentir».

³⁾ Характерно, что этого крайняго философа рекомендуетъ юношамъ какой-то знатный вельможа (быть можетъ, А. Г. Орловъ), ставящій эту книгу выше всѣхъ другихъ. Извѣстно, какіе знатные цѣнители были у Гельвеція въ Россіи. Даже самый рѣзкій трудъ его «De l'homme» появился въ свѣтъ послѣ смерти автора, благодаря стараніямъ двухъ князей Голицыныхъ. («Русск. Вѣстн. 1876, т. 123, май, стр. 285—302.—А. Рачинскій. «Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣка»).

⁴⁾ Сб. «XVIII вѣкъ», II, 330 — 343. «Размышленіе о правѣ наказанія и о смертной казни».

въ государственномъ обиходѣ. Это разсужденіе было ученическою работою Ушакова, которую всѣ русскіе студенты должны были представить для обнаруженія своихъ знаній послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ (т.-е. въ 1770 г.). Работа эта была представлена, вѣроятно, профессору уголовного права Гоммелю, знаменитости лейпцигскаго университета, горячему поклоннику и защитнику идей Беккаріи. Знаменитая книга послѣдняго еще только успѣла облетѣть весь цивилизованный міръ, но еще не могла оставить своихъ слѣдовъ въ психикѣ общества, гдѣ царили подчасъ противоположные ея идеямъ взгляды и убѣжденія.

Въ 1765 г. трактатъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, и идеи его развивались въ лекціяхъ Гоммеля, съ именемъ котораго связана отъѣна пытки въ Саксоніи ¹⁾.

Гоммелю, вѣроятно, принадлежитъ выборъ темы и источника для работы Ушакова о правѣ наказанія. Она представляетъ собой разысканіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) «На чемъ основано право наказанія? 2) Кому оно принадлежитъ? 3) Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ государствѣ?»²⁾. Это «разысканіе»—не что иное, какъ рефератъ двухъ параграфовъ трактата Беккаріи: § 2. «О причинахъ и правѣ наказаній» и § 16. «О смертной казни». Даже постановка вопроса о смертной казни взята у Беккаріи ³⁾. У Беккаріи же Ушаковъ взялъ и многія опредѣленія, цѣлыя фразы и выраженія. Общія же положенія трактата были извѣстны ему, конечно, еще по лекціямъ проф. Гоммеля; но, несомнѣнно, что въ рукахъ Ушакова былъ и самый трактатъ Беккаріи. Ушаковъ нигдѣ не дѣлаетъ ссылокъ на Беккарію, упоминая только одинъ разъ, и то вскользь, о «мнѣніи самого творца книги о преступленіяхъ и наказаніяхъ» ⁴⁾; но связь «разысканія» съ двумя главами трактата настолько близка, что нѣкоторыя мѣста являются какъ бы цитатами изъ Беккаріи. Впрочемъ, первые два вопроса рѣшаются ближе къ французской философіи, чѣмъ къ трактату италіянскаго мыслителя. Здѣсь Ушаковъ даже полемизируетъ съ Беккаріей, опять-таки не называя его имени, и обнаруживаетъ близкое знакомство съ писателями-теоретиками естественнаго права. Онъ вполне усваиваетъ и методъ ихъ изслѣдованій: какъ они во всѣхъ своихъ

¹⁾ Въ 1766 г. появился переводъ на франц. языкъ Morellet'a, а въ 1767 году трактатъ послужилъ основаніемъ для X главы Наказа Екат. II.

²⁾ «XVIII вѣкъ», стр. 330.

³⁾ «Дѣйствительно ли полезна и необходима смертная казнь для безопасности и охраненія порядка въ обществѣ?»—Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ гл. X Наказа Екатерины II. и съ современными русскими законами. С. Зарудный. Спб. 1879, стр. 10.

⁴⁾ «XVIII вѣкъ», II, стр. 338.

трудахъ, Ушаковъ беретъ за отправной пунктъ—положеніе человека въ естественномъ состояніи. Начиналъ ли Руссо свое изслѣдованіе о происхожденіи неравенства или Мабли о правахъ и обязанностяхъ,—они прежде всего обращались къ этому измышленному XVII—XVIII вѣками «естественному человеку»; отсюда отправлялась дальнѣйшая оцѣнка и изслѣдованіе вопроса уже примѣнительно къ человеку—члену общества. Ушаковъ въ своемъ разысканіи упоминаетъ имена Гельвеція, Руссо, и ясно, что продолжительное чтеніе предшествовало этой студенческой работѣ. Въ «разысканіи» онъ тоже начинаетъ съ «первенственнаго состоянія человека, состоянія равенства и независимости», когда человекъ является «самовластнымъ судьей своихъ опредѣленій» ¹⁾. Согласно теоріи эгоизма, которую Ушаковъ принимаетъ, онъ утверждаетъ, что «любовь самого себя или своего благосостоянія есть основаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній». Отсюда вытекаетъ право на самозащиту,—право «нераздѣльное отъ человека». На стремленіи же къ самосохраненію и на «несовершенствѣ человека» ²⁾ основывается образованіе обществъ. Въ обществахъ каждый «подвергался верховному вожденію Государя и мѣнялъ свою природную свободу, силами каждаго ограниченную, на свободу гражданскую, въ житіи по законамъ состоящую» ³⁾. Но такъ какъ никто не можетъ отнять у человека его первобытную свободу, то «учрежденіе обществъ предполагаетъ всегда дѣйствительное или безмолвное согласіе» ⁴⁾. Здѣсь Ушаковъ подчеркиваетъ свое расхожденіе во взглядахъ «съ иными, которые о семъ (т.-е. о наличности согласія) сомнѣваются, почитая народъ собраніемъ единственниковъ». Взглядъ, на который Ушаковъ намекаетъ, мы находимъ именно у Беккаріи ⁵⁾ и, слѣдовательно, возражая «инымъ», здѣсь Ушаковъ возражаетъ Беккаріи, исходя, конечно, изъ тѣхъ картины возникновенія обществъ по безмолвному согласію, которую Руссо далъ въ своемъ «Contrat-social». Общество, въ представленіи Ушакова, не «собраніе единственниковъ», не совокупность «независимыхъ и одинокихъ личностей», а живой организмъ, или «нравственная

¹⁾ «XVIII вѣкъ», II, 330.

²⁾ «Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человечества къ самовластію, непрестанная боязнь, да не подвергнется насиліямъ могущественнѣйшихъ». («XVIII вѣкъ», II, 331).

³⁾ «XVIII вѣкъ», II, 331. Ср. у Монтескье опредѣленіе свободы: «Свобода есть право дѣлать все, что дозволено законами». (Esprit de lois. ч. II, кн. XI, гл. 3.)

⁴⁾ «XVIII вѣкъ», II, 332.

⁵⁾ «Независимыя и одинокія личности, утомленныя постоянной взаимной борьбою и пользованіемъ свободою, оказавшеяся безплодною, вслѣдствіе шаткости ея сохраненія, соединились въ общества». Беккарія, стр. 12—13.

особа», какъ онъ выражается, заимствуя этотъ терминъ у Руссо ¹⁾. Это первое разногласіе съ Беккаріей послѣдовательно приводитъ Ушакова къ различію въ пониманіи того, какъ возникъ институтъ наказаній. Для Ушакова, согласно теоріи договора, наказанія, какъ неизбѣжное и необходимое слѣдствіе возникновенія общества, естественно учреждаются на почвѣ согласія всѣхъ членовъ общества, «ибо кто желаетъ цѣли, тотъ желаетъ и средства» ²⁾. Беккарія же и здѣсь не допускаетъ взаимнаго согласія: установленіе наказаній, точно такъ же, какъ и образованіе обществъ, онъ объясняетъ неизбѣжной необходимостью, а не безмолвнымъ договоромъ или предварительнымъ согласіемъ ³⁾.

Зато по вопросу о смертной казни Ушаковъ находится вполне подъ вліяніемъ Беккаріи, цѣликомъ перенося въ свою работу мысли знаменитаго трактата. Согласно съ Беккаріей онъ отмѣчаетъ противорѣчія, вытекающія изъ существа смертной казни ⁴⁾. Переходя на практическую точку зрѣнія Ушаковъ, по трактату Беккаріи, указываетъ на то, что смертная казнь не достигаетъ

¹⁾ «L'état ou la cité n'est qu'une personne morale». — Rousseau. «Du contrat social». Bibliothèque nationale. Paris 1908, p. 46. — Ушаковъ вторично употребляетъ этотъ терминъ на стр. 334 (Сб. «XVIII вѣкъ»).

²⁾ Последняя фраза есть также выраженіе Руссо: «Qui veut la fin veut aussi les moyens». «Contrat social», p. 59.

³⁾ «Никто не пожертвуетъ безвозмездно части своей свободы въ виду общественнаго блага: если бы только возможно, то каждый человѣкъ желалъ бы, чтобы условія, связывающія другихъ, не связывали бы его самого». Беккарія, 14. — На это Ушаковъ дѣлаетъ два возраженія: 1) «вступая въ общество, никто не мнитъ, что будетъ нарушитель закона, а тѣмъ общественный злодѣй» и 2) — «всякій властенъ подвергнуть опасности не только часть своихъ правъ, но и самую жизнь для своего сохраненія» («XVIII вѣкъ», 332).

⁴⁾ Беккарія, 78.

«Если важно показывать сколько можно чаще могущество закона, то смертная казнь должна примѣняться чаще, чрезъ небольшіе промежутки времени, но для этого необходимо, чтобы и преступленія совершались чаще: значить для того, чтобы это наказаніе было полезно, необходимо, чтобы оно увеличивало число преступленій, т. е. чтобы оно было и полезно, и вредно въ одно и то же время».

Жестокость наказаній влечетъ за собою два гибельныхъ послѣдствія, «противныхъ самой цѣли предупрежденія преступленій: 1) очень трудно сохранить существенную соразмѣрность между преступленіемъ и наказаніемъ; 2) — самая безнаказанность есть послѣдствіе жестокости казней».

Развитіе этихъ мыслей у Ушакова очень сходно съ развитіемъ ихъ у Беккаріи.

Ушаковъ: «XVIII вѣкъ», II, 336—337. «Дабы смертная казнь производила свое дѣйствіе, нужно, чтобы преступленія были всечасны; ибо каждое примѣрное наказаніе предполагаетъ вновь сдѣланное преступленіе; желать сего есть то же, что хотѣть, чтобы самая та же вещь была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время. Слѣдовательно желать противорѣчія».

Уже самая жестокость казни, по мнѣнію Ушакова, способствуетъ безнаказанности преступленія, ибо надежда укрыться отъ нея умалываетъ ея дѣйствіе. Второе послѣдствіе — то, что «частымъ повтореніемъ избраннѣйшая казнь теряетъ свое дѣйствіе и становится, наконецъ, бесплодною; какъ же соразмѣрнить наказаніе преступленію?»

своей цѣли: ея эффектъ хоть наисильнѣйшій, но, чѣмъ сильнѣе, «тѣмъ кратче бываетъ». Съ этой точки зрѣнія Беккарія, а за нимъ Ушаковъ, предлагаютъ смертную казнь замѣнить вѣчной неволей ¹⁾.

Беккарія является безусловнымъ пртивникомъ смертной казни въ обычной, повседневной практикѣ государства. Онъ допускаетъ ее только тогда, когда преступникъ, даже лишенный свободы, угрожаетъ безопасностью для государства или переворотомъ установленнаго образа правленія ²⁾. Точно также и Ушаковъ допускаетъ возможность «казнить смертію для примѣра», но только того, «кого безъ опасности сохранить невозможно» ³⁾. Эти слова Ушакова совпадаютъ со словами Руссо: «On n'a droit de faire mourir, même pour l'exemple, que celui qu'on ne peut conserver sans danger» ⁴⁾. Въ вопросѣ о смертной казни Ушаковъ пошелъ, какъ видимъ, за Беккаріей и Руссо, не согласившись съ Монтескье, который считалъ смертную казнь допустимой и законной ⁵⁾.

Изъ этой работы Ушакова ясно, что Беккарія не могъ остаться неизвѣстнымъ лейпцигскому кружку и Радищеву въ томъ числѣ. Мы видимъ, что Ушаковъ былъ знакомъ съ Руссо, по крайнемѣрѣ, съ «Contrat social». Его товарищи тоже, конечно, увлекались этимъ оригинальнымъ мыслителемъ. Изъ всѣхъ книжныхъ вліяній тѣхъ лѣтъ, вліяніе Руссо было однимъ изъ самыхъ значительныхъ. Это видно на примѣрѣ Радищева, который въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя хорошимъ ученикомъ Руссо. Радищевъ, впрочемъ, родясь «съ чувствительной душой»,

¹⁾ Беккарія:

«... не взирая на всю силу впечатлѣнія смертной казни, оно забывается скоро» (стр. 76.).

«Замѣнивъ смертную казнь вѣчною неволею, мы сдѣлаемъ это наказаніе достаточно строгимъ для того, чтобы отклонить отъ преступленія всякаго рѣшительнаго человека». (Стр. 77).

«Гому, кто скажетъ, что вѣчная неволя столь же тяжелое наказаніе, какъ и смерть, и слѣдовательно, оба наказанія одинаково жестоки, я замѣчу, что слагая всѣ злосчастныя минуты неволи, это наказаніе еще сильнѣе смертной казни... но оно устрашаетъ больше того, кто видитъ, нежели того, кто чувствуетъ» (стр. 78).

²⁾ Беккарія, 74.

³⁾ Сб. «XVIII вѣкъ», II, 339.

⁴⁾ «Contrat social», p. 53.

⁵⁾ «Esprit de lois». Часть I, кн. VI, гл. IX.

Ушаковъ: Сб. «XVIII вѣкъ».

Смертная казнь производитъ «впечатлѣнія наисильнѣйшія... чѣмъ пораженіе сильнѣе, тѣмъ кратче оно бываетъ» (стр. 341).

Вѣчная неволя создаетъ впечатлѣнія какъ разъ обратныя—длительныя и потому болѣе цѣлесообразныя. «Дѣйствіе наказанія вѣчныя неволи достаточно для отъращенія (отъ) преступленія наивѣжливѣйшую душу» (стр. 342). Согласно съ Беккаріей Ушаковъ ставитъ вопросъ: «вѣчная неволя не жесточѣе ли сама смерти?» и рѣшаетъ его такъ: «конечно жесточѣе въ глазахъ общества, но не терпящагося», который утѣшается отсутствіемъ страданій, «злѣе тѣхъ, кои онъ ощущаетъ» (стр. 342).

быть можетъ, былъ болѣе способенъ воспринять проповѣдь «свободнаго чувства», чѣмъ другіе. Безусловное вліяніе Руссо, запечатлѣнное въ «Путешествіи», восходитъ, несомнѣнно, къ первому знакомству съ Руссо въ лейпцигскіе годы, такъ какъ при изученіи естественнаго права имя Руссо упоминалось, конечно, часто. Чеканныя сентенціи, парадоксальныя мысли и сила убѣжденія, съ какой произносились страстныя проповѣди Руссо, создавали ему широкую популярность и славу въ эпоху предреволюціоннаго броженія Западной Европы. Знаменитые афоризмы о рабствѣ и собственности, которыми Руссо начинаетъ свой «Contrat social» или 2-ю часть трактата о неравенствѣ ¹⁾, дѣйствительно, по своей чеканной формѣ, мѣткости и силѣ убѣжденія, съ которой они сказаны, легко проникали въ сознаніе и удерживались въ памяти. Трактаты Руссо, конечно, были необходимымъ и интереснымъ чтеніемъ при занятіяхъ естественнымъ и гражданскимъ правомъ, которому русскіе студенты обучались въ теченіе 1767—1769 года. По лекціямъ и книгамъ Радищевъ усвоилъ вполне теорію естественнаго права. Прѣтвopoставленіе челоvѣка въ естественномъ состояніи челоvѣку, какъ члену гражданскаго общества, приходитъ ему въ голову не разъ за то время, когда онъ пишетъ свое «Путешествіе». Въ главѣ «Хотилово» есть воспоминаніе автобіографическаго характера. «Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ преподавали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ челоvѣковъ, мысленно внѣ общества, пріавшихъ одинаковое отъ природы сложеніе, и потому имѣющихъ одинаковыя отъ природы права, слѣдственно равныхъ во всемъ между собою, и единыя другимъ неподвластныхъ. Право гражданское показало вамъ челоvѣковъ, промѣнявшихъ безпредѣльную свободу на мирное оныя употребленіе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлъ и правило дѣяніямъ своимъ,—то всѣ равны отъ чрева материя въ природной свободѣ, равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно, и тутъ одинъ другому не подвластенъ. Но какое было побужденіе вступати въ общество, и полагати произвольныя предѣлы дѣяніямъ. Разсудокъ скажетъ,—собственное благо, сердце скажетъ,—собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскій скажетъ,—собственное благо» ²⁾).

¹⁾ «L'homme est né libre et partout il est dans les fers» (p. 16). «Les esclaves perdent tout dans leurs fers, jusqu'au désir d'en sortir» (p. 18).—«Contrat social».

«Le premier qui, ayant enclos un terrain s'avisa de dire: Ceci est à moi, et trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile».—«De l'inégalité», p. 84.

²⁾ «Собр. сочин. Р-ва», подъ ред. А. Бороздина; т. I, стр. 147—148.

Такое доказательство свободы человѣка въ гражданскомъ состояніи есть несомнѣнное воспоминаніе изъ временъ студенческихъ занятій и чтеній. Оно запечатлѣлось у Радищева еще въ годы ученія послѣ знакомства съ трактатомъ Руссо или другого какого-нибудь мыслителя XVIII вѣка, и затѣмъ перешло въ твердое и продуманное убѣжденіе нашего писателя. Въ той сжатой формѣ, въ которой только что процитирована мысль о естественномъ правѣ, она могла быть взята Радищевымъ и у Мабли ¹⁾, и у другихъ слѣдовавшихъ за Руссо философовъ. Знакомство съ Мабли внесло новую струю въ настроеніе и политическіе взгляды лейпцигскаго кружка. Абстрактные, скорѣе философскіе, нежели политическія теоріи Руссо были особенно привлекательны въ первые годы, когда естественное право имѣло характеръ какого-то откровенія для молодыхъ пажей и дворянъ. Въ слѣдующіе годы Руссо казался уже слишкомъ отвлеченнымъ, — молодые умы искали философа, ближе стоящаго къ дѣйствительности. То предреволюціонное настроеніе, которое уже висѣло надъ Франціей и, отражаясь въ книгахъ, разбрасывало свой «заквасъ» по всей Европѣ — то состояніе недовольства и протеста, въ которое поставилъ нашихъ студентовъ ихъ корыстный и неумѣлый воспитатель ²⁾, все это нашло среди писателей-политиковъ своего выразителя и наставника. Это былъ Мабли.

Въ 1769 г., передъ началомъ курса проф. Бёме, Радищевъ и его товарищи заявили, что они предпочитаютъ этому курсу чтеніе книги Мабли: «*Droit public de l'Europe fondé sur les traités*», будучи заранѣе увѣрены, что образцовое, по мнѣнію всего свѣта, произведеніе Мабли заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи» ³⁾. Эта книга Мабли, которая отвлекла студентовъ отъ профессорскихъ лекцій, представляла собою извлеченія изъ главныхъ международныхъ трактатовъ за сто лѣтъ (1648—1748). Одною изъ самыхъ интересныхъ ея частей была та, въ которой заключались коммерческіе договоры: Мабли служилъ тогда у кардинала, завѣдывавшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV. Сочиненіе это, написанное какъ для государственныхъ дѣятелей,

¹⁾ «*Des droits et devoirs de citoyens*» — «*Bibliothèque nationale*» — № 57. Paris 1908. p. 8. Мысли объ естественномъ состояніи человѣка и о возникновеніи обществъ начинаются фразой: «*Je crois que les hommes sont sortis des mains de la nature parfaitement égaux, par consequent sans droits les uns sur les autres, et parfaitement libre*».

²⁾ Студенческія волненія русской молодежи очень помогали ей понимать предреволюціонное настроеніе Парижа (П. Милоковъ. *Очерки по ист. русск. культуры*, ч. III, 385). Позже, составляя «*Житіе Ушакова*», Радищевъ проводилъ параллель между событіями французской революціи и студенч. волненіями, въ которыхъ принималъ участіе.

³⁾ М. И. Сухомлиновъ. А. Н. Радищевъ, стр. 10.

такъ и для простыхъ гражданъ, имѣло большой успѣхъ и выдвинуло автора въ рядъ первыхъ публицистовъ Европы. Оно выдержало нѣсколько изданій, нѣсколько разъ было переведено, а въ англійскихъ университетахъ его читали и толковали на лекціяхъ ¹⁾. Въ этомъ трактатѣ точно такъ же, какъ и въ другихъ раннихъ произведеніяхъ аббата Мабли, еще нѣтъ того революціоннаго духа, который характеренъ для болѣе позднихъ его трудовъ. Съ этимъ произведеніемъ не связывается того опредѣленнаго направленія, которое обычно связано съ именемъ Мабли. Но и позднѣйшія произведенія не остались неизвѣстными для русскихъ студентовъ; по крайней мѣрѣ, Радищевъ хорошо зналъ и усвоилъ себѣ политическія идеи французскаго аббата, и когда черезъ годъ по приѣздѣ въ Россію (1773 г.) онъ переводилъ тоже одно изъ раннихъ размышленій Мабли, то въ примѣчаніяхъ къ переводу обнаружилъ знакомство и согласіе съ наиболѣе характерными идеями позднихъ произведеній Мабли. Это знакомство, конечно,—результатъ лейпцигскихъ чтеній, начатыхъ «образцовымъ, по мнѣнію всего свѣта», сводомъ дипломатическихъ трактатовъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе точныхъ указаній на прочтенныя въ Лейпцигѣ книги Мабли. Да и у Радищева, кромѣ перевода и примѣчаній къ нему, мы не найдемъ упоминанія ни одного заглавія, ни просто имени Мабли, въ связи съ какими-нибудь цитатами, такъ охотно дѣлаемыми Радищевымъ изъ многихъ авторовъ.

Во всякомъ случаѣ, боевыя произведенія Мабли были извѣстны хоть нѣкоторымъ изъ студентовъ. Мабли подошелъ какъ разъ ко времени. За извѣстіями о нараставшемъ революціонномъ настроеніи Франціи въ Германіи слѣдили съ интересомъ; и всеобщее броженіе окрашивало въ политическій цвѣтъ даже тѣ отношенія, въ которыя русскіе студенты стали съ Бокумомъ. Тѣ «представленія и просьбы», что они обращали къ своему воспитателю, напоминали имъ представленія, которыя дѣлалъ французскій парламентъ королю. Притѣсненія Бокума казались имъ притѣсненіями самодержавнаго владыки, а ихъ собственное положеніе—положеніемъ угнетаемаго народа ²⁾. Къ такой оцѣнкѣ всей этой борьбы съ Бокумомъ направляли ихъ, между прочимъ, теоріи государственнаго права, съ которыми они знакомились, читая Мабли. Ихъ прежніе авторитеты: Руссо, Монтескье, теряли привлекательность изъ-за своей отвлеченно-

¹⁾ Nouvelle Biographie générale, Paris 1860. vol. XXXII. p. 451. См. также у В. Герье. Французскій этикъ-соціалистъ XVIII вѣка. Русск. Мысль 1883. ноябр., стр. 221.

²⁾ «Житіе О. В. Ушакова».

сти и оппортюнизма ¹⁾. Мабли же привлекъ ихъ своею теоріею народнаго суверенитета, гдѣ народъ является источникомъ верховной власти и долженъ быть самъ своимъ законодателемъ: «какъ скоро законодательная власть предоставлена монарху или аристократіи, она неизбѣжно превращается въ орудіе личныхъ страстей и частныхъ выгодъ правителей» ²⁾. Мы увидимъ, что Радищевъ постоянно исходитъ изъ этой мысли Мабли при обрисовкѣ отношеній, установившихся между государемъ и подданными.

Для организаціи народнаго верховенства Мабли не требуетъ непосредственнаго народовластія, считая, что оно еще вреднѣе господства немногихъ или одного, ибо тогда—нѣтъ границъ произволу ³⁾. Эта идея проходитъ красной нитью черезъ все «Размышленіе» Мабли, переведенное Радищевымъ въ 1773 году.

Мабли требуетъ для организаціи народной власти форму представительства въ одной законодательной палатѣ ⁴⁾. Роль монарха сведена до минимума: онъ является лишь наслѣдственнымъ сановникомъ, лишеннымъ не только вліянія на законодательство, но даже и исполнительной власти. Онъ только первый гражданинъ въ обществѣ. Радищевъ принялъ это понятіе государя и отчетливо высказалъ его въ своемъ примѣчаніи къ переводу Мабли.

Вліяніе Мабли было послѣднимъ наслоеніемъ въ лейпцигскихъ увлеченіяхъ русскихъ студентовъ и опредѣленнѣе всего сказалось въ дальнѣйшей литературной дѣятельности Радищева.

Всѣ эти увлеченія философами и политиками,—тогдашними властителями умовъ,—не отвлекли далеко молодежь отъ ея университетскихъ занятій. И, несмотря на всѣ недоразумѣнія съ Бокумомъ, отнимавшія у нихъ и время, и энергію, лишавшія ихъ руководства,—они учились, въ общемъ, хорошо, и предпріятіе Екатерины въ смыслѣ пріобрѣтенія знаній нельзя считать неудавшимся. Правда, Екатерина не получила, какъ хотѣла, образованныхъ юристовъ: посланные ею дворяне по возвращеніи въ Россію, разбѣглись по различнымъ пріприщамъ и, можетъ быть, только двумъ-тремъ пришлось примѣнять пріобрѣтенныя познанія на службѣ. Во всякомъ случаѣ, пребываніе въ Лейпцигѣ дало имъ очень много. Такъ Радищевъ вернулся въ Россію вполне европейски-образованнымъ человѣкомъ. Козодавлевъ, одинъ изъ его младшихъ товарищей, въ письмѣ

¹⁾ Милюковъ. Очерки по ист. русск. культуры, ч. III, 385.

²⁾ В. Пановъ. Политическія идеи аббата Мабли.—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1911, июль, стр. 70.

³⁾ Тамъ же, 71. ⁴⁾ Тамъ же, 73.

къ фонъ-Тюммелю въ Готу говорилъ о своихъ лейпцигскихъ годахъ: «тамо, щедротою Ея Величества, пріобрѣлъ я все то, что (меня) сдѣлало способнымъ показывать службою ей мое всеподданнѣйшее усердіе и вѣчную за ея ко мнѣ милосердіе благодарность» ¹⁾.

Признанія учебныхъ успѣховъ шли и отъ профессоровъ, называвшихъ наиболѣе усердными и способными *Ө. Ушакова*, «а по немъ *Янова* и *Радищева*, которые превзошли чаяніе своихъ учителей» ²⁾. *Ушакова* и *Геллертъ*, какъ мы знаемъ, считалъ своимъ лучшимъ ученикомъ ³⁾. *Платнеръ* вспоминалъ о нихъ почти двадцать лѣтъ спустя. Эти отзывы, конечно, характеризуютъ только нѣсколькихъ выдававшихся изъ общей массы молодыхъ людей. О *Рубановскомъ*, напримѣръ, *Павель Радищевъ*, вѣроятно, со словъ отца, рассказываетъ, что онъ посвящалъ каждый день 14 часовъ на ученіе, но «оттого ни мало не успѣвалъ въ наукахъ» ⁴⁾. Въ Петербургъ доходили слухи и о плохихъ успѣхахъ русскихъ студентовъ. Отецъ *В. Зиновьева* въ одномъ изъ писемъ къ сыну въ Лейпцигъ писалъ: «слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ пріобрѣтенія сдѣлали» ⁵⁾. Къ осени 1769 года большинство русскихъ студентовъ не успѣло усвоить даже нѣмецкаго и латинскаго языковъ ⁶⁾.

Но болѣе всего нареканій вызывало поведеніе молодежи, не только въ связи со всѣми лейпцигскими исторіями. Въ томъ же 1769 г. *Бокумъ* писалъ въ Петербургъ: «многіе печальные примѣры вижу въ домогательствѣ и непреодолимой склонности ихъ къ женскому полу». «И я долженъ признаться, — прибавлялъ *Бокумъ*, — что городъ Лейпцигъ мѣсто соблазнительное для молодыхъ людей и что такихъ довольно здѣсь находится, кои, молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ имѣютъ» ⁷⁾. Изъ «Житія *Ушакова*» мы знаемъ, насколько справедливы были эти слова. Распушенность, царившая въ средѣ пажей, продолжала процвѣтать даже въ значительно большей мѣрѣ тогда, когда пажи очутились на свободѣ, подъ началомъ у человѣка, «рачившаго болѣе о своей прибыли», чѣмъ о своихъ питомцахъ.

«Не утаю, рассказываетъ *Радищевъ*, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи

¹⁾ «Растущій Виноградъ», 1786, ноябрь, стр. 41—42. Нѣмецкій подлинникъ письма въ «*Politisches Journal*» 1786, September, s. 871.

²⁾ *Сухомлиновъ. А. Н. Радищевъ. 7. Письмо отъ 1768 года.*

³⁾ «Житіе *Ушакова*».

⁴⁾ Русск. Вѣстникъ 1858, № 23, стр. 401.

⁵⁾ Русскій Архивъ 1870 г., стр. 944. Письмо отъ сентября 1771 г.

⁶⁾ Сборникъ Русск. Ист. Об-ва, т. X., стр. 118. Донесеніе *Бокума* отъ сент. 1769 г.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 118.

невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе—были онаго корень» ¹⁾. Ѳедоръ Ушаковъ, который, еще «не отъѣзжая въ Лейпцигъ, почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услаждений», въ Лейпцигѣ окончательно разстроилъ свое здоровье и умеръ въ іюнѣ 1770 г. отъ застарѣлаго сифилиса ²⁾. Самъ Радищевъ горько сожалѣлъ въ «Путешествіи» о «распутныхъ дняхъ своей юности». Въ главѣ «Яжелбицы» ³⁾ мы читаемъ покаянные слова его по этому поводу: «Востревоженная чувствами душа, гонялась за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи, истиннымъ предметомъ горячности. Воспомню, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь». Эта распущенность, развратъ, который царилъ въ средѣ студентовъ въ Лейпцигѣ—подтверждается еще цѣлымъ рядомъ сообщеній. Относительно Рубановскаго объ этомъ сообщаетъ Павелъ Радищевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ ⁴⁾. По поводу «нѣжной страсти любовной» старшаго сына Олсуфьева возникла цѣлая офиціальная переписка, имѣвшая цѣлью воздѣйствовать на молодого человѣка, такъ какъ связь приняла «опасный» оборотъ и могла «привлечь молодому сему господину, его ученію, его чести, его столь знатной и почтенной фамиліи столь печальныя и даже столь опасныя послѣдствія» ⁵⁾. Наконецъ, самый молодой изъ всѣхъ студентовъ, отправленный съ Радищевымъ, В. Н. Зиновьевъ, вспоминая о лейпцигскихъ годахъ, рассказываетъ и о своей исторіи, случившейся тогда, когда ему было всего 16 лѣтъ ⁶⁾. Естественно, что все это усиливало внѣшне неблагоприятную обстановку для успѣшныхъ занятій наукой и чтеніемъ.

Изъ всѣхъ товарищей Радищевъ ближе всего сошелся послѣ Ушакова съ А. М. Кутузовымъ. Ихъ дружба началась еще въ Петербургѣ, когда они оба были пажами, но особенно укрѣпи-

¹⁾ «Собр. соч. Р-ва» подъ ред. Бороздина, I, 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.—Сборн. Р. И. Об-ва, т. X, 118.

³⁾ «Собр. соч.», I, 130.

⁴⁾ Русск. Вѣстникъ, 1858, № 23, стр. 401.

⁵⁾ Сборн. Росс. Ист. О-ва, X, 130. Письмо проф. Зейдлица, на попеченіи котораго осталась часть студентовъ послѣ отозванія Бокума.

⁶⁾ Зиновьевъ съ товарищами, находясь подъ надзоромъ проф. Зейдлица, жилъ у нѣкой г-жи Цемишъ. «У нея очень порядочный мѣщанскій домъ», рекомендовалъ кн. Бѣлосельскій; она же качествами своими, лѣтами и поведеніемъ можетъ приобрѣсти почтеніе отъ сихъ молодыхъ господъ» (Сб. Р. И. О-ва, X, 129). «Здѣсь-то, рассказываетъ Зиновьевъ, женщина дурного поведенія заставила меня согрѣшить ранѣе, нежели я могъ бы имѣть къ тому случай». (Русск. Стар. 1878 г., т. XXIII, 614. Воспоминанія В. Н. Зиновьева).

лась за эти 5 лѣтъ пребыванія въ Лейпцигѣ. Здѣсь, какъ и въ общежитіи пажей, они прожили все время въ одной комнатѣ. Къ сожалѣнію образъ Кутузова той эпохи остается очень блѣднымъ: его имя значительно рѣже другихъ попадаетъ въ официальной перепискѣ по поводу русскихъ студентовъ. Даже въ «Житіи Ушакова» Радищевъ очень мало рассказываетъ о своемъ пріятелѣ. Кутузовъ, конечно, принималъ участіе во всѣхъ исторіяхъ и тревоженіяхъ лейпцигской жизни, раздѣлялъ съ товарищами увлеченіе лекціями Платнера, книгой Гельвеція, трактатами Мабли, и по тѣмъ обращеніямъ къ нему Радищева, которыя прорываются во многихъ мѣстахъ «Житія Ушакова», видно, что все пережитое Радищевымъ было пережито имъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Вспоминая о смерти Ушакова, Радищевъ говоритъ, что потерялъ съ нимъ друга; «но если судьба,—прибавляетъ онъ,—позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня съ прибыткомъ, давъ мнѣ, мой другъ, тебя!» ¹⁾.

Время пребыванія въ Лейпцигѣ Радищевъ называетъ «блаженнымъ союзомъ душъ» ²⁾ и воспоминаніе о немъ считаетъ своимъ лучшимъ воспоминаніемъ.

«Приникни, о, возлюбленный, къ душѣ моей, ты въ ней увидишь себя живого» ³⁾,—такими словами оканчивается «Житіе».

Вмѣстѣ съ Кутузовымъ Радищевъ прсводилъ послѣдніе часы у постели умиравшаго Ушакова,—«вожда своей юности» и получилъ отъ него въ завѣщаніе слова: «помни, что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть твердо въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» ⁴⁾.

Съ этимъ завѣтомъ Радищевъ вернулся въ Россію вмѣстѣ съ Кутузовымъ, и съ нимъ же вмѣстѣ началъ первые жизненные шаги.

В. Міаковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ «Собр. соч.» I, 41.

²⁾ Тамъ же, I, 12. ³⁾ I, 45. ⁴⁾ I, 43.

Театръ и Зрители.

III. Николаевская эпоха ¹⁾.

1.

Характеръ эпохи имѣетъ несомнѣнное вліяніе на ея «без-
страстныхъ» Пименовъ. Если однимъ изъ лѣтисписцевъ первыхъ
лѣтъ Александровскаго времени состоялъ юный, наивный Жиха-
ревъ, то наиболѣе характернымъ Пименомъ Николаевской эпохи
нельзя не назвать Никитенку. Тамъ—восторгъ, радость, уми-
леніе, слезоточивость; здѣсь—мракъ, скорбь, порой безвыход-
ное отчаяніе. Тамъ—диѳирамбъ; здѣсь—дѣйствительно въ уеди-
ненной кельѣ безвѣстный монахъ «доносъ ужасный пишетъ». Вся фигура Никитенки, все его раздвоенное поведеніе пред-
ставляло характерное явленіе для этой эпохи. Гдѣ, въ какое дру-
гое время можно найти примѣръ цензора, страдающаго за стѣсне-
нія печати, слезоточиваго палача, убѣжденнаго въ ненужной
жестокости производимой имъ казни? Только въ эту эпоху воз-
можно со стороны собравшихся вмѣстѣ видныхъ литераторовъ
прославленіе цензурныхъ скорпіоновъ, восторженный токъ по
поводу «вскрешенія отечественной словесности цензурнымъ
уставомъ» (Статья Греча, «Сѣверная Пчела» 1832 г., № 45). И только
тогда вполне понятенъ лѣтописецъ, другъ просвѣщенія, свободы,
литературы, исполнительный цензоръ Никитенко. Для исторіи
театра, въ особенности для выясненія психологіи петербургскаго
театральнаго зрителя Николаевскихъ временъ, записки Ники-
тенки даютъ цѣнный матеріалъ. Не потому, чтобы этотъ Пименъ
любилъ театръ и часто посѣщалъ его,—напротивъ, унылый,
отягощенный духъ свободолюбиваго цензора не находилъ от-
дыха въ драматическомъ русскомъ спектаклѣ; безпоскойный и не-
довольный, Никитенко почти не посѣщалъ драмъ, комедій,
водевилей,—онъ искалъ успокоенія въ музыкѣ, восхищался ею
и лишь о ней говорилъ съ умиленіемъ и радостью. Но наблю-
дательность не оставляла его скорбной души: онъ посѣщалъ
мѣста публичныхъ увеселеній, присматривался къ толпѣ, замѣ-

См. «Голосъ Минувшаго» 1913 г., №№ 2 и 4 (Александровская эпоха).

чалъ ея настроеніе и въ тиши своей уединенной кельи заносилъ въ тайный дневникъ впечатлѣнія и выводы, являвшіеся въ общей массѣ «доносомъ ужаснымъ» на время, на управителей, на управляемыхъ. Атмосфера, окружавшая зрителей, ярко передана имъ; ясно рисуется самъ петербургскій зритель, его преобладающее настроеніе, его душевная физіономія. Записки Никитенка придаютъ колоритъ картинѣ, вырисовываемой журналами, воспоминаніями, дневниками, газетами того времени.

На психику зрителя Николаевского времени наложило печать все, что слѣдовало за 14-мъ декабря. Въ «Запискахъ К. Полевого» есть въ этомъ отношеніи очень характерное указаніе. «Могу увѣрить,—нѣсколько разъ повторяетъ К. Полевой,—что Николай Алексѣевичъ (Полевой, братъ автора «Записокъ») ни на минуту не беспокоился за себя» послѣ 14 декабря. Но «пріятели (т.-е. непріятели) съ нетерпѣніемъ ожидали, что онъ исчезнетъ съ горизонта литературы; однако онъ остался не только неприкосновеннымъ, но и не слыхалъ ни отъ кого ни малѣйшаго намека, который относился бы къ тогдашнимъ событіямъ»... Человѣкъ, ни сномъ, ни духомъ не причастный къ заговору декабристовъ, долженъ увѣрять, что послѣ 14-го декабря онъ нисколько не боится за себя; увѣряетъ и настаиваетъ, и принимаетъ храбрый видъ, и все-таки ему не вѣрятъ, и все-таки друзья боятся, а враги представляютъ себѣ, какъ онъ исчезнетъ съ горизонта. И такими «небоявшимися» кишѣла образованная среда. Въ заговорѣ участвовали сравнительно немногія лица; сравнительно мало было и потерпѣвшихъ; но рядомъ съ ними, безпokoйные и трепещущіе, стояли люди, которые «ни на одну минуту не беспокоились за себя», и это состояніе духа создавало атмосферу съезженности, тревоги, скрытности. Гречъ и Булгаринъ тоже не должны были бы беспокоиться за себя, но достаточно прочитавъ «Записки» Греча, чтобы понять, какимъ потрясающимъ страхомъ было проникнуто все существо небезпокоющихся за себя людей. Страхъ увеличивался изъ-за разныхъ побочныхъ обстоятельствъ, порождаемыхъ той же атмосферой хроническаго безпокойства, осложнявшагося минутами до острого ужаса. Булгаринъ какъ-то еще въ 1820 году, послѣ проигрыша дѣла въ сенатѣ, написалъ Воейкову записку: «Все пропало. Я погибъ. Злодѣи меня сгубили. Проклинаю день и часъ, когда я пріѣхалъ въ Россію. Не знаю, что дѣлать и на что рѣшиться, чтобы выпутаться изъ ужаснаго моего положенія. Ѳ. Булгаринъ». Воейковъ не измѣнилъ въ запискѣ ни одного слова, но черезъ пять лѣтъ прибавилъ къ ней дату: «15 декабря 1825 года» и представилъ ее въ полицію. Особенно страшныхъ послѣдствій для Булгарина дѣло не имѣло,

но каковъ долженъ былъ быть трепеть Булгарина, который, по словамъ Греча, и безъ того «до крайности боялся жандармеріи и, завидя издали лошадь съ синимъ чепракомъ, хватался за шляпу и кланялся». Боялся и кланялся не одинъ Булгаринъ, боялись многіе, и выраженіе «ни на минуту не безпокоился за себя» слѣдуетъ понимать, какъ состояніе постоянной тревоги и неудержимаго трепета. Въ общей атмосферѣ безпокойства и страха поражало не столько обиліе находчивыхъ людей, подобно Воейкову, способныхъ одной подмѣной даты въ письмѣ создать воображаемое преступленіе, сколько неизбежность опасностей, связанныхъ съ возможностью такой находчивости.

Окруженный неблагожелательнымъ попечительствомъ, опекаемый и подозрѣваемый, зритель рѣдко могъ съ полной искренностью отдаться зрѣлищу. Онъ потерялъ способность восхищаться, умиляться и плакать, какъ плакали въ первые годы столѣтія; онъ не ворчалъ на порядки, какъ это было послѣ войны,—онъ больше всего съеживался и осматривался. Никитенко видѣлъ разныхъ зрителей,—великосвѣтскихъ, среднихъ и простонародныхъ,—и печать холодной замкнутости, казалось ему, лежала на большинствѣ фізіономій. Простонародные зрители 1828-го года толпой валили на Екатеринингофское гулянье. «Съ трехъ часовъ уже начали пробираться туда ремесленники, сидѣльцы и проч. Улица постепенно наполнялась и, наконецъ, въ половинѣ шестого часа потянулись непрерывною цѣпью и экипажи. На тротуарахъ народъ кипѣлъ, какъ волны. Я не видалъ, однако, признаковъ большого удовольствія: на всѣхъ лицахъ лежала какая-то холодная задумчивость» (А. В. Никитенко «Моя повѣсть о самомъ себѣ», стр. 190). Никитенко провѣрялъ свои впечатлѣнія на Петергофскомъ гуляньѣ въ 1830 г. «Кажется весь Петербургъ нахлынулъ въ Петергофъ и запрудилъ его маленькія улицы. Окрестныя поля были усеяны экипажами и палатками... Мы отправились въ садъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ было большое оживленіе. Пестрая толпа чинно, почти угрюмо, бродила по дорожкамъ; нигдѣ веселья, а вездѣ одно только любопытство. Гуляющіе казались не живыми лицами, а тѣнями, мелькающими въ волшебномъ фонарѣ. Нѣсколько больше движенія замѣчалось у палатокъ, надъ входами въ кои видѣлась надпись: «Лондонъ», «Парижъ», «Лиссабонъ» и проч. Но и тутъ извѣстныя особы въ голубыхъ мундирахъ спѣшили приводить въ надлежащія формы каждое свободное движеніе» (стр. 201).

Холодная и угрюмая замкнутость составляетъ принадлежность не одного только посѣтителя увеселеній и гульбищъ. «Пожаръ, какого не запомнитъ Петербургъ, истребилъ (въ 1832 го-

ду) почти всю Ямскую до самой Ляговки... Толпы народа, шумъ и крикъ, трескъ разрушающихся зданій... Но я не замѣтилъ отчаянныхъ лицъ. Какая-то безпечность и равнодушіе выражались на фізіономіяхъ тѣхъ даже, которые тащили на плечахъ и въ рукахъ остатки своего скуднаго имущества». До какой степени толпа была связана въ своихъ дѣйствіяхъ, съ особенной яркостью представляетъ пожаръ балагана Лемана. Онъ сгорѣлъ на масляной въ 1836 году почти со всѣми бывшими въ немъ зрителями. Никитенко утверждаетъ, что эти сотни зрителей сгорѣли «отъ излишнихъ попеченій о нихъ». «Когда начался пожаръ и изъ балагана раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, по случаю праздничныхъ дней, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдругъ является полиція, разгоняетъ народъ и запрещаетъ что бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ, ибо послѣднимъ принадлежитъ официальное право тушить пожары. Народъ нашъ, привыкшій къ непрекословному повиновенію, отхлынулъ отъ балагана, сталъ въ почтительномъ разстояніи и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣлища. Пожарная же команда поспѣла какъ разъ во время къ тому только, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлые трупы. Было однакожъ небольшое исключеніе: нѣсколько смѣльчаковъ не послушались полиціи, кинулись къ балагану, разнесли нѣсколько досокъ и спасли трехъ или четырехъ человѣкъ. Но ихъ быстро отгѣснили». «Зато,—прибавляетъ Никитенко,—Сѣверная Пчела, извѣщая читателей о пожарѣ, объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ и что при этомъ всѣ надлежащія мѣры были соблюдены» (стр. 272). Въ 1841 году Никитенко опять идетъ наблюдать народное гулянье: «Прекрасный теплый день (16 апрѣля). Пошелъ на площадь, гдѣ выстроены балаганы. Много народу; мертвая тишина; безжизненность на лицахъ; полное отсутствіе воодушевленія». (стр. 312).

Все это однако свидѣтельство брюзги Никитенка, — человѣка, носящаго въ себѣ сѣмена недовольства и тоски. Но есть, вѣроятно, въ его наблюденіяхъ нѣчто, отвѣчающее дѣйствительности, если люди противоположныхъ тенденцій и настроенія приходятъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Проникнутый желаніемъ преуспѣвать, знающій цѣну доносамъ, раболѣпству и лжи, Булгаринъ, конечно, не говоритъ, будто публика угрюма, молчалива и недовольна. Нѣтъ, въ его изображеніи по всему Петербургу веселье неприкрашенное, всеобщее и постоянное. Зрители балагановъ прежде всего и больше всего думаютъ о лицезрѣніи Николая Павловича. «Народъ русскій толпится на Дворцовой

площади; люди высшаго сословія поспѣваютъ туда же раздѣлить народную радость. Всѣхъ взоры обращены на жилище Царя, всѣ сердца сильнѣе бьются при мысли, что Отецъ-Царь участвуетъ въ общемъ празднествѣ. Балконъ Зимняго Дворца украшенъ богатою палаткою... Невозможно было избрать мѣсто для народныхъ увеселеній лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ Дворцовая площадь. Видъ сей временной улицы очарователенъ. На обширномъ пространствѣ устроены балаганы, которыхъ въ нынѣшнемъ году болѣе, чѣмъ когда-либо, и которые сверхъ того отличаются нынѣ красотою и прочностью. Разноцвѣтные флаги и пестрыя вывѣски мелькаютъ передъ глазами; движеніе качелей, бѣгъ колясочекъ съ высокихъ горъ, шутки паяцовъ, звуки музыки на балконахъ балагановъ попеременно привлекаютъ вниманіе народа, который самъ служитъ зрѣлищемъ для высшаго званія людей и дамъ, разѣзжающихъ въ блистательныхъ экипажахъ вокругъ качелей... Посмотрите, съ какою пламенною любовію онъ (народъ) толпится вокругъ жилища своего Государя, съ какимъ умиленіемъ произноситъ: «батюшка нашъ Царь, наше красное солнышко, нашъ милостивый Отецъ!» Эти восклицанія радуютъ русское сердце. За твердою оградой любви народной къ Престолу покоится наше благо, всѣ наши надежды. Съ нами Богъ, кто на ны?!» («Сѣверная Пчела» 1827 г. № 43).

«Кго на ны!» Это угрожающее восклицаніе не было нужно юному Жихареву, восторженно рассказывавшему своимъ хозяевамъ о встрѣчѣ съ Александромъ. Онъ не предполагалъ существованія внутренняго врага и къ своей дѣйствительной радости не прибавлялъ горечи угрозъ и лицемѣрнаго пафоса. Тогда въ душѣ зрителя было дѣйствительное ликованіе, непосредственное очарованіе. Теперь нужно словами доказывать, будто жизнь веселье; нужно изолгавшееся перо Булгарина для изображенія ликующаго народа. «Великолѣпная площадь и ликующій на ней счастливый народъ, у насъ не преходящій призракъ, а постоянная, неизмѣнная дѣйствительность!»—восклицаетъ онъ. Пусть такъ, но въ чемъ ликованіе? Какъ проявляется восторгъ? Увы! Изъ-за лицемѣрно-патріотическихъ выкрикиваній и угрозъ врагамъ, истина все-таки прорывается, и та же «Сѣверная Пчела» принуждена констатировать какую-то необычайную сдержанность праздничной «ликующей» толпы. Газета выражаетъ удивленіе по поводу того, что «порядокъ и благочиніе» внушены «единственнымъ почтеніемъ къ мѣсту, избранному для торжества», что «строгая благопристойность есть слѣдствіе внутренняго побужденія нашего добраго народа». Однако, чѣмъ бы ни вызывались «строгая благопристойность», порядокъ и благочиніе,—голубымъ ли призра-

комъ, о которомъ говоритъ Никитенко, или «почтениемъ», или другими мотивами,—фактъ не подлежитъ сомнѣнію: публика сдержанна и далека отъ непосредственности. Позднѣе «Сѣверная Пчела» принуждена констатировать эту сдержанность болѣе опредѣленно: «Здѣсь, конечно, не пылкій народъ, ликующій подъ благораствореннымъ небомъ Неаполя,—говоритъ хроникеръ газеты,—громкая музыка, покрывающая съ балаганныхъ балконовъ говоръ народный, составляетъ рѣзкую противоположность съ характеромъ Славянъ, тихихъ въ веселіи и радости, заунывныхъ въ пѣсняхъ, неловкихъ въ пляскахъ. Пощелкивая орѣшки, плавно несутся массы народа и даже въ давкѣ никто, кромѣ рѣзвыхъ мальчишекъ, не толкнетъ васъ съ умысла. Въ чемъ же состоитъ веселіе этого народа?»... Еще дальше и способность «Славянъ» къ веселью получаетъ оцѣнку, почти ничѣмъ не отличающуюся отъ той, которую далъ Никитенко. «Въ петербургской кондитерской такая тишина, какъ въ классахъ при посѣщеніи Директора Училища; люди сидятъ, нахмурясь и надувшись, за чашкой шоколаду или рюмкой ликеру, читаютъ про себя газеты, или въ безмолвіи смотрятъ на двери и на потолокъ. Въ клубахъ и въ рестораціяхъ ѣдятъ, курятъ табакъ, играютъ въ вистъ, или попарно разговариваютъ у окна о производствахъ и погодѣ».

«Славянская» натура показывается въ эти годы съ особенной рѣзкостью. Никитенко, видящій въ зрителяхъ угрюмость, осторожность, даже подозрительность, недалекъ отъ дѣйствительности. Осторожной подозрительностью, повидимому, особенно отличается Петербургъ. Москва, также затронутая событіемъ 14 декабря, реагируетъ на него слабѣе: психика зрителя страдаетъ менѣе явно.

Но, несмотря на осторожность и сдержанность, петербургскій зритель ищетъ зрѣлищъ. Изъ свидѣтельства того же Никитенка видно, въ какомъ многолюдствѣ онъ является на Екатерингофское и на Петергофское гулянье; съ большою готовностью онъ идетъ и въ театры. Когда театры почему-нибудь закрываются, онъ ищетъ развлеченія въ другихъ мѣстахъ и, когда находитъ его, остается ему вѣренъ на долгое время. Въ 1826 году «Сѣверная Пчела» констатировала небывалый до того времени фактъ: высшее общество появилось «на качеляхъ», т.-е. на народныхъ гуляньяхъ. «Въ Москвѣ, говорятъ, это давно въ модѣ, но у насъ въ Петербургѣ, этого не бывало до нынѣшняго года. Конечно, кривляніе паяцевъ, кукольная комедія (кромѣ развѣ остроумныхъ фарсовъ Лемана) не могли удовлетворить вкусу людей образованныхъ; но мы, выросшіе, возмужавшіе и состарившіеся въ столицахъ,

не можемъ жить безъ публичныхъ увеселеній. Для нашего разсѣянія намъ необходимо видѣть незнакомыя лица, быть въ толпѣ: это самая пріятная пища для ума. Закрытіе театровъ по случаю траура заставило людей образованныхъ стекаться въ балаганы, будто *на смѣхъ*, а въ самомъ дѣлѣ *для разсѣянія*. О, люди, люди! какъ легко развлекать, занимать васъ и заставлять васъ забывать теченіе времени!»

Разъ пробудившееся любопытство не останавливается; «кривлянія паяцевъ и кукольная комедія» продолжаютъ привлекать петербургскую публику и въ слѣдующіе годы, несмотря на происшедшее уже открытіе театровъ, — продолжаютъ привлекать и на масляной, и на Пасхѣ, и въ зимнюю распутицу, и въ началѣ весны. Въ 1833 году «Сѣверная Пчела» замѣчаетъ то же стремленіе «очень хорошей» публики въ балаганы. «Балаганы подъ качелями сдѣлались съ нѣкотораго времени увеселеніемъ и мѣстомъ сходбища очень хорошей публики. У дверей конторы Лемановой тѣснится густая толпа любопытныхъ зрителей высшаго круга, въ ожиданіи полученія билетовъ. Первые ряды креселъ заняты многими изъ особъ, которыхъ мы привыкли встрѣчать въ театрахъ, французскомъ и русскомъ. Прежніе исключительные посѣтители балагановъ покрываютъ обширный амфитеатръ». («Сѣверная Пчела» 1833 г. № 74). И балаганы, и гулянья посѣщаются всѣми, и люди разныхъ классовъ молчаливымъ соглашеніемъ опредѣляютъ себѣ время для гулянья, чтобы не смѣшиваться съ другими. «Пріятнѣе всего, — утверждаетъ «Сѣверная Пчела» (1840 г. № 85), — гулянье отъ часу до трехъ, когда на бульварѣ (Адмиралтейскомъ) встрѣчаешь, въ праздничныхъ обновахъ, всѣхъ красавицъ, украшающихъ собою лучшія петербургскія гульбища. Въ три часа публика начинаетъ мало-по-малу пестрѣть, теряетъ свою прежнюю фیزیономію, и бульваръ лишь въ 5 часовъ вновь получаетъ рѣшительный характеръ: на немъ видишь тогда русское купечество съ богато разодѣтыми женами и дочками, прогуливающимися молчаливо и чинно, при молчаливой любезности купеческихъ сидѣльцевъ. Публика, гулявшая все утро пѣшкомъ, вечеромъ катается въ экипажахъ, щеголяя развалистыми колясками и ландо. Настоящее веселье, настоящій праздникъ, однако же, не тутъ на бульварѣ, усыпанномъ пескомъ, а посреди площади».

Такъ обстоитъ дѣло въ Петербургѣ. Въ противоположность утвержденіямъ «Пчелы» въ московскихъ балаганахъ людей «хорошаго тона» меньше. Правда, на гулянье какъ будто отправляется вся Москва. «Люди, усталые отъ зимы, городъ, перемерзнувшій отъ стужи, идутъ подъ Новинское встрѣтить весну, — говоритъ

Т. Пассекъ вспоминая 1829 годъ, — люди, усталые отъ поста, идутъ подъ Новинское встрѣтить праздникъ. Тамъ гуртомъ торжествуютъ Святую недѣлю; тамъ все отъ кн. Д. В. Голицына до дворника Ив. Алекс. Бучкина, пируетъ, веселится, радуется празднику Божію и празднику природы. Экспромтомъ выстроенный городъ, съ кабакомъ вначалѣ, растораціей Яра въ концѣ и комедіями въ срединѣ, зоветъ всѣхъ: кого весной, кого барабаномъ и музыкой, кого дорожкой, посыпанной желтымъ пескомъ».

И черезъ десять лѣтъ послѣ этого, корреспондентъ журнала «Галатей» изображаетъ дѣло такъ, какъ будто весь городъ одержимъ болѣзненною стремленіемъ «подъ Новинское». Корреспондентъ живетъ на Никитской и съ утра слышитъ шумъ и грохотъ колесъ на улицѣ: все ѣдутъ, ѣдутъ и ѣдутъ. Уходитъ прислуга; корреспондентъ остается одинъ и для развлечения идетъ къ пріятелю; его нѣтъ дома, — онъ уже на гуляньѣ. Направляется корреспондентъ къ другому пріятелю и застаётъ его въ сборахъ; пріятель завиваетъ «свои длинные волосы», торопясь на гулянье. Соблазнъ слишкомъ великъ, и корреспондентъ ѣдетъ самъ. Но здѣсь, несмотря не то, что въ городѣ не осталось, повидимому, ни слугъ, ни господъ, ни простонародья, ни «хорошей публики», развлечения, пріятнаго для глазъ корреспондента нѣтъ. Публика «состоитъ, Богъ знаетъ, изъ какого разряда общества, только весьма многочисленна; людей хорошаго тона очень мало; дамъ, которыхъ туалетъ можно было бы замѣтить, вовсе нѣтъ. Что же остается? Мушины, да балаганы»... «Послѣ обѣда съ пятого часа начинается ѣзда въ экипажахъ. Въ этомъ отношеніи гулянье представляло очень мало замѣчательнаго. Экипажи были большею частью старые: всадниковъ было очень мало, да и тѣ на лошадахъ изъ манежа; вообще гулянье было поставлено на весьма экономическую ногу. Это продолжается до восьми часовъ; сырость и темнота препятствуютъ продолженію гулянья». («Галатей» 1839 г., Часть вторая, № 14, стр. 442). Прошло съ небольшимъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жихаревъ описывалъ то же гулянье подъ Новинскимъ, а какая разница! Тогда «экипажамъ счета нѣтъ и кавалькадъ много». Тогда были коляски «съ позолоченными колесами и рессорами», «коренныя какъ львы, развязанныя на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручныя безпрестанно на курбетахъ»; тогда выбирали, какая изъ кавалькадъ наилучшая, а во всѣхъ ѣдущихъ было видно «желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ»; тогда «всякому коренному москвичу» вмѣнялось «въ обязанность быть на извѣстныхъ гуляньяхъ, во избѣжаніе заключеній о немъ»... Можетъ быть, не столько зъ возможности поразить богатствомъ, сколько въ привычкахъ

барства произошла перемена. Какъ будто у московской публики что-то отнято за это время, какъ будто она утратила значительную долю былой способности увлеченія и утомленнѣе и апатичнѣе относится къ прежнимъ развлеченіямъ. Въ теченіе нѣкотораго времени она очень неохотно посѣщаетъ даже театръ: Дирекція жалуется на дефициты; Аксаковъ въ письмѣ къ Шевыреву сѣтуетъ на то, что въ театръ никто не ходитъ, и мечтаетъ о народномъ театрѣ для поднятія значенія драматической сцены. Но, рядомъ съ петербургской, и эта, сравнительно съ прежнимъ, апатичная публика кажется болѣе непосредственной и впечатлительной.

2

Угрюмая, подозрительная, осторожная петербургская публика приходитъ въ театръ, чтобы «развлечься», ибо другихъ мѣстъ для совмѣстнаго развлеченія почти нѣтъ. Нѣтъ публичныхъ чтеній, публичныхъ баловъ, почти нѣтъ кофеенъ, въ которыхъ можно было бы, не обязываясь никому, встрѣчаться съ знакомыми и незнакомыми и въ толпѣ чувствовать себя участникомъ единой общей жизни. Хроникеры газетъ то и дѣло отмѣчаютъ этотъ недостатокъ мѣстъ для совмѣстнаго съ другими времяпрепровожденія. «У насъ театръ есть единственное мѣсто подъ крышей, гдѣ люди всѣхъ сословій могутъ видѣть другъ-друга безъ доклада и поисковъ. Здѣсь дакей можетъ сидѣть въ присутствіи своего барина, заимодавецъ можетъ дотиснуться до своего должника, мелкій чиновникъ можетъ видѣть улыбку на устахъ своего начальника». («Сѣв. Пчела», 1831, № 280). «Есть ли столица, — восклицаетъ та же газета въ 1833 году, — гдѣ было бы менѣе публичныхъ забавъ для человѣка со вкусомъ. Одно разсѣяніе, которое пріѣзжій можетъ имѣть за деньги, состоитъ въ посѣщеніи театра, да и здѣсь еще весьма часто вкусъ къ изящному набиваетъ оскмину отъ нескладнаго крику... Скажутъ, что частные люди даютъ блестящіе балы, вечера и обѣды. Правда. Но, позвольте себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе на этотъ счетъ. Въ Петербургѣ — почти всѣ или служащіе, или дѣловые, или ищущіе чего-нибудь или тяжущіеся, или выжидающіе покровительства для дѣтокъ, или спекулирующіе на чемъ-нибудь. Всѣ заняты и всѣ находятся въ подчиненности другъ у друга, или чужды одинъ другому, а гдѣ нѣтъ равенства и короткости въ обществѣ, тамъ не можетъ быть истиннаго веселья». (№ 36). Проходятъ мѣсяцы и опять, и опять возвращается газета къ констатированію того же недостатка... «Если семейство или одинокій человѣкъ, пріѣхавшіе въ Петербургъ, не имѣютъ родни и знакомыхъ, то они будутъ

столь же одиноки въ великолѣпной столицѣ, какъ въ степной деревнѣ. Въ Петербургѣ нѣтъ кофейныхъ домовъ, нѣтъ публичныхъ собраній, гдѣ бы холостякъ могъ провести время, поговорить или послушать разговоръ о всedневныхъ новостяхъ (№ 101).

Можно подумать, будто недостатокъ остро чувствуется всѣми, будто петербургскій житель, страдая отъ отсутствія мѣстъ общенія съ гражданами, потребуеъ ихъ открытія, и подъ вліяніемъ этого требованія покроются улицы Петербурга рядами вывѣсокъ, приглашающихъ на публичные балы и собранія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Въ кофейнѣ, какъ мы видѣли, петербургскій житель сохраняетъ угрюмость и необщительность. Онъ не хочетъ высказываться, не желаетъ открыть себя. Но въ театрѣ онъ идетъ, ожидая развлеченій, не обязывающихъ, признанныхъ, одобренныхъ людьми и его круга, и другихъ сословій.

Всѣ измѣненія, которыя онъ претерпѣлъ, произошли внѣ театра. Это не было естественной эволюціей театральнаго посѣтителя, требовательнаго къ тѣмъ или другимъ драматическимъ формамъ, скучающаго однообразіемъ и молчаливо настаивающаго на измѣненіяхъ въ опредѣленномъ направленіи. Замкнутый во всѣхъ сферахъ общественной жизни, петербургскій зритель николаевскаго времени не былъ способенъ и къ выработкѣ драматическаго репертуара, къ дѣятельному проявленію своихъ театральныхъ впечатлѣній. Онъ, конечно, аплодировалъ, конечно, порою выражалъ неодобреніе, но и то и другое не имѣло характера системы, не было отраженіемъ требовательности зрителя, эволюционировавшаго, какъ зритель. Театральная публика надолго остановилась на томъ пунктѣ, на которомъ она была въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда казалось, что вотъ-вотъ еще немного и она выработаетъ что-то свое, дастъ толчокъ драмѣ или комедіи, выросшей изъ ея собственной естественной эволюціи. Перспективы осуществленія русскаго національнаго театра, которыя, казалось, можно было предвидѣть, даже созерцая Шаховскаго и Загоскина, даже внимая куплетамъ въ переводныхъ водевиляхъ Писарева, не осуществились. На Шаховскомъ и Загоскинѣ, т.-е. на обличеніяхъ внѣшнихъ недостатковъ общества или личности, на Писаревѣ и его водевиляхъ, т.-е. на личной полемикѣ, на личныхъ выступленіяхъ и на заимствованномъ у французовъ смѣхѣ, все остановилось. Споры классицизма съ романтизмомъ, бурныя сцены въ театрѣ изъ-за «Эрнани» и другихъ романтическихъ пьесъ, борьба вкусовъ, литературныхъ пониманій, старыхъ и молодыхъ побужденій, все то, что ознаменовало собой во Франціи торжество новой школы, прошло мимо Россіи, какъ воодушевле-

ніе, какъ страсть, какъ дѣйствительное переживаніе зрителя. Романтизмъ явился и замѣнилъ собой другое, какъ новинка, какъ мода, привезенная изъ-за границы; съ нимъ не было связано дѣйствительныхъ требованій зрителя: пришла бы другая мода, и она нашла бы входъ въ русскій театръ. Безъ борьбы, безъ мукъ рожденія появлялись новыя литературныя школы, какъ появился самый театръ во времена Екатерины, сотворенный, но не рожденный. Были разговоры о романтизмѣ и классицизмѣ, были защитники того и другого, но все это оставалось внѣшностью; на самомъ дѣлѣ романтизмъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, потому что и крѣпостей, которыя ему пришлось бы долго осаждать, не было, потому что входъ былъ вполне свободенъ. На сценѣ быстро воцарились передѣлки изъ Вальтеръ-Скотта и переводы французскихъ романтиковъ и новыхъ рыцарей разогрѣтой мелодрамы. Все преподносилось въ очаровательномъ смѣшеніи, и русскій зритель не могъ хорошенько отличить Пиксерекура или Дюканжа отъ Виктора Гюго, послѣдняго отъ А. Дюма, или, какъ тогда говорили, Дюмаса. Романтическая драма была занимательна, и высшей степенью занимательности отличалась французская (въ свою очередь заимствованная) мелодрама. Въ той и въ другой развѣтывалась сложная интрига, пугали опасныя похищенія, волновали столкновенія страстей, сила чувствъ, безпорядокъ неожиданностей, т.-е. все то, чего былъ лишенъ русскій зритель и чего для себя онъ такъ боялся. Все то, чѣмъ зрителя прельщали въ началѣ столѣтія пьесы Коцебу, дали публикѣ конца двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ французскія мелодрамы и запутанныя приключенія романтическихъ героевъ. Добры, прекраснодушны, благородны и умилительны были персонажи слезоточивыхъ пьесъ Коцебу; рѣшительны, смѣлы, сильны, порою благородны, но иногда и преступны романтическіе рыцари и герои мелодрамъ. Умилялся, плакалъ и радовался зритель начала столѣтія; волновался, негодовалъ, мучился и рѣдко выносилъ радостное впечатлѣніе изъ театра зритель романтическихъ драмъ и разогрѣтой мелодрамы. Но и тотъ, и другой одинаково смотрѣли на театръ, какъ на нѣчто, чуждое обычной жизни, оканчивающееся въ стѣнахъ театральнаго зданія и не переходящее за порогъ дома. Скованный и молчаливый зритель николаевскаго времени слушалъ чужую громкую рѣчь; боязливый и подозрительный, онъ смотрѣлъ въ какихъ формахъ осуществляется чужой протестъ; умѣренный и аккуратный, онъ созерцалъ чужія неряшливость и дерзость и понималъ, что это не имѣетъ отношенія къ дѣйствительности. Для него театръ былъ сказкой, чѣмъ-то совершенно неподходящимъ къ жизни и не отражающимъ ея. Отъ сказки требовалась

занимательность, способность волновать, пугать, въ другихъ случаяхъ смѣшить. Мелодрамы, романтическія пьесы, водевили, переводные или передѣланные, отвѣчали этой потребности и долгое время утѣшали зрителя. Но вмѣстѣ съ утѣшеніемъ неизбѣжно вносили въ его психику измѣненія. Зритель конца Николаевского царствованія не сохранилъ всѣхъ тѣхъ чертъ, которыми отличался въ его началѣ, хотя послѣдніе годы этой эпохи представляли много поводовъ для того, чтобы «ни на минуту не покоиться за себя».

3.

Кто онъ былъ, этотъ зритель? Насколько многочисленны были посѣтители театра? Изъ кого состояли? Кто изъ нихъ хоть до нѣкоторой степени вліялъ на содержаніе пьесъ и на игру исполнителей?

Блестящая, аристократическая, или, какъ говорили газетные хроникеры, «очень хорошая», «высшая» публика не была чужда русскому театру, но она посѣщала его значительно рѣже, чѣмъ французскій, и далеко не всѣ пьесы привлекали ея вниманіе. Огромнѣйшій репертуаръ того времени, составленный по большей части изъ пьесъ, шедшихъ въ бенефисъ, лишь въ малой сравнительно дозѣ проходилъ черезъ ея высокое одобреніе или неодобреніе. Но французскій театръ она посѣщала усердно. Чувствовала ли она отъ этихъ посѣщеній удовлетвореніе, или смотрѣла на нихъ, какъ на своего рода обязательство, но она являлась въ театръ, выставляя свои туалеты, свое изящество, свое отдѣленіе отъ другой низшей публики, способной наслаждаться игрою русскихъ актеровъ. «Французскій театръ есть спектакль высшихъ классовъ общества, — писалъ «Сынъ Отечества», — здѣсь все изящно, самый Михайловскій театръ, игра актеровъ, публика, дамы, всегда одѣтыя какъ на балъ: съ любой изъ нихъ можно срисовать модную картинку... Здѣсь все чинно, вѣжливо, скромно. Зрители Михайловскаго театра раздѣляются сами собою на три разряда: 1) первые три ряда креселъ и бель-этажъ, 2) послѣдніе 4 или 5 рядовъ креселъ и раекъ; здѣсь сидятъ почти исключительно французженки-модистки, артисты-куафферы et cetera; 3) средніе ряды креселъ и верхнія логи. Первый разрядъ мѣстъ занимаетъ высшая публика, особы служащія при Дворѣ, дипломатическій корпусъ. Почти всѣ мѣста абонированы; театръ для этихъ посѣтителей есть нѣкоторая обязанность или служба, при чемъ наблюдается самый строгій этикетъ. Въ первыхъ же рядахъ сидятъ развалившись и *jeune France*. Этотъ элементъ относится отри-

цательно ко всему. «Принимаетъ ли онъ участіе въ спектаклѣ?—спрашиваетъ авторъ статьи.—Никакого; онъ видѣлъ Mlle Mars, выкурилъ сигару съ Ж. Зандъ, любовался огромными бакенбардами Бальзака; можетъ ли что-нибудь ему нравиться въ Россіи? Публика второго разряда, самаго занимательнаго, пріѣзжаетъ въ театръ съ другою цѣлью: именно для того, чтобы доставить себѣ умственное наслажденіе. Здѣсь вы увидите красавицу, прелестную миссъ, забывшую на одинъ вечеръ народную нелюбовь къ французамъ; молодого чиновника, мечтающаго о директорствѣ; офицера генеральнаго штаба; семейство богатаго негоціанта, французскаго учителя и русскаго литератора»... «Въ Михайловскомъ театрѣ, — рѣшаетъ авторъ статьи, — самая умная, безпристрастная, образованная публика... Эти зрители аплодируютъ мало, вызываютъ рѣдко; ихъ одобреніе цѣнится высоко». («Сынъ Отеч.» 1839, Т. IX). Публика Александринскаго театра въ описаніи автора представляетъ бѣольшую непосредственность. Этотъ театръ «привлекаетъ исключительно русскихъ. Провинціалы считаютъ за обязанность на другой вечеръ послѣ пріѣзда явиться въ Александринскій театръ. Какъ добра, невзыскательна Александринская публика!.. Ни одна публика, можетъ быть, во всей Европѣ не наслаждается театромъ съ такимъ фанатизмомъ; она любитъ похлопать за свои деньги; у многихъ при выходѣ болятъ ладони, театръ трясется въ основаніи, когда аплодируютъ артисткѣ. Неумѣренными рукоплесканіями эта публика повредила многимъ прекраснымъ талантамъ».

Менѣе непосредственной изображаетъ эту публику авторъ статьи о публикѣ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1845 года. Онъ вспоминаетъ, какою была эта публика года два-три назадъ. Въ первыхъ рядахъ, конечно, важныя фигуры, «съ одобрительной улыбкой качавшія головой», безъ другихъ знаковъ одобренія. Въ первомъ ряду, ближе къ краю — театралы; во второмъ и третьемъ ряду, «гдѣ всегда было много пустыхъ креселъ» — посѣтители высшаго круга и театралы, не нашедшіе мѣста въ первомъ ряду. Съ четвертаго и до тринадцатаго ряда — «густая масса лицъ разныхъ родовъ, племенъ, нарѣчій»; «господствовало чинное чиновничье сословіе». Вся публика, занимавшая эти ряды, рѣдко позволяла себѣ громко судить о пьесѣ и объ актерахъ; «разговаривали въ антрактахъ тишкомъ и шопотомъ... смиренно держали между колѣнями шляпу». «Ряды эти усердно поддерживали всякаго начинающаго аплодировать»... Были, впрочемъ, и исключенія: по словамъ того же автора, среди этой публики попадались «франты», переговаривавшіеся безцеремонно черезъ нѣсколько рядовъ. Въ послѣднихъ рядахъ помѣщались даровые посѣтители:

актеры, служащіе въ театральной конторѣ. Мѣста за креслами занимались чиновниками мелкаго разряда. Ложи также имѣли постоянную публику. Въ первомъ ярусѣ въ обычное время будто бы преобладали актрисы французской труппы и другія. Но въ исключительные спектакли, когда театръ почему-нибудь привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе и когда дѣлались большіе сборы, въ первомъ ярусѣ и въ бель-этажѣ помѣщался «высшій кругъ» (по праздникамъ его мѣсто занимали провинціалы). Въ бенуарѣ всегда находили пріютъ пріѣзжіе изъ провинціи. Во второмъ ярусѣ размѣщались чиновники и купечество; на лѣвой сторонѣ этого яруса сохранялись даровыя ложи для чиновниковъ театрального вѣдомства и ихъ семействъ. Въ крайнихъ ложяхъ и литерныхъ помѣщались опять-таки театралы. «Служащіе разныхъ вѣдомствъ» занимали третій ярусъ; въ балконѣ преобладали актеры и ихъ пріатели, а галлерей 4-го яруса занималась, по выраженію автора статьи, «лакеями высшаго тона и горничными лучшаго круга». («Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., Кн. III).

Бѣлинскій утверждаетъ, что въ петербургскихъ театрахъ на всѣхъ спектакляхъ бываетъ одна и та же публика. Сравнивая петербургскихъ зрителей съ московскими, онъ среди послѣднихъ находитъ три вида, посѣщающіе театръ въ разные дни... «Московскую публику—говоритъ онъ,—можно раздѣлить на три разряда: во-первыхъ на воскресную, для которой даются по воскресеньямъ «Аскольдова могила», «Жизнь игрока», «Скопинъ Шуйскій» и даже драмы Шекспира, и которая всѣмъ довольна, всему громко хлопать, всегда вызываетъ Орлову и равно вызываетъ Мочалова и Савина; потомъ публику бенефисную, для которой бенефисъ — праздникъ, и которая ужъ непременно вызываетъ бенефицианта, если только онъ не Козловскій; наконецъ публику, преимущественно собравшуюся на повтореніе бенефисныхъ пьесъ, если бенефисъ имѣлъ блестящій успѣхъ и вообще посѣщающую пьесы только по выбору». Въ петербургскихъ театрахъ Бѣлинскій не находитъ такой дифференцированной публики. «Въ Александринскомъ театрѣ публика всегда одна и та же, большей частью состоитъ изъ дѣловаго и утомленнаго народа, которому послѣ официальныхъ бумагъ всякій слогъ хорошъ». Желаніемъ отдыха послѣ утомительной работы объясняется, по мнѣнію Бѣлинскаго, «безпримѣрная снисходительность» петербургской публики. «За все хорошее она благодаритъ съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и за превосходное, а ко всему слабому, посредственному и дурному она до того терпима, что ошиканная ею пьеса, или осмѣянный актеръ уже рѣшительно никуда негодны. Она говоритъ съ восторгомъ объ Алланѣ, восхищается Каратыгинымъ и Сосницкимъ,

и театръ дрожить отъ рукоплесканій и ея «браво», когда Ассикова покажется передъ нею въ мужскомъ платьѣ, а иногда и въ женскомъ. Она очень любитъ драму, но отъ Шекспира вообще скупается, потому разумѣется, что онъ дурно переводится и еще хуже играется, но она очень одобряетъ произведенія отечественныхъ талантовъ, каковы напр. Полевой и Коровкинъ, усердные и неутомимые драматурги, особенно ею любимые. Но она и къ нимъ будетъ неумолимо строга, если бы они забыли должное уваженіе къ ея просвѣщенному и образованному вкусу и рѣшились забавлять ее фарсами въ родѣ «Филатокъ и Мирошекъ» или «Незнакомцевъ» и «Послѣднихъ дней Помпен»... Московской публикѣ Бѣлинскій даетъ явное предпочтеніе. «Московская публика,— продолжаетъ онъ, — умѣреннѣе въ своихъ восторгахъ, да и скупѣе на нихъ; если она и вызываетъ актера по нѣскольку разъ, то это не иначе, какъ по воскресеньямъ, и то не больше четырехъ разъ въ одинъ спектакль. Кромѣ того въ Москвѣ, если напр., Мочаловъ играетъ дѣйствительно превосходно, то рукоплесканія публики громче и единодушнѣе, но рѣже, и ея восторгъ иногда выражается какимъ-то торжественнымъ безмолвіемъ, въ которомъ слышится изумленіе чудомъ и которое для иного артиста лестнѣе всякихъ воплей и хлопанья. Что всего удивительнѣе въ московскомъ Петровскомъ театрѣ такія явленія бывають даже и по воскреснымъ днямъ».

Какъ ни цѣнно это свидѣтельство Бѣлинскаго, но относительно однообразнаго состава петербургской публики Александринскаго театра онъ повидимому ошибался. Онъ еще не успѣлъ тогда вполне освоиться съ Петербургомъ и его разнообразными элементами и оцѣнилъ зрителей русскаго драматическаго театра нѣсколько поспѣшно.

Изъ другихъ свидѣтельствъ, изъ разныхъ бѣглыхъ замѣтокъ и театральныхъ рецензій видно, что «очень хорошая», «высшая» публика въ Александринскомъ театрѣ бываетъ значительно рѣже, чѣмъ во французскомъ. Первыхъ представленій она почти не посѣщаетъ, на бенефисы не ходитъ. Въ бенефисные спектакли много смѣшанной, разнокалиберной публики и тѣхъ «среднихъ» зрителей, которые сидятъ въ Михайловскомъ театрѣ между первыми рядами креселъ и послѣдними мѣстами партера. Здѣсь много разношерстныхъ посѣтителей, въ теченіе дня занимающихся призывомъ покупателей въ свои лавки. Купцы—довольно многочисленная часть публики. На языкѣ того времени ихъ презрительно называютъ «бородками». Полевой, вышедшій самъ изъ купеческой среды и не мало потерпѣвшій отъ сотоварищей по перу за свое происхожденіе, пишетъ брату, что на мнѣніе бенефисной

публики нельзя полагаться, что тамъ много «бородокъ», что ихъ сочувствіе не цѣнно. Но зато, какъ онъ счастливъ, когда во второе представленіе его пьеса заслуживаетъ еще большее одобреніе зрителей, чѣмъ въ первое, а «бородокъ» среди публики почти нѣтъ. «Театръ былъ набитъ биткомъ—пишетъ онъ,—въ креслахъ знатоки, въ бель-этажѣ beau-monde, въ первомъ ярусѣ почти ни одной бородки». («Записки К. А. Полевого» стр. 409).

И однако ни знатоки, ни «beau-monde» на успѣхъ пьесъ и на содержаніе репертуара почти не вліяютъ. Знатоки пытаются иногда поддерживать пьесы, заслуживающія, по ихъ мнѣнію, вниманія, но ихъ попытки безуспѣшны, ихъ усилія не приводятъ ни къ чему. Никитенко вмѣстѣ съ Печеринымъ, вмѣстѣ съ другими друзьями пытаются продѣлать то, что дѣлали въ Парижѣ Теофиль Готье и пріятели на представленіяхъ «Эрнани», но ихъ усилія тщетны: ни разогрѣть публики, ни поддерживать актеровъ они не могутъ. «Въ Большомъ театрѣ давали Ричарда въ такомъ или почти такомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ творческой головы Шекспира... О, Шекспиръ, Шекспиръ! Къ какимъ варварамъ попалъ ты! На перечетъ восемь или девять человѣкъ во всемъ театрѣ (который былъ полонъ) изъявляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія. Зато нашъ Печеринъ возвратился домой съ опухшими руками: онъ не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира. Нѣтъ, наша публика, рѣшительно, еще не вышла изъ дѣтства. Ей нужны куклы, полеты, превращенія.... Я дѣлалъ глупости, однако жъ вслухъ говорилъ Гебгардту: «Объявите, пожалуйста, этимъ господамъ, что Шекспиръ начальникъ отдѣленія въ департаментѣ NN, или что онъ поручикъ гвардіи: авось они одобрятъ вызовомъ переводчика изъ уваженія къ именитости автора»...

Въ другой разъ Никитенкъ и друзьямъ удастся вызвать нѣкоторое движеніе въ публикѣ, но, конечно, не надолго. «Вчера былъ на представленіи Кребильоновой трагедіи «Атрей», которую перевелъ и поставилъ на сцену нашъ Сорокинъ. Эта пьеса выкроена по мѣркѣ французскаго классицизма, и я боялся, чтобы Сорокина не ошикали за дурной выборъ. Для предупрежденія этого мы, его бывшіе товарищи, составили заговоръ поддержать пьесу. Во всѣхъ почти рядахъ креселъ засѣдалъ кто-нибудь изъ нашихъ. Публика равнодушно отнеслась къ трагедіи, но мы захлопали, закричали, увлекли другихъ, и переводчикъ былъ вызванъ». (стр. 217)...

Все это — исключенія. Успѣхъ пьесъ, ходкость репертуара создаетъ смѣшанная публика, въ которую входитъ «бородка»,

мелкій и средній чиновникъ, пріѣзжій изъ провинціи помѣщикъ. «Высшая публика» пріѣзжаетъ въ Александринскій театръ тогда, когда это по разнымъ соображеніямъ необходимо: напримѣръ, идетъ пьеса, понравившаяся царской фамиліи, или на шумѣвшая и заставившая много говорить о себѣ, или наконецъ извѣстная своимъ патріотизмомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя не быть въ театрѣ, нельзя не посмотрѣть пьесы уже по одному тому, что о ней придется говорить вездѣ, гдѣ встрѣтишься съ знакомыми. Такой успѣхъ выпадаетъ на долю пьесъ Полевого, патріотическихъ измышлений Скобелева, нѣкоторыхъ, очень немногихъ, переводныхъ, на долю особенно нравившихся Николаю Павловичу водевилей Каратыгина или Григорьева. Но все это опредѣляется уже послѣ перваго представленія. Въ противоположность нынѣшнимъ временамъ «очень хорошая публика на первые спектакли не идетъ; она боится впутаться въ непріятное дѣло: такъ много пьесъ проваливается, такое небольшое ихъ число заслуживаетъ одобренія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ высокопоставленныя лица посѣщаютъ первые спектакли. Хроникеръ «Сѣв. Пчелы» съ удивленіемъ отмѣчаетъ, что на бенефисѣ Сосницкаго въ первое представленіе переводной пьесы «Разводъ», среди многочисленной публики «мы видѣли нашихъ вельможъ». (1833 г. № 7). «Высшая публика» обыкновенно выжидаетъ: «она идетъ въ русскій театръ въ томъ случаѣ, если пьеса на первомъ представленіи имѣла исключительный успѣхъ, если о ней заговорили въ гостиныхъ и салонахъ, и ужъ, конечно, въ томъ случаѣ, если пьеса заслужила высочайшее одобреніе. Тогда нѣтъ отбою отъ публики. «Дѣдушка русскаго флота» Полевого, понравившійся маленькому наслѣднику, становится излюбленной пьесой сезона: зрителей масса, пьесу повторяютъ, билеты достаются съ трудомъ, «бородки» вытѣсняются «очень хорошей» публикой. Всѣ съ особеннымъ увлеченіемъ внимаютъ слухамъ о благосклонномъ отношеніи царя къ пьесѣ Полевого. Передаютъ изъ устъ въ уста слова Николая: «Полевой далъ мнѣ семейный праздникъ»; рассказываютъ, какъ гр. Бенкендорфъ призвалъ автора пьесы, обнялъ его, передалъ брилліантовый перстень и высокомилостивое повелѣніе писать для русской сцены: «Государь благодаритъ Васъ; велѣлъ сказать вамъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ необыкновенныхъ дарованіяхъ Вашихъ, но не предполагалъ въ васъ такого сценическаго искусства. Онъ проситъ васъ, приказываетъ вамъ писать для театра. Давайте мнѣ все, что напишите; государь самъ будетъ все читать»... Съ такимъ же удивленіемъ и восторгомъ рассказываютъ, что за нѣсколько времени до того, какъ Кукольникъ кончилъ писать «Рука Все-

вышняго отечество спасла», онъ получилъ записку, написанную на маленькой бумажкѣ характернымъ почеркомъ Николая Павловича: «Николай Романовъ ждетъ къ себѣ Кукольника завтра въ девять часовъ утра!». «Beau-monde» внимаетъ этимъ словамъ не съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ сами авторы нашумѣвшихъ пьесъ. Театръ гремитъ отъ рукоплесканій: «Дѣдушка русскаго флота» и «Рука Всевышняго» въ общемъ представленіи на много превосходятъ все, что когда-либо было написано Шекспиромъ и другими знаменитыми драматургами.

Нѣтъ, «beau-monde», къ которому такъ почтительно относился Полевой, не имѣлъ никакого вліянія на выборъ репертуара: онъ шелъ за другими. Пробовалъ этотъ «beau-monde» устраивать у себя частныя зрѣлища, но рѣдко эти затѣи вели къ чему-нибудь прочному. Въ 1828 году образовалась великосвѣтская такъ называемая Нарышкинская Академія, (въ противоположность Львовской, состоявшей изъ любителей, принадлежавшихъ къ разнымъ слоямъ общества). «Истинные знатоки и любители музыки, — какъ писала «Сѣверная Пчела» 16-го февраля 1828 года, — изъ высшаго сословія составили между собой Общество въ той цѣли, чтобъ, проводя пріятно досужное время, укоренить въ здѣшней публикѣ вкусъ къ музыкѣ, сему благородному занятію, столь свойственному нашему климату, заставляющему насъ болѣе половины года проводить въ домахъ»... «Управляющій комитетъ Общества состоитъ изъ слѣдующихъ почтенныхъ особъ: Директорша княгиня Наталья Петровна Куракина. Директоры по части устройства: Е. В. Д. Л. Нарышкинъ, Графъ К. В. Нессельроде, графъ Г. К. Моденъ. Директоры по части музыки: Неаполитанскій посланникъ графъ Лудольфъ»... и т. д. «Члены Общества обоего пола принимаются по выбору Комитета и вносятъ ежегодно по 75 р.»... Никитенко присутствовалъ на репетиціи и на первомъ концертѣ, данномъ академіей, видѣлъ поразительную роскошь убранства, богатство костюмовъ, и ему «пришло въ голову, что это не больше, какъ пыль, и, можетъ быть, въ самомъ близкомъ будущемъ»... Угрюмый авторъ дневника не прибавляетъ, что предвидѣлъ онъ въ самомъ близкомъ будущемъ для этого общества. Но и въ настоящемъ, въ годы, когда велся дневникъ, люди высшаго круга не имѣютъ никакого значенія для успѣха или неуспѣха театра. Они идутъ за другими, слѣдуютъ молчаливому повелѣнію свыше или уже составившемуся мнѣнію объ интересѣ, представляемомъ пьесой, повторяютъ чужое и, несмотря на презрѣніе къ «бородкамъ», мелкимъ чиновникамъ и провинціаламъ, въ дѣйствительности руководствуются ихъ мнѣніемъ.

«Знатоки» также не имѣютъ вліянія. Ихъ чрезмѣрно мало, и слишкомъ отличаются они, по своимъ вкусамъ и требованіямъ, отъ большинства публики. И отъ драматурга, и отъ актеровъ они требуютъ не того, чему поклоняется и чего желаетъ большая часть зрителей. Пусть вспомнитъ читатель уже приводившійся въ одной изъ предыдущихъ статей разсказъ Аксакова объ игрѣ Мочалова, пытавшагося однажды приспособить свое исполненіе къ требованіямъ «знатоковъ». Одно-два дѣйствія онъ провелъ въ соотвѣтствіи съ желаніями строгихъ цѣнителей, но театръ молчалъ, публика скучала. Уставъ бороться съ равнодушіемъ зрителей, Мочаловъ загремѣлъ, закричалъ, зарычалъ, сдѣлалъ совершенно недопустимый скачокъ отъ прежней сдержанности къ полной разнузданности, и театръ воспрянулъ аплодисментами, сочувственными криками, шумомъ, плачемъ: «бородки» и другіе имъ подобные услыхали отвѣтъ на свое требованіе, стали внимать тому, что имъ было нужно, для чего они пришли въ театръ. Это въ Москвѣ. Но «бородка», средній чиновникъ, пріѣзжій помѣщикъ властвуютъ и въ Петербургѣ. Они, правда, въ театрѣ ведутъ себя скромно, иногда даже разговариваютъ шопотомъ, боятся высказывать свое мнѣніе, какъ будто ожидая одобренія первыхъ рядовъ прежде, чѣмъ начать аплодировать, но на самомъ дѣлѣ вліяютъ не только на «очень хорошую» публику, но даже на знатоковъ и присяжныхъ цѣнителей. Рецензенты того времени не устаютъ, напримѣръ, кричать противъ мелодрамы, противъ увлеченія злодѣйскими авантюристами, преступленіями, нелѣпостями Пиксерекура, Дюканжа и К^о. Но «бородки» не слушаютъ увѣщаній, съ замираніемъ сердца слѣдятъ за мелодраматическими перипетіями, и, къ удивленію читателей, а, можетъ быть, и къ своему собственному, рецензенты вдругъ кончаютъ за здравіе того, чему только что читали отходную, радуются успѣху пьесъ, противъ которыхъ только что возставали, идутъ за мнѣніемъ и симпатіями скромныхъ «бородокъ» и тихихъ чиновниковъ. 3-го мая 1828 года въ первый разъ представили на сценѣ Большого театра въ Петербургѣ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». «Эта мелодрама принадлежитъ къ самымъ ужаснымъ изъ представлений сего рода», — пишетъ рецензентъ «Сѣверной Пчелы». Онъ не находитъ въ пьесѣ ничего достойнаго вниманія, не допускаетъ, чтобы изъ жизни главнаго лица можно было сдѣлать пьесу. «Можетъ ли такое лицо быть предметомъ Драмы? Оно возбуждаетъ въ сердцѣ зрителя чувства ужаса и омерзѣнія, а не того интереса или участія, на которомъ основана занимательность повѣсти или театральнаго представленія». Но «ужасная» мелодрама вторгается, держится на сценѣ, и новыя ея представленія встрѣ-

чаютъ еще болѣе жестокіе отзывы рецензента: «Во Франціи, сильно противящейся введенію романтической трагедіи, родилось новое чудовище подъ именемъ Мелодрамы для удовлетворенія вкусу публики, требующей непремѣнно сильныхъ ощущеній. Самая омерзительная часть человѣчества, разбойники и злодѣи, сдѣлались героями сихъ мелодрамъ и завязку пьесъ основали на порокахъ. Ядъ, ножы, кинжалы, убійство, измѣны, развраты, вѣроломство явились на сценѣ въ разныхъ видахъ пугать зрителей и извлекать слезы зрѣлищемъ страданія и угнетенія невинности. Люди стали сбѣгаться въ театръ, какъ на лобное мѣсто, смотрѣть наказаніе порока, полюбовавшись прежде нѣсколькими злодѣяніями, совершенными на сценѣ. Общий вкусъ увлекъ многихъ писателей, и театральные репертуары наполнились ужасными произведеніями, почерпнутыми изъ Архивовъ уголовныхъ судилищъ». Къ этого рода «ужаснымъ» произведеніямъ рецензентъ относитъ «Жизнь игрока». Кажется, идти дальше въ разностъ пьесы и всего жанра, къ которому она принадлежитъ, нельзя. Но передъ вкусомъ «бородокъ» присяжный цѣнитель внезапно склоняется и радуется эффекту, производимому пьесой. «Дѣлать нечего, — говоритъ онъ, — театръ заведенъ для публики, и должно представлять то, что ей нравится... Въ каждое представленіе («Жизни игрока») театръ бываетъ полонъ, рукоплесканіямъ нѣтъ конца; слезы льются рѣкою: въ добрый часъ»!..

«Борода» вмѣстѣ съ бритымъ чиновникомъ и усыатымъ помѣщикомъ опредѣляетъ репертуаръ. Но и эта публика немногочисленна. Нѣтъ еще съ одной стороны всеобщей непреодолимой потребности къ зрѣлищамъ, а съ другой — купецъ, — да и не одинъ купецъ, — все-таки помнить, что театръ — дьявольское навожденіе. Конечно, трудно удержаться отъ искушенія, — кто Богу не грѣшнъ, царю не виноватъ? — но часто ходить въ театръ любоваться постоянно на бѣсовское зрѣлище могутъ только особенные любители, забывшіе грѣховность «позорища». Даже болѣе образованные люди не забываютъ грѣховности театра. С. Д. Нечаевъ пишетъ Погодину, по поводу пожара Большого театра: «Самый пожаръ языческаго храма въ великій постъ есть уже проповѣдь велегласная» (Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», XII, стр. 463). Да и самъ Погодинъ, писавшій для театра, терпѣвшій отъ цензуры и все-таки продолжавшій свои драматургическіе опыты, по поводу того же пожара, высказываетъ мысли, указывавшія на слишкомъ малое уваженіе къ театральнымъ зрѣлищамъ: «Театральный пожаръ нельзя назвать несчастіемъ: театръ — мѣсто удовольствій; сгорѣлъ — денежный убытокъ, непріятный случай»... Понятно, что купецъ, въ своей массѣ, также

видить въ театрѣ учрежденіе, о вредѣ котораго ясно говорить «велегласная проповѣдь» въ видѣ пожара въ великій постъ. Но грѣхъ все-таки очень соблазнителенъ, и купецъ идетъ въ театръ, восторгается, увлекается, пріобрѣтаетъ симпатіи и антипатіи въ театрѣ. У него есть среди актеровъ любимцы, которымъ онъ сочувствуетъ раньше, чѣмъ они произнесли слово, которыми восторгается, какъ только они вышли на сцену. Онъ ихъ «обожаетъ», аплодируетъ имъ на вѣру, часто не отдавая себѣ отчета, за что. П. Каратыгинъ, братъ знаменитаго трагика, сидитъ въ театрѣ на представленіи «Коварство и любовь» рядомъ съ восторженнымъ купчикомъ. Мочаловъ не въ ударѣ, но купчикъ восторгается, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ любимца, и, когда Мочаловъ шопотомъ произноситъ какую-то фразу, вызывающую аплодисменты публики, восторгъ купчика не знаетъ границъ. Онъ привскакиваетъ на стулѣ, аплодируетъ, стучитъ ногами, кричитъ. Каратыгинъ не разслыхалъ фразы: «Что сказалъ Мочаловъ?» — спрашиваетъ онъ купчика. «Не слыхалъ, батюшка, извините, но играетъ-то какъ, злодѣй, чудо, чудо!»... Таково отношеніе купца къ своимъ любимцамъ въ Москвѣ; такъ же относится онъ къ нимъ въ Петербургѣ. Купцы присутствуютъ на похоронахъ любимаго трагика В. А. Каратыгина, провожаютъ его и остаются на кладбищѣ долго послѣ того, какъ обрядъ погребенія совершенъ и всѣ удалились. Компанія пьетъ вино и вспоминаетъ, въ какихъ роляхъ покойный былъ особенно хорошъ. Но всему приходитъ конецъ; надо ѣхать домой, хотя осталось еще нѣсколько бутылокъ изъ привезеннаго съ собой запаса шампанскаго. Тогда купецъ, торгующій въ Милютинскихъ лавкахъ, Дмитріевъ, беретъ бутылки и, глотая слезы, обращается къ памяти покойнаго: «Дай Богъ Тебѣ царства небеснаго, голубчикъ Василій Андреевичъ, а вотъ какъ мы всѣ любили и уважали»... Онъ отбиваетъ горлышко отъ бутылокъ и поливаетъ могилу шампанскимъ...

Купцы идутъ въ театръ и одни, и съ семьями. Если есть мѣсто въ ложѣ, они берутъ и приказчиковъ, какъ сидящіе въ сосѣднихъ ложахъ чиновники и помѣщики средней руки берутъ съ собой лакеевъ. Послѣдніе необходимы для храненія платья, такъ какъ театральная прислуга не обязана беречь его. Въ ложи театральные разносчики приносятъ сласти, фрукты, напитки. Изъ купеческихъ ложъ раздаются аплодисменты любимымъ актерамъ, хохотъ въ водевиляхъ, Нѣкоторые купеческіе сыновья настолько освоились съ театромъ, что къ нимъ въ ложу ходятъ актеры, представители балета, служащіе при театрѣ. Амбиція купеческихъ сынковъ заключается въ сходствѣ съ дворянскими столичными недо-

рослями. Объ одномъ изъ нихъ рассказываетъ корреспондентъ «Сѣверной Пчелы»:

«Съ лѣвой стороны сидѣло большое семейство: отецъ, мать, три дочери и два сына. Лакей во фризовой шипели, смиренная одежда господъ показывала, что они люди небогатые... что это семейство небогатаго чиновника, изрѣдка пользующагося удовольствіями спектакля. Справа я увидалъ молодого человѣка; не смотря на багровое распухшее лицо ему казалось не болѣе 18 лѣтъ. Подлѣ него сидѣла женщина, скромно одѣтая, лѣтъ тридцати, а позади въ волчьей шубѣ чловѣкъ уже не молодой: не трудно было узнать въ немъ купеческаго приказчика. Всѣ разносчики театральные перебивали у него въ ложѣ, приносили и апельсины, и конфекты, и лимонадъ, и медъ. Половина театральныхъ танцовщицъ перебивала у него; онъ со всѣми пріятель. Всѣ купчики, вытягивающіеся и улыбающіеся въ панскихъ и суровскихъ рядахъ, безпрерывно толпились въ ложѣ моего сосѣда. Этотъ торговый юноша прекрасно передразниваетъ свѣтскихъ молодыхъ людей»... («С. Пчела». 1829 г., № 121).

Но и купческіе сыновья, и сами «бородки», и чиновники, и провинціалы составляютъ все-таки немногочисленную театральную публику. Зрителей мало, и это обстоятельство является главной причиной необыкновеннаго количества новыхъ постановокъ, частой смѣны пьесъ, огромнаго репертуара. Язвой театральнаго дѣла знатоки того времени считаютъ систему бенефисовъ. Для привлеченія публики бенефицианты ставятъ новыя пьесы, плохо написанныя, еще хуже разученныя, почти не срететированныя, идущія по суфлеру. Большая часть драбедени ставится именно въ бенефисы,—дирекція дѣлаетъ выборъ нѣсколько болѣе тщательно. Кажется, будто стоитъ только ввести иную систему оплаты актеровъ, уничтожить бенефисы, и репертуаръ улучшится: исчезнетъ негодный мусоръ, заполняющій театръ. Увы! Неосуществимая иллюзія! Дирекція не можетъ рѣшиться на измѣненіе системы оплаты актерскаго труда, ибо она принуждена будетъ ставить драбедень уже отъ своего имени; зрителей все-таки недостаточно, чтобы повторять много разъ каждую постановку. Приходится мѣнять пьесы и настолько часто, что бываютъ годы, когда на 3 спектакля приходится одна новая пьеса, а иногда и больше. Въ 1839 году, на примѣръ, на всѣхъ театрахъ Петербурга состоялось 345 спектаклей. Въ теченіе этого времени было дано 129 новыхъ пьесъ, т.-е. въ среднемъ больше одной новой пьесы на три спектакля. Изъ новыхъ пьесъ на русскій драматическій театръ приходится 64, на оперный — 9, на французскій — 40, на нѣмецкій — 16. Возобновлены на

всѣхъ театрахъ 28 пьесъ». («Сѣверная Пчела», 1839 года, № 86). Въ среднемъ, слѣдовательно, на каждую новую и возобновленную пьесу приходится въ теченіе года два представленія... Конечно, бываютъ головокружительные успѣхи, когда одна пьеса выдерживаетъ огромное для своего времени число представленій, когда всѣ классы зрителей, и beau-monde, и знатоки, и бородки, и модистки, и плебсъ,—по нѣскольку разъ смотрятъ нашумѣвшую пьесу, когда въ театръ идутъ даже люди, обыкновенно его не посѣщающіе. Напримѣръ, водевилъ Григорьева «Полька въ Петербургѣ или балъ у танцевальнаго учителя» имѣлъ въ 1844 году ошеломляющій успѣхъ, небывалый до того времени въ Александринскомъ театрѣ: пьеса въ одинъ сезонъ была повторена 31 разъ. «Герои преферанса», комедія того же автора съ куплетами, выдержала 24 представленія. «Ложа 1-го яруса» Каратыгина, особенно нравившаяся Николаю Павловичу, была дана въ годъ постановки много разъ и послѣ того долго не сходила со сцены. На долю пьесъ Полевого выпало также счастье многочисленныхъ повтореній. Успѣхомъ пользовались и «Дѣдушка русскаго флота», и «Купецъ Иголкинъ», и «Уголино». «Параша - Сибирячка» въ теченіе короткаго времени была представлена 15 разъ.

Но все это — исключительные случаи. Малочисленность зрителей требуетъ частыхъ обновленій репертуара—вѣрнѣе, постоянно новыхъ пьесъ. Чрезмѣрное ихъ количество смущаетъ рецензентовъ того времени, ищущихъ причины страннаго явленія. Одни находятъ се въ климатѣ, другіе въ отсутствіи иныхъ развлеченій, — въ причинахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ основной: съ малымъ числомъ зрителей. «Климатъ нашъ, заставляющій насъ три четверти года укрываться въ домахъ, принуждаетъ избирать забавы, сообразныя съ нашимъ родомъ жизни, и потому въ Петербургѣ почти единственное публичное удовольствіе есть театръ», увѣряетъ рецензентъ «С. Пчелы», находящій въ томъ же климатѣ объясненіе и нашей измѣнчивости. Другой рецензентъ не удовлетворенъ подобнымъ объясненіемъ. «Почему «Пчела» полагаетъ, что климатъ нашъ причиной, что въ Петербургѣ единственное публичное удовольствіе есть театръ? Развѣ нельзя укрываться отъ дурной погоды, холода или дома у себя, или у пріятеля за картами, бесѣдою и другими упражненіями?.. Авторъ находитъ объясненіе въ нашей природной измѣнчивости: «Мы любимъ перемѣну, любимъ новое. Всякій удивляется или вѣрить мнѣ не хочетъ, когда я увѣряю, что въ Неаполѣ одна и та же опера представляется два и три мѣсяца сряду и что слушаютъ ее съ восхищеніемъ именно тогда, когда знаютъ не только музыку, но и весь речитативъ наизусть. У насъ не такъ. Вотъ почему французъ

скій театръ при всей посредственности своей, болѣе всегда будетъ здѣсь публикою посѣщаемъ, нежели итальянскій. Въ первомъ пьесы часто мѣняются и даютъ оныхъ по три и даже по четыре въ одинъ вечеръ». Корреспондентъ не останавливается на констатированіи нашей измѣчивости; онъ указываетъ и на то, что пьесы въ сущности чужды русскому зрителю и принимаются исключительно, какъ «развлеченіе». «Сія смѣсь Комедій, Драмъ, Оперъ и безчисленныхъ Водевилей,—продолжаетъ онъ,—долженствовавшихъ бы доставить болѣе удовольствія Французамъ, нежели намъ, относясь по большей части къ обычаямъ, привычкамъ и мѣстностямъ Парижскимъ, весьма угодна здѣшней публикѣ и доставляетъ ей развлеченіе, хотя и не всегда съ удовольствіемъ сопряженное. По той же причинѣ прекраснѣйшія произведенія Россини, сего славнаго очарователя нашего вѣка, будутъ здѣсь сначала приняты съ восхищеніемъ, а потомъ скоро брошены».

Зритель малочисленъ и нестойкъ. Онъ требуетъ смѣны впечатлѣній, ни въ одномъ жанрѣ не находя дѣйствительнаго отвѣта своимъ желаніямъ. «Благочинный» и «приличный» по внѣшности, солидный и сдержанный по выраженію чувствъ (купеческій сынъ, конечно, исключеніе, — иначе онъ не былъ бы занесенъ на страницы газеты), зритель шатается и не знаетъ опоры. Онъ какъ будто боится остановиться мыслью на чемъ-нибудь одномъ. Какъ мужики у Слѣпцова, утверждающіе, что «отъ думы хуже», онъ стремится воспринять впечатлѣніе, но не переработать его въ понятіе. Наступаетъ дѣйствительно эра «день прошелъ и слава Богу», и въ прохожденіи дня театръ долженъ играть важную роль занимателя мгновеній,—«развлекателя».

4.

Въ этихъ условіяхъ водевилъ получаетъ необыкновенное развитіе. Онъ плодится и размножается, обростаетъ куплетами, вырастаетъ до размѣровъ важнаго событія, захватываетъ все вниманіе, привлекаетъ всѣ сердца. Мѣсто, которое онъ занималъ при наиболѣе талантливомъ куплетистѣ Писаревѣ, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, во что онъ выростетъ при Ленскомъ, Каратыгинѣ, Григорьевѣ и десяткахъ другихъ. Репетилловъ ошибался, называя водевилъ своего времени «вещью»: истинной цѣнностью, отбѣняющей ничтожность остальной «гили», онъ становится только теперь, въ угрюмыя николаевскія времена, въ годы вытекающей «изъ глубины чувства» «благопристойности» и погребенной надолго «политики». Для чужающагося «думъ» зрителя водевилъ—неотцѣнимое приобрѣтеніе. Онъ веселъ, далекъ отъ жизни,

часто нелѣпъ и удобенъ для объединенія съ другими. Ничто не возбуждаетъ такъ мало разногласій въ оцѣнкѣ, какъ водевиль; на немъ сходятся всѣ: и beau-monde, и бородки, и чиновники, и купеческіе сынки. «Ложь 1-го яруса», водевиль Каратыгина, такъ нравится императору Николаю Павловичу, что, когда онъ является въ театръ, одну изъ пьесъ отмѣняютъ, наспѣхъ посылаютъ за нужными актерами и опять, и опять ставятъ знаменитую «Ложь». Даже Герценъ, вспоминая о театрахъ этого времени, удерживаетъ въ памяти водевили. Въ 50-хъ годахъ онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ пріѣзда Щепкина въ Лондонъ и пишетъ о своихъ ожиданіяхъ М. К. Рейхель: «Въ памяти встаютъ не серьезныя роли Щепкина, а припѣвъ: «Чукъ-Чукъ, Тетана, чернобрива, кохана». (Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель.)... Водевиль Григорьевъ «Полька съ С.-Петербургъ» и «Герои преферанса» захватываютъ рѣшительно всѣхъ; публика бѣжитъ на нихъ, стараясь выучить наизусть то, что наиболѣе понравилось въ куплетахъ. Въ противоположность многимъ драмамъ, которыя забываются чуть ли не на другой день послѣ спектакля и не возбуждаютъ толковъ, водевили захватываютъ и память и воображеніе; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль весь Петербургъ — и бритый, и бородатый, и въ канцеляріяхъ, и въ лавкахъ, — распѣваетъ:

Ужъ я же друга милочку,
Доѣду, проучу,
И въ жилку друга, въ жилочку
Чувствительно хвачу.

Рецензенты говорятъ о водевиляхъ, какъ о пьесахъ, изученіе и толкованіе которыхъ необходимо. Они не довольствуются простымъ констатированіемъ успѣха или неуспѣха водевиля, «благосклоннаго» или неблагосклоннаго отношенія публики, указаніемъ на веселость или скучныя стороны водевиля. Они разбираютъ правдивость характеровъ, благородство или неблагородство направленія, близость или отдаленность отъ жизни. Говоря объ одноактной комедіи, отличающейся отъ водевиля только отсутствіемъ куплетовъ, рецензентъ прибавляетъ: «въ формѣ водевиля, при хорошихъ куплетахъ, она, вѣроятно, понравилась бы еще болѣе, но и въ теперешнемъ видѣ, по своему умному и благородному содержанію, по языку легкому и разговорному, она принята публикой съ величайшимъ одобреніемъ». «Умное и благородное содержаніе» пьесы («Замужняя вдова или мужъ холостякъ») сводится къ тому, что живописецъ Ландшафтицъ распустилъ слухъ о своей смерти и, пользуясь этимъ слухомъ, уже подъ другимъ именемъ, сталъ выдавать себя за холостого, волочиться

за женщинами и даже дѣлать матримоніальныя предложенія. Жена, принявъ иную фамилію, встрѣтила его въ то время, какъ онъ дѣлалъ предложеніе другой женщинѣ, вздумала подурочить его и, продѣлавъ нѣсколько смѣшныхъ экспериментовъ, вернула его къ себѣ.

Но не только «умный и благородный» водевиль привлекаетъ; къ нему идутъ, еще не зная его содержанія. Одними водевилями можно наполнить вечеръ и ручаться, что въ театрѣ будетъ привлечено не менѣе публики, чѣмъ въ дни смѣшанныхъ спектаклей. Нельзя смотрѣть на водевиль только какъ на спутникъ драмы, какъ на десертъ послѣ тяжелаго кушанья. Водевиль, самъ по себѣ, представляетъ кушанье, способное насытить голодающихъ; онъ можетъ замѣнить и драму, и комедію и всякій другой жанръ театральнаго произведенія. Если вы ознакомитесь съ репертуаромъ московскихъ и петербургскихъ театровъ за это время, то вы откроете не малую часть спектаклей, состоявшихъ изъ однихъ водевилей. Возьмите на удачу хоть октябрь 1840 года. Въ Александринскомъ театрѣ поставлено за это время всего 25 спектаклей; изъ нихъ большинство состояло изъ драмы или легкой комедіи и двухъ водевилей. Но въ десяти спектакляхъ фигурируютъ только одни водевили. Комбинируются вмѣстѣ «Деревенскій докторъ», комедія-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ; «Задушевные друзья», комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; «Два вѣнца», комедія въ одномъ дѣйствіи; «Балъ у банкира», комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (2-го октября); или «Ножка», водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; «Полковникъ новыхъ временъ», комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; «Здравствуйте, братцы», комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; «Сюрпризъ дочкѣ», водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (31 октября); или, на примѣръ, «Петербургскія квартиры», комедія-водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ и «Левъ Гурычъ Синичкинъ», комедія-водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ. Въ Москвѣ въ это время въ дѣйствіи—только Большой театръ; въ немъ дано всѣхъ спектаклей,—считая оперы балеты, драмы, водевили—28. Среди нихъ спектаклей только съ пьесами, носящими названіе водевилей, немного; лишь 29-го октября мы находимъ: «Харьковскій женихъ», водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ; «Гусарская стоянка», водев. въ 1-мъ дѣйствіи; «Архивариусъ», вод. въ 1-мъ дѣйствіи. Но нерѣдки такіе соединенія: «Левъ Гурычъ Синичкинъ», вод. въ 5-ти д., «Именины помѣщика», интермедія (1-го октября) или «Архивариусъ», вод. въ 1-мъ д., «Дѣловой человекъ», вод. въ 1-мъ д., «Сганарель», ком. въ 1-мъ д., «Бездѣтная вдова» вод. въ 1-мъ д.; или «Русскій человекъ», драма въ 1-мъ д., «Онъ остепенился», вод. въ 1-мъ д., «Усы», вод. въ 1 д., «Татьяна прекрасная», интермедія.

Водевиль преобладаетъ не только тамъ, гдѣ онъ подается въ качествѣ главнаго блюда, *pièce de resistance*, но и тамъ, гдѣ на первомъ планѣ значится драма или трагедія. Въ началѣ 1841 года рецензентъ «Репертуара русскаго театра» идетъ на второе представленіе «Коріолана» (первый спектакль состоялся въ бенефисъ Каратыгина, и, конечно, театръ былъ полонъ). Онъ пораженъ «роковой надписью», гласящей: «билетовъ нѣтъ никакихъ». Рецензентъ приходитъ къ заключенію, что Шекспиръ имѣетъ большое число поклонниковъ среди петербургскихъ зрителей. Но, «желая во что бы то ни стало, хоть разъ еще взглянуть на Коріолана,—говоритъ рецензентъ,—мы въ третье представленіе снова отправились въ Александринскій театръ. Слава Богу, прежней досадной надписи нѣтъ. Мы вошли въ залу. Окинувъ ее взглядомъ, къ величайшему удивленію нашему увидѣли мы, что она была болѣе, чѣмъ вполовину, пуста. Что-жъ это значитъ такое?—подумали мы невольно: во второе представленіе нѣтъ никакихъ билетовъ, а въ третье не занято и половины театра? Или въ два раза весь Петербургъ успѣлъ пересмотрѣть новую пьесу Шекспира? или не ошиблись ли мы? Коріолана не даютъ сегодня? Тотъ же часъ взглянули на афишу. Да, играютъ *Коріолана*, того самаго, что и во второе представленіе... Только не даютъ ни «Молодого человѣка въ 60 лѣтъ», ни «Тарантеллы», ни... т.-е. ни одной изъ тѣхъ піесъ и *непіесъ*, которыя были играны вмѣстѣ съ Коріоланомъ въ первое и второе представленіе». Въ Коріоланѣ, по увѣренію рецензента, публика слушаетъ только Каратыгина; когда говорятъ другіе, она говоритъ сама.

Такъ притягательно и властно дѣйствуетъ водевиль. Онъ привлекаетъ, какъ охмеляющій напитокъ, и нѣсколько разъ вкусивъ его, зритель уже не можетъ отказаться отъ наслажденія. За отсутствіемъ собственнаго водевильнаго производства, забавляетъ всего чаще иностранный водевиль съ русскими куплетами, съ нѣкоторыми незамысловатыми намеками на извѣстныхъ лицъ. Какъ полудикарь, для того, чтобы сдѣлать водку болѣе крѣпкой, прибавляетъ въ нее табакъ, белену, нѣчто увеличивающее дурманъ и раздраженіе напитка,—такъ зритель требуетъ подбавленія во французскій водевиль русскаго духа, переноса дѣйствіе изъ Парижа въ Петербургъ, въ Москву, въ Тамбовъ, измѣненія именъ и фамилій, вкладыванія въ уста дѣйствующихъ лицъ русскихъ смѣшанныхъ выраженій.

Конечно, не всѣ водевили—только бессмыслица и безсодержательная, и непонятная теперь. Но и бессмыслицы много. Французскіе смѣшки, придѣланные къ русской дѣйствительности, нерѣдко порождаютъ такую неурядицу, въ которой теперь трудно

найти хотя какой-нибудь поводъ для смѣха. Многіе изъ нихъ, какъ эфемериды, живутъ одно представленіе, разочаровываютъ зрителя своимъ неосуществившимся намѣреніемъ разсмѣшить, и навѣки уносятся со сцены. Есть смѣшашіе и недолговѣчные; есть довольно изящные, но проходящіе безъ успѣха. Трудно сказать, что именно вызываетъ интересъ зрителя въ пьесахъ, явно передѣланныхъ съ французскаго, почему одни водевили имѣютъ успѣхъ, другіе, ничѣмъ не ниже и не бездарнѣе (какъ и не талантливѣе), проходятъ незамѣченными. Много передѣлокъ съ французскаго такъ же какъ «оригинальныхъ» водевилей, «комедій-водевилей», «комедій съ куплетами», говорятъ о кажущемся обманѣ женой мужа или обратно. На дѣйствительный обманъ авторы рѣшаются сравнительно рѣдко: слишкомъ щепетильны зрители, чтобы смѣяться надъ рогатыми мужьями и обманутыми женами. Кажущійся, но имѣющій видъ настоящаго, обманъ вполне достаточенъ, чтобы вызвать насмѣшки надъ довѣрчивымъ мужемъ. Въ семьѣ все обстоитъ благополучно, жена любитъ мужа, но за нею ухаживаетъ молодой человѣкъ, который и ставитъ ее въ двусмысленное положеніе. Вотъ эта-то двусмысленность и не замѣчается мужемъ и дѣлаетъ его смѣшнымъ; и смѣшно благополучное окончаніе дѣла, которое никогда не переставало быть благополучнымъ. И въ каждомъ общественномъ слѣѣ могутъ случаться подобныя удивительныя обстоятельства; отъ нихъ не гарантирована обыкновенная средняя семья, гдѣ мужъ очень ревнивъ («Двѣ женщины противъ одного мужчины»), не обезпечена семья тихаго, совсѣмъ неревниваго нотариуса («Жизнь или смерть, или самоубійство отъ любви»), не освобожденъ и пышный дворецъ герцога («Голубой токъ», — болѣе, впрочемъ, изящная пьеска, чѣмъ большинство издѣлій этого рода). Въ отношенія между мужемъ и женой, кромѣ постороннихъ соблазнительей, вмѣшивается теща. Она не играетъ той роли, которую займетъ въ позднѣйшихъ заимствованныхъ и «оригинальныхъ» фарсахъ, но общій характеръ невѣроятностей, связанныхъ съ вмѣшательствомъ тещи въ жизнь молодыхъ супруговъ, обозначается и теперь. Иногда ея образъ чуть обрисовывается лишь для того, чтобы мотивировать желаніе мужа уйти изъ дома («Полька въ С.-Петербургѣ»); иногда ея мѣсто занимаетъ сварливая жена («Два купца и два отца»).

Кромѣ измѣны, тѣхъ или иныхъ семейныхъ отношеній, трагическихъ со смѣшной стороны, водевиль используетъ всю гамму личныхъ недостатковъ, могущихъ такъ или иначе возбудить смѣхъ: разсѣянность, близорукость, зябкость, косноязычіе, неумѣнье иностранца говорить по-русски; въ наиболѣе сгущен-

номъ смѣхъ онъ эксплуатируетъ сразу и заиканье, и плохое знаніе русскаго языка («мо...моёй ше... шелааетъ тру... тругую кормились, э... эта о... очень кри... кричить и о... очень пода... арка люпитъ»). Рѣдко, рѣдко проскальзываетъ характерная для времени черточка въ родѣ той, которую мы встрѣчаемъ въ передѣланной съ французскаго Федоровымъ пьесѣ «Таинственный гость», гдѣ дѣвица хорошаго круга, ведущая переписку съ возлюбленнымъ, не умѣетъ писать и пользуется услугами «таинственнаго гостя», писца.

Нерѣдко фабула совершенно исчезаетъ: нѣтъ ни измѣны, кажущейся или дѣйствительной, ни тещи, ни личныхъ недостатковъ — все сосредоточивается на умѣньѣ актера или актрисы переодѣваться, гримироваться и пѣть куплеты разными голосами (серія «водевилей съ переодѣваньемъ», «Комедія съ дядюшкой», «Еще комедія съ дядюшкой»). Иногда главный комизмъ заключается въ фамиліи дѣйствующаго лица, гармонирующей съ его собственнымъ положеніемъ, занятіемъ или душевными качествами. Добросердовы и Модестовы старыхъ пьесъ переходятъ и сюда, но съ измѣненной «расцвѣткой». Чиновникъ, постоянно играющій въ префрансъ, носитъ фамилію Прикупки, докторъ именуется Климъ Герасимычъ Микстура. Эта фамилія пріобрѣтаетъ особый комизмъ, когда она вставляется въ куплеты. Докторъ поетъ:

Ты смотри: я сталъ, какъ шура!
Этакъ вся моя натура
Истомится.
Вспомни Домна, вспомни, дура,
Климъ Герасимычъ Микстура
Пригодится.

Употребленіе русскихъ разухабистыхъ выраженій должно, кажется авторамъ и зрителямъ, приближать пьесу къ русской жизни. Передѣланный съ французскаго Ленскимъ «фарсъ-водевиль» (есть и такая разновидность) «Двѣ кормилицы» начинается перебранкой: «Домна: Чумичка, дурища ты этакая. *Оекла:* А ты сплетница, подлестюха, негодяйка. Домна: А вотъ я те плюну, разбойница. *Оекла:* Ну-ка, ну-ка, тронь, попробуй. Я те рожу-то сверну на сторону... Домна: Пошла ты, тварь окаянная! *Оекла:* Мерзавка, этакая... Жаба скверная!»... Особенно интересны экскурсіи въ область народнаго языка, не связаннаго непременно съ упоминаніемъ о родителяхъ: «Миѣ туточки не по мысли... Полно вамъ съ балясами-то... Миѣ хочется отойти отселича...» Такъ говоритъ истинно-русскій народъ переводныхъ французскихъ водевилей, но какъ только эти «отселича» и «туточки» прекращаются и начинается то, что должно обозначать

веселость духа русской прислуги, такъ французское происхождение рѣзвости и веселости обнаруживается во всей силѣ.

Стремясь къ удовлетворенію зрителя, водевилъ перескакиваетъ иногда черезъ предѣлы допускаемаго приличія и переходитъ въ область двусмысленностей, скабрзностей, пошлыхъ намековъ. Рецензенты не разъ останавливаются на этомъ стремленіи водевилистовъ перешагнуть границы дозволеннаго. Хроникеръ «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» съ негодованіемъ констатируетъ такія стремленія въ водевилѣ Ленскаго «Женихъ на расхватъ». «Довольно сказать, — оворитъ онъ, — что онъ весь состоитъ изъ пошлостей и такихъ куплетовъ, о которыхъ поневолѣ спросишь: что это такое, острота или плоскость? Вообще у насъ водевилисты думаютъ что двусмысліе и намеки, тѣшащіе грѣшною мечтою чувства, должны быть необходимымъ условіемъ каждаго водевиля и многихъ куплетовъ; а не худо бы имъ убѣдиться въ истинѣ, что все оскорбляющее вкусъ и приличіе, не можетъ нравиться. Апплодисменты вѣтренной молодежи ничего не значать и никогда не поддержать пьесы»... И рецензентъ по-видимому, правъ: такая тенденція водевилей принимается плохо, — большинство зрителей къ ней нерасположено, несмотря на «апплодисменты вѣтренной молодежи»...

Но не на одну веселость рассчитываетъ водевилъ. Недаромъ рецензенты считаютъ необходимымъ серьезно и подробно анализировать ихъ. Водевили поучаютъ. Какія истины преподносятъ они зрителю? Нравоученія водевильныхъ куплетовъ сходны съ моралью басенъ. Нечто необыкновенно общее, расплывчатое, приложимое ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ, но выдаваемое за «наше время» и наше общество. Куплеты печатаются иногда отдѣльно, какъ нечто представляющее интересъ вѣ той фавулы, къ которой они привязаны. Вы находите ихъ въ Альманахахъ, въ специальныхъ журналахъ, иногда, какъ приманку, даже ранѣ появленія на сценѣ; и самыя названія указываютъ на общерасплывчато-нравоучительный характеръ: «Нынѣшніе родные» (изъ вод. «Усь»), «Умѣнье жить на свѣтѣ» (изъ вод. «Волшебный носъ»), «Дружба» (изъ вод. «Невѣста-гусаръ»), «Деньги» (Вдова чиновника):

При деньгахъ намъ любовь вѣрна,
Безъ денегъ честь — почти безчестье;
Невѣста глупая — умна,
Когда есть деньги иль помѣстья.
На деньги совѣсть продаютъ,
На деньги дружбу покупаютъ,
На деньги люди все найдутъ,
Безъ денегъ люди все теряютъ.

Великія истины, напоминающія «одинойды одипъ—одипъ», или «для варки щей пужна капуста», касаются разнообразнѣйшихъ явленій непремѣнно «нашего времени»:

Настали времена дурныя,
Не жди добра ни отъ кого;
Особенно теперь родные,
Ей-ей, не стоятъ ничего.
Какъ пужду къ вамъ они имѣютъ,
То всякъ изъ нихъ вамъ братъ и свать;
А тамъ, лишь чуть разбогатѣютъ,
Посмотришь, имъ и чортъ не братъ.

Очень рѣдко маленькое словечко укажетъ на отдаленное знакомство автора или зрителей съ тѣмъ, что волнуетъ умы небольшой кучки выдающихся людей. Въ водевилѣ Лепскаго «Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ—сатана» Размазня поетъ:

Вотъ, напримѣръ, разборъ
Піесы Полевого:
И авторъ, и актеръ
Тутъ не поймутъ ни слова.
И кто же рецензентъ
И драмы и артистовъ?
Какой-нибудь студентъ,
Педантъ изъ гегелистовъ.

Иногда изъ области личныхъ недостатковъ или семейныхъ недоразумѣній дѣло переносится на общественную арену. И тогда смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ особенно бьетъ въ глаза. Водевилъ Скриба «Le charlatanisme» передѣлывается на русскіе нравы («Друзья журналисты или нельзя безъ шарлатанства»), и журнализмъ въ Россіи николаевскихъ временъ оказывается необыкновенной силой не только для уничтоженія составленной репутаціи, но и для созиданія въ одинъ мигъ неизвѣстному лицу дутой, но прочной славы.

Водевилъ касается всего, проникаетъ всюду, находитъ смѣшныя стороны во всемъ. Казалось бы, онъ можетъ, хотя до нѣкоторой степени, всей своей массой сыграть роль того «популяризатора отрицательныхъ доктринъ», какимъ были «Горе отъ ума», «Ревизоръ». Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Изъ области общихъ мѣстъ и твердо установленныхъ правилъ и изобличеній, онъ не рѣшается и не можетъ выйти. Не рѣшается и не можетъ по двумъ причинамъ, одинаково важнымъ и одинаково сильнымъ. Во-первыхъ потому, что за нимъ строго наблюдаетъ цензура и при малѣйшей провинности останавливаетъ и взыскиваетъ. Во-вторыхъ,—и это то, что дѣлаетъ цензуру всемогущей,—требованія зрителей не настойчивы. Въ противоположность тому, что говорятъ рецензенты, называя русскую публику из-

мѣнчивой, она въ николаевскія времена, очень устойчива въ своихъ вкусахъ и симпатіяхъ. Водевиль, мелодрамы, патріотическія пьесы смѣняютъ другъ-друга, но въ длинномъ ряду смѣнъ зрители ищутъ одного и того же возбужденія подъ разными названіями. Кромѣ исключительныхъ случаевъ, они, конечно, не пойдутъ 10—15 разъ въ одинъ сезонъ смотрѣть одинъ и тотъ же смѣшной водевиль или раздирательную мелодраму, но измѣненное названіе пьесы даетъ въ сущности то же самое представленіе. Сегодня водевиль назывался «Женская натура», завтра «Петербургскія квартиры», послѣ завтра—«Отцы, какихъ мало»,—но дѣйствительной перемѣны нѣтъ: «Петербургскія квартиры» такъ же мало похожи на квартиры Петербурга, какъ и «Женская натура» на женщину; и такъ же мало чего-нибудь другого, кромѣ намѣренія чѣмъ-нибудь потѣшить зрителей, можно найти въ тѣхъ и въ другой.

Зрители не возмущаются противъ цензуры; они, даже молча, не протестуютъ: цензурныя гоненія—только предметъ для любопытныхъ сплетенъ. Но кое-какія тенденціи мало-по-малу начинаютъ замѣчаться и въ этой, любящей водевили публикѣ; кое-какую эволюцію она переживаетъ даже въ суровые годы николаевскаго царствованія. Ей уже замѣтно болѣе нравятся водевили, въ которыхъ есть хотя бы малое наименованіе о знакомомъ кругѣ, знакомомъ времяпрепровожденіи. Конечно, смѣшонъ какой-нибудь разсѣянный французскій настройщикъ, забывшій жену и потерявшій зонтикъ, смѣшонъ студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ, но настоящій, головокружительный успѣхъ имѣютъ водевили, говорящіе о русскихъ явленіяхъ, хотя бы и извращенныхъ авторомъ до нелѣпости. Въ этой склонности зрителей—къ своему, къ знакомому, хотя бы и извращенному, трудно объяснить феноменальный успѣхъ нѣкоторыхъ водевилей Григорьева. Въ скучныхъ и нисколько не смѣшныхъ похожденіяхъ многочисленныхъ, но мало отличающихся другъ отъ друга персонажей привлекала зрителей знакомая обстановка, смѣшила утрированность извѣстнаго, близкаго. «Герои преферанса»—небогатые чиновники, проводящіе свободное время за игрой въ карты. Вѣдь и значительная часть зрителей этимъ грѣшна; вѣдь и она хорошо знаетъ, что значить «семь въ червяхъ», какія непріятности несетъ съ собой слово «ремизъ», съ какою радостью записываютъ за противникомъ «консоляцію». И когда все это,—знакомое, близкое, но одобренное невѣроятными до смѣшного преувеличеніями,—она встрѣчаетъ на сценѣ, она радуется. «Вы—хотите насъ оставить безъ двухъ»,—говорятъ въ водевилѣ молодому человѣку, сразу ухаживающему за двумя невѣстами. «Люблю

выбзжать на взятках»,—признается чиновникъ, восторженно относящійся къ преферансу. «Вы обѣ такъ мнѣ дороги, какъ-будто семь въ червяхъ»,—восклицаетъ женѣ и дочери чадолюбивый отецъ. «Матрена, тебѣ сдавать»,—кричитъ кухаркѣ любитель преферанса вмѣсто того, чтобы сказать :«подай свѣчку». Влюбленный поетъ о предметѣ любви:

Только взглянетъ, — хватить 'дрождь
Въ родѣ лихорадки,
А какъ за руку возьмешь,
Лучше всякой взятки.
Точно дамочка червей,
Щечки словно пышки,
А ужъ пальчики у ней, —
Тоньше всякой фишки.

Это «Герои преферанса» заключали въ себѣ куплеты, повторявшіеся петербургской публикой всѣхъ сословій: «Кто тронетъ репутацію и кошелечекъ мой, тотъ дастъ мнѣ консольцію такую, что ой! ой! Ужъ я же друга, милочку, дожду, проучу, и въ жилку друга, въ жилочку, чувствительно хвачу»... Дѣйствующія лица назывались: Прикупка, Пулькинъ, Пасъ, Козыревичъ. Въ одинъ сезонъ «Герои преферанса» выдержали 24 представленія. «Полька» того же Григорьева—даже 31 представленіе. А между тѣмъ, сейчасъ, читая эту «Польку въ С.-Петербургѣ», недоумѣваешь, какъ можно было написать и смотрѣть такую непостижимо скучную чушь. Она начинается разговоромъ четырехъ чиновниковъ. Всѣ только что пообѣдали и почему-то скучаютъ: кто недоволенъ женой, кто тещей. Теща препятствуетъ зятю и дочери въ ихъ намѣреніи учиться танцамъ, главнымъ образомъ, полькѣ. Съ досады всѣ четверо рѣшаютъ ѣхать къ танцевальному учителю (его фамилія, конечно, Прыгункевичъ) на маленькій маскированный вечеръ. Но какъ объяснить женамъ свое отсутствіе? Одинъ предлагаетъ сказать, что ихъ всѣхъ потребовали по службѣ; другой,—что онъ боленъ и для моцісна устраиваются совмѣстныя прогулки; третій еще что-то. Но всѣ предложенія отвергаются и принимается самое нелѣпое: умеръ будто бы общій сослуживецъ, его уже похоронили, и пріятели, исполняя слово, данное ему при жизни, идутъ ночью на его могилу. Всего занятіе, что жены не смущены слишкомъ поздней освѣдомленностью мужей, ихъ страннымъ отсутствіемъ на похоронахъ пріятеля и удивительнымъ паломничествомъ ночью на могилу. Принимая это, какъ пѣчто вполне естественное, онѣ легко отпускаютъ мужей и предаются въ ихъ отсутствіе разговорамъ о несчастной участи покойнаго. Но послѣдній появляется среди перепуганныхъ женщинъ; ложь мужей открыта; жены въ свою очередь отправляются къ

танцевальному учителю, гдѣ находятъ и изблнчаютъ мужей. Требуется новая искусная ложь, благополучно завершающая всю исторію миромъ и танцами... И эта нелѣпая скучная беллиберда смотрѣлась съ восторгомъ, и только потому, что полька въ то время была своего рода «танго»,—моднымъ танцемъ, волновавшимъ многихъ зрителей.

Если не петербургскую жизнь, то уголочки этой жизни, знакомые всѣмъ, находилъ зритель въ нѣкоторыхъ пьесахъ Каратыгина. Водевиль «Первое іюля въ Петергофѣ» рассказывалъ о всѣмъ извѣстномъ гуляньѣ. Едва ли кто-нибудь изъ зрителей не былъ 1-го іюля въ Петергофѣ, едва ли кто-нибудь не останавливался въ какомъ-нибудь мѣстномъ трактирчикѣ для чая, выпивки и закуски, совершенно такъ, какъ дѣйствующія лица пьесы. И этого одного уже казалось достаточнымъ, чтобы привлечь вниманіе къ водевилю, лишенному фабулы, но полному смѣшныхъ словечекъ и коверканій русскаго языка. Писарь Личкинъ говоритъ: «На будущій (годъ) прибавку общали посулить», «самъ начальникъ канцеляріи лично меня знаетъ въ лицо», «обнимусь» (омнибусъ), «желалъ бы свое благополучіе утвердить въ разсужденіи домашней жизни» (т.-е. хотѣлъ бы жениться); нѣмецъ, коверкая русскій языкъ, объясняется въ любви: «моя огонь не стоитъ благодарствуй, но огня ваши глазки я обжигаюсь»...

Въ водевиляхъ проявляется еще одна особенность, привлекающая зрителей: импровизація актеровъ. Рецензенты протестуютъ противъ «импровизацій»; они объясняютъ ихъ исключительно незнаніемъ ролей и перяшливостью актеровъ. Но зрители охотно встрѣчаютъ вымыселъ актера; они находятъ въ немъ особое искусство и радуются не только произнесеннымъ словамъ, но и самому факту ихъ выдумки. Къ тому же импровизація далеко не всегда является слѣдствіемъ незнанія роли. Какъ это ни странно, но «импровизацію» иногда готовятъ; нѣкоторые актеры славятся умѣньемъ каждый разъ прибавить къ роли несуществующія въ ней и неупотреблявшіяся еще прибавки. На извѣстный, уже нѣсколько разъ видѣнный водевиль идутъ, ожидая: а что-то сегодня преподнесетъ въ такомъ-то мѣстѣ любимецъ-актеръ. Нѣкоторымъ актерамъ высочайшая санкція прямо разрѣшаетъ дѣлать свои добавленія въ пьесѣ, и эти добавленія не проходятъ ни черезъ какую предварительную цензуру. Актеръ Григорьевъ имѣетъ разрѣшеніе отъ Николая Павловича вкладывать въ роль свои собственныя остроты; имъ публика особенно аплодируетъ, ихъ даже ждетъ, какъ новинки, въ уже видѣнномъ и знакомомъ водевилѣ. Но импровизація сходитъ благополучно съ рукъ

остроумному актеру только въ томъ случаѣ, если она индифферентна. Въ водевилѣ Каратыгина «Ложка перваго яруса» Григорьевъ играетъ купца и однажды является съ знакомъ отличія на груди (по однимъ свѣдѣніямъ съ медалью, по другимъ съ ленточкой); между нимъ и другимъ актеромъ происходитъ несуществующій въ пьесѣ, но заранѣе условленный діалогъ по поводу этого знака отличія; публика узнаетъ, что награду купецъ получилъ за вывозку мусора изъ сгорѣвшаго Зимняго дворца. Это намекъ на награды, выдававшіяся лицамъ, участвовавшимъ въ постройкѣ дворца. Остроумное замѣчаніе на этотъ разъ вызываетъ гнѣвъ, и Григорьевъ отправляется на гауптвахту (по другимъ свѣдѣніямъ дѣло ограничивается выговоромъ и угрозой на будущее).

Веселыя зрѣлища не всегда обозначаютъ веселую публику. Любовь къ водевилямъ не свидѣтельствуетъ еще о существованіи того «ликующаго, счастливаго народа», о которомъ говорилъ Булгаринъ. Все болѣе эта любовь служитъ свидѣтельствомъ уже сложившейся привычки видѣть въ театрѣ мѣсто для совмѣстнаго безпретенціознаго развлечения. Смѣяться вмѣстѣ съ другими; вмѣстѣ съ ними вспоминать вчерашній смѣхъ и вмѣсѣ же съ другими забыть о немъ, не придавая значенія всему испытанному,—вотъ главныя требованія, которыя предъявляла публика къ водевилю. Незлобивость, безпретенціозность нужны для бездѣлательной публики. Были, правда, водевили, въ которыхъ къ смѣху прибавлялось озлобленіе, какъ въ пьескахъ Писарева, уснащенныхъ куплетами, направленными противъ Полевого. Были случаи, когда водевилисты сводили счеты съ непріятными лицами, иногда прибѣгая даже къ помощи актеровъ, гримировавшихся осмѣиваемыми. Водевилистъ и актеръ П. А. Каратыгинъ, братъ знаменитаго трагика, велъ долгую борьбу съ рецензентомъ Яковлевымъ. Въ водевилѣ «Горе безъ ума» онъ изобразилъ Яковлева въ гнусномъ видѣ, а Дюръ, исполнитель роли, какъ рассказываетъ самъ Каратыгинъ, «мастерски загримировался и отлично поддѣлался подъ его (Яковлева) лицо, фигуру и ухватки: свекольно-красное лицо, золотыя очки, прическа, синяя венгерка,—все было схвачено до малѣйшей подробности. Появленіе двойника Яковлева на сценѣ произвело всеобщій хохотъ. Мудрено было не узнать копіи, когда оригиналъ сидѣлъ передъ глазами»... Рассказываютъ, будто Николай Навловичъ для наказанія зрителя, осмѣлившагося долго лорнировать царскую ложу, велѣлъ актеру загримироваться этимъ зрителемъ въ смѣшной и глупой роли. Когда ничего не ожидавшій зритель пытался уйти отъ срама, то полиція будто бы не пропустила его въ двери, и на глазахъ у всѣхъ онъ принужденъ былъ присутствовать при своемъ посрамленіи...

И разсказъ и подробности очевидно вымышлены. Но водевиль въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно служилъ средствомъ для сведенія личныхъ счетовъ. Это увеличивало пикантность, но не составляло его единственной и обычной привлекательности. Главнымъ образомъ онъ привлекалъ, какъ отдыхъ отъ унылой общественной бездѣтельности, вводя въ бездѣтельность забавную. Но и въ водевилѣ отразились измѣненія, испытанныя зрителемъ въ теченіе долгихъ лѣтъ николаевского царствованія. Но, этихъ измѣненій удобнѣе коснуться, когда мы ознакомимся съ отношеніемъ зрителей къ болѣе серьезному репертуару,—къ романтическимъ пьесамъ, къ мелодрамамъ къ патріотическимъ представленіямъ, къ Шекспиру, къ балету —и къ актерамъ.

И. Игнатовъ.

Продолженіе слѣдуетъ

Трагедія власти.

Предвѣчный деспотъ, выводя васъ въ свѣтъ,
Вамъ даровалъ таинственный завѣтъ;
Презри его — и съ четкостью ужасной
Тебѣ онъ въ сердцѣ вѣрнется, несчастный!

Ленау (Слова Мефистофеля).

1.

Если человѣкъ, какъ теперь принято допускать, былъ членомъ какой нибудь гражданской общины съ тѣхъ самыхъ перъ, какъ онъ сталъ человѣкомъ, то эту принадлежность и вытекающій изъ нея кругъ обязанностей придется признать на древѣйшей ступени нашей культуры въ высокой степени безсознательными. Воинъ подставлялъ свою грудь подъ удары врага, защищая соратника, въ силу такого же инстинктивного порыва, какъ и мать, своимъ тѣломъ прикрывающая своего ребенка: общность крови, дѣйствительная или предполагаемая, одинаковымъ образомъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, дѣйствовала здѣсь и тамъ, проводя четкую грань между «своимъ» (грекъ говорилъ: «другомъ», *philos*) и «чужимъ».

Не въ одинаковой мѣрѣ,—сказалъ я; и конечно, разъ кровь была связующимъ цементомъ, то она дѣйствовала тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе было обусловленное ею родство: братъ защититъ брата не только отъ «чужихъ», но даже отъ болѣе далекихъ среди «своихъ». И когда человѣкъ мало-по-малу проснулся для сознательной жизни, онъ открылъ въ своемъ сердцѣ рядъ таинственныхъ заповѣдей, имѣющихъ своимъ содержаніемъ этотъ таинственный долгъ крови. Онъ увидѣлъ себя въ центрѣ цѣлаго ряда круговъ—семьи, рода, фратріи, колѣна, общины: чѣмъ ближе былъ кругъ, тѣмъ повелительнѣе звучала въ сердцѣ таинственная заповѣдь долга крови.

Но онъ увидѣлъ—на то и обрѣлъ онъ сознаніе—еще нѣчто; а именно, что изъ всѣхъ перечисленныхъ круговъ наиболѣе дѣйствительную помощь ему оказываетъ—последній, община. Времена были жестокія, вѣкъ стоялъ желѣзный; только сплотившись

воедино всѣ члены общины могли отстоять отъ общаго врага жизнь и достояніе каждаго отдѣльнаго члена. Именно наиболѣе созрѣвшіе и прозрѣвшіе, наиболѣе сознательные граждане требовали, поэтому, возможнаго усиленія этого залога всеобщей безопасности. Было ли оно возможно при сохраненіи всѣхъ промежуточныхъ концентрическихъ круговъ, охватившихъ человѣческую особь, и дѣйствующаго въ нихъ съ постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ центра, убывающей силой долга крови?

Люди стараго закала полагали, что да. Именно на фонѣ затронутаго рокового вопроса такъ непосредственно понятенъ знаменитый совѣтъ, который Несторъ даетъ Агамемнону передъ началомъ боя (Ил. II, 360):

Царь, ты и самъ будь разуменъ и внимли благому совѣту:
Неотвержимое слово тебѣ я повѣдать имѣю.
Войско построю по колѣнамъ, по фратріямъ ты, Агамемнонъ,
Фратрія фратріи чтобы помогала, колѣну — колѣно.

Критики Гомера любятъ придирааться къ этому совѣту.—Вотъ новость!—говорятъ они;—да какъ же было раньше?—Наивная критика!—Не о томъ спрашивайте, какъ было раньше; спрашивайте о томъ, какъ было позже, если вы хотите понять и оцѣнить этотъ вѣщій голосъ исчезающей старины, этотъ совѣтъ Музы, дочери Зевса.

А позже было вотъ что. Если въ военное время «колѣно колѣну помогало» и всѣ вмѣстѣ помогали совокупности, которую они составляли, то въ мирное время они ее раздирали. И вотъ почему именно самые дальновидные граждане этой совокупности, которымъ она себя довѣрила въ тяжелую годину междуусобицъ, потребовали разрушенія колѣннаго дѣленія, какъ основы общиннаго строя. Само имя колѣна (*phylê*) было удержано, но перенесено на новыя, чисто административныя единицы, не связанныя внутри самихъ себя долгомъ крови: старыя колѣна *составляли* общину, новыя получались, наоборотъ, изъ ея *дѣленія*. Въ Афинахъ эта реформа связана съ именемъ Клисѳена, дѣятеля конца VI в.; но въ гомеровской Іоніи оно должно было состояться много раньше. И если еще при Клисѳенѣ, какъ мы узнали изъ новонайденнаго Аристотеля (Госуд. аѳ. XXI), лозунгомъ партіи реформъ было «не дѣлить по колѣнамъ!» (*mê phylōkrinein*) съ явнымъ намекомъ на совѣтъ гомеровскаго Нестора (*krine kata phyla*)—то мы можемъ себѣ представить, какое значеніе имѣлъ этотъ завѣтъ родоначальника іонійскихъ царей въ политической жизни городовъ, управляемыхъ его потомками.

А съ устраниемъ всѣхъ промежуточныхъ круговъ гражданская община очутилась лицомъ къ лицу съ единственной уцѣлѣ-

вшей изъ политическаго водоворота единицей стараго родового строя, основаннаго на долгѣ крови,—съ семьей. Остановится ли побѣдоносное шествіе государственной идеи передъ этой единицей? Или же древняя Эринія, блюдущая долгъ крови, дастъ себя изгнать также и изъ этого своего послѣдняго убѣжища?

* * *

Мы не знаемъ, въ какомъ временномъ отношеніи стояло то преобразование гражданскаго строя общины, о которомъ рѣчь была только что, къ законодательному движенію, начавшемуся на греческомъ западѣ еще въ VII в. и подчинившему себѣ всю Грецію въ VI в., оно, въ сущности, для нашего вопроса и не такъ важно, такъ какъ психологія и этика и здѣсь, и тамъ была одна и та же, сводясь къ новой оцѣнкѣ понятія «законъ». То, что раньше разумѣлось подъ этимъ словомъ, было дѣйствительно «закономъ», обязательность коего основывалась на его «исконности»; онъ обнималъ всѣ нормы поведенія, которыя человѣкъ открывалъ въ своемъ сердцѣ по мѣрѣ своего пробужденія къ сознательной жизни. Теперь не то. Теперь оказалось, что община можетъ, собравшись въ составѣ своихъ членовъ и проголосовавъ внесенное предложеніе, издавать обязательныя для всѣхъ постановленія, и что эти постановленія, записанныя государственнымъ секретаремъ, тоже будутъ имѣть силу законовъ. Чувствовали, что эти послѣдніе законы, исходившіе отъ *государственной власти*, все-таки нѣчто по существу своему отличное отъ тѣхъ исконныхъ законовъ; стали поэтому различать «законы писанные» отъ «законовъ неписанныхъ» (*agraphoi nomoi*)—этимъ подчеркивалось происхожденіе первыхъ во времени, такъ какъ запись была здѣсь актомъ рожденія, и, стало быть, большая почтенность вторыхъ, какъ предвѣчной и божественной нормы нашего поведенія.

Спѣшу, впрочемъ, къ только что набросанной картинѣ возникновенія писаннаго закона прибавить одну характерную для греческой жизни черту, ничего въ принципѣ не измѣняющую, но все же важную для дальнѣйшаго хода нашихъ разсужденій—эта черта касается роли личности въ законодательствѣ. Въ Римѣ славилась «законы XII таблицъ»—что можетъ быть болѣе безличнаго, чѣмъ это наименованіе! Если кто интересовался вопросомъ, кто составилъ эти законы, ему отвѣчали—децемвиры, стало быть, комиссія, коллективное цѣлое, а не личность. А кто входилъ въ эту комиссію, этого уже никто, кромѣ специалистовъ, не зналъ. Въ Греціи не то. «Законы Залевка», «законы Харонда», «законы Солона»... Кто были они, эти Залевки, Харонды, Солоны? Цари, навязавшіе народу свою волю, подобно древне-вавилон-

скому Хамурраби? Ничуть не бывало; это были граждане свободныхъ республикъ, получившіе отъ этихъ республикъ порученіе издать общеобязательныя постановленія для своей жизни. Но все же эти постановленія были проголосованы гражданами и затѣмъ уже получили силу законовъ? Нѣтъ, они получили эту силу тѣмъ, что исходили отъ избранниковъ общины. Мы имѣемъ интересный примѣръ преломленія народной воли въ личности: Залевкъ, Харондъ, каждый изъ этихъ законодателей—это *человѣкъ-законъ*. Но, повторяю, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе можетъ быть приурочено къ монарху: республиканскій принципъ не нарушенъ, *человѣкъ-законъ* олицетворяетъ собою общину, а не подчиняетъ ее себѣ. Это необходимо запомнить. Конечно, этимъ олицетвореніемъ только расширяется пропасть между писаннымъ закономъ и неписаннымъ. Тамъ — записъ, здѣсь—незримая скрижаль нашего сердца; тамъ—человѣкъ, здѣсь—богъ.

* * *

А, впрочемъ, безъ бога не обошлось и здѣсь, только этотъ богъ былъ изъ молодыхъ. Древнѣйшій законодатель, полумиѳическій Ликургъ, былъ ставленникомъ Аполлона, если не самимъ Аполлономъ. Солонъ принадлежалъ—подобно Питтаку, Хилону и другимъ законодателямъ—къ той плеядѣ мудрецовъ, которую озарила благодать дельфійскаго бога. Клисѣенъ свое переустройство государственнаго строя Аѳинъ, сводившееся къ уничтоженію родового принципа и къ тому, чтобы «не дѣлить по филамъ», представилъ на одобреніе тому же пиѳійскому Аполлону. Оно въ сущности и не удивительно: значеніе Аполлона въ государственной жизни Греціи было въ высокой степени революціоннымъ. Его идеаль—почти полное уничтоженіе семьи и замѣна ея кружкомъ, объединеннымъ не кровью, а общими религіозно-государственными интересами. Въ предѣлахъ земной конкретности этотъ идеаль былъ осуществленъ въ наиболѣе покровительствуемомъ Дельфами государствѣ, спартанскомъ; а за предѣлами таковой—въ утопическомъ государствѣ Платона, который не даромъ призываетъ благословеніе Пиѳіи на тѣ кратко-срочные союзы, въ которые онъ превратилъ послѣдній устой родового строя—семью (Гос. V р. 461).

Да, широкіе горизонты открылъ Аполлонъ своей Элладѣ въ эту молодую, смѣлую пору ея жизни. Все далѣе и далѣе отступала его вѣковая противница Эринія: потерявъ и филу, и фратрію, и родъ, она ревниво оберегала семью съ ея долгомъ крови, съ ея неписаннымъ закономъ. Но и здѣсь она не чувствовала себя въ

безопасности: Аполлонъ не прочь былъ изгнать ее даже изъ этого послѣдняго убѣжища, пользуясь для этого своимъ могучимъ оружіемъ—гражданской общиной, ея писаннымъ законодательствомъ, ея человѣкомъ-закономъ.

Тогда исчезнетъ послѣдній уголъ таинственного мрака изъ жизни людей. Не станетъ загадочныхъ завѣтовъ, въ происхожденіи и смыслѣ которыхъ никто не можетъ себѣ отдать отчета. Повсюду разольется ясность, разумъ, сознательность.. и холодъ.

* * *

Со времени своего пробужденія къ сознательной жизни грекъ имѣлъ обильное и благодарное поле для своихъ государственно-правовыхъ опытовъ; этимъ полемъ было колонизаціонное движеніе. Каждая колонія была новымъ, искусственнымъ политическимъ созданіемъ, жизнь котораго опредѣлялась изданными для него законами. Роль Аполлона въ колонизаціонномъ движеніи извѣстна; извѣстна также до нѣкоторой степени — хотя и не въ такой, въ какой это было бы намъ желательно — и роль основателей колоніи. Дѣятельность основателя была неразрывно связана съ дѣятельностью законодателя; одинъ и тотъ же глаголь — *oikizein* — означаетъ по-гречески и ту, и другую. А по смерти основатель въ основанной имъ колоніи пользовался полубожескими почестями, какъ «герой» въ сакральномъ смыслѣ этого слова—конечно опять-таки съ благословенія Аполлона, этого высшаго авторитета въ религіозныхъ дѣлахъ. Такъ-то все колонизаціонно-законодательское дѣло, вся эта гигантская государственно-правовая лабораторія находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дельфійскаго бога.

Все же чрезмѣрной смѣлости отъ этихъ опытовъ ожидать нельзя было. Колоніи все же были основаны одною общиной, основатель бралъ съ собой въ глиняномъ сосудѣ огонь со священнаго очага метрополии и имъ возжигалъ первое пламя на новомъ очагѣ колоніи, — и вмѣстѣ съ этимъ роднымъ огнемъ добрая часть родной традиции переходила отъ общины—матери къ ея дѣтищу. Аполлонъ покровительствовалъ образованію новаго государственнаго организма; но это былъ «Аполлонъ отцовскій».

Но въ V вѣкѣ дѣла измѣнились.

Идея закона неизбежно стала предметомъ спора въ томъ великомъ умственномъ водоворотѣ, который извѣстенъ подъ именемъ софистическаго движенія. Какъ создаются письменные законы? Это было вѣдомо всѣмъ: путемъ «уложенія» (*thesis*). А какъ создались неписанные? Вотъ въ этомъ-то и было затрудненіе. Быть можетъ, тоже уложеніемъ, только болѣе древнимъ, такимъ,

о которомъ не сохранилось памяти среди людей. Если такъ, то они ничего особеннаго и почтеннаго въ себѣ не содержатъ: старое уложеніе можетъ быть упразднено новыми. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ ученикъ софистовъ, Фидиппидъ въ «Облакахъ» Аристофана. Почтеніе къ родителямъ? Что за бредни!

Вѣдь тотъ, кто первый предложилъ законъ такой для смертныхъ.
 Былъ человекъ, какъ ты да я, и убѣждалъ отцовъ онъ.
 Кто-жъ помѣшаетъ нынѣ мнѣ издать законъ такой же
 Для сыновей, чтобъ стариковъ могли казать телесно?

Очевидно въ этомъ обществѣ — Эрасимаха Халкедонскаго и его единомышленниковъ — Эриніи и показываться было нечего: ее бы попросту высмѣяли. Итогъ этой умственной работѣ былъ подведенъ въ словахъ аѳинскаго философа Архелая, ученика Анаксагора и современника Перикла. «Справедливое и постыдное опредѣляются не природой, а закономъ».

Но указанный отвѣтъ не былъ единственнымъ, и уже афоризмъ Архелая своею полемическою формой считается съ возможностью другого разрѣшенія. А именно такого, при которомъ «уложенію» (thesis), какъ источнику письменнаго закона, противопоставалась бы «природа» (physis), какъ источникъ неписаннаго. Эта антитеза принадлежитъ другому софисту, Гиппію, а съ ней и все понятіе «естественнаго права». Но все же Гиппій не былъ бы софистомъ, если бы онъ приглашалъ людей читать нормы этого естественнаго права въ скрижаляхъ собственнаго сердца, гдѣ ихъ начерталъ перстъ Эриніи. Нѣтъ, надлежало путемъ сравненія эллинскихъ учрежденій между собой дойти до понятія общеэллинскаго права, а затѣмъ, постепенно расширяя область сравненія, и до понятія общечеловѣческаго.

И вотъ въ самый разгаръ этого спора началась новая колонизаціонная эпоха, совпавшая съ правленіемъ Перикла. Софистика возбуждала и рѣшала законодательные вопросы въ теоріи; колонизація требовала примѣненія ихъ рѣшенія на практикѣ. Особенно острымъ стало положеніе въ 444 г. Интересы Аѳинъ требовали основанія колоніи въ южной Италіи на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса; по замыслу Перикла эта колонія—Эурии,—должна была быть не аѳинская, а всеэллинская. А разъ дѣло обстояло такъ, разъ не было опредѣленной метрополіи, священный огонь которой долженъ былъ бы воспылать на новомъ очагѣ, то и законы Солона были необязательны: все, что новая жизнь произвела новаго, сильнаго, раціональнаго, могло быть пущено въ ходъ при основаніи новаго города. И вотъ мы видимъ, что архитектору—раціоналисту Ипподаму поручается его распланировка, которую онъ произвелъ по схемѣ прямыхъ и скрещивающихся подъ пря-

мымъ угломъ улицъ — по американской схемѣ, какъ мы сказали бы теперь. Но это была внѣшность, хотя и принципіальная; важнѣе было законодательство. Конечно, разъ Θуріи стояли на мѣстѣ древняго Сибариса, то и законы этого послѣдняго — законы вышеупомянутаго Залевка — пришлось номинально принять; но не иначе какъ въ переработанномъ видѣ. Эта переработка была поручена самому прославленному изъ софистовъ тѣхъ временъ — Протагору абдерскому. Согласно свидѣтельству Гераклида Понтскаго (у Лаэртія Діогена IX I) этотъ Протагоръ «написалъ Θурійцамъ ихъ законы» — это свидѣтельство не допускаетъ двухъ толкованій.

Но и Аполлонъ не бездѣйствовалъ. Напротивъ: отсутствіе опредѣленной метрополіи позволило ему воспользоваться своимъ традиціоннымъ правомъ въ сугубой мѣрѣ и объявить себя прямо «экистомъ» новой колоніи. Онъ дѣйствовалъ черезъ своего «эксегета» въ Аѣинахъ, знаменитаго Лампона, одного изъ передовыхъ богослововъ тѣхъ временъ; въ частности роль его намъ неизвѣстна, но насмѣшливыя слова Аристофана въ «Облакахъ»

Тебѣ развѣ невѣдома, какъ безъ заботъ
онѣ кормятъ породу софистовъ,
И ѳурійскихъ пророковъ, и ловкихъ врачей...

(онѣ — это сами Nephelai, облака) — сопоставляющаго «ѳурійскаго пророка» съ софистами, т.-е. Протагоромъ, какъ такого же питомца безформеннаго поднебеснаго дыма — доказываютъ намъ, что въ эту интересную минуту городостроительства передовые богословы и софистическая мысль дѣйствовали въ одномъ направленіи — и притомъ въ такомъ, которое было прямо противоположнымъ воззрѣніямъ строгаго традиціоналиста Аристофана.

* * *

Софокль не могъ не принимать очень близко къ сердцу все происходившее въ ѳуріяхъ въ 444 г.; помимо всего прочаго, однимъ изъ гражданъ новой колоніи былъ его близкій другъ Геродотъ. Самъ онъ былъ тогда въ кругу Перикла; призванный имъ — точнѣе, народомъ по его несомнѣнной рекомендаціи — къ отвѣтственному дѣлу реформы финансовой организаціи морскаго союза, онъ находился въ самомъ центрѣ государственно-правового движенія въ аѣинскомъ государствѣ.

Каково же было мнѣніе Перикла по вопросу о роли «природы» и «уложенія» въ возникновеніи закона? Къ счастью, мы это знаемъ вполне достовѣрно. «Не признавая излишнихъ стѣсненій въ нашей частной жизни, мы въ общественной питаемъ величайшій страхъ передъ беззаконіемъ; мы повинемся и тѣмъ лицамъ, которымъ

въ каждомъ данномъ случаѣ поручили власть, и законамъ; среди же послѣднихъ болѣе всего тѣмъ, которые изданы въ пользу обижаемыхъ, а также и тѣмъ, *которые, будучи неписанными, навлекаютъ на нарушителей осужденіе общественнымъ мнѣніемъ*», такъ говоритъ онъ у Фукидида въ своей знаменитой надгробной рѣчи (11 — 37).

Такъ говорилъ Перикль — тотъ самый Перикль, который былъ другомъ Анаксагора, учителя Архелая, — тотъ самый, который призвалъ софиста Протагора къ выработкѣ законовъ въ основанной имъ колоніи. Какъ видно, этотъ человѣкъ не боялся борьбы. Здѣсь—государство и его власть: сплотивъ воедино человѣческія особи, сдѣлавъ ихъ совмѣстную жизнь и безопасной, и плодотворной, оно провозглашаетъ само себя и въ концѣ, и предѣломъ человѣческихъ стремленій. Тамъ—личность и ея совѣсть; отдавъ самое себя на служеніе государству, она тѣмъ не менѣе сохранила заповѣдный уголокъ въ свемъ сердцѣ, гдѣ она не допускаетъ захватовъ государственной власти. При наличности движенія борьба между этими двумя принципами была неизбежна; и вотъ ея-то Перикль, повидимому, не боялся.

Не боялся ея и Софокль. Глубокое слово, которое онъ позднѣе вложилъ въ уста своему хору въ «Царѣ Эдипѣ» (ст. 878):

Но ты, справедливый богъ,
Бодрящей народъ борьбѣ
Не дай въ безсилія мглѣ,
Грустною пасть смертью.

оно и тогда было его лозунгомъ. Пусть онѣ стоятъ каждая за свою правду, и государственная власть, и человѣческая совѣсть,— первая, какъ нападающая, вторая, какъ защищающаяся; какъ же и сознать предѣлъ, если не будетъ натиска? Итакъ, да будетъ борьба!

Это значило: да будетъ трагедія. Трагедія, разумѣется, нападающаго начала: *трагедія власти*.

* * *

Эту трагедію Софокль изобразилъ въ своей «Антигонѣ». Его біографъ намъ рассказываетъ, что аѳиняне, восхищенные ея красотой, избрали поэта на должность стратега въ самосскую экспедицію, занявшую трехлѣтіе отъ 440 до 438 г. Отсюда слѣдуетъ, что она была поставлена незадолго до 440 г., т.-е. подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ основанія Оурій и всего государственно-правового движенія, которому оно было не то поводомъ, не то объектомъ. Это полезно помнить при ея чтеніи.

А впрочемъ, мнѣ объ Антигонѣ и ея подвигѣ имѣлъ свою исторію, познакомиться съ которой необходимо для того, чтобы оцѣнить по заслугамъ то, что изъ него сдѣлалъ поэтъ.

II.

Древнѣйшая достижимая для насъ традиція объ Антигонѣ — это героическіе эпосы оиванскаго цикла, «Эдиподея», «Ойваида», «Походъ Амфіарая» и «Эпигоны». Они знаютъ кровосмѣсительный бракъ Эдипа съ его матерью Эпикастой; но все же не отъ нея, а отъ другой жены—Евриганей—приживаетъ Эдипъ своихъ четверехъ дѣтей: Антигону, Исмену, Этеокла и Полиника. Сыновья непочтительно обращаются со слѣпымъ отцомъ; за это онъ ихъ проклинаетъ. Какъ послѣдствіе этого проклятія происходитъ ссора изъ-за власти; Этеоклъ изгоняетъ Полиника изъ Оивъ и царствуетъ одинъ. Онъ женится (не знаемъ на комъ) и рождаетъ сына Лаодаманта.

Изгнанный Полиникъ обращается за помощью къ аргосскому царю Адрасту; тотъ его женитъ на своей дочери Аргей, которая рождаетъ отъ него сына Ферсандра, и снаряжаетъ для возвращенія ему власти походъ противъ Оивъ, такъ наз. походъ «Семь вождей». Происходитъ битва подъ стѣнами города. Оба брата гибнутъ во взаимоубійствѣ; гибнутъ и аргосскіе вожди, кромѣ Адраста. Этотъ послѣдній сооружаетъ для своихъ соратниковъ огромный костеръ; одного только не можетъ онъ найти — прорицателя Амфіарая, котораго заживо поглотила земля.

Итакъ, Полиника хоронятъ вмѣстѣ съ остальными; для Антигоны и ея подвига очевидно мѣста нѣтъ.

* * *

Въ сохраненной намъ литературѣ первое свидѣтельство объ этомъ подвигѣ даетъ трагедія Эсхила «Семь вождей».

Послѣ разсказа вѣстника о смерти обоихъ братьевъ-враговъ приносятъ ихъ тѣла. Обѣ сестры, Антигона и Исмена, совершаютъ надъ ними обрядъ заупокойнаго плача, Антигона надъ Полинкомъ и Исмена надъ Этеокломъ. «Гдѣ мы ихъ похоронимъ?»—спрашиваетъ первая; «тамъ, гдѣ это всего почетнѣе», — отвѣчаетъ вторая. «Да будетъ это,—закljučаютъ обѣ,—у ложа отца». Итакъ рѣшено похоронить обоихъ въ могилѣ Эдипа, который по этому преданію,—отличному отъ того, которому слѣдовалъ Софоклъ въ Эдипѣ Колонскомъ, — былъ преданъ землѣ въ Оивахъ.

Но вотъ является глашатай отъ совѣта старѣйшинъ и объявляетъ его рѣшеніе: Этеокла похоронить съ честью, Полиника

же, какъ врага своей отчизны отдать на съѣденіе псамъ и птицамъ. Это рѣшеніе возмущаетъ Антигону: «если никто другой не пожелаетъ его похоронить», — заявляетъ она, «то я это сдѣлаю сама; я не отступлю передъ опасностью, хороня своего брата, и не сочту для себя постыднымъ отказать государству въ повиновеніи: великая сила — общая кровь, изъ которой мы произошли, кровь несчастной матери и горемычнаго отца». (ст. 1017). Тщетны увѣщанія глашатая и его ссылки на власть «народа» и «государства»; великодушная дѣва остается при своемъ рѣшеніи, и онъ уходитъ. Хоръ, состоящій изъ ѳиванскихъ женщинъ, двоятся. Одна половина, хотя и противъ голоса совѣсти, повинуется «страху передъ гражданами»; окружая Исмену, она отправляется вмѣстѣ со всѣми ѳиванцами хоронить Этеокла. Но другая подчиняется Антигонѣ: «пусть государство поступать, какъ ему угодно, съ плакальщиками Полиника: мы пойдемъ вмѣстѣ съ тобой и похоронимъ его, какъ твои сопроводительницы (ῥγοτροί); вѣдь для рода это общее горе, а государство въ одно время такъ, а въ другое иначе судить о справедливости».

И здѣсь — конецъ трагедіи.

Конецъ безусловно странный: вмѣсто завершения — зародышъ новаго конфликта, новой трагедіи. Вотъ почему до 1848 г., когда о мѣстѣ «Семь вождей» въ ѳиванской трилогіи Эсхила еще можно было спорить, большинство ученыхъ держалось того мнѣнія, что они занимали въ ней среднее мѣсто. Такъ Велькеръ строитъ трилогію изъ слѣдующихъ трагедій: «Немея» (отправленіе вождей изъ Арголіды при зловѣщихъ знаменіяхъ), наши «Семь вождей» (ихъ смерть) и «Элевсинцы» (ихъ похороны въ Элевсинѣ), несомнѣнно остроумно и красиво, какъ и все, что носитъ печать этого изящнаго ума.

Но вотъ въ 1848 г. была обнародована Францемъ т. наз. «дидаскалія» (т.-е. записъ о постановкѣ) руководящей медичейской рукописи, и ученый міръ узналъ, что «Семь вождей» были не средней, а заключительной трагедіей въ трилогіи, первыми драмами которой были «Лаіи» и «Эдипъ». Тогда филологическая критика пошла по другому пути. Если раньше конецъ трагедіи не позволялъ признать ее заключительной, то теперь наоборотъ, несомнѣнность ея заключительнаго характера повела къ забракованію ея конца. Весь этотъ конецъ — отъ появленія глашатая, а то даже отъ появленія обѣихъ сестеръ — былъ признанъ подложнымъ, работой позднѣйшаго поэта, имѣвшаго передъ глазами «Антигону» Софокла и даже Финикиянокъ Еврипида. Долженъ прибавить, что это мнѣніе въ настоящее время преобладающее: его придерживается и такой корифей филологической науки какъ Вилламовицъ.

Мнѣ лично оно всегда казалось неосновательнымъ, но входить въ его подробное разсмотрѣніе я здѣсь не могу. Думаю, что дальнѣйшія мои соображенія достаточно докажутъ подлинность конца «Семи вождей», а съ нимъ и знакомство Эсхила съ подвигомъ Антигоны. Одно замѣчу: «Семь вождей» — первая по времени заключительная драма, которая намъ сохранена: позволительно ли при такихъ условіяхъ ставить къ ея законченности требованія, основанныя на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія драматургической техники? Предостереженіемъ можетъ служить новонайденный пѣвецъ балладъ Вакхилидъ; изъ названныхъ его поэмъ большинство поражаетъ насъ такой же незаконченностью, какъ и «Семь вождей». ¹⁾ Тамъ она объясняется тѣмъ, что поэтъ предполагалъ знакомой своимъ слушателямъ ту сагу, которую онъ затрагивалъ въ своихъ заключительныхъ намекахъ; не слѣдуетъ ли допустить того же и здѣсь?

Этимъ поставленъ вопросъ; изъ какой поэмы раньше 467 г. (года постановки «Семи вождей») могли аѳиняне знать о подвигѣ Антигоны? Спѣшу оговориться, что этотъ вопросъ требуетъ гораздо болѣе ограничительнаго отвѣта, чѣмъ если бы рѣчь шла объ источникѣ самого Эсхила. Отъ поэта можно ожидать широкаго знакомства со всей предшествовавшей ему поэзіей: и съ эпическимъ, и съ генеалогическимъ эпосомъ и со всѣми видами лирики. Другое дѣло — его публика: если онъ рассчитывалъ на ея пониманіе, то онъ не долженъ былъ предполагать у нея знакомства съ тѣми поэмами, которыя не дѣлались ей доступными путемъ либо школы, либо рапсодическихъ и другихъ состязаній.

Это мы и будемъ имѣть въ виду; а затѣмъ можно идти дальше.

* * *

Хоронить мертвыхъ — или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать ихъ похоронамъ, считалось общеэллинскимъ закономъ. Когда послѣ платейской битвы кто-то посоветовалъ спартанскому царю Павсанію предать безчестию трупъ персидскаго полководца Мардонія въ отместку за ту же участь павшаго въ Термопилахъ Леонида, онъ отвѣтилъ, что этотъ образъ дѣйствій приличествуетъ варвару, но не эллину.

Все же и среди эллиновъ находилось племя, не считавшее для себя обязательнымъ этотъ общеэллинскій обычай; это были беотійскіе жители Фивъ. Понятно, что болѣе всего приходилось терпѣть отъ этого ихъ противуэллинскаго образа мыслей ихъ ближайшимъ сосѣдямъ аѳинянамъ. Дѣйствительно еще въ 424 г.

¹⁾ Ср. мою статью объ этомъ поэтѣ въ моемъ сборникѣ «Изъ жизни иудей», (Т. I, стр. 84, сл. 2-го изд.).

послѣ сраженія при Деліи, еиванцы отказалиаѳинскому глашатаю, явившемуся къ нимъ съ просьбой о выдачѣ оставшихся въ ихъ власти павшихъ аѳинянъ. Въ мифотворческой періодъ греческой исторіи любили проицировать въ сказочное прошлое событія и отношенія настоящаго: за негуманность беотійцевъ, занявшихъ Фивы лишь въ эпоху переселенія племенъ, должны были отвѣчать ихъ мифическіе предшественники въ Фивахъ — кадмейцы. Сложился мифъ, согласно которому еиванцы запретили хоронить трупы пошедшихъ противъ нихъ Семи вождей; тогда матери и дѣти убитыхъ обратились за помощью къ аѳинскому царю Тесею и черезъ него добились исполненія общеэллинскаго закона. Мифъ этотъ былъ все-таки довольно древнимъ, — на него ссылались, какъ на общезвѣстный, аѳиняне передъ платейской битвой.

Конечно, Полиникъ находился въ худшемъ положеніи, чѣмъ другіе изъ числа Семи; тѣ были телько врагами, онъ былъ измѣнникомъ. И если бы еиванцы отказали ему только въ могилѣ внутри предѣловъ страны, — никто бы ихъ за это не упрекнулъ. Но обезчещеніе его трупа было такимъ же нарушеніемъ общеэллинскаго обычая, какъ и только что упомянутый запретъ, — и конечно, источникъ и того и другого мифа долженъ былъ быть одинаковъ. Этимъ соображеніемъ число отвѣтовъ на поставленный выше вопросъ объ источникѣ мифа о подвигѣ Антигоны сильно ограничивается: такъ какъ этотъ подвигъ имѣлъ своимъ основаніемъ антиэллинскій запретъ похоронъ, а мифъ о послѣднемъ былъ аѳинскаго происхожденія, то и мифъ о подвигѣ Антигоны могъ возникнуть только въ Атикѣ.

Этимъ мы уже почти назвали имя: у Софокла былъ только одинъ достойный предшественникъ на аѳинской почвѣ — Эсхиль.

* * *

Заступничество Тесея за семью аргосскихъ вождей составляетъ, какъ извѣстно, содержаніе трагедіи Еврипида «Просительницы», въ ней аѳинскій герой изъявляетъ свою рѣшимость въ слѣдующихъ словахъ (346).

Да, я пойду и вызволю убитыхъ
Разумнымъ словомъ, — если жъ нѣтъ, то силой.

Расчеты на убѣдительность слова оказываются, однако, ошибочными—лишь побѣдоносная битва отдаетъ тѣла витязей во власть освободителей. Значитъ греческой трагедіи не преминетъ признать въ первой части дилеммы—«разумнымъ словомъ» такъ называемый мною «рудиментарный мотивъ» и вывести изъ нея заключеніе, что у предшественника Еврипида по обработкѣ

сюжетовъ *Θεсей* дѣйствительно путемъ убѣжденія добивается выдачи ему труповъ.

И онъ будетъ правъ. «*Θεсей*», рассказываетъ Плутархъ въ его біографіи (гл. 29) «помогъ Адрасту получить обратно трупы павшихъ подъ Кадмеей, но не послѣ побѣды надъ ѳиванцами, какъ представилъ дѣло Еврипидъ, а на основаніи убѣжденія и договора; такъ повѣствуетъ большинство. Филохоръ (авторитетный аѳинскій историкъ IV в.) говоритъ даже, что это былъ первый договоръ, заключенный относительно выдачи труповъ; а что Гераклъ былъ первымъ, выдавшимъ трупы врагамъ, засвидѣтельствовано въ сочиненіи о Гераклѣ. Могила большинства убитыхъ показывается въ Элевтерахъ (подъ Киѳерономъ), а вождей — въ Элевсинѣ, такъ какъ и это было услугой *Θεсея* Адрасту. Противъ «*Προσительνίδης*» Еврипида свидѣлствуютъ «*Элевсинцы*» Эсхила, въ которыхъ *Θεсей* выведенъ говорящимъ это».

Итакъ по Эсхилу *Θεсей* силой убѣжденія добивается выдачи ему павшихъ витязей и хоронитъ ихъ въ Элевсинѣ — къ слову сказать, родномъ городѣ поэта. Въ правѣ ли мы заключить изъ словъ Плутарха, что *Θεсею* въ его усердіи содѣйствовалъ Гераклъ? Повидимому, да, — иначе выходило бы, что Плутархъ ссылкой на его починъ опровергаетъ именно тотъ варіантъ, которому онъ слѣдуетъ. Правда, тутъ возникаетъ затрудненіе: какое отношеніе имѣетъ Гераклъ къ судьбѣ Семи вождей? Оставимъ его пока въ сторонѣ.

«*Элевсинцы*» могли быть, конечно, только торжественнымъ, заключительнымъ аккордомъ трилогіи; каковы были ея первыя трагедіи? Сохраняя по мѣрѣ возможности вы упомянутую остроумную гипотезу Велькера, Вилямовицъ (въ введеніи къ переводу «*Προσительνίδης*») отвѣчаетъ: «*Немея*» и «*Аргивяне*». Въ «*Немѣѣ*» — отправленіе семи вождей при зловѣщихъ знаменіяхъ, въ «*Аргивянахъ*» — ихъ гибель подъ стѣнами *Θивъ*, въ «*Элевсинцахъ*» — ихъ похороны. «*Аргивяне*» были такимъ образомъ параллельны «*Семи вождямъ*», только здѣсь дѣло было представлено съ ѳиванской, тамъ — съ аргосской стороны; здѣсь мы имѣемъ «*Θиваиду*», тамъ «*Аргіаду*». Битва, собственно говоря, должна была быть описана и здѣсь и тамъ; но давъ ее однажды въ «*Аргіадѣ*», поэтъ не пожелалъ повторить ея описанія въ «*Θивайдѣ*». Такъ объясняетъ Вилямовицъ странный фактъ отсутствія описанія битвы въ «*Семи вождяхъ*», — и это объясненіе, разумѣется, вполне убѣдительно.

И такъ же точно, прибавляю я, слѣдуетъ объяснить и отсутствіе описанія подвига Антигоны и его исхода въ тѣхъ же «*Семи*»; и оно было уже дано въ «*Аргіадѣ*» — т.-е. отчасти въ «*Аргивянахъ*», отчасти въ «*Элевсинцахъ*».

Правда, тутъ могутъ возразить слѣдующее: битва дѣйствительно—общій и «*Θιναϊδῆς*», и «*Αργιάδῆς*» элементъ; но можно ли сказать тоже о подвигѣ Антигоны? Повидимому, это чисто *οἰωαν*-ское дѣяніе; а если такъ, то могла ли о немъ быть рѣчь въ трагедіи, представлявшей собой аргосскій аспектъ всего похода?

Отвѣчу: если имѣть въ виду софокловскій вариантъ, то, конечно, нѣтъ; но еще большой вопросъ, былъ ли софокловскій вариантъ въ то же время и эсхиловскимъ. На дѣлѣ онъ таковымъ не былъ, и спасеніе тѣла Полиника было такимъ же общимъ аргосско-οἰωанскимъ дѣяніемъ, какъ и сама битва. Это-то и предстоитъ теперь доказать.

* * *

Обратимся для этого къ трагедіи Софокла; постараемся опредѣлить на основаніи ея тѣ черты, которыя мы должны предположить въ трагедіи-предшественницѣ.

1) Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что помолвка Антигоны съ сыномъ Креонта Гемономъ былъ уже надлежащимъ образомъ выдвинута въ этой трагедіи; это видно совершенно ясно изъ того, какъ о ней говорится въ нашей. Въ прологѣ, гдѣ Антигона посвящаетъ Исмену въ свой планъ, объ этой помолвкѣ не говорится ни слова. Трудно ли было поэту вложить въ уста Исменѣ такого рода возраженіе: «Какъ, ты, невѣста Гемона, идешь противъ его отца?» Но онъ даже этого не счелъ нужнымъ и только много позднѣе, въ ст. 568, та же Исмена въ разговорѣ съ Креонтомъ намекаетъ на эту вторую близость къ нему его племянницы, какъ на нѣчто всѣмъ извѣстное.

2) Точно также должны мы приписать предшественнику Софокла и ту черту, въ которой состоитъ нравственное величіе Креонта, — что онъ ради спасенія *Θιβῶν* принесъ въ жертву своего сына Мегарея. На этотъ подвигъ намекается нѣсколько разъ въ теченіе трагедіи, но всѣ эти намеки — о нихъ еще будетъ рѣчь (гл. III), — непонятны для того, кто съ дѣломъ незнакомъ. А ясно о немъ говорится только къ концу трагедіи (ст. 1303). Это важно, такъ какъ доказываетъ намъ, что въ той трагедіи-предшественницѣ Креонтъ былъ представленъ съ хорошей стороны.

3) Сами похороны, справляемыя Антигоной Полинику — какъ это установилъ Драхманъ въ любопытномъ изслѣдованіи (*Hermes* XVIII 67 сл.) — представляются намъ двойственными. Въ рѣшающемъ мѣстѣ, т.-е. въ описаніяхъ стража — о нихъ говорится, какъ о похоронахъ чисто символическихъ: благочестивая дѣва просто бросила горсть земли на обнаженный трупъ.

Но въ другихъ мѣстахъ предполагаются похороны настоящія, т.-е. скрытіе трупа въ могилѣ. Особенно рѣшающимъ является тутъ слово Гемона ст. 696 сл.

Та, что родного брата въ лужѣ крови
Найдя, непогребеннымъ не снесла,
Не потерпѣла, чтобъ отъ псовъ голодныхъ
Онъ поруганье принялъ и отъ птицъ.

Символическая горсть земли, брошенная Антигоной на тѣло брата, не могла его защитить ни отъ псовъ, ни отъ птицъ — да и не защитила, какъ доказываетъ рѣчь Тиресія (ст. 1016 сл.); до сихъ поръ я съ Драхманомъ совершенно согласенъ. Расхожусь я съ нимъ въ объясненіи этого противорѣчія; по-моему, дѣйствительныя похороны — такой же рудиментарный мотивъ у Софокла, какъ и тотъ, о которомъ рѣчь шла выше, другими словами: въ трагедіи-предшественницѣ тѣло Полиника было дѣйствительно похоронено въ гробницѣ.

А теперь напомнимъ читателю приведенное выше мѣсто изъ плача Антигоны и Исмены въ «Семи вождяхъ». «Гдѣ намъ ихъ похоронить?», спрашиваетъ Антигона. «Тамъ, гдѣ это всего почетнѣе», — отвѣчаетъ Исмена. «Значитъ въ гробницѣ отца», заключаютъ обѣ.

4). Въ связи съ указанной чертой стоитъ другая, на которую тоже обратилъ вниманіе Драхманъ. Мѣсто заключенія и смерти Антигоны описывается какъ гробница; это при концепціи Софокла нѣсколько странно. Совершенно въ другомъ свѣтѣ представляется дѣло, если Антигона похоронила брата, вопреки запрету, въ настоящей гробницѣ. Тогда ея наказаніе получаетъ характеръ простой talio: она претерпѣваетъ то, что совершила. До чего это было естественно, показываетъ угроза Менелая Тевкру въ «Аянтѣ» (ст. 1089):

Итакъ, еще разъ: руки прочь! Не то —
Взамѣнъ его, себя ты въ гробъ уложишь.

Но что же заставило Софокла пожертвовать этимъ красивымъ соотвѣтствіемъ кары винѣ и замѣнить дѣйствительныя похороны Полиника символическими? Очевидно, расчеты правдоподобія: Антигона, одна, безъ помощницъ, не могла унести богатырское тѣло брата съ поля битвы и схоронить его въ родовой гробницѣ.

А если такъ, то ясно и слѣдующее: въ трагедіи предшественницѣ — т.-е. другими словами, въ «Аргіадѣ» Эсхила, — Антигона совершаетъ свой подвигъ не одна, а, по крайней мѣрѣ, вдвоемъ съ помощницей.

Сопоставляя этотъ результатъ съ полученнымъ выше что въ той же «Аргіадѣ» подвигъ Антигоны былъ представленъ не

иванскимъ, а аргосско-иванскимъ дѣломъ — мы заключаемъ далѣе: у Эсхила двѣ женщины-иванка (Антигона) и аргивянка — отправляются хоронить Полиника.

Отсюда слѣдуетъ: если мы въ позднѣйшей традиціи, литературной или монументальной, найдемъ мотивъ похоронъ Полиника обѣими означенными женщинами, то мы должны будемъ признать въ немъ не позднѣйшее измѣненіе мифа, а возвращеніе къ Эсхилу.

* * *

Въ этой позднѣйшей мифографической традиціи самое краснорѣчивое свидѣтельство — рассказъ Гигина (tab. 72); переведемъ его цѣликомъ.

§ 1. «Креонтъ, сынъ Менекея, издалъ приказъ, чтобы никто не хоронилъ Полиника и тѣхъ, что пришли съ нимъ, такъ какъ они пришли воевать съ отечествомъ.

§ 2. «Антигона, сестра Полиника, и Аргей, его жена, *ночью тайно похитили его схоронили въ той же могилѣ¹⁾, въ которой былъ похороненъ Этеоклъ.*

§ 3. «Стража ихъ при этомъ накрыла; Аргей бѣжала, Антигона же была приведена къ царю.

§ 4. «Тотъ передалъ ее для совершенія казни надъ нею Гемону, невѣстой котораго она была.

§ 5. «Гемонъ изъ любви къ Антигонѣ послушался отцовскаго приказа, отправилъ ее къ пастухамъ, отцу же сказалъ неправду — будто онъ ее убилъ.

§ 6. «Она родила ему сына; когда тотъ достигъ зрѣлаго возраста, онъ пришелъ въ Фивы для участія въ играхъ.

§ 7. «Его узналъ царь Креонтъ по родимой примѣтѣ, которую носили всѣ, происходящіе изъ рода змѣя²⁾.

§ 8. «Гераклъ сталъ упрашивать царя за Гемона, чтобы тотъ ему простилъ, но просьбы его были напрасны.

§ 9. «Гемонъ умертвилъ себя и свою супругу Антигону.

§ 10. «Креонтъ же далъ Гераклу въ жены свою дочь Мегару, которая родила ему сыновей Эеримона и Офита».

Критика раздѣлилась въ сцѣнкѣ этого рассказа: одни (Велькеръ, Клюгманъ, Максъ Майеръ) признаютъ его содержаніемъ еврипидовской, другіе (Гейдеманъ, Фогель, Веклейнъ) послѣ — еврипидовской «Антигоны». Вполнѣ согласенъ съ послѣдними

¹⁾ Въ подлинникѣ рууа; обыкновенно переводятъ: «костеръ». Это, однако, не обязательно; наше слово означаетъ также и «могилу», какъ доказываетъ Овидій Fasti, II, 534.

²⁾ Убивъ Аресова змѣя, Кадмъ посѣялъ его зубы, изъ которыхъ выросли вооруженные мужи. Это были спарты, родоначальники иванской знати. Однимъ изъ нихъ былъ Эхіонъ, прапрадѣдъ Креонта.

въ томъ, что Еврипидъ здѣсь ни при чемъ: то что мы знаемъ объ его «Антигонѣ», доказываетъ намъ, что эта трагедія имѣла то же содержаніе, какъ и трагедія Софокла, но съ противоположнымъ исходомъ; Креонтъ прощалъ Антигону и женилъ на ней своего сына Гемона. Вообще же мнѣ кажется несомнѣннымъ, что въ разсказѣ Гигина мы имѣемъ не одну, а двѣ трагедіи.

Начнемъ со второй. Эта была скорѣе трагедія сына Гемона и Антигоны — Меона, какъ его называетъ миеографическая традиція: трагедія съ признаніемъ, въ духѣ позднѣйшихъ. Озадачиваетъ насъ въ пей роль Геракла — его бесплодное заступничество, оскорбительный отказъ Креонта, послѣ котораго уже никакъ нельзя ожидать такого исхода, какъ его свадьба на дочери Креонта — свадьба надъ свѣжими могилами Гемона и Антигоны. Мы признаемъ въ немъ рудиментарный мотивъ; въ трагедіи-предшественницѣ заступничество Геракла было успѣшно, и свадьба прощенныхъ Гемона и Антигоны имѣла естественнымъ послѣдствіемъ свадьбу самого заступника съ сестрой прощенныхъ. Справедливость этой догадки доказывается монументальной традиціей, двумя совпадающими въ главныхъ чертахъ вазовыми изображеніями, при чемъ въ одномъ изъ нихъ имена важнѣйшихъ изображенныхъ лицъ приписаны.

Въ центрѣ — мы описываемъ болѣе древнее изъ нихъ — Креонтъ на престолѣ, передъ нимъ Гераклъ; налѣво копьеносецъ держитъ связанную Антигону; направо огорченный Гемонъ. Нетрудно понять, что заступничество Геракла относится не къ тому моменту, къ которому его приурочилъ Гигинъ, а къ гораздо болѣе раннему — къ моменту подвига Антигоны: связанной представлена только Антигона, а не Гемонъ, и оба изображены совсѣмъ молодыми, чѣмъ исключена возможность для нихъ имѣть взрослого сына въ лицѣ Меона.

Другими словами: свидѣтельствомъ художника заступничество Геракла перенесено изъ второй трагедіи Гигина въ первую, содержаніемъ которой былъ подвигъ Антигоны. И теперь ясно: эта первая трагедія Гигина даетъ намъ именно Эсхиловскую концепцію миеа; именно въ ней имѣемъ мы трагедію-предшественницу Софокловской «Антигоны».

Въ самомъ дѣлѣ Гигинъ соединяетъ — это первая улика — въ одномъ и томъ же запретѣ и Полиника, и прочихъ убитыхъ изъ числа «Семи вождей» (§ 1). Это характерно именно для Эсхила, у котораго похороны Полиника были только эпилогомъ трилогіи, имѣвшей содержаніемъ судьбу Семи вождей вплоть до ихъ похоронъ въ «Элевсинцахъ». По упраздненіи трилогическаго принципа и эта связь была разрушена — какъ показываетъ срав-

неніе «Просительницъ» Еврипида съ его же «Финикіянками» и съ «Антигоной» Софокла.

Затѣмъ: похороны предполагаются полными, а не символическими, тѣло Полиника предается землѣ тамъ же, гдѣ покоилось и тѣло Этеокла (§ 2). Это соотвѣтствуетъ тому, что мы на основаніи софокловскаго рудимента должны были предположить трагедіи-предшественницѣ, какъ соотвѣтствуетъ и свидѣтельству эсхилловскихъ «Семи вождей».

Далѣе. Въ соотвѣтствіи съ только что сказаннымъ, Антигона совершаетъ свой подвигъ не одна, а вмѣстѣ со своей невѣсткой, вдовой Полиника Аргеей. Это и есть то условіе, которое требовалось для включенія подвига Антигоны въ «Аргіаду» Эсхила—его превращеніе изъ чисто ѳиванскаго въ аргосско-ѳиванское дѣяніе.

Наконецъ, за Антигону заступается Гераклъ (§ 8), и ее прощаютъ. Это тотъ самый Гераклъ, которому мы, на основаніи свидѣтельства Плутарха, должны были приписать рѣшающую роль въ согласіи Креонта на выдачу труповъ аргосскихъ вождей. Эти два свидѣтельства — Гигина и Плутарха—совершенно неожиданно сошлись, блистательно подкрѣпляя этимъ правильность всей нашей догадки.

* * *

Если мы утомили читателя собираніемъ и нанизываніемъ повсюду разлетѣвшихся жемчужинъ Эсхилова ожерелья, то теперь мы можемъ вознаградить его за его терпѣніе, представляя ему это ожерелье въ восстановленномъ видѣ. Награда эта немалая — рѣчь идетъ объ одной изъ древнѣйшихъ трилогій элевсинскаго поэта.

Первая трагедія этой трилогіи была «Немeya», названная такъ по имени нимфы Немен, матери Архемора. Въ ея рошу приходятъ Семь вождей со своей ратью, готова похоть противъ ѳивъ. Во время ихъ пребыванія гибнетъ младенець Археморъ; они справляютъ тризну по немъ—немейскія игры,—и уходятъ подъ гнетомъ этого зловѣщаго знаменія.

Вторая трагедія—«Аргивяне». Сраженіе подъ стѣнами ѳивъ дано, союзная рать разбита, всѣ вожди кромѣ Адраста, пали. Такъ какъ пролога не было, то самъ хоръ, греческіе воины, во вступительной пѣсни (пародѣ) описывалъ свое пораженіе; изъ этого описанія намъ сохраненъ отрывокъ, относящійся къ Капанею, и параллельный, такимъ образомъ, второй строфѣ въ «Антигонѣ» Софокла. Теперь ближайшая забота войска — спасеніе труповъ. Адрасть отправляетъ глашатая въ ѳивы, но тотъ возвращается съ извѣстіемъ, что ѳиванскіе старѣйшины—именно

они, а не Креонтъ, не принявшій еще наслѣдства Этеокла (такъ должны мы допустить согласно съ «Семью вождями») — не разрѣшаютъ ихъ хоронить. Тогда Аргея объявляетъ, что она во что бы то ни стало похоронитъ своего мужа Полиника; хоръ ее напутствуетъ пѣсней. Въ слѣдующемъ дѣйствіи она возвращается и рассказываетъ о случившемся. На полѣ битвы она нашла сестру убитого Антигону, и съ ней вмѣстѣ похоронила его въ гробницѣ его предковъ. Покидая ее, они были застигнуты стражей. Ей удалось бѣжать, но Ангигона была схвачена и ей грозитъ казнь. Андрасть рѣшаетъ обратиться за помощью къ царю сосѣднихъ Аѳинъ, Тесею.

Третья трагедія — «Элевсинцы». Тесей благосклонно принимаетъ Адрасту въ Элевсинѣ и самъ лично отправляется въ Фивы. Тамъ тѣмъ временемъ царемъ избранъ Креонтъ, ближайшій родственникъ убитого Этеокла. Онъ душою благороденъ, но считаетъ себя связаннымъ постановленіемъ старѣйшинъ; поэтому онъ рѣшилъ казнить Антигону по *jus talionis*, т.-е. запирая ее въ ту же гробницу, въ которой она самовольно похоронила брата — хотя она и невѣста его сына — и настаиваетъ передъ Тесеемъ на оставленіи безъ похоронъ аргосскихъ вождей. Но вотъ является Гераклъ; его заступничество переубѣждаетъ Креонта. Обо всемъ этомъ рассказываетъ Тесей Адрасту и элевсинцамъ. Вслѣдъ затѣмъ приносятъ трупы вождей; торжествомъ ихъ похоронъ кончается трагедія и вся трилогія.

* * *

Отводя «Аргіадѣ» въ творествѣ Эсхила мѣсто раньше «Фиваиды», — а къ тому насъ принуждаютъ оба крупныхъ пробѣла въ «Семи вождяхъ», на которые было указано раньше, — мы этимъ самымъ отодвигаемъ ее (какъ правильно замѣтилъ тотъ же Вилламовицъ) за сицилійское путешествіе, т.-е. въ семидесятые годы, непосредственно послѣ конца освободительной войны. Роль Фивъ въ этой войнѣ была очень неблагоприятна: онѣ были на сторонѣ врага-варвара, разрушившаго святыни эллинской земли. Неудивительно поэтому, что Эсхиль, герой всѣхъ главныхъ битвъ этой войны, недружелюбно относился къ городу-измѣннику. Нечестіе фиванскихъ современниковъ Эсхила было нечестіемъ фиванской аристократіи; такъ и Эсхиль представилъ дѣло въ своей «Аргіадѣ». Нарушающее общеэллинскій законъ постановленіе онъ приписываетъ фиванскимъ старѣйшинамъ, выгораживая всячески Креонта; интересно въ этомъ отношеніи сравнить «Аргіаду» Эсхила съ «Эдипомъ Колонскимъ» Софокла, въ которомъ наоборотъ фиванцы выгораживаются и за нечестіе отвѣчаетъ одинъ Креонтъ

(ст. 919 сл.). Причина была въ обоихъ случаяхъ политическая: та трилогія была написана въ эпоху вражды, эта — въ эпоху дружбы Аѳинъ съ Ѳивами.

Но и Аргосъ особенно хвалить было не за что: и онъ не принималъ участія въ національномъ дѣлѣ, вслѣдствіе своего мнимаго родства (черезъ своего миѳическаго царя Персея) съ персами. Вѣнокъ симпатіи присуждается поэтому не Ѳивамъ и не Аргосу, а Аѳинамъ съ ихъ великодушнымъ царемъ Ѳесеемъ и обители Деметры, святому Элевсину, родинѣ поэта. Къ этому вѣнку оба враждующихъ города прикасаются только черезъ обѣихъ своихъ представительницъ, Антигону и Аргею.

Интересна роль Геракла. Его заступничество было иначе мотивировано, чѣмъ заступничество Ѳесея; этотъ вель дѣло своихъ просителей, тотъ — общеэллинскаго закона. Такъ точно тотъ же Гераклъ и въ «Аѳамантѣ увѣнчанномъ» Софокла выступилъ борцомъ за общеэллинскій законъ, упраздняя въ Орхоментѣ варварскія человѣческія жертвоприношенія. Эти примѣры нужно помнить, чтобы вполне оцѣнить цивилизаторскую миссію Геракла.

Но со всѣмъ этимъ—конфликта между властью и совѣстью «Аргіада» Эсхила не давала. Ея цѣль была религіозно-политическая, не нравственная: поэтъ герой освободительной войны отъ имени освобожденной Эллады приносилъ дань благодарности въ храмъ богини-покровительницы своего родного города.

III.

И вотъ, наконецъ — «Антигона» Софокла.

Ея читателю полезно прежде всего помнить, что будучи поставлена десятилѣтіемъ раньше «Царя Эдипа» и двадцатипятилѣтіемъ раньше «Эдипа въ Колонѣ», она имѣла инныя предпосылки, чѣмъ эти двѣ драмы, и зато тѣ же, что и «Ѳиваида» и «Аргіада» Эсхила. Наша Антигона не сопровождала своего отца въ его изгнаніе—не сопровождала потому, что онъ вовсе не былъ изгнанъ. Онъ умеръ, правда, жалкою смертью (ст. 50) въ Ѳивахъ, и тамъ же похороненъ; такъ представилъ дѣло Эсхиль («Семь вождей»), и Софоклъ не имѣлъ повода это измѣнить, Антигона исполнила долгъ вѣрной дочери по отношенію къ умершему отцу такъ же, какъ и по отношенію къ умершей матери (900): она ихъ собственными руками омыла и убрала и принесла установленныя возліянія на ихъ могилу.

А затѣмъ—Аласторъ продолжалъ свое дѣло.

Да, и этого демона нашъ поэтъ, не называя его по имени, заимствовалъ изъ трагедій своего предшественника. Ссора брать-

евъ изъ-за власти, изгнаніе старшаго, его нечестивый походъ противъ родины, поединокъ, взаимоубійство. Теперь изъ рода Лабдакидовъ остались только двѣ сестры—Антигона и Исмена; дѣтей обоихъ братьевъ Софокль въ этой трагедіи не знаетъ. Они понадобятся ему только позднѣе, для его «Эпигоновъ».

И вотъ взоръ Аластора, ненасыщенный пролитой кровью, обращается теперь на этихъ сестеръ и прежде всего на старшую, на Антигону...

Впрочемъ, мы не должны преувеличивать. Аласторъ, дѣйствительно, существуетъ въ нашей трагедіи, но скорѣе для хора (ср. ст. 582 сл.), чѣмъ для насъ; существуетъ въ силу своего рода двойного зрѣнія—какъ гнѣвъ Аѳины въ «Аянтѣ», прибавляя метафизическую мотивировку къ самодовлѣющей естественной.

Этеокль умеръ, сражаясь за отечество; Полиникъ, сражаясь противъ него. Смерть ихъ сравнила; сравниетъ ли Аидъ? Нѣтъ, если этому воспрепятствовать. По живучимъ традиціямъ стариннаго анимизма судьба тѣла имѣла вліяніе на судьбу души. Пусть же тѣло героя будетъ предано землѣ со всей подобающей честью, чтобы его душа вошла возвеличенной въ подземную обитель (ст. 25); и пусть тѣло предателя будетъ предоставлено псамъ и птицамъ, дабы его обезчещенная душа скиталась по бездоннымъ пропастямъ Аида, нигдѣ не находя себѣ успокоенія. Такъ повелѣлъ Креонтъ.

Почему именно Креонтъ?

У Эсхила, какъ мы видѣли, приказъ исходитъ отъ совѣта старѣйшинъ, какъ естественнаго представителя власти въ послѣдовавшее за смертью послѣдняго царя Лабдакида междуцарствіе; но Эсхиль и не задавался цѣлью изобразить трагедію власти. Поэтъ этой послѣдней нуждался въ единоличномъ героѣ, какъ носителѣ центральной идеи; отсюда измѣненіе Эсхиловой традиціи. Эта традиція кое гдѣ еще виднѣется въ качествѣ рудимента; такъ въ ст. 44, гдѣ Исмена говоритъ Антигонѣ (переводя буквально): «Несчастливая, неужели ты задумала его похоронить, въ то время какъ это запрещено *государствомъ*?». Или ст. 79 въ отвѣтъ той же Исмены:

Я не безчешу заповѣди божьей.
Но *гражданамъ* перечить не могу.

Софокль благодушно отнесся къ этому рудименту, такъ какъ особаго противорѣчія онъ не вводилъ. По его представленію Креонтъ—это именно тотъ *человѣкъ-законъ*, котораго знала исторія греческихъ свободныхъ общинъ, носитель и представитель государственной власти. Правда, онъ не былъ избранъ царемъ; нужды нѣтъ, онъ сталъ таковымъ въ силу признаннаго государ-

ствомъ закона родства и будетъ утвержденъ во власти хоромъ, т.-е. представителями старшей части населенія. Во всякомъ случаѣ *повелѣніе Креонта равносильно государственному закону*, поэтъ повторяетъ это не разъ—видно онъ дорожитъ этимъ отождествленіемъ, возвышающимъ личность противника Антигоны, а съ нимъ и ее.

* * *

Нѣсколько словъ въ объясненіе обстановки этой важнѣйшей предпосылки нашей трагедіи.

Свой приказъ Креонтъ издалъ, разумѣется, непосредственно послѣ взаимоубійства обоихъ братьевъ и отступленія аргосской рати, еще въ качествѣ «военачальника», какъ его называетъ Антигона въ первыхъ стихахъ, а не царя; значить это пока былъ приказъ войску, т.-е. младшей части населенія, и о немъ еще не знали оставшіеся въ городѣ старшіе граждане (ст. 33), а изъ таковыхъ будетъ состоять хоръ.

Спрашивается, какъ же объ этомъ приказѣ узнала Антигона.

Эта одна изъ такихъ подробностей закулисной мотивировки, которыхъ античная трагедія непосредственно намъ не сообщаетъ, исправно однако давая намъ возможность ихъ дополнить самимъ. Въ данномъ случаѣ отвѣтъ на поставленный вопросъ затрудненъ еще тѣмъ, что знаетъ о томъ приказѣ именно только Антигона, а не ея родная сестра Исмена, и что та, чтобы сообщить свою вѣсть этой, должна вызвать ее на площадку, что передъ дворцомъ.

Отсюда предварительный вопросъ: гдѣ живутъ наши сестры?

По мнѣнію толкователей—вмѣстѣ въ домѣ Креонта. При этомъ предположеніи вызовъ на площадку былъ бы несообразностью: живя вмѣстѣ, ночуя въ одной спальнѣ, царевны имѣли полную возможность обращаться другъ съ дружкой, не переходя запретнаго для дѣвицъ порога «междудворной двери». Но это предположеніе недопустимо и по другой причинѣ. Вѣдь Антигона была невѣстой Гемона; не могла же она «дѣвствовать» въ томъ же домѣ, въ который ей предстояло войти молодой хозяйкой, послѣ свадьбы, сопровождаемой возженнымъ отъ родного очага свѣточемъ.

Итакъ, мы допускаемъ, что сестры жили раздѣльно. Антигона, какъ старшая, въ царскихъ хоромѣхъ Лабдакидовъ, при братѣ-царѣ Этеоклѣ; Исмена несомнѣнно (ст. 531) въ домѣ своего дяди Креонта при его женѣ Евридикѣ. Вотъ почему Креонтъ въ только что указанномъ мѣстѣ встрѣчаетъ появленіе Исмены гнѣвными словами:

А, это ты въ тѣни укромной дома
Змѣей ползучей кровь мою точила.

—противополагая ее этимъ жившей въ другомъ домѣ сестрѣ (ср. слова Клитемнестры про Электру ст. 784 сл.); если же онъ продолжаетъ:

И я не вѣдалъ, что рошу двѣ язвы,
Двѣ гибели престола моего,

—то въ этомъ противорѣчія нѣтъ; такъ царь могъ выразиться про любую изъ своихъ подданныхъ.

Живя отдѣльно отъ сестры въ домѣ Лабдакидовъ, Антигона естественно могла узнать раньше ея о приказѣ Креонта,—хотя бы отъ вѣстника своего жениха Гемона. Итакъ, она знаетъ, что хоронить Полиника запрещено подъ страхомъ казни, а именно каменованія, обычной казни нечестивцевъ (ст. 36), и что къ его трупѣ приставлена стража. Относительно своего рѣшенія она не колеблется: долгъ крови прежде всего. Но этотъ долгъ лежитъ и на Исменѣ, такой же сестрѣ погибшаго, какъ и она сама; ей она поэтому обязана предложить участіе въ задуманномъ дѣлѣ. Оно и съ точки зрѣнія исполнимости лучше: вдвоемъ онѣ унесутъ трупъ брата, воспользовавшись ночью, и схоронятъ его въ гробницѣ Лабдакидовъ. Дѣйствительно, вначалѣ она думаетъ о настоящихъ, а не о символическихъ похоронахъ; поэтому она предлагаетъ сестрѣ участвовать въ нихъ въ слѣдующихъ словахъ (ст. 43, букв. переводъ): «поднимешь ли ты тотъ трупъ вмѣстѣ съ этой моей рукой». Она беретъ съ собой сосудъ для возліяній и отправляется за сестрой въ дворецъ Креонта.

Здѣсь начало дѣйствія трагедіи.

* * *

Прологъ принадлежитъ обѣимъ сестрамъ—подвижницѣ и смиренницѣ, обоимъ полюсамъ въ развитіи женскаго самоотверженія. Дѣйствительно, въ самоотверженіи и Исменѣ отказать нельзя; и въ ней живетъ душа ея отца—это она докажетъ въ сценѣ съ Креонтомъ. Но ея самоотверженіе—чисто-страдательное; она готова раздѣлить участь своей сестры, но не способна раздѣлить ея подвига.

Софоклъ позднѣе въ «Электрѣ» повторилъ эту чету сестеръ: Исмена ожила въ Хрисоѳемидѣ. Да, но все же безъ этой самоотверженной черты. Хрисоѳемида повинуется потому, что она «свободы жаждетъ» (ст. 339),—той сравнительно привольной жизни, которую обычай героической эпохи разрѣшалъ царевнамъ, съ ея нарядами, хороводами и вечеринками въ кругу подругъ; Исмена повинуется потому, что для нея неповиновеніе нѣчто физически невозможное. Ближе стоитъ Антигона къ Электрѣ; если она намъ

симпатичнѣе, то потому только, что долгъ крови требуетъ отъ нея болѣе симпатичнаго для насъ дѣла подвига, а не убійства. Но, впрочемъ, и она безусловно предана именно ему, этому долгу крови. И она увлекается; и она въ своемъ увлеченіи несправедлива къ своей кроткой сестрѣ, говоря ей (ст. 86 сл.):

Всѣмъ говори. Услугою молчанья
Ты лишь усилишь ненависть мою!

ср. Эл. 1033.

Правда, расцвѣтъ души Антигоны еще впереди—его дастъ ея споръ съ Креонтомъ. Но уже здѣсь она произноситъ слово, глубоко и помимо воли ея творца бороздящее нашу душу (ст. 83):

Не за меня страшись; подумай лучше,
Какъ жизнь *свою* и душу оправдать.

Что это значить? Это значить: «дщери іерусалимскія, не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ»; это значить, что передъ нами—мученица.

* * *

Въ пародѣ является хоръ и въ лицѣ его новый герой нашей трагедіи, интеллектуальный двойникъ ея эмоціональных героевъ, Креонта и Антигоны. Такую роль онъ играетъ только здѣсь—и эта его исключительность вполне понятна: онъ вѣдь представитель государства, а наша трагедія—трагедія именно государственной власти и государственнаго закона.

Этотъ свой совѣтъ Креонтъ набралъ изъ тѣхъ вельможъ, которые еще при Лаиіи, дѣдѣ нынѣ погибшаго царя, были опорой престола (ст. 165); значить изъ людей, во-первыхъ, старыхъ, своихъ ровесниковъ, и, во-вторыхъ, безусловно преданныхъ царствующему дому. Тѣмъ болѣе вѣскимъ будетъ ихъ свидѣтельство, если оно разоидется съ его волей.

На это, впрочемъ, пока еще ничто не указываетъ. Настроеніе хора радостное; онъ привѣтствуетъ лучъ солнца, впервые озарившаго побѣду и свободу *Θивъ* и ускорившаго отступленіе разбитаго врага. Въ красивомъ символѣ представляетъ онъ себѣ минувшій бой. Вѣдь *Аргосъ* («бѣлый городъ») вооружалъ свою рать бѣлыми щитами, точно крыльями, а *ѳиванскій* народъ производилъ себя отъ убитаго *Кадмомъ* змѣя. И вотъ старый *гомеровскій* символъ: бѣлый орелъ хватаетъ змѣю, но долженъ бросить ее, испуганный шипѣніемъ живучаго врага. Вспоминаются вожди непріятельской рати, впереди всѣхъ *Капаней*, гордившійся, что онъ сожжетъ *Θивы*, хотя бы и противъ воли *Зевса*, и за это пораженный его перуномъ; и, наконецъ,—грустный конецъ войны,

взаимоубійство сыновей Эдипа. Но теперь все это уже стало прошлымъ: Побѣда опять навѣстила свою старую знакомую Фиву, давно уже давшую ей пріютъ въ своихъ онхестскихъ ристаніяхъ; можно смѣло принести благодарность богамъ и отдаться праздничному веселью.

Таковы думы хора, когда къ нему является Креонтъ.

* * *

Откуда является онъ? Изъ словъ Антигоны (ст. 31 сл. букв. переводъ), «это, говорятъ, объявилъ Креонтъ, и онъ идетъ сюда, (т.-е. на площадь передъ дворцомъ), чтобы ясно во всеуслышаніе объявить это незнающимъ» мы выводимъ заключеніе, что онъ теперь не во дворцѣ, а тамъ, гдѣ онъ впервые издалъ свой приказъ, т.-е. подъ стѣнами въ стоянкѣ войска. Онъ придетъ въ свой совѣтъ непосредственно со стана, не заходя домой. Къ чему торопиться увидѣть своихъ? Тамъ все равно радости для него нѣтъ. Онъ встрѣтитъ нѣмой, заплаканный взоръ своей безотвѣтной жены Евридики, взоръ, требующій отъ него пожертвованнаго за отечество сына Мегарея... Нѣтъ, лучше прямо въ совѣтъ.

Думаетъ ли онъ самъ объ убитомъ? Въ переводѣ этого не выразить, но если въ подлинникѣ рѣчь его начинается словами:

Andres, ta men dê poleos...

то эта чудная, непереводаемая частица *men* доказываетъ всякому знающему по-гречески, что въ своемъ умѣ говорящій противопоставляетъ спасенному государству свой собственный, пошатнувшійся домъ.

А впрочемъ, его рѣчь—манифестъ. Съ первыхъ словъ онъ объявляетъ о своемъ вступленіи на престолъ по праву ближайшаго родства. Затѣмъ—о своемъ рѣшеніи править государствомъ, руководясь исключительно его выгодами, не давая себя ни запугать страху, ни заморозить дружбѣ. Наконецъ, о своемъ приказѣ относительно сыновей Эдипа, какъ практическомъ послѣдствіи этого рѣшенія: сыну-защитнику отечества—честь, сыну-врагу—позоръ; такъ велитъ справедливость.

Тутъ каждое слово обдуманно и взвѣшено; хору остается только засвидѣтельствовать законность царскаго распоряженія. Мысли, что могутъ найдись ослушники, онъ не допускаетъ; кто охотно пойдетъ на казнь! Казнь казнью, а все-таки (ст. 221):

Не разъ, на крыльяхъ вожделѣнья
Глупцовъ въ погибель увлекла корысть.

Тутъ Креонтъ называетъ ту силу, которая разрушитъ его разумные политическіе расчеты. Ей имя по-гречески—*elpis*;

мы это слово и здѣсь, и въ дальнѣйшемъ будемъ переводить черезъ «вожделѣніе», вполнѣ сознавая недостаточность этого перевода. Elpis—это та безотчетная сила, то благодѣтельная, то вредная, которая осталась въ чанѣ Пандоры, послѣ того, какъ другія улетѣли; то зыбкое марево, которое самопроизвольно появляется въ душѣ слабыхъ разумомъ людей, застилая отъ нея трезвую дѣйствительность съ ея трезвыми расчетами и требованіями, вслѣдствіе чего имъ неисполнимое представляется исполнимымъ, дурное—хорошимъ. Онъ, Креонтъ, этого марева не знаетъ; какъ сильный логическимъ разумомъ человѣкъ, онъ плохой психологъ и потому не можетъ себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ ему отдаться иначе, какъ подъ вліяніемъ корысти.

Въ этомъ его вторая ошибка—неизбѣжное послѣдствіе той первой, которая сказала въ его жестокомъ приказѣ.

* * *

Приказъ изданъ; теперь опроверженія послѣдуютъ одно за другимъ. Полезно теперь же, заглянувъ нѣсколько впередъ, представить себѣ отчаянную жалобу Креонта въ отвѣтъ послѣднему опровержителю-пророку (ст. 1034):

О старче, старче! Всѣ вы, какъ стрѣлки,
Себѣ мишенью грудь мою избрали...

Первый стрѣлокъ, еще очень неискусный—это одинъ изъ стражи, приставленный Креонтомъ къ трупу Полиника; рядовой воинъ, надо полагать. Софоклъ позволилъ себѣ здѣсь особый пріемъ, къ которому онъ, въ предѣлахъ сохранныхъ намъ трагедій, прибѣгъ еще только разъ—въ «Трахинянкахъ»,—а именно, оттѣненіе трагизма комизмомъ: его стражъ такъ же, какъ и вѣстникъ въ той трагедіи—полукомическая роль. Конечно, ея комизмъ сдержанный, но все же параллель съ Шекспиромъ (слуги въ «Ромео и Джульеттѣ», крестьянинъ со змѣей въ «Антоніи и Клеопатрѣ») напрашивается сама собой.

Мы догадываемся, о чемъ онъ пришелъ доложить; мы вѣдь знаемъ, героиня нашей трагедіи подъ покровомъ ночи совершила обрядъ символическаго погребенія; приказъ Креонта въ ту минуту, когда онъ сообщается старикамъ, уже нарушенъ. Тѣмъ лучше можемъ мы оцѣнить искусство поэта.

Стражъ ведетъ рѣчь обвинякомъ, стараясь прежде всего выгородить самого себя. Онъ по простительной ошибкѣ воображаетъ, что его психика такъ же интересна для царя, какъ и для него самого, и пространно рассказываетъ, какъ онъ терзался подъ напоромъ двухъ противоположныхъ другъ другу силъ его души—

совѣмъ какъ убѣгающій отъ Шейлока Ланселотъ Гоббо, чтобы еще разъ напомнить Шекспира. Царь милостиво ободряетъ оробѣвшаго служаку, и онъ, наконецъ, рѣшается сказать въ чемъ дѣло: приказъ нарушенъ, а кѣмъ—неизвѣстно.

Тутъ мы встрѣчаемъ очень тонкую черту: выслушавъ безхитростный разсказъ грубоватаго сына деревни, старцы высказываютъ предположеніе, что въ этомъ темномъ дѣлѣ замѣшанъ богъ—и этимъ вызываютъ сильнѣйшее негодованіе Креонта. Богъ! Да о комъ же рѣбеть онъ самъ, какъ не о богѣ? Правда, богъ Креонта—это богъ гражданской общины, это Зевсъ, первообразъ и оплотъ царей; но развѣ можетъ быть другой?—Если бы онъ могъ обернуться въ эту минуту,—онъ увидѣлъ бы устремленный на него жгучій взоръ блюстительницы долга крови, Эриніи. Но нѣтъ, онъ ея не видитъ.

А впрочемъ, объясненіе совершившагося ему заранѣе подсказано его собственной формулой о «корысти», увлекающей человѣка на крыльяхъ «вожделѣнія»—его третья ошибка также неизбѣжно вытекаетъ изъ второй, какъ вторая изъ первой. Кто нарушилъ приказъ? Тѣ, кому было выгодно съ первыхъ же его шаговъ, какъ царя, уронить обаяніе его власти,—члены враждебной ему партіи. Они подкупили продажную душу одного изъ этихъ бѣднягъ-стражей; такъ произошло дѣло. Итакъ, выдайте виновника изъ вашей среды—не то всѣмъ будетъ худо. Первый натискъ отраженъ.

Креонтъ уходитъ въ свой домъ, одинъ изъ устоевъ котораго успѣлъ уже рухнуть со времени его ухода—ради блага государства. На немъ же, на государствѣ и его благѣ, сосредоточены и мысли хора во время антракта, слѣдующаго за уходомъ царя.

* * *

Это такъ естественно. Старцы выслушали незадолго передъ тѣмъ манифестъ своего царя, посвященный возвеличенію государства, какъ всепревышающей силы, опредѣляющей собою всѣ стремленія гражданъ; онъ самъ предсталъ передъ ними и притомъ съ ихъ же признанія, какъ тотъ «человѣкъ-законъ», сосредоточивающій въ себѣ сущность государства и его правды; они согласились видѣть въ нарушительѣ царскаго приказа врага самого закона, окрыляемаго вожделѣніемъ подъ вліяніемъ корысти. Итакъ, государственный законъ и личное вожделѣніе—тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься.

Слѣдуетъ знаменитая на всѣ времена пѣснь пѣсней эллинской государственности (ст. 332 сл.):

Много въ природѣ дивныхъ силъ,
Но сильнѣй человѣка нѣтъ. . .

Онъ подчинилъ своей власти стихіи—его ладья побѣдила море, его плугъ покорилъ землю. Онъ восторжествовалъ надъ всѣми живыми обитателями міра—и надъ птицей воздушной, и надъ звѣремъ лѣснымъ, и надъ рыбой морей. Онъ, наконецъ, создалъ общину, вѣнецъ и предѣлъ своихъ стремленій. Пусть же онъ и впредь видитъ всю цѣль своей дѣятельности въ томъ, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ поддержать и возвеличить это самое драгоценное изъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній. Благословенъ тотъ, кто ставитъ «государство» выше своего личнаго «вождедѣнія»; и да будетъ далекъ отъ насъ тотъ, кто избралъ путь кривды, жертвуя благомъ государства ради собственной выгоды.

Толкователи любятъ сравнивать эту пѣснь съ одной изъ самыхъ глубокомысленныхъ одъ Горация—той, которая начинается словами *Sic te diva potens Cypri*(I ³). Поэтъ написалъ ее въ путешествіе своему другу Виргилію, задумавшему морскую поѣздку въ родной край Софокла. Ему видно припомнились слова аѳинскаго поэта (ст. 334):

Онъ подъ вьюги мятежный вой
Смѣло за море держитъ путь;
Кругомъ вздымаются волны—
Подъ ними стругъ плыветъ.

— Да, и море, и землю, и воздухъ покорилъ человѣкъ—*nil mortalibus ardui ast*; «смѣло рѣшившись все перенести, человѣческій родъ подвинулся на *запретный грѣхъ*... на само небо посягнули мы въ своемъ неразуміи, и наше нечестіе не даетъ Зевсу отложить въ сторону свой гнѣвный перунъ».

Тѣ же мысли,—но насколько измѣнился духъ между вѣкомъ Перикла и вѣкомъ Августа! То, что привѣтствуется Софокломъ какъ побѣда человѣка надъ окружающей природой—въ этомъ Гораций видитъ «запретный грѣхъ», навлекающій на родъ смертныхъ справедливый гнѣвъ Зевса. Отчего такая перемѣна въ воззрѣніи на прогрессъ, на усовершенствованіе и облагороженіе нашей культуры?

Дѣйствительно, было бы неправильно видѣть въ одѣ римскаго поэта лишь минутное настроеніе: оно свойственно всему вѣку Августа ¹⁾ и навѣяно—Эриніей. Той Эриніей, которую гордый своимъ государствомъ, аполлоновскій человѣкъ пожелалъ изгнать изъ послѣдняго убѣжища, подчиняя также долгъ крови усмотрѣнію своего лучшаго изобрѣтенія. Слишкомъ натянутый лукъ лопнулъ; изгнанная изъ своихъ законныхъ мѣстъ Эринія

¹⁾ См. мою статью «Первое свѣтопреставленіе». «Изъ жизни идей». Т. I, стр. 137, 2-е изд.

отравила человѣку весь путь его культуры, включая его самыя хорошія и благодѣтельные достиженія.

Объ этомъ, впрочемъ, еще рѣчи нѣтъ. Подобно своему царю, и хоръ забылъ объ Эриніи: онъ видитъ только двухъ противниковъ, правду государства и личное вождельніе особи и въ своемъ выборѣ не колеблется. Тѣмъ сильнѣе его изумленіе, когда послѣ плѣсни о государствѣ его взорамъ представляется вѣстница этой забытой силы (ст. 377):

Непонятное диво мнѣ разумъ слѣпить:
Это ты, Антигона?...

Да, это она.

* * *

Слѣдующая сцена даетъ героическую тему Антигоны. И здѣсь трагизмъ положенія оттъненъ сдержаннымъ комизмомъ того, кто его создаетъ: Антигону вводитъ тотъ же стражъ; ему она неожиданно-негаданно досталась въ руки. Онъ рассказываетъ вышедшему—надо полагать, къ старцамъ на совѣщаніе,—Креонту о томъ, какъ боги ему оказали эту милость.

Въ этомъ разсказѣ кое-что насъ озадачиваетъ: къ чему это вторичное появленіе Антигоны у трупа Полиника? Съ *драматургической* точки зрѣнія замыселъ поэта намъ вполне понятенъ: если бы Антигона была схвачена при первыхъ же похоронахъ (какъ это происходило въ «Аргіадѣ» Эсхила), то пропало бы эффектное наростаніе трагизма въ трагедіи власти: «царскій законъ нарушенъ»—«онъ нарушенъ царевной». Мы понимаемъ, что поэтъ имъ дорожилъ и что онъ ради него осложнилъ перипетію; но удовлетворяетъ ли насъ психологическая мотивировка этого осложненія? Антигона совершила надъ трупомъ брата обрядъ символическаго погребенія—въ эту минуту врата Аида разверзлись передъ его душой, и она обрѣла вѣчный покой въ сонмѣ утомленныхъ. Никакое дальнѣйшее надруганіе надъ трупомъ не могло ее болѣе оттуда изгнать; къ чему же этотъ новый, ничѣмъ не оправданный, рискъ?

...Не будемъ вдаваться слишкомъ глубоко въ тайники эсхатологии; взглянемъ на дѣло просто. Воспользовавшись полу-денной завирухой, Антигона пришла провѣдать брата; увидѣвъ его обезчещеннымъ, она съ воплемъ прокляла святотатцевъ и повторила свое благочестивое дѣло. Достаточно ли это естественно?

И вотъ она поймана и приведена къ царю-судьѣ—къ тому, кто сказалъ (ст. 182), что съ трусомъ наравнѣ

презрѣнія достоенъ
И тотъ безумецъ, кто сильнѣе блага
Своей отчизны — дружбою плѣненъ.

Теперь насталъ моментъ оправдать эти героическія слова: передъ нимъ другъ изъ друзей, дочь его сестры и неvěста его единственнаго сына.

Разсказъ стража, обстоятельный и мало для него интересный, далъ ему время побороть свою минутную слабость, вырвавшую у него болѣзненный стонъ ст. 403. Теперь онъ весь царь, весь судья. Слѣдуетъ три обычныхъ вопроса, три удара молота: «Ты совершила это дѣло?» ¹⁾—«Если да, то знала ли, что нарушаешь законъ?»—«Если да, то что имѣешь сказать въ свое оправданіе?»

Что сказать?—Всю тему своего героизма, всю правду Эринии (ст. 450). Да, она могла нарушить тотъ законъ:

Затѣмъ могла, что не Зевесъ съ Олимпа
Его издалъ, не святая Правда,
Подземныхъ сопредстольница боговъ.
А твой приказъ — ужъ не такую силу
За нимъ я признавала, чтобы онъ,
Созданье челоѣка, могъ низвергнуть
Неписанный, незыблемый законъ
Боговъ безсмертныхъ. *Этотъ* не сегодня
Былъ ими къ жизни призванъ, не вчера:
Живетъ онъ вѣчно, и никто не знаетъ,
Съ какихъ онъ поръ явился межъ людей.

И вѣчнымъ, подобно ему, будетъ и тотъ голосъ смѣлаго и гнѣвнаго протеста, который здѣсь впервые прозвучалъ въ его защиту изъ устъ первомученицы Антигоны.

Но не Креонту это понять. Какъ челоѣкъ строгаго, неумолимо послѣдовательнаго ума, онъ давно поборолъ въ себѣ все смутное и неясное, всѣ ирраціональныя побужденія души. Самозащиту своей ослушницы онъ приписываетъ ея неразумному упорству, пророка послѣднему крутое и быстрое паденіе... Оправдается ли это пророчество? Увидимъ.—Есть только одна сила, никогда и нигдѣ не измѣняющая: это—разумъ. Только имъ и долженъ руководиться мужчина. Антигона—женщина, и побужденія ея—женскія. Пока онъ живъ, онъ не покорится женщинѣ.

Этими гордыми словами онъ хочетъ заглушить великодушный протестъ Антигоны, ея незабвенное слово (ст. 523):

Дѣлить любовь — удѣлъ мой, не вражду.

А, впрочемъ мнѣ стыдно за свой переводъ этихъ словъ—они непереводимы. Только по-гречески можно понять и прочувствовать это предвареніе славы въ вышнихъ и мира на землѣ:

οὕτω δυνέχουσιν, ἀλλὰ σφραλίσιν ἔφου.

¹⁾ Послѣ утвердительнаго отвѣта обвиняемой, Креонтъ отпускаетъ стража; это — въ порядкѣ вещей, такъ какъ только послѣ ея признанія онъ становился излишнимъ. Если бы она отвѣтила «нѣтъ», онъ былъ бы ему нуженъ, какъ свидѣтель-обвинитель. Это — тонкая черта.

Слѣдующая сцена—ставка съ Именой—ничего новаго не представляетъ. Оtmѣтимъ дальнѣйшее развитіе этого предваренія въ ограничивающихъ и поясняющихъ словахъ (ст. 542):

Любовь не словомъ дорога, а дѣломъ —

и проводимъ дружелюбнымъ взоромъ кроткую дѣву, не смущаясь суровостью осуждающихъ словъ Антигоны. Она ей все-таки сестра; вмѣстѣ, онѣ представляютъ греческую и общечеловѣческую женственность въ ея лучшихъ сторонахъ, великодушій подвига и великодушій смиренія.

Обѣихъ уводятъ въ одну и ту же темницу, въ ожиданіи исполненія кары; настаетъ пора разобраться въ наукѣ пережитыхъ сценъ.

Что случилось въ самомъ дѣлѣ? Еще недавно хоръ воспѣвалъ величіе человѣка и его величайшее твореніе, государство; взяли ли ему свои слова назадъ?—Нѣтъ; но видно, есть и кромѣ «неотвратной» смерти нѣчто, противъ чего весь человѣческій разумъ безсиленъ; это—грѣхъ (Atê). Какъ, если вѣтеръ ударитъ въ море, первая поднятая имъ волна поднимаетъ другую, эта—третью, и далѣе—такъ и въ цѣпи поколѣній совершенный отцемъ грѣхъ подвигаетъ на грѣхъ его сына, и далѣе, пока весь родъ, зараженный отравой, не исчезнетъ. Только Зевсъ безопасно царитъ въ небесной высотѣ, недоступный грѣху, разрушающему роды смертныхъ; намъ же дано роковымъ спутникомъ *вождедѣліе* (elpis), дѣлающее насъ игралищемъ зротовъ. Вождедѣліе, эмоциональная часть нашей души, это и есть та легкозаразная почва, на которой всходятъ все новые и новые побѣги грѣха. И никто отъ него не предохраненъ, никто:

Бди, борись—все тщетно:
Настанетъ твой день—въ сѣти падешь ты Кары!

И это—все, что ѳиванскіе старцы извлекли изъ происшедшаго?—Да, пока это все. Нерушимо стоитъ кумиръ государственности и разумъ, воздвигшій его; послушаніе Антигоны объясняется тѣмъ, что она, дочь Эдипа и внучка Лаія, прародителя грѣха въ родѣ Лабдакидовъ. Правда Эриніи еще не взошла для аполлоновскаго ума совѣтниковъ Креонта; подождемъ,—ея часъ уже недалекъ.

* * *

Содѣйствуетъ его наступленію противникъ Креонта въ слѣдующемъ, третьемъ дѣйствіи—*Гемонъ*. Мы знаемъ, что онъ—единственный сынъ Креонта, и мы знаемъ также, почему онъ сталъ единственнымъ.

О цѣли его появленія не трудно догадаться. Онъ—женихъ Антигоны: ясно, что онъ пришелъ просить за нее. Такъ полагаютъ старцы и Креонтъ имъ не возражаетъ. Напротивъ, все его обращеніе къ сыну разсчитано на то, чтобы противодѣйствовать его любви къ Антигонѣ. Она ему невѣста, но зато онъ отецъ: невѣста замѣнима, отецъ—нѣтъ. Сыновній долгъ послушанія—залогъ государственнаго благозаконія; пусть онъ пойметъ это, пойметъ его, Креонта, царскую обязанность поддерживать это благозаконіе, тогда ему легче будетъ пожертвовать своей любовью.

Но онъ ошибся: Гемонъ не за Антигону пришелъ просить, а за него, за Креонта. Онъ пришелъ ему сообщить нѣчто, чего онъ, Креонтъ, не зналъ. А, именно: что въ этомъ дѣлѣ государство въ лицѣ своихъ отдѣльных членовъ не за него, а противъ него (ст. 693):

Всѣ ее жалѣютъ,
Всѣ говорятъ: «Ужель погибнетъ та,
«Что гибели всѣхъ менѣе достойна?»
«Ужель за подвигъ столь прекрасный—кару!»
«Столь жалостную понесетъ она?»
«Ту, что, родного брата въ лужѣ крови
«Найдя, непогребеннымъ не снесла,
«Не потерпѣла, чтобъ отъ псовъ голодныхъ
«Онъ поруганье принялъ и отъ птицъ —
«Ее ль златымъ мы не почтимъ вѣнкомъ?»
Такъ глухо бродитъ темная молва.

Здѣсь разгаръ трагизма для Креонта; что сынъ противъ него—это еще полбѣды: онъ вѣдь не знаетъ, чѣмъ кончится эта вражда. Но государство! До сихъ поръ онъ жилъ въ убѣжденіи, что дѣйствуетъ не только для блага государства, но и въ согласіи съ нимъ; теперь вторая часть этого положенія оказывается ошибочной. Возникаетъ мучительный для законнаго царя, ставленника народа, вопросъ: будетъ ли еще закономъ тотъ приказъ, который изданъ, пусть для блага народа, но въ разрѣзъ съ его волей?—Вѣдь не забудемъ: Креонтъ—не тиранъ; смыслъ его требованія гражданскаго послушанія данъ имъ въ словахъ (ст. 666):

Кого народъ начальникомъ поставилъ,
Того и волю исполняй — и въ маломъ,
И въ правомъ дѣлѣ, и...во всѣхъ другихъ.

Нѣтъ, онъ не тиранъ, а монархъ-демократъ. И вотъ, народъ въ этомъ дѣлѣ противъ него; что же остается? Остается—знаменитая формула просвѣщеннаго абсолютизма: «ради народа—противъ народа». Она не произносится ясно, но лежитъ въ основѣ настроенія Креонта, въ его знаменитомъ спорѣ съ сыномъ (ст. 734):

Кр. Народъ ли мнѣ свою навяжетъ волю?
Гем. Ты нынѣ слово юное сказалъ!
Кр. Своей мнѣ волей править, иль чужой?
Гем. Единый мужъ — не собственникъ народа.
Кр. Какъ? «Мой народъ» — такъ говорятъ цари!
Гем. Попробуй самодержцемъ быть въ пустынь.

т.-е. послѣ того, какъ народъ отшатнется отъ тебя, и ты останешься одинъ... Да, но вѣдь онъ не одинъ: у него есть, во-первыхъ, боги, оскорбленные врагомъ своей отчизны, а во-вторыхъ онъ самъ, его царская совѣсть, внушившая ему его поступокъ и понынѣ его одобряющая. Сильный этимъ содѣйствіемъ, онъ остается непреклоннымъ. Своего сына онъ видитъ насквозь: онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ «женщины». Онъ—представитель женскаго, ирраціональнаго принципа въ борьбѣ съ мужскимъ принципомъ государственности и разума, олицетвореннымъ имъ. При такомъ пониманіи—вѣрнѣе, непониманіи,—дальнѣйшій споръ невозможенъ. Гемонъ въ отчаяніи уходитъ; Креонтъ остался непобѣдимъ.

Да, но только въ своихъ глазахъ, не въ глазахъ одобрявшихъ его до тѣхъ поръ старцевъ. Они не рѣшаются болѣе повторять свое проклятiе вождѣлѣнію, этому соблазну «легкихъ умомъ Эротовъ». Напротивъ, ихъ пѣснь прославляетъ самого царя вождѣлѣнія:

Эротъ, твой стягъ—знамя побѣды!

Вотъ кто въ ихъ глазахъ побѣдитель. Любовь принята въ кругъ «высшихъ державъ», съ ними вмѣстѣ судить она о правдѣ и неправдѣ и рѣшаетъ жребій людей. И что будетъ съ тѣмъ, кого осудить она?

* * *

Слѣдующее дѣйствіе опять принадлежитъ Антигонѣ. Въ третій и послѣдній разъ появляется она передъ нами: ее ведутъ на смерть, медленную и мучительную, въ ту подземную гробницу, которую Креонтъ назначилъ ей свадебнымъ теремомъ съ новымъ женихомъ —Аидомъ.

Здѣсь—апогей паоса; и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, поэзія обращается къ помощи музыки для восполненія того, что она сама выразить не въ силахъ: трагедія переходитъ въ оперу. Это слѣдуетъ помнить. Передъ нами предсмертный плачъ объ имѣющей погибнуть юности и красотѣ, и послѣдній вопль этой юности и красоты, послѣдній ея стонъ о той жизни, которую у нея отнимаютъ, и на которую она имѣетъ столько правъ.

Многихъ тутъ озадачиваетъ роль хора. Находятъ безсердечнымъ, что онъ даже теперь не на сторонѣ мученицы, даже теперь противопоставляетъ ей правдѣ ту, которую она будто бы преступила.—Напрасно. Хоръ и здѣсь вѣренъ своей всегдашней роли. Онъ подчеркиваетъ гражданскую магистраль умѣренности, чтобы этимъ еще болѣе отгнѣнить героизмъ Антигоны.

А въ ней Креонтъ окончательно ошибся, думая, что ея гордый нравъ—предвѣстникъ паденія. Нѣтъ, она сохраняетъ его до

конца. Ей не хочется умирать, но въ своемъ поступкѣ она не раскаивается. Ее ждетъ смерть, а за ней—иная жизнь: тогда будетъ видно, кто былъ правъ.

Но Креонтъ торопитъ; пора идти. Какъ гордо звучать послѣднія, прощальныя слова дочери Эдипа старымъ совѣтникамъ ея отца (ст. 940):

О смотрите, оиванцы! Царевна идетъ,
Остальная наслѣдница древнихъ владыкъ;
Вотъ судья мой — и вотъ преступленье мое:
Благочестію честь воздала я.

Въ отвѣтъ ей звучитъ, наконецъ, изъ ихъ устъ та пѣснь предсмертнаго утѣшенія, о которой она ихъ такъ долго просила. Намъ она мало говоритъ; даже по выясненіи всѣхъ непонятныхъ для неспеціалиста намековъ она многимъ покажется ненужной мифологической ученостью. Но для грека Софокловыхъ временъ и мифологія была еще не ученостью, а живой вѣрой, и мы можемъ быть убѣждены, что образы Данай, Ликурга, Клеопатры не менѣе облегчали горе Антигоны, чѣмъ горе Гретхенъ—погруженіе въ земныя страданія той, къ которой она возносила свою трогательную молитву.

* * *

А теперь—катастрофа.

Во имя двухъ началъ дѣйствовалъ Креонтъ: государства и боговъ. Въ сущности, при государственномъ характерѣ древнегреческой религіи, тутъ даже большой разницы не было: Полиникъ, врагъ своей родины, этимъ самымъ былъ и врагомъ ея боговъ, и Креонтъ, карая его, защищалъ оба эти священныхъ для него начала. Вотъ почему онъ съ такимъ негодованіемъ отвергаетъ мысль хора о возможномъ заступничествѣ боговъ за нечестивца (ст. 280 сл.).—И вотъ то, чему онъ тогда не хотѣлъ вѣрить, ему нынѣ подтверждаетъ достовѣрный свидѣтель, слѣпой прорицатель *Тиресій*. Да, старцы тогда были правы: боги подлинно разгнѣваны безчинствомъ Креонта надъ трупомъ Полиника; не будетъ отъ нихъ болѣе знаменій оскверненному грѣхомъ царя городу.

Прошу къ этой угрозы не относиться слегка: это — то же, что въ средніе вѣка *интердиктъ*. Оивы исключены изъ великаго договора, связующаго обѣ общины, боговъ и людей; вотъ смыслъ вѣсти Тиресія.

Въ это вдуматься и вчувствоваться можно; и все-таки тутъ есть нѣчто смущающее насъ. Намъ такъ и хочется подсказать Тиресію и Софоклу—чисто этическую мотивировку; мы рады, когда онъ ее наконецъ находитъ (ст. 1029);

Нѣтъ, уступи усопшему. Кто станетъ
Лежаго колоть? Какая доблесть —
Второю смертью мертваго казнить?

Намъ было бы пріятно, если бы и боги руководились этимъ чисто нравственнымъ началомъ, если бы и они отвернулись отъ грѣшника именно за то, что онъ нарушилъ священный долгъ по отношенію къ убитому.

Но нѣтъ: причина ихъ интердикта сложнѣе. Передъ нами выступаетъ мотивъ самодовлѣющей скверны: растерзанная плоть несчастнаго Поллиника сама по себѣ дѣйствуетъ тлетворно и на вѣщихъ птицъ, и на алтари боговъ, независимо отъ злой воли Креонта. Это — пережитокъ старины. Уже въ нашу эпоху на западѣ орденъ пивагорейцевъ училъ о другомъ, болѣе внутреннемъ и духовномъ отношеніи къ грѣху и божьему гнѣву. Софоклъ вѣроятно слышалъ объ этомъ ученіи, но оно здѣсь подсказало ему только великолѣпную отвѣдь Креонта (ст. 1039):

Его же скрыть въ могилѣ.
Не дамъ. Хотя бы Зевсовы орлы
Къ престолу бога самого примчали
Его растерзанную плоть — и этой
Не испугаюсь скверны я, Тиресій:
Не властенъ смертный бога осквернить.

Это чудное и смѣлое слово, минутно отдающее Креонту наши симпатіи, навѣрное тогда казалось поэту кощунственнымъ; позднѣе онъ и въ этомъ отношеніи измѣнилъ свое мнѣніе.

Второй, не сразу намъ понятный мотивъ, — это раздѣленіе боговъ на вышнихъ и подземныхъ, съ разграниченными сферами власти тѣхъ и другихъ; и все же его признать и Сократъ въ «апологіи» Платона. Въ моментъ смерти мы вступаемъ подъ власть подземныхъ боговъ и притомъ обязательно, но не раньше. А если такъ, то Креонтъ провинился дважды противъ и тѣхъ и другихъ. Запрещая хоронить трупъ Поллиника, онъ отнималъ у подземныхъ боговъ то, что имъ принадлежало, и этимъ заодно оскорблялъ вышнихъ боговъ, заставляя ихъ участвовать въ своемъ беззаконіи. Точно также, только въ обратномъ смыслѣ, онъ противъ обоихъ провинился и тѣмъ, что отправилъ въ гробницу Антигону еще до ея смерти.

Ну, что же, значить боги съ ихъ вѣщими птицами и прорицателями противъ Креонта ¹⁾; подобно народу и они отступили отъ него. Теперь у него только одна опора: онъ самъ

Съ этимъ жить можно. Какъ бы только не пошатнулась и эта послѣдняя опора!

¹⁾ Не будемъ вѣрить Креонту, когда онъ заподозриваетъ достовѣрность прорицаній Тиресія, обвиняя его въ продажности. Если бы онъ считалъ его не заслуживающимъ довѣрія, то и слѣдующее его пророчество о смерти сына не произвело бы на него впечатлѣнія. Нѣтъ, онъ знаетъ, что боги противъ него — и все-таки упорствуетъ.

Наступаетъ новое испытаніе, самое страшное изъ **всѣхъ** (ст. 1064):

Запомни же. Немного вѣхъ ристальныхъ
Минуютъ въ горнихъ Солнца бѣгуны —
И будетъ отданъ отпрыскъ царской крови
Отвѣтной данью мертвецамъ — мертвецъ...

Это значить: за Полиника — Гемонъ. Что этимъ доказано? Для того Креонта, который предсталъ передъ нами въ первомъ дѣйствіи — ровно ничего. Не онъ ли сказалъ въ своемъ манифестѣ (ст. 184):

Презрѣнія достоинъ
И тотъ безумецъ, кто сильнѣе блага
Своей отчизны — дружбою плѣненъ.

Итакъ, пусть онъ будетъ послѣдовательнымъ. Узнавъ, что народъ его покинулъ, онъ подумалъ про себя: «ради народа — противъ народа!» — узнавъ то же про боговъ, онъ продолжалъ идти на проломъ: «ради боговъ — противъ боговъ». Что же ему мѣшаетъ шествовать и дальше по тому же пути разума и государственной правды?

То мѣшаетъ, что онъ его *любитъ* — этого своего непокорнаго, обреченнаго сына.

Любить! Да развѣ мѣсто любви тамъ, гдѣ повелѣваетъ долгъ государственнаго человѣка и царя? Любить! Да вѣдь это и есть тотъ «женскій» принципъ, который связалъ Антигону съ Полиникомъ и Гемона съ Антигоной — неужели и онъ «покорится женщинѣ»?

Нечего дѣлать! Загадочный завѣтъ великаго деспота нашей жизни какъ разъ теперь, когда онъ его нарушилъ, съ ужасающей четкостью врѣзался ему въ сердце. Рухнула также и послѣдняя опора; раздавленный непосильнымъ бременемъ своей правды, онъ похоронитъ Полиника, освободитъ Антигону — и впредь будетъ помнить, что есть долгъ крови, что и любовь судить въ сомнѣ высшихъ державъ, и что «лучше доживать намъ вѣкъ свой, блюдя народной совѣсти законъ».

Здѣсь трагедія власти кончена; она кончена тѣмъ, что ея носитель въ собственномъ сердцѣ нашелъ своего врага. Послѣднія сцены служатъ только паѳосу драмы, а не ея идеѣ. Разумѣется, Креонтъ опоздаетъ со своей благочестивой заботой — какъ опоздалъ и Гемонъ, задумавшій освободить свою невѣсту. Онъ нашелъ только ея трупъ — гордая дѣвушка не пожелала дожидаться медленной смерти. И его отецъ находитъ у ея трупа изступленнаго, который тутъ же бросаетъ ему подъ ноги свою опостылѣвшую

жизнь. Такъ-то и второй Креонтидъ послѣдовалъ за первымъ поглощенный все тѣмъ же левіаѳаномъ государственной правды.

Не вынесла двойного сиротства ихъ мать, безотвѣтная царица Евридика; она умерла съ проклятіемъ на устахъ — проклятіемъ противъ дѣтоубійцы. Правда Эриніи заявила себя.

IV.

Все ли ясно теперь? И ясно ли, прежде всего, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собой конфликтъ двухъ правдъ — правды государственнаго разума и правды личной любви, правды писаннаго и правды неписаннаго закона, правды Креонта и правды Антигоны?

«Антигона» принадлежитъ къ наиболѣе популярнымъ трагедіямъ древности; помимо ея безспорныхъ поэтическихъ достоинствъ, эту популярность слѣдуетъ приписать и тому, что въ ней сравнительно меньше тѣхъ условностей, которыя затрудняютъ современному человѣку доступъ къ красотамъ другихъ трагедій. Конечно, наложенный Креонтомъ на похороны Полиника запретъ отдаетъ какъ будто чѣмъ-то устарѣвшимъ; но во-первыхъ, именно только «какъ будто», и во-вторыхъ, его нетрудно произвести въ символы: мало ли намъ и теперь приказывается государственной властью, не менѣе насъ возмущающаго, чѣмъ этотъ запретъ сестрѣ хоронить брата!

Скажу болѣе: столько приказывается и столь возмутительнаго, что наша ненависть къ Креонтамъ нашихъ дней невольно переносится и на ихъ софокловскій первообразъ — что мы и слышать не хотимъ объ его правдѣ и всѣ наши симпатіи отдаемъ его великодушному противницѣ, любя въ Антигонѣ всѣхъ тѣхъ, кто намъ дорогъ своимъ смѣлымъ протестомъ и святъ своимъ страданіемъ и своей самоотверженной смертью.

И разумѣется, я менѣе всего склоненъ возражать противъ этого пониманія нашей трагедіи; дай Богъ, чтобы у насъ было какъ можно больше такихъ, которые сумѣли бы такъ живо чувствовать ея неуывающую силу. Къ тому же и исторія креонтовской идеи въ далекомъ и близкомъ прошломъ заставляетъ насъ относиться къ ней враждебно. Повторю свои давнишнія слова: «Антигона, какъ первая мученица, имѣетъ право соединить свое имя съ идеей, которую она освятила своею смертью. Въ древности она достигла хоть того, что въ человѣческой мысли окрѣпло сознаніе предѣловъ государственной власти и государственнаго закона; если, согласно опредѣленію лучшихъ мыслителей древности, законъ есть высшій разумъ (*summa ratio*), повелѣвающій

дѣлать правильное и запрещающій дѣлать противоположное, — то великая нравственная проблема не была этимъ рѣшена практически, но были, по крайней мѣрѣ, пресѣчены пути къ неправильному и безнравственному ея рѣшенію. Въ новыя времена и этотъ успѣхъ былъ потерянъ; Антигона много и много разъ была ведена на смерть, не только на городскихъ площадяхъ и въ государственныхъ темницахъ, но, что еще хуже — и въ тихихъ умственныхъ лабораторіяхъ мыслителей и писателей. И можемъ ли мы утверждать, что ея мартирологъ уже кончился? — При такихъ условіяхъ какъ-то боишься говорить о Креонтѣ и его правдѣ: какъ бы этимъ не ослабить симпатій къ Антигонѣ, въ которыхъ она именно теперь очень нуждается — быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ужъ не правильнѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, поступаютъ тѣ, которые — подобно послѣднему нѣмецкому издателю трагедіи — не признаютъ никакой правды за Креонтомъ и характеризуютъ его самого, какъ мелкаго и тщеславнаго тирана?

Нѣтъ никоимъ образомъ — и вотъ почему.

* * *

Въ одинъ изъ самыхъ острыхъ періодовъ мартиролога Антигоны жилъ и писалъ юноша Фридрихъ Шиллеръ. Видъ ея попираемой правды глубоко возмущилъ его пылкую душу и внушилъ ей тотъ гнѣвный, беспощадный протестъ, который вылился въ его двѣ драмы «Разбойники» и «Коварство и любовь». Могучая сила его молодой симпатіи именно съ молодой исключительностью отдалась терзаемой жертвѣ и ея правдѣ; изъ-за нея онъ не разглядѣлъ правды ея вѣковаго противника. Въ немъ онъ могъ признать только отрицательныя черты; онъ его изобразилъ отовсюду злымъ — либо отвратительно злымъ, какъ Франца Моора, либо смѣхотворно злымъ, какъ президента съ его Кальбами и Вурмами.

Затѣмъ — переломъ.

Усердное изученіе античной трагедіи внесло художественную ясность и уравниловку въ мятущуюся душу юнаго поэта; и какъ лучшій плодъ этого изученія передъ нимъ предстала та истина, которую нашъ Н. Минскій облекъ въ поэтическій (и потому нѣсколько преувеличенный) афоризмъ:

Нѣтъ двухъ путей добра и зла,
Есть два пути добра.

И, вновь поднимая тѣ же проблемы, онъ написалъ свою первую трагедію, навѣянную античными образами — «Донъ Карлоса». Въ ней Антигона расщепилась на Карлоса и Позу, въ чемъ не безъ основанія былъ усмотрѣнъ недостатокъ, но Креонтъ воз-

родился въ единомъ, внушительномъ въ своей строгой монументальности образѣ — въ образѣ короля Филиппа ¹⁾. Это уже не Францъ Мооръ, не президентъ — этотъ стойкій и справедливый мужъ, сумѣвшій побороть свое страшное горе и обиду и встрѣтить своего униженного адмирала бодрящимъ словомъ ласки и привѣта. Но крамола растеть въ его владѣніяхъ — крамола религіозная, крамола политическая; его царскій долгъ велитъ ему ее уничтожить всѣми мѣрами устрашающей строгости — вотъ ради чего горятъ костры на городскихъ площадяхъ веселой Фландріи и на Пласа Майоръ его благочестивой столицы.

Народъ чумою ереси отравленъ,
Растеть возстанье въ Фландріи моей—
Пора настала. Изступленье кары
Пусть вразумитъ заблудшихъ. Ту присягу,
Что всѣ цари дають Христовой вѣры—
Ее сдержу я завтра. Безпримѣрна
Суровость будетъ моего суда.

И когда ему говорятъ объ ужасахъ его правленія, о кроткой мудрости другихъ временъ, объ отеческомъ отношеніи правителя къ своимъ подданнымъ, — онъ отвѣчаетъ:

Но никогда, повѣрь мнѣ, не настанетъ
Та человѣчность будущихъ вѣковъ,
Если во мнѣ не хватить силы духа
Принять проклятiе моихъ временъ.

И онъ — государственникъ, не признающій голоса сердца тамъ, гдѣ сказала свое слово государственная мудрость; и онъ — человѣкъ-законъ, если не волею народа, какъ въ демократической монархіи Софокла, то Божьей милостью. А впрочемъ, и народной волей — *его* народъ, народъ испанскій, его признаетъ. И наконецъ, еще одну черту раздѣляетъ онъ со своимъ греческимъ первообразомъ — ту, безъ которой онъ не былъ бы трагическимъ героемъ. На нее ему тамъ же указываетъ его смѣлый собесѣдникъ Поза:

Но жаль!
Когда изъ рукъ Творца ты человѣка
Пріялъ, пріявъ же превратилъ его
Въ рукъ собственныхъ созданье — ты ошибся
Въ одномъ: *ты самъ остался человекомъ*
Изъ рукъ творца!

Въ этомъ зародышъ его гибели. Событія сплетаются у Шиллера сложнѣе, ясность основной идеи затемнена побочными мотивами и эпизодами, но исходъ тотъ же: и Филиппъ доживаетъ свой вѣкъ блѣднымъ и безсильнымъ призракомъ, склонивъ свою гордую выю подъ ярмо великаго инквизитора.

¹⁾ Я говорю здѣсь о центральной идеѣ, но есть сходство и въ частности; ср. сцену Креонта съ Гемономъ (стр. 631 сл.) и сцены Филиппа съ инфантомъ съ одной стороны (д. II сц. 1 и 2), съ Позой — съ другой (д. III сц. 10); равнымъ образомъ обѣ сцены въ темницѣ Креонта съ Гемономъ у трупа Антигоны ст. 1220 сл. и Филиппа съ инфантомъ у трупа Позы (д. V, сц. 4).

* * *

Вотъ какъ понялъ и изобразилъ поэтъ нѣмецкой свободы, идя по стопамъ Софокла, правду Креонта—ту правду, противъ которой онъ борется всѣми силами своей души.

Мнѣ вспоминаются по этому поводу слова Фр. Ницше (Утренняя Заря № 431) «Чтобы измѣрить природную тонкость или тупость также и самыхъ умныхъ людей, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ они понимаютъ и передаютъ мнѣнія своихъ противниковъ: при этомъ обнаруживается природная мѣра каждого интеллекта. Совершенный мудрецъ безсознательно возвышаетъ своего противника до идеальныхъ размѣровъ и дѣлаетъ его оппозицію свободной отъ всѣхъ изъясновъ и случайностей; и только тогда, когда этотъ его противникъ сталъ богомъ со сверкающими доспѣхами — только тогда онъ вступаетъ съ нимъ въ бой».

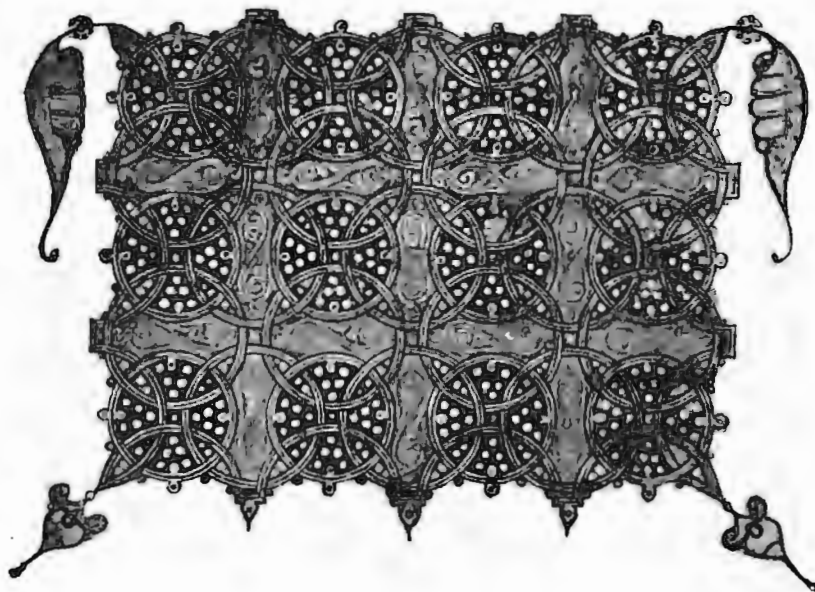
Такъ поступилъ и Софоклъ — но только, думается мнѣ, не безсознательно, а вполне сознательно. На это мнѣніе меня наводитъ одно мѣсто изъ его трагедіи — начало слова самаго страстнаго поборника правды Антигоны, Гемона, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на рѣчь своего отца за государство и его разумъ (ст. 683):

Ахъ, разумъ, разумъ... Да, отецъ мой, высшій
То даръ боговъ для смертныхъ, спору нѣтъ;
И что неправъ ты — это доказать
Не въ силахъ я — и не хочу быть въ силахъ.
Но и въ противномъ мнѣннѣ правда есть.

Эти слова для насъ обязательны. Слѣдуя указанному пути, и мы, скромные толкователи поэта, должны освободить созданный имъ героическій образъ Креонта ото всѣхъ изъясновъ и случайностей, представить его богомъ со сверкающими доспѣхами — для того, чтобы затѣмъ всѣми силами своей души бороться съ нимъ и съ его правдой.

Θ. Зѣлинскій.

Яснополянскіе посѣтителѣ въ 1894 году.

Ясная Поляна въ исторіи духовнаго развитія Россіи то же что Ферней для Франціи и Веймаръ для Германіи. Какъ въ концѣ 18-го вѣка работа критической мысли была сосредоточена въ Фернеѣ, маленькой, неизвѣстной до тѣхъ поръ деревушкѣ, въ домѣ Вольтера; какъ нѣсколько позже небольшой городокъ Веймаръ, благодаря духовной атмосферѣ, которая создавалась вокругъ Гете, сталъ нѣмецкимъ просвѣтительнымъ центромъ; — такъ въ Ясной Полянѣ на рубежѣ 19-го и 20-го вѣковъ шла упорная работа мысли критической и творческой, обсуждались и рѣшались важнѣйшіе вопросы, занимавшіе и волновавшіе Россію въ это время.

Я приведу здѣсь нѣсколько чертъ, которыя рисуютъ именно эту сторону яснополянской жизни, какъ центра, куда стремились самые разнообразныя люди.

Лѣто 1894 года, къ которому относятся мои воспоминанія, было не особенно богато посѣтителями, по словамъ графини Софьи Андреевны. Правда, въ пяти верстахъ отъ Ясной Поляны жилъ на дачѣ со своей семьей другъ Льва Николаевича, В. Г. Чертковъ, часто приходившій пѣшкомъ въ Ясную Поляну, а въ самомъ домѣ у Толстыхъ гостилъ все лѣто критикъ и философъ Н. Н. Страховъ, но случайныя посѣтителѣ являлись не каждый день. На мой взглядъ, ихъ было все-таки достаточно; среди нихъ различалось нѣсколько категорій: посѣтителѣ скучные, тщ-

славные, ищущіе правды, приверженцы толстовскаго ученія, иностранцы.

Особенно утомительны для Льва Николаевича были молодые авторы, которые непременно хотѣли слышать его мнѣніе о своихъ первыхъ работахъ.

Является, наприимѣръ, вечеромъ какой-то студентъ 2-го курса съ польской фамиліей, совсѣмъ мальчикъ, очень болтливый; о чемъ-то толкуетъ, не поймешь къ чему. Поговоривъ съ нимъ въ кабинетѣ, Левъ Николаевичъ приходитъ наверхъ въ залъ, гдѣ мы сидимъ за чайнымъ столомъ, и рассказываетъ, что студентъ этотъ прочелъ «Крейцерову сонату», явились у него какія-то мысли, писалъ онъ что-то, какую-то критику на критику: «кажется хотѣлъ мнѣ прочесть, но я сказалъ, что мнѣ некогда».

Въ другой разъ, давая мнѣ въ саду урокъ косьбы, Левъ Николаевичъ рассказаль, что у него до обѣда былъ очень утомительный посѣтитель, какой-то тульскій обыватель, сынъ бѣднаго чиновника, бывшій студентъ, нервный, почти больной. Онъ написалъ сочиненіе о необходимости физическаго труда и хочетъ его напечатать. Левъ Николаевичъ находитъ, что вредныя послѣдствія жизни, лишенной возможности физическаго труда, изображены въ этомъ сочиненіи съ натуры; все очень прочувствовано, но, при всемъ томъ, страшно растянута. «Живя въ глуши, ничего не знаетъ, думаетъ, что онъ первый говоритъ эти вещи. Вообще, молодые писатели часто грѣшатъ тѣмъ, что пишутъ все, что бродитъ у нихъ въ головѣ. Мало имѣть мысли, нужно ихъ привести въ порядокъ, просѣять ихъ, изъ сотни выбрать одну, наиболѣе яркую».

Былъ одинъ посѣтитель, который сначала всѣхъ насъ раздражалъ и мучилъ, а потомъ возбудилъ къ себѣ общее состраданіе.

Гуляя вечеромъ съ Н. Н. Страховымъ по дорогѣ на желѣзнодорожную станцію Козлову-Засѣку, находящуюся верстахъ въ пяти отъ Ясной Поляны, мы встрѣтили какого-то интеллигентнаго человѣка лѣтъ 35, который спросилъ насъ, какъ пройти въ имѣніе Л. Н. Толстого. Когда мы возвратились домой, незнакомецъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ и разговаривалъ съ графиней Софьей Андреевной. Мы узнали, что онъ математикъ, оставленный при Московскомъ Университетѣ для приготовления къ профессорскому званію, но еще не державшій магистерскаго экзамена и дававшій уроки математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ говорилъ о себѣ, сообщалъ разныя мелочи своей жизни, какъ-будто всѣмъ это было очень интересно.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ молча въ сторонѣ и искоса посматривалъ на математика. Подсѣвшій къ Льву Николаевичу пріятель-

толстовецъ, пріѣхавшій изъ Москвы, сталъ разсказывать о прочитанной имъ недавно книгѣ: «Наставленіе, како литургисати». Тамъ изложено много случаевъ, когда таинство пресуществленія не произойдетъ, вслѣдствіе нечистоты вина, хлѣба и т. д. Изъ чтенія этой книги толстовецъ вывелъ заключеніе, что причастіе всегда останется только обрядомъ, такъ какъ, вслѣдствіе трудностей выполненія, ему никогда не удастся перейти въ таинство.

Математикъ оставилъ разговоръ о себѣ и вступился за обряды. Онъ самъ не читалъ «Наставленія, како литургисати» и даже не подозрѣвалъ о существованіи такой книги, но заявилъ, что будетъ защищать все, что въ ней сказано. Разставляя слова и какъ бы выжимая мысли изъ головы, онъ началъ говорить о гипнотизирующемъ дѣйствіи обрядовъ, о томъ, что обряды нужны для массъ.

Левъ Николаевичъ началъ высказывать признаки нетерпѣнія. «Для какихъ массъ? Я самъ масса. Шарко говорилъ, что загипнотизировать можно только къ дурному поступку, а не къ хорошему. Лучше объ этомъ не говорить такимъ образомъ. Я много объ этомъ думалъ и писалъ».

«Да, я знаю ваши взгляды», сказалъ математикъ, не теряя самодовольнаго вида. «Я читалъ нѣкоторыя изъ вашихъ послѣднихъ произведеній, напримѣръ, «Въ чемъ моя вѣра?».

Наступило неловкое молчаніе. Одинъ только математикъ не чувствовалъ неловкости и черезъ нѣкоторое время началъ новый разговоръ.

«При послѣднемъ нашемъ свиданіи вы, Левъ Николаевичъ, говорили, что идеи живутъ въ словахъ. Новоть что меня занимаетъ—вѣдь слово не вполне передаетъ мысль; значить идеи будутъ искажены».

Недоумѣвая, къ чему все это, Левъ Николаевичъ привелъ слова Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», и слова Гете: «Что я пишу — хуже того, что я говорю; что я говорю — хуже того, что я думаю».

Математикъ глубокомысленно кивалъ головой и находилъ, что все это очень интересно. Сидѣвшіе за чайнымъ столомъ стали прощаться и расходиться по своимъ комнатамъ. Одинъ только математикъ шагаль взадъ и впередъ съ заложенными въ карманы руками и говорилъ съ Н. Н. Страховымъ о томъ, какая удивительно пріятная наука математика и какъ она помогаетъ забыться отъ житейскихъ дразгъ.

Мы съ гувернеромъ-французомъ вышли въ садъ, дѣлясь своими впечатлѣніями о странномъ гостѣ. Вслѣдъ за нами вышелъ Левъ Николаевичъ съ своимъ пріятелемъ-толстовцемъ, оживленно

разговаривая о томъ же. Они окликнули насъ въ темнотѣ, и мы пошли вмѣстѣ.

«Кто это такой?» спросилъ я Льва Николаевича.

«Нѣтъ, я васъ спрошу: кто это такой, и зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда?»

Это «самодовольный дуракъ», рѣшительно отрапортовалъ я.

«Ого! я и не думалъ, что вы такой сердитый», сказалъ Левъ Николаевичъ и сообщилъ намъ слѣдующее. Этотъ математикъ былъ уже у нихъ въ Москвѣ. Онъ явился въ тотъ самый часъ, когда имъ нужно было уѣзжать, очень нетактично задерживалъ ихъ и сталъ читать свое сочиненіе по высшей математикѣ.

«Я ничего не понялъ, но мнѣ казалось, что тамъ есть что-то хорошее. Теперь онъ опять явился. Зачѣмъ? Писемскій хорошо говорилъ: «Человѣкъ—это дробь, у которой заслуги числитель, а мнѣніе о себѣ знаменатель; поэтому люди съ небольшими заслугами, но съ большою скромностію очень пріятны; а люди, имѣющіе даже заслуги, но съ огромнымъ самомнѣніемъ, крайне непріятны».

Прощаясь со мной, Левъ Николаевичъ опять повторилъ: «Такъ я не зналъ, что вы такой сердитый».

Когда на другой день я пришелъ къ утреннему чаю, за столомъ сидѣли Страховъ, математикъ и Левъ Николаевичъ. Математикъ уже говорилъ о себѣ, что у него не было случая выучиться по-англійски, что по-итальянски онъ читаетъ довольно порядочно, и что ему приходилось читать даже по-шведски. Онъ держалъ въ рукахъ французскую книжку, произносилъ вслухъ отдѣльные фразы и спрашивалъ у Льва Николаевича значеніе незнакомыхъ ему словъ.

Заговорили о медицинѣ. Левъ Николаевичъ сталъ смѣяться надъ теоріей фагоцитовъ.

«Мечниковъ утверждаетъ»... попробывалъ было вступить въ математикъ, но Левъ Николаевичъ его прервалъ.

«Я знаю, что есть Мечниковъ, но то, о чемъ онъ говоритъ, не существуетъ. Когда я былъ маленькимъ, то очень любилъ разсказъ моего отца о монахѣ, который показывалъ волосы Богородицы, тянувшіеся до безконечности. Монахъ садился передъ публикой и дѣлалъ такъ (Левъ Николаевичъ сложилъ пальцы въ щепотки и сталъ разводять руками), и всѣ ахали и удивлялись. Такъ и ученые говорятъ теперь о томъ, чего нѣтъ, а всѣ удивляются».

Математикъ снисходительно засмѣялся и сказалъ: «Я ни во что не вѣрю, но все хочу изслѣдовать».

«Нужно разграничивать,—возразилъ ему Левъ Николаевичъ,—ту область, гдѣ возможны изслѣдованія, отъ области, гдѣ они невозможны. Мы сознаемъ въ себѣ присутствіе голоса, который подсказываетъ намъ это. Если бы мнѣ рассказали о томъ, что изобрѣтенъ телефонъ, я не нашелъ бы въ этомъ ничего невозможнаго, хотя бы раньше о немъ и не зналъ. Но есть вещи, которыя не вяжутся со всѣмъ остальнымъ, которымъ я не повѣрю и не захочу съ ними знакомиться. Мнѣ рассказывалъ братъ, что у него староста подалъ прошеніе на одного мужика, который заперъ въ сундукъ четырехъ чертей; теперь одинъ изъ чертей вырвался и мучить его жену. Мужикъ этотъ крѣпкій, здоровый, съ умнымъ лицомъ. Почему же я ему буду вѣрить меньше, чѣмъ Вагнеру, который придетъ ко мнѣ больной, постоянно курить и говорить о спиритизмѣ. Неужели я Вагнеру повѣрю больше за то, что у него дипломъ профессора? Существуютъ вопросы, важные для жизни, менѣе важные и совсѣмъ неважные. Здравый разумъ требуетъ, чтобы мы занимались прежде всего важнымъ. Человѣческая жизнь коротка».

«Человѣческая жизнь достаточно длинна для того, чтобы заниматься чѣмъ угодно»,—опять попробовалъ спорить математикъ.

«Конечно!»—воскликнулъ Левъ Николаевичъ пронически,—«Гоголь рассказываетъ, что Кифа Мокіевичъ занимался изслѣдованіемъ вопросовъ, какой толщины должно быть яйцо, если бы слонъ рождался изъ яйца, и сколько нужно пороху, чтобы пробить скорлупу такого яйца. Вотъ вамъ свобода изслѣдованія! Но я не желаю быть знакомымъ съ Кифой Мокіевичемъ».

Левъ Николаевичъ скоро ушелъ въ свою комнату заниматься. Математикъ началъ излагать Страхову свою теорію: эфиръ—это фикція; пора ее оставить; нужно понятіе матеріи замѣнить понятіемъ силъ. «Жаль, что мои бумаги остались на станціи, а то я прочелъ бы вамъ объ этомъ». Страховъ что-то возражалъ. Хотя математикъ обращался ко мнѣ, какъ къ своему единомышленнику, я ничего не понималъ въ ихъ разговорѣ.

Послѣ обѣда математикъ излагалъ намъ въ саду свою теорію мнимыхъ величинъ и чертилъ какія-то фигуры на пескѣ. Левъ Николаевичъ слушалъ его и дѣлалъ нѣкоторые возраженія. Математикъ началъ развивать свою математически-философскую теорію, построенную на положеніи: идея=сила. Тутъ Левъ Николаевичъ спустилъ на него Страхова, котораго отрекомендовалъ, какъ специалиста, умѣющаго показывать черту между духовнымъ и матеріальнымъ.

Ни у кого больше не было раздраженія противъ математика.

Мы узнали, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ въ домѣ умалишенныхъ. Для всѣхъ стало яснымъ, что онъ еще не вполне нормаленъ.

Былъ еще разрядъ непріятныхъ посѣтителей. Это тѣ, которые, принадлежа къ богатому или аристократическому классу, относились къ толстовству съ насмѣшкой или враждой, но находили нужнымъ поддерживать знакомство съ семьей Толстого изъ тщеславія или изъ любопытства.

Къ такимъ принадлежалъ одинъ князь армянскаго происхожденія, миллионеръ, владѣлецъ громадныхъ имѣній и чугунолитейныхъ заводовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ. У князя было небольшое имѣніе въ Тульской губерніи. Онъ ѣздилъ въ Ясную Поляну, хотя его тамъ не любили. Кажется, отчего бы? Князь былъ красивъ, много путешествовалъ, состоялъ попечителемъ одного высшаго учебнаго заведенія, былъ премированъ французской Академіей за открытіе какой-то надписи на восточномъ языкѣ. Но Левъ Николаевичъ отзывался о князѣ такъ: «Всякій разъ стараюсь быть съ нимъ дружелюбнымъ, но въ концѣ-концовъ начну говорить рѣзко. Это настоящій типъ петербуржца во вкусѣ нынѣшняго правительства. Кажется образованнымъ, а между тѣмъ все это нахватаю отовсюду лишь для того, чтобы оправдать свое положеніе. Полнѣйшее непониманіе самыхъ элементарныхъ понятій гуманности».

У князя на заводахъ было нѣсколько рабочихъ бунтовъ. Ихъ усмиряли самыми крутыми мѣрами, и князь рассказывалъ объ этомъ съ самодовольствомъ. Левъ Николаевичъ имѣлъ съ нимъ по этому поводу крупный разговоръ, и князю отъ него порядочно досталось.

«И чего онъ ѣздитъ?»—говорили о князѣ въ Ясной Полянѣ, а Левъ Николаевичъ къ этому прибавлялъ: «Вотъ еще пріѣзжалъ молодой товарищъ прокурора изъ лицеистовъ. Вѣдь это Богъ знаетъ, что такое!—Что-жъ, говорить, что мужиковъ сѣкутъ? Иной молодой выругаетъ отца: слѣдуетъ сѣчь.—И это говорить молодой человѣкъ! Вотъ какова теперь молодежь!»

Самъ Левъ Николаевичъ возмущался тѣлесными наказаніями и говорилъ, что не можетъ простить правительству Александра III трехъ вещей: 1) оно отнимаетъ дѣтей у родителей-сектантовъ; 2) сѣчетъ мужиковъ; 3) поощряетъ дуэли.

* * *

Левъ Николаевичъ никогда не заискивалъ передъ молодежью и часто бранилъ ее, но онъ любилъ и умѣлъ разговаривать съ молодежью. Я самъ былъ тогда молодъ, и мнѣ всегда было легко и интересно въ его присутствіи.

Пришли какъ-то со станціи два молодыхъ медика, оба ученики московскаго профессора Снѣгирева, одинъ—студентъ, другой—ординаторъ. Начали рассказывать намъ объ операціяхъ и всякихъ медицинскихъ чудесахъ. Левъ Николаевичъ слѣшалъ и давай «задирать» медиковъ.

По его мнѣнію, медицина можетъ назваться благотѣльной лишь тогда, когда она станетъ доступной массѣ. Но пока она служитъ лишь богатымъ классамъ, чортъ съ нею! Это какой-то возмутительный, безнравственный порядокъ, при которомъ богатая купчиха, имѣющая возможность выписать Шарко изъ Парижа, вылечивается, а жена ея дворника, страдающая такой же болѣзнію даже въ меньшей степени, умираетъ, такъ какъ никто не придетъ къ ней на помощь. Если бы существовала такая справедливость, то можно было бы повѣситься. Поэтому какой-то внутренній голосъ подсказываетъ, хотя этого и нельзя доказать статистикой, что медицинская помощь ужъ не такъ благотѣльна для богатыхъ классовъ, и что въ общемъ процентъ выздоравливающихъ безъ медицинской помощи такой-же, какъ и съ медицинской помощью.

Въ такомъ же родѣ говорилъ Левъ Николаевичъ и относительно наслѣдственности. «По моимъ личнымъ наблюденіямъ, ученіе о томъ, что потомство отъ алкоголиковъ должно страдать эпилепсіей—вздоръ; что отъ сифилитиковъ обязательно и дѣти сифилитики—тоже вздоръ; что сумасшествіе наслѣдственно—тоже вздоръ. Я слѣдилъ за статистическими таблицами и въ нихъ находилъ подтвержденіе своему мнѣнію. А мнѣніе такое составилось у меня а priori. Я разсуждаю такъ: если грѣшили отцы, то слѣдуетъ ли за это расплачиваться дѣтямъ? Очевидно нѣтъ! Поэтому разумный міровой порядокъ не можетъ допускать эпилепсіи внуковъ за пьянство дѣдовъ и такъ далѣе».

Изъ молодыхъ медиковъ защищался больше студентъ; ординаторъ помалкивалъ или соглашался съ Львомъ Николаевичемъ. Однако, оба они утверждали, что медицина стремится къ тому, чтобы стать общедоступной.

Съ большою симпатіей отнесся Левъ Николаевичъ къ одному молодому посѣтителю, который, казалось, мало подходилъ подъ его собственныя воззрѣнія. Это былъ сынъ священника Курской губерніи, не окончившій курса въ духовныхъ училищахъ по глухотѣ. Онъ искалъ истины, носилъ всегда съ собой Евангеліе и часто его читалъ. Ходилъ къ Іоанну Кронштадтскому, но тотъ его не принялъ, потому что принимаетъ, по его наблюденію, только богатыхъ. Возвращаясь изъ Петербурга, молодой человекъ зашелъ въ Ясную Поляну къ Л. Толстому. Отсюда онъ соби-

рался идти на Аѳонъ. Средствъ у него не было никакихъ. « Попрошу—покормить; думаю, это не стыдно». На Аѳонѣ ему хотѣлось уединиться на нѣкоторое время для размышленій.

На Льва Николаевича молодой искатель истины произвелъ пріятное впечатлѣніе, и онъ характеризовалъ его такимъ образомъ: «Это чистая натура, въ которой поднялась внутренняя работа, и перестраивается міросозерцаніе. Самъ онъ ничего новаго не видалъ, не можетъ оторваться отъ своей почвы и идетъ назадъ. Отсюда его интересъ къ чудесамъ Іоанна Кронштадтскаго, о которыхъ онъ слыхалъ, и въ которыя безусловно вѣрить. Изъ такихъ людей вырабатываются прекрасные монахи. Они очень трогательны».

Самъ Левъ Николаевичъ причислялъ репутацію Іоанна Кронштадтскаго къ числу незаконныхъ. По его словамъ такія репутаціи являются вслѣдствіе присущей массамъ жажды величія. Если великихъ людей нѣтъ, ихъ создаетъ фантазія. Іоаннъ Кронштадтскій окруженъ атмосферой поклоненія. Ему говорятъ, что его молитвы исцѣляютъ, что онъ дѣлаетъ чудеса. При такихъ условіяхъ трудно удержаться, чтобы и самому не повѣрить въ это.

Интересно отмѣтить, что къ числу такихъ же незаконныхъ репутацій Левъ Николаевичъ относилъ Скобелева. Какъ видно изъ разсужденій въ романѣ «Война и миръ», онъ вообще не признавалъ великихъ людей среди военныхъ. Разговаривая однажды съ нами о Скобелевѣ, Левъ Николаевичъ сталъ напирать на то, что въ военныхъ репутаціяхъ особенную роль играетъ реклама. «Кто былъ въ дѣлахъ, тотъ знаетъ, что такое храбрость. Если бы Скобелевъ былъ храбрецомъ, его убили бы, потому что невозможно безнаказанно стоять подъ выстрѣлами. Но можно завести бѣлую лошадь, быть на виду у всѣхъ, показываться впереди, когда вблизи есть корреспондентъ, и создать себѣ такимъ образомъ репутацію. Въ военномъ дѣлѣ фатъ цѣлой системой обмана можетъ добиться имени. На помощь этому росту незаконной репутаціи явится фантазія массъ, жаждущихъ величія».

Быть можетъ, несочувственные отзывы Льва Николаевича объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ обуславливались той враждой, которую этотъ послѣдній всегда высказывалъ по отношенію къ Л. Толстому въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ. Но въ отрицательномъ отзывѣ о Скобелевѣ едва ли есть личный элементъ. Левъ Николаевичъ лично не былъ знакомъ съ прославленнымъ полководцемъ, и только видѣлъ его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, когда проѣзжалъ черезъ Орелъ. Скобелевъ хотѣлъ пріѣхать къ Л. Толстому, чтобы съ нимъ познакомиться, но это не состоялось.

* * *

Изъ толстовцевъ лѣтомъ 1894 года въ Ясной Полянѣ бывали Чертковъ, Бирюковъ, Трегубовъ, Дунаевъ и др. Въ то время правительство еще не начинало систематической борьбы противъ толстовства, хотя были отдѣльные случаи штрафовъ и арестовъ за отказы отъ присяги и военной службы. Подобные случаи вызывали разговоры среди толстовцевъ о томъ, какъ быть въ виду возможныхъ гоненій правительства.

Во время одного такого разговора, Левъ Николаевичъ вспомнилъ случай, который былъ съ нимъ въ Москвѣ, когда они жили еще въ Денежномъ, а не въ Хамовническомъ переулкѣ. «Явился ко мнѣ молоденькій красавчикъ—жандармъ и сталъ меня спрашивать. Мое первое движеніе было сказать ему: «Какъ вамъ не стыдно заниматься такимъ дѣломъ?» Я отказался рассказывать о чемъ бы то ни было. Не дай вамъ Богъ, конечно, испытать это на себѣ; пусть это я испытаю; но если васъ станутъ требовать куда-нибудь для объясненій, то лучше всего отказаться. Тогда они будутъ принуждены употребить насиліе, и это станетъ очевиднымъ. Какъ говорилъ Щедринъ: «Старого литератора на веревочкѣ по Невскому поведутъ. А если явится къ вамъ жандармъ и скажетъ: «по Высочайшему указу...»—а вы засуетитесь и скажете: «сію минуту»—то выйдетъ, что вы сами считаете, что это такъ и должно быть».

На подобные совѣты Толстого своимъ друзьямъ нельзя смотрѣть, какъ на распоряженія главы секты по арміи своихъ приверженцевъ. Толстовство, какъ секта, не было организовано и дисциплинировано. Такъ какъ Толстой никогда не злоупотреблялъ своимъ авторитетомъ, то въ толстовствѣ было столько умовъ—сколько головъ. Толстовцы спорили съ своимъ учителемъ, и ему приходилось выслушивать отъ нихъ упреки въ непоследовательности.

Трегубовъ, пріѣхавшій съ юга, сообщилъ Льву Николаевичу интересную новость, что въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, гдѣ жилъ толстовецъ Хилковъ, толстовщина распространяется среди крестьянъ. Духовенство взволновано, производятся слѣдствія, а крестьяне шлютъ Льву Николаевичу низкій поклонъ. При этомъ Трегубовъ рассказалъ о какомъ-то своемъ родственникѣ, который не любилъ Льва Николаевича за то, что онъ проповѣдуетъ бѣдность, а самъ не отказывается отъ права на изданіе своихъ сочиненій.

«Что же—онъ правъ», сказалъ на это Левъ Николаевичъ тихо и какъ-то въ сторону.

Я видѣлъ въ Ясной Полянѣ Озмидова, одного изъ первыхъ и горячихъ послѣдователей Толстого, устроителя толстовской общины интеллигентовъ-землепашевъ на Кавказѣ. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ, который былъ одной изъ главныхъ причинъ распаденія общины. Я съ удивленіемъ слушалъ, какъ Озмидовъ громко и увѣренно толковалъ обо всемъ въ присутствіи Льва Николаевича, нервно выкрикивая фразы. Онъ цитировалъ Толстого и въ немъ находилъ подтвержденіе собственныхъ мыслей. А Левъ Николаевичъ сдержанно и какъ бы смущенно возражалъ ему: «Нѣтъ, это не то». Когда этотъ толстовецъ ушелъ, Левъ Николаевичъ спросилъ Н. Н. Страхова, какого онъ мнѣнія о немъ. Страховъ отвѣчалъ, что Озмидовъ кажется ему человѣкомъ неосновательнымъ и даже заговаривающимся отъ болѣзненнаго состоянія (онъ былъ морфинистъ). Левъ Николаевичъ на это не возразилъ ничего.

Пріѣзжалъ сюда другой толстовецъ изъ учителей Нижегородской губерніи, умный и энергичный человѣкъ. Года черезъ три я встрѣтилъ его опять въ Ясной Полянѣ и узналъ отъ него нѣкоторыя интересныя вещи. За это время онъ побывалъ въ Сибири, гдѣ хотѣлъ устроиться учителемъ среди сектантовъ-молоканъ, съ религіозными воззрѣніями которыхъ толстовцы сходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Однако, вопреки своимъ ожиданіямъ, онъ нашелъ у молоканъ такъ же мало терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, какъ и у православныхъ. Молокане съ такимъ же упорствомъ и косностью придерживаются своего, какъ и раскольники. Теперь онъ возвращался въ Россію, заѣхалъ въ Ясную Поляну и видитъ, что у толстовцевъ начинаются какія-то подозрительныя отношенія съ Львомъ Николаевичемъ. Чертковъ, Бирюковъ и Трегубовъ высланы правительствомъ изъ Россіи. Левъ Николаевичъ занялся трактатомъ «Что такое искусство?» и ушелъ въ вопросы эстетики. Толстовцы пристають къ нему съ вопросами личной морали и поведенія, необходимаго для общаго духовнаго обновленія; высказываютъ свое недовѣріе къ успѣху дѣла, къ которому они стремятся. А Левъ Николаевичъ упрекаетъ ихъ въ нетерпѣніи, говоритъ, что дѣло духовнаго обновленія назрѣваетъ медленно и едва замѣтно, но идетъ вѣрнымъ путемъ; предостерегаетъ ихъ отъ примѣра тѣхъ толстовцевъ, которые, хотя искренно жаждутъ истины, но по недостатку терпѣливости и выдержки, бросаются отъ одного ученія къ другому,—отъ социализма къ консерватизму, отъ атеизма къ православію,—и потомъ жалуются на все.

Мнѣ казалось, что въ разсказѣ учителя-толстовца сквозила легкая иронія. Онъ подчеркивалъ то обстоятельство, что Левъ

Николаевичъ послѣднее время сталъ очень заботиться о своемъ здоровьѣ и слишкомъ кутается.

* * *

Бывали при мнѣ въ Ясной Полянѣ и иностранцы. Нѣсколько дней прожилъ у Толстыхъ Тернеръ, лекторъ англійскаго языка при Петербургскомъ университетѣ. Онъ читалъ въ Англіи лекціи о русской литературѣ, и англичане непремѣнно хотѣли слушать о Толстомъ. Готовясь къ этимъ лекціямъ, Тернеръ знакомился съ тѣмъ, что русскіе писали о своихъ писателяхъ. Для чтеній о Толстомъ ему больше всего дала книга Н. Н. Страхова. Тернеръ рассказывалъ намъ, что извѣстные ему переводы сочиненій Толстого на англійскій языкъ сдѣланы большею частью съ нѣмецкаго или съ французскаго языка очень дурно, съ пропусками или вставками, съ затемненіемъ или искаженіемъ смысла. Вообще англичане читали тогда очень немного изъ русской литературы. Джонъ Морлей говорилъ Тернеру: «Русскіе сами виноваты, что ихъ мало знаютъ. Они пишутъ такъ, что ихъ нужно lire entre lignes, а намъ некогда». На это Тернеръ возражалъ ему, что условія русской цензуры не позволяютъ писать иначе.

«Для популярности русской литературы среди англичанъ, онъ (Тернеръ ткнулъ пальцемъ въ пустое мѣсто, гдѣ передъ этимъ сидѣлъ разговаривавшій съ нами Левъ Николаевичъ) сдѣлать больше, чѣмъ всѣ ваши писатели вмѣстѣ. У него въ произведеніяхъ есть тенденція и религіозные интересы, а это нравится англичанамъ».

Самъ Тернеръ собирался перевести на англійскій языкъ объясненіе Евангелія, составленное Толстымъ. Не знаю, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе, и если исполнилъ, то какой успѣхъ имѣлъ его переводъ. При мнѣ Левъ Николаевичъ рассказывалъ Тернеру, какъ англичанинъ Ридъ писалъ ему, что для того, чтобы имѣть вліяніе на массы, необходимо признавать божественность Спасителя; и какъ онъ отвѣтилъ Риду, что вліять можно лишь тогда, когда говоришь правду.

Насколько я убѣдился потомъ изъ своихъ поѣздокъ въ Англію, англійская секта унитаріевъ (unitarians), отрицающихъ божественность Спасителя и сводящихъ все христіанство къ философско-моральному ученію, дѣйствительно имѣетъ немного послѣдователей, преимущественно въ образованныхъ классахъ.

Въ массахъ болѣе популярны баптизмъ, методизмъ и другія секты, которыя въ догматическомъ отношеніи недалеко отошли отъ господствующей англиканской церкви. Русское толстовство

въ религіозной части своего ученія имѣть большое сходство съ англійскимъ унитаріанизмомъ.

Разговаривая съ нами о литературѣ, Тернеръ, между прочимъ, жаловался на то, что русскіе, когда пишутъ объ иностранцахъ, не имѣютъ обыкновенія рядомъ съ русскимъ начертаніемъ иностранной фамиліи ставить въ скобкахъ ея подлинное начертаніе; поэтому иностранецъ, читающій русскую книгу объ иностранцахъ, нерѣдко съ трудомъ догадывается, о комъ идетъ рѣчь. Левъ Николаевичъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но сталъ въ свою очередь жаловаться на убійственную разницу между англійскимъ начертаніемъ и произношеніемъ словъ. Его возмущала также манера нѣкоторыхъ молодыхъ англійскихъ писателей коверкать слова при передачѣ народной рѣчи, такъ что иностранецъ совсѣмъ ничего не понимаетъ. «У насъ эта манера, къ сожалѣнію, также прививается. Пишутъ, на примѣръ, *тыща* вмѣсто *тысяча* и т. д.».

Н. Н. Страховъ по этому случаю замѣтилъ, что онъ всегда восхищался манерой Льва Николаевича достигать передачи народныхъ говоровъ не извращеніемъ словъ, а употребленіемъ типическихъ выраженій, свойственныхъ изображаемому классу. Какъ примѣръ, онъ припомнилъ разговоръ казака изъ «Войны и Мира».

«Да, казаки всегда говорятъ такъ»,—коротко сказалъ Левъ Николаевичъ и продолжалъ нападать на манеру новыхъ писателей.

«Достигать такими средствами эффекта, это все равно, что на картинѣ изображать эполеты сусальнымъ золотомъ. Нужно достигнуть иллюзіи, а не изображать такъ, какъ есть».

Разговоръ опять перешелъ на англійскихъ писателей. По поводу одного изъ нихъ, который очень хвалилъ своихъ англичанъ, Левъ Николаевичъ сказалъ, что для него это всегда было отвратительно. Напротивъ, если кто горячо осуждаетъ недостатки своего народа, то о такомъ писателѣ онъ говоритъ: «Какой онъ милый, какъ я его люблю! Вотъ это настоящій патріотъ». За это, между прочимъ, онъ любилъ Диккенса.

Кто-то упомянулъ Карлейля. Тернеръ пришелъ въ движеніе и заявилъ, что это его любимый писатель, что онъ имѣетъ громадное вліяніе въ Англіи.

Левъ Николаевичъ вовсе не былъ склоненъ раздѣлять восторгъ Тернера. Лично онъ никогда не могъ увлечься Карлейлемъ. «Я не могу точно передать свои впечатлѣнія, но мнѣ всегда казалось, что я знаю заранѣе, что онъ скажетъ. Какъ будто-бы близко возлѣ хорошаго, а не хорошее. Потомъ этотъ его аристократизмъ, увлеченіе героями и презрѣніе къ массамъ—это от-

вратительно». Н. Н. Страховъ при этомъ вспомнилъ, что Карлейль, въ эпоху движенія за освобожденіе, негровъ писалъ противъ освобожденія, такъ какъ, по его мнѣнію, эта глупая толпа нуждается въ руководителяхъ.

«Ну, вотъ видите!» сказалъ Левъ Николаевичъ.

Въ то время, когда Тернеръ гостилъ въ Ясной Полянѣ, пріѣхали туда еще два посѣтителя. Мы съ Львомъ Николаевичемъ сидѣли въ саду. Я помогаль ему править корректуру «Дневника Аміэля».

По главной аллеѣ показалась пролетка тульского извозчика. Изъ нея вышли два незнакомца и, снявъ шляпы, приближались къ намъ. Левъ Николаевичъ всталъ и, заложивъ большой палецъ за поясъ своей парусиновой рубахи, поджидалъ ихъ. Начался разговоръ по-англійски. Я тогда еще плохо понималъ разговорную англійскую рѣчь и не могъ слѣдить за ней. Но мое сердце наполнилось радостью и гордостью. Я смотрѣлъ на почтительно склонившіяся фигуры незнакомцевъ и думалъ, что это иностранцы, пріѣхавшіе засвидѣтельствовать свое уваженіе передъ великимъ русскимъ писателемъ. Незнакомцы скоро уѣхали.

За чаемъ Левъ Николаевичъ сообщилъ намъ, что это были евреи—американецъ и русскій, пріѣхавшіе просить его, чтобы онъ написалъ что-нибудь для облегченія участи евреевъ въ Россіи ¹⁾. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ имъ въ такомъ смыслѣ, что по заказу онъ никогда ничего не пишетъ. Американскій еврей поднесъ ему свою книжку. Онъ основалъ въ Америкѣ новую еврейскую секту, которая принимала нѣкоторые христіанскіе обряды и являлась какъ бы компромиссомъ между еврействомъ и христіанствомъ. Ознакомившись съ этой книжкой, Левъ Николаевичъ совершенно не одобрилъ ея содержанія и замѣтилъ по этому поводу, что евреи совсѣмъ не понимаютъ духа христіанства.

Кстати сказать, Левъ Николаевичъ, отлично говорившій по-французски, не безъ труда объяснялся по-англійски. Когда ему нужно было отвѣчать на англійскія письма, онъ прибѣгалъ къ помощи гувернантки-англичанки. Но читалъ онъ по-англійски свободно и хорошо понималъ оттѣнки языка.

Разговаривая со мною по поводу перевода съ французскаго «Дневника Аміэля», онъ сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе, что соотвѣтствующія слова двухъ разныхъ языковъ покрываютъ другъ друга своимъ значеніемъ не вполне, а только отчасти, болѣе или менѣе. Это соотношеніе онъ показалъ на двухъ ла-

¹⁾ Это были д-ръ Іосифъ Краусноффъ и Л. Брамсонъ. См. Тенеромо. «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого», стр. 335.

доняхъ, прикрывая одной другую нѣсколько набокъ то въ одну, то въ другую сторону.

Къ концу лѣта побывала у Толстыхъ Макъ-Гаханъ, журналистка, корреспондировавшая изъ Америки въ русскіе журналы, худая и очень подвижная дама. Она показывала своему сыну Россію и проѣздомъ на Кавказъ заѣхала въ Ясную Поляну.

Левъ Николаевичъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Макъ-Гаханъ привезла ему отъ Генри Джорджа книжки и брошюры съ собственноручной надписью. Этотъ американскій мыслитель былъ тогда еще очень мало извѣстенъ въ Россіи, но Левъ Николаевичъ горячо увлекался его идеями, особенно планомъ націонализациі земли, благодаря которому крупныя землевладѣнія должны будутъ исчезнуть, и только тѣ, кто сами обрабатываютъ землю, будутъ получать ее въ пользованіе отъ государства. Практическое осуществленіе націонализациі земли казалось Леву Николаевичу чрезвычайно легкимъ. «Я такъ живо представляю себѣ это. Было бы нѣчто въ родѣ того, какъ происходила отмѣна крѣпостного права. Собрались бы комиссіи, стали бы толковать, консерваторы фыркали бы, молодежь бы сочувствовала».

Мы стали спрашивать Макъ-Гаханъ о Генри Джорджѣ, но она сообщила намъ немного: онъ вышелъ изъ типографшиковъ, учился въ общественной школѣ, едва ли знаетъ иностранныя языки; идеи его распространяются больше въ западной части Американскихъ Штатовъ, въ восточной же части идутъ очень туго. Какъ журналистка, Макъ-Гаханъ интересовалась русскими дѣлами, преимущественно либеральнымъ движеніемъ, подпольной пропагандой, высшими учебными заведеніями и т. под.

Левъ Николаевичъ отвѣчалъ Макъ-Гаханъ, что о подпольной пропагандѣ онъ мало знаетъ, думаетъ даже, что она едва ли существуетъ, и если существуетъ, то все это ни къ чему. Если бы онъ былъ царемъ, то эти запрещенныя брошюры велѣлъ бы раздавать всѣмъ въ церквахъ; онъ ничего не произведутъ; правительство, преслѣдуя ихъ, лишь вредитъ само себѣ.

О русскомъ либеральномъ движеніи Левъ Николаевичъ заговорилъ съ такой рѣзкостью, которая меня удивила, несмотря на то, что за два мѣсяца жизни въ Ясной Полянѣ я привыкъ къ тону его сужденій.

«Я не знаю ничего подлѣе русскаго либерала. Либеральный англичанинъ, напримѣръ, нисколько не шокируется тѣмъ, что у него есть королева, и что она бьетъ его шпагой, возводя въ баронское достоинство. Онъ самъ это установилъ, считаетъ, что это хорошо, и набросится на васъ, если вы станете смѣяться

надъ этимъ. Въ то же время у него есть свобода печати, свобода совѣсти. Русскіе либералы совсѣмъ не то. У насъ сдѣлалось обычаемъ, почти обязанностью, ругать русское правительство за всѣ его поступки. Но стоитъ только правительству позвать насъ,—мы застегнемся въ мундиръ и явимся. Ругаемъ правительство, и у того же правительства просимъ мѣста.

Я знаю одинъ случай. Три профессора (именъ я не хочу называть) говорили что-то либеральное студентамъ. Объ этомъ узналъ попечитель учебнаго округа. Всѣмъ было извѣстно, что попечитель пьяница и дуракъ. Но когда онъ позвалъ трехъ профессоровъ-либераловъ, они надѣли мундиры, поѣхали и ждали въ передней у попечителя. Онъ далъ имъ выговоръ, и они сами потомъ рассказывали объ этомъ».

Левъ Николаевичъ продолжалъ говорить на свою любимую тему, что самый лучший способъ дѣйствовать—это быть всегда правдивымъ. Во что не вѣришь, того не дѣлай. Какъ образецъ, онъ привелъ одного толстовца, который, будучи священникомъ, почувствовалъ, что больше не можетъ имъ оставаться, заявилъ объ этомъ, потомъ, послѣ долгихъ увѣщаній и колебаній, все-таки опять заявилъ, что не можетъ быть священникомъ и разстригся.

На первый взглядъ представляется страннымъ, что, осуждая русскихъ либераловъ, Левъ Николаевичъ очень интересовался рабочимъ движеніемъ въ Америкѣ. Онъ разспрашивалъ Макъ-Гаханъ о послѣдней стачкѣ американскихъ рабочихъ и о походѣ ихъ въ Вашингтонъ, о выборахъ представительнаго правительства, о томъ, правильно ли поизводятся выборы, не бываетъ ли при этомъ подкуповъ, и почему не выберутъ Генри Джорджа. Онъ, очевидно, искалъ въ американскомъ рабочемъ движеніи чертъ религіозно-нравственныхъ.

Макъ-Гаханъ не удовлетворила и даже огорчила его своими рассказами. По ея словамъ, послѣднее рабочее движеніе 1894 года было задумано въ неудобное время; религіозную сторону движенія она называла комической и вожаковъ рисовала людьми не совсѣмъ нормальными. Ничего утѣшительнаго не сказала она объ американскихъ обществахъ трезвости и разныхъ способахъ борьбы съ пьянствомъ,—принудительныхъ и непринудительныхъ,—практикуемыхъ въ разныхъ штатахъ. Она нарисовала довольно непривлекательную картину политическихъ выборовъ въ Америкѣ. Возлѣ выборовъ, этой огромной машины, хлопочетъ сословіе политикановъ, которые круглый годъ только этимъ и занимаются, устраиваютъ предварительные съѣзды, назначаютъ на нихъ кандидатовъ. Масса занята своими дѣлами,

а политику предоставляет политикамъ. Американскіе студенты по умственному развитію неизмѣримо ниже европейскихъ студентовъ. Это безвредныя дѣти, которыя увлекаются физическими упражненіями, играми, спортомъ, а потомъ, окончивъ курсъ университета, сразу подчиняются необходимости думать о хлѣбѣ и потому смѣшиваются съ массой.

Сынъ Макъ-Гаханъ, юный студентъ Ньюйоркскаго университета, недурно говорившій по-русски, хотя съ сильнымъ американскимъ акцентомъ, принялся защищать своихъ товарищей. Во-первыхъ, они вовсе не безвредныя дѣти: они дерутся съ полиціей; во-вторыхъ, игры и спортъ—это отличная вещь, и его поражаетъ въ Россіи совершенное отсутствіе физическихъ упражненій.

Когда Макъ-Гаханъ съ сыномъ уѣхали, и мы стали обмѣниваться впечатлѣніями относительно ихъ, Левъ Николаевичъ, вопреки общему мнѣнію, отдалъ рѣшительное предпочтеніе сыну. Молодой человѣкъ увлекается физическими упражненіями; это прекрасно, это такъ и слѣдуетъ. Онъ оригинальнѣе, а слѣдовательно и интереснѣе, чѣмъ мать. «А она что? Профессіональная журналистка, довольно поверхностная, хотя ея корреспонденціи написаны очень бойко».

Я вспомнилъ вчерашній разговоръ Макъ-Гаханъ объ американскомъ рабочемъ движеніи и ея насмѣшки надъ религіозными вожаками этого движенія, и понялъ причину строгаго отзыва Льва Николаевича о журналисткѣ.

В. Лазурскій.

Отрывки изъ воспоминаній¹⁾.

(Посвящается памяти В. Н. В.).

Въ мѣстахъ отдаленныхъ.

I. Жизнь въ Красноярскѣ.

10 сентября 1880 г. наша партія, послѣ мѣсячнаго этапнаго пути отъ Томска, совершала послѣдній переходъ къ г. Красноярску.

Здѣсь должна была рѣшиться судьба многихъ изъ товарищей, а въ томъ числѣ и моя. Поэтому ни холодный вѣтеръ, ни дождь со снѣгомъ лично на меня не оказывали никакого дѣйствія. Скрючившись на телѣгѣ и плотно закутавшись въ арестантскій халатъ, словно бы созданный для «Владимірки»²⁾, я погруженъ былъ въ думы о ближайшемъ будущемъ. Оно зависѣло отъ двухъ обстоятельствъ: оставятъ ли меня въ Красноярскѣ и, главное, останется ли въ этомъ городѣ Валерія Ник. Левандовская. Это молодая, глубоко-идейная дѣвушка завладѣла всѣми моими симпатіями и была причиной, что этапный путь показался мнѣ пріятной прогулкой. Съ тѣхъ поръ и на всю жизнь укоренился у меня взглядъ, что счастье—это всего лишь внутреннее, субъективное ощущеніе, имѣющее очень мало общаго съ внѣшними условіями. Ужъ что могло быть хуже тѣхъ неожиданныхъ лишеній, которыми угостила меня судьба, что могло быть тяжелѣе переходовъ и переѣздовъ съ этапа на этапъ съ тѣмъ, чтобы въ концѣ-

¹⁾ Настоящая часть отрывковъ изъ воспоминаній составлена мною, кажется, въ 1885 г., за годъ до освобожденія изъ Сибири. Въ ней, какъ и въ той, которая напечатана въ 4 и 5 №№ «Голоса Минувшаго» за 1913 г., я не дѣлаю никакихъ измѣненій, чтобы запечатлѣть моментъ, когда воспоминанія писались. Дополненія и объясненія, внесенныя позднѣе и, больше всего, при чтеніи предъ отправленіемъ для напечатанія, сдѣланы въ выноскахъ. Рисунки и сохранившіяся фотографіи включены въ это же время. Нелишнимъ считаю сказать, что воспоминанія объ этапномъ шествіи отъ Томска до Красноярска были напечатаны въ 301 и 303 №№ «Русскихъ Вѣдомостей» за 1906 г.

²⁾ Путь въ Сибирь издавна прозванъ «Владиміркой». Съ проведеніемъ желѣзной дороги это названіе должно отойти въ вѣчность.

концовъ очутиться въ далекой Сибири на неизвѣстное количество времени, безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію и въ полномъ подчиненіи полиціи. А между тѣмъ я чувствовалъ себя счастливымъ и совершенно не замѣчалъ обстановки, среди которой совершался мой, полный своеобразной поэзіи, романъ, романъ безъ луны и соловьевъ, безъ рѣки и лодки, безъ бесѣдки въ тѣнистомъ саду и подъ наблюденіемъ жандармовъ и часовыхъ.

Правда, большую роль играла беззавѣтная молодость и, какъ ея спутница, вѣра въ свои силы, надежда на будущее. Однако она, эта молодость съ ея атрибутами, лишь поддерживала бодрость духа, но не давала еще отрады, не давала тепла и того чувства, что придаетъ красочность жизни. А, вотъ, когда молодость озарилась любовью,—жизнь тотчасъ зардѣлась всѣми цвѣтами радуги, и, какъ одинъ день, незамѣтно пролетѣлъ для меня мѣсяцъ пути. Теперь предстояла разлука съ виновницей моихъ радостей. Было надъ чѣмъ задуматься! Не говоря уже о томъ, что Валерія Николаевна, какъ и я, не знала, гдѣ ей будетъ назначено мѣсто жительства. Она намѣревалась ходатайствовать объ отправленіи ея къ лишенной всѣхъ правъ состоянія сестрѣ, Феликсѣ Николаевнѣ, поселенной въ селѣ Тункѣ, Иркутской губ. Но если бы это и не осуществилось, Красноярскъ вообще былъ почти запрещеннымъ для ссыльныхъ пунктомъ. Изъ опасенія побѣговъ, всѣ поселенія главнаго сибирскаго почтоваго тракта исключались для жительства государственныхъ преступниковъ. Но, главное, не было никакихъ шансовъ, что насъ оставятъ въ одномъ мѣстѣ. И я, и Валерія Николаевна, какъ и всѣ административные, препровождались «въ распоряженіе генераль-губернатора Восточной Сибири», и онъ имѣлъ полное право разсовать насъ по одиночкѣ на необъятной, подчиненной ему площади, куда входили губерніи—Енисейская и Иркутская и Якутская область. Съ другой стороны, у меня, какъ не связаннаго родствомъ съ Левандовской, не было никакихъ основаній ходатайствовать о поселеніи въ одномъ городѣ съ нею,—подобное ходатайство не было бы уважено. Погруженный въ такія невеселыя думы, я не замѣтилъ, какъ нашъ длинный обозъ подъѣхалъ къ острогу, расположенному въ самомъ началѣ города Красноярска.

Громыкнулъ замокъ, отворились тяжелыя ворота, и мы сквозь строй охраны стали входить въ нихъ.

— Иванъ Петровичъ!—въ это время окликнула, подходя ко мнѣ, Валерія Николаевна.

— Что?

Арестантская партія въ пути.
(Рис. 70 г.г. изъ собр. И. П. Блѣконскаго).

— А вотъ что,—вспыхнувъ румянцемъ, тихо отвѣтила она,—если вы останетесь въ Красноярскѣ, то и я здѣсь останусь...

Переполненный радостью отъ этихъ словъ, я горячо пожалъ руку дорогой дѣвушкѣ и сказалъ:

— А если васъ здѣсь не оставятъ, то я ѣду туда, куда и вы, если бы пришлось добратъся до Якутской области.

На глазахъ Валеріи Николаевны блеснули слезы, она протянула мнѣ руку и тихо сказала:

— Теперь мнѣ ничего не страшно,—у меня есть другъ...

— Но позвольте договорить до конца: вы согласны обвѣнчаться со мной, если бы безъ этого насъ разлучили?

— Конечно, согласна, и пойду туда, куда васъ отправятъ.

— И мнѣ теперь ничего не страшно...

Въ этотъ моментъ мы вошли въ помѣщеніе тюрьмы, и насъ разлучили.

Но тюрьма мнѣ теперь показалась дворцомъ. Что мнѣ донеза? Наступить же день, когда я выйду и буду на свободѣ жить съ дорогою Валеріей Николаевной. Гдѣ это будетъ, не все ли равно? Теперь будущее обезпечено! Лишь только объявятъ, что назначили въ разныя мѣста, мы тотчасъ обвѣнчаемся, и тогда насъ не разлучатъ...

А судьба, словно въ награду за все испытанное, готовила мнѣ совсѣмъ рѣдкій сюрпризъ. Не помню черезъ сколько дней, было объявлено, что въ Красноярскѣ освобождаютъ не только меня и Валерію Николаевну, но и друга моего Симиренко. Этого ужъ я не ожидалъ! Кромѣ того, изъ нашей партіи разрѣшено было поселиться въ губернскомъ городѣ Енисейской губерніи еще нѣсколькимъ лицамъ. По слухамъ, виновникомъ этого сюрприза былъ енисейскій губернаторъ, Лохвицкій, который, говорили, поручился за всѣхъ тѣхъ административныхъ ссыльныхъ, относительно которыхъ не было особыхъ распоряженій. Не знаю, насколько былъ основателенъ этотъ слухъ, но Лохвицкій по отношенію къ политическимъ оказался, какъ выяснилось въ послѣдствіи, дѣйствительно, рѣдкимъ администраторомъ.

Объ этомъ, однако, ниже, а теперь сообщу, что тотчасъ послѣ сообщенія объ оставленіи въ Красноярскѣ меня обуяло чувство, я бы сказалъ, стыда. Мнѣ вдругъ стыдно сдѣлалось за свое счастье при мысли, что многіе изъ товарищей, съ которыми я сжился въ пути, шли дальше, при чемъ нѣкоторые, какъ Бердниковъ, Папинъ, Колѣнкина направились въ каторгу ¹⁾. Тяжело

¹⁾ Папинъ (по процессу Долгушина) много лѣтъ пробылъ въ Новобѣлгородской каторжной тюрьмѣ (въ с. Печенѣги, Харьковск. губ.) и препровождался на каторгу въ Сибирь; Бердниковъ, инженеръ-технологъ 1-го разряда, приговоренъ на 15 лѣтъ каторги по дѣлу Мезенцева; Колѣнкина по тому же дѣлу на 10 лѣтъ каторги.

было разставаться съ ними безъ надежды когда-либо встрѣтиться. Что значили всѣ мои переживанія, сравнительно съ перенесенными уже и предстоящими въ будущемъ страданіями каторжанъ? Взвѣсить и понять свои радости и печали можно лишь черезъ сопоставленіе ихъ съ радостями и печалями окружающихъ. То же, несомнѣнно, чувствовали и всѣ освобожденные, особенно женщины. У всѣхъ у нихъ на глазахъ видны были слезы, а на лицахъ выражалось сильное волненіе. Что касается Валеріи Николаевны, то она, какъ говорится, не была похожа на себя. Грустные, оглядываясь на окна, изъ-за рѣшетокъ которыхъ высматривали оставшіеся, вышли освобожденные за ворота; здѣсь мы замахали товарищамъ платками и перекрикивались прощальными возгласами.

— Уходите, уходите, господа!—торопила насъ тюремная администрація,—нельзя переговариваться!

— Но вѣдь мы только что были вмѣстѣ...

— Мало ли что, уходите!

И сразу разверзлась бездна между нами, «свободными» и тѣми, которые остались въ тюрьмѣ.

Нужно самому испытать все это, чтобы понять наши чувства.

— Придемъ къ вамъ на свиданіе!—крикнули мы въ послѣдній разъ.

— Уходите же, наконецъ!—раздается на это уже грозный окликъ.

Вышли мы изъ тюрьмы, включая меня Симиренко и Левандовскую, въ количествѣ, кажется, 21 человѣка, а именно воспитанники варшавскаго университета: Абрамовичъ, Августовичъ, Гельпернъ, Герингъ, Гласко съ женою, урожденною Гружевскою, Завадскій, Ковальскій, Де-Мезеръ, Рогальскій и Свѣнцицкій; далѣе студентъ медицинской академіи, послѣдняго курса, Даниловичъ, съ женою, урожденною Пласковицкою ¹⁾, студентъ петербургскаго университета Поповъ, студентъ Петербургскаго технологическаго института Андреевъ, воспитанница Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Клейнъ; наконецъ, были еще высланные изъ Одессы—Кобылинскій, Морозова и черногорецъ Шнадьеръ.

¹⁾ Всѣ эти 13 первыхъ лицъ высланы были административнымъ порядкомъ по дѣлу польской партіи, къ которому были привлечены 137 обвиняемыхъ. Сначала ихъ хотѣли судить военнымъ судомъ, но затѣмъ, по Вы очайшему повѣленію 2-го апрѣля 1880 г., участь обвиняемыхъ рѣшена была административнымъ порядкомъ. Дѣло это было начато и закончено г. фонъ-Плеве, тогда еще товарища прокурора Варшавской судебной палаты, и послужило причиной быстрой карьеры его.

Первымъ дѣломъ мы направились въ единственную тогда въ Красноярскѣ гостиницу.

Лишь тотъ, кто, привыкнувъ къ культурной обстановкѣ, долгое время просидѣлъ въ грязной, одиночной камерѣ, кто затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ препровождался изъ одной тюрьмы въ другую, а потомъ изъ этапа на этапъ, кому все это время приходилось валяться на нарахъ, не видѣть тарелокъ, не пользоваться правомъ ѣсть при посредствѣ вилокъ и ножей, лишь тотъ, повторяю, можетъ понять прелесть самой жалкой гостиницы. Усѣвшись за столъ, мы, въ ожиданіи обѣда, словно дикари, любовались «роскошной» обстановкой, т.-е. столомъ, покрытымъ бѣлой, сравнительно, скатертью, обѣденною сервировкой, картинами изъ «Нивы», развѣшанными по стѣнамъ, зеркалами и другими совершенно обыденными предметами, отъ которыхъ отвыкли за долгое время арестанской жизни.

Въ серединѣ обѣда къ намъ неожиданно-негаданно явился тогда уже извѣстный публицистъ, Сергѣй Николаевичъ Южаковъ.

Живой, веселый, онъ ободряюще привѣтствовалъ насъ, сопровождая свои слова громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Я знакомъ былъ и съ нимъ и съ его семействомъ еще въ Россіи, именно въ Одессѣ, гдѣ Сергѣй Николаевичъ работалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», состоя помощникомъ редактора, а я въ это время, какъ говорится, пробовалъ въ той-же газетѣ свое перо. Южаковъ, высланный изъ Одессы тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ, Тотлебенемъ, прибылъ въ Красноярскъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣ нашей партіи и уже устроился въ этомъ городѣ. Онъ сообщилъ мнѣ пріятную новость, что въ Красноярскѣ находятся еще два моихъ знакомыхъ: Семенъ Титовичъ Герцо-Виноградскій, талантливый, провинціальный, или вѣрнѣе, одесскій публицистъ, и Владимиръ Викторовичъ Лесевичъ, извѣстный философъ и сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ».

— Владимиръ Викторовичъ,—прибавилъ онъ, — только на дняхъ перевелся сюда изъ Енисейска и живетъ въ этой же гостиницѣ.

— Неужели!—возрадовался я.

— Сейчасъ въ этомъ убѣдитесь.

Сергѣй Николаевичъ вышелъ и скоро возвратился, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Лесевичемъ.

Горячо и радушно поздоровившись, Владимиръ Викторовичъ тотчасъ же вступилъ съ нами въ бесѣду.

Живой, остроумный, язвительный, онъ необыкновенно красочно рисовалъ сибирскій бытъ и нравы.

Между прочимъ, когда рѣчь зашла о стоимости жизни, Лесевичъ заявилъ, что въ Сибири «все рубль стоитъ».

— Сахаръ—рубль, свѣчи—рубль, спички—рубль.

— Такой высокій денежный курсъ лишь для одного Владимира Викторовича существуетъ,—замѣтилъ Сергѣй Николае-

С. Н. Южаковъ.

вичъ,—такъ какъ онъ о цѣнахъ на предметы первой необходимости не имѣетъ даже смутнаго представленія.

Впослѣдствіи я убѣдился, что Южаковъ былъ совершенно правъ.

Писатели внесли такое оживленіе въ нашу среду, что мы и не замѣтили, какъ прошелъ обѣдъ.

Между тѣмъ необходимо было подумать и о квартирахъ.

Почти ни у кого изъ насъ не было настолько средствъ, чтобы оставаться въ гостиницѣ, которая, впрочемъ, врядъ ли и размѣстила бы всѣхъ, а потому предстояло такъ или иначе сегодня же устроиться инымъ способомъ.

Лично для меня вопросъ разрѣшился очень скоро. У Южакова оказалась лишняя комната, которую онъ и предложилъ къ моимъ услугамъ. Тутъ же выяснилось, что Сергѣй Николаевичъ нанимаетъ квартиру на Базарной площади, въ нижнемъ этажѣ дома Замятина, а верхній этажъ снялъ уже Лесевичъ. Лучшей комбинаціи для меня трудно было придумать. Теперь мнѣ лишь оставалось устроить Левандовскую.

Изъ гостиницы мы, какъ и всѣ другіе, отправились высматривать квартиры. Энергичные, вынужденные крайней необходимостью, поиски увѣнчались успѣхомъ, такъ что къ вечеру у всѣхъ, кажется, были комнаты. Валерія Николаевна, между прочимъ, нашла маленькую комнату во дворѣ, въ Больничномъ переулкѣ.

Такимъ образомъ въ день прибытія мы уже съ грѣхомъ пополамъ устроились въ Красноярскѣ и начали свою ссыльную жизнь.

Для меня это начало чуть не закончилось трагедіей.

Утромъ на другой день Валерія Николаевна зашла за мной, чтобы идти на свиданіе съ оставшимися въ тюрьмѣ товарищами.

Мы и представить себѣ не могли, чтобы съ людьми, съ которыми были вмѣстѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца до вчерашняго дня включительно, чтобы съ ними, повторяю, намъ не позволили повидаться. Но тюремный смотритель, Островскій, и слышать не хотѣлъ о свиданіи, не проникался никакими доводами.

Огорченные необъяснимымъ запретомъ, мы отправились на громадную площадь, расположенную возлѣ тюрьмы, причемъ Валерія Николаевна, салютуя носовымъ платкомъ, вступила въ энергичныя перекрикиванія съ товарищами, которые выглядывали изъ-за рѣшетокъ. Смотрителю, конечно, доложили объ этихъ переговорахъ, и онъ, пылая негодованіемъ, явился на площадь и требовалъ, чтобы мы немедленно ретировались. Мы не исполнили этого приказа, при чемъ Валерія Николаевна, не обращая вниманія, продолжала переговоры.

Тогда разсвирѣпѣвшій смотритель потребовалъ на помощь конвой ¹⁾.

— Если вы сейчасъ же не удалитесь, я велю стрѣлять!— крикнулъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ.

Но Валерія Николаевна не испугалась угрозъ.

— На прицѣлъ!—скомандовалъ тогда Островскій.

¹⁾ Изъ чувства справедливости долженъ замѣтить, что, какъ я узналъ впоследствии, Островскій въ данномъ случаѣ явился лишь ревностнымъ исполнителемъ своихъ служебныхъ обязанностей. Но въ общемъ это былъ свирѣпый и самодурный человѣкъ, ужасно расправлявшійся съ арестантами.

Я совершенно инстинктивно поднялъ руки вверхъ и сталъ между солдатомъ и дѣвушкой, съ ужасомъ ожидая немедленнаго выстрѣла.

Но тутъ произошло чудо.

Замѣтивъ полное спокойствіе Валеріи Николаевны, смотритель далъ знакъ, чтобы конвойные взяли ружья на плечо.

Мужество молодой, чрезвычайно женственной на видъ дѣвушки побѣдило смотрителя. Онъ проникся къ ней уваженіемъ и въ послѣдствіи почти никогда не отказывалъ въ свиданіяхъ.

Но я пережилъ ужасный моментъ, который не могу забыть до сихъ поръ.

— На васъ лица нѣтъ, — взглянувъ на меня съ волненіемъ сказала Валерія Николаевна.

— Но, Боже, ваша жизнь висѣла на волоскѣ...

— Вы, другъ мой, не замѣтили, что заняли позу, благодаря которой легли бы первымъ...

— Отъ такихъ случайностей зависитъ жизнь человѣка! — разсентиментальничался я.

Ужъ подлинно:

«А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —

«Такая смѣшная и глупая шутка»...

— Ну, довольно объ этомъ... Мы живы, и будемъ брать отъ жизни то, что она сейчасъ даетъ.

— Правильно, моя милая!

Я взялъ подъ руку дорогую дѣвушку, и мы отправились въ Красноярскъ.

Таковы были первые шаги въ этомъ городѣ.

Кромѣ Лесевича, Южакова и Герцо-Виноградскаго, въ Красноярскъ ранѣе насъ были сосланы, или, вѣрнѣе, по счастливой случайности оставлены здѣсь: Н. А. Лошкаревъ, къ которому добровольно пріѣхали жена его, Марія Галактіоновна, и теща, Эвелина Осиповна первая сестра, вторая — мать В. Г. Короленко, шедшаго съ нами въ одной партіи до Томска и затѣмъ возвращеннаго и сосланнаго въ Пермь; Я. Н. Шульгинъ, кievскій публицистъ, П. П. Семенюта, П. А. Патруева, переведенная изъ Енисейска, Н. Н. Емельяновъ, О. Я. Рубанчикъ, С. С. Левандовскій — студентъ Харьковскаго университета, Е. П. Карповъ ¹⁾, совершенно юная дѣвушка Викторія Гуковская, акушерка Бергъ, рабочіе — И. М. Радецкій ²⁾ и А. И. Трушковскій,

¹⁾ Нынѣ драматургъ и режиссеръ.

²⁾ Нынѣ небезызвѣстный организаторъ дѣтскихъ игръ.

отставной николаевскій солдатъ Штокфишъ и его жена Майданская ¹⁾ и, наконецъ, лишенная всѣхъ правъ и сосланная на поселеніе по суду А. Э. Патылицина.

Такимъ образомъ, если я никого не упустилъ, въ Красноярскѣ, включая оставленныхъ изъ нашей партіи, образовалась колонія политическихъ ссыльныхъ и добровольно пріѣхавшихъ за ними не менѣе какъ въ 45 человѣкъ.

Такое количество было достаточно, чтобы жить собственной, такъ сказать, ссыльною жизнью. А это было очень важно для насъ, такъ какъ при гласномъ надзорѣ трудно было разсчитывать на сліяніе съ мѣстнымъ обществомъ.

Въ виду отсутствія въ то время рѣзкой партійности, а также благодаря культурному составу ссыльныхъ, что способствовало терпимости вообще, мы въ Красноярскѣ съ первыхъ же шаговъ зажили довольно дружно. Острыхъ конфликтовъ почти вовсе не было, и если у насъ произошла нѣкоторая дифференціация, то вызвана она была чисто личными симпатіями, а отчасти—профессіональными занятіями.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію жизни въ Красноярскѣ, скажу, что очень скоро одинъ за другимъ уѣхали изъ него Е. П. Карповъ съ женою, добровольно пріѣхавшею за нимъ, П. П. Семенюта и С. Т. Герцо-Виноградскій.

На послѣднемъ я считаю нужнымъ остановиться. По окончаніи юридическаго факультета новороссійскаго университета, Семень Титовичъ, былъ, кажется, сначала народнымъ учителемъ, а затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ. Но не юриспруденція, ни учительство совершенно не были его призваніемъ. Природа наградила его крупнымъ публицистическимъ талантомъ или, вѣрнѣе, она создала его фельетонистомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ семидесятыхъ годахъ Герцо-Виноградскій не имѣлъ себѣ соперниковъ въ провинціи въ этомъ родѣ литературы, да и въ столицахъ мало было подобныхъ ему. Что же касается Одессы, то онъ здѣсь былъ царь и богъ. Я познакомился съ С. Т. въ самомъ расцвѣтѣ его славы, когда фельетоны «Барона Икса» — (псевдонимъ Герцо-Виноградскаго), помѣщавшіеся въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и «Правдѣ» читались на расхватъ. Поразительная легкость пера, рѣдкое остроуміе, язвительность, дѣлали то, что «Баронъ Иксъ», по его желанію, могъ кого угодно или поставить на пьедесталъ, или убить и лишить гражданства.

¹⁾ Мать повѣшеннаго въ Одессѣ по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича Майданскаго.

Одни его боялись, другіе раболѣпствовали, многіе ненавидѣли, но никто не относился безразлично. Страхъ чувствовали особенно артисты, и не было той труппы, представитель которой, прежде чѣмъ начать представленіе, не явился бы съ поклономъ къ Семену Титовичу и не предложилъ въ его распоряженіе лучшія мѣста въ театрѣ.

Выше я назвалъ три газеты, въ которыхъ участвовалъ Семенъ Титычъ. Всѣ онѣ были разнаго направленія, причемъ «Новороссійскій Телеграфъ» былъ газетою чуть ли не реакціонной.

Но Герцо-Виноградскій былъ въ высокой степени аполитиченъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, писалъ во всѣхъ органахъ одинаково, писалъ, можно сказать, инстинктивно, какъ поетъ птица. Онъ представлялъ собой типъ скорѣй безразличнаго европейскаго публициста, чѣмъ русскаго, который, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, пишетъ въ органѣ, подходящемъ къ его взглядамъ.

Такимъ же С. Т. былъ и въ жизни. Съ одной стороны, онъ былъ, напримѣръ, друженъ съ С. Ю. Витте, который въ это время былъ управляющимъ юго-западныхъ дорогъ, а съ другой—въ его квартирѣ нерѣдко можно было застать представителей всѣхъ демократическихъ партій.

Получая солидный гонораръ, Герцо-Виноградскій велъ открытый и весьма безалаберный образъ жизни, который привелъ его, въ концѣ-концовъ, къ морфинизму и одарилъ сильнѣйшею неврастеніей. Какъ сейчасъ помню его всегда изысканно одѣтымъ, нерѣдко въ фрачной парѣ; на улицахъ онъ появлялся не иначе, какъ въ лоснящемся цилиндрѣ. И, Боже, какой контрастъ представляли посѣщавшіе его демократическіе элементы, изъ которыхъ многіе, а въ томъ числѣ и я, не вышли еще изъ фазиса нигилизма! Любопытно, что Семенъ Титычъ чувствовалъ органическую потребность въ сближеніи съ этимъ элементомъ. Часто послѣ «безумныхъ ночей», въ обществѣ великосвѣтскомъ или среди полусвѣта, Герцо-Виноградскій начиналъ каяться и даже плакать, сопоставляя свою жизнь съ жизнью идейной молодежи, и въ этотъ моментъ послѣдняя давала ему громадную нравственную поддержку. А иной разъ, наоборотъ, онъ громилъ всѣхъ и вся, указывая «на скуку тенденціозной жизни» и говорилъ, что онъ «понимаетъ революцію не иначе, какъ съ шампанскимъ». Не знаю, какъ кому, а мнѣ почему-то нравилась неуравновѣшенность Семена Титовича, контрасты и скачки его души, если можно такъ выразиться, хотя я ясно сознавалъ, что все это происходитъ отъ ненормальныхъ условій жизни. Во всякомъ случаѣ, у меня съ Герцо-Виноградскимъ во все время знакомства сохранились самыя теплыя отношенія.

Сибирский этапъ.
(Рис. 70 г.г. изъ собр. И. П. Блюоконскаго).

Высланъ онъ былъ въ 1879 г. генераль-губернаторомъ Тотлебенемъ въ Сибирь за то же, за что высланы были тогда изъ Одессы сотни лицъ,—т.-е. за совершенно не выясненныя «преступленія» ¹⁾).

Объ этой массовой высылкѣ составила въ то время цѣлая легенда, соотвѣтствовавшая, кажется, дѣйствительности.

Сначала по разнымъ подозрѣніямъ были въ 1879 г. арестованы и посажены въ Одесскую тюрьму нѣсколько чело-вѣкъ.

Когда затѣмъ вводили новичка, то ранѣе арестованные громко спрашивали изъ-за рѣшетокъ: «а такой-то (имя рекъ) арестованъ?!»

И этого было достаточно, чтобы черезъ нѣкоторое время «такого-то» дѣйствительно арестовали.

Такимъ способомъ «наловили» сотни людей и затѣмъ вы-слали ихъ въ Сибирь.

Возможно, что и Герцо-Виноградскій явился «жертвой» та-кого «случая», но возможно, что администрація не выносила его убійственно—обличительныхъ фельетоновъ и узнала о зна-комствахъ. Во всякомъ случаѣ лично С. Т. не зналъ, за что очутился въ Восточной Сибири, и невозможно мучился въ ссылкѣ.

Привыкшій къ широкой жизни, къ европейскому комфорту, къ заманчивому положенію авторитетнаго публициста, не имѣя въ то же время ничего такого въ душѣ, что бы его поддерживало въ лишеніяхъ, Семень Титычъ, что называется, обезумѣлъ въ Красноярскѣ и, не распаковывая своихъ чемодановъ, строчилъ прошенія во все вѣдомства, покуда не была взята съ него под-писка, что больше прошеній писать онъ не будетъ. Тогда онъ проникся полнымъ отчаяніемъ, сталъ прибѣгать къ напиткамъ, къ которымъ вообще чувствовалъ склонность, и, наконецъ, придумалъ самый недѣлѣпѣйшій выходъ: онъ рѣшилъ симулиро-вать самоубійство! Въ одинъ прекрасный день Семень Титовичъ набросилъ веревку на шею. Въ квартирѣ, конечно, поднялся переполохъ. Дали знать полиціи. Результатъ получился неожи-данный: Герцо-Виноградскаго препроводили въ Самару на... покаяніе за покушеніе на самоубійство! И вотъ какое оттуда прислалъ онъ мнѣ письмо:

Самара, 11 мая 81 г.

¹⁾ Впослѣдствіи въ «хроникѣ социалистическаго движенія въ Россіи» (Москва, 1906, стр. 82) я прочелъ фамилію Герцо-Виноградскаго среди «террористическаго одесскаго кружка». Именно тамъ о Семенѣ Т. товичѣ говорится слѣдующее: «Расходы по содержанію квартиры «Капитана» (диктаторъ террористовъ) и по организаціи коммуны, которая служила главнымъ мѣстомъ для сборищъ Южныхъ террористовъ, оплачивалась подпиской, сборомъ съ публичныхъ концертовъ, которые устраивались въ домѣ члена партіи (!) Герца-Виноградскаго». (Процессъ 28-ми глг «Лизогубовскій»).

«Милое, премилое письмо ваше я получилъ только на-дняхъ. Скажу вамъ безъ утайки, оно мелькнуло розовой полосой на тускломъ, сѣромъ фонѣ моего существованія. Ну, ну! Времена! «Листокъ» мой цензура страшно сократила. Я опять бездѣльничая, тоскую, мечусь. Ахъ, когда же все это кончится? Надежда? Но чортъ ли въ ней, въ этой всесвѣтной наложницѣ, лживой прихлебательницѣ!

«А вы таки не въ добрый часъ молвили наканунѣ моего отъѣзда изъ Красноярска (кстати, сообщите, пожалуйста, подробности пожара), что мнѣ придется, можетъ быть, пожалѣть за нимъ. Типунъ вамъ! Да! бываютъ минуты, что я любовно переносусь мыслью къ вамъ, тѣмъ болѣе теперь, когда ваша колонія удвоится, утроится, учетверится, словомъ, является въ геометрическомъ приростѣ. Жаль только, что средства пропитанія,—таковъ, по крайней мѣрѣ, минорный тонъ письма,—у васъ жалкія. Ну, да и тутъ они не въ авантажѣ. Да, у васъ компанія завидная: Южаковъ, Шульгинъ, Лесевичъ, Спандони (онъ у васъ?), Симиренко ¹⁾. Ахъ, отчего я не тотъ «цвѣточекъ дикій», что въ «одинѣ букетъ попалъ съ гвоздикой», и который отъ этого «душистымъ сталъ и самъ»? Какъ видно, я такъ и останусь «дикимъ» и всегда буду издавать тотъ свой собственный запахъ, за который вы меня журите въ вашемъ письмѣ. Тысяча спасибо за дружелюбный тонъ этого нагоняя! Но представьте себѣ, что есть «дикіе» упрямѣ меня. Получилъ я отъ Ревы письмо. «Иду,—пишетъ, въ «Новороссійскій Телеграфъ»—«Несчастный, остановись! Ты идешь въ трясины!» отвѣчаю я.—«Эту трясины обращаю я въ цвѣтушій лугъ», возражаетъ онъ. И, кажется, онъ уже занялся культивированіемъ (?) Озмидовской клоаки ²⁾! Меня же спасъ отъ этого рискованнаго шага мой Саша ³⁾ Да, благословить его небо! Боже, какъ меня изнурила эта ссылка, это ненормальное существованіе подъ высокимъ давленіемъ! Одно время я, было, ожилъ, оживилъ «Листокъ», попалъ въ милость къ губернатору, но злодѣяніе перваго марта было для меня «стопъ машиной». Я написалъ передовую—я тутъ все—и публицистъ, и фельетонистъ, и социалистъ и аферистъ (завелъ торговлю телеграммами агентства) и... и спросите у Семенюты что еще—цензоръ ее пропустилъ (посылаю вамъ ее), а губернаторъ мнѣ до сихъ поръ ее простить не можетъ! Бога ради, читайте: что въ ней неблагонамѣреннаго?! Затѣмъ еще нѣсколько столкновеній,—и все пропало! «А счастье

¹⁾ Всѣмъ имъ мой привѣтъ.

²⁾ Озмидовъ былъ редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа». Я негодовалъ на Герцо-Винградскаго, что онъ писалъ въ этой газетѣ.

³⁾ Здѣсь идетъ рѣчь не знаю о какомъ «Сашѣ», но, вѣроятно, о Спандони.

было такъ близко, такъ возможно».... Какъ тамъ дальше? Кажется, «быть можетъ, я неосторожно?»... Да, да такъ вотъ и я! О, me misegum! Съ какимъ бы я удовольствіемъ пошелъ сейчасъ купаться въ Енисей, къ которому было рукой подать! Волга тутъ далеко и къ ней крутой спускъ. Зной у насъ адскій, но все-таки меньше, чѣмъ былъ у васъ 17 апрѣля ¹⁾. Кто изъ васъ пострадалъ? Какое теченіе имѣлъ огонь? Что истребилъ?—Опишите все сіе. Теперь у васъ дороговизна—бѣдные вы!

Если останусь въ Самарѣ, возьму «Листокъ» въ аренду, приѣзжайте и будемъ здѣсь представлять собой маленькій «Таймсъ»—вѣдь есть же «маленькій Фаустъ», почему не быть маленькому «Таймсу»? Ахъ вы тюфякъ, тюфякъ! Если я, «диктаторъ», «кассиръ» (см. обвинительный актъ по дѣлу о 27), успѣлъ выбраться изъ Сибири, то вамъ и Богъ велѣлъ. Ай-ай-ай! А Елизавета Михайловна ²⁾, что она, какъ она? Душевный, любовный привѣтъ ей. Видаете ли вы Виктора Викентьевича? ³⁾ Сообщите о немъ, если встрѣтите, скажите ему, что и сейчасъ, и еще долго, и долго, и всегда я буду съ любовью вспоминать о немъ.

А что и какъ золотое мое, сокровище, радость моя, куколка и пр. пр.? Кто бы это? Ну, конечно, пресловутый Коля ⁴⁾. А вашей баринѣ также низайшій поклонъ, да и всѣмъ, всѣмъ, кто только этимъ не побрезгуетъ. Васъ же заключаю въ свою объятія. Говорятъ:—Рединъ повѣсилъ.—Правда ли? ⁵⁾ А мое «церковное покаяніе» здѣсь у архіерея. Говорятъ, ничего не будетъ. Да, конечно! Вотъ послѣ семи покушеній, тогда другое дѣло—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, а пока ихъ было три. Боюсь, грозитъ четвертое, ну до семи еще далеко!

Однако, я болтаю, а вы такой *esprit serieux*. Ну, прощайте! Обнимаю васъ. Пишите, это свинство—паузы у васъ ужасныя!

С. Герцо-Виноградскій.

R. S. Привѣтъ нашему милому цензору ⁶⁾. Посылаю вамъ свою образину. Не правда ли, *noble et distingué*? Что новаго у васъ? Я часто думаю: «несчастные, они только черезъ мѣсяцъ будутъ

1) Въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 г. въ Красноярскѣ былъ ужасающій пожаръ, уничтожившій почти весь городъ. Бѣдствіе это, о которомъ говорится въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ, имѣло тяжелыя послѣдствія для ссыльныхъ.

2) Жена С. Н. Южакова, приѣхавшая добровольно за мужемъ.

3) Не помню, кто это такой.

4) Вѣроятно, Емельяновъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

5) Совершенно не догадываюсь, о комъ идетъ рѣчь, и не помню самоубійства такого лица.

6) Вѣроятно, губернаторскому чиновнику, кажется, Слатковскому который просматривалъ наши письма.

читать и узнавать о томъ, что мы уже забыли, наши корки будутъ для нихъ апельсинами!»

И это было послѣднее письмо Семена Титовича.

Знаю только, что Герцо-Виноградскій добился таки скорого возвращенія въ обожаемую имъ Одессу ¹⁾).

Переходя къ жизни ссыльныхъ, скажу, что она раздѣлялась на лично-матеріальную и духовно-общественную, если можно такъ выразиться, при чемъ послѣдняя всецѣло поглощала первую.

Всѣ мы переживали въ то время періодъ глубоко альтруистическій, какъ наслѣдіе 70-хъ годовъ.

Намъ казалось «стыдно» слишкомъ заботиться о своемъ благосостояніи, въ то время, когда нищенствовалъ народъ и цѣлыя сотни товарищей, разбросанные на необозримомъ пространствѣ Сибири, находились въ положеніи много хуже нашего.

Поэтому, всѣ заботы наши сосредоточивались на организаціи помощи ссыльнымъ вообще, проходящимъ черезъ Красноярскъ партіямъ въ частности и на устройство, если являлась возможность, побѣговъ желающимъ. Принимая во вниманіе, что у большинства красноярскихъ ссыльныхъ средства были скудныя, лично матеріальная жизнь наша ограничивалась самымъ необходимымъ. Квартіры были болѣе, чѣмъ скромныя, обстановка примитивная, пища самая простая. Наши женщины, вѣчно занятые хлопотами о помощи товарищамъ и вообще отрицательно относившіяся «къ кухнѣ», лишь въ рѣдкихъ случаяхъ заботились о хозяйствѣ, и, сплошь да рядомъ, обѣдать, напримѣръ, вовсе не приходилось. На этой почвѣ безхозяйственности нерѣдко происходили высококомичныя сцены.

Особенно безпомощенъ былъ нашъ милый философъ, В. В. Лесевичъ.

Какъ-то утромъ отправился я къ нему и увидѣлъ такую картину, достойную кисти художника. Сидитъ философъ на корточкахъ передъ голландскою печью, зажигаетъ одну спичку за другою и прикладываетъ ихъ къ корѣ толстыхъ, сырыхъ березовыхъ полѣньевъ.

¹⁾ Къ написанному болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ о Герцо-Виноградскомъ считаю теперь нелишнимъ дать нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія. Въ Одессѣ онъ прожилъ болѣе 20 лѣтъ. Въ 1892 г., когда С. Ю. Витте былъ назначенъ министромъ финансовъ, Семенъ Титовичъ послалъ ему поздравительную телеграмму. Полученный на нее дружественный отвѣтъ отъ министра, былъ, какъ мнѣ передавали, громаднѣйшими буквами напечатанъ на заглавномъ листѣ «Новороссійскаго Телеграфа», сдѣлавшаго себѣ рекламу изъ талантливаго, но слабовольнаго публициста, начавшаго по возвращеніи изъ ссылки опять писать въ той газетѣ, которую, какъ мы видѣли, называлъ «озмидовской клоакою». Умеръ Герцо-Виноградскій въ Одессѣ въ 1903 году. Литературною памятью его явилась всего одна книга, изданная въ 1882 г. и заключавшая въ себѣ нѣкоторые беллетристическіе очерки.

— Что вы дѣлаете, Владимиръ Викторовичъ?

— Да вотъ,—улыбаясь, отвѣчаетъ онъ,—Лидія Парменовна ушла на свиданіе въ тюрьму, а къ кухаркѣ явились ея любовники-солдаты... Она не идетъ топить печь, а у насъ холодно.

— Какъ же вы думаете поджечь спичками такія громадныя полѣнья.

— А что же дѣлать?

— Щепокъ нѣтъ?

— Щепокъ?.. Нѣтъ...

Я вытащилъ обратно дрова, сорвалъ кору съ нихъ, откололъ ножомъ нѣсколько щепокъ и, наложивъ опять дрова на щепки и кору, затопилъ печь.

— Какъ это просто!—воскликнулъ Владимиръ Викторовичъ,—въ жизни своей не растапливалъ печи!

А маленькая его дочь, Юлуся, даже въ ладоши захлопала, увидѣвъ яркое пламя.

Другой разъ замѣтивъ, что В. В. не во-время вышелъ изъ квартиры, я, при возвращеніи, вышелъ къ нему навстрѣчу и спрашиваю:

— Куда это вы ходили въ неположенное время?

Опять та же жалоба, сопровождаемая добродушнымъ смѣхомъ:

— Лидія Парменовна ушла на свиданіе, а у кухарки любовники, и она не варила обѣда.

— Что же вы придумали?

— Ходилъ, ходилъ и купить пряниковъ...

— Пряниковъ?!. Зачѣмъ?..

— Нашелъ простоквашу и думаю съ Юлусей этимъ пообѣдаемъ...

— Простокваша съ пряниками!

— А что дѣлать?

Потомъ онъ говорилъ, что «его обѣдъ» былъ «очень вкусенъ и весьма питателенъ».

Когда я женился на В. Н. Левандовской, въ моемъ хозяйствѣ бывали еще похуже эксцессы.

Нѣкоторое время со мной жилъ С. Н. Южаковъ, когда уѣхала его жена, и технологъ Г. П. Андреевъ.

Валерія Николаевна, какъ хозяйка, должна была завѣдывать нашимъ питаніемъ, но, въ дѣйствительности, и сама ничего не ѣла, и насъ бросала на произволъ судьбы, съ утра до ночи находясь, то въ тюрьмѣ на свиданіи, то провожая или встрѣчая партіи, то собирая для товарищей деньги, одежду и провизію.

Какъ-то разъ она особенно запоздала, а мы были голодны, какъ собаки. На наше счастье баба принесла яйца. Я тотчасъ

купилъ ихъ и торжественно объявилъ своимъ сожителямъ, что угощу ихъ яичницей. Южаковъ залился своимъ звонкимъ, раскатистымъ смѣхомъ, не вѣря въ мои способности, а Андреевъ также сомнительно улыбнулся... Между тѣмъ я принялся за свое дѣло и, не найдя ни масла, ни соли рѣшилъ зажарить яичницу на постномъ, коноплянномъ маслѣ, купивъ его въ мелочной лавчонкѣ, торговавшей дегтемъ и другими «черными товарами». Скоро невѣроятная вонь, проникшая во всѣ комнаты, и шипѣніе извѣстило моихъ товарищей, что я серьезно приступилъ къ дѣлу.

— Что вы тамъ дѣлаете?—кричалъ Южаковъ.

— Идите яичницу ѣсть и зовите Григорія Петровича!—отвѣчалъ я.

Пришли они; я имъ подалъ яичницу, не говоря, на чемъ я ее приготовилъ.

Кривились мы, кривились, но съѣли до чиста.

— Ну, какова?—спросилъ я, когда обнаружилось дно сковородки.

— Тошнить!—отвѣтилъ, заливаясь смѣхомъ, Южаковъ, но ѣсть можно.

Тогда я обнаружилъ свой секретъ.

— Чортъ бы васъ побралъ!—сказалъ Андреевъ,—зачѣмъ вы объяснили? Того и гляди вырветъ...

Но дѣло обошлось благополучно, а Валерія Николаевна, узнавъ, по возвращеніи, о моемъ искусствѣ, чуть не умерла отъ смѣха.

Единственный домъ, въ которомъ все и всегда было исправно, это былъ домъ Лошкаревыхъ. Хотя Марія Галактіоновна удѣляла не мало времени заботамъ о товарищахъ, но хозяйствомъ завѣдывала съ мать, Эвелина Осиповна, и, благодаря этому, въ квартирѣ Лошкаревыхъ была, какъ говорится, Божья благодать. Кто бы и когда не зашелъ, всякаго и всегда Эвелина Осиповна встрѣчала съ рѣдкимъ радушіемъ. Вы сразу чувствовали себя, какъ дома, въ уютной семейной обстановкѣ, и уже безъ всякаго стѣсненія ѣли вкусные обѣды или пили чай съ превосходными булками, которыя Эвелина Осиповна изготавляла съ рѣдкимъ искусствомъ. Не говоря уже о присущей ей искренности и сердечности, Эвелина Осиповна съ особеннымъ сочувствіемъ относилась ко всѣмъ ссыльнымъ и по ассоціаціи идей: всѣ ея три сына были тоже ссыльными, заброшенными въ разныя глухія мѣста, и сама она пріѣхала въ Сибирь за дочерью, добровольно послѣдовавшей за мужемъ. Эвелина Осиповна беззавѣтно любила своихъ дѣтей, непрестанно думала объ ихъ судьбѣ, которая была аналогична съ судьбою окружавшихъ ее въ Красно-

ярскѣ ссыльныхъ, и послѣдніе поэтому были близки ея любящему сердцу, какъ постигнутые одинаковой участью съ ея семействомъ.

Но я уклонился въ сторону.

Возвращаясь къ общественной дѣятельности въ сферѣ помощи товарищамъ, скажу, что она на каждомъ шагу подвергала насъ и, особенно женщинъ, не малой опасности.

Такъ, напримѣръ, въ виду трудности и, часто, невозможности добиться свиданія съ проходящими черезъ Красноярскъ партіями,

Э. О. Короленко.

приходилось переговаривать съ ними въ то время, когда партіи, окруженныя вооруженными солдатами, шли черезъ городъ. Наши женщины прямо, какъ говорится, лѣзли на штыки, всегда умудрялись проникнуть въ цѣпь, переговорить и даже иногда кое-что передать.

Одновременно съ явной помощью товарищамъ мы, по мѣрѣ силъ и возможности, оказывали помощь тайную, въ видѣ подготовленія побѣговъ желающимъ и укрывательства уже бѣжавшихъ изъ Красноярской тюрьмы. Въ мое время удалось устроить побѣгъ, кажется, одному Малавскому. Удивительна судьба этого мирнѣйшаго, казалось, изъ людей. Его положительно преслѣдовалъ какой-то рокъ. Я зналъ его еще по Кіевскому университету. Высокаго роста, добродушный украинецъ, онъ отличался національнымъ философскимъ спокойствіемъ, неповоротли-

востью и поразительнымъ, свойственнымъ тому времени, пуританствомъ. Помню я его арестъ въ Кіевѣ, кажется, въ 1877 году. Его предупредили, что надвигается гроза, но Малавскій не желалъ скрыться, потому что... «за мѣсяць впередъ заплатилъ за комнату и считалъ нужнымъ дожить до срока!» Его арестовали и два года держали въ тюрьмѣ. Ходили слухи, что когда въ 1878 г. изъ кіевской тюрьмы освобождали Стефановича, Дейча и Бухановскаго, была отворена и дверь камеры Малавскаго, но онъ, будто бы, отказался бѣжать, вѣря въ свое оправданіе.

Но Кіевская палата въ 1879 г. приговорила его, кажется, на поселеніе по Чигиринскому дѣлу. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Малавскій подалъ жалобу въ сенатъ, который 1880 г. приговорилъ его къ 20-ти годамъ каторги! Въ 1881 г., по пути на каторгу, Малавскій прибылъ въ красноярскую тюрьму, изъ которой и рѣшено было его освободить. Предпріятіе это было совершено съ рѣдкимъ успѣхомъ. Малавскому доставленъ былъ костюмъ тюремнаго надзирателя. Вечеромъ, послѣ повѣрки онъ, положивъ на свою кровать чучело и прикрывъ его одѣяломъ, не только спокойно вышелъ изъ тюрьмы, но, забывъ теплые чулки, возвратился за ними въ камеру, взялъ ихъ и вторично вышелъ, никѣмъ незадержанный. Въ городѣ ему приготовлена была квартира у одной акушерки, гдѣ Малавскій долженъ былъ переждать, покуда, послѣ тщетныхъ розысковъ, власти не успокоятся. Предполагалось, что полиція прежде всего бросится искать бѣглеца по дорогамъ, но какимъ-то образомъ она узнала, что Малавскій скрывается у акушерки. Стали производить обыски у всѣхъ акушеровъ. Малавскаго предупредили и совѣтывали ему скрыться. Но, преслѣдуемый рокомъ, онъ, какъ когда-то въ Кіевѣ, не нашелъ это нужнымъ, подлѣзъ подъ кровать и лежалъ тамъ съ украинскимъ спокойствіемъ, покуда его буквально не вытащили оттуда. Возбудилось, конечно, дѣло, при чемъ изъ участниковъ освобожденія дочь красноярскаго прокурора Долгушина потерпѣла болѣе другихъ. Эта дѣвушка значительно способствовала побѣгу. Какъ разъ въ то время въ тюрьмѣ находился ея братъ, Александръ Вас. Долгушинъ, бывшій студентъ петербургскаго Технологическаго института. Уроженецъ Сибири, Тобольской губ., онъ впервые арестованъ былъ еще 21 года, въ 1869 г., по нечаевскому дѣлу и тогда же привлекался, какъ сибирскій сепаратистъ. За оба эти дѣла до суда онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости около 2-хъ лѣтъ, хотя впослѣдствіи, въ 1871 г. былъ оправданъ петербургской судебной палатой. Вторично его арестовали въ 1873 г. по процессу 50-ти, называвшемся также «Долгушинскимъ».

По этому дѣлу въ 1874 г. онъ былъ приговоренъ къ 10-ти годамъ каторги, которую и отбывалъ въ ужасной Ново-Бѣлгородской каторжной тюрьмѣ, въ С. Печенѣгахъ, Харьковской губерніи до 1881 г., когда всѣ политическіе каторжане были переведены на Карійскіе рудники.

По пути на послѣдніе Долгушинъ и пребывалъ въ острогѣ г. Красноярска, гдѣ отецъ его, какъ сказано, былъ прокуроромъ. Слѣдствіемъ такого рѣдкаго совпаденія было то, что, во-первыхъ, вся семья Долгушиныхъ свободно посѣщала дорогого имъ арестанта, котораго не видѣли многіе-многіе годы, а во-вторыхъ, и другіе, находившіеся въ то время въ тюрьмѣ, политическіе пользовались большими льготами. Это обстоятельство и дало возможность передать рѣшившему бѣжать Малавскому все необходимое черезъ сестру Долгушина. Когда бѣгство обнаружилось, смотритель, извѣстный уже намъ Островскій, ввелъ въ тюрьмѣ жестокой режимъ, за что отъ Долгушина получилъ пощечину. Результатомъ же Малавскаго неудавшагося побѣга, были такіе послѣдствія: сестру Долгушина и акушерку, гдѣ скрывался Малавскій, сослали, кажется, въ Енисейскъ, а Долгушину и Малавскому прибавили по 15 лѣтъ каторги.

Однако преслѣдованіе рока относительно Малавскаго не прекращалось. Въ 1883 г. онъ съ нѣсколькими другими политическими арестантами рѣшилъ бѣжать изъ Карійскихъ рудниковъ, но, какъ носились слухи, опоздалъ выходомъ изъ подкапа, былъ пойманъ, отвезенъ сначала въ Петропавловскую крѣпость, откуда переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ.

Участвовали ссыльные и въ помощи побѣгамъ изъ партіи. Такъ, для освобожденія, кажется, Адріана Михайлова, сославшагося въ то время на Кару, въ Красноярскъ пріѣзжали будущіе шлиссельбургцы: Юрій Богдановичъ (Кобозевъ) и Оржихъ. Первый велъ себя болѣе, чѣмъ осторожно, а второй, наоборотъ, жилъ безъ всякихъ предосторожностей и по цѣлымъ днямъ изготовлялъ паспорта подъ руководствомъ Г. П. Андреева. Послѣдній, жившій тогда со мной въ одной квартирѣ, замѣчательно изощрился въ этомъ дѣлѣ, и въ кухнѣ на печкѣ, и въ печкѣ у него всегда «сушились» паспорта. Отличаясь поразительной молчаливостью, рѣдкой серьезностью и выдержанностью, Андреевъ былъ прирожденный конспираторъ, и ужъ за что онъ брался, всегда доводилъ до конца и исполнялъ настойчиво и добросовѣстно. Въ своей специальности онъ не имѣлъ соперниковъ, и къ Андрееву всегда обращались за паспортами, которые трудно было отличить отъ подлинныхъ. Побѣгъ Михайлова,

кажется, не удался или была брошена мысль объ этомъ, не знаю уже. Во всякомъ случаѣ онъ довезенъ былъ до Кары.

Ко всему сказанному прибавлю, что всѣ бѣжавшіе откуда бы то ни было политическіе ссыльные, если имъ только приходилось держать путь къ Красноярску, находили, понятно, пріютъ у ссыльныхъ. Между прочимъ, административно высланный изъ Одессы Малеванный, бѣжавъ, скрывался въ Красноярскѣ у С. Н. Южакова.

Наконецъ, къ общественнымъ дѣламъ ссыльныхъ слѣдуетъ отнести громадную переписку, которую они вели между собою для выясненія условій жизни и, соотвѣтственно этому, организаціи помощи.

У насъ были подробные списки и довольно точныя свѣдѣнія рѣшительно обо всѣхъ ссыльныхъ, разбросанныхъ на необъятномъ пространствѣ Сибири и даже Сѣвера Россіи ¹⁾.

И. П. Бѣлоконскій.

¹⁾ Лично у меня и, особенно, у покойной жены моей образовалось громаднѣйшее скопленіе писемъ, которыя сохранились до настоящаго момента. Они постоянно отбирались у насъ при обыскахъ и по возвращеніи въ Россію, но, въ виду многочисленности ихъ и отдаленности времени, къ которому относятся, всегда возвращались. Между прочимъ, полковникъ красноярскаго жандармскаго управленія Дудкинъ, отбравъ въ 1889 г. эти письма, спросилъ покойную жену при допросѣ, — «Зачѣмъ вы сохраняете эти письма?» Жена отвѣтила на это: «Для воспоминаній въ будущемъ, — я przygotowляю матеріалы своему мужу». — «Но неужели вы думаете дожить до того времени, когда явится возможность вашему мужу печатать эти воспоминанія?» — «Глубоко вѣрю, что доживу», — отвѣчала покойная. Полковникъ пожалъ плечами и далъ такой совѣтъ: «Чтобы не затруднять жандармовъ при обыскахъ, которые, конечно, у васъ еще и еще будутъ, вы сшейте мѣшочки, зашейте въ нихъ ваши письма и приложите печати, — тогда видно будетъ, что теперь вы письмами не пользуетесь». — «А не можете ли вы, полковникъ, — спросила жена, — засвидѣтельствовать, что вы эти письма мои возвратили, какъ, за давностью, потерявшія политическое значеніе?» — Нѣтъ, — отвѣчалъ Дудкинъ, — этого сдѣлать я не могу». — «Значитъ, вы и мѣшочки будете распарывать?» — «Я — нѣтъ, я знаю, а другіе, конечно, будутъ». Жена послѣдовала совѣту Дудкина и, сшивъ множество мѣшочковъ, запаковала туда въ 1889 г. письма и хранила ихъ въ такомъ видѣ до 1905 г., т.-е. въ теченіе 16 лѣтъ. Увы, смерть не дала ей возможности разобраться въ громадномъ матеріалѣ отдаленнаго прошлаго, да врядъ ли и мнѣ удастся справиться съ нимъ. Но все же Дудкинъ ошибся: еще при жизни женѣ моей удалось прочесть первыя воспоминанія мои, напечатанныя мною въ 1906 г. въ «Р. Вѣдомостяхъ».

Во второй половинѣ XIX вѣка ¹⁾.

Начало новаго царствованія.

Трауръ. — Заключеніе мира. — Коронація. — Увеселитель Бергъ. — Петербургъ мѣняетъ свою физіономію. — Начало освободительной эпохи. — Отцы и дѣти. — Наставники и ученики. — Въ частномъ пансіонѣ. — Дѣла семейныя. — Павловскъ въ 1857 г. — Юганъ Штраусъ. — Ф. И. Кони.

Первый годъ царствованія Александра II тянулся крайне медленно и скучно. Показная сторона всеобщей скорби была доведена до высшихъ предѣловъ самаго пошлаго лицемѣрія.

Ничего подобнаго уже послѣ смерти Александра II и Александра III не было. Въ тѣ времена полиція не только обязывала обывателей украшаться въ торжественные дни флагами и зажигать пллюминацію, которая, кстати сказать, была куда помпезнѣе нынѣшней, полиція продолжаетъ это дѣлать и нынѣ, но она требовала также, чтобъ обыватели въ соотвѣтствующихъ случаяхъ показывали въ установленныхъ формахъ и свою печаль. И вотъ тотъ трауръ, который нынѣ не соблюдается даже при дворѣ, соблюдался по всей Большой и Малой Руси съ поразительной пунктуальностью. Повсюду были закрыты всякіе театры и зрѣлища, даже музыка на первыхъ порахъ была запрещена. Военные, ихъ одежда, оружіе, знамена, барабаны, трубы были обильно украшены крепомъ. Всѣ штатскіе также обязаны были носить крепъ на рукавѣ и шляпахъ. Конверты, бумага, произведенія печати циркулировали съ траурной рамкой. Кареты чиновъ генеральскихъ ранговъ выѣзжали не иначе, какъ обитыя траурнымъ крепомъ. Цвѣтныя въ нихъ обивки должны были замѣняться черными или бѣлыми. Кучера и выѣздные лакеи были облачены въ траурныя ливреи. Въ домахъ казачки, дворецкіе и пр. челядь также. Особы первыхъ трехъ классовъ обязаны были обивать стѣны одной или болѣе, смотря по рангу, комнатъ крепомъ или чернымъ сукномъ, что на почтенныхъ старцевъ дѣйствовало болѣе, чѣмъ угнетающе, вызывая въ нихъ постоянно мысль, что и ихъ очередь близка. Дамы также обязаны были носить трауръ по рангамъ мужей. Жена титулярнаго совѣтника не смѣла ко-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 2.

личествомъ крепа походить не только на статскую совѣтницу и выше, но даже на коллежскую ассесоршу. Только жены первыхъ пяти классовъ имѣли право носить длинные вуали, коллежскія совѣтницы и ниже дерзать на это не могли. Зато генеральскія дочки всѣхъ возрастовъ, находившіяся въ состояніи дѣвчества, носили тѣже траурныя одежды, что и ихъ мамы. Къ этому необходимо прибавить безконечныя панихиды и заупокойныя обѣдни, обязательно посѣщавшіяся во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ чиновниками, а въ учебныхъ—учениками и педагогическимъ составомъ. Только на Пасху, Рождество и Новый Годъ разрѣшено было снять трауръ.

Послѣдовавшее въ началѣ 1856 г., почти черезъ годъ послѣ смерти Николая, заключеніе мира снова оживило общество. Война привела всѣхъ въ состояніе крайняго удрученія. Еще при Николаѣ жизнь совсѣмъ притихла. Во время войны было не до баловъ, а другихъ проявленій общественности почти не было. Всюду царила скука и уныніе, ѣздили другъ къ другу по вечерамъ, но не для танцевъ, а на огонекъ и для щипанія корпіи раненымъ, для приготовленія бинтовъ и пр. Брали дѣтей съ собою,—дѣтей, конечно, до школьнаго возраста. Старшіе дѣти въ большинствѣ случаевъ находились въ учебныхъ заведеніяхъ интернами, воспитываясь тамъ на казенный счетъ. Институты не отпускали въ теченіе всего ученія изъ института, даже на лѣтнія каникулы. Кадеты были только интернами, ходили въ отпускъ лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Если и были проходящіе, то только въ приходскихъ училищахъ да гимназіяхъ, въ послѣднихъ преимущественно изъ разночинцевъ, не имѣвшихъ права на поступленіе въ пансіонеры. Гости и хозяева въ ожиданіи чая садились въ гостиной за столъ и принимались щипать корпію, рвать на бинты полотняное старое бѣлье и пр. Въ новое царствованіе къ этому присоединилось и новое занятіе, которое оставалось въ модѣ и послѣ заключенія мира. Пока одни щипали корпію, а послѣ мира занимались домашними рукодѣліями или прохладжались чаемъ, другіе ѣли десертъ, читали вслухъ выходившія тогда и возбуждавшія къ себѣ огромный интересъ литературныя произведенія Гончарова, Тургенева, Даля, Некрасова, который быстро вошелъ въ моду. Зачитывались «Забытой деревней» и въ то же время распѣвали «Тройку». Подъ «Забытой деревней» понимали Россію, въ старомъ баринѣ видѣли Николая I, въ новомъ—Александра II. Ждали новыхъ вѣяній, реформъ, но объ нихъ мало было слышно. Николаевскіе порядки продолжали существовать, но они не горѣли, а тлѣли. Одна реформа была быстро осуществлена: перемѣна покроя всей форменной одежды, какъ

лицъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Въ обществѣ острили по этому вслухъ. Блаженной памяти III Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи не обращало вниманія на то, что всего какой-нибудь годъ тому назадъ было бы сочтено за оскорбленіе величества и повлекло бы за собою по меньшей мѣрѣ непріятную встрѣчу съ Тимашевымъ.

Первые годы въ Петербургѣ:

У царя у нашего,
Вѣрныхъ слугъ довольно,
Вотъ хоть у Тимашева
Высѣкутъ пребольно;
Влѣпятъ въ наказанье
Такъ ударовъ со ста,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпного моста.

Москва замѣчаетъ:

У царя у нашего все такъ политично,
Что и безъ Тимашева высѣкутъ отлично,
И къ чему тутъ зданіе у Цѣпного моста?
Выидеть приказаніе, выдеруть и просто ¹⁾.

Боязнъ предстать предъ очи «добраго слуги царскаго» пропала, и старъ и младъ съ удовольствіемъ повторялъ чью-то остроту, довольно-таки невысокаго качества: Александръ Первый — Благословенный, Николай Первый — Незабвенный, а Александръ Второй — военный портной.

Перемѣна формы была произведена съ такимъ радикализмомъ, съ какимъ она на гниломъ западѣ совершиться до сего времени еще не успѣла. Мундиры фраками, которые носили всѣ военные отъ генерала до солдата, отъ министра до пачпортиста въ кварталѣ, отъ студента до гимназиста, были замѣнены казакинами, приблизительно того образца, который существуетъ и нынѣ, и который былъ въ прежнее время только у казаковъ. Головные уборы, какъ напр., кивера, совсѣмъ исчезли, каски были даны даже чиновникамъ военного вѣдомства и студентамъ-медикамъ, послѣднимъ съ надписью М. Х. А., что давало поводъ въ публикѣ остричь надъ ними, называя ихъ съ мухой и еще иначе. Полиціи даны были каски, съ тупыми шишками безъ пламени, такія, какія ранѣе были присвоены деньщикамъ и кандидатамъ, записаннымъ въ пажы. Каски у пажей сохранились и по нынѣ. Генераламъ были даны красные штаны и султаны изъ разноцѣтныхъ пѣтушьихъ перьевъ, гражданскимъ генераламъ бѣлые панталоны. Въмѣсто длинныхъ шинелей были введены пальто, нынѣшняго образца. Высокія

¹⁾ («Рус. Архивъ», 1911 г. № 10, стр. 314). Тимашевъ въ 1856 г. быть назначенъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III отд. собств. Е. В. канцеляріи. *Ред.*

треуголки и другіе головные уборы у военныхъ вышли изъ употребленія. Наконецъ, вмѣсто касокъ были введены кепи французскаго образца, столь неидущія къ русскому лицу и неподходящія къ нашему климату. Тогда же были введены и башлыки. Русскій военный человѣкъ сталъ на видъ неузнаваемъ. Кромѣ того, мало-по-малу, стали исчезать образцы стараго, опытомъ дознаннаго никуда негоднымъ, оружія, въ родѣ тесаковъ, а также такіе доспѣхи, какъ шарфы, нагрудники и пр.

Въ августѣ 1856 г. отецъ былъ командированъ въ Москву по случаю коронаціи и взялъ меня съ собою. Это было первое мое большое путешествіе. Ранѣе по желѣзной дорогѣ дальше Павловска ѣздить не приходилось. Новостью было то, что въ поѣздахъ разрѣшили курить, но только въ особыхъ курительныхъ вагонахъ, которые были ради предохраненія отъ пожара обиты кожей. Ъхали мы съ почтовымъ поѣздомъ, считавшимся тогда лучшимъ и уходившимъ, какъ и теперь, изъ Петербурга въ три часа. Всѣ поѣзда выходили изъ Петербурга и Москвы въ одинъ и тотъ же часъ и встрѣчались въ Бологомѣ. Поѣзда останавливались на всѣхъ станціяхъ, которыхъ было значительно меньше, чѣмъ нынѣ, время стоянки было 3, 5, 8, 10 м., четверть часа и полчаса, что въ общемъ на однѣ стоянки заставляло терять нѣсколько часовъ. Пассажирамъ выдавались длинные бумажные билеты, цвѣта соответствующаго классу. На каждомъ билетѣ были столбцомъ пропечатаны всѣ станціи, и оберъ кондукторъ днемъ и ночью долженъ былъ проходить по вагонамъ, осматривать послѣ прохода каждой станціи билеты и отрывать отъ нихъ названіе проѣханной станціи. Николаевская жел. дор. первая ввела у себя проходъ посреди нѣ вагона, чтобъ кондуктора могли проходить внутри поѣзда. На Царской жел. дор. вагоны состояли изъ нѣсколькихъ купе, входъ въ купе былъ прямо съ боку, такъ что кондукторамъ приходилось переходить отъ одного купе къ другому по особой половицѣ, находившейся снаружи съ обѣихъ сторонъ вагона, цѣпляясь за особыя ручки, этими же половицами пользовались съ успѣхомъ желѣзнодорожные воры и грабители. Такіе вагоны были введены въ послѣдствіи и на другихъ дорогахъ, напр., на Варшавской. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они ходили еще отъ Варшавы до границы. Главнымъ ихъ неудобствомъ было отсутствіе уборныхъ. Кому нужно было отдать долгъ природѣ, тотъ долженъ былъ выходить на станціяхъ и строго сообразоваться съ временемъ, назначеннымъ для стоянки. О comfortѣ пассажировъ не заботились, вся задача эксплуатаціи сводилась къ тому, чтобъ съ наименьшимъ числомъ вагоновъ перевезти наибольшее число людей. Вагоны были устроены такъ, что въ нихъ приходилось спать не иначе, какъ сидя и скорчившись въ три погибели.

Въ Москвѣ для отца и прибывшаго съ нимъ штата чиновниковъ и писарей былъ нанятъ домъ на Тверской. На дворѣ во флигелѣ помѣщался тогдашній увеселитель и воздухоплаватель Бергъ, ремонтировались и дѣлались воздушные шары, которые должны были пускаться во время коронаціонныхъ празднествъ. Полеты совершали старшіе сыновья Берга, Фридрихъ и Карлъ, неустрашимые воздухоплаватели. Они равно, какъ и ихъ отецъ, совершили большое число полетовъ и, притомъ, вполне благополучно, хотя отличались рѣдкою неустрашимостью. Не будучи акробатами по профессіи, они тѣмъ не менѣе въ качествѣ любителей акробатическаго искусства выдѣлывали сложныя акробатическія упражненія на трапеціи, привязанной къ шару. Кромѣ того они прекрасно танцевали, были замѣчательные пантомимисты и съ большимъ искусствомъ исполняли въ балаганѣ отца роль арлекина. Для этой роли требовались два исполнителя, походившихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Старикъ Бергъ отличался предприимчивостью. Балаганное дѣло у него было поставлено образцово, и онъ не скупился на затраты. Кромѣ сыновей, исполнявшихъ, какъ я уже упоминалъ, роль арлекина, у него имѣлась всегда миловидная г-жа Бергъ, не безъ грацій изображавшая Коломбину.

Исполнители прочихъ главныхъ ролей — Пьеро, Кассандра и др. — содержались на годовомъ жалованіи, равно какъ и талантливые декораторы Акерманъ и капельмейстеръ Жоржъ, съ большимъ искусствомъ справлявшійся съ оркестромъ, собраннымъ съ бору и сосенки и состоявшемъ преимущественно изъ пьяницъ. Музыканты сидѣли въ оркестрѣ въ шубахъ, но артистамъ на сценѣ приходилось работать въ легкихъ костюмахъ, въ одномъ трико, съ часу дня до поздняго вечера, на морозѣ, часто доходившемъ до 20 градусовъ. Машины и разныя приспособленія отличались поразительной простотой, что не мѣшало имъ работать быстро, чѣмъ въ тогдашнихъ театрахъ. Весьма сложныя, зачастую остроумныя, превращенія дѣлались чисто и ловко, декорации мѣнялись моментально, картины слѣдовали одна за другой безъ антрактовъ. Огромныя занавѣси опускались и подымались съ быстротой, неподдающейся описанію. Когда нужно было поднять занавѣсъ, нѣсколько плотниковъ, стоявшихъ на особой подѣ крышей балагана площадкѣ, хватались за канатъ, подымавшій занавѣсъ, и соскакивали съ площадки, увлекаемая своею тяжестью канатъ внизъ. Сценаріумъ пантомимы составлялся опытнымъ балетмейстеромъ, ѣздившимъ для того за границу изучать новыя трюки. Отдѣльныя сцены заимствовались изъ мотивовъ старой итальянской комедіи. Зрительный залъ въ балаганѣ строился

террасою, каждая ступень которой составляла особый разрядъ мѣстъ и заключала въ себѣ нѣсколько рядовъ скамеекъ; на ступени, ближайшей къ сценѣ, разставлены были кресла. Кресло стоило 1 руб. Далѣе слѣдовало 1-е мѣсто въ 60 коп., 2-е въ 40 коп., 3-е въ 20 коп. Дѣти и нижніе чины платили половину. Публика впускалась въ каждый разрядъ мѣстъ и выпускалась оттуда отдѣльными входами и выходами, имѣвшимися по обѣимъ сторонамъ балагана. Въ послѣднее мѣсто входъ былъ устроенъ у задней стѣны. Онъ представлялъ огромныя раздвижныя ворота, къ которымъ снаружи вела широкая лѣстница, задолго до начала представленія заполнявшаяся народомъ, остановившимся на ея ступенькѣ. Когда театръ освобождался отъ публики, присутствовавшей на предшествовавшемъ представленіи, и въ высшихъ мѣстахъ помѣщалась вновь впущенная публика, ворота въ задней стѣнѣ балагана раздвигались, и ожидавшая за ними публика стремглавъ заполняла мѣста, подобно прорвавшейся плотину водѣ, и вперегонку стремилась скорѣй занять мѣсто на переднихъ скамьяхъ. Это было красивое и забавное зрѣлище.

По плану своего балагана Бергъ потомъ строилъ и свои театры. Такимъ и былъ первоначально выстроенъ имъ нынѣшній Крестовскій театръ, передѣланный на нынѣшній ладъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Театръ Берга требовалъ большихъ силъ для контроля публики, но зато былъ безопасенъ въ пожарномъ отношеніи. Ежедневно вечеромъ, какъ только зажигалась иллюминація, отецъ въ экипажѣ отправлялся въ Кремль съ докладомъ къ дежурному генералу (такъ назывался тогда начальникъ главнаго штаба) Катенину и бралъ меня съ собою. Ъхали мы туда по улицамъ, иллюминированнымъ съ невиданной послѣ того роскошью. Нынѣшнія иллюминаціи, газовыя и электрическія, не даютъ никакого представленія о томъ, что было тогда. Иллюминировался весь городъ, а не одна какая-либо его часть. Въмѣсто крайне однообразныхъ, наводящихъ тоску электрическихъ лампочекъ и меркнувшихъ отъ вѣтра газовыхъ звѣздъ и вензелей, всюду горѣли разноцвѣтные, веселящія глазъ фонарики, шкалики и плоски. Дома иллюминировались во весь фасадъ, иллюминировались внутри и снаружи. Внутри ставились въ окнахъ огромныя старательно разрисованныя транспаранты, пирамиды изъ свѣчей и пр. Одинъ домъ не походилъ на другой. Каждый домовладѣлецъ выбивался изъ силъ, чтобъ перещеголять другихъ. По улицамъ двигались огромныя толпы народа, веселаго, оживленнаго, празднично настроеннаго. Медленно двумя рядами ѣхали экипажи. Обязанности конныхъ жандармовъ несли казаки. Благодаря ихъ бдительности и нагайкамъ, порядокъ всюду былъ образцовый. Публика

не роптала, а только почесывалась, сила привычки къ побоямъ и тутъ сказывалась. Царская фамилія, громко привѣтствуемая народомъ, свободно разъѣзжала по городу и въ свою очередь любовалась иллюминаціей.

Придворныя празднества чередовались съ празднествами для народа. Грандіозное гулянье было устроено на Ходынскомъ полѣ. Тамъ били фонтаны изъ водки, были разставлены зажаренные быки, бараны, свиньи. Отъ фонтановъ съ водкой многіе любители сивухи не могли оторваться и заплатились за это жизнью. Дворъ и зажиточные классы смотрѣли на гулянье изъ особыхъ трибунъ. Гулянье, однако, не удалось. Пошелъ сильный дождь, который разогналъ гуляющихъ. За то прочія торжества удались на славу, чему не мало благопріятствовала прекрасная погода. Во время торжественнаго въѣзда всѣ окна въ домахъ по пути были раскрыты, нынѣ это ужъ не разрѣшается, и переполнены нарядными зрителями и зрительницами.

Въ Москвѣ мнѣ впервые пришлось познакомиться со многими двоюродными братьями и юными дядюшками, родителей которыхъ я зналъ по ихъ наѣздамъ въ Петербургъ. Все это была родня матери. Съ помощью ея родныхъ сестрицъ можно было со всей Европой породниться. Родоначальникомъ фамиліи Карновичей почитается пресловутый любимецъ и камердинеръ Петра III¹⁾. Объ немъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Екатерина²⁾. Петръ очень любилъ и жаловалъ своего камердинера, наградилъ его многочисленными помѣстьями и даже хотѣлъ возвести въ графское достоин-

¹⁾ Степ. Ефим. Карновичъ (1707—1788), камердинеръ Петра Ѳедоровича, по происхожденію небогатый малороссійскій помѣщикъ, былъ назначенъ при вступленіи на престолъ Петра III оберъ-гофъ-камеръ интендантомъ, 3 янв. 1762 г. сдѣланъ полковникомъ стародубскаго полка съ чиномъ дѣйствительнаго бригадира; 13 марта 1762 г. императоръ пожаловалъ ему «за его вѣрныя и усердныя къ намъ услуги» дворцовое село Холмъ Агарево съ 849 душами крестьянъ муж. пола въ вѣчное и потомственное владѣніе; 22 нояб. 1761 г., еще будучи вел. княземъ, Петръ Ѳедор. пожаловалъ ему грамоту на званіе шлезвигъ-голштинскаго графа, но ни самъ Карновичъ, ни потомки его не пользовались этимъ титуломъ. П. Барановъ. «Опись высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящ. въ Спб. Сенатскомъ Архивѣ», Спб. 1878 г. т. III, см. Указатель; Имен. указы въ Архивѣ Сената, кн. 96, л. 135. По словамъ его потомка, Е. П. Карновича, ему были даны въ Малороссіи, ранговыя помѣстія (345 крестьянскихъ дворовъ), а къ предстоявшей коронаціи императора была назначена къ пожалованію обширная Норская волость, въ Ярославской губ. Е. Карновичъ. «О помѣст. богатства частныхъ лицъ въ Россіи». Спб. 1874 г., стр. 293—294. Ред.

²⁾ По словамъ Екатерины II, «великій князь» (ея мужъ, будущій имп. Петръ III) большую часть времени проводилъ въ своей комнатѣ, гдѣ его лакей, малороссъ по фамиліи Карновичъ, глупый пьяшипа, изо всѣхъ силъ старался забавлять его, принося ему игрушки, вина и крѣпкіе ликеры потихоньку отъ камергера Чоглокова, «Сочиненія имп. Екатерины II. Изд. Академіи Наукъ», т. XII, Спб. 1907 г., стр. 32. Ред.

ство, но не успѣлъ: «братцы Орловы помѣшали». Бабушка была урожденная Горяинова, принадлежала къ древней дворянской фамиліи и имѣла богатую и знатную родню. Одна изъ ея сестеръ была замужемъ за Муравьевымъ (Карскимъ), другая за Опочининымъ, а черезъ него въ свойствѣ съ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Въ числѣ близкихъ родственниковъ матери были богатые нѣкогда помѣщики Бестужевы, Арсеньевы, Квашнины-Самарины, Волоцкіе и пр.

Въ молодости отецъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторѣ. У него тамъ было не мало друзей молодости. Его часто приглашали на обѣды, и онъ всюду бралъ меня съ собою. Иногда мнѣ приходилось проводить цѣлые дни у близкихъ родственниковъ. Въ Москвѣ въ это время жилъ старшій братъ моей матери, Валерьянъ Гавриловичъ Карновичъ, занимавшій тогда скромный постъ смотрителя московской Шереметьевской больницы. Его жена, Ольга Васильевна, урожденная Мессарошъ, славилась на всю Москву свей красотой. Въ Москвѣ дядя подружился съ А. А. Зеленымъ, бывшимъ тогда незамѣтнымъ еще офицеромъ. Когда Зеленый былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, онъ взялъ дядю къ себѣ въ министерство и старался создать ему блестящую карьеру, но тщетно. Дядюшка къ отвѣтственной государственной службѣ способностей не обнаружилъ и до конца жизни слово счетъ писалъ черезъ щ. Младшая его дочь Ольга была за мужемъ сперва за извѣстнымъ Пистолькорсомъ, а теперь носить пожалованный ей титулъ графини Гогенфельзенъ. Послѣдніе лѣтъ шесть имя ея не сходило со страницъ петербургской и парижской свѣтской хроники. Объ ней упоминается во множествѣ рукописныхъ стихотвореній предосвободительнаго періода.

Другой весьма замѣтной для меня фигурой въ Москвѣ былъ мужъ родной сестры моей матери И. Я. Лихачевъ. Потомокъ старинной дворянской фамиліи, бывшій конногвардейскій офицеръ, онъ уже отъ родителей получилъ хорошее состояніе. Состояніе это онъ значительно приумножилъ откупамъ и строгимъ управленіемъ своими многочисленными вотчинами и благопріобрѣтенными деревнями. Онъ оставилъ послѣ себя 13 мил. Старшій его сынъ, Яковъ Ивановичъ, пользовался въ 70-хъ и 80-хъ г.г. въ Петербургѣ большою, благодаря своему добродушію, эксцентричности, богатству, а главное толщинѣ, популярностью. Умеръ онъ сравнительно молодымъ человѣкомъ. Вѣсъ его тѣла достигъ 12 пуд. съ фунтами, при среднемъ ростѣ.

Были у отца знакомства и въ коммерческомъ міру. Въ это время въ Москвѣ по богатству, предприимчивости, просвѣщенности

среди мѣстнаго купечества выдѣлялись братья Иванъ Федоровичъ и Николай Федоровичъ Мамонтовы. На дочери Ивана Федоровича, родной сестрѣ извѣстнаго Саввы Ивановича и нынѣ благополучно здравствующаго, былъ женатъ родной братъ моей матери Денисъ Гавриловичъ Карновичъ, бывшій въ то время адъютантомъ при дежурномъ генералѣ. Онъ былъ очень красивъ собою и я, какъ теперь, помню его одѣтымъ въ форму, только что учрежденнаго тогда Николаемъ, Стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи. На немъ эту форму, первую русскаго покроя, пригоняли и выдумывали. Обстановка и домашній обиходъ у Мамонтовыхъ были чисто барскіе. У нихъ мнѣ приходилось не разъ видѣть входившаго тогда въ славу Кокорева.

Въ первыхъ числахъ сентября мы вернулись въ Петербургъ. Какъ чиновникъ, отецъ долженъ былъ быть очень доволенъ. Награды сыпались на него, какъ изъ рога изобилія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ получилъ два ордена и чинъ, былъ утвержденъ въ должности начальника отдѣленія. По возвращеніи въ Петербургъ произошла смѣна начальства. Благоволившаго къ отцу Катенина смѣнилъ Герштенцвейгъ. Дѣдъ не поладилъ съ самаго начала съ новымъ военнымъ министромъ Сухозанетомъ. Кромѣ того, незадолго до коронаціи государя остановили студенты (казеннокоштные) и принесли жалобу на установившіеся въ Академіи порядки, по хозяйственной части которой совершенно самостоятельно вѣдалъ Вице-Президентъ Константинъ Ивановичъ Бальбіани. Государь остался очень недоволенъ. Студентовъ наказали, но и дѣду пришлось просить объ увольненіи отъ должностей директора медицинскаго департамента и президента академіи. Отставка была принята, и дѣдъ остался непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта, при чемъ ему было сохранено все получавшееся по должности директора содержаніе.

Назначеніе Сухозанета военнымъ министромъ произвело сильную сенсацію въ обществѣ. Сухозанетъ былъ извѣстенъ своей глупостію, хамствомъ, прямолинейностію. Какъ только его назначили министромъ, онъ тотчасъ же издалъ приказъ, чтобъ при проходѣ его по департаментамъ чиновники вставали и кричали: «Ура! Императоръ Александръ второй и его министръ Сухозанетъ». Безграмотность Сухозанета была поразительна. У дѣда хранилась резолюція Сухозанета на докладѣ дѣла о составленной Брискорномъ, взявшимся не за свое дѣло, исторіи госпиталей. Резолюція эта гласитъ: «Сумлеваюсь штопъ Брискорнъ могъ такъ обболванить гишторію опъ гопфишталяхъ». Сухозанетъ терпѣть не могъ, чтобъ ему указывали на его грамматическія

ошибки. Одному адъютанту, осмѣлившемуся замѣтить, что дѣло пишется не черезъ «е», а черезъ «ѣ», онъ отвѣтилъ: А гапвахта, знаешь, какъ пишется?»

У Сухозанета былъ братъ артиллерійскій генералъ съ одной ногой, знаменитый картежникъ. Когда его хоронили, то рассказывали, что шествіе съ его тѣломъ изображало колоду картъ: сперва шли кресты (попы), потомъ пики (казаки), потомъ бубны (кирасиры съ литаврами), наконецъ, самъ съ червями. Какъ начальникъ, онъ былъ въ свое время знаменитый звѣрь. Но славу онъ себѣ обрѣлъ не на военномъ, а на зеленомъ полѣ. Про его шуллерскія продѣлки въ карты ходило много анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Играя въ преферансъ, онъ закупился и долженъ былъ играть десять пикъ. Проигрышъ его долженъ былъ сказаться въ очень крупной суммѣ. Тогда онъ объявилъ игру въ трефахъ въ расчетъ на глупость своихъ партнеровъ. У одного изъ нихъ оказались валетъ самъ четверть козырей, у другого дама и король козырей. Конечно оба пошли вистъ. Ходъ не Сухозанета. Вистующій выходитъ съ короля козырей. Сухозанетъ бросаетъ пиковку. Вистующіе говорятъ: «Генералъ, вы сдѣлали ренонсъ». Сухозанетъ отвѣчаетъ: «Никогда въ жизни ренонсовъ не дѣлалъ и дѣлать ихъ не могу». Начинается споръ и за нимъ слѣдуетъ пари, на сумму, съ избыткомъ покрывающую проигрышъ на 10 трефахъ. Сухозанетъ открываетъ карты: у него нѣтъ трефъ, туза и маленькую козырей онъ снесъ. Удивительно, что подобное шуллерство, имѣвшее мѣсто въ англійскомъ клубѣ, не только не осуждалось, но въ немъ усматривали даже признаки геніальности.

Уходъ дѣда съ виднаго и вліятельнаго поста не замедлилъ отразиться и на службѣ отца. У него пошли нелады съ преемникомъ Катенина Герштенцвейгомъ. Отецъ себѣ наступать на ногу никому не позволялъ и при первой безтактности Герштенцвейга подалъ въ отставку. Отставка не была принята подъ предлогомъ, что отца въ данный моментъ не было кѣмъ замѣнить. Отецъ на этомъ не успокоился и заявилъ, что по болѣзни работать не можетъ. За это его по Высочайшему повелѣнію посадили на двѣ недѣли на гауптвахту. Сидѣлъ онъ на гауптвахтѣ при Государственномъ Банкѣ. Тамъ у него ежедневно собиралось большое общество, и время проводилось весело. Послѣ этого отецъ перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію.

До поѣздки въ Москву меня учили слегка, играючи, и я незамѣтно для себя выучился читать. По возвращеніи изъ Москвы меня рѣшено было отдать куда-либо въ школу. Такъ какъ мнѣ было всего 8 лѣтъ, то объ опредѣленіи въ казенное учебное за-

веденіе, куда открывался доступъ съ 10 только лѣтъ, думать было преждевременно. По совѣту кого-то изъ знакомыхъ меня опредѣлили въ частную школу, содержимую двумя старыми дѣвами, вынужденными, вслѣдствіе кончины родителя, снискивать уроками пропитаніе. Отзывы объ этихъ дѣвицахъ были самые лестные. И, дѣйствительно, онѣ были добры, безкорыстны, не обижали своихъ учениковъ, кормили ихъ прекрасными завтраками, но съ педагогикой общаго не имѣли, и всѣ, кто у нихъ учились, пользы отъ ученія выносили мало. Лично я расположенія къ ученію не обнаруживалъ, и годъ пребыванія въ этой школѣ никакой мнѣ пользы не принесъ. Помѣщалась она гдѣ-то во дворѣ обширнаго каменнаго дома, у Пѣвческаго моста, въ четвертомъ этажѣ. Подниматься въ нее приходилось по грязной черной лѣстницѣ, пропитанной зловоніемъ, исходящимъ отъ «удобствъ» примитивнаго устройства, расположенныхъ въ каждомъ поворотѣ лѣстницы. Квартира состояла изъ кухни, коридора и трехъ крошечныхъ комнатъ, съ окнами во дворъ: гостиной, спальней, содержательницъ и столовой, она же классная. Проходить въ нее надо было черезъ кухню, служившую въ то же время и передней. Въ небольшой классной комнатѣ, въ одно окно, загроможденной шкапами и буфетомъ, за длиннымъ, узкимъ обѣденнымъ столомъ, на высокихъ, крайне неудобныхъ скамейкахъ сидѣли двѣ наставницы и около двадцати учениковъ, въ возрастѣ отъ семи до 11 лѣтъ. Наставницы занимались съ каждымъ ученикомъ порознь. Пока занимались съ однимъ, остальные рѣшали задачи, списывали съ книгъ, упражнялись въ чистописаніи, а то и просто пребывали въ праздности. Уроки начинались въ 9 час. утра и кончались въ два. Въ половинѣ двѣнадцатаго давался завтракъ изъ молока, чаю съ очень вкусными тартинками. Въ продолженіе урока ученики вынуждены были сидѣть за неудобнымъ столомъ, въ комнатѣ со спертымъ воздухомъ. Можно только удивляться, что въ такихъ неподходящихъ помѣщеніяхъ дозволялось открывать школы.

Пріемы преподаванія были примитивныя. Наставницы, по-видимому, сами не вполне хорошо были знакомы съ предметами, которые преподавали. Задачи сплошь и рядомъ оставались нерѣшенными, хотя въ употреблявшемся тогда задачникѣ Буссе въ отвѣтахъ и приводились объясненія нѣкоторыхъ, особенно трудныхъ типичныхъ задачъ. Наставницы сами рѣшать этихъ задачъ не могли. Не умѣя ничего объяснить, онѣ старались заставить своихъ учениковъ выучить наизусть учебникъ, но дѣлали это такъ неумѣло, что, вмѣсто развитія памяти, являлось одно лишь отвращеніе къ тѣмъ предметамъ, которые заставляли

зубрить. Усердіе наставницъ въ этомъ направленіи было безгранично. Я не хотѣлъ никакъ выучить первой главы начатковъ Закона Божьяго—«О сотвореніи міра», гдѣ говорится «Богъ есть Духъ и пр.». Чтобъ заставить выучить, меня уводили ежедневно на цѣлый часъ въ спальню и тамъ учили, какъ снигиря. Въ результатѣ я, конечно, выучилъ, противъ воли, но спавшаго во мнѣ религіознаго чувства такой способъ ученія не разбудилъ.

Лѣто 1857 г. мои родители провели на дачѣ въ Павловскѣ. Въ это время Павловскъ былъ въ большомъ фаворѣ. Тамъ игралъ оркестръ Штрауса. Въ молодости Штраусъ пользовался репутаціей рѣдкаго красавца, и обожаніе къ нему дачницъ изъ числа старыхъ дѣвъ и неутѣшныхъ вдовъ доходило до геркулесовыхъ столбовъ. Штраусъ, буквально, не зналъ куда дѣваться отъ своихъ поклонницъ. Несмотря на свое неподражаемое искусство дирижировать оркестромъ, на чарующій характеръ своихъ вальсовъ и полекъ, неутратившихъ прелести и понынѣ, Штраусъ на многихъ своимъ кривляньемъ (дирижируя подплясывалъ) производилъ непріятное впечатлѣніе. Кромѣ того самый характеръ его музыки осуждался многими музыкальными критиками, и побѣда въ, концѣ-концовъ, осталась на сторонѣ послѣднихъ. Въ 60 гг. оркестръ Штрауса пришлось замѣнить болѣе серьезной музыкой.

Изъ числа знакомыхъ отца въ Павловскѣ помню хорошо жившихъ тамъ же на дачѣ Федора Ивановича Кони и его жену Ирину Семеновну. Ихъ сынъ Анатолій былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ, а младшій, Евгенийъ, приходился мнѣ почти ровесникомъ. Съ Евгениемъ мы были большіе пріятели. Про старика Кони любили острить: «Кони высшее украшеніе Александровскаго театра». Это былъ небольшого роста старичекъ, въ рыженькомъ парикѣ, бритый, въ золотыхъ очкахъ, вносившій, куда ни появлялся, смѣхъ и оживленіе, отличавшійся обходительностью. Оцѣнить его достоинства я тогда не могъ, хотя нѣкоторые его рассказы, остроты и стихотворенія казались и мнѣ интересными. Впослѣдствіи, въ возрастѣ, я не безъ интереса ознакомился съ его литературными произведеніями, въ особенности съ тѣми, что были написаны для театра. Отецъ очень его уважалъ, а мать долгое время дружила съ его женой Ириной Семеновной, пользовавшейся репутаціей женщины рѣдкаго ума.

Сыновья Ф. И. Кони воспитывались въ это время въ Анненской школѣ. Отецъ Кони этой школой былъ чрезвычайно доволенъ, всячески ее хвалилъ и совѣтывалъ отдать и меня туда же, тѣмъ болѣе, что имѣлся приготовительный классъ, въ который

я могъ поступить и по возрасту и по познаніямъ. Его сынъ Анатолій былъ тогда во второмъ классѣ, соотвѣтствовавшемъ нашему 6-му.

Кони удалось убѣдить помѣстить меня туда же, хотя моя мать этого сильно не желала: ей кто-то объяснилъ, что въ «Анненшуле» воспитываются исключительно дѣти петербургскихъ булочниковъ, сапожниковъ и пр. ремесленниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Въ Анненскую школу я поступилъ въ сентябрѣ 1857 г., когда занятія были уже начаты, и школьная жизнь вошла въ свою колею. Какъ теперь помню, первый день, проведенный мною въ этой школѣ. Часамъ къ 9 утра отецъ повелъ меня на экзаменъ. Я читалъ бойко по-русски, справлялся кое-какъ съ дѣйствіями надъ цѣлыми отвлеченными числами. Былъ ли мнѣ экзаменъ по языкамъ и закону Божьему, не помню. Вѣроятно, не былъ, такъ какъ нѣмецкому языку я ранѣе совсѣмъ не обучался, а по закону Божию могъ прочитатъ только Отче Нашъ да Богородицу, которымъ выучился отъ нянекъ. Въ урокахъ священной исторіи дальше первой главы я не пошелъ и ознакомиться съ содержаніемъ остальной части учебника не озаботился. Съ жизнью Христа я, впрочемъ, былъ ознакомленъ по разсказамъ изъ священной исторіи Зонтагъ, въ которой меня привлекали картинки.

Анненская школа въ это время помѣщалась на Кирочной, въ церковномъ домѣ, который ближе къ Литейной. Входъ былъ съ Кирочной, общій для мальчиковъ и дѣвочекъ. Мальчики имѣли классы въ нижнемъ этажѣ, дѣвочки—въ верхнемъ. Въ 3-мъ этажѣ были, если не ошибаюсь, квартиры директора и воспитателей, а также актовая зала. Входъ въ школу былъ крайне тѣсный. По обѣ стороны вестибюля, съ лѣстницей въ верхній этажъ, шель темный, узкій коридоръ съ классами. Лѣвый отъ входа коридоръ упирался въ небольшую канцелярію. Въ немъ были расположены старшіе классы. При входѣ въ правый коридоръ, гдѣ помѣщались младшіе классы, находилась маленькая, очень узкая, въ одно окно, комнатка, служившая въ одно и то же время раздѣвальной и мѣстомъ, гдѣ производились наказанія розгами. Въ эту комнату ученики часто заходили доставать что-либо изъ висѣвшаго тамъ верхняго своего платья, при чемъ сплошь и рядомъ натыкались на производившуюся тамъ порку. Она производилась въ двухъ видахъ: «по штанамъ» (auf die Hosen) и безъ штановъ (ohne Hosen). По штанамъ могъ наказывать кого угодно и сколько угодно каждый классный наставникъ. Порка же со спущенными штанами производилось только по распоряженію директора, что бывало сравнительно рѣдко и производилось

со всей церемоніей. Первый способъ задавался ради страха и съ истязаніемъ ничего общаго не имѣлъ. Наказаніе по голому тѣлу было форменное истязаніе, практиковавшееся въ то время безъ зазрѣнія совѣсти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Классные наставники, въ большую переѣну, на которую давалось два часа, такъ какъ классы производились отъ 9 до 12 и отъ 2 до 4, отбирали въ каждомъ младшемъ классѣ человѣкъ пять—шесть провинившихся паціентовъ и вели ихъ въ раздѣвальню на экзекуцію. Тамъ къ этому времени ставился посрединѣ табуретъ, и сторожъ вооружался длиннымъ и гибкимъ пучкомъ розогъ, запасъ которыхъ имѣлся тутъ же въ стоявшемъ у стѣны ларѣ, служившемъ для сторожа диваномъ и постелью... Паціенту предлагалось лечь животомъ на табуретъ, руки должны были подкладываться подъ грудь, а ноги оставаться спущенными. Благодаря такому положенію, назв. въ медицинѣ *a la vache*, обреченная на удары часть тѣла принимала удобное для нанесенія ударовъ положеніе. Большинство мальчиковъ носили тогда куртки и только рѣдкіе ходили въ платьѣ съ фалдами. Если фалды имѣлись, то сѣкуторъ предварительно ихъ тщательно раздвигалъ и заворачивалъ. Всякія мольбы о прощеніи были бесполезны и тотчасъ же прекращались въ виду угрозы пригласить директора и познакомиться съ прелестями порки безъ штановъ, по голому задѣ. Такая же угроза раздавалась при попыткѣ защитить наказуемую часть руками и вскочить съ табурета. Когда положеніе соответствовало требованіямъ, сѣкуторъ замахивался и съ силой наносилъ ударъ. Въ общемъ число ударовъ рѣдко было больше 10. У кого были толстые панталоны, тотъ могъ переносить ихъ терпѣливо, но тѣмъ, кого водили на русскомъ костюмѣ, кумачныхъ и ситцевыхъ панталонахъ, приходилось очень чувствительно. Дѣти въ такихъ панталонахъ сильно кричали, ежились, соскакивали съ табуретки, но угроза пригласить директора, снова заставляла ихъ принять *position a la vache* и со слезами на глазахъ дополучить положенное число ударовъ. Въ общемъ наказаніе переносилось сравнительно легко и въ истязаніе не переходило. Оно нисколько не считалось унижительнымъ, ибо было обычнымъ явленіемъ, и никто отъ полученія его гарантированъ не былъ.

Наказаніе въ присутствіи директора было жестокое наказаніе розгами, настоящее истязаніе. Наказуемаго растягивали на скамейкѣ, которая ставилась посрединѣ той же раздѣвальной. Два служителя крѣпко держали за ноги и за руки, а третій наносилъ то по одной, то по другой сторонѣ сильные удары, число которыхъ часто превышало ту норму, которая была установлена «человѣколюбивыми законами», для взрослыхъ. Мнѣ

разъ пришлось случайно присутствовать при экзекуціи, и она навсегда осталась у меня въ памяти и долго послѣ того мнѣ снилась, и я въ ужасѣ просыпался, обдаваемый холоднымъ потомъ. Дѣло было такъ: я опоздалъ въ классъ и вошелъ въ раздѣвальню, когда занятія въ классахъ были уже начаты. Только что я успѣлъ снять съ себя пальто, какъ въ раздѣвальню вошли директоръ Видеманъ, инспекторъ, воспитатель, служителя и съ ними мальчикъ 14 или 15 лѣтъ, высокій ростомъ, мускулистый. Онъ плакалъ и что-то старался объяснить Видеману по-нѣмецки. Видеманъ былъ сильно разгнѣванъ и строго-престрого выговаривалъ что-то юношѣ по-нѣмецки. Я хотѣлъ воспользо-ваться тѣмъ, что меня не замѣтили и улизнуть изъ раздѣвальной, но былъ остановленъ властнымъ жестомъ грознаго директора и потокомъ какихъ-то ругательствъ на нѣмецкомъ языкѣ. Я понималъ, что мнѣ нельзя уходить и сталъ къ стѣнѣ. Тѣмъ временемъ скамейка была поставлена посреди раздѣвальной. Сѣкуторъ вынулъ изъ ларя нѣсколько пучковъ розгъ и встряхнулъ ихъ въ воздухѣ съ цѣлю убѣдиться въ ихъ гибкости и прочности вязки. Видеманъ снова сталъ кричать на приведеннаго юношу и тотъ подъ вліяніемъ жестовъ начальства и еще болѣе выразительныхъ словъ сталъ дрожащими руками разстегивать штаны. У него были чудные синіе глаза, они были полны слезами, казалось мое присутствіе было жестокимъ для него усиленіемъ наказанія. Я былъ девятилѣтній мальчикъ, онъ уже ученикъ (quint'a, по-нашему третьяго класса). Въ концѣ концовъ, онъ все-таки легъ на скамью и показалъ г. Директору ту часть тѣла, которую показывать считается неприличнымъ... Одинъ сторожъ схватилъ его за руки и другой за ноги, а экзекуторъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, взялъ изъ лѣвой руки въ правую пучекъ гибкихъ розгъ, замахнулъ ими въ воздухѣ и нанесъ первый ударъ. Наказываемый неистово закричалъ и сталъ молить о прощеніи. Но удары продолжали сыпаться одинъ за другимъ. Послѣ четырехъ или пяти ударовъ розги обломились, но были замѣнены новыми, тѣ въ свою очередь новыми и т. д. Тѣло наказываемаго судорожно вздрагивало и стало «подтекать кровью». Онъ не кричалъ, а какъ-то рычалъ, глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ. Какъ долго продолжалось истязаніе, я не могъ сообразить, ибо пришелъ въ состояніе какого-то оцѣпенѣнія, изъ котораго былъ выведенъ директоромъ, схватившимъ меня за вихоръ и принявшимъ меня распекалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Потомъ мнѣ уже объяснили, что это была распеканція за опозданіе съ разъясненіемъ, что непорядокъ можетъ довести меня до пагубы, что я могу пасть такъ же низко, какъ палъ только что наказанный юноша,

который не только былъ, какъ я видѣлъ, жестоко наказанъ розгами, но и подлежалъ еще исключенію изъ учебнаго заведенія. Оказалось, что тяжкая вина юноши заключалась въ томъ, что онъ углемъ въ ватеръ-клозетѣ нарисовалъ самаго г. Видемана въ видѣ чорта. Отпаливъ мнѣ нравоученіе, Видеманъ важно и со спокойною, надо полагать, совѣстью вышелъ изъ раздѣвальной. Тѣмъ временемъ наказанный быстро застегнулъ свои панталоны и вышелъ вслѣдъ за начальствомъ. По походкѣ было видно, что пострадавшая часть у него сильно еще болѣла, да и не мудрено: она была покрыта красными и синими полосами, изъ которыхъ сочилась кровь. Наказаніе было жестоко, объ этомъ могли свидѣтельствовать пять или шесть совершенно обломанныхъ пучковъ розогъ.

Это былъ первый разъ въ моей жизни, когда мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ наказаній розгами. 20 лѣтъ спустя я присутствовалъ въ Японіи при наказаніи японцевъ бамбуками и по совѣсти долженъ сказать, что наказаніе это, доходившее до 100 ударовъ, было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Анненской школѣ. Я проклялъ въ душѣ всѣхъ тѣхъ, кто способенъ истязать другихъ. Въ особенности мнѣ были противны плотоядная, скотская фізіономія Видемана и то гнусное выраженіе, которое она принимала во время экзекуціи. Надъ нами учились дѣвочки, ихъ тоже сбѣкли, и раздирающіе душу ихъ крики достигали нашего слуха.

Приготовительный классъ, въ который я поступилъ, помѣщался въ столовой комнатѣ. Мы были разсажены за обѣденными столами, что было крайне неудобно въ особенности для нашего возраста. Но образцовое начальство объ этомъ не думало и нисколько не тревожилось, что намъ приходилось сидѣть, не касаясь ногами пола и не имѣя спинки, на которую можно было бы опереться.

Что это была за школа въ учебномъ отношеніи я тогда, конечно, отчета себѣ дать не могъ. Учили насъ крайне безтолково. Уваровская система, о которой мнѣ не разъ придется говорить въ этихъ воспоминаніяхъ, неумѣло колебалась и замѣнялась тою беспорядочностью въ сообщеніи знаній, которая вскорѣ распространилась и на другія учебныя заведенія. Въ тѣ времена эту беспорядочность принимали за современную систему, считали чѣмъ-то образцовымъ и прогрессивнымъ, что и заставляло отдавать русскихъ дѣтей въ нѣмецкую школу.

Большую перемѣну обыкновенно мы проводили въ веселыхъ играхъ на школьномъ дворѣ, куда насъ выпускали одѣтыми, какъ кто хотѣлъ, независимо отъ погоды и температуры.

И надо признаться, что въ сущности это было хорошо, ибо закаляло организмъ. Мнѣ пришлось перебивать во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, и я не запомню смертныхъ среди товарищей случаевъ отъ дифтерита, скарлатины и пр. пакостей, получившихъ столь значительное въ послѣдствіи распространеніе.

По средамъ и субботамъ уроки оканчивались въ 12 часовъ дня. Въ остальные дни они продолжались еще съ 2-хъ до 4-хъ. Ученики, жившіе вблизи отъ школы, бѣгали домой завтракать или обѣдать, а оттуда скорѣй спѣшили въ школу, чтобы побѣгать до начала уроковъ по двору, поиграть въ лапту, городки, казаки-разбойники и прочія дѣтскія игры. Въ нашемъ приготовительномъ классѣ было три учителя. Классный наставникъ Гримманъ, преподававшій нѣмецкій языкъ, ариметику и руководившій такъ называвшимися «часами свободныхъ размышленій». Что это были за часы и въ чемъ заключались свободныя размышленія, я теперь не помню, помню лишь одно, что уроки Гриммана обыкновенно кончались уводомъ нѣсколькихъ учениковъ въ раздѣвальню за полученіемъ опредѣленной порціи «черезъ штаны». Кромѣ Гриммана были отдѣльные преподаватели для русскаго языка, нѣкій Вильдъ, и Закона Божія священникъ Доброславинъ. Впрочемъ, уроки закона Божія для насъ, православныхъ, по причинѣ нашей немногочисленности, давались въ другомъ помѣщеніи. Лютеранамъ законъ Божій преподавалъ сперва пасторъ Морицъ, вскорѣ утонувшій въ Невѣ при столкновеніи пароходовъ, совершавшихъ рейсы на острова. Хоронили Морица съ большой помпой и насъ посылали на всѣ панихиды. Какъ на особенность школы могу указать, что насъ на всѣ официальные молебны и панихиды водили въ лютеранскую церковь.

Какъ велось преподаваніе, я хорошо не помню. Помню лишь, что всѣ ученики разсаживались по баламъ. Во главѣ каждого стола сидѣли лучшіе ученики, носившіе титулъ банкъ-оберстовъ, т.-е. полковниковъ скамьи. За столомъ, гдѣ сидѣли худшіе ученики, на мѣстѣ банкъ-оберстовъ сидѣлъ наставникъ. Банкъ-оберсты слѣдили за порядкомъ и были при немъ чемъ-то въ родѣ адъютантовъ или посыльныхъ.

Классный журналъ состоялъ изъ множества графъ, въ которыя заносились балы и аттестаціи. Одна графа носила названіе Lob, другая—Tadel. Въ первую вносились всѣ хвалы, во вторую—порицанія. Избытокъ въ похвалахъ велъ къ періодическимъ перемѣщеніямъ съ одной скамьи на другую, а избытокъ въ порицаніяхъ, хотя и оплаченный уже соотвѣтствующимъ числомъ прогулокъ въ раздѣвальню—приглашеніемъ къ дирек-

тору, гдѣ приходилось спускать штаны и затѣмъ нѣсколько дней избѣгать излишнихъ движеній.

Лично я въ Анненской школѣ, за годъ въ ней пребыванія, ничему не научился. Вышелъ я изъ нея съ тѣми же познаніями, съ какими поступилъ. Я даже не сдѣлалъ успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ, господствовавшемъ въ школѣ. Неуспѣшность моя была констатирована на торжественномъ актѣ, имѣвшемъ мѣсто въ іюнѣ мѣсяцѣ. Публично мнѣ, десятилѣтнему ребенку, была прочитана нотація, и объявлено, что я оставленъ на второй годъ въ приготовительномъ классѣ. Нотація эта, надо полагать, была для меня очень позорна, я долженъ былъ стыдиться самаго себя и пр., но судьба была для меня еще довольно милостива—я ничего не понялъ изъ обращенной ко мнѣ рѣчи, и этимъ мое самолюбіе было противъ воли начальства пощажено.

Мои родители, въ концѣ-концовъ, остались очень недовольны и школой и ея порядками. Осенью рѣшено было перевести меня въ 3-ю С.-Петербургскую гимназію, гдѣ уже воспитывался мой старшій братъ Венцеславъ. Дѣдъ выбралъ для него 3-ю гимназію какъ классическую, съ двумя древними языками, хотя противъ этой гимназіи можно было сказать многое...

Дѣдъ и внуки.

Дѣдъ, какъ воспитатель собственныхъ внуковъ. — Баловство. — Первые гувернеры и наставники. — Брата помѣщаютъ въ пансіонъ Филиппова. — Въ 3-й СПб. гимназіи. — Вступительный экзаменъ. — Директоръ Ф. И. Буссе. — Учительскій персоналъ. — Гимназическіе порядки. — «Старички». — Новый директоръ Лемониусъ. — Его приемы воспитанія. — Немезида. — Походъ дѣда на Лемониуса и на систему воспитанія. — Попечитель СПб. учебнаго округа И. Д. Деляновъ. — Укрощенный Лемониусъ. — Переходъ въ 1-ю СПб. гимназію.

Я уже упоминалъ, что до 11-ти лѣтняго возраста я воспитывался частью въ домѣ отца, частью въ домѣ дѣда. Самыя раннія мои воспоминанія о дѣдѣ относятся къ 1853 году. Мнѣ тогда было 5 лѣтъ, а брату Венцеславу—8. Я хорошо помню, что все лѣто этого года провелъ у дѣда на дачѣ, въ Царскомъ селѣ. Жилось мнѣ тамъ очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ дома, въ особенности въ матеріальномъ отношеніи. До сихъ поръ я съ удовольствіемъ вспоминаю проведенное тамъ время, чудный царскосельскій паркъ со всею причудливостью и разнообразіемъ его украшеній. При дачѣ дѣда имѣлся большой, содержимый въ образцовомъ порядкѣ, отдѣльный садъ. Такихъ садовъ нынѣ, даже при дачахъ, сдаваемыхъ «съ собственнымъ садомъ», не встрѣчается, на ихъ мѣстѣ выросли, какъ грибы, постройки, предназначенныя для жилья петербургскихъ зимогоровъ. Такихъ

сливокъ, такой клубники и крыжовника, какіе тогда имѣлись у мѣстныхъ крестьянъ, теперь не достанешь ни за какія деньги. У брата всегда было множество забавныхъ игрушекъ и занятныхъ учебныхъ пособій, и онъ охотно ими со мною дѣлился, при чемъ рѣдко меня обижалъ. Имѣлись у него и собственныя пони для закладки и ѣзды верхомъ. Ѣздить верхомъ дозволялось и мнѣ, само собой разумѣется, подъ наблюденіемъ специально къ намъ приставленнаго конюха.

Отношеніе къ намъ дѣда всегда было спокойное, ласковое, мы росли у него, не зная наказаній, что вызывало частые протесты старшихъ членовъ семьи, въ особенности женской ея половины, такъ какъ мы были мальчишки дерзкіе и шаловливые. Дѣдъ весьма неохотно выслушивалъ на насъ жалобы и въ рѣдкихъ случаяхъ, когда уже не было никакой возможности оправдать наше поведеніе, выражалъ свое неудовольствіе большимъ огорченіемъ, которое насъ сильно тревожило и казалось тяжелѣе самаго строгаго наказанія. Нашей матери и остальнымъ невѣсткамъ, чаще другихъ на насъ жаловавшимся, онъ обыкновенно повторялъ одну и ту же фразу, ставшую у него стереотипной: «если хотите, чтобы мальчики были вамъ послушны, покажите имъ примѣръ послушанія мнѣ».

Баловство дѣда было безгранично, и мы были имъ избалованы, какъ тогда выражались, «до невозможности». Лично на меня баловство это падало только рикошетомъ, отражаясь отъ брата. Брата дѣдъ баловалъ потому, что любилъ его до самозабвенія, меня же въ этомъ отношеніи почти не отличалъ отъ прочихъ своихъ нисходящихъ, и если баловалъ, то баловалъ одновременно съ братомъ, не ради меня, а ради брата, съ которымъ я жилъ въ самой тѣсной дружбѣ и былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ его удовольствій и шалостей. Въ ранніе годы, я, конечно, разницы этой въ отношеніяхъ дѣда къ брату и ко мнѣ замѣчать не могъ, тѣмъ не менѣе и тогда бывали случаи, причинявшіе мнѣ огорченія и разочарованія. Отправляясь изъ Царскаго въ Петербургъ, дѣдъ иногда бралъ съ собой и насъ. Брату дѣдъ вручалъ полный билетъ, такъ какъ братъ съ дѣтскимъ не хотѣлъ ѣздить, для меня же брался дѣтскій, и на мое по этому поводу огорченіе никакого вниманія не обращалось. Вообще дѣдъ любилъ насъ таскать всюду съ собою, мы были частыми его спутниками при посѣщеніи военныхъ госпиталей, а въ департаментѣ у него мы чувствовали себя, какъ дома.

Брата начали учить съ семилѣтняго возраста ; дѣдъ придерживался того мнѣнія, что до семи лѣтъ начинать учить дѣтей не слѣдуетъ, что раннее начало ученія вредно отзывается на ихъ

здоровьи, препятствуетъ правильному ходу ихъ умственнаго развитія. Дѣдъ также былъ и того мнѣнія, что мальчиковъ по достиженіи ими пяти лѣтъ, нельзя оставлять на рукахъ нянекъ. Имѣлъ онъ и свои основанія не довѣрять гувернерамъ изъ нѣмцевъ и французовъ. Потому рѣшено было наблюденіе за братомъ, а потомъ и за мною, предоставить гувернерамъ изъ русскихъ. Первый такой гувернеръ былъ взятъ изъ студентовъ академіи, по особой рекомендаціи инспектора. Я этого гувернера не помню, но впослѣдствіи не разъ слыхалъ, что его вскорѣ уволили, такъ какъ онъ не угодилъ брату избыткомъ рвенія, а бабушкѣ—отсутствіемъ воспитанія и приличныхъ манеръ. На его мѣсто былъ взятъ другой студентъ-медикъ, изъ семинаристовъ. Онъ пробылъ при братѣ около 2-хъ лѣтъ, и я хорошо его помню. Звали его Онуфрій Фомичъ, но фамиліи не помню. Попалъ онъ въ менторы за свое особенное благонравіе и исключительное смиренномудріе и терпѣніе. Онъ такъ насъ разбаловалъ, что даже дѣдъ пришелъ въ ужасъ. Желая привязать къ себѣ брата, 6—7 лѣтняго мальчишку, онъ потакалъ всѣмъ его капризамъ, подличалъ передъ нимъ и раболѣпствовалъ, что сильно возмущало отца и мать, но дѣдъ на ихъ просьбы, удалить воспитателя, способнаго только испортить въ конецъ порученныхъ его воспитанію дѣтей,—никакого вниманія не обращалъ и относился къ Онуфрію Фомичу съ непонятнымъ расположеніемъ. Въ концѣ-концовъ, матери удалось настоять на-своемъ. Дѣдъ подарилъ брату только что вышедшую тогда книжку: «Фокусы Пинети». Братъ и менторъ тотчасъ же занялись фокусами и братъ, по примѣру Пинети, пожелалъ истолочь въ ступкѣ часы, для каковой цѣли и взялъ золотые часы дѣда. Онуфрій Фомичъ испугался и сталъ убѣждать брата отказаться отъ затѣи. Вспыльчивый мальчишка вцѣпилъ своему ментору въ волосы, и менторъ не осмѣлился даже защищаться. На эту сцену наткнулась мать, и, выручивъ Онуфрія Фомича изъ лапъ брата, принялась отчитывать послѣдняго за его непозволительную слабость. Онуфрій Фомичъ заплакалъ:—«Что же я могу подѣлать»,—оправдывался онъ,—«вашъ сынъ навѣрное будетъ моимъ начальникомъ и, если я ему теперь не сумѣю угодить, то мнѣ тогда придется отъ него плохо». На этотъ разъ дѣду пришлось уступить, и Онуфрій Фомичъ исчезъ съ нашего горизонта; мы послѣ того ничего о немъ не слышали. Разстались мы съ нимъ безъ сожалѣнія, для насъ онъ былъ неинтересенъ.

Неудачный выборъ двухъ первыхъ менторовъ, заставилъ отнестись къ выбору третьяго съ большей осмотрительностью, тѣмъ болѣе, что приближался и мой школьный возрастъ. Не знаю почему, выборъ остановился на Федорѣ Давыдовичѣ Старкѣ.

Это былъ молодой врачъ, изъ хорошей семьи, вполне благовоспитанный и превосходно владѣвшій языками. Онъ серьезно занялся братомъ, и братъ при большихъ способностяхъ и исключительной памяти, отвращенія къ ученію не обнаружилъ. Присутствуя на урокахъ, я тоже кой-чему шутя учился и, въ результатѣ, выучился читать и выводить каракули на трехъ языкахъ. Самъ по себѣ Ф. Д. Старкъ былъ самый обыкновенный, добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей и только. Благодаря своему гувернерству въ домѣ дѣда, онъ успѣлъ завести знакомство въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ и жениться на дочери тогдашняго директора департамента министерства народнаго просвѣщенія Гаевского, старой дѣвѣ, отличавшейся своимъ безобразіемъ. Женившись, онъ оставилъ гувернерство и былъ опредѣленъ дѣдомъ на службу въ медицинскій департаментъ, гдѣ и достигъ степеней извѣстныхъ.

Старка смѣнилъ молодой врачъ изъ нѣмцевъ Николай Ивановичъ Гейнацъ. Съ нимъ я послѣдній разъ встрѣтился съ большимъ удовольствіемъ въ 1898 г. на юбилейномъ актѣ военно-медицинской академіи. Гейнацъ тоже былъ опредѣленъ дѣдомъ въ медицинскій департаментъ и службой тамъ такъ-же, какъ и Старкъ, достигъ степеней извѣстныхъ. Какъ наставникъ и воспитатель, онъ оставилъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Это былъ человѣкъ съ разностороннимъ образованіемъ, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками, съ которыхъ переводилъ, что угодно à livre ouvert. Онъ насъ познакомилъ съ цѣлымъ рядомъ выдающихся иностранныхъ писателей, передавая ихъ содержаніе и иллюстрируя передачу устнымъ переводомъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ. Благодаря ему я приобрѣлъ любовь къ чтенію, которая во мнѣ не ослабла и въ 65 лѣтъ. Гейнацомъ въ 60-хъ годахъ было издано не мало переводовъ ходовыхъ медицинскихъ книгъ, при чемъ ему первому въ Россіи, пришла въ голову мысль отпечатать свое изданіе безъ буквы Ъ. Цензура въ этомъ усмотрѣла неблагонамѣренность и наложила свое veto на повтореніе такихъ изданій. Въ 1857 г. Н. И. Гейнацъ женился и оставилъ гувернерство.

Въ 1856 г. дѣдъ совершенно неожиданно для всѣхъ помѣстилъ брата полнымъ пансіонеромъ въ модный тогда пансіонъ Филиппова. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что мальчиковъ надо непременно посылать въ школу, такъ какъ только въ школѣ, въ общеніи со сверстниками, у мальчиковъ можетъ вырабатываться надлежащій для жизни характеръ. Братъ, однако, не желалъ оставаться у Филиппова, и его пансіонерство тамъ оказалось мнимымъ, такъ какъ большую часть времени онъ проводилъ дома, а не въ пан-

сіонѣ. Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ 3-ю гимназію, а меня отдали въ Анненскую школу. Въ слѣдующемъ году и меня перевели въ 3-ю гимназію.

Вопросъ — куда меня помѣстить? — не мало озабочивалъ моихъ родителей. Анненская школа, какъ я уже говорилъ, не оправдала своей репутаціи. Въ ней я не только не сдѣлалъ успѣховъ въ наукахъ, но еще и просвѣтился такими свѣдѣніями, какія мнѣ по возрасту имѣть не полагалось. Отецъ въ этомъ «просвѣщеніи» видѣлъ лишь неизбѣжное для всѣхъ учащихся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ зло. Мать была иного мнѣнія и, въ силу своихъ аристократическихъ тенденцій и своего домашняго воспитанія, находила, что мое «просвѣщеніе» было слѣдствіемъ того, что я попалъ въ среду дурныхъ товарищей, по преимуществу дѣтей петербургскихъ сапожниковъ и булочниковъ, что было не вѣрно, такъ какъ мои многочисленные кузены, учившіеся въ лицѣ, правовѣдѣніи и корпусахъ, куда были просвѣщеннѣе въ этомъ отношеніи дѣтей петербургскихъ ремесленниковъ нѣмецкаго происхожденія. Съ своей стороны дѣдъ настаивалъ на опредѣленіи меня въ 3-ю Спб. гимназію, гдѣ уже учился мой братъ и начальство которой сильно ухаживало за дѣдомъ, такъ какъ считало его человѣкомъ вліятельнымъ и высокоавторитетнымъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Мнѣніе дѣда одержало верхъ.

Въ концѣ сентября 1858 г., когда занятія уже были въ полномъ ходу, отецъ повелъ меня въ гимназію на экзамень. Я много видѣлъ на своемъ вѣку учебныхъ заведеній, но другого такого антипатичнаго помѣщенія, какъ помѣщеніе 3-ей Спб. гимназіи, я не знаю. Своимъ низкимъ, пропитаннымъ какою-то особенною, нынѣ уже не встрѣчающеюся, вонью, вестибюлемъ, слабо освѣщавшимся едва мерцающей масляной лампой, съ безобразнымъ рефлексоромъ, изъ бѣлаго полированного металла, своими длинными коридорами, прерываемыми запиравшимися въ опредѣленные часы, «дабы гимназисты не могли разгуливать по всему зданію», желѣзными рѣшетчатыми воротами, болѣе приличествующими тюрьмѣ, нежели учебному заведенію, своими тѣсными, выходящими на мрачную Гагаринскую улицу, классами, съ ихъ бѣдною, совсѣмъ непріуроченною къ возрасту учениковъ обстановкою, жесткими, непривѣтливими, типично безобразными, чухонско-нѣмецкими фізіономіями всѣхъ этихъ Лемоніусовъ, Кейзеровъ, Оттоновъ, Кеммерлинговъ, Бушей и др. представителей своего учебно-воспитательнаго персонала, наконецъ, небритыми, грязными фізіономіями дядекъ и сторожей, облеченныхъ въ какіе-то особенно безобразнаго покроя куртки и мундиры — оно способно была производить по истинѣ удручающее впечатлѣніе.

Поднявшись на второй этажъ, мы были встрѣчены надзирателемъ, имѣвшимъ необычайную фізіономію: его носъ и верхняя губа составляли почти прямую линію, что могло бы произвести одно лишь комичное впечатлѣніе, еслибы не злые глаза и жесткія губы. Надзиратель этотъ былъ знаменитый, въ своемъ родѣ, Мундель. Не было, кажется, такой гнусности, которую не приписывала бы ему гимназическая молва. Гимназисты его, а онъ гимназистовъ, ненавидѣли всѣми силами души, и при случаѣ онъ съ ними расплачивался по мѣрѣ силъ и возможности.

Мундель ввелъ насъ въ небольшую комнатку, какъ оказалось, учительскую. Вскорѣ туда явились экзаменаторы: по математикѣ— самъ директоръ Буссе, по Закону Божьему— протоіерей Гіероглифовъ и по русскому языку— Антоновъ, молодой еще человѣкъ съ кривымъ носомъ. Въ тѣ времена никакихъ конкурсныхъ экзаменовъ не было, никто даже не предполагалъ, что они могутъ появиться въ будущемъ. Къ экзамену меня не подготовляли, но это не помѣшало мнѣ отвѣтами вполне удовлетворить и Буссе, и законоучителя, что было немудрено, такъ какъ экзаменъ былъ весьма легкій. Молитвъ не спрашивали, по той причинѣ, что въ большинствѣ русскихъ семей тогда практиковалась живая вѣра, дѣтей посылали регулярно въ церковь, всюду блюли посты, говѣли. Все это невольно заставляло запоминать молитвы, возгласы, эктеніи, тексты и пр. Объясненій молитвъ тогда не требовали, богослуженія до 50-годовъ совсѣмъ не преподавали, а до 1865 года оно преподавалось, но по коротенькимъ запискамъ законоучителей, руководство же въ обращеніи никакихъ не было. Знаніе молитвъ за дѣтьми 10-лѣтняго возраста всегда предполагалось. Если бы отъ меня тогда требовали тѣхъ знаній по Закону Божьему, какія требуются теперь отъ поступающихъ въ первый классъ гимназіи, я никогда бы въ гимназію не поступилъ. Моя семья не была религіозна, въ раннемъ дѣтствѣ въ церковь меня не водили, будучи въ Анненской школѣ я былъ обязанъ въ торжественные дни присутствовать на лютеранскомъ богослуженіи. Поэтому немудрено, что я, кромѣ «Вѣрую», которую выучилъ къ первой исповѣди, зналъ только «Отче Нашъ» и «Богородицу», къ филаретовской же схоластикѣ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе.

Съ русскимъ языкомъ мнѣ не повезло. Антоновъ нашелъ, что я слишкомъ слабъ въ диктовкѣ. Но тутъ вмѣшался отецъ и сталъ доказывать, что Антоновъ неправъ, что отмѣченные имъ ошибки по возрасту моему въ вину поставлены мнѣ быть не могутъ, при чемъ въ разгарѣ спора указалъ и на допущенную экзаменаторомъ ошибку въ исправленіи. Кто былъ правъ, сказать

не могу, но сила оказалась на сторонѣ отца. Буссе объявилъ отцу, что доложить дѣло попечителю. На другой день мы снова отправились съ отцомъ къ назначенному часу въ гимназію. Встрѣтившій насъ Буссе былъ какъ-то особенно любезенъ съ отцомъ и ласковъ со мною, все гладилъ меня по головѣ. «Я докладывалъ», объяснилъ онъ съ заискивающей улыбкой, «г. попечителю о вашемъ сынѣ, и его превосходительству благоугодно было признать вашего сына выдержавшимъ экзаменъ». Антоновъ не могъ простить мнѣ полученнаго афронта, и 1½ года, которые я у него учился, были для меня сплошнымъ мученіемъ. Въ классѣ у него я постоянно стоялъ на колѣняхъ, а послѣ классовъ долженъ былъ оставаться въ гимназіи и переписывать «Овсяный Кисель» Жуковского. Этотъ «Кисель» до того мнѣ опротивѣлъ, напоминаніе о немъ такъ дѣйствовало на мои нервы, что товарищи, зная это, долго изводили меня декламированіемъ этого стихотворенія.

Отецъ удалился, оставивъ меня въ гимназіи, а меня Мундель повелъ въ классъ. Въ это время была перемѣна, и въ классѣ стояли невообразимые шумъ и гамъ. Съ появленіемъ Мунделя все стихло, ученики въ страхѣ бросились къ мѣстамъ. Мундель заоралъ, затопалъ ногами, приказалъ двумъ или тремъ мальчуганамъ стать на колѣни у классной доски, а мнѣ указалъ мѣсто на задней скамьѣ и засимъ удалился съ важнымъ видомъ.

Въ дверяхъ онъ столкнулся со старикомъ невысокаго роста, довольно полнымъ, съ бритой фізіономіей. Несмотря на холеный видъ, все въ этомъ старикѣ свидѣтельствовало о сильномъ пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ. Особенно о томъ свидѣтельствовали налитые кровью глаза и синій носъ. Это былъ учитель французскаго языка Ларошъ. Гимназисты говорили, что онъ попалъ въ Россію въ качествѣ барабанщика великой арміи. Впрочемъ, всѣхъ тогдашнихъ учителей французовъ называли барабанщиками, а нѣмцевъ—сапожниками.

Освѣдомившись, что поступилъ новичекъ, Ларошъ тотчасъ же вызвалъ меня къ кафедрѣ, раскрылъ учебникъ Марго и заставилъ переводить заданный на этотъ день параграфъ. Переводя съ русскаго на французскій, я передалъ одно слово съ мужескимъ членомъ, вмѣсто женскаго, отчего это слово получило неприличное значеніе. За это я тотчасъ же подвергся избіенію, сопровождавшейся площадной бранью. Ларошъ таскалъ меня за волосы, награждалъ оплеухами, поставилъ мнѣ ноль въ журналъ и всего въ слезахъ отослалъ на мѣсто. Награжденіе учениковъ оплеухами и дранье ихъ за волосы составляли излюбленные педагогическіе приемы Лароша. Дрался, впрочемъ, не одинъ Ларошъ, были

и другіе любители кулачной расправы: учитель математики Франц Буссе, братъ директора, учитель нѣмецкаго языка Кейзеръ и др. Даже учитель танцевъ Эбергардтъ и тотъ щипался.

Особенностью 3-ей Спб. гимназіи было не только то, что въ ней преподавалось два древнихъ языка, но и то, что она была преимущественно предназначена для воспитанія казеннокоштныхъ сиротъ и полусиротъ. Слѣдствіемъ этого было болѣе скудное содержаніе пансіонеровъ, нежели въ другихъ петербургскихъ гимназіяхъ. На пищу каждаго ученика въ ней полагалось въ сутки всего 14 коп., тогда какъ въ остальныхъ выдавалось по 27. Воспитывавшимся въ ней сиротамъ начальство замѣняло родителей и «ради блага дѣтей» не скупилось на розги. Свою въ этомъ отношеніи заботливость оно охотно распространяло и на приходящихъ учениковъ. Рѣдкій день проходилъ безъ порки. Самое сѣченіе было возведено на степень искусства. Сѣкли въ двѣ розги черезъ двухъ сѣкуторовъ. Въ обыкновенные дни сѣкли за шалости и пакости, а въ дни, когда выдавались третные балы, за плохія отмѣтки въ наукахъ. Въ послѣднемъ случаѣ сѣченье производилось съ особой торжественностью. Въ классѣ появлялся злобнорадующійся Мундель съ длиннымъ спискомъ пациентовъ, выкликивалъ нѣсколько мальчугановъ и приказывалъ отправляться немедленно въ баню. Такимъ образомъ въ банѣ собиралось человѣкъ 20 мальчугановъ только изъ трехъ младшихъ классовъ (начиная съ 4-го класса ученики были, «пока не высѣкутъ», изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній), а также инспекторъ и главный распорядитель экзекуціи—Мундель. Сѣкли, если не съ большей жестокостью, чѣмъ въ Анненской школѣ, то съ большей утонченностью. Сѣкли, однако, не всѣхъ приведенныхъ въ баню, а только избранныхъ, остальныхъ приводили въ назиданіе полюбоваться экзекуціей и натерпѣться страху. Никто изъ приведенныхъ не могъ предугадать, попалъ ли онъ въ очередь ложиться на скамейку, и эта неизвѣстность была весьма мучительна.

Отеческая заботливость гимназическаго начальства объ ученикахъ обнаруживалась еще и въ томъ, что учениковъ за дурное поведеніе и успѣхи только сѣкли, но не исключали, а держали до 16-ти лѣтняго возраста, когда неуспѣшныхъ учениковъ можно было опредѣлять писцами на государственную службу и даже долѣе 16 лѣтъ, если въ петербургскихъ присутственныхъ мѣстахъ не оказывалось свободныхъ вакансій. Нѣкоторые изъ такихъ великовозрастныхъ гимназистовъ умудрялись просиживать въ одномъ и томъ же классѣ, по преимуществу въ первомъ, по нѣскольку лѣтъ. Такихъ, «старичковъ», какъ мы ихъ называли,

со мной въ классѣ было человѣка три. Одинъ изъ нихъ, Лобановъ, ухитрился просидѣть въ первомъ классѣ 11 лѣтъ. Мы, мальчуганы, терпѣли отъ нихъ всякія притѣсненія и должны были отдѣлываться отъ ихъ приставаній подачками. «Старички» эти особенно вредно вліяли на насъ въ нравственномъ отношеніи. Я былъ уже во 2-мъ классѣ (1858—1859 гг.), когда послѣдовало распоряженіе удалить всѣхъ «старичковъ» изъ гимназій.

Въ учебномъ отношеніи 3-я СПБ. гимназія пользовалась хорошей репутаціей. Говорили, что учебное дѣло въ ней было лучше поставлено, нежели въ другихъ гимназіяхъ. Тогдашній директоръ ея Ф. И. Буссе былъ по своимъ талантамъ и всестороннему образованію выдающейся личностью. По окончаніи курса въ Педагогическомъ институтѣ, онъ былъ командированъ въ Англію для изученія Ланкастерской системы взаимнаго обученія, каковую предполагалось ввести и въ Россіи. Работалъ онъ и у знаменитаго Песталоцци. Онъ пользовался репутаціей человѣка весьма гуманнаго и противника строгихъ взысканій, что не мѣшало однако, въ бытность его директоромъ, примѣненію въ гимназій телѣсныхъ наказаній въ широкихъ размѣрахъ. Самъ онъ избѣгалъ присутствовать при телѣсныхъ наказаніяхъ, предоставляя это инспектору и Мунделю. Какъ учитель, Буссе стоялъ очень высоко. Превосходный математикъ, авторъ прекрасныхъ учебниковъ по математикѣ, онъ сумѣлъ привлечь въ преподавательскій составъ гимназій наилучшія по тому времени педагогическія силы. Въ числѣ преподавателей гимназій встрѣчаются такія имена, какъ Стоюнинъ, Лапшинъ, Кедровъ и др., но это было лишь въ старшихъ классахъ, въ младшихъ же царили выжившіе изъ ума Францы Буссе, вѣчно пьяные, безсмысленные Ларши, полоумные Оттены, или молодые самодуры-карьеристы въ родѣ Антоновыхъ и Смирновыхъ. Особеннымъ самодурствомъ отличался учитель латинскаго языка и географіи Капитонъ Ив. Смирновъ, о которомъ самые услужливые біографы могли только сказать: «составилъ учебникъ всеобщей географіи, вышедшій во множествѣ изданій». Я слыхалъ, что Смирновъ этотъ учебникъ предлагалъ какому то издателю за 100 р., но тотъ отказался. Послѣ того Смирновъ на своемъ учебникѣ, благодаря непозволительному при гр. Толстомъ поощренію со стороны учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, нажилъ сотни тысячъ и сумѣлъ пролѣзть въ директора 2-ой СПБ. гимназій. Въ 80-хъ годахъ, въ бытность Смирнова директоромъ, въ этой гимназій охотнѣй, чѣмъ въ другихъ петербургскихъ гимназіяхъ, примѣнялись съ «родительскаго благословенія» телѣсныя наказанія. Смирновъ не дрался и не ругался, но за то оралъ на учениковъ съ такой

силой, что отъ его крика дѣти приходили въ одуреніе. Онъ требовалъ отъ учениковъ такого вниманія и такой неподвижности, какія большинству изъ нихъ были не подъ силу. За малѣйшее нарушеніе дисциплины онъ ставилъ на колѣни, выгонялъ изъ класса, велъ провинившагося къ инспектору и въ такомъ случаѣ всегда получалась лишенная пріятности прогулка въ баню за полученіемъ надлежащаго возмездія по казенной части. Зачастую онъ на недѣлѣ намѣчалъ себѣ какую-либо жертву и начиналъ ее преслѣдовать съ самымъ безсмысленнымъ ожесточеніемъ, придирался, взводилъ всякую напраслину и подводилъ подъ жестокое, часто незаслуженное наказаніе.

Въ началѣ 1859 г. умеръ Буссе, и на его мѣсто, совершенно для всѣхъ неожиданно, былъ назначенъ директоромъ гимназіи не инспекторъ С. В. Соколовъ, бывшій въ послѣдніе годы, по причинѣ постоянныхъ недомоганій Буссе, фактическимъ директоромъ, а учитель греческаго языка В. Х. Лемоніусъ, получившій это мѣсто, благодаря протекціи принца П. Г. Ольденбургскаго, въ домѣ котораго давалъ уроки. Лемоніусъ тотчасъ же принялся наводить въ гимназіи новыя строгости и порядки. Какъ сейчасъ помню его первое выступленіе передъ учениками въ качествѣ директора. Всѣмъ приходящимъ ученикамъ первыхъ трехъ классовъ, составлявшимъ особое отдѣленіе, помѣщавшееся въ отдѣльномъ отъ пансіонеровъ и учившихся вмѣстѣ съ послѣдними учениковъ старшихъ классовъ коридорѣ, было приказано собраться въ рекреационномъ залѣ, гдѣ Лемоніусъ обратился къ намъ съ рѣчью, которая начиналась такъ: «Вы, господа приходящіе, точно стадо свиней». Засимъ слѣдовало разъясненіе этихъ словъ и категорическіе объявленіе, что, ради приведенія насъ въ порядокъ, директоръ будетъ знать одно только наказаніе розгами. Будутъ безъ всякаго послабленія сѣчь и того, кто получитъ на недѣлѣ единицу, и того, кто будетъ замѣченъ поставленнымъ къ стѣнѣ или удаленнымъ изъ класса. Объявленіе это не осталось одной лишь угрозой. Началось чуть не поголовное сѣченіе. Моего одноклассника Волкова высѣкли три раза въ одинъ день за самыя ничтожныя провинности. Въ первую очередь попало и мнѣ, и брату, который былъ тогда въ третьемъ классѣ, мнѣ за то, что я подрался съ товарищемъ, и Мундель насъ обоихъ поставилъ къ стѣнѣ, а брату по жалобѣ Смирнова за то, что Смирнову показалось, будто братъ разговаривалъ въ классѣ. Брату дали по 30 розогъ съ каждой стороны, такъ какъ онъ былъ высокаго роста и казался старше своихъ лѣтъ, мнѣ же, какъ первокласснику, по 15. Намъ стыдно было признаться дома, что насъ выпороли въ гимназіи, и мы постарались скрыть это отъ домашнихъ. Но многочисленныя

кровяныя пятна на нижнемъ бѣльѣ насъ выдали. Мы были подвергнуты осмотру, и оказавшіеся на тѣлѣ слѣды наказанія привели всѣхъ въ ужасъ. Сыновья дѣда, которымъ въ дѣтствѣ порядкомъ попадало отъ него, видѣли въ наказаніи насъ, особенно въ наказаніи брата, Немезиду дѣду за порядки, господствовавшіе за время его ректорства въ виленскомъ учебномъ округѣ. Тѣмъ не менѣе негодование его на Лемониуса проявилось въ формѣ яркой и сильной. Онъ поднялъ дѣло и выступилъ открытымъ противникомъ дальнѣйшаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ школахъ. Попечителемъ петербургскаго учебнаго округа былъ тогда только что назначенъ И. Д. Деляновъ, относившійся къ дѣду съ особеннымъ уваженіемъ и считавшій дѣда большимъ авторитетомъ въ вопросахъ учебно-воспитательныхъ. Дѣдъ не замедлил обратиться къ Делянову съ жалобой на гимназическое начальство и передалъ ему обстоятельную записку о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, въ особенности въ медицинскомъ отношеніи. Къ чести дѣда надо сказать, что дѣдъ выступилъ открытымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній.

По приказанію министра народнаго просвѣщенія, дѣло было разслѣдовано, Лемониусъ получилъ строгій выговоръ, и ему приказано было отказаться отъ усвоенныхъ пріемовъ воспитанія; Мунделя и Смирнова едва не выгнали со службы. Въ то же время послѣдовало запрещеніе подвергать тѣлесному наказанію приходящихъ учениковъ, безъ разрѣшенія родителей, а въ слѣдующемъ 1860 г. тѣлесныя наказанія въ гимназіяхъ петербургскаго учебнаго округа были совсѣмъ отмѣнены. Впрочемъ, окончательно тѣлесныя наказанія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ никогда не прекращались. Въ военныхъ гимназіяхъ къ нимъ келейно прибѣгали директора даже въ самый разгаръ освободительнаго движенія. Были даже учреждены для неуспѣшныхъ и строптивныхъ воспитанниковъ особыя прогимназіи, гдѣ тѣлесное наказаніе примѣнялось, какъ нормальное наказаніе. Въ царствованіе Александра III, въ особенности въ послѣдніе его годы, къ нимъ стали прибѣгать довольно часто. Такъ къ нимъ прибѣгали и въ училищѣ правовѣдѣнія, и въ морскомъ корпусѣ, и въ Петровскомъ училищѣ и во многихъ др. учебныхъ заведеніяхъ. Только въ послѣднее двадцатилѣтіе они какъ будто отошли въ область прошедшаго. На всегда ли? Возможно, что нѣтъ, ужъ больно дикіе у насъ нравы.

Вслѣдъ за описаннымъ инцидентомъ Лемониусъ, Смирновъ, Мундель совершенно измѣнили свои физісноміи. Лемониусъ не только сталъ относиться съ крайней снисходительностью къ гимназическимъ провинностямъ, но даже превратился въ пѣж-

наго и ласковаго начальника. Самымъ рѣзкимъ его выражеінемъ сдѣлалась фраза: «Какой вы халатный молодой человѣкъ». Лемоніусъ, хотя и былъ магистромъ древнихъ языковъ, но, экзаменуясь на аттестатъ зрѣлости, по русскому языку на полученіе болѣе единицы разсчитывать не могъ бы. Смирновъ совсѣмъ переродился, а изъ Антонова вышелъ даже хорошій учитель. Остались вѣрными себѣ лишь Францъ Буссе, котораго скоро уволили въ отставку, а мѣсто предоставили сыну его В. Ф. Буссе, да Ларошъ. Послѣдній вскорѣ умеръ на своемъ, какъ подобало герою великой арміи, посту, ставя ученику ноль въ журналъ и ругаясь скверными словами.

Благодаря отчасти описаннымъ обстоятельствамъ, а главное наступленію освободительнаго движенія, отъ котораго Лемоніусу и его гимназическимъ приспѣшникамъ не удалось уклониться, гимназическая жизнь стала неузнаваема. Прежнюю бессмысленную строгость смѣнила столь же бессмысленная распущенность. Мы, первоклассники, поголовно превратились въ секту либераловъ и противниковъ какихъ бы то ни было авторитетовъ. Нѣкоторые изъ насъ, не стѣсняясь выражали законоучителю свои сомнѣнія въ бытіи Божьемъ и въ своихъ разсужденіяхъ ссылались на самыя рискованныя положенія. На улицахъ мы открыто курили, вели себя вызывающе, не опасаясь, что насъ за это по головкѣ не погладятъ. Среди насъ свободно обращалась запрещенная литература, и порнографическая, и политическая, изъ устъ нашихъ лились свободолобивыя и игривыя рѣчи. Многіе изъ насъ уже на 13-мъ году жизни успѣли вкусить отъ древа познанія добра и зла.

Лично я сталъ непозволительно дерзокъ по отношенію къ учителямъ и гувернерамъ. Въ особенности отъ меня страдалъ Мундель и Оттенъ. Послѣдній много лѣтъ спустя не могъ вспоминать обо мнѣ иначе, какъ съ пѣной у рта. Оба они постоянно жаловались на меня Лемоніусу, но Лемоніусъ никакого вниманія на ихъ жалобы не обращалъ. Ласковъ и безмѣрно снисходителенъ Лемоніусъ, однако, былъ только снаружи, въ глубинѣ же души онъ таилъ злобу и ждалъ только случая, какъ бы удалить насъ изъ гимназіи. Случай не замедлилъ представиться. Въ классѣ, по окончаніи уроковъ, была обнаружена забытая тетрадь, съ надписью, что она принадлежитъ мнѣ. Въ тетради этой среди упражненій въ чистописаніи оказалось переписаннымъ крайне неприличное стихотвореніе. Мундель тетрадь представилъ по начальству, и Лемоніусъ на другой же день отправился съ экстреннымъ докладомъ къ Делянову, причемъ просилъ снять съ него тяжелую обязанность нашего воспитанія, такъ мы мало того, что плохо учимся и дурно ведемъ себя, способны еще своею правдивостію

испорченностью развратить всю гимназію. Деляновъ лично отправился повѣдать о докладѣ дѣду. Я въ это время жилъ еще у отца, но репетиторъ у меня былъ общій съ братомъ, иѣкто Ф. И. Менхъ, поступившій на мѣсто Гейнаца по рекомендаціи послѣдняго. Менху нетрудно было установить, что представленная Делянову тетрадь была, по всѣмъ вѣроятіямъ, потеряна мною, еще неначатою, такъ какъ все въ нее вписанное, не исключая неприличныхъ стиховъ, писано не моею рукой. Отзывъ Лемоніуса, что братъ и я плохо учимся и дурно ведемъ себя, вызвалъ сильное негодозваніе Менха. Менхъ утверждалъ, что успѣхи наши выше среднихъ, а шалости наши ничего серьезнаго представлять не могутъ. Деляновъ взялся самъ разслѣдовать это дѣло и для выясненія степени нашихъ познаній въ частномъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ его, Делянова, и въ составѣ Лемоніуса, инспектора Соколова и Менха. Дѣло окончилось полнымъ торжествомъ Менха. Оказалось, что неприличное стихотвореніе было писано рукой другого ученика, изъ старичковъ, забравшаго себѣ мою тетрадь, что наши дурные баллы свидѣтельствовали лишь о несправедливой оцѣнкѣ нашихъ знаній учителями, что приписываемыя намъ шалости — невинныя шалости, свойственныя нашему возрасту, что Мундель и Оттенъ своими придирками, безтактностью и полнымъ отсутствіемъ умѣнья поддерживать дисциплину въ классѣ, вызывали меня на дерзкія по отношенію къ намъ выходки. Въ результатѣ Лемоніусъ былъ посрамленъ.

Въ 20-хъ числахъ апрѣля занятія въ классахъ окончились и насъ распустили готовиться къ экзаменамъ. Экзамены въ тѣ времена были единственнымъ мѣриломъ, какъ познаній учениковъ, такъ и успѣшности преподаванія. Можно было имѣть въ году плохія отмѣтки и перейти въ слѣдующій классъ, сдавъ удовлетворительно экзамены. Тѣмъ, кто работалъ въ году, нечего было опасаться экзаменовъ, такъ какъ экзамены производились правильно, безъ придирокъ, въ весьма торжественной обстановкѣ, и произволу и глупости экзаменаторовъ не было мѣста. Лично я объ экзаменахъ сохранилъ самое лучшее воспоминаніе, и мнѣ кажется, что въ нашемъ школьномъ быту отмѣна переходныхъ экзаменовъ была большой ошибкой. Въ жизни безъ экзаменовъ обойтись нельзя. Не говоря уже о государственныхъ экзаменахъ въ высшей школѣ, нынѣ до самой старости приходится держать всюду конкурсные и повѣрочные экзамены. Какъ ни какъ, а экзамены надсѣ умѣть держать, иначе можно легко провалиться, даже хорошо зная предметы, а умѣнье держать экзамены дается только практикой. Несмотря на то, что и у меня и у брата въ году были плохіе баллы, мы оба блестяще сдали экзамены и были

переведены въ слѣдующій классъ. Братъ, однако, не желалъ учиться греческому языку и настоялъ, чтобы его перевели въ 1-ую гимназію. Меня рѣшено было пока оставить въ третьей. Лѣто брату пришлось заниматься, такъ какъ онъ могъ перейти въ 1-ю гимназію лишь при условіи сдачи экзамена за три года по естественной исторіи, преподававшейся тамъ взаимѣнъ греческаго языка. Поэтому лѣто 1859 года мы съ братомъ видались сравнительно рѣдко, меня къ дѣду не отпускали, чтобы я не мѣшалъ брату готовиться къ экзамену и не соблазнялъ его своей праздностью.

Лѣто 1859 г. для меня было полнымъ отдыхомъ, такъ какъ въ августѣ мнѣ никакихъ переэкзаменовокъ не предстояло. Жилъ я съ родителями на дачѣ Кушелевой Безбородкѣ. Тамъ же жилъ и меценатствовалъ извѣстный графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко. Это было время издательства графомъ журнала «Русское Слово». Завсегдатаями у него тогда были Майковъ, Полонскій Аполлонъ Григорьевъ, Всеволодъ Крестовскій и Ег. Ег. Волковъ, одинъ изъ тогдашнихъ цензоровъ. Крестовскій, помнится, былъ крестникомъ моего отца, а съ Волковымъ отецъ познакомился черезъ Крестовскаго. Оба они часто бывали у насъ на дачѣ. Съ Крестовскимъ у меня сохранились самыя лучшія отношенія до самой смерти. О Крестовскомъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Волковъ, вскорѣ послѣ того умершій, снабжалъ меня все лѣто разными вновь выходящими книгами и толстыми журналами: «Отечественными Записками», «Современникомъ», «Русскимъ Словомъ» и др., и я ими просто зачитывался. Если чтеніе этихъ журналовъ, съ одной стороны, и способствовало значительному расширенію горизонта моихъ познаній, то съ другой стороны, отнимала у меня слишкомъ много времени и въ концѣ-концовъ уничтожило всякую охоту къ ученію, я сталъ плохо учиться и въ послѣдствіи мнѣ съ трудомъ пришлось наверстывать потерянное время.

Съ переходомъ моимъ во 2-ой классъ дерзкое мое обращеніе съ Мунделемъ перешло всякіе предѣлы. Изводить Мунделя для меня сдѣлалось насущной потребностью, своего рода спортомъ, Лемониусъ попрежнему жалобы на меня Мунделя оставлялъ безъ вниманія, но въ одинъ прекрасный день, когда я позволилъ себѣ дикую по отношенію къ злополучному надзирателю выходку, счелъ себя обязаннымъ пригласить отца и просить его принять противъ моего озорства соотвѣтствующія исправительныя мѣры. Отецъ въ присутствіи Мунделя, Лемониуса потребовалъ отъ меня объясненія. Я, съ своей стороны, сталъ обвинять Мунделя въ постоянныхъ ко мнѣ придиркахъ и грубомъ обращеніи. Мундель не выдержалъ, затопалъ ногами и заоралъ: «ты лжешь, мерзавецъ»,

за что и получилъ отъ меня: «самъ ты, мерзавецъ». Отецъ возмущился поведеніемъ Мунделя и усмотрѣлъ въ этомъ поведеніи неуваженіе и къ себѣ, и къ самому Лемониусу. Въ результатѣ было рѣшено посадить меня на сутки въ карцеръ. Карцеръ въ гимназіи находился въ одномъ коридорѣ съ лазаретомъ, и заключеннымъ дозволялось на ночь располагаться на лазаретныхъ койкахъ. Меня приказано было выдержать въ карцерѣ сутки, но я въ ту же ночь схватилъ тамъ коръ и тотчасъ же былъ доставленъ домой. Прохворалъ я до праздниковъ и до конца рождественскихъ каникулъ гимназіи не посѣщалъ.

Мои постоянныя столкновенія съ Мунделемъ озабочивали моихъ родителей. Брать меня изъ гимназіи по многимъ причинамъ было нежелательно, а оставлять подъ властью Мунделя — рисковано. Отецъ и мать не знали, на что рѣшиться, а дѣлъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, умывалъ руки. Изъ затруднительнаго положенія помогъ выйти инспекторъ С. В. Соколовъ. Какъ всѣ инспектора того времени, онъ держалъ у себя на дому пансіонеровъ и лѣто проводилъ съ ними въ Кушелевой-Безбородкѣ, подготовляя ихъ къ переекзаменовкамъ и вступительнымъ экзаменамъ. По дачному сосѣдству онъ зналъ хорошо отца и мать, бывалъ у насъ въ домѣ и не скрывалъ свей вражды къ Лемониусу, который, благодаря своему пролазничеству, изъ его подчиненныхъ попалъ прямо въ начальники. Ко мнѣ Соколовъ относился съ явнымъ расположеніемъ и въ педагогическомъ совѣтѣ постоянно за меня заступался. Онъ посовѣтывалъ отцу помѣстить меня на вторую половину учебнаго года въ гимназію пансіонеромъ. Онъ утверждалъ, что это повлечетъ за собою два благотѣльных послѣдствія: во-первыхъ, освободитъ меня отъ подчиненія Мунделю, такъ какъ Мундель никакого отношенія къ пансіонерамъ не имѣетъ, а во-вторыхъ, у меня тамъ будетъ другой учительскій и воспитательскій персоналъ. Кромѣ того, Соколовъ брался лично слѣдить за моими успѣхами и лично меня репетировать. Совѣтъ былъ принятъ; несмотря на мой сильный протестъ и торжественное обѣщаніе не раскрывать, пока я буду пансіонеромъ, учебниковъ.

Обѣщаніе свое я исполнилъ и въ теченіе всего времени, пока продолжались классы, съ января по апрѣль, я къ урокамъ не готовился, въ среднемъ имѣлъ менѣе единицы, не имѣлъ круглаго ноля потому лишь, что двое учителей, обожавшіе съ полнымъ успѣхомъ одну и ту же пріятную во всѣхъ отношеніяхъ гимназическую даму, ставили мнѣ двойки за то, что я для нихъ былъ надежный «postillon d'amour». Будучи обязанъ являться къ инспектору на репетицію, я имѣлъ возможность свободно расха-

живать подъ этимъ предлогомъ по всему зданію и заходить, по желанію, къ дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Педагоги пользовались мною, чтобъ посылать ей черезъ меня любовныя записки, а она была заступницей моею предъ мужемъ и откармливала меня вкусными пирогами. Пансіонеровъ за каждый полученный дурной балъ полагалось оставлять на субботу и воскресенье безъ отпуска. Для меня это было бы полезительнымъ наказаніемъ и смирило бы мою гордыню, но я избѣгъ этого наказанія. Какъ только мать впервые узнала, что я не отпущенъ домой, то тотчасъ же явилась ко мнѣ навручку и настояла на томъ, что лишать меня возможности проводить праздники въ семьѣ и жестоко и безцѣльно. Лемониусъ и на этотъ разъ уступилъ. Онъ, повидимому, совсѣмъ махнулъ на меня рукой. Братъ мой Венцеславъ, который, по мнѣнію Лемониуса, скорѣй меня долженъ былъ попасть на висѣлицу, былъ въ I-ой гимназіи на самомъ лучшемъ счету, отличался и велъ себя безукоризненно. Лемониусъ долженъ былъ признать свой педагогическій авторитетъ подорваннымъ. Оно такъ и было до воцаренія въ Россіи пресловутаго классицизма, для котораго онъ послужилъ, если не столпомъ, то гнилымъ столбомъ. Когда въ 1871 г. гр. Толстой, учившійся въ Александровскомъ лицѣ «чему нибудь и какъ нибудь», чтобы имѣть возможность «съ ученымъ видомъ знатока, коснуться до всего слегка», что не мѣшало ему быть большимъ государственнымъ человѣкомъ и даже писать ученныя книжки по разнымъ предметамъ, самъ окончившій полный курсъ наукъ въ 19 лѣтъ, никогда неизучавшій греческаго языка и учившійся латинскому весьма недолго, объявилъ себя ревностнымъ сторонникомъ строго—классической системы образованія и счелъ необходимымъ усилить требованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по древнимъ языкамъ до абсурда, то онъ привлекъ къ участію въ высочайше учрежденной комиссіи по разсмотрѣнію его предположеній и Лемониуса, незадолго до того назначеннаго членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія съ оставленіемъ, чтобъ не давать жалованья по новой должности, директоромъ гимназіи. Одинъ видъ Лемониуса, его забавная русская рѣчь, его непроглядное тупоуміе должны были убѣдить такихъ знатоковъ древнихъ языковъ, какъ генераль-адъютантъ графъ Серг. Григ. Строгановъ, получившій образованіе въ институтъ путей сообщенія, куда поступилъ 15 лѣтъ отъ роду, въ 1809 г. графъ П. А. Валуевъ—воспитанія домашняго, и Г. А. Тройницкій, лиценстъ, но далеко не той пробы, какъ гр. Толстой, что классическая система самое надежное средство для фабрикаціи подобныхъ типовъ, способныхъ противостоять всякой живой мысли, откуда бы она ни исхо-

дила. Поэтому немудрено, что всѣ предначертанія гр. Толстого были комиссіей одобрены единогласно. Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости нашему правительству, если оно и пользуется иногда такими типами для своихъ цѣлей, то все-таки держить ихъ въ черномъ тѣлѣ. Лемониусъ далѣе скромнаго положенія члена ученаго комитета не пошелъ и умеръ, прослуживъ болѣе 60 лѣтъ, всего въ чинѣ тайнаго совѣтника.

На экзамены намъ полагалось около двухъ мѣсяцевъ. Этого было вполне достаточно, чтобъ усвоить пройденное въ году, въ особенности, занимаясь въ группѣ съ товарищами по своего рода Ланкастерской системѣ. Лично я теперь, по совѣсти и разуму могу сказать, что только тѣ знанія, которыя были приобрѣтены мною во время подготовки къ экзаменамъ, оказались наиболѣе ясными и прочными. Не былъ же я въ этомъ отношеніи единственнымъ въ своемъ родѣ?

Осенью меня, по настоянію дѣда, перевели въ 1-ую гимназію, при чемъ я окончательно переселился на житье къ дѣду, и съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не разлучались 11 лѣтъ.

Въ первой гимназій.

Особенности первой гимназій того времени. — Директоръ гимназій В. С. Бардовскій. — Учительскій персоналъ. — Альтонскій. В. И. Водовозовъ, Законоучитель Орловъ. — Агенты тайной полиціи въ гимназій. — Репетиція суда присяжныхъ. — Ревизія 1865 г. — Начало классическаго избіенія младенцевъ. — Мой уходъ изъ гимназій.

Первая гимназія того времени рѣзко отличалась отъ третьей, какъ составомъ своихъ учениковъ, такъ и постановкой учебно-воспитательнаго дѣла. Ранѣе она была благороднымъ пансіономъ и изъ благороднаго пансіона была преобразована только въ 1830 г.; доступъ въ нее открытъ былъ только дворянамъ. До 1859 г. она была закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, а три года спустя утратила свой отличительный характеръ — сословную исключительность: въ число ея воспитанниковъ стали приниматься лица всѣхъ сословій, наравнѣ съ прочими гимназіями. Лучшіе ея ученики имѣли право, при переходѣ изъ 4-го въ 5-ый классъ, поступить на казенный счетъ въ Александровскій лицей безъ экзамена. Среди ея учениковъ не мало было такихъ, отцы и дѣды которыхъ учились въ ней же. Къ числу такихъ фамилій принадлежала и наша. Въ ней учились братья нашего отца, Викторъ и Евгеній, потомъ мы, потомъ наши младшіе братья и, наконецъ, наши племянники. На пищу каждаго тамъ пансіонера отпускалось не 14 коп., какъ въ 3-ей гимназій, а 27.

Въ учебномъ отношеніи 1-ая гимназія тоже рѣзко отличалась отъ 3-ей. Изъ древнихъ языковъ въ ней преподавался только ла-

тинскій, при чемъ начинался не со второго, а съ третьяго класса. Особенное вниманіе было обращено на новые языки и гувернерами были почти исключительно природные французы и нѣмцы, составлявшіе воспитанниковъ объясняться съ ними по-французски. Въ числѣ гувернеровъ былъ Менюэ, Андрей Ивановичъ. Онъ прибылъ въ Россію въ 1814, какъ военнопленныи, и вскорѣ вступилъ въ русскую службу гувернеромъ и учителемъ при пансіонѣ Царскосельскаго лицея. Въ 1829 г., за упраздненіемъ лицейскаго пансіона, былъ переведенъ въ Благородный пансіонъ, а засимъ и въ 1-ую гимназію. Умеръ онъ, состоя на службѣ, въ 1886 г.

Директоромъ гимназіи въ мое время (1860—1865 г.) былъ Василій Степановичъ Бардовскій. Бардовскій служилъ въ гимназіи съ 1831 г. преподавателемъ русскаго языка и географіи, съ 1840 г. по 1860 состоялъ инспекторомъ гимназіи, а съ 1860 по день своей смерти, послѣдовавшей въ 1872 г.,—директоромъ. Въ воспоминаніяхъ В. В. Крестовскаго, окончившаго 1-ую гимназію въ 1857 г., Бардовскій точно описанъ. Будучи инспекторомъ, онъ очень любилъ посякать. Въ 1-ой гимназіи тѣлесное наказаніе столь широко примѣнялось, какъ и въ 3-ей, но не съ такою, какъ тамъ, жестокостью и утонченностью. Число ударовъ назначалось болѣе умѣреннее и наносились не двумя, а однимъ дядькою. Самая экзекуція производилась не въ банѣ, а въ умывалькѣ, двери котсрой выходили въ общій классный коридоръ, такъ что вопли истязуемыхъ гулко раздавались во всѣхъ четырехъ младшихъ классахъ, помѣщавшихся въ одномъ этажѣ съ умывалкой. Въ 1860 г. тѣлесныя наказанія въ гимназіи могли примѣняться не иначе, какъ по просьбѣ или съ разрѣшенія родителей. Такой случай имѣлъ мѣсто ранней осенью этого года, но это былъ послѣдній случай на моей памяти.

Попавъ въ директора въ самый разгаръ освободительнаго движенія, Бардовскій сталъ либеральничать, что къ нему совѣтъ не шло. Въ 1861 г. въ гимназіи распространился слухъ, что среди учениковъ 4-го класса находится агентъ III отдѣленія. Никакихъ разумныхъ основаній къ такому дикому обвиненію, конечно, и быть не могло. III отдѣленіе, если бы потребовалось, всегда могло помѣстить своего агента въ составъ педагогическаго персонала, или найти среди служителей гимназіи. Тѣмъ не менѣе Бардовскій повѣрилъ утвержденію гимназистовъ, и мнимый агентъ тайной полиціи Г—ръ былъ исключенъ.

Въ томъ же году учитель французскаго языка Риге обвинилъ двухъ учениковъ 3-го класса въ томъ, что они облили ему кислотой фалды виць-мундира. Обвиняемые упорно запирались. Дѣло было Бардовскимъ дозволено разсмотрѣть судомъ присяжныхъ.

Предсѣдателемъ, прокуроромъ и защитниками были ученики старшихъ классовъ, а присяжными товарищи по классу. Вердиктъ былъ вынесенъ обвинительный. Осужденные, кажется, получили родительское благословеніе не въ гимназіи, а на дому.

Одновременно со мною въ гимназіи учились два сына Бардовскаго: Петръ, бывшій въ одномъ классѣ съ моимъ братомъ, и Григорій — классомъ старше меня. Григорій въ 70-хъ годахъ былъ въ Петербургѣ присяжнымъ повѣреннымъ и часто выступалъ въ большихъ политическихъ процессахъ того времени. Въ результатѣ у него самого былъ произведенъ обыскъ и арестъ (1879.), который повлекъ за собою острое, а потомъ хроническое помѣшательство. Умеръ онъ года три или четыре тому назадъ, не излѣчившись. Старшій его братъ, Петръ, по окончаніи въ 1868 г. университета, служилъ по судебному вѣдомству, почти все время въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1880 г. онъ былъ членомъ Полоцкаго окружнаго суда, а потомъ занималъ должность Варшавскаго мирового судьи. Будучи мировымъ судьей, онъ принялъ участіе въ какомъ то заговорѣ, за что и былъ повѣшенъ въ 1886 г.¹⁾

Я пробылъ въ 1-ой гимназіи 5 лѣтъ, съ 1860 по 1865 г. Время это было совершенно особенное и стоитъ на немъ остановиться.

Въ моментъ своего восшествія на престолъ Александръ II состоялъ съ 1849 г. главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а также начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній, онъ ставилъ себѣ въ идеалъ своего предшественника на этомъ посту, великаго князя Михаила Павловича. «Главнѣйшею цѣлью моихъ заботъ», писалъ онъ въ своемъ приказѣ, отъ 22 октября 1849 г., «будетъ сберечь все сдѣланное трудами и любовью его высочества для блага заведеній и сохранить заведенія въ томъ же пре осходномъ состояніи, въ какомъ они отцомъ и благодѣтелемъ оставлены мнѣ, какъ бы въ залогъ его ко мнѣ дружбы и милости». Слово съ дѣломъ, надо полагать, не разошлось. Въ слѣдующемъ же году Николай I въ особомъ рескриптѣ благодарилъ сына «за его родительское попеченіе о юношествѣ, ему ввѣренномъ, за христіанское попеченіе и истинно русское воспитаніе его». Вступивъ на престолъ, Александръ II на другой же день объявилъ, что главное руководство въ воспитаніи военнаго юношества онъ оставляетъ за собою, подчинивъ себѣ непосредственно главнаго начальника штаба военно-учебныхъ заведеній ген-ад. Ростовцева. Такимъ образомъ учебно-воспитательное дѣло не только

¹⁾ По приговору военного суда по дѣлу пролетаріата.

не было чуждо новому императору, но должно было ему быть особенно хорошо извѣстно. При жизни отца ему поневолѣ приходилось плыть по теченію, но онъ не могъ относиться съ сочувствіемъ къ практиковавшимся тогда воспитательскимъ пріемамъ даже въ царской семьѣ, отъ которыхъ приходилось не мало терпѣть его братьямъ, въ особенности наиболѣе имъ любимому—Константину. Онъ, конечно, не могъ забыть, какъ жестоко драли послѣдняго... Поэтому необходимо допустить, что въ области народнаго просвѣщенія имп. Александръ вполне сознательно желалъ проведенія реформы въ освободительномъ направленіи. Но тутъ ему прежде всего и пришлось разочароваться и повернуться вспять.

Въ наслѣдство послѣ отца Александръ II получилъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. Время нахожденія послѣдняго у власти было особенное и стоитъ того, чтобы быть отмѣченнымъ. Съ 1850 г. Норовъ состоялъ при князѣ П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ товарищемъ министра и послѣ смерти князя, послѣдовавшей въ 1853 г. былъ назначенъ на его мѣсто. Къ этому времени реакція, охватившая Россію вслѣдствіе западно-европейскихъ революціонныхъ событій 1848 г., достигла своего кульминаціоннаго пункта, и князь Ширинскій-Шихматовъ былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ ея представителей. Попалъ онъ въ министры на мѣсто такого столпа николаевщины, какъ гр. Уваровъ, заподозрѣнный въ 1849 г. въ либерализмъ, а потому и вынужденный уйти въ отставку. Даже Уварову стало не подъ силу проводить въ жизнь тѣ начала самага необузданнаго реакціоннаго мракобѣсія, проведенія которыхъ настойчиво требовали высшія сферы. Въ 1849 г. былъ объявленъ грозный крестовый походъ на университеты. Послѣ столѣтняго своего существованія университеты были объявлены для Россіи «преждевременными», получаемое въ нихъ образованіе поверхностнымъ и ничтожнымъ. Въ Россіи, утверждали, съ пользою можно имѣть лишь спеціальныя учебныя заведенія, каковы: Военная Академія, Училища Инженерное и Артиллерійское, Морской Корпусъ, Горный Институтъ, Институтъ Путей Сообщенія, Училище Правовѣдѣнія и т. п. Обученіе латинскому и греческому языкамъ въ университетахъ и университетскихъ заведеніяхъ не только излишне, но и вредно. Самые кровожадные изверги французской революціи были глубокоученые латинисты и располагали свои дѣйствія и замыслы по урокамъ, вычитаннымъ ими въ римскихъ писателяхъ, отъ коихъ почерпается лишь безбожіе, безначаліе, мятежъ, развратъ. Противъ новоявленныхъ враговъ университетовъ вообще и классическихъ языковъ въ частности смѣлымъ борцемъ высту-

пилъ самъ Уваровъ. По его внушенію Давыдовъ¹⁾ написалъ умиленную, съ точки зрѣнія православія, самодержавія и народности, статью и напечаталъ ее, съ предварительнаго одобренія самого Уварова, въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1849 г.²⁾

За эту статью Уваровъ, въ качествѣ фактическаго ея цензора, отъ чего онъ не имѣлъ возможности отречься, получилъ строгій высочайшій выговоръ. Онъ вздумалъ оправдываться и вылетѣлъ въ отставку. Бутурлинскій Комитетъ, этотъ верховный цензоръ того времени, присвоившій себѣ власть преслѣдовать не только цензоровъ за ихъ неосмотрительность, но и ихъ главнаго начальника, министра народнаго просвѣщенія, вѣдаваго тогда и дѣ-

¹⁾ И. И. Давыдовъ—директоръ Педагогическаго института. Ред.

²⁾ Въ статьѣ этой онъ, между прочимъ, говоритъ: «На Западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуетъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности; они пользуются смутами, въ чадѣ властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбивой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность къ Государю, любовь къ Россіи — эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими мы спасены въ години бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу, намъ остается лишь наслаждаться этими благами. Ложныя лишь понятія о томъ, что совершается на нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать назначеніе и благотворное участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика». «Возстающіе противъ русскихъ университетовъ не имѣютъ о нихъ надлежащаго понятія, называя ихъ подражаніемъ цѣмеккимъ университетамъ. Между нашими и германскими университетами нѣтъ никакого сходства, кромѣ того только, что науки преподаются въ одинаковомъ объемѣ, по одинаковымъ способамъ. Такъ у насъ ученіе православнаго исповѣданія и отечественныхъ законовъ составляетъ общій предметъ всѣхъ факультетовъ, а въ германскихъ университетахъ одно относится къ богословскому факультету, а другое къ юридическому; прочіе студенты этими предметами не занимаются. Въ нашихъ университетахъ надзоръ за студентами наблюдается инспекторами съ нѣсколькими чиновниками, имъ подчиненными, а въ германскихъ университетахъ студенты внѣ всякаго надзора. Въ нашихъ университетахъ студенты по экзамену переходятъ съ курса на курсъ, а въ германскихъ университетахъ никакой отчетности отъ студентовъ не требуется. Въ нашихъ университетахъ студенты носятъ однообразную одежду, ихъ всякій узнаетъ, а въ германскихъ университетахъ студенты одѣваются въ блузы, ихъ нельзя узнать въ толпѣ отчаянныхъ пролетаревъ. Въ нашихъ университетахъ профессора въ чтеніяхъ своихъ подлежатъ отвѣтственности, въ германскихъ университетахъ профессора читаютъ, что имъ вздумается. Порицатели университетовъ не знаютъ даже и того, изъ какого состоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять лѣтъ передъ симъ еще не поступали въ студенты университетовъ воспитанники духовныхъ семинарій и академій и составляли большинство студентовъ, но въ наше время большая часть студентовъ дворяне и дѣти чиновниковъ. Во всѣхъ университетахъ студентовъ 3937. Въ этомъ числѣ сыновей дворянъ и чиновниковъ 2506, а изъ духовнаго званія 279. Лучшіе студенты нынче въ университетахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и университетовъ, а питомцы гимназій, лицеевъ, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами даже половина дворянъ».

лами цензуры и печати Ширинскій-Шихматовъ, будучи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, состоялъ членомъ означеннаго комитета и, благодаря этому, имѣлъ полную возможность интриговать противъ своего непосредственнаго начальника гр. Уварова, нашель статью неприличною, и государь съ этимъ согласился. Цензорамъ было строжайше предписано подвергать запрещенію всѣ статьи какъ за университеты, такъ и противъ университетовъ.¹⁾

Очутившись у власти, Ширинскій-Шихматовъ первымъ дѣломъ набросился на университеты. Въ подписанной имъ 24 октября 1849 г. инструкціи ректорамъ и деканамъ университетовъ онъ требуетъ, чтобы они имѣли постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскихъ ученій, обращая особенно бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе можетъ подавать болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ, каковы, наприкладъ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коими не подлежитъ сомнѣнію. При посѣщеніи лекцій и во время испытаній ректоръ и деканы обязаны строго наблюдать за неприкосновенностью начала, служащаго основою нашего государственнаго быта и состоящаго въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, правамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть иного образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви, и отецъ отчества, есть не только сосредоточіе, но и соединеніе всѣхъ властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. Не довольствуясь отстраненіемъ вредныхъ мнѣній, деканы и ректоръ обязаны не позволять въ преподаваніи ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ. Кромѣ того, въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время разныхъ политико-экономическихъ системахъ каковы: сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ, социализмъ и коммунизмъ. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства, даже

¹⁾ См. объ этомъ инцидентѣ въ книгѣ М. К. Лемке «Очерки исторіи русской цензуры и журналистики», Спб. 1904 г., стр. 225—234, 243; Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. X, 529—540. Ред.

ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы должны отсѣкать все, что въ преподаваніи можетъ даже косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ. Къ сему относятся также и разсужденія, имѣющія цѣлью унижить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями. Наконецъ, съ этимъ же намѣреніемъ и въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія ректору и деканамъ предписывается не позволять въ лекціяхъ профессоровъ изъяслять въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства.

Этимъ мѣропріятія Ширинскаго-Шихматова противъ университетовъ не ограничились, и въ 1850 г. послѣдовало запрещеніе преподавать въ университетахъ философію; наконецъ, былъ ограниченъ опредѣленной нормой¹⁾ пріемъ студентовъ въ университеты и прекращена посылка молодыхъ ученыхъ за границу для усовершенствованія. Должность ректора поставлено замѣщать по назначенію и не изъ профессоровъ. Деканы также могли увольняться по усмотрѣнію министра и назначаться безъ выборовъ. Кромѣ философіи, запрещено было преподаваніе государственнаго права иностранныхъ государствъ, а курсы логики и психологіи были сохранены въ программѣ подъ условіемъ, чтобы они преподавались профессорами богословія²⁾. Выдумать что-либо большее оказалось немыслимымъ, такъ какъ было уже придумано еще Уваровымъ, и даже ранѣе его. Еще въ 1827 г. состоялся указъ, чтобы въ университеты принимались только лица свободныхъ состояній. Высшее образованіе для низшихъ слоевъ признавалось безполезнымъ, такъ какъ оно «составляя излишнюю роскошь, выводитъ ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для ихъ и государства». Съ этой цѣлью въ 1828 г. были измѣнены программы уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а равно и гимназій, благодаря чему каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ учебныхъ заведеній получилъ свой законченный кругъ учебныхъ предметовъ, а приходскія и уѣздныя училища утратили характеръ пригото-

¹⁾ 300 человѣкъ, кромѣ медицинскихъ факультетовъ. *Иконниковъ*. «Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія». «Вѣстн. Евр.» 1876 г., № 11, стр. 102.

²⁾ Ср. *Барсуковъ* «Жизнь и труды Погодина» XI, 21—24; ст. *Иконникова* въ «Вѣстн. Европы», 1876 г., № 11, стр. 103—104; *С. В. Рождественскій*, «Историч. обзоръ дѣятел. Минист. Народ. Просв.». Спб., 1902 г., стр. 263—266. *Ред.*

вительныхъ заведеній для гимназій. Ширинскому - Шихматову оставалось только «рекомендовать дворянской молодежи поступать въ военно-учебныя заведенія или прямо въ ряды войскъ», что имъ и практиковалось.

Покончивъ съ университетами, Ширинскій-Шихматовъ принялся за гимназіи. Всего ненавистнѣе для него тамъ было преподаваніе древнихъ языковъ. Изъять изъ программы латинскій языкъ онъ не дерзнулъ, а потому ограничился лишь отмѣной преподаванія въ гимназіяхъ греческаго языка ¹⁾ и значительнымъ сокращеніемъ программъ по латинскому языку. Такъ въ 1-ой С.П.Б. гимназіи учить латинскому языку начинали только съ V класса, при чемъ обученіе этому языку для той части учениковъ, которая стремилась на государственную службу, минуя университетъ, взамѣнъ латинскаго языка преподавалось законовѣдѣніе. Какъ латинскому языку, такъ и законовѣдѣнію отводилось по 4 урока въ недѣлю. Взамѣнъ греческаго языка было введено преподаваніе естественной исторіи во всѣхъ семи классахъ. Такая программа продержалась въ гимназіи до начала 1857/58 учебнаго года, когда начальство, убѣдившись въ малопользости въ гимназическомъ курсѣ законовѣдѣнія, признало необходимымъ сократить объемъ программы по законовѣдѣнію и назначить преподаваніе его только въ VI и VII классахъ. Взамѣнъ рѣшено было усилить преподаваніе латинскаго языка, а именно начинать его съ III класса, а не съ V ²⁾, при 3-хъ урокахъ въ недѣлю. Въ такомъ видѣ я засталъ программу гимназіи, и программа эта тамъ продержалась до толстовской реформы.

Съ 1850 г. было обращено также особое вниманіе на преподаваніе Закона Божія. Императоръ Николай Павловичъ «въ справедливомъ вниманіи къ преподаванію Закона Божія, какъ единственнаго твердаго основанія всякому полезному ученію», высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы мѣста законоучителей, отъ университетовъ до приходскихъ училищъ, занимали лица, проникнутыя убѣжденіемъ въ святости своего призванія. Для болѣе полнаго наблюденія за преподаваніемъ Закона Божьяго былъ назначенъ особый визитаторъ, которому вмѣнено было въ обязанность посѣщеніе уроковъ Закона Божьяго въ теченіе всего года, кромѣ того, къ прежнему курсу присоединено ученіе о богослуже-

¹⁾ Кромѣ девяти классическихъ гимназій во всей Россіи. *Шмидъ*. «Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи». Спб. 1878 г., стр. 391. Срав. *Рождественскій*. стр. 289—290.

²⁾ По учебному плану 1852 г., латинскій языкъ начинали преподавать не въ строго классическихъ гимназіяхъ съ IV класса. *Шмидъ*, 391. О преобразованіяхъ гимназій въ царствованіе имп. Александра II, ст. *Рождественскій*, 369—370, 435 и слѣд. *Ред.*

ніи, прже не преподававшееся. Новшествомъ тутъ было лишь учрежденіе новой должности визитатора, что же касается богослуженія, то таковое было внесено въ программу взаимнъ «изложенія христіанскихъ обязанностей», что же касается усиленія значенія предмета въ циклѣ ученія, то въ такомъ усиленіи казалось бы никакой надобности быть не могло, такъ какъ бдительность въ этомъ отношеніи правительства никогда не ослабѣвала. Еще гр. Уваровъ, въ 1833 г., при вступленіи въ должность министра, писалъ: «Посреди быстрого паденія религіозныхъ и гражданскихъ учреждений въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, надлежитъ укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, найти начала, на коихъ зиждится благоденствіе, силы, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія, собрать въ одно цѣлое священные остатки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастью, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить... Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнка Мономахова. Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Наряду съ этими двумя національными началами находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: народность. Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежитъ включить въ систему общественнаго образованія». ¹⁾

Во все время пребыванія у власти Ширинскаго-Шихматова, Норовъ, состоялъ у него въ товарищахъ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія при имп. Николаѣ Павловичѣ и трехъ лѣтъ при Александрѣ II никакихъ измѣненій въ своемъ вѣдомствѣ не дѣлалъ, а плылъ лишь по теченію, служа при Николаѣ I самой необузданной реакціи, а при Александрѣ II подчиняясь новымъ вѣяніямъ и безсильно выпуская изъ рукъ возжи. ²⁾ Въ результатѣ получилась полная анархія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, съ которой долго не могли справиться преемники Норова и которая такъ тяжело отзывалась на большинствѣ моихъ сверстниковъ и моихъ старшихъ товарищей.

Я попалъ въ 1-ую гимназію съ 1860/61 г., когда распоряженіе начинать преподаваніе латинскаго языка съ III класса уже

¹⁾ Ср. Шмидъ, 291—293. Ред.

²⁾ При Норовѣ въ царств. имп. Александра были отмѣнены нѣкоторыя реакціонныя мѣры, принятые относительно университетовъ при Ширинскомъ-Шихматовѣ. *Рождественскій*, 357, 361. Ред.

было приведено въ исполненіе. Усиливая требованія по латинскому языку, министерство въ то же время не озаботилось порученіемъ преподаванія подходящимъ учителямъ. Благодаря этому, если нѣкоторымъ изъ моихъ сверстниковъ и пришлось вырасти на радость родителей, то это случилось не въ утѣшеніе наставниковъ, ибо послѣдніе были изъ рукъ вонъ плохи, хотя среди нихъ попадались люди добрые. Старшимъ, напр., учителемъ латинскаго языка былъ съ 1857 по 1864 г. нѣкій В. А. Альтонскій, человѣкъ совершенно невмѣняемый и къ учительству не способный. У него ученики быстро забывали и то не многое, что успѣли выдолбить въ III классѣ у младшаго учителя латинскаго языка А. П. Колоколова.—Въ 1864 г. въ бытность министромъ А. В. Головнина появился новый уставъ гимназій, положившій вновь въ основу преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ оба древніе языка. Уставъ этотъ предполагалось ввести съ осени 1864 г. Незадолго до обнародованія этого устава Головнинъ посѣтилъ первую гимназію, гдѣ присутствовалъ въ IV классѣ на урокъ латинскаго языка, при чемъ обратилъ просвѣщенное вниманіе на то, что многіе изъ учениковъ не знаютъ даже склоненій. «А вы ступайте ко мнѣ въ VII классъ», съ апломбомъ объяснилъ ему Альтонскій, «тамъ у меня не умѣютъ даже читать». Вслѣдъ за этимъ Альтонскаго убрали. Впрочемъ, я не знаю въ Россіи и до сего времени учебнаго заведенія, въ составѣ коего не было бы по крайней мѣрѣ одного полоумнаго преподавателя. Его замѣнилъ С. С. Сабининъ, человѣкъ крайне добрый, европейски образованный (онъ былъ сынъ нашего священника въ Штутгартѣ, выросъ и учился въ Германіи). Онъ, повидимому, не былъ самъ силенъ въ латыни, а въ русской словесности и совсѣмъ слабъ. Къ учительской дѣятельности онъ не былъ подготовленъ и искупить грѣхи Альтонскаго оказался не въ состояніи. Учительствовалъ онъ въ гимназіи съ 1863 по 1870 г.

Въ числѣ преподавателей былъ и извѣстный въ то время весьма популярный въ литературныхъ сферахъ В. И. Водовозовъ. Онъ пользовался большою любовью учениковъ и имѣлъ на нихъ вліяніе, какъ добрый и просвѣщенный человѣкъ, но неспособенъ былъ держать дисциплину въ классѣ, У него можно было научиться многому въ высшей степени интересному, но онъ не выполнѣ держался того, что требовалось по программамъ и къ чему мы питали искреннее отвращеніе. Словемъ онъ насъ не только обучалъ, но и развивалъ, и за это поплатился ¹⁾).

Законоучителемъ былъ протоіерей А. Ф. Орловъ. По окончаніи въ 1830 г. СПб. Духовной Академіи онъ вскорѣ былъ удо-

¹⁾ Ср. въ книжкѣ В. И. Семевскаго. «М. В. Водовозовъ» Спб., 1888. *Ред.*

стоенъ степени магистра и былъ опредѣленъ въ ту же академію бакалавромъ французскаго языка, въ 1838 году онъ преподавалъ тамъ же гражданскую исторію, а въ 1841 г. занялъ должность законоучителя въ первой гимназіи, въ каковой должности оставался до смерти, послѣдовавшей въ 1870 г., скоропостижно, во время всенощной. Какъ духовный писатель, онъ отличался плодотворностью, былъ сотрудникомъ «Христіанскаго Чтенія», въ которомъ, кромѣ оригинальныхъ статей, помѣщалъ весьма много переводовъ съ греческаго языка и съ французскаго.

Въ періодъ времени съ 1860 года по 1865 годъ, когда я учился у Орлова, онъ былъ мало пригоднымъ учителемъ, хотя и безконечно добрымъ человѣкомъ, и во всякомъ случаѣ не соответствовалъ тому идеалу, который былъ исчерпанъ въ вышеуказанномъ Высочайшемъ повелѣніи Николая I. Я зналъ его, какъ весьма нетребовательнаго преподавателя, у котораго можно свободно было ни чему не учиться. Онъ отличался старческой болтливостью, и при извѣстномъ его настроеніи легко можно было заставить разсказывать въ классѣ анекдоты, которыхъ въ запасѣ у него было множество, и весь урокъ тогда уходилъ на эти анекдоты. Визитаторомъ въ мое время состоялъ профессоръ богословія СПБ. университета Полисадовъ. Когда въ 1860 г. были отмѣнены переходные экзамены, то по Закону Божию эти экзамены, по настоянію Полисадова, были ссхранены, что насъ, учениковъ, приводило въ крайнее раздраженіе, такъ какъ по годовымъ балламъ мы могли, ничему у Орлова не учась, свободно переходить изъ класса въ классъ. Экзамены, однако, оказывались крайне легкими. Орловъ предоставлялъ намъ самимъ заготовлять билеты. Мы, пользуясь этимъ дозволеніемъ, нарѣзали бумагу такъ, что одни билеты приходились съ гербомъ, другіе безъ герба, изъ третьихъ была отрѣзана половина герба продольнымъ разрѣзомъ, а на четвертомъ—поперечнымъ. Благодаря такому плутовству, на которое начальство смотрѣло сквозь пальцы, можно было къ экзамену подготовляться въ одной четверти билетовъ.

Первая гимназія изстари славилась успѣшнымъ преподаваніемъ новыхъ языковъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи традиціямъ благороднаго пансіона, изъ котораго она была преобразована въ 1830 г. и совмѣстно съ которымъ просуществовала еще четыре года.

Въ 1865 г. въ гимназію неожиданно прибыли ревизоры. Для провѣрки успѣховъ учащимся была назначена комиссія въ составѣ членовъ Ученаго Комитета Министерства—Галахова и Шафранова по русскому языку, Лапшина и Струве по латинскому языку, окружныхъ инспекторовъ Михельсона по языкамъ:

французскому и нѣмецкому, Максимовича и Деля по географіи, старшаго библіотекаря Минцлова по французскому и нѣмецкому языкамъ, профессоровъ Куторги по исторіи, Сомова и Коркина по математикѣ и Петрушевскаго по физикѣ. Комиссія экзаменовала учениковъ весь великій постъ. Однимъ изъ первыхъ результатовъ дѣятельности Комиссіи было увольненіе отъ службы В. И. Водовозова. Въ особенную вину ему были поставлены сочиненія тѣхъ учениковъ, которымъ пришлось писать на тему «О Карамзинѣ». О Карамзинѣ писалъ и я. Я доказывалъ, что исторія Карамзина полна угодничества передъ сильными міра сего и пр.

Послѣ описанной ревизіи въ гимназіи, я счелъ за благо изъ нея удалиться, не окончивъ курса, и держать выпускной экзаменъ экстерномъ.

На этомъ я кончаю свои раннія воспоминанія.

А. Пеликанъ.

Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на волгѣ».*)

VII.

Переѣздъ.

Къ Ставрополю мы стали привыкать и забывать о намѣченныхъ впереди мѣстахъ, выбранныхъ нами по красотѣ для остановки на все лѣто: (*Моркваши*, или *Ширяевъ Буерокъ*?) былъ нашъ выборъ.

И насъ обыватели Ставрополя примѣтили и считали за землемѣровъ. Увидѣвъ насъ рисующими, проходящій прасолъ изрекъ эпически, нараспѣвъ: «*По Волгѣ по рѣкѣ*».

Мѣстный мѣщанинъ обратился къ нему съ разспросами:

— Планиду списываютъ, — объяснилъ онъ съ важностью. Обратился къ намъ.

— А и трудная тоже ваша должность: по какимъ горамъ лазите. А много ли вы жалованья получаете?

— Мы еще учимся, — отвѣтилъ кто-то изъ насъ.

— Учитесь—а-а... Стало-быть изъ кантонистовъ будутъ, — пояснилъ онъ товарищу.

Намъ надо было еще спуститься верстъ шестьдесятъ по теченію, чтобы поосмотрѣть окрестности намѣченныхъ нами мѣстъ, нанять избу на все лѣто и переѣзжать. Васильевъ заботился и торопиль.

Въ Ширяево рѣшено было съѣздить Васильеву и миѣ.

Было начало іюня. Погода стояла дивная. Мы наняли лодку съ двумя гребцами: спустить насъ до Ширяева, противъ Царева Кургана, а оттуда намѣревались мы вернуться на пароходѣ.

Выѣхали мы съ восходомъ солнца, часа въ четыре. И рыбаки просили не опоздать, чтобы днемъ, въ самую припеку, имъ отдохнуть часа два. Какой былъ восходъ!! Мы пришли къ лодкѣ раньше гребцовъ и сидя восхищались, какъ постепенно свѣтлѣла и расцвѣчивалась природа, особенно небо... Какъ мы жалѣемъ всѣхъ

*) См. № 1 «Гол. Мин.».

интеллигентовъ, которые никогда почти не видятъ восходовъ. Когда вошло и блеснуло солнце, то все потемнѣло и глазамъ стало больно: пошли разноцвѣтные круги... въ глазахъ...

Теченіе Волги довольно быстрое; гребцы наши,—мужики здоровые, а все же 60 верстъ тянулось долго-долго. Стало сильно припекать и клонить ко сну...

Но вотъ и Моркваши. День воскресный; на берегу—прибережные, любятъ Волгу и каждую свободную минуту высыпаютъ на берегъ. Насъ обступили. Какой красивый, дородный народъ! Высокіе цилиндры - гречневики, съ большимъ перехватомъ по срединѣ, такъ къ нимъ идутъ. И откуда у нихъ такая независимость, мажорность въ разговорѣ? И эта осанка—полная достоинства. Какъ не станетъ мужикъ—все красиво. И бабы подходятъ. Тоже—княжны какія то по складу: рослая, красивая, смѣлая. Всѣмъ здѣсь говорятъ «ты» обыватели, и за этимъ чувствуется равенство. Никакого подхалимства, никакой замашки услужить господамъ—словомъ никакого холопства.

— А что, господа, вѣрно къ мировому пріѣхали? Отсюда недалеко квартира—вонъ въ томъ домѣ, тамъ и дощечка прибитая...

— А что, въ самомъ дѣлѣ, — шепчетъ мнѣ Васильевъ, — зайдемъ къ мировому: разспросимъ, познакомимся.

Я очень удивился этой неожиданности.

— Какъ же это, къ незнакомому? Да вѣдь у насъ къ нему никакого дѣла нѣтъ.

— Э, пойдемъ, это интересно; иди за мною—увидишь, какъ живутъ провинціалы, вѣдь имъ тутъ скучно безъ людей; я ихъ знаю; и надо же изучать нравы.

И опять онъ заставилъ меня дивится диву: передъ входомъ онъ натянулъ лайковыя перчатки, граціозно взялъ въ руку тросточку, обмахнулъ платкомъ пыль на ботинкахъ съ крючками... Ну просто, вошелъ такой столичный франтъ, завсегдатай салоновъ недурного тона; такъ мило извинился вначалѣ, такъ бойко коснулся всѣхъ вопросовъ, такъ умѣло навелъ мирового на рассказы о своей практикѣ и окрестныхъ интересахъ, что разставался мировой съ нами уже дружески и не притворно жалѣлъ, что визитъ нашъ такой короткій. Отъ него мы узнали, что на ближайшей скалѣ надъ Волгой Петръ Великій собственноручно высѣкъ на камнѣ свое имя. Мы сейчасъ же туда. Здорово вспомѣли, пока взобрались; воротнички раскисли, сапоги ошарпались... Дѣйствительно, надпись была, хотя мѣстами песчаникъ временемъ и непогодами сильно вывѣтрился, и разобрать надпись не безъ труда можно было. Сверху намъ казалось, что Волга

подходить къ самой горѣ, почти отвѣсно стоящей къ берегу, но, сколько мы ни старались, не могли добросить камня до воды; а бросать камешки и я былъ охочъ и умѣлъ—все черезъ Донецъ бывало бросалъ въ дѣтствѣ.

Очень понравились намъ Моркваши; но наша цѣль—Царевъ-Курганъ, а до него еще верстъ 20 оставалось. Ыдемъ...

Эта меньшая часть намъ показалось гораздо тяжелѣе. Рыбаки наши приустиали (поди-ка, отмахай столько веслами!) Они посадили третьяго съ собою; такимъ образомъ установилось очередь—одинъ отдыхалъ.

Я сталъ зарисовывать свободнаго въ карманномъ альбомчикѣ.

— Ну, что, много списали?—острилъ онъ... Аршинъ чай списали; а еще верстъ десятокъ осталось?

Только часамъ къ 7-ми вечера мы добрались до Ширяева-Буерака.

И тутъ насъ обступили, но народъ былъ уже наполовину не тотъ. (Эти были прежде крѣпостными). Мы стали спрашивать объ избѣ на все лѣто, и одинъ хозяинъ повелъ насъ въ свою чистую половину избы: она была раздѣлена на три части, и здѣсь мы рѣшили поселиться. Стали торговаться съ хозяиномъ и сошлись на 13 рублѣхъ—*платить намъ за все лѣто*.

Дня черезъ два мы переѣхали.

Какая скука — пароходная неаккуратность! По расписанію изъ тѣхъ мѣста надо быть на пристани къ двумъ часамъ ночи. Ждешь, ждешь, а пароходъ опоздаетъ — иногда на весь день! То туманы по утрамъ, то погрузка задержитъ...

Но преодолевъ все это, мы съ сундуками опять проѣхали на подводахъ изъ Ставрополя опустѣвшее старое русло Волги; опять удивлялись костямъ великановъ осокорей и до очарованія не могли наглядѣться на противоположный лѣсистый берегъ. Зеленый, темный, красивыми возвышенностями уходилъ онъ въ небо. И дивно, дивно колебался въ темно-зеленой водѣ широкими сочными мазками!—Какая роскошь, безграничность! И веселье какос-то не покидаетъ васъ на Волгѣ. Ширь, просторъ, да и встрѣчи поминутныя. То тянутся плоты безконечной вереницей, то бѣляна, важно, увѣсисто, нагруженная бѣлыми досками, блеститъ на солнцѣ, какъ золотая, и тихо поскрипываетъ. Всѣ встрѣчные салютуютъ пароходу, махаютъ шапками; кричатъ что-то, даже дѣловое, и съ парохода нѣкто отвѣчаетъ: какіе-то наказы, порученія. А вотъ пароходъ «бѣжить» навстрѣчу, всѣхъ занимаетъ; очень важно какой компаніи? Нѣкоторые все знаютъ.—

Подаетъ свистокъ. Вонъ тамъ смотрите, смотрите, какъ сильно колыхнулись косовушки; вотъ и насъ хлестнуло высокой волной. «Смотри, смотри!—призываетъ Васильевъ меня: опять бурлаки барку — видишь — тянуть; это ужасъ — какая длинная бичева! Ай, ай, какъ ихъ барку качнуло, даже назадъ попятились. А на берегу-то, на берегу! Смотрите, какъ бросились рыбаки къ своимъ лодкамъ!» Лодки подбросило сначала вверхъ до камней, а потомъ потянуло отъ берега; унесетъ, пожалуй, — и, вѣрно, глубоко: влѣзаютъ въ воду до самой груди, даже вплавъ бросились, а то занесетъ, поди догоняй лодку: какъ тутъ быстро вода идетъ. Тракъ бойкій. Что-то опять вдали показалось.

— «О-о, гляди, гляди!—завозня черезъ Волгу переправляется, вѣрно на косовицу». Пароходъ убавилъ ходу, чтобы не потопить переѣзжавшихъ. Какъ нагружена! И лошади, и телѣга, и корова съ теленкомъ; народу масса — завозня до самыхъ краевъ сѣла въ воду. А на веслахъ бабы, бабы гребутъ, весла большія—распашныя: вотъ она, бабья сила. Еще вонъ: показалась вдали, на нашемъ пути, лодка съ пассажирами, и въ ней дамы съ зонтиками; махаютъ намъ платками. Капитанъ далъ свистокъ, колеса остановились... Тихо стало. «Задній ходъ!» Мы поровнялись съ лодкой. «Стопъ!» командуетъ рулевой; выбросили трапъ, и пассажировъ, со всѣми ихъ продуктами и чемоданами, приняли на пароходъ.

— Ну, братцы, вѣдь скоро и намъ высаживаться; смотрите, не забыли-ли чего — подвигайтесь-ка съ чемоданами и сундуками къ трапу правой стороны. Какъ быстро пароходъ идетъ—«бѣжитъ» говорятъ мужики: вотъ ревнивые оберегатели русскаго языка, сейчасъ засмѣютъ, если не вѣрно выразиться. И тутъ, такъ хлопочетъ нашъ старшій опекунъ, нашъ молодой Васильевъ...

— Ого! какъ скоро, уже и Моркваши пробѣжали; скоро и наше Ширяево.

— Капитанъ, будьте любезны дать свистокъ, не доѣзжая Лысой горы: тутъ за нами лодка должна выѣхать,—звонко отчеканиваетъ Васильевъ капитану. Свистокъ раздался такой громкій, что даже уши заложило.

Видимъ, на средину Волги выѣзжаетъ большая завозня и еще двѣ лодки. Капитанъ скомандовалъ задній ходъ... Смятеніе, лоцмана засуетились сносить наши сундуки къ трапу; въ лодкѣ ихъ приняли умѣло, безъ суеты и опасности. Подали и намъ руки снизу — прыгайте на средину! Мы весело-растерянно раскланиваемся съ капитаномъ, пароходомъ, добродушными лоцманами и публикой заодно.

VIII.

Ширяево.

— Ну, куда-то Господь привелъ насъ? шепчемся.

— Къ Ивану Алексѣеву — знаете? хозяйничаетъ гребцамъ Васильевъ.

— Знаемъ, знаемъ: вонъ на берегъ высыпала вся семья — ждутъ васъ съ утра.

Ну, вотъ мы и дома — на все лѣто уже здѣсь останемся...

Давайте устраиваться въ избѣ: кто гдѣ помѣстится...

А что здѣсь по берегу охотиться можно? спрашиваетъ Васильевъ мужиковъ.

— А когда же, чай, нѣтъ... отвѣчаютъ Ширяевцы;—да вѣдь до Петрова дня нельзя. Запрещено начальствомъ — строго.

— А? Ну, мы такъ, мѣста посмотримъ. Василій Ефимовичъ берите свое ружьишко и айда, какъ говорятъ здѣсь всѣ.

— На другой день, послѣ чая, мы сразу разбрелись въ разные стороны.

Макаровъ неудержимо поползъ наверхъ къ большимъ глыбамъ и плитамъ песчаника въ видѣ сфинкса, Васильевъ съ братомъ — въ Козьи Рожки, верхнюю тропю; а я взявъ альбомъ и пошелъ въ противоположную сторону къ *Воложкѣ*, какъ называютъ ближайшіе небольшіе притоки Волги

Спустившись нѣсколькими порогами, въ родѣ ступеней огромной лѣстницы изъ песку, отъ половоди, я увидѣлъ въ уютномъ уголкѣ надъ водой душъ двадцать дѣвченокъ, отъ 10—4 лѣтъ. Онѣ сидѣли и, какъ умѣютъ только деревенскіе дѣти и люди, — ничего не дѣлали.

Я подѣлъ въ сторонкѣ и вижу: прекрасная группа дѣтишекъ лѣжится на импровизированныхъ ступеняхъ Волги.

Дѣти сначала почти не обратили на меня вниманія и потому все больше о чемъ-то болтали между собою и играли въ *«черепочки»*. Вообще деревенскія дѣти очень умны, необыкновенно наблюдательны, а главное, они въ совершенствѣ обладаютъ чутьемъ въ опредѣленіи всѣхъ явленій жизни — отлично оцѣниваютъ и животныхъ, и людей, въ смыслѣ опасности для себя.

— Дѣтки! говорю я громко, когда почувствовалъ, что ко мнѣ уже достаточно привыкли, — посидите такъ смирно, не шевелясь: каждой, кто высидитъ *пять минутъ*, я дамъ 5 копѣекъ. — Дѣвчонки это вдругъ поняли, застыли въ своихъ положеніяхъ и я — о, блаженство, читатель — я, съ дрожью удовольствія, сталъ бѣгать карандашемъ по листку альбома, ловя характеры, формовки,

движенія маленькихъ фигурокъ, такъ прелестно сплетавшихся въ полевой букетъ... Будто ихъ кто усаживалъ.

Невольно возникаютъ въ такихъ случаяхъ прежнія требованія критики публики — отъ психологіи художника — что онъ думалъ, чѣмъ руководился въ выборѣ сюжета; какой опытъ или символъ заключаетъ въ себѣ его идея?

— *Ничего!* Весь міръ забыть; ничего не нужно художнику, кромѣ этихъ живыхъ формъ; въ нихъ самихъ теперь для него весь смыслъ и весь интересъ жизни. — Счастливыя минуты упоенія; не чувствуетъ онъ, что отсидѣлъ ногу, что сырость проникаетъ къ нему черезъ пальто (почва еще не совсѣмъ обсохла). Словомъ, художникъ счастливъ, наслаждается и не видитъ уже ничего кругомъ... Какая-то баба пришла, остановилась... Но я почувствовалъ инстинктивно, что она въ волненіи. Взглянулъ на нее—она стоитъ въ какомъ-то оцѣпѣненіи. Отъ моего взгляда она попятилась, исчезла. Мы были внизу. И слѣдъ ея сейчасъ же скрывался за подъемомъ... Пришла другая баба, что-то прошептала дѣвченкамъ; эта вдругъ схватила за косенки одну дѣвочку и вытащила ее наверхъ, откуда уже спускались двѣ новыхъ бабы; одна изъ нихъ презлющая, съ хворостиной въ рукѣ... И начались громкія ругательства. Нигдѣ такъ не ругаются, какъ на Волгѣ. Это слышали многіе и знаютъ, но чтобы бабы такъ ругались, этого признаться я и не воображалъ и ни за что не повѣрилъ бы, что мать можетъ ругать такъ свою дѣвчонку уже лѣтъ 10-ти, такъ громко, при всѣхъ...

— Чего вы чертенята сидите — развѣ не видите?! Вѣдь это самъ дьяволъ, онъ васъ околдовалъ... Бросьте деньги — это черепки! Вотъ завтра увидите сами... И вдругъ стала хлестать, хворостиной безъ разбору весь мой живой цвѣтничекъ. Дѣвочки завизжали, побросали пяточки, которые я такъ аккуратно выдавалъ каждой фигуркѣ, чтобы поселить въ нихъ довѣріе. Разсыпались мои натурщицы всѣ и сейчасъ же исчезли за подъемомъ. Я, въ горести напрасной, всталъ и недоумѣвалъ, что произошло; но ко мнѣ уже спускались около десятка бабъ и трое мужиковъ. Всѣ они таинственно шептались. Подступили. Лица злыя.

— Ты чаво тутъ дѣлашь?—спрашиваютъ меня, какъ мошенника или вора.

— Да я на картинку ихъ списывалъ,—стараюсь я быть понятнымъ.

— Зна-мъ, что списывалъ; а ты кто таковъ будешь?

— Да вѣдь мы вчера пріѣхали, у Ивана Алексѣева остановились въ избѣ.

— А паспортъ у те-е есть?

— Есть паспортъ, на квартирѣ.

За это время группа, окружавшая меня, значительно увеличилась новопришедшими бабами и мужиками; всѣ что-то шептали; указывали на пяточки, все еще валявшіеся тутъ же, и дѣлались все мрачнѣе и злѣе.

— Подавай намъ пачпортъ, — гудятъ на разные лады мужики, — зубы не заговаривай!

— Пойдемте къ квартирѣ, — успокаиваю я, — мы не бѣглые какіе.

Академическія свидѣтельства тогда выдавались съ приложеніемъ большой круглой академической печати въ родѣ церковныхъ (на метрикахъ). Курсивомъ былъ литографированъ текстъ, въ которомъ — о, предупредительные учредители, насадители искусства въ Россіи, они какъ будто предчувствовали эти недоразумѣнія — на противоположной сторонѣ листка свидѣтельства петитомъ напечатано было: лица начальствующія благоволятъ оказывать содѣйствія при занятіяхъ ученику такомуто... Пишу своими словами и не ручаюсь за точность словъ.

Признаюсь, я самъ только тамъ, въ избѣ, прежде, чѣмъ вынести свое свидѣтельство, прочиталъ его про себя и очень обрадовался.

— Ну вотъ, мой паспортъ, выданный въ Петербургѣ нашимъ начальствомъ, увѣренно и спокойно возгласилъ я. Ближайшіе взглянули удивленно на меня и стали переглядываться: что-то ворчатъ.

— Да рази такіе пачпорта? Это не пачпортъ?... Ты братъ, зубы то не заговаривай — видали.

— А что тутъ прописано? Назойливо тянетъ одинъ старикъ; — а ты прочитай, вѣдь мы народъ темный.

— Да читайте сами; а то, пожалуй, не повѣрите, — возражаю я.

Оказалось, во всей честной улицѣ, изъ 30 душъ обоего пола — ни одного грамотнаго...

— Ну что же, позовите дьячка какого-нибудь, — совѣтую я.

— Да гдѣ онъ — у насъ церкви нѣтъ.

— Ларька! Крикнулъ одинъ мужикъ побойчѣ мальчишкѣ, забѣги на мой дворъ, сядь на пѣгаго мерина и — айда въ Козьи Рожки за писаремъ!...

Уже по дорогѣ, когда меня вели, какъ пойманнаго преступника, многіе, особенно уже бурлаковавшіе саврасы, приставали и довольно нахально напирали на меня въ толпѣ, готовясь проучить. Теперь, въ ожиданіи писаря, толпа росла и загородила всю улицу передъ нашей квартирой; работы въ полѣ кончились, и обыватели освобождались и ѣхали и шли къ избамъ. Ко мнѣ подступали все ближе и рассматривали, съ желаніемъ сорвать зло.

— А, вонъ писарь ѣдетъ, писарь, писарь!—сказали, указывая на бородатаго мужика, рысившаго на пѣгомъ, широко разставивъ локти. Мужикъ, въ красной рубахѣ, огромной наружности, на писаря не былъ нисколько похожъ — какъ есть бурлакъ; лицо отекшее, пьющій.

IX.

Императорская печать.

Ему передали мой паспортъ. Онъ грамотно прочиталъ его; но, вѣроятно, скорѣе, чѣмъ способно схватить ухо простолюдина.

Вотъ опять придется замѣтить: насколько дѣти деревенскія умны, догадливы и культурны (все, все знаютъ дѣти деревенскія и могутъ многому научить взрослыхъ), настолько тупы, глупы и совершенно необразованы взрослые мужики: особенно отъ 20—30 и даже до 40 лѣтъ — какъ бревно, ничего не понимаетъ.

— А это что же за печать такая? ткнулъ большимъ чернымъ пальцемъ ближайшій мужикъ въ мой паспортъ у писаря.

— А это: «печать Императорской Академіи Художествъ»... Прочелъ казенно писарь, поворачивая кругъ...

Эффектъ вышелъ превзошедшимъ всѣ мои желанія.

Толпа вдругъ замерла и попятилась назадъ; тихо, инстинктивно, стали бойцы-дерзилы затасовываться другъ за дружку. Какъ будто даже всѣ лица вдругъ потемнѣли; глаза уже смотрѣли или въ землю, или вбокъ куда-то, съ явнымъ намѣреніемъ скрыться...

«Императорская печать»... «Императорская печать»... шептали въ толпѣ, слышь.... ты?.. Какъ-то шуршало въ толпѣ и расходясь таяло вмѣстѣ съ ней...

А вонъ, кстати, и наши—Макаровъ, и Васильевъ и мой братъ возвращались домой...

— Это что! Э-э-э... это что!—уже паясничалъ Васильевъ издали.

— Что имъ паспорта? — Вишь, начальство. Сейчасъ же къ писарю: зайдите къ намъ, мы вамъ все подробно объяснимъ, кто мы, а вы ужъ, пожалуйста, вразумите этихъ чудаковъ...

— Ну, что вы ребята,—обратился Васильевъ къ мужикамъ,—вѣдь мы не краденные: цѣлое лѣто будемъ жить у васъ; справиться о насъ у начальства въ Петербургѣ можете. Ну, маршъ, по домамъ; вишь ярмарку какую устроили, весело начальствуетъ Васильевъ. Какъ они васъ притиснули!

— Айдаге, братцы, ужинъ варить,—уже обратился онъ къ намъ. Ну, Василій Ефимовичъ, доставайте-ка спиртовки, макароны.

смоленскую крупу; это намъ не Ставрополь: тутъ, я думаю, никто не умѣетъ готовить... А ѣсть какъ хочется!

— Кромѣ молока, можно ли тутъ чего-нибудь достать на приварокъ,—сбратился Васильевъ къ бабамъ.

— Да, чай можно, гдѣ же, чай, нѣтъ, вѣстимо можно, только это ужъ завтра: рыбаки стерлядки принесутъ. Когда же, чай нѣтъ — слава Богу, у насъ все есть—поясняютъ бабы.

— А!.. Стерляди?.. Стерляжью уху будемъ варить, вотъ такъ фунтъ,—восхищается Васильевъ.

И мы стали варить макароны. Принесли молоко, черный хлѣбъ и т. д. Мы такъ нахватались; стало темнѣть; захотѣлось спать; и меня долго ночью одолѣвали кошмары. А тутъ еще: матрацовъ никакихъ, скамейка твердая, узкая; я закрылъ ее, чѣмъ могъ: шелковымъ восточнымъ кускомъ тонкой матеріи, да простыней—больше нечѣмъ. Жестко было сначала, но въ теченіе лѣта я привыкъ къ этому жесткому ложу. (А вотъ попробоваль было теперь, два года назадъ, такъ не выдержаль: такъ бока разболѣлись! Никакой возможности терпѣть не стало — бросиль.

Писарь сталъ предлагать намъ разныя услуги, но намъ онъ не внушалъ ни дружбы, ни симпатіи, и мы отказались.

А вотъ что, братцы, надо намъ собрать бѣлье и отдать перемыть... Собрали, записали, отдали. И что-же оказалось. Черезъ недѣлю, когда намъ принесли хозяйскія бабы наше вымытое бѣлье, мы въ недоумѣніи робко взглянули на него и только вздохнули... Бабамъ промолчали — конечно, дешево. Но полѣзли доставать уже брошенное прежде въ грязное: оно оказалось аристократической чистоты. Вымытое бабами было цвѣта кофейнаго крема, и все въ мелкихъ морщинахъ. Оно даже катано не было; а—какъ-то *сложено* кое-какъ, едва разобрали, которое — чье... Рѣшаемъ возить въ Самару, и тамъ отдавать бѣлье въ стирку.

Самара отъ Ширяева всего 15 верстъ: только обогнуть Самарскую Луку, послѣ Царевщины, за Козьими Рожками, скоро и Самара видна. И мы въ продолженіе лѣта часто ѣздили туда за покупками консервовъ, сушекъ, чаю, сахару и всего, что требовалось. Все это брали мы въ магазинъ Санина.

Сложилось какъ-то, что мы къ вечеру, убирая кисти, палитры и пр. напѣвали что-нибудь. У Васильева былъ довольно звучный теноръ; я подхватываль вторить второго, братъ выводилъ высокія варіаціи на флейтѣ; только Макаровъ, какъ истинный баринъ, въ совершенствѣ оправдываль замѣчаніе Тургенева («не фальшиво поющаго русскаго барина мы еще не встрѣчали»). Но Макаровъ умно держался: никогда не открываль рта для пѣнія.

Особенно прижилась къ намъ пѣсенка-романсъ: «Поле ро-сится»...

— Посмотрите,—случайно кто-то взглянувъ въ окно, повто-рилъ:—посмотрите!—передъ нашими окнами стояла уже порядочная кучка людей.

— А что нравится? Хорошо мы поемъ? — спрашиваетъ Ва-сильевъ

— А когда же, чай, нѣтъ, — отвѣчаетъ мужикъ — больно гоже. А что это, дозвольте спросить, ваше благородіе, молитва такая. Вы какой вѣры будете?

— Чго ты, что ты, какая же это молитва — просто пѣсенка.

Гоже, гоже; а мы думаемъ: словно какъ въ церкви поютъ. Извѣстно, что мы знаемъ?..

Къ этому заключенію привело Ширяевцевъ пѣтое нами: «Коль Славень» и «По небу полуночи ангелъ летѣлъ».

Х.

Натура—учитель.

Жизнь наша пошла мирно и плодотворно для насъ.

Въ кустарникахъ, на Лысой горѣ, я впервые уразумѣлъ за-коны композиціи картины: ее рельефъ и перспективу. Растре-панный, чахлый кустарникъ на первомъ планѣ занимаетъ огром-ное пространство картины, кокетливо, красиво онъ прячетъ собою лѣсную тропинку; а великолѣпную группу деревьевъ второго плана дѣлаетъ фономъ. Вотъ рельефъ картины; а мы все барель-ефы сочиняли въ Академіи.

Вечерами, за чаемъ, мы дѣлились своими наблюденіями, спо-рили, острили и много смѣялись. Конечно, запѣвалой былъ Ва-сильевъ. Вечера еще были очень маленькіе; а мы старались раньше вставать. У меня былъ затѣянъ этюдъ восхода солнца съ Лысой Горы на Ширяево. Его можно было писать только до половины 7-го отъ 5 час. утра.

Какая фантазія эти дымы изъ трубъ! Они такъ играютъ передъ солнцемъ. Безконечные варианты и въ формахъ и въ освѣще-ніяхъ — то растянутыхъ кисейными флеромъ, то сгустившимся одинъ надъ другимъ густыми облаками. Надо ловить: никогда мотивы не повторяются точь-въ-точь.

Иногда вдругъ туманъ приползетъ по Волгѣ и станетъ стѣною; закроетъ всю Курумчу и ничего невидно на лѣвой луговой сто-ропѣ. Во время этюда постоянство мальчика-пастуха меня на-чинаетъ удивлять: онъ стоитъ передо мною, на разстояніи шаговъ сорока, будто позируетъ мнѣ — застылъ, не шевельнется.

Надо его разспросить; какъ жаль, я все ловлю дымъ и никакъ не могъ удосужиться его набросать... Посмотрѣлъ часы... А-а, мнѣ пора къ чаю; собираю ящикъ, бѣгу рысью, чтобы не опоздать... мимо пастуха.

— А что это ты тутъ стоишь? Вѣдь что же: ты отсюда ничего не видишь? (Я разумѣю свою работу, которая была загорожена отъ него крышкой ящика).

— Больно гоже, — говоритъ пастушечъ.

— А что гоже? Не понимаю я, — что же ты смотришь, вѣдь не меня; такъ что же гоже-то?

— А, блеститъ, — говоритъ мальчикъ.

— А что такое тамъ блеститъ, вѣдь ничего, кажется, нѣтъ? — удивляюсь, оборачиваясь назадъ.

— А вотъ эта крышка блеститъ, — указываетъ онъ на мой ящикъ, висѣвшій уже на мсемъ плечѣ, на ремнѣ...

Каково! Его приковывала лакированная крышка ящика, блестящая на солнцѣ... Вотъ спектакль!.. Какъ они не требовательны.

Еще издали, съ горы, я увидѣлъ, что на крыльцѣ Кирилычъ углубленно чистилъ свои боты и сознательно хохалъ на матовыя пятна... Ну, значитъ, я не опоздалъ. А въ туманѣ невидимкой и пыхтѣлъ, и свистѣлъ, подошедшій, спрятанный туманомъ пароходъ — очень смѣшны были звуки — такъ близко, какъ за стѣной, въ банѣ, звукъ мягко шипѣлъ. Все больше окрашивался туманъ молочнымъ цвѣтомъ. Наконецъ то показался носъ парохода, мачта съ флачкомъ. И, о радость для всѣхъ пассажировъ — они узрѣли пространство и покатили смѣло. «Полный ходъ»!.. — отрубаютъ капитанъ...

Мирно и полезно мы научились сами себѣ мыть носовые платки и даже кое-что изъ бѣлья, если заказы изъ Самары не поспѣвали во время. Продовольствіемъ и стряпней занялись Васильевъ съ моимъ братомъ послѣ того, какъ солдатка Марья на пробу сварила намъ осѣдъ... Ничего въ ротъ нельзя было взять. Стерлядей приносили намъ вязанками — небольшихъ, но свѣжихъ, и мы болѣе чѣмъ наслаждались стерляжьей ухой, подернутой янтаремъ.

Подъ нашими окнами, къ вечеру, группа слушателей увеличивалась до толпы; это заставляло насъ стараться не ударить лицомъ въ грязь. Но страшно надоѣло, — «*Поле росится*» мы уже оапретили для себя. Пошла въ Ширяевѣ слава и о нашей живописи, но не вдругъ. Послѣ чая утромъ я спеціально шелъ на берегъ зхотиться на моихъ «бурлаковъ».

Пройдя каменистымъ берегомъ выше Лысой Горы, — верхней тропинкой, — я поджидалъ барку съ луговой стороны: здѣсь на одной изъ отмелей бурлаки складывали лямки, подбирали бичеву, садились, ложились въ сладкой нѣгѣ и свободѣ на палубѣ и иногда даже запѣвали. Мнѣ все слышно сверху и видно, какъ на ладони.

На ходу, во время тяги лямокъ, я никогда не слыхалъ поющихъ бурлаковъ: это и неудобно и тяжело; особенно на мѣстахъ быстрыхъ, когда надо крѣпко упираться ногами, чтобы не сорвало назадъ...

Противъ чистой золотой косы-отмели я сижу на гористой сторонѣ, мнѣ слышенъ всякій звукъ и видны хорошо всѣ фигуры и лица бурлаковъ на баркѣ, идущей прямо къ моему мѣсту. Я это зналъ. Лежащіе на палубѣ чаще всего занимаются туалетомъ: вынимаютъ, кто откуда, металлическія гребеночки и расчесываютъ свои запекшіеся скомканные волосы; нѣкоторые даже снимаютъ рубахи, вытряхаютъ ихъ и вѣшаютъ провѣтривать.

— «*Не шибко бѣжитъ, да бурлакъ-то лежитъ*» — повторяютъ съ удовольствіемъ нѣкоторые любимыя изреченія на плотяхъ и во всѣхъ случаяхъ спуска *по теченію*, или на парусѣ.

Я спускаюсь навстрѣчу Тихвинкѣ, на которой приближается команда изъ одиннадцати бурлаковъ, съ подросткомъ — мальчикомъ, уполномоченнымъ отъ хозяина — какъ узналъ послѣ, доставить изъ Царевщины известъ въ Симбирскъ. Долженъ сознаться откровенно, что меня нисколько не занималъ вопросъ быта и социальнаго строя договоровъ бурлаковъ съ хозяевами; я разспрашивалъ ихъ только, чтобы придать нѣкоторый серьезъ своему дѣлу. Сказать правду, я даже разсѣяннo слушалъ какой-нибудь разсказъ, или подробность изъ ихъ отношеній къ хозяевамъ и этимъ мальчикамъ, кровопійцамъ, — «вы не смотрите, что онъ еще молокососъ; а вѣдь такое стѣрво: какъ за хлѣбъ, такъ за брань: нечего говорить, веселая наша семейка» — жаловался почтенный старикъ въ арестанской фуражкѣ.

Но меня это нисколько не занимаетъ; нѣтъ, вотъ этотъ, съ которымъ я поравнялся и иду въ ногу — вотъ исторія, вотъ романъ! Да что всѣ романы и всѣ исторіи передъ этой фигурой!.. Боже, какъ дивно у него повязана тряпицей голова, какъ закурчавились волосы къ шеѣ, и главное: цвѣтъ его лица!..

Чтo-то въ немъ восточное, древнее. Рубаха, — вѣдь тоже набойкой была когда-то: по суровому холсту пройдена печать доски синей окраски индиго; но развѣ это возможно разобрать; вся эта ткань превратилась въ одноцвѣтную кожу сѣро-буроватаго цвѣта... Да что эту рвань разглядывать. А вотъ глаза, глаза!

Какая глубина взгляда, приподнятаго къ бровямъ, тоже стремящимся на лобъ. А лобъ большой, умный, интеллигентный лобъ; это не простакъ... Рубаха безъ пояса и порты отрепались у босыхъ, черныхъ ногъ.

— Баринъ, а баринъ! А нѣтъ ли у те-е папироски?

— Есть, есть, — радуюсь я общенію и знакомству, — всѣмъ, кто курить, дамъ по папироскѣ (я тогда еще курилъ). Я одѣляю всѣхъ на ходу, стараюсь не испортить хода.

— А можно вотъ съ этого портретъ списать? — спрашиваю я.

— «Партретъ! Слышь Канинъ — баить патретъ съ тебя писать?! — Ха, ха-ха...

— Чего съ меня писать; я братъ въ волостномъ правленіи прописанъ, — говоритъ обиженно Канинъ, — я не безпаспортный какой....

— Да вѣдь я не даромъ, — стараюсь я поднять свое униженное положеніе: — я заплачу.

— Слышь — ты, баить заплачу!.. А много ли ты заплатишь? Гогочуть отпѣтыя рожи, скалятъ зубы и уже готовятся къ остромамъ въ своихъ лямкахъ.

— Да вотъ, постоитъ часа полтора, или два и получить 20 к.

— Стало быть на полкварти? Вишь—ты!

— Относи впередъ! Впередъ живѣе; командуешь съ барки мальчишкѣ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ Тихвинку на буксирѣ, на лодкѣ, двое дюжихъ гребцовъ на душегубкѣ (лодченкѣ, привязанной у кормы каждой барки) уже отвели вглубь отъ берега, бичеву растянули на громадное пространство и только въ концѣ, быстро приспособленными узлами, закладывавали свою упряжь — потемнѣлую отъ пота, кожаную петлю — хомутъ. Надо было сильно прибавить ходу... Но Я иду рядомъ съ Канинымъ, не спуская съ него глазъ. И все больше и больше нравится онъ мнѣ: я до страсти влюбляюсь во всякую черту его характера и во всякій оттѣнокъ его кожи и посконной рубахи. Какая теплота въ этомъ колоритѣ!

— Такъ что же, можно будетъ нарисовать или написать съ тебя портретъ? Возобновляю я со страхомъ и боязнью, что что-нибудь помѣшаетъ моему счастью, моей находкѣ. Типичнѣе этого пастоящаго бурлака мнѣ кажется ничего уже не можетъ быть для моего сюжета.

— Да, вѣдь, мы сейчасъ въ Ширяевѣ опять на барку сядемъ и перевалимъ къ кургану, въ Царевщину; намъ сидѣть некогда, — отвѣчаетъ нехотя Канинъ.

— А оттуда назадъ? Вѣдь будете же опять съ извѣстью идти?

— Такъ—что; только во время обѣда развѣ...

Въ Ширяевѣ, прежде чѣмъ переправиться въ Царевщину, они стали обѣдать. Прежде всего черный котелокъ съ дужкой повѣсили на треножникъ, собрали хворосту, развели костеръ. Чего-то засыпали въ котелокъ; сварилось скоро. Всѣ сняли шапки; мальчикъ принесъ по сходнѣ на берегъ ложки, соль, хлѣбъ, ножъ; всѣ помолились на востокъ и сѣли, поджимая, кто какъ, ноги, кругомъ котелка и очень тихо и почтенно долго ѣли, не торопясь. Окончивъ они также серьезно молились и только тогда вступали въ разговоръ.

— А вѣдь я знаю, — сказалъ одинъ шутникъ Канину, — вѣдь это онъ съ тебя «кликатуру» спишетъ—просить-то не даромъ.

— А намъ покажешь? Загрохотали всѣ...—Я видѣлъ, вѣдь: весь обѣдъ онъ все на Канина глядѣлъ, да что-то въ грамотку записывалъ—пояснялъ наблюдательный бурлакъ... Ха, ха,—быть тебѣ въ кликатурѣ,—допекали Канина.

Канинъ какъ-то удрученно, до благочестія, молчалъ и даже не обижался; ни съ кѣмъ не связывался, не возражалъ; только брови его таинственно къ тряпицѣ на волосахъ тяготѣли, да выцвѣтшіе сѣрые глаза дѣтски отражали небо... Мнѣ казался онъ величайшею загадкой и я такъ полюбилъ его. Скоро сѣли они на барку, поставили парусокъ и завалились на боковую—на ту сторону. Барку сдвинули двое кольями и сами взобрались на нее.

Цѣлую недѣлю я бредилъ Канинымъ и часто выбѣгалъ на берегъ Волги. Много проходило угрюмыхъ группъ, бурлаковъ, изъ нихъ особенно одинъ въ плисовыхъ шароварахъ поразилъ меня: съ большой черной бородою, онъ былъ очень похожъ на художника Саврасова—навѣрно изъ купцовъ... Но Канина,—Канина не видно... Ахъ, если-бы мнѣ встрѣтить Канина! Я часто, наизусть старался воспроизвести его лицо; но отъ этого Канинъ только подымался въ моемъ воображеніи до недосягаемаго идеала.

— Да чего же ты киснешь, говорить мнѣ Васильевъ: (влюбленные всѣмъ видны и ихъ, хотя и презираютъ, но всѣ не прочь помочь, при случаѣ)... Вотъ чудачина киснетъ со своимъ Канинымъ. Скажи, вѣдь у насъ лодка есть? — Есть. А Царевщина развѣ далеко?—Да что жъ, за часъ можно добраться, просыпаюсь я къ дѣйствительности...

Благодарю, не ожидалъ! Ребята, собирайтесь, завтра послѣ чая мы ѣдимъ въ Царевщину! А?

— Благодарю, не ожидалъ?

— То-то же.

Наша лодка была съ *косовымъ* парусомъ. И мы поплыли. Какое блаженство плыть на парусѣ! Поставили правильно направленіе по діагональ черезъ Волгу. Братъ мой на руль, мы невольно запѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и намъ стало такъ весело. Хотѣлось дурить, хохотать; у всѣхъ были счастливые лица, до глупости, до одури.

Прежде всего мы взобрались на самый Царевъ курганъ; на него шла дорога яровыми хлѣбами; плоская вершина круто обрывалась отвѣсными глыбами извести, расположенными въ родѣ египетскихъ колоннъ... И налѣво и направо уходила Волга между горами. Внизу я увидѣлъ копошащихся людишекъ, у каменоломень; они накладывали пласты извести на носилки и сносили ихъ на барку. А вѣдь это мои: я по баркѣ узнаю. Боже, да вонъ и Канинъ — это онъ. Надо спуститься къ нимъ ближайшею тропкою. Стараясь угадать почти напрямикъ, я спрыгивалъ довольно крутые обрывы и, наконецъ, добрался.

Канинъ? Вотъ онъ; но это не онъ, что за чудо; онъ совсѣмъ не интересенъ — обыкновенный мужиченко... Да, нѣтъ, это не онъ... Подхожу, здороваюсь со всѣми: да, это Канинъ... Но куда онъ сбросилъ всю свою интересную часть?.. Ничего особаго—этого и писать не стоитъ...

Я разочарованъ. Но узнаю, что они будутъ въ Ширяевѣ какъ разъ въ воскресный день, и я могу писать портретъ.

Макаровъ совершенно плѣненъ египетскою колонадой (стиль Птолмеевъ—цѣликомъ). Онъ рѣшаетъ завтра же пріѣхать сюда съ акварелью. Васильевъ съ братомъ рѣшаютъ углубиться по Воложкѣ, которая образовала у себя второе дно, на полтора аршина отъ перваго: но страшно ходить по этому второму этажу, поминутно проваливается нога, а внизу рѣчка. Васильевъ рѣшаетъ писать ее, уже вышедшую на песокъ. До невѣроятности странна эта растительность, похожая на лспухи, сѣдого цвѣта и вся заклееная шмагой, какъ траурнымъ флеромъ. Мы развертываемъ ящики и начинаемъ свои этюды. Увлеченіе наше забыло о времени.

А вѣдь пора собираться домой! Солнце къ закату. Темнѣетъ быстро, а намъ теперь противъ теченія. Съ парусомъ надо лавировать; да мы еще съ непривычки...

Сумерки быстро наступали; дорога берегомъ взбудоражена половодными наносами, и откуда этого набралось: спотыкаешься поминутно. А-а, вотъ наша лодка. Я вооружился всѣмъ терпѣніемъ, приковавшись къ веслу—стараюсь подладиться подъ энергичные отхватыванья весель Васиљева... О, какъ длинна эта дорога противъ теченія: эти четыре версты намъ за десять

кажутся. Какъ быстро, даже на Волгѣ, лѣтомъ наступаетъ ночь! Еще 9-й час. веч., а уже кажется полная ночь и темно, темно, а главное: какое быстрое теченіе! Такъ и сноситъ, такъ и сноситъ насъ. Хорошо, что на баркахъ фонарики на мачтахъ заведены, а пароходы сильнымъ свѣтомъ видны издалика; а то страшно,— какъ разъ попадемъ подъ какую-нибудь бѣду...

Добрались мы до Ширяева только къ 12-му часу. Голодные, усталые. Мысль о макаронахъ на спиртовкѣ, о чаѣ съ филипповскими сушками — отрадная мысль; но вѣдь это еще надо развести самоваръ, собрать, сварить, заварить... А какъ вкусно все кажется голодному! Но все естество тяготѣетъ уже ко сну и покою, какъ только оно наглотается... Какъ бы опять кошмары не стали одолѣвать... Не могу я удержаться на умѣренности — непремѣнно нахватаюсь — вотъ и теперь... О, какъ хорошо прилечь, даже и на жесткой узкой скамейкѣ. Макаровъ въ особой комнаткѣ долго еще совершаетъ свои умыванія. Вотъ педантъ: ни за какія ковриги не сталъ бы я теперь еще умываться. Братъ мой спитъ на дворѣ, гдѣ-то на крышѣ сарая, у застрѣха пристроился: очень доволенъ — вѣтерокъ отгоняетъ комаровъ, дождикъ, если бы пошелъ, его не захватить. А ужъ воздухъ!.. Онъ совершенно счастливъ своимъ логовомъ.

Васильевъ не ложится. Онъ взялъ альбомъ побольше и зарисовываетъ свои впечатлѣнія Царевщины. Прелестно у него выходили на этюдъ съ натуры эти лопушки на пескѣ, въ руслѣ Воложки. Какъ онъ чувствуетъ пластику всякаго листка, стебля! Такъ они у него разворачиваются, поворачиваются въ разныя стороны и прямо ракурсомъ на зрителя. Какая богатѣйшая память у Васильева на всѣ эти, даже мельчайшія, детали! И какъ онъ все это острымъ карандашомъ чеканить, чеканить, какъ граверь по мѣдной доскѣ!.. А потомъ—вѣдь всегда онъ обобщаетъ картину до грандіознаго впечатлѣнія: Воложка видна уже въ темномъ таежникѣ заброшеннаго лѣса, большей частью ольхи. Вся она переплелась и снизу и сверху, какъ змѣями, гибкими кривыми вѣтвями, съ молодыми побѣгами уже со второго этажа помоста... И какъ онъ это все запоминаетъ? Да, запомнить-то еще не штука, вотъ и я помню—43 года прошло,—но выразить, вырисовать все это на память!! Да еще примите во вниманіе: сколько мы съ нимъ отмахали веслами сейчасъ!!! У меня прямо глаза слипаются: я засыпаю... Просыпаюсь отъ тяжести полного желудка; а лампа все горитъ и самъ Васильевъ горитъ,—горитъ всѣмъ существомъ—ярче нашей скромной лампы... Вотъ энергія! Да, вотъ настоящій талантъ!!! Вотъ онъ—*гуляка праздный*», по выраженію Сальери; вотъ онъ, да это тотъ самый франтъ,

такъ серіозно думающій о модной прическѣ, о щегольскомъ цилиндрѣ, лайковыхъ перчаткахъ, забывающій смахнуть пыль съ изящныхъ ботинокъ съ крючками, на порогъ къ мировому... Зато теперь онъ въ полномъ самозабвеніи: лицо его сіяетъ творческой улыбкой, голова склоняется то вправо, то влево; рисунокъ онъ часто отводитъ подальше отъ глазъ, чтобы видѣть общее. Меня даже въ жаръ начинаетъ бросать отъ этого дарового спектакля: дивнаго молодого художника, такъ беззавѣтно увлекающагося своимъ творчествомъ! Такъ любящаго искусство!! Вотъ откуда весь этотъ невѣроятный опытъ юноши-мастера; вотъ гдѣ великая мудрость, зрѣлость искусства... Долго, долго глядѣлъ я на него съ обаяніемъ. Дремалъ, засыпалъ, просыпался; а онъ все съ неумещающею страстью скрипѣлъ карандашомъ въ своей энергичной рукѣ... Ну, завтра онъ долго будетъ спать; онъ всегда позже всѣхъ насъ просыпается—онъ правъ. Спокойной ночи, дорогой товарищъ,—думаю я уже во снѣ. Могъ ли бы я теперь встать, взять альбомъ и сочинять, т.-е. воспроизводить впечатлѣнія самого интереснаго изъ всего путешествія въ Царевщину?—Ни за что, ни за какія сокровища... Все больше и больше острыми розовыми иглами лучится наша лампочка передъ Васильевымъ; онъ едва слышно насвистываетъ мотивы изъ сонаты-патетикъ—Бетховена. Онъ обожаетъ эту вещь; началъ однимъ пальцемъ разучивать ее и, наконецъ, знаетъ въ совершенствѣ всю наизусть... Меня одолѣваетъ уже волненіе: я начинаю думать—вотъ тѣ перлы поэзіи жизни, которые мы, какъ и я сейчасъ, такъ мало цѣнимъ, такъ не стремимся ихъ ловить, понять и жить ими... Такъ всегда и теперь, на старости также. Ахъ, какъ тронулъ меня недавно *поэтъ Верхарнъ*: пріѣхалъ изъ Парижа въ С.-Петербургъ—сейчасъ же въ Эрмитажъ. И къ нему Верхарнъ уже подготовленъ: снѣ знаетъ, что у насъ лучшіе въ мірѣ Рембрандты... По дорогѣ къ Рембрандту онъ встрѣчаетъ Тьеноло и другіе очаровательные, удивительные сюрпризы искусства—все цѣнить, всѣмъ дорожить Верхарнъ, какъ просвѣщенный человѣкъ.—И вотъ онъ видитъ:—«Возвращеніе блуднаго сына». Слезы умиленія въ великомъ восторгѣ охватываютъ душу поэта.

Я потому обратился къ Верхарну изъ 44-лѣтней давности своего тогдашняго настроенія, что картина Рембрандта своимъ тономъ всегда напоминаетъ мнѣ тотъ безсмертный трепетъ поэзіи, который окутывалъ и Васильева, въ его творческомъ экстазѣ тогда, въ Ширяевѣ-Буеракѣ...

Какъ часто бываетъ въ жизни: если сегодня вечеромъ у васъ было нѣчто очень интересное, то завтра въ это время ждите скуку.

Такъ и вышло.

Къ намъ, какъ-то крадучись, оглядываясь извиваясь къ полу, какъ собака, попросился хозяинъ нашей избы. Ну, конечно, мы обрадовались, усадили его, стали ждаты отъ него чего-нибудь интереснаго, бытового.

Въ нашей аптскѣ у Васильева была водка (вытереть ноги, на случай, если бы кто промочилъ ихъ до простуды). Это очень расположило Ивана Алексѣева въ нашу компанію. И несмотря на таинственность, онъ оказалось быть весьма словоохотнымъ. Мы насторожились: слушаемъ, слушаемъ—ничего не понимаемъ. Все большіе неизвѣстные намъ существительные, то междометія.— Ни одной связной мысли, ни одного яснаго представленія; а онъ все быстрѣе и свободнѣе велъ свой рассказъ о чемъ-то будто бы очень хорошо извѣстномъ намъ и насъ очень близко касающемся... Пробовали останавливать, переспрашивать—никакого толку, все тотъ же потокъ словъ, безъ начала, безъ конца, безъ смысла.

— Да мы, братъ, ничего не понимаемъ изъ твоего рассказа,—говорить уныло, уже потерявшій всякое терпѣніе, Васильевъ.

— А я-то,—мечетъ опять Иванъ Алексѣевъ,—развѣ понимаю? Развѣ я, что знаю?—Ты баить кого доржишь?

— Да кто баить?—спрашиваемъ мы.

— А, стало-быть—жандаръ. Вотъ, хушь бы какъ ваше благородіе, стоитъ онъ, а я передъ нимъ. А онъ: ты баить кого держишь? А я, звѣсно, что я знаю: я баю—мы люди темные: писарь сказывалъ—стало-быть—при нихъ молъ императорская печать. А онъ: а что они дѣлають, чѣмъ занимаются, почему не доносишь по начальству? А я почему знаю,—наше дѣло темное; сказывали молъ планиду списываютъ; бурлаковъ, вишь, въ Царевщинѣ переписали стало, на горы мы за ними не лазили... Вѣдь они вонъ: то въ Курумчу соберутся, то въ Козьи Рожки; то на своей косовушкѣ, куда дернуть; разе за ними угоняешься... Охъ, грѣхи наши... Бають люди: пригоняють.

— Такъ развѣ сюда приѣзжалъ жандармъ?—спрашиваемъ мы опять.

— Да и по сейчасъ у шабра стоитъ...

— Ты, баить, долженъ донести по начальству... А что ему доносить? А чтобы ни кому, ни гугу, ни Боже мой!...

— А я жъ этому, баю, не причастенъ: планы стало списываютъ; людей тоже записываютъ, бають пригоняють, да вѣдь наше дѣло темное... Въ бараній рогъ! Баить...

Едва-едва выжили мы его изъ избы; вотъ, глупецъ; и какъ засидѣлся, смотрите уже 12 часовъ. Ну хоть бы слово путное;

и Васильевъ сейчасъ же его великолѣпно воспроизвелъ: ужейко, у шабра, стало, около Девяти Колодъ. Ну, ужъ и вода, другъ! Вѣдь ни Боже мой не остановится, не поперхнется. Есть воды: пивали; ну все же глотокъ, другой и тамъ и станетъ поперекъ въ горлѣ, а отъ Девяти Колодъ—ни въ жисть: сколько ни пей—а ни ни,—не остановится.

Но на утро мы, сидя за чаемъ, ясно увидѣли жандарма, въ сѣрой шинели, съ палашемъ; не торопясь прошелъ онъ мимо нашихъ оконъ... Вотъ она: императорская печать—будемъ ждать...

XI.

Становой.

Ждали мы не долго. Въ одно свѣтлое солнечное утро, далеко раньше нашего чая, по всему двору, по всемъ избамъ и курнямъ, шла какая-то особая суeta ожиданія. Клещевникъ, работавшій на дворѣ съ мальчиномъ-ученикомъ клещи для хомутовъ (кустарь) усиленно убирала стружки и подметали дворъ. Солдатка-Марья, пріотворивъ къ намъ дверь, таинственно прошуршала зычнымъ шопотомъ: становой нонѣ будетъ къ намъ. Хозяйка Маланья (изъ Вятки родомъ) вслѣдъ за Марьей объявила плаксиво: становой, бають, ѣдетъ—охъ, Господи Сусе, прости наши гр... Мужиковъ уже дома не было. Я радъ былъ, что не было нашего глупца-хозяина—онъ бы тутъ еще корчился. Я возненавидѣлъ его послѣ одного воскресенья...

Обыкновенно «улица»—деревенская улица стала собираться противъ нашей избы; и это Васильевъ пріучилъ: мы закупили въ Самарѣ самыхъ дешевыхъ леденцевъ въ бумажкахъ и стали ихъ бросать мальчишкамъ «на драку». Но драки стали переходить въ такія кровопролитныя потасовки, что мы прекратили этотъ спортъ и только иногда одѣляли хороводы дѣвицъ, уже изъ рукъ, скромно. И вотъ, въ то время, какъ на срединѣ улицы молодыя дѣвки, бабы и парни водили хороводъ, пожилыя бабы стояли у плетней, у завалинокъ, у воротъ и смотрѣли на эти, давнымъ давно потерявшія смыслъ и значенія, народныя мистеріи-хороводы.

Маланья также стояла у верей своихъ воротъ съ другими бабами. Вдругъ я вижу: Иванъ Алексѣевъ, нашъ хозяинъ, отдѣлился отъ группы мужиковъ и какъ-то бокомъ-бокомъ закосопилъ, лѣпясь по надъ заборомъ прямо къ Маланьѣ. Та не успѣла опомниться, какъ онъ саданулъ ее въ грудь, смазалъ всѣ головные уборы: платки и очипки, почти опростоволосилъ свою бабу-

жену... И та, съ визгомъ, согнувшись въ три погибели и отъ боли и отъ сраму, затравленной кошкой бросилась въ избу...

Я недоумѣвалъ. Что это? За что?! Оглядываюсь на весь честный народъ съ жалобой въ нѣмомъ взорѣ... И никакого отвѣта. Всѣ дѣлаютъ видъ; да нѣтъ, всѣ ничего не дѣлаютъ, а просто не хотятъ знать того, что сейчасъ произошло...

Какой-то резонеръ-мужиченко, единственный, понявшій мое состояніе, промямлилъ: стало—мужъ жену учить; ту братья, не суйся, кто ихъ тамъ разберетъ...

— Вѣдь это становой къ намъ,—говорю я Васильеву и Макарову;—что-же, не прибраться ли намъ?

— Вотъ еще! Знаешь ли,—смѣется Васильевъ,—есть *два слова*, которыми можно отдѣлаться отъ всѣхъ явленій жизни. Напримѣръ, тебѣ говорятъ: становой ѣдетъ. Отвѣтъ: — «*Ну, такъ что жъ!*»—Да вѣдь надо же пріодѣться?—«*Вотъ еще!*». Запишите братцы эти два слова, что бы васъ ни спрашивали:—отвѣтъ 1-е «*ну такъ что жъ!*»—2-е—«*вотъ еще!*»!

Скоро мы увидѣли: прямо передъ нашими окнами держалъ направленіе на нашъ берегъ большой паромъ. Въ центрѣ стояла карафашка, запряженная парой съ наборомъ и съ бубенцами. Впереди, облокотясь на перила, стояла представительная, высокая фигура,—ну, конечно, станового: сѣрое пальто, пуговицы блестятъ, фуражка съ краснымъ околышемъ... Гребцы распашными веслами усиленно двигали помость съ перилами, укрѣпленный на двухъ завозняхъ. На нашемъ берегу стояла давно уже большая кучка мужиковъ, готовая къ услугамъ... Стали причаливать: мы во всѣ три окна на Волгу, не спускали глазъ съ интересной картины. Слышно уже, какъ звенятъ бубенчики... Вдруг становой, однимъ взмахомъ, заушаетъ огромнаго, дюжаго парня и тотъ, чуть не въ воду—мигомъ повергнуть на землю: подымается въ крови... Ого, ай-да становой! Молодчина, польскаго типа блондинъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ. Вотъ она власть!.. У меня похолодѣли руки и сердце сильно билось... Предводительствуя толпой, становой направляется прямо къ намъ.

Переступивъ нашъ порогъ, онъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Со всѣми нами пріятельски поздоровался, будто съ давно знакомыми. Лицо довольное, веселое...

— Прекрасно, прекрасно, люблю эту студенческую обстановку; вѣдь я самъ еще студентъ почти; только что съ курсовъ... А-а? Конечно, конечно, отъ чая я не откажусь. Сейчасъ же усѣлся просто, ровно, свободно. Заговорилъ по-товарищески обо многомъ. И довольно долго болталъ и насъ спрашивалъ. А-а,—од-

нако, съ вами я совсѣмъ заболтался, спохватился онъ; а вѣдь мнѣ въ Сызрань путь лежить; что дѣлать, служба... Пауза. И я долженъ попросить ваши паспорта—вы понимаете, это форма, но вѣдь мы служимъ.

Мы съ Макарычемъ сейчасъ же отдали наши академическія печати, присовокупивъ и свидѣтельство брата изъ Консерваторіи... Ждемъ Васильева. Васильевъ вдругъ,—какъ пойманный, и куда дѣвался его апломбъ—сталъ заговаривать о другомъ; суетится, моргаетъ, краснѣетъ... Становой скоро измѣнился въ лицѣ, попристалыѣе вглядывается въ Васильева и нѣчто соображаетъ. То онъ собирался уже покинуть насъ, только паспорта задержали, просилъ поторопиться: онъ только пропишетъ ихъ въ Сызрани и сейчасъ же вернетъ намъ... А теперь онъ въ раздумьѣ, сѣлъ посреди комнаты и какъ-то таинственно повелъ рѣчь о томъ, какъ онъ любитъ студентовъ, какъ и самъ бывалъ въ безвыходныхъ положеніяхъ по поводу такой малой бумажки, какъ паспортъ, но онъ просилъ бы и насъ, не затягивать дѣло и объяснить просто—всю правду...

Мы съ недоумѣніемъ глядѣли на Васильева: не узнаемъ его... Но онъ вдругъ оживился. «О, Боже, вижу и васъ я ввелъ въ сомнѣніе и даже товарищи удивлены... Мой паспортъ оставленъ у матери для ввода дома во владѣнія... И позвольте мнѣ сдѣлать вамъ письменное заявленіе, впредъ до удостовѣренія моей личности. А съ этимъ прошу васъ телеграфировать въ Петербургъ, въ Общество Поощренія Художествъ на имя предсѣдателя О-ва гр. Строганова, или его секретаря, секретаря О-ва Дмитрія Васильевича Григоровича, извѣстнаго писателя». Несмотря на всю развязность и бойкость, вернувшихся Васильеву, несмотря на большіе тузы именъ, названныхъ имъ, я замѣчаю легко, что становой уже не вѣритъ ни одному слову Васильева и думаетъ свое. Онъ впился въ него глазами.—О, да, это польскіе глаза, красивые, сѣрые на выкотѣ и усы польскіе, такъ щегольски, и не казенно по-нѣмецки, нѣтъ — ловко, фантастично, — по-польски закрученные усы. Васильевъ все варіировалъ причины задержки своего паспорта, пересыпая ихъ свѣтскими фразами, но это уже не имѣло успѣха. Становой обдумывалъ и ждалъ...

Такъ, какъ же? Чѣмъ мы съ вами покончимъ? наконецъ, онъ уже съ нѣкоторой строгостью ставитъ въ упоръ Васильеву.

— Да, я напишу заявленіе письменно; вотъ товарищи удостовѣрятъ; они знаютъ и мой домъ, нашъ домъ.

Онъ обвелъ насъ прокурорскимъ взглядомъ, слѣдователя.

— Какъ господа? Вы ручаетесь?

— О, разумѣется, разумѣется,—спѣшили мы; уже начинала угнетать и насъ вся эта исторія.

— Ну пишите заявленіе,—сдался вдругъ становой.

Васильевъ писалъ вполнѣ грамотно, четко, красивымъ культурнымъ почеркомъ. Онъ присѣлъ къ столу Макарова и быстро затрепалъ перомъ.

Ждемъ... Выносить.

— Ахъ, такая досада; ужъ простите за редакцію: такъ глупо все выходитъ: оставленнымъ для ввода дома тетки, во владѣніе... и къ чему тутъ тетка—домъ нашъ теперь... И онъ хотѣлъ опять переписать. Но видно и становому уже надоѣла эта исторія: онъ начиналъ вѣрить, что мы народъ не опасный.

— Ничего, ничего, давайте; все равно, вѣдь мы справки наведемъ... И мы опять дружески стали прощаться со «студентомъ-становымъ» и проводили его до его брички.

Залился колокольчикъ, зазвенѣли бубенцы, пристяжная завернула голову направо, взвилась обильная пыль по дорогѣ, и становой покатилъ въ долину къ Девяти Колодамъ...

И потому, какъ становой и здоровался и прощался съ нами, и потому, что такъ долго сидѣлъ у насъ, какъ у своихъ, обыватели замѣтно сразу повысили о насъ свое мнѣніе и слава о насъ стала расти во всей округѣ. Жандармъ къ намъ такъ и не появился.

Непріятное впечатлѣніе отъ страннаго поведенія Васильева съ паспортомъ также забывалось. Съ Макаровымъ мы никакъ не могли понять—что сей сонъ значилъ.

Къ Васильеву мы чувствовали,—нельзя было обращаться за разъясненіями, онъ сейчасъ же краснѣлъ и старался отвести разговоръ на другое. И только по пріѣздѣ въ Петербургъ, когда Крамскому, между другими разсказами, я коснулся этого непонятнаго поведенія Васильева съ его паспортомъ, Крамской съ грустью закачалъ таинственно головою: «Такъ, такъ... Знаете, что это? Не знаете, значить до васъ не дошла сія великая тайна?—Видите ли, Васильевъ незаконный сынъ, прижитый его матерью до замужества, а потому записанный лужскимъ *мѣщаниномъ*, онъ носитъ официально званіе *мѣщанина* и страшно-невыносимо страдаетъ отъ этого злого рока. Теперь вы уже, надѣюсь, хорошо ознакомились съ его идеалами и стремленіями. И онъ вездѣ какъ принятъ!.. Вотъ у графа Строганова, напр. Весь домъ графа убѣжденъ, что онъ какой-то близкій родственникъ графу—чуть не его сынъ-любимецъ... Ну и есть милые пріятели-друзья; потѣхи ради они всегда ищутъ случая «подложить другу свинью». И представьте, эти саврасы пишутъ ему письмо—отчетливой каллиграфіей на конвертѣ: лужскому мѣщанину и т. д.»

Конечно, это вздоръ, не стоящій выѣденнаго яйца—если бы Васильевъ самъ имѣлъ мужество разсказать свое происхожденіе. Къ этому скоро бы привыкли: все равно, не за родъ принимаютъ его лучшія аристократическія фамиліи... Но вы не можете себѣ представить его мученій отъ такого положенія. Вѣдь онъ много разъ готовъ руки на себя наложить... И послѣ самыхъ незначительныхъ уколовъ этого острія, онъ хандритъ по цѣлымъ недѣлямъ и не выходитъ изъ дому; даже дома никого изъ своихъ не можетъ видѣть тогда.

ХІІ.

Бурлаки.

Мои пріятели-бурлаки все еще грузили барку. Въ Царевщину мы ѣздили часто. По дорогѣ къ Цареву Кургану было два «садка». Это небольшія озера, куда рыбаки пускали стерлядей и осетровъ большого размѣра, и эти рыбы ждали пріѣзда рыбо-промышленниковъ, забиравшихъ ихъ на свои барки по назначенію. Этотъ постъ сторожа двухъ садковъ исполнялъ маленькій мужиченко очень кроткаго нрава; говорилъ нараспѣвъ, тонкимъ голоскомъ съ поднятіемъ бровей высоко на лобъ. Онъ очень похожъ былъ на святого.

Захотѣлось мнѣ его зарисовать въ альбомъ. Къ намъ уже стали привыкать. И часто гулящіе бурлаки сами заходили къ намъ и адресовались такъ: Баютъ, ваше благородіе бурлаковъ списываете на картинки и платите 20 коп.? Такъ, вотъ, мы готовы.

Деревня нашей живописью заинтересовалась. Особенно имѣлъ успѣхъ этюдъ Макарова съ отставного солдата Зотова, съ трубочкой въ зубахъ. Даже по воскресеньямъ, почти вся улица перебывала въ нашихъ покойчикахъ: пустите, ваше благородіе, посмотрѣть: баютъ, гоже бурлака списали съ трубочкой въ зубахъ? Этотъ этюдъ былъ написанъ Макаровымъ, и авторъ, осклабивъ хохлацкія жирныя губы, добродушно, черезъ очки, наблюдалъ свой живой успѣхъ у народа прищуренными добрыми глазками.

Одни бабы только попрежнему дичились насъ и ни за что не шли списываться.

Кстати сказать, въ нашей средѣ четырехъ молодыхъ людей-товарищей, во все это лѣто, никогда не проявлялся ни въ какомъ видѣ женскій вопросъ. Какъ будто не существовало женщинъ на свѣтѣ и мы были безполые существа. Была такая стихія, было такое поколѣніе; было такое настроеніе у насъ въ то время.

И въ Царевщинѣ насъ, конечно, уже хорошо запримѣтилъ тихій стражъ садковъ и я обратился къ нему: Дядя, хотѣлось бы мнѣ списать съ тебя вотъ въ эту книжку. Не посидишь ли мнѣ часокъ сейчасъ? Кажется ты свободенъ?

— Что-о! О, родимый, насъ писать, мы этому недостойны,—отвѣчаетъ онъ, уклоняясь.

— Да вѣдь я заплачу, — говорю я, — не даромъ время проведешь.

— Знаю, что вы платите, только мнѣ, родимый, вашей mzды не надобно: мы этому недостойны,—прибавилъ, онъ еще разъ, помолчавъ и какъ-то съежившись, склонивъ голову набокъ, онъ поспѣшно удалился за садки.

— «Вотъ чудакъ, — думаю, — вѣдь точно онъ обидѣлся даже»... Мы прошли къ Кургану, узнали, что наши знакомые бурлаки уже увели свою барку съ известью... Я сталъ тосковать, что упустилъ опять Канина.

Здѣсь работала другая небольшая ватага. Одинъ изъ нихъ, по повязкѣ тряпицей голову, чѣмъ-то напомнилъ мнѣ Канина и я попросилъ его на полчаса, сталъ зарисовывать въ карманный альбомчикъ.

Замѣтили товарищи:—Смотрите, списывается нашъ Алешка попъ—Подошли.

Разговорились.

— А? Это вы про разстригу спрашиваете? Знаемъ, знаемъ.

— Развѣ онъ разстрига?—удивляюсь я. Канинъ, Канинъ? Разстрига? Онъ былъ попомъ?

— Да Канинъ, какъ же; онъ лѣтъ десять послѣ того при церкви пѣлъ, регентомъ былъ; а теперь ужъ лѣтъ десять бурлакуетъ... Такъ встъ оно—раздумываю.—Значитъ не спроста это сложное выраженіе лица,—думаю я. И Канинъ еще больше поднялся въ моихъ глазахъ. Ахъ, если бы его еще встрѣтить?!

Возвращаясь къ нашей косовушкѣ домой, мы замѣтили, что стражъ садковъ, какъ только замѣтилъ насъ, еще издали скрылся.

Въ думахъ объ искусствѣ, мы сознали необходимость въ подрамкахъ и холстахъ, такъ какъ Васильеву и мнѣ захотѣлось что-нибудь въ родѣ картины написать. Кстати, наступили Петровскіе паводки: каждый день лилъ дождикъ; сдѣлалось грязно кругомъ; кромѣ того, послѣ Петрова дня разрѣшалась охота.—Васильевъ и братъ мой взяли за чистку ружей; приводили въ порядокъ патроны, пороховницы и мы съ утра до вечера возились съ рубанками, стамесками и молотками. У Васильева шло лихо, быстро: онъ надѣлалъ себѣ много подрамковъ разныхъ размѣровъ, б. ч.

длинныхъ (въ два и три квадрата), я оказался бездарностью въ столярномъ дѣлѣ; долго возился, особенно раздвоенные углы меня заѣдали, скверно смастерилъ и послѣ второго подрамка окончательно спасовалъ.

Становой при отѣздѣ обѣщалъ намъ, что на будущей недѣлѣ наши паспорта, съ первой аказіей изъ Сызрани, будутъ присланы намъ обратно, какъ только ихъ пропишутъ въ станѣ. Мы ждали не долго, но получили бумагу за подписью станowego, что насъ вызываютъ въ Сызрань за полученіемъ нашихъ паспортовъ... Извольте болѣе ста верстъ проѣхать туда и обратно! Положимъ, новыя мѣста—можетъ быть, небезынтересно; но вѣдь это же будетъ стоить денегъ; а наши финансы очень скудны: впереди еще три четверти лѣта; да еще и обратно надо проѣхать—хотя и бесплатно пароходъ, но продовольствіе очень тамъ дорого.

А еще крупная непріятность все замѣтнѣе и замѣтнѣе заявляла о себѣ: начиная съ сапогъ, которые просто горѣли на насъ, отъ нашихъ большихъ прогулокъ по горамъ; и по лѣсамъ;—одежа вдругъ тлѣла и превращалась въ самую непозволительную лохмотья: брюки стали дѣлиться какими-то лентами и внизу, безъ всякой церемоніи, отваливались живописными лапами... Однажды я съ ужасомъ ясно увидѣлъ себя въ такомъ рубищѣ нищаго, что недоумѣвалъ, какъ это скоро дошелъ я «до жизни такой» и привыкъ и не замѣчалъ, постепенно и живо оглядѣлъ другихъ. Только Кирилычъ соблюдалъ достоинство барина, только за него не было стыдно; а намъ надо было въ Самарѣ подыскивать какія-нибудь блузы, рубахи и проч., чтобы сохранить лучшее платье къ возвращенію въ Петербургъ.

Васильевъ чувствовалъ ясно, что онъ причиной нашего вызова въ Сызрань и онъ сталъ писать своему покровителю гр. Строганову письмо, чтобы о немъ поскорѣе прислано было удостовѣреніе его личности изъ О-ва Поощренія Художествъ.

Ему захотѣлось прочитать намъ свое посланіе. Это было такое дивное поэтическое произведеніе, что мы совершенно онѣмѣли отъ очарованія. Въ нашихъ глазахъ онъ выросъ еще на двѣ головы. Но что произошло? Не успѣли мы опомниться отъ нашего восторга его письма, какъ онъ вдругъ—трахъ, трахъ, трахъ разорвалъ его на мельчайшія части и бросилъ въ соръ.

— Лучше бы ты мнѣ отдалъ,—кричу я въ отчаяніи,—я бы сохранилъ это на память!..

На другой день нѣсколько просохло и мы вышли обходной дорогой прогуляться къ Волгѣ, въ которой мыли кисти. Нѣкій обыватель выѣхалъ на водопой со своей лошадиной семьей; на одной онъ сидѣлъ верхомъ, другую держалъ въ поводу и за

ними на свободѣ бѣжалъ играя жеребенокъ—двухъ лѣтъ темно-сѣрый, энергичный, какъ въ первый день творенья. Увидѣвъ его, Васильевъ мигомъ бросился вдогонку, подскочилъ сзади, коснулся легко крупа и въ одинъ мигъ сидѣлъ уже верхомъ, на идеальномъ созданіи. Во цвѣтѣ силъ—на спинѣ, на которой, можетъ быть, еще не сидѣлъ ни одинъ смертный, Васильевъ чувствовалъ себя какъ дома на стулѣ. Мы спѣшили за Васильевымъ, съ разгинутыми ртами удивленія и страха за него; а онъ, поощренный впечатлѣніемъ невиданнаго нами зрѣлища, началъ вдругъ, совершенно какъ цирковой наѣздникъ, принимать разные позы, перекидывать ноги и, наконецъ, сидя лицомъ къ намъ по-дамски, сталъ съѣзжать на самый крупъ къ хвосту жеребенка и сталъ намъ оттуда посылать воздушные поцѣлуи. Вѣроятно, жеребенка защекотали наконецъ, его движенія; онъ и самъ пришелъ въ ражъ и вдругъ такъ подбросилъ Васильева въ небо, сопровождая свое движеніе необыкновенно громкимъ и зычнымъ звукомъ, что, казалось, Васильевъ улетаетъ за облака. Онъ страшно походилъ въ это мгновеніе на Донъ-Кихота, подброшеннаго крыломъ мельницы...

Пока мы подбѣжали, Васильевъ уже бодро подскочилъ и отряхивалъ только руку, на нее онъ такъ упалъ, что она даже въ землю вошла, слава Богу, земля была мягкая, это спасло руку; но Васильевъ все же двѣ недѣли ходилъ съ рукою на перевязкѣ.

Стали они съ братомъ моимъ уходить на охоту, на всю ночь; ночевали подъ стогами, на болотахъ. Все бы это ничего, но Васильевъ сталъ сильно кашлять: этого равнодушно нельзя было слушать: кашель у него былъ мнѣ подозрителенъ; онъ то и свелъ его потомъ со свѣту, во цвѣтѣ юныхъ силъ и блеска его таланта.

Часто наши охотники привозили дичь; однажды они привезли молодого беркута: огромнаго, своими крыльями онъ занялъ полъ-избы. Мы всѣ его зарисовывали съ разныхъ сторонъ.

Илья Рѣпинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній генерала Николая Богдановича Броневскаго ¹⁾.

Авторъ воспоминаній (род. 1788 г.) вводитъ насъ въ среду средняго провинціального дворянства конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Семья Броневскихъ патріархальна и религіозна. Она чужда столичному увлеченію вольтерьянствомъ и свободомысліемъ. Среди воспитателей дѣтей мы не находимъ столь типичныхъ для столицы иностранныхъ гувернеровъ и учителей. Дѣти получили чисто русское воспитаніе подъ неусыпнымъ контролемъ родителей. Первыми учителями до поступленія въ кадетскій корпусъ были дворовой человѣкъ Степанъ и приходскій дьячекъ, по прозванію Телушка. Педагогическіе приемы воспитанія не сложны и сводятся, преимущественно, къ поркѣ. Съ какимъ эпическимъ спокойствіемъ и даже съ нескрываемымъ сочувствіемъ вспоминаетъ Броневскій объ отцовскихъ экзекуціяхъ надъ дѣтьми и о поголовной поркѣ кадетъ въ корпусѣ!

Эта педагогическая система пригодилась въ будущемъ автору воспоминаній, когда онъ изъ скромнаго кадета превратился въ полновластнаго начальника экзекуціоннаго отряда, направленнаго противъ взбунтовавшихся воронежскихъ крестьянъ. Спокойно и увѣренно повѣствуетъ Броневскій, какъ онъ облагодѣтельствовалъ въ 1819 г. недовольныхъ крестьянъ солдатскими плетями. Въ то же время Броневскій, несомнѣнно, честная, искренне-религіозная натура, не чуждая нѣкоторой сентиментальности. У него мы найдемъ много трогательныхъ мѣстъ при описаніи дѣтства, службы и походовъ.

Изъ воспоминаній Броневскаго мы приведемъ лишь то, что имѣетъ для насъ психологическій и историко-бытовой интересъ.

Р. Выдринъ.

¹⁾ Авторъ воспоминаній—младшій братъ Владиміра и Семена Броневскихъ, небезызвѣстныхъ военныхъ писателей и администраторовъ. Старшій братъ Владиміръ Богдановичъ пріобрѣлъ въ свое время популярность въ военно-дворянскихъ кругахъ своими «Записками морского офицера». Семенъ Богдановичъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири оставилъ послѣ себя память среди сибиряковъ, обратившій на него вниманіе Сперанскій назначилъ его начальникомъ Омской области, и Броневскій много сдѣлалъ для крестьянской колонизаціи степного края.

Болѣзнь ребенка и поѣздка къ знахарю.

«Первые четыре года моей жизни я находился на мѣстѣ моего рожденія въ г. Бѣлевѣ въ женскомъ монастырѣ у бабушки Марьи Васильевны Левшиной.

Вотъ случай, который могъ бы меня сдѣлать на всю жизнь несчастнымъ страдальцемъ. Меня кормила еще кормилица, мнѣ было уже около года. Понималъ все, что говорятъ. Былъ очень здоровый и веселый ребенокъ. Бабушка меня очень любила. Матушка съ отцомъ уѣзжали въ Смоленскъ къ роднымъ. Бабушка имѣла привычку послѣ службы Божіей, послѣ обѣда, отдыхать. Кормилица уложивъ меня въ колыбельку, висящую въ другой комнатѣ подъ занавѣской, сама улеглась спать. Во время сна бабушкина фаворитка, бѣлая кошка, вскочила въ колыбельку и, вѣроятно, меня соннаго напугала.

Кормилица была разбужена моимъ крикомъ.

Вскочила: находить кошку въ колыбелькѣ, а меня—лежащаго блѣднаго въ судорожныхъ движеніяхъ и съ закатившимися глазами, у рта пѣна, весьма ослабѣлъ дыханіемъ. Кормилица ужасно перепугалась. Желая скрыть свою неосторожность, не сказала бабушкѣ о происшествіи. Я сталъ ужасно худѣть. Какъ-то бабушка была нездорова. Желая меня имѣть передъ глазами, приказала люльку повѣсить возлѣ ея кровати. Бабушка не почивала—какъ вдругъ видитъ, что моя люлька дѣлаетъ необычайное сотрясеніе. Вскочила, открыла мою занавѣску, видитъ меня въ припадкѣ младенческой болѣзни. Перепугалась очень, разбудила кормилицу, поднялся шумъ, крикъ, плачь. Кормилица пала на колѣни, призналась, что скрывала болѣзненные припадки. Разосланы были посланные за докторами. Употребляли всѣ средства. Все было бесполезно. Наконецъ, посоветовали, что есть старецъ въ Одоевскомъ уѣздѣ, живущій въ деревнѣ въ верстахъ 50-ти отъ Бѣлева, который необыкновенно успѣваетъ въ лѣченіи сей болѣзни. Но старикъ очень слабый: нѣсколько лѣтъ никуда не выѣзжаетъ, даже плохо ходить, живетъ въ глуши. *Дворянъ очень боится или не любитъ.* Были примѣры, что младенцевъ благороднаго происхожденія ни за какія деньги не брался лѣчить, а дѣтямъ простыхъ, все привозимымъ, пособлялъ. Отыскали женщину, которая недавно возила своего ребенка съ подобною болѣзнію, и старикъ въ одинъ день совершенно вылѣчилъ. Бабушка рѣшила отправить меня въ это селеніе. Нарядили въ простенькое платье, кормилицу одѣли тоже попроще. Вѣрнаго слугу Степана назвали мужемъ кормилицы, дали тройку лошадей, простую телѣгу и, подъ руководствомъ знакомой женщины, отправили.

По приѣздѣ въ то селеніе остановились у мужика, знакомаго той женщины. Послали разузнать, какъ старикъ расположенъ, можетъ ли взять на себя трудъ пособить привезенному младенцу. Первый его былъ вопросъ: «Не дворянчикъ ли какой?»—«Нѣтъ, сынъ господскаго двороваго человѣка».—«А какого господина?» Сказали, что госпожи Левшиной. «А, это другое дѣло. Эти господа добрые, я про нихъ всегда слышалъ добрыя рѣчи. Покажите мнѣ младенца». Принесли меня въ курную избу къ старику. Кормилица Ненила и Степанъ должны были разыгрывать роль моихъ родителей. Старикъ былъ почти слѣпой: очень близко разсматривалъ меня и сказалъ: «Да, надо пособить ребенокъ славный. Какимъ васъ Господь наградилъ прекраснымъ сыномъ. Какъ его имя?» Сказали: «Николай».—«Вотъ, еще и тѣска мнѣ. Какъ не пособить. Господь поможетъ, будетъ здоровъ. Ну-ка, невѣстушка Дуняша, подай все снадобье. Ты знаешь, что нужно. Принеси миску, кружку чистой родниковой воды и три уголька горячихъ». Зажегъ свѣчку у образовъ, поставили къ образамъ столъ, покрыли бѣлой скатертью. Старикъ приказалъ меня положить на столъ къ образамъ головою. Онъ взялъ угольки, поставилъ миску у ногъ моихъ. Полилъ изъ кружки воды. Бросилъ угольки, сдѣлалъ шесть земныхъ поклоновъ передъ образами. Снялъ мѣдное распятіе, положилъ мнѣ на грудь, а я въ это время заснулъ. Старикъ сказалъ: «Спи, дитятко: будешь здоровъ». Потомъ взялъ приготовленное невѣсткой Дуней донцо, гребень, гребенку, намытку льну, раздѣлилъ на три равныя части, изъ каждой дѣлянки три раза на гребень (намоталъ) льну, по три раза расчесалъ гребенкой, потомъ по три раза щеткой. Погладивши, взялъ веретено: выпрялъ со всякой доли по три нитки. Вышло у него девять нитокъ... Положилъ нитки въ миску, гдѣ были вода и угольки».

Далѣе подробно описывается, какъ старикъ измѣрялъ мальчика намоченной ниткой и брызгалъ въ него водой съ угольками. Послѣ этой сложной процедуры обрядъ лѣченія окончился и мальчика повезли домой, предварительно одаривъ семью старца подарками. Самъ старецъ взять что нибудь за лѣченіе отказался.

Дѣтскіе годы братьевъ Броневскихъ.

«Отецъ нашъ былъ очень строгъ. Мы его очень боялись. При немъ не смѣли и пошевелиться, вѣчно сидѣли по угламъ въ дѣвичьей. Зато на свободѣ, безъ отца, отличались въ рѣзвостяхъ. Случилось видѣть крестины меньшого брата Александра. Вотъ у насъ былъ большой затѣйникъ, братъ Семенъ. Въ отсутствіе батюшки рѣшили сдѣлать надо мной обрядъ крещенія.

Въ одинъ прекрасный день, послѣ обѣда, матушка легла поживать, няня старуха также улеглась отдохнуть. Насъ четверыхъ заперли, по обыкновенію, въ дѣтской, которая окнами обращена была къ кухнѣ. Наканунѣ прошелъ сильный дождь; всѣ кадки, поставленныя подъ желоба для стоку съ крыши дождевой воды, были наполнены. Старшіе братья, составивъ игру, чтобы меня крестить, перенарядились: кто священникомъ, кто дьякономъ, а кто дьячкомъ. Накрылись одѣялами и простынями вмѣсто рясы, вмѣсто кадила отправляли бутылки, привязанныя къ шнуру. Преспокойно отворили окно: меня высадили и сами вылѣзли. Кадка, наполненная водой, была высока. Я самъ не могъ взлѣзть туда. Братья стали подсаживать, голова моя перевѣсилась въ кадку, и я юркнулъ вверхъ ногами. Братья не могли меня удержать или вытащить обратно. Перепугались и разбѣжались. Господь сохранилъ мою жизнь. Поваръ Василій послѣ обѣда въ кухнѣ чистилъ посуду. Увидѣвъ, что мы вылѣзли въ окно, вышелъ въ самую минуту, когда я погруженъ былъ въ кадку, подбѣжалъ, вынулъ изъ воды совершенно мертваго, захлебнувшагося водой. Прибѣжали няня, горничныя дѣвушки, стали откачивать на простыняхъ. Шумомъ и суматохой разбудили матушку, слава Богу, привели меня въ чувство. Ожилъ. Братевъ съ трудомъ отыскали въ конопляникѣ. Разумѣется, ихъ пересѣкли розгами, и подѣломъ. Отца не было дома. Запрещено было ему говорить. Я самъ увидѣлъ отца и рассказалъ, какъ я братьями былъ вторично крещенъ. Разумѣется, отецъ пересѣкъ порядочно вторично братевъ, досталось и нянѣ, да и всѣмъ людямъ».

Описанный случай порки не единственный. Авторъ воспоминаній приводитъ еще одинъ случай, «когда брата Семена Богдановича, нынѣшняго генераль-лейтенанта, отвели въ особую комнату, и самъ отецъ своеручно съ дядей высѣкли преизрядно».

Въ гродненскомъ кадетскомъ корпусѣ.¹⁾

«Учили фронту по два раза въ день. На плацъ ходили за городъ довольно далеко, нуждались въ обуви. Платье и пища были очень скудны: все на польской манеръ. Второе блюдо играло важную роль. Когда была различная каша—всѣ кадеты какъ-то веселѣй; но когда картофель, морковь и особенно пастернакъ, мы всѣ обрекались на голодъ.

Испыталъ на себѣ, что голодный ребенокъ много теряетъ передъ сытымъ: урокъ нейдетъ въ голову, всѣ мысли направлены

¹⁾ Первые годы XIX в.

какъ бы промыслить хлѣба. Онъ по корпусу составлялъ ходячую монету—за четверть фунта хлѣба можно было вымѣнять три листа бумаги, карандашъ, грифель, даже три-четыре пуговицы съ казеннаго мундира, вырванныя съ сукномъ у товарища. Это производилось обыкновенно по ночамъ, когда мундиры были сложены у дядьки въ особой комнатѣ. Онъ у насъ отвѣчалъ за утрату.

Вотъ—разскажу образъ кадетской торговли. О деньгахъ мы и не знали. Монетъ не видывали, хлѣбъ составлялъ всѣ финансовыя обороты. Въ праздничный день—между молитвой и обѣдомъ вы увидите по камерамъ настоящій толкучій рынокъ. Всѣ кадеты на ногахъ (надо сказать, что у насъ запрещалось сидѣть на кроватяхъ). Между двухъ кроватей, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой, стоялъ одинъ деревянный стульчикъ. Столовъ не было, почему два сосѣда могли садиться только поочередно, а прочіе всѣ стояли. Да и, правду сказать, свободнаго времени было очень мало: сидѣть некогда. Вы видите кадетъ, прогуливающихъ по всѣмъ камерамъ, и изъ другихъ ротъ. На головѣ одни держатъ три листа бумаги, другой—карандашъ, остальные—грифель, пуговицы. Кричатъ: «Кто прогандлюитъ хлѣба? Вотъ три листа бумаги!» или называютъ другую вещь, что имѣютъ. Надо знать, что всякій кадетъ, продающій означенныя вещи, конечно, будетъ высѣченъ розгами, когда при прибытіи въ классы не окажется данной ему бумаги, карандаша или грифеля. Голодъ—не свой братъ: идешь смѣло подъ наказаніе, лишь бы утолить потребность желудка.

...Еще одна торговля очень скоро распространилась. Это дѣлали бумажные фонари, складные круглые. Я былъ мастеръ ихъ дѣлать и былъ одинъ разъ высѣченъ. Вотъ какъ это было. Во время вечернихъ классовъ нѣсколько кадетъ отпросились выйти до вѣтру. Отправились на Нѣманъ на ледъ. Зажгли фонари и давай кататься. Дежурный по корпусу, обходя классы, увидалъ огни на рѣкѣ, пошелъ туда, тоже имѣлъ въ рукѣ фонарь. Бойкій кадетъ, по фамиліи Кладухинъ, мастеръ кататься. Видя идущаго къ нему человѣка, очень осторожно ступающаго по льду, налетѣлъ на него, подбилъ и свалилъ съ ногъ. Дежурный былъ старшій Райковичъ, Алексѣй Максимовичъ, маіоръ. Разумѣется, ударъ былъ довольно сильный. Свѣча въ фонарѣ потухла. Кладухинъ, подойдя къ сваленному, съ торжествомъ свѣтитъ въ глаза своимъ фонаремъ. Со смѣхомъ спрашиваетъ: «Кого это свалилъ?» Увидя ошибку закричалъ: «Дежурный!» Мигомъ всѣ свѣчи въ фонаряхъ погашены. Кадеты разбѣжались и, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлись на мѣстахъ, каждый въ своемъ классѣ. Маіоръ

Райковичъ узналъ Кладухина и отправился прямо въ классъ. Застаетъ меня вызваннымъ къ доскѣ во французскомъ классѣ, дѣлающимъ склоненіе. Спросилъ учителя, много ли кадетовъ было имъ уволено до вѣтру. Каждому выдавался картонный билетъ, а по возвращеніи каждый кадетъ обязанъ былъ билетъ возвратить—положить возлѣ учителя на столѣ. Но билеты не были всѣ положены. Спросилъ: «У кого билеты выхода, впередъ!» Вышли виновные: у всѣхъ уши и щеки горятъ, башмаки порядочно въ снѣгу затоптаны. Нечего было дѣлать. Сознались, что были на Нѣманѣ, и сколько часовъ. Дежурный, обойдя всѣ классы, нашелъ виновныхъ человекъ 35. Преисправно, послѣ ужина, всѣхъ оставили и пересѣкли розгами.

На другой день началось слѣдствіе, откуда явилось такъ много фонарей. Открывается, что Броневскій младшій—дѣлатель фонарей. Меня вызвали. Были приготовлены скамейки. Разложили молодца. Никакія отговорки не приняты. Высѣкли. Всѣ фонари отобраны и истреблены; строго запрещено имѣть ихъ».

Въ Германіи.

Мы пропускаемъ путешествіе Броневскаго въ полкъ на Кавказъ, его службу на Кавказѣ и участіе въ войнѣ съ горами. Все это описаніе носить протокольный характеръ и не представляетъ для насъ какого-либо интереса. Такой же протокольный характеръ носитъ рассказъ автора воспоминаній объ его участіи въ Отечественной войнѣ. Мы остановимся только на его воспоминаніяхъ о встрѣчѣ съ нѣмецкими поселянами и о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. Посланный въ главную квартиру съ донесеніемъ къ Государю отъ Блюхера, Броневскій заблудился.

«Выйдя изъ лѣсу, попалъ на тропинку пѣшеходовъ, которая склонялась все ниже и ниже, вышелъ на прекрасную долину. Протекаетъ чистый ручеекъ. Я крѣпко усталъ, подошелъ къ ручью, умылся, освѣжилъ свое лицо, напился воды, докурить трубку. При мнѣ было зажигательное стекло. Посидѣлъ. Подумалъ, что дѣлать. Надо итти далѣе. Пошелъ по долинѣ по прежде найденной пѣшеходной тропинкѣ. Наконецъ, увидѣлъ прекрасный домикъ, обитый кругомъ чистымъ досчатымъ заборомъ. Подхожу; стучу въ двери. Нѣтъ ни души, а, видимо, сѣни заперты изнутри. Сѣлъ на крылечкѣ, опять закурилъ трубку. Ожидалъ развязку, чѣмъ все это кончится. Слышу изнутри отворилось маленькое окошечко, называемое у нѣмцевъ «вас-ис-дасъ», въ которое выставилась прехорошенькая женская головка. Я обернулся. Окошечко заглохло, хозяйка исчезла. Я звалъ, кричалъ, назы-

валъ себя русишъ-куррьеръ и что я гутерь-манъ.—Нѣтъ отвѣта. Опять усѣлся на крылечкѣ, но ободрился духомъ, видя, что я среди мирныхъ жителей. Наконецъ, вижу, бѣжить изъ лѣсу преогромная собака брузбартъ. Увидѣла меня и стала лаять. Я отошелъ отъ двери. Она стала проситься въ дверь. Видимо хозяйка, ободренная прибытіемъ собаки, предвѣстника скорого возвращенія хозяина, отворила дверь. Просила войти въ горницу. Наши объясненія пошли очень скоро. Хозяйка извинилась, что она опасалась меня въ домъ пустить, какъ робкая женщина и одна. Просила садиться, спросила, не желаю ли я чего покушать. Какъ отказаться, бывъ голоднымъ. Пошла хлопотать. Собака улеглась у моихъ ногъ, и я ее приласкалъ, и она со мной скоро познакомилась. Черезъ добрые два часа явился хозяинъ. Собака встрѣтила его лаемъ за двадцать шаговъ, прыгала, вертелась около него, лаяла. Вышла навстрѣчу и хозяйка, объявила о неожиданномъ гостѣ. Хозяинъ торопливо входитъ въ комнаты; я сидѣлъ за столомъ: снялъ шинель, былъ въ одномъ скюртукѣ, въ эполетахъ при эксельбантѣ и крестѣ Владиміра въ петлицѣ. Хозяинъ ко мнѣ, какъ видно, сталъ питать большое уваженіе. Онъ сталъ извиняться за свою супругу, что она меня приняла такъ неучтиво. Трудно мнѣ было съ нимъ объясняться. Онъ былъ большой говорунъ, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ. Это былъ лѣсничій королевскаго лѣса. Одѣтъ въ свѣтло-зеленую куртку, черезъ плечо ягдташъ и двуствольное ружье. Чтобы меньше съ нимъ объясняться на словахъ, я подаль мою подорожную. Какъ только онъ увидѣлъ три печати и подпись самаго Блюхера, захопоталъ: «Русишъ-куррьеръ, геръ ротмейстеръ!» Мигомъ принесъ бутылку вина, кусокъ сыра. Хозяйка принесла жаренаго пѣтуха. Тутъ явились яйца, молоко, свѣжее масло. Вошла премолоденькая, прехорошенькая дѣвочка лѣтъ 14-ти, привѣтливая и милая. Она долго разсматривала мою аммуницію, саблю, кисеть, трубку, наконецъ, спросила, что у меня въ чемоданѣ. Надо было удовлетворить любопытство: вынулъ мундиръ. Она развернула его, увидала пряжку со св. крестомъ Владиміра, поцѣловала крестъ, примѣривала по длинѣ къ себѣ и говорила: «Я бы хотѣла быть мужчиной, чтобы итти бить французовъ. Вотъ братъ мой служить въ ландверахъ и Богъ его знаетъ, что съ нимъ». Мы въ короткое время такъ хорошо ознакомились, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ. Наконецъ, дѣвица, разбирая мои пожитки въ чемоданчикѣ, увидала четыре платка носовыхъ, двѣ рубашки, одна изъ нихъ черная. Изъявила желаніе все бѣлье перемыть. Я ей сказалъ, что мнѣ хотя здѣсь и очень хорошо, но все-таки надо мнѣ продолжать свое странствованіе. Сказала, что два часа достаточно, и все бу-

детъ готово. И что же: мигомъ приносить отцовскую рубашку, требуетъ, чтобы я снялъ съ себя рубашку, обобралъ изъ кармановъ всѣ платки. У меня ихъ было всего шесть. Сама хотѣла снимать сапоги съ меня. Я попросилъ ее выйти, самъ раздѣлся, исполнилъ ея желаніе—отдалъ мое бѣлье въ мытье. И дѣйствительно, черезъ два часа все было готово, выглажено и уложено въ чемоданъ. Съ великимъ трудомъ могъ вручить ей одинъ имперіаль и то уже съ пособіемъ отца и матери, сказавшихъ, что она будетъ носить его на крестѣ, а отецъ прибавилъ, что пригодится на приданое, когда вырастешь и пойдешь замужъ. Надо было видѣть радость невинной дѣвушки, какъ она его подбрасывала, цѣловала, наконецъ, бросилась цѣловать меня, руки мои, словомъ была счастлива...

Былъ угощенъ, какъ нельзя лучше. Хозяинъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нельзя до вечера никуда выходить, опасно, наткнешься на какой-нибудь патруль, хотя онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не видалъ ни одного француза. Бывъ молодъ, беззаботливъ и при усталости моей залегъ спать, ночи три не спавши, уснулъ богатырскимъ сномъ до самаго вечера. Самъ хозяинъ пришелъ разбудить меня, сказавъ: «Я обязанъ сохранить русскаго курьера, намъ пора въ путь. Мы съ вами должны итти пѣшкомъ до перваго селенья верстъ 15. Темнота ночи насъ прикроетъ отъ всякой бѣды».

Распростились съ добрыми хозяевами, они сами меня расцѣловали и руки и плечи, благословляли на благополучное путешествіе, а дѣвица Элоза плакала неутѣшно. Проводила насъ далеко. Хозяинъ взялъ мою поклажу, и мы съ нимъ отправились по той самой тропинкѣ, по которой я пришелъ».

Вступленіе въ Парижъ.

«19 марта (1814 г.) Императоръ Александръ Павловичъ съ прусскимъ королемъ торжественно вступили въ Парижъ. Скажу слегка о моихъ впечатлѣніяхъ и, что я видѣлъ и слышалъ.

Крѣпость Сень-Дени вмѣстѣ съ Парижемъ сдалась. Мы заняли ее своими корпусами...

Народу была тьма. Не то что дома, но всѣ деревья унизаны были народомъ. Очень меня беспокоила лошадь. Она была щекотлива, при маломъ прикосновеніи брыкалась. Хотя я каждого подходящаго близко, предостерегалъ, но отъ тѣсноты невозможно было избѣжать прикосновенія. Я удивленъ спокойствіемъ моего Черкеса: онъ стоитъ тихо и смирно, не обращая вниманія на окружающихъ его. Наконецъ, слышимъ громъ музыки. Народъ колеблется; всѣ взоры обращенны на побѣдителей, кричатъ: «Ви-

вать, Александръ?» Мы среди французовъ, какъ будто среди своихъ добрыхъ русскихъ гражданъ. Около самого меня и моей лошади стояло семейство изъ трехъ душъ, составлявшихъ толстаго барина въ національной гвардіи мундирѣ, миловидной и привѣтливой барыни и прехорошенькой миленькой барышни, ихъ дочери. Вдругъ слышу: дама просить меня позволить ей и дочери стать на мою лошадь, чтобы видѣть яснѣй всю церемонію. Я объясняю, что моя лошадь не спокойна, можетъ ушибить. Дама, лаская лошадь по головѣ, поцѣловала и сказала: «Она добрая и позволить мнѣ стать на нее и увидѣть торжество ваше во всемъ блескѣ». Представьте мое удивленіе: мой Черкесъ преспокойно стоялъ. Я посадилъ барыню и барышню, поставилъ ихъ на ноги на сѣдлѣ; поддерживалась барыня за меня, а дочь за отца. Я имъ такъ угодилъ сей услугою, что онѣ дали мнѣ адресъ свой, а этотъ господинъ былъ мнѣ во многомъ полезенъ во все пребываніе наше въ Парижѣ. Описать торжественное шествіе невозможно. Я самъ не видалъ гвардіи нашей... Французы удивляются стройности и равненію, тишинѣ. «Вивать, Александръ!» не прерывалось.

Войска прошли, толпы народа разошлись. Наши генералы поѣхали обѣдать въ лучшіе рестораны, въ Пале-Рояль къ г-ну Вера. Что за великолѣпные залы, какая мебель, что за прислуги въ богатыхъ ливреяхъ! Какая посуда, хрусталь, столовое бѣлье! Какія подали кушанья, вина, и какъ это все подано чисто, опрятно! Заплачено щедро. Толпы французовъ входили въ залы, смотрѣли на насъ, какъ на чудо. Удивлялись, какъ мы говоримъ по-французски даже между собой. Наши генералы расплатились и еще удивились, что такъ дешево. Возвратились въ свой лагерь. Черезъ часъ или два, ну, словомъ, съ вечера 18-го числа всѣ наши лагеря сдѣлались толкучими рынками. Въ одинъ мигъ нанесли, чего угодно. Торгу не было, но деньги брали, что дашь. Конечно, намъ казалось все дешево. Да и гдѣ же найдешь такое изобиліе апельсиновъ, лимоновъ, яблокъ, свѣжаго винограда, разныхъ сластей, винъ бутылками и полубутылками: портера, ликера, разныхъ пироговъ, пирожковъ, устрицъ, сыра, булокъ, словомъ, чего хочешь, того и проси.

На другой день явились въ экипажахъ дамы; пресвободно разѣзжались; ежели къ нимъ подходили офицера, знающіе французскій языкъ, очень ласково разговаривали, подчивали апельсинами. Наши щедро подносили дамамъ въ платкахъ накупленныхъ апельсиновъ, яблокъ, конфектъ и подчивали дамъ. Знакомства дѣлались въ одинъ часъ. Намъ всѣмъ было разрѣшено ходить въ городъ, но требовалось, чтобы быть въ мундирахъ,

чисто одѣтыми и быть всегда во всемъ учтивыми и ласковыми. Солдатамъ по одиночкѣ ходить запрещалось. Ну, просто сказать, мы были какъ будто въ Москвѣ, въ Петербургѣ или въ какомъ либо хорошемъ губернскомъ городѣ. Всѣ проходящіе кланялись намъ преучтиво. Мы имъ отвѣтствовали тѣми же учтивостями. Заходили въ церкви, молились Богу. На насъ смотрѣли всѣ съ удивленіемъ. Въ театрахъ кресла были заняты нашими офицерами. Тамъ цѣны дешевле нашихъ—45 коп. сереб. кресло.

Экзекуція надъ воронежскими крестьянами.

По возвращеніи въ Россію Н. Б. Броневскій быстро дѣлаетъ военную карьеру. Мы очень скоро видимъ его въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ «внутреннихъ враговъ». Во главѣ эскадрона онъ умирятъ крестьянъ помѣщика Синявина въ селѣ Конь-Колодезь, Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Вотъ что онъ рассказываетъ о Воронежской экзекуціи: «Октября 3-го дня (1819) былъ посланъ съ эскадрономъ на экзекуцію въ с. Конь-Колодезь для приведенія въ повиновеніе крестьянъ помѣщика, отставного флота капитана командира Григорія Алексѣевича Синявина. Ночевали въ с. Березовкѣ. 4-го прибылъ въ Конь-Колодезь, Задонскаго уѣзда. Выѣхали, для введенія меня въ обязанность, капитанъ-исправникъ, отставной поручикъ Истоминонъ, назначенный опекунъ отъ дворянъ отставной капитанъ Ползиковъ. Самъ полковой мой командиръ полковникъ Владимиръ Ивановичъ Сонинъ былъ при вступленіи эскадрона.

Крестьяне всѣ были собраны. Имъ исправникъ прочелъ указъ Воронежскаго Губернскаго Правленія, что я присланъ съ эскадрономъ заставить ихъ повиноваться помѣщику, въ противномъ случаѣ мнѣ предоставлена власть наказывать тѣлесно, въ случаѣ ослушанія, предавать суду, отправлять въ уѣздный городъ. Жители обязаны были людей продовольствовать на свой счетъ: всякій день фунтъ говядины и чарка водки, лошадямъ опредѣлены были двойныя доли т.-е. 6 гарнцевъ овса и 20 фунтовъ сѣна.

Въ селѣ Конь-Колодезь 1800 душъ ревизскихъ мужского пола. Селеніе отличное, богатое и устроенное, очень хорошее.

Неповиновеніе ихъ состояло въ томъ, что они не хотѣли тремя сохами въ день вспахивать указанную десятину, а требовали, чтобы ставили четыре сохи, считали господскій лѣсъ вѣзжимъ, истребляли его нещаднымъ образомъ, вывозили и продавали. Прочія работы исполняли и повиновались безропотно.

Я началъ съ того, что эскадронъ разставилъ по крестьянамъ, на каждые 10-ть дворовъ былъ десятскій солдатъ. Онъ отвѣчалъ

за всякій безпорядокъ. Ни одинъ крестьянинъ не могъ отлучиться изъ селенія безъ билета моего, не могъ ничего вывозить и продавать. Все имущество, скотъ и хлѣбъ были описаны. Это распоряженіе очень не понравилось крестьянамъ. Начали тайно по ночамъ выходить и даже вывозить задними воротами разные продукты и даже имущество, но посылаемыми патрулями и разъѣздами всегда ловились и *наказывались публично на сходкѣ*. Приведя въ извѣстность и описавъ все имущество у крестьянъ, оказалось, что людей они прокормятъ безъ всякаго отягощенія, ибо одинъ солдатъ доставался на десять душъ. Фуража могло быть у крестьянъ только на два лица. Разрѣшалось брать помѣщичій, и самъ онъ былъ на сіе согласенъ.

Такъ какъ эскадронъ пришелъ въ глубокую осень, то надо было ожидать весны, чтобы видѣть успѣхъ полевыхъ работъ, и поэтому до весны жили покойно. Всѣ наряды исполняли безропотно. Не было никакой надобности употреблять какую-нибудь строгость.

Эскадрону стоять было чрезвычайно хорошо. Мой эскадронъ былъ сформированъ отлично, ни жалобъ, ни ссоръ не было, и съ г.г. офицерами квартировалъ въ господскомъ домѣ въ большой залѣ. Люди обучались пѣшей службѣ, но, такъ какъ полъ былъ паркетный, то люди всегда сапоги снимали. Строевые лошади поставлены были по конюшнямъ коннаго завода, который самъ помѣщикъ еще до прибытія моего вывелъ въ другое свое имѣніе. Люди стояли по квартирамъ, переходя отъ одного хозяина до другого, такъ что конно-егерь на квартирѣ могъ ночевать развѣ черезъ десять дней. Хозяинъ во все время дня и ночи обязанъ быть со своимъ семействомъ дома. Постоялецъ отвѣчалъ за отлучныхъ.

Первые двѣ недѣли приходилось дѣлать наказаніе, а потомъ жили, какъ будто изъ одного семейства.

Всѣ крестьяне меня очень любили и всегда называли отцомъ и защитникомъ.

У помѣщика была огромная каменная рига. Я отдѣлилъ четвертую часть, сдѣлалъ барьеръ, насыпалъ песку. Вышелъ отличный манежъ. Такой стоянки я не имѣлъ во всю мою службу. Лошадей раскормилъ. Служба шла регулярно. Эскадронъ поставилъ какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ на самую лучшую степень. Отбылъ многіе смотры. Всѣ начальники были довольны. Самъ помѣщикъ не желалъ, чтобы была снята экзекуція. Я не имѣлъ выгоду, которая имѣютъ мои товарищи всѣ эскадронные командиры. Я не получалъ на содержаніе эскадрона ни одной копѣйки. Все выдавалось натурой. Фуражъ могъ оставаться и даже много, но я продавать не смѣлъ и не могъ, чтобы не попасть въ отвѣтственность.

Съ открытіемъ полевыхъ работъ крестьяне попробывали недопахивать тремя сохами десятины земли, оставляя четвертую часть, говоря, что не успѣваютъ. Но когда высланы были конные егеря съ плетями, на каждая десять десятинъ по одному, опредѣленно всѣмъ тремъ работникамъ, недопахавшимъ десятину, по 50-ти плетей, а ефрейтеру, недосмотрѣвшему за успѣхомъ, 25 плетей, то къ четыремъ часамъ всѣ десятины были окончены. А для опыта на двухъ десятинахъ было поставлено по двѣ сохи, на каждую соху было по одной лошади подставной, и тѣ къ 6-ти часамъ окончили свои десятины. На другой день было собрана сходка и объявлено, что дѣлается постановленіе разъ навсегда: кто не допашетъ своего участка, тотъ наказуется на сходкѣ публично и участокъ долженъ окончить въ свой день.

Крестьяне работали постоянно по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ на помѣщика, въ четвергъ пятницу и субботу—на себя. Праздники не работали на чьихъ бы дняхъ они ни случились. Требовалось, чтобы всѣ были къ обѣднѣ. Народъ особенно усердный къ церкви. Всегда одѣты чисто, опрятно, особенно—женщины; нравственность прекрасная. Крестьяне очень зажиточны, скотоводство изобильное, въ особенности имѣли отличныхъ лошадей, занимались извозомъ и гоньбой дерева на большой московской дорогѣ.

И такъ простоялъ на экзекуціи съ 3-го октября по 9 мая, слишкомъ семь мѣсяцевъ. Крестьянъ привелъ въ совершенное повиновеніе. Помѣщикъ остался доволенъ. Мое начальство благодарило. Въ казнѣ осталось полное продовольствіе за 9 мѣсяцевъ на комплектный эскадронъ. Для пополненія позвольтельной экономіи для полкового командира я кормилъ, можно сказать откармливалъ, во все время по 50-ти лошадей и 25 человѣкъ, не получая фуража и провіанта. Мои и г.г. офицеровъ лошади кормились вволю. Люди нашего эскадрона получили отъ своихъ хозяевъ по три рубашки, по двое шароваръ славнаго холста. Для эскадрона пошиты были на кивера чемоданы изъ черной клеенки, чехлы, всѣ необходимые мѣшечки и торбы для лошадей. По парѣ сапогъ выслалъ помѣщикъ, по четыре пары подковъ на каждую лошадь сдѣлалъ также помѣщикъ. Словомъ сказать, эскадронъ былъ вполне снабженъ всѣмъ необходимымъ.

Мая 9-го послѣ обѣдни, отслуживъ молебенъ, эскадронъ былъ собранъ и выстроенъ для выступленія. Всѣ жители отъ мала до велика вышли провожать. Я купилъ 10-ть ведеръ водки, это пожертвовалъ откупщикъ, перепоилъ всѣхъ хозяевъ и постояльцевъ.

Крестьяне сами охотно вызвались везти нашъ багажъ и фуражъ. Всякаго запаса было привезено на цѣлый комплектъ».

Военныя поселенія.

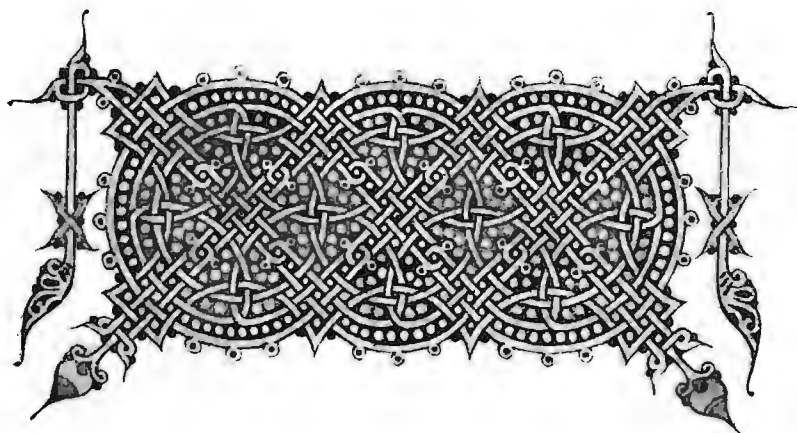
Къ сожалѣнію, очень мало сообщаетъ Броневскій о своемъ командованіи въ военныхъ поселеніяхъ. Вотъ все, что имѣется въ его воспоминаніяхъ относительно этого времени его жизни.

«20 числа (1824 г.) былъ утвержденъ командиромъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ. Іюля 4-го по приказу полковника Богданова вступилъ въ командованіе эскадронами. Въ теченіе всего іюля и всего августа принималъ эскадроны. Обязанность командира велика, хлопотлива и трудна, особенно, для новаго человѣка. Трудно привести все въ порядокъ, но я имѣлъ очень хорошихъ моихъ сотрудниковъ. Въ короткое время всѣ недостатки исправили. Весь годъ прошелъ въ исправленіи служебныхъ обязанностей. Огромныя были занятія переселять нашихъ военныхъ поселянъ изъ хуторовъ въ большія селенія на проектированныя планы безъ всякихъ постороннихъ пособій своими средствами. Надо было перевозить съ хуторовъ дома со всѣми на дворѣ строеніями, устраивать на планахъ огромныя селенія. Надо было располагать работами такъ, чтобы полевая работа была исполняема неукоснительно въ свое время. Въ сіи два года Господь благословилъ хорошими урожаями; всѣ поля были разрѣзаны на участки; болѣе шести сотъ дворовъ перевезено и поставлено, такъ что другіе не хотѣли вѣрить столь успѣшному переселенію. Сначала хозяева очень неохотно и даже съ ропотомъ переселялись, но когда увидѣли, что ихъ на новыхъ мѣстахъ устраивали общими силами, и все идетъ очень успѣшно, сами просили скорѣйшаго водворенія на новыхъ мѣстахъ».

Заключеніе.

Заканчиваетъ свои воспоминанія генералъ Броневскій слѣдующимъ обращеніемъ къ сыновьямъ:

«Эти краткія замѣтки изъ жизни и службы моей да послужатъ вамъ напоминаніемъ, что вашъ отецъ, какъ истинный рыцарь, служилъ царю и отечеству, вотъ уже пошелъ 49-ый годъ, не былъ баловень счастья, все ему доставалось нелегко, вѣчно въ нуждѣ и недостаткахъ, но все переносилъ безропотно, всегда полагая свое упованіе на святую волю Всевышняго Творца. Его святая десница видимо покровительствовала, и, вотъ, дожилъ до шестидесяти четырехъ лѣтъ, дослужился до чина генерала-маіора, нѣтъ ничего и никакого достоянія. За то васъ—два молодца. Вы подпора послѣ моей смерти старости матери, наставники сестеръ. Я въ этомъ твердо увѣренъ и спокойно переселяюсь по назначенію природы въ жизнь вѣчную».

Сокровенность масонских списковъ.

«Мы, скрывши власть свою, должны повиноваться».

«Хоры и Пѣсни», пѣснь XXIX.

Царствованіе Императора Александра I-го отмѣчено особымъ развитіемъ масонства въ Россіи, умноженіемъ числа ложъ и числа сочленовъ. До насъ дошли списки ложъ, но они не полны¹⁾; до насъ дошли списки членовъ, но они еще менѣе полны, а между тѣмъ, членамъ ложъ велись подробные списки, какъ это указываетъ между прочимъ § 293 Уложенія Великой Ложы Астреи 1815-го года. «Должность секретаря (ложы) также вести вѣрный списокъ членамъ своей ложы, для чего удобнѣе можетъ онъ занять нѣсколько листовъ съ начала или конца протокольной книги. Каждый членъ долженъ быть въ списокъ сей внесенъ по имени и фамиліи съ означеніемъ степени, времени вступленія его въ ложу, въ ней занимаемой должности и гражданскаго званія».

Эти-то подробные списки членовъ и должны были бы дойти до насъ въ единичныхъ экземплярахъ черновыхъ и чистовыхъ протокольныхъ книгъ. Кромѣ законоположенія Великой Ложы Астреи, имѣется еще другой документъ, доказывающій, что списковъ членовъ писалось очень много экземпляровъ; этотъ документъ — Актъ Взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ ложъ на Востокъ Санктпетербурга 1817 года²⁾. Статья XII этого Акта

¹⁾ Въ 1873 году былъ изданъ покойнымъ академикомъ А. Н. Пыпинымъ «Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его, 1731—1821». Въ предисловіи Пыпинъ указываетъ, что имъ использованы всѣ бывшія ему доступными печатныя и рукописныя данныя; въ настоящее же время по новымъ матеріаламъ можно сдѣлать большія дополненія къ указателю и присоединить новыя имена ложъ, работавшихъ въ Россіи до 1822 года.

²⁾ Т.-е. Великой Директоріальной ложы Астреи и Великой Провинціальной ложы; актъ заключенъ былъ стараніемъ представителя Астри.

гласить: «Великія Ложи извѣщаютъ другъ друга о каждомъ принятомъ, повышенномъ, присоединенномъ и выбывшемъ членѣ Союза чрезъ каждые три мѣсяца»; статья XIII: «Наканунѣ Іоаннова дня, т.-е. 24-го іюня, Великія Ложи сообщаютъ другъ другу списки своихъ Великихъ Чиновниковъ и Офиціаловъ, а также Чиновниковъ и Офицеровъ, подчиненныхъ имъ ложъ». Статья XIV-ая: «Также на канунѣ Іоаннова дня обѣ Великія ложи сообщаютъ другъ другу списки всѣмъ членамъ своего Союза, съ означеніемъ, къ какимъ принадлежатъ ложама и какія имѣютъ степени»¹⁾.

Актъ 1817-го года возвелъ лишь въ обязательный законъ для дружественно - союзныхъ ложъ искони²⁾ существовавшій въ русскихъ ложахъ обычай обмѣниваться списками своихъ членовъ. Архивными документами доказывается, что еще въ царствованіе императрицы Екатерины II русскія ложи пересылали свои списки членовъ въ дружественныя иногородныя и иноземныя ложи. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что не только велись подробныя списки членовъ каждой отдѣльной ложи, но что одинъ и тотъ же списокъ иногда переписывался десятки разъ для разсылки въ ложи для обмѣна. Со временемъ большое число членовъ и отдѣльныхъ списковъ вызвало необходимость отпечатывать списки взамѣнъ ихъ переписыванія.

Великая Управляющая ложа Астрей издала для членовъ союза вольныхъ каменщиковъ три пространныхъ списка своихъ союзныхъ ложъ и членовъ за 1817—18, 1819—20 и 1820—21 гг. — Это небольшого размѣра, въ малую осьмушку, убористо написанныя книжки въ голубовато-сѣрыхъ бумажныхъ обложкахъ, украшенныхъ красивою черною рамкою. Заглавный листъ снабженъ печатнымъ изображеніемъ большой печати Великой ложи Астреи, т.-е. самой богини правосудія и властительницы «златаго вѣка», «Астреи съ пытливымъ взоромъ незавязанныхъ очей». Въ правой рукѣ Астреи отвертый циркуль, въ лѣвой наугольникъ. Циркуль — символъ разума: «размѣрай дѣйствія твои циркулемъ

¹⁾ Въ Ревельскомъ провинціальномъ музеѣ хранятся между прочимъ 3 письма Кронштадтской ложи «Нептуна» въ Ревельскую ложу «Трехъ Бердышей» со списками членовъ. Въ письмѣ отъ 12-го февраля 1784 г. читаемъ просьбу объ извиненіи, что списокъ членовъ не былъ своевременно высланъ «и въ упованіи, что такая медленность не уменьшаетъ тѣхъ нѣжныхъ чувствованій дружества, кои царствуютъ въ сердцахъ истинныхъ вольныхъ Каменщиковъ, просимъ почтенную ложу «Трехъ Бердышей», чтобы благоволила сообщить взаимно и ложѣ «Нептуна» списокъ своимъ собратіямъ и членамъ».

²⁾ Уложеніе Великой Ложи Астреи § 156: «Уничтоженіе ложи можетъ произойти: 1) по приказанію Верховнаго Правительства; 2) опредѣленіемъ членовъ, составляющихъ сію ложу; 3) совершеннымъ прекращеніемъ масонскихъ работъ въ теченіе полнаго года и одного дня; 4) по приговору Великой Ложи».

разума», повелѣвалъ масонскій законъ; наугольникъ — символъ закона, и потому-то лѣвою рукою, въ которой богиня держитъ наугольникъ, она опирается на столбъ: законъ — это столбъ, непоколебимое основаніе, на которомъ должно было строиться великое зданіе человѣчества. Вся печать окружена шнуромъ братства, связаннаго многочисленными узлами, тройною неразрывною цѣпью: «въ единеніи сила», было правиломъ каменщикаго братства.

Книжки¹⁾ печатались на трехъ языкахъ, при чемъ списокъ ложи, работавшей на русскомъ языкѣ былъ напечатанъ по-русски, ложи, работавшей на нѣмецкомъ языкѣ, по-нѣмецки и ложи, работавшей на французскомъ языкѣ, по-французски. Заглавія этихъ книжекъ таковы: «Tableau général de la Grande Loge Astrée a L'O. De St.-Pétersbourg et des douze Loges de sa Dépendance. Pour l'an maçonnique 5817 — 18» «Tableau général de la Grande Loge Astrée et des 23 Loges de sa Dépendance pour l'an maçonnique 5819—20». Заглавіе третьяго списка однородное, только безъ указанія числа союзныхъ ложъ. На обложкахъ двухъ послѣднихъ списковъ напечатана слѣдующая отмѣтка по-русски, нѣмецки и французски: единственно для почтенныхъ ложъ и братьевъ (Nur für Logen und Bruder Freimaurer, Seulement a l'usage des loges et des frères).

Дѣйствительно, печатные списки, какъ и рукописные, предназначались исключительно для членовъ масонскаго собратства; не только масонская власть, но и масонская братія строго слѣдили за тѣмъ, чтобы списки членовъ не попали въ руки «непосвященныхъ». Такъ, напримѣръ, въ циркулярахъ Великой Ложы Астрей отъ 1815 VII 18 за подписью Великаго секретаря Лерхе, разосланныхъ во всѣ союзныя ложи, читаемъ:

«Вслѣдствіе представленій нѣкоторыхъ ложъ и братій, просящихъ о принятіи мѣръ, дабы печатные списки членовъ не достались чрезъ какія-либо неосторожности въ руки профановъ, положено: написать на заглавіи каждого экземпляра имя той ложи, въ которую онъ отпускается и поставить при томъ въ обязанность почтеннымъ ложама, чтобы равнымъ образомъ и братья секретари еще приписали на заглавіи каждого экземпляра имя того брата, которому онъ вручается».

Имѣющійся у меня экземпляръ принадлежалъ ложѣ «Ключа

¹⁾ Печатные списки сохранились въ петербургскихъ масонскихъ архивахъ. Въ Государственномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ имѣются не только списки Астреи, но и нѣкоторыхъ другихъ ложъ въ видѣ отдѣльныхъ печатныхъ листковъ. Въ рукописномъ отдѣлѣ Императорской Публичной библиотекы хранятся списки Астреи, а въ Императорской Академіи наукъ — пачка таблицъ Астреи 1821—1822 гг.

къ Добродѣтели» и на заглавной страницѣ имѣется надпись чернилами, «Clef de la Vertu», — сдѣланная Великимъ секретаремъ Великой Ложи Астреи.

На 1821—22 года подробнаго списка не печаталось, а была лишь выпущена въ дополненіе къ нему стѣнная таблица, заключающая списокъ ложъ, перечень должностныхъ лицъ и дней работъ въ ложахъ. Эти таблицы очень рѣдки; онѣ большого размѣра въ двойной листъ.

Великая Директоріальная ложа Владиміра къ Порядку и Великая Провинціальная ложи не печатали общихъ списковъ своихъ союзныхъ ложъ,¹⁾ но нѣкоторыя ложи, какъ, напримѣръ, богатая ложа «Елисаветы къ Добродѣтели», печатали свои списки изъ года въ годъ.

Какія же причины малочисленности сохранившихся списковъ?

Возможность закрытія масонскихъ ложъ была предусмотрѣна масонскими законами. При закрытіи ложъ, каковы бы ни были причины этого закрытія²⁾, конституціонная грамота и весь архивъ ложи обязательно должны были быть доставлены въ Великую Управляющую ложу. Законъ этотъ не оставался мертвою буквою, но неукоснительно исполнялся, какъ имѣвшій большое значеніе при каждомъ закрытіи отдѣльной даже ложи, на что указываютъ протокольные записи. Но особенно важное значеніе возымѣлъ законъ, когда правительствомъ повелѣно было совершенно прекратить всѣ масонскія собранія и закрыты были всѣ ложи въ Россіи. Въ такую минуту для масоновъ чрезвычайно важно было сосредоточить въ рукахъ высшихъ начальниковъ Ордена всѣ документы, относящіеся до его жизнедѣятельности, чтобы потомъ, смотря по дальнѣйшему ходу событій, можно было принять соотвѣтствующее рѣшеніе, какъ поступить съ документами.

¹⁾ Сохранились лишь стѣнные печатныя таблицы Великой Провинціальной ложи съ росписаніемъ дней, въ которые происходили работы союзныхъ ложъ. На нѣкоторыхъ таблицахъ переименованы и должностныя лица ложъ.

²⁾ Протоколъ Вел. ложи Астреи: «26-го августа 1821 г. ложи «Сѣверныхъ Друзей» и «Георгія Побѣдоносца», давно уже покрывшія свои работы, между тѣмъ все еще не передавали Великой Ложѣ свои конституціонныя грамоты и другіе документы согласно §§ 146 и 156 Уложенія». Было постановлено истребовать бумаги. 30-го октября 1821 г. состоялось исключеніе ложи Александра къ Пчелѣ изъ списковъ Вел. Ложи Астреи и постановленіе затребовать непредставленныя еще бумаги угасшей ложи, предложивъ братьямъ Тизенгаузену и Траубенбергу въ Ямбургѣ немедленно выслать все, что принадлежало ложѣ и осталось въ ихъ рукахъ, подъ страхомъ отвѣтственности согласно § 154 Уложенія. 29-го января 1822 г. Братъ Тевесъ, управляющій мастеръ ложи Александра къ Коронованному Пеликану представилъ полученныя имъ отъ бывшаго мастера стула ложи Александра къ Пчелѣ Либа: а) Конституціонную грамоту, в) Уложеніе Вел. Ложи Астреи, с) ритуалы трехъ степеней, d) многія входящія бумаги ложи, большую печать ложи и штампы для знаковъ и украшенія.

Поэтому, тотчасъ же по запрещеніи масонства, главари затребовали со всѣхъ концовъ Россіи бумаги закрывшихся ложъ и черезъ управлявшихъ ложами поспѣшили выполнить свою «должность» по отношенію къ Ордену и переслать «все до жизни угасшей ложи касавшееся» въ вѣрныя руки масоновъ-водителей, стоявшихъ у кормила ордена правленія.

Въ особенности спѣшили они и потому, что, отославъ весь архивъ, ложи снимали съ себя отвѣтственность за сохранность масонскаго наслѣдія. Любопытно однако отмѣтить, что при пересылкахъ масонскихъ архивовъ наблюдалась «великая осторожность» и почтѣ не довѣряли, а выжидали вѣрныхъ людей, «вѣрной оказіи»; буде же таковой не оказывалось, архивы хранились до времени въ тайникахъ помѣщичьихъ усадьбъ, въ тайникахъ барскихъ городскихъ особняковъ.

Такъ поступилъ, между прочимъ, и бывший управляющій мастеръ Московской ложи «Ищущихъ манны», Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ. 26-го октября 1822 г. онъ писалъ въ отвѣтъ на письмо бывшаго Великаго Намѣстнаго мастера Великой Провинціальной ложи, Сергѣя Степановича Ланскаго отъ 14-го сентября: «Вы, любезный другъ, пишите, чтобы при удобномъ случаѣ доставить къ Вамъ *конституцію, акты, законы протоколы собраний* и пр., всѣ сіи вещи убраны въ особый ящикъ, запечатаны и хранятся у меня, въ цѣлости ихъ Вы можете быть увѣрены, и прочія вещи, къ ложѣ принадлежавшія, при описи также убраны въ сундукъ и у меня же хранятся».

Не взирая на требованіе С. С. Ланскаго (отъ 14-го сентября) поспѣшить присылкой въ Петербургъ всѣхъ вещей ложи, С. П. Фонъ-Визинъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца не можетъ найти «удобнаго случая» и, повидимому, въ ближайшемъ будущемъ даже не предвидитъ такой «случай». То же самое письмо С. П. Фонъ-Визина приподнимаетъ передъ нашими взорами завѣсу съ сокровенныхъ мыслей масоновъ въ первые дни послѣ запрещенія масонскихъ собраний. Фонъ-Визинъ пишетъ: «Большая часть (масоновъ) объаты были страхомъ какого-то гоненія». Это «ощущеніе какого-то неизвѣстнаго страха за будущее» описывается Фонъ-Визинымъ какъ нѣчто напрасное, «ибо мы могли бы быть гонимыми, по словамъ Св. Писанія, что хотящіе жить благочестиво гонимыми будутъ», отмѣчаетъ онъ и тутъ же восклицаетъ: «но ревностно ли мы и дѣятельно ли стремились удалиться отъ развратнаго міра и его суеты и жить благочестиво? Нѣтъ, мы недостойны еще потерпѣть за истину и добродѣтель». Въ причастности же къ тѣмъ преступнымъ замысламъ «видамъ и дѣйствіямъ, въ которыхъ подозрѣваютъ нынѣ и уличаютъ тайныя общества»,

онъ и вовсе почитаетъ себя и членовъ Ордена Вольныхъ Каменщиковъ невинными; однако наличность страха въ масонской средѣ имъ примѣчается, да и не однимъ имъ, были и еще примѣры. Поэтому не лишено вѣроятія предположеніе о томъ, что, въ эти дни томленія и страха за будущее, одною изъ первыхъ, принятыхъ масонами предосторожностей было совершенное уничтоженіе или особенно тщательное сокрытіе именныхъ списковъ сочленовъ Каменщического братства. Для такого предположенія имѣются нѣкоторыя данныя. Во-первыхъ, невзирая на вышеупомянутое постановленіе о включеніи въ списки именъ всѣхъ членовъ, въ ложахъ иногда совершались тайныя приемы въ присутствіи не всей ложи¹⁾, т.-е. не всего состава братій, а лишь нѣсколькихъ избранныхъ братьевъ: 5, 7, 9, а имя новопринятаго въ списокъ сочленовъ ложи вовсе не вносилось. Во-вторыхъ, составлялись членскіе списки, въ которыхъ имена фамиліи, служебное и сословное положеніе, замѣнялись орденскими прозваніями и девизами, извѣстными лишь весьма ограниченному кругу масонскихъ братій высокихъ степеней. Такіе списки сохраняли въ тайнѣ не только отъ профановъ, т.-е. непосвященныхъ въ масонскій орденъ но и отъ большинства братьевъ-масоновъ, имена ревностнѣйшихъ, наиболѣе убѣжденныхъ дѣятелей масоновъ, т.-е. водителей масонской толпы. Наконецъ, въ средѣ членовъ Ордена веденіе именныхъ списковъ вообще имѣло много противниковъ. Указывая на измѣнчивыя судьбы масонскаго Ордена во всѣ времена его существованія и во всѣхъ странахъ, не исключая Россіи, нѣкоторые члены не иначе называли членскіе списки, какъ «важными свидѣтелями, безпощадными, если когда-либо воздвигнется гоненіе на Вольныхъ Каменщиковъ».

¹⁾ Укажу два примѣра: 1) Андрей Ѳедоровичъ Ключаревъ, сынъ извѣстнаго Ключарева Ѳедора Петровича, былъ принятъ въ ложу Ищущихъ Манны, въ Москвѣ, тайно, въ присутствіи всего лишь 9 братьевъ, а остальнымъ членамъ ложи о приѣмѣ этого новаго брата не было сообщено и имя его въ списокъ ложи не включено. Когда, впоследствии, А. Ѳ. Ключаревъ посѣщалъ ложу, большинство братьевъ взирали на него лишь какъ на гостя. Послѣ правительственнаго запрета ложъ въ 1822-мъ году, при отбираниі подписокъ, А. Ѳ. Ключаревъ, состоя на службѣ при кн. Дм. Влад. Голицынѣ, показалъ, что принадлежалъ къ ложѣ Ищущихъ Манны и начальникамъ этой ложи уже въ силу необходимости пришлось и отъ него отобрать подписку и дослать въ Петербургъ въ добавленіе къ ранѣе отосланнымъ подпискамъ членовъ ложи. 2) Графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій не числился въ составѣ петербургской ложи Елисаветы къ Добродѣтели, хотя и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сочленовъ: посѣщалъ собранія, жертвовалъ большія деньги на дѣла милосердія и т. п. По кончинѣ Л. К. Разумовскаго, въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели была совершена траурная ложа въ воспоминаніе о немъ, при чемъ въ разосланныхъ пригласительныхъ повѣсткахъ на это печальное торжество упомянуто было о преданности гр. Л. К. Разумовскаго братству.

Когда къ 1819-му году оказываемая со стороны правительства терпимость къ Ордену Вольныхъ Каменщиковъ постепенно ощутительно претворялась въ неблагорасположеніе и значительная часть современниковъ начала замѣтнѣе вынаруживать враждебное настроеніе къ сторонникамъ и поборникамъ орденскаго ученія, тогда приняты были масонами нѣкоторые мѣры для спасенія ордена и охраненія его сочленовъ. 3 августа 1819 года Великая ложа Астрея разослала своимъ союзнымъ ложамъ циркуляръ, призывая спасти честь Ордена въ глазахъ правительства и современнаго общества, предпринявъ что-либо особенно полезное въ области благотворительности. Другая великая управляющая Провинціальная ложа, въ лицѣ своего великаго мастера, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго въ цѣломъ рядѣ рѣчей призывала братьевъ къ скромности и въ то же время къ стойкости въ убѣжденіяхъ. Пріемъ новыхъ членовъ былъ чрезвычайно ограниченъ, принимались лица лишь хорошо извѣстныя Ордену, за поручительствомъ нѣсколькихъ братій и послѣ продолжительнаго предварительнаго испытанія. Въ это же время поднятъ былъ вопросъ о непечатаніи впредь членскихъ списковъ и пользованіи рукописными списками въ самомъ маломъ числѣ. Въ засѣданіи Великой ложи Астреи 15-го августа 1819 года было подано нѣсколько голосовъ за непечатаніе на 1820—21 года списка членовъ и, хотя это предложеніе не прошло и списокъ былъ отпечатанъ, однако же онъ вышелъ сокращеннѣе прежняго, исключены, напримѣръ, примѣчанія о происшедшихъ перемѣнахъ въ составѣ членовъ, о новыхъ посвященіяхъ, повышеніяхъ и т. п.

Если въ спокойное для Ордена время въ Россіи и при началѣ утѣсненій многіе масоны въ спискахъ рукописныхъ, а тѣмъ болѣе въ печатныхъ, видѣли враговъ-предателей, то послѣ окончательнаго запрещенія масонскихъ собраній, въ 1822 году, въ страхѣ невѣдомаго будущаго, они должны были еще болѣе утѣшиться этихъ враговъ и потому то ихъ рѣшили уничтожить или скрыть.

Итакъ, русскіе масоны поступили въ духѣ своихъ законовъ. Что такое было для ложъ «Правительственное запрещеніе»? Это была ихъ смерть. Кромѣ того, «запрещеніе» грозило бѣдою всему собратству вольныхъ каменщиковъ! А въ вольно-каменщическихъ уставахъ существовали вполнѣ опредѣленные и очень строгія правила на случай, если вольному каменщику будетъ грозить бѣда, либо смерть. Всякій каменщикъ обязывался заблаговременно доставить своимъ масонскимъ начальникамъ всѣ бумаги и предметы, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ Ордену,

а въ случаѣ невозможности выполнить это обязательство, истребить вещи, предавъ ихъ огню ¹⁾.

Въ своей заботѣ о сохраненіи орденскихъ бумагъ и вещей отъ профанскихъ взоровъ, масонскія законоположенія приходили на помощь братьямъ и въ тяжелыя минуты опасныхъ смертельныхъ болѣзней облегчали имъ выполнение масонскаго долга. Такъ, напримѣръ, § 359-ый Уложенія Великой ложи Астреи гласилъ: «Ежели собиратель подаяній или 2-й исполнитель узнаетъ, что кто-либо изъ братьевъ боленъ, то обязанъ его навѣстить и дать ложѣ знать о состояніи его, какъ равно и его кончинѣ. Отъ опасно больного брата старается онъ отобрать²⁾ всѣ масонскія бумаги и вещи, которыя у него могутъ быть, для «доставленія оныхъ послѣ смерти его въ великую ложу или по крайней мѣрѣ обязанъ онъ стараться сохранить ихъ». И въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ, параграфъ масонскаго законоположенія не оставался мертвою буквою, но проводился въ жизнь: извѣстны многіе примѣры, что цѣлые масонскіе архивы увозились послѣ смерти выдающихся масонскихъ дѣятелей, иногда лицами совершенно незнакомыми близкимъ родственникамъ, но предъявлявшими неоспоримыя доказательства своихъ правъ на масонское наслѣдіе.

Такъ ревниво оберегались масонскіе документы отъ взоровъ непосвященныхъ въ Орденъ Великими Управляющими ложами двухъ союзовъ, пользовавшихся терпимостью правительственной власти. Еще несравненно большими предосторожностями охраняли тайну своей организаціи и личнаго состава ложи крайняго мистическаго направленія, не пожелавшія примкнуть къ союзамъ Великой ложи Астреи и Великой Провинціальной ложи.

Вотъ почему намъ неизвѣстны имена всѣхъ масоновъ, состоявшихъ звеньями длинной орденской цѣпи Александровскаго времени, вотъ почему такъ неполны и немногочисленны членскіе списки, дошедшіе до насъ!

Тира Соколовская.

¹⁾ Въ Розенкрейцерской степени юніоровъ внушалось: «всякую минуту своей жизни такъ распредѣлять тайными бумагами, чтобы ни одинъ клочокъ изъ нихъ, въ случаѣ внезапной смерти, не могъ попасть въ чужія руки».

²⁾ Отбираніе масонскихъ бумагъ во время болѣзни и послѣ смерти кого-либо изъ сочленовъ ордена Вольныхъ Каменщиковъ, или уничтоженіе таковыхъ, отмѣчается даже въ нѣкоторыхъ доносахъ на масоновъ: доносъ отъ 31-го мая 1820 г. А. Б. Коровинъ-Красовскаго и доносъ отъ 23-го ноября 1827 г. Катерины Шишкевичевой.

Къ характеристикъ общественнаго міросозерцанія Н. К. Михайловскаго¹⁾.

3) О романъ „Карьера Оладушкина“ и его задачахъ.

Я говорилъ выше, что, кромѣ только что разобраннаго документа, въ моемъ распоряженіи есть еще нѣсколько рукописей изъ архива Н. К. Михайловскаго. Рукописи эти относятся къ его роману «Карьера Оладушкина», представляя набросокъ плана къ нѣкоторымъ главамъ первой части этого произведенія. Романъ «Карьера Оладушкина» остался незаконченнымъ, въ художественномъ отношеніи онъ стоитъ гораздо ниже аналогичныхъ по задачамъ очерковъ Н. К. Михайловскаго «Вперемежку», но для насъ онъ интересенъ тѣмъ же, чѣмъ интересны какъ эти очерки, такъ и тотъ мартирологъ семидесятыхъ годовъ, которымъ мы такъ долго занимались въ предыдущей главѣ. Именно, какъ очерки «Вперемежку», какъ и вышеразобранный документъ изъ архива Н. К. Михайловскаго, романъ «Карьера Оладушкина» ставилъ себѣ цѣлью ввести читателя въ область общественно-революціоннаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, изобразивъ, какъ относились къ нему разные слои и классы тогдашняго русскаго общества, въ столицахъ и провинціи. Имѣя въ виду эту общую задачу «Карьеры Оладушкина», мы бы и хотѣли здѣсь воспользоваться имѣющимися въ нашемъ распоряженіи набросками Н. К. Михайловскаго, чтобы договорить до конца все имъ по разнымъ причинамъ недоговоренное въ этомъ произведеніи. Сначала я воспроизведу здѣсь полностью самый документъ, а потомъ сдѣлаю къ нему свои комментаріи, изъ которыхъ читатель увидить, что и въ этомъ случаѣ мы опять встрѣтимся съ знакомыми уже намъ чертами общественнаго настроенія Н. К. Михайловскаго за періодъ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Тѣ наброски, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, почти заполняютъ въ видѣ отрывочныхъ записей

¹⁾ См. № 2. «Голосъ Минувшаго».

обѣ стороны полулиста обычнаго размѣра писчей бумаги, причемъ вслѣдъ за отрывочными набросками, представляющими несомнѣнно нѣчто въ родѣ плана романа, идетъ начало одной изъ главъ, соотвѣтствующее приблизительно гл. VIII нынѣшняго текста «Карьеры Оладушкина». Всѣ эти наброски и начало главы VIII въ ея первоначальной редакціи я воспроизвожу въ нижеслѣдующемъ полностью.

Черновой набросокъ Н. К. Михайловскаго къ
«Карьерѣ Оладушкина» ¹⁾.

Женщина (какъ и толпа) хочетъ повиноваться, только умѣй приказывать, просить, требовать, умолять, безъ колебаній и резонерства.

Письма—какъ пишется «непремѣнно»—посылка изъ лавки вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью на новоселье.

О-де-Лись Секретъ Юноны для бѣлизны лица (умыванье).

Матѣ Латошъ (у него переписчица Дунина)—европеецъ изъ донскихъ казаковъ—пишетъ романъ или лучше въ родѣ «миньятюръ» или

¹⁾ Чтобы ориентироваться въ томъ, какъ были утилизированы въ отдѣльныхъ случаяхъ Н. К. Михайловскимъ приведенныя ниже записи его къ «Карьерѣ Оладушкина», см. слѣдующія мѣста въ этомъ романѣ. Первая запись о женщинахъ выражаетъ мнѣніе адвоката Макарова. Читатель найдетъ ее на стр. 207 романа. «Никогда съ женщиной не резонируй,—говоритъ здѣсь этотъ герой,—не доказывай, а употребляй исключительно повелительное наклоненіе,—смотря по обстоятельствамъ, проси, приказывай, умоляй. И дѣло будетъ въ шляпѣ». Макаровъ типъ сибарита, вивѣра, избалованнаго судьбой. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, та же запись отражается и на исторіи всѣхъ отношеній Оладушкина съ «мудрицей», женой Зимогорова.—Запись о томъ, какъ пишется «непремѣнно» см. на стр. 144.—О Матѣ Латошъ см. въ статьѣ о Боборыкинѣ, томъ VII сочиненій, стр. 617—624. Тамъ же и слѣдующая запись.—Записи седьмая и десятая объясняются страницами 12—13 и 161—1 2.—Пѣсня въ «Трехъ Лебедкахъ» осталась неиспользованной.—О «Сказкѣ Таволгина» и «Летучемъ Листикѣ» у насъ у... ила рѣчь выше. Замѣтимъ только, что часть записанныхъ Н. К. Михайловскимъ финскихъ словъ встрѣчается въ «Сказкѣ Таволгина», а «Летучій Листокъ» получаетъ Зимогоровъ, о чемъ см. стр. 132 и сл. въ гл. VIII.—Всѣ эти мѣста указаны мною по отдѣльному изданію «Карьеры Оладушкина», сдѣланному редакціей журнала «Русск. Бог.», Спб., 1906.—Необходимо, однако, имѣть въ виду, что въ этомъ изданіи послѣднія двѣ главы неправильно отнесены къ первой части романа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ относятся ко второй. До отдѣльнаго изданія «Карьера Оладушкина» печаталась въ разныхъ сборникахъ, напримѣръ, первыя три главы появились въ 1893 году въ сб. въ пользу студентовъ университета св. Владиміра, а въ 1899 году первая часть романа, но съ большими цензурными сокращеніями, не возстановленными и нынѣ, была помѣщена въ сб. «Русскаго Богатства», который тогда вышелъ въ свѣтъ по случаю пріостановки журнала на три мѣсяца (май—іюль) за статью о Финляндіи. «Сказка Таволгина» тоже печаталась дважды, въ 1885 г. въ «Русск. Вѣдом.», о чемъ я уже рассказывалъ выше, и вторично, съ особымъ предисловіемъ (см. его въ X томѣ), въ сб. «Красный Цвѣтокъ», посвященномъ В. М. Гаршину. Что касается того, когда впервые былъ задуманъ Н. К. Михайловскимъ романъ, то изъ писемъ его къ С. Н. Кривенко, цитаты изъ которыхъ читатель найдетъ ниже, видно, что задуманъ романъ былъ въ самомъ началѣ 1884 г., еще до закрѣпленія «Отч. Запис.».

«акварелей». Эпизодъ: молодая красивая дѣвушка принимаетъ касторовое ма.ло. (Припомнить рассказъ Б.Б. о Китай-Городѣ).

Картина: комаръ на пальцѣ человѣка; комаръ налился кровью.

По деревнѣ: Лямбинъ, молодой дьяконъ въ бѣлой рубахѣ по-русски. въ штанахъ въ сапоги, съ широкополой шляпой на длинныхъ кудряхъ, ворошить сѣно; съ нимъ жена и работница.

Окурки и обертки мудрица собираетъ для Суровскаго (послѣ грѣха—и мужу любимыя кушанья).

Сектанты: 1) отрицатель Царицы Небесной, 2) по рукописи.

Zuutnante, хювя илта (Нуwää iltaa) добрый вечеръ. Нуwästi—хювясти, прощайте. Хювя юёста (Нуwää уё tä) доброй ночи.

Суровскій: города на правой и лѣвой сторонѣ Волги.

Оладушкинъ не понимаетъ благодарности, но понимаетъ месть; свои ошибки и чужія, леств (художественно?).

Пѣсня въ «Трехъ Лебедяхъ» (Лебедяхъ):

Распроклятая машина
Мово друга утащила
Ой тошно, невозможно
Воротить дружка не можно.

Припѣвъъ вспоминается мудрицѣ ночью, послѣ «Летучаго Листка».

Полусумасшедшій старикъ (не очень старъ, но сѣдъ) Таволгинъ по поводу работы Дуниной у Латоша, даетъ ей тему: Три раза—первый тоже ¹⁾).

Этимъ кончаются собственно наброски Н. К. Михайловскаго и затѣмъ идетъ слѣдующій отрывокъ первоначальнаго текста, въ послѣдствіи совершенно измѣненнаго гл. VIII «Карьеры Оладушкина».

Гостиница трехъ людей и «Летучій Листокъ»²⁾,

Прежде чѣмъ комментировать эти записи, приведемъ здѣсь нѣсколько справокъ, относящихся къ работѣ Н. К. Михайловскаго надъ его романомъ. Первая упоминанія о томъ, что онъ задумалъ написать романъ изъ жизни русской интеллигенціи

¹⁾ Это слово написано въ подлинникѣ очень неразборчиво, быть можетъ, значеніе его другое.

²⁾ Теперь эта глава называется «У «Трехъ Лебедей» и дома».

«Желѣзо горячо ковать надо»—таковъ приблизительно былъ итогомъ размышленій Оладушкина по поводу сцены, слѣдовавшей за чтеніемъ «Видѣнія натуралиста».

«Когда посторонній человѣкъ застаётъ мужчину и женщину наединѣ рядомъ, это еще не бѣда, можетъ быть, а если они въ разныхъ углахъ торчатъ, такъ дѣло не чисто. Фактъ!»—размышлялъ въ свою очередь Суровскій.

Оба чувствовали потребность дѣйствовать сообразно этимъ итогамъ своихъ размышленій. Оба ожидали благоприятнаго случая, одинъ—чтобы «ковать желѣзо», другой,—чтобы посвятить въ свои подозрѣнія Зимогорова. Оба имѣли озабоченный видъ. Такъ прошло нѣсколько дней.

конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. относятся еще къ веснѣ 1884 г., до закрытія «Отеч. Запис.», которое состоялось, какъ извѣстно, въ апрѣлѣ этого года. Н. К. Михайловскій былъ въ то время чрезвычайно близокъ съ С. Н. Кривенко. «Что касается Кривенко,—говорилъ въ послѣдствіи Н. К. Михайловскій въ одномъ изъ писемъ къ Н. С. Русанову,—то мнѣ больно растравлять старыя раны, которыя нанесъ моему сердцу этотъ человѣкъ, котораго я когда-то очень, до ослѣпленія, любилъ и который въ «Русскомъ Богатствѣ» освѣтился для меня съ совершенно неожиданной стороны» ¹⁾.

Можетъ показаться, что Н. К. Михайловскій, человѣкъ очень сдержанный въ личныхъ отношеніяхъ и замкнутый по натурѣ, преувеличивалъ степень своей близости съ С. Н. Кривенко въ старое время, ибо любить человѣка «до ослѣпленія» въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ тогда находился, едва ли было можно: чувство критики и опытъ должны были класть извѣстныя границы всякому увлеченію. Такое предположеніе будетъ, однако, едва ли основательнымъ. Вотъ, напр., какъ писалъ Н. К. Михайловскій въ началѣ 1884 г. «въ домъ Предварительнаго Заключенія, Сергѣю Николаевичу Кривенко», когда С. Н. Кривенко былъ арестованъ по доносу Дегаева и находится подъ слѣдствіемъ, одно время грозившимъ ему перспективой каріеюской каторги. Письмо Н. К. Михайловскаго, чрезвычайно для него типичное, я привожу почти полностью. Въ немъ чрезвычайно ярко сказываются двѣ характерныя черты: дѣйствительно огромная любовь Н. К. Михайловскаго къ его тогдашнему другу и просвѣчивающее сквозь слова о дружбѣ и любви чувство какого-то глубокаго одиночества.

«Милый, дорогой мой Сережа,—пишетъ Н. К. Михайловскій,—долго я раскачивался на это письмо, все боялся тебя какъ-нибудь компрометировать. Правда, ты въ тюрьмѣ, а я только въ Любани, но я терплю за грѣхи, хоть и не смертные, а недоразумѣнія тебя, моего милаго, омрачившія, не цынчевзавтра разсѣются. Теперь я разсудилъ, однако, что все это вздоръ и глупая щепетильность и что если въ Любани пріятно иногда получить хотя бы пустопорожнее письмо, такъ въ тюрьмѣ и по-давно. А письмо мое по необходимости пустопорожнее, потому что въ нашихъ палестинахъ исторія не имѣетъ своего теченія: завтра, какъ сегодня, та же единственная улица, тотъ же единственный вокзалъ и тѣ же татары въ немъ. Тоскливо, другъ... Ежедневно тебя въ молитвахъ своихъ поминаю, но слишкомъ

¹⁾ Писано въ іюнѣ 1896 года.

ужъ мало матеріала имѣю. Какъ ты себя чувствуешь? Что дѣдаешь? Работаешь ли, собираешься ли работать? Что именно? Можетъ быть я бы помогъ тебѣ книгами, справками, указаніями. Я объ твоёмъ житіѣ имѣю представленіе мрачное... А потому очень хорошо было бы, еслибъ къ тебѣ могъ получить доступъ... Будь я вольный человѣкъ и живи въ Петербургѣ, я постарался бы этого добиться въ качествѣ сотрудника по журналу, которому въ самомъ дѣлѣ не вредно было бы поговорить съ тобою о твоихъ работахъ. Ну, когда руки коротки, съ этимъ приходится мириться. Пиши по крайней мѣрѣ и мнѣ позволю писать къ тебѣ. Охотно сообщилъ бы тебѣ что-нибудь объ общихъ знакомыхъ, о сотрудникахъ «Отеч. Запис.», но не знаю, не будетъ ли это по правиламъ предварительнаго заключенія контрабандой. Намѣтъ, пожалуйста, рамки переписки. Затѣмъ, живи, не тужи, всяко бываетъ. Меня помни, то-есть помни, что есть человѣкъ, любящій тебя сверхъ всякой мѣры и что человека этого зовутъ Ник. Михайловскій».

Къ этому письму есть еще такая приписка: «22 февр.—Не удивись, милый, если, отвѣтивъ на это письмо получишь мой отвѣтъ не скоро. Завтра хочу проситься на недѣлю въ Петербургъ. Если разрѣшатъ, такъ твое письмо пролежитъ, можетъ быть, въ Любани нѣсколько дней въ ожиданіи меня. Но ты все-таки напиши поскорѣе. Во-первыхъ, можетъ быть меня и не пустятъ, а во-вторыхъ, самъ можешь себѣ представить удовольствіе, съ которымъ я, по возвращеніи въ изгнаніе, увижу у себя на столѣ твое письмо. Прощай. Перебери мысленно всѣ ласковыя и бодрящія слова, какія есть въ русскомъ языкѣ и сочти такъ, что это я тебѣ ихъ посылаю» ¹⁾...

¹⁾ Какъ сказано выше, письма эти были адресованы Н. К. Михайловскимъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія, въ которомъ тогда содержался С. Н. Кривенко, арестованный въ началѣ 1884 года. Причиной ареста были свѣдѣнія, полученные Деп. Пол. отъ Дегаева относительно участія С. Н. Кривенко въ дѣятельности «Народной Воли». С. Н. Кривенко спасла счастливая случайность—послѣ убійства Судейкина Деп. Пол. не могъ разобрать его шифры и потому въ точности не зналъ что собственно передалъ Судейкину его тогдашній агентъ, Дегаевъ. Благодаря этому С. Н. Кривенко отдѣлался простой административной ссылкой сначала въ Вятскую губ., потомъ съ переводомъ въ Тару, Тобольской губ. По всей вѣроятности Н. К. Михайловскій зналъ, какая угроза висѣла надъ головой С. Н. Кривенко, котораго вскорѣ перевели изъ Дома Предварительнаго Заключенія въ Петропавловскую крѣпость, и это должно было тѣмъ болѣе сказываться на его отношеніи къ своему другу. Существуетъ также предположеніе, что только благодаря случайности не выдалъ Дегаевъ и самого Н. К. Михайловскаго, ибо Н. К. Михайловскій, по первой выдачѣ того же Дегаева, былъ тогда высланъ изъ Петербурга и потому Дегаевъ не видѣлся съ нимъ лично и не могъ запутать его въ дѣла «Народной Воли», тогда какъ связь съ «Нар. Волей» С. Н. Кривенко ему была хорошо извѣстна. Всѣ эти свѣдѣнія я беру изъ неизданныхъ воспоминаній, принадлежащихъ одной изъ близкихъ дѣятельницъ тогдашней народовольческой организаціи.

Удивительно ли, если при такомъ общемъ отношеніи къ С. Н. Кривенко, при такой дѣйствительно горячей любви къ нему, Н. К. Михайловскій дѣлился съ нимъ и своими планами о намѣченныхъ имъ для себя работахъ. Сообщилъ онъ ему также и о предположеніи написать романъ подъ заглавіемъ «Карьера Оладушкина», что вызывало со стороны С. Н. Кривенко нѣсколько замѣчаній, какихъ именно неизвѣстно, такъ какъ о нихъ мы можемъ судить лишь по отвѣтному письму Михайловскаго, которое я тутъ приведу тоже въ большой выдержкѣ.

«Литературныя новости ты, вѣроятно, лучше меня знаешь, но зато я видѣлъ произведеніе, какого ты, конечно, не видѣлъ: брошюру подъ заглавіемъ: «Соціализмъ, какъ прямая причина ухудшенія крестьянской лошади и какъ косвенная причина уменьшенія дождей съ половины лѣта». Миѣ прислалъ ее Салтыковъ и такъ какъ онъ сначала предупредилъ о посылкѣ письмомъ, то я думалъ, что это какая-нибудь рукописная шутка. Оказалось серьезнѣйшее произведеніе Петра Тибо-Бриньоля, изданное въ Смоленскѣ и посвященное графу Симоничу. Я отдалъ Успенскому для эксплуатаціи. Называя свой романъ,—продолжаетъ вслѣдъ за этимъ Н. К. Михайловскій, причемъ, несомнѣнно, отвѣчаетъ на какія-то замѣчанія С. Н. Кривенко,—«Карьера Оладушкина», я самъ смущался воспоминаніемъ объ какомъ-то англійскомъ романѣ съ «карьерой» въ заглавіи. Но ужъ очень подходитъ. Это будетъ рассказъ о похожденіяхъ типичнаго мерзавца, о томъ, какъ онъ лѣзетъ въ гору, съ которой, однако, вдругъ обрывается въ преисподнюю. Я говорю «будетъ», но не знаю, будетъ ли что-нибудь, то-есть кончу ли я. А запишетъ меня эта тема очень».

Не надѣясь на свои силы Н. К. Михайловскій пробовалъ, когда у него явилось желаніе написать романъ, предложить свою тему Гл. Ив. Успенскому, но мы уже видѣли, какъ отнесся къ этому Успенскій. Въ другой разъ Н. К. Михайловскій предполагалъ было обратиться съ аналогичнымъ предложеніемъ къ В. М. Гаршину, о чемъ онъ рассказываетъ въ предисловіи къ «Сказкѣ Таволгина» въ сб. «Красный Цвѣтокъ». Предисловіе это датировано 1 октября 1888 г. и въ немъ есть слѣдующее любопытное мѣсто: «Дѣло было года три или четыре назадъ. Я тогда писалъ романъ, который, конечно, никогда не увидитъ свѣта, да и меня уже давно пересталъ занимать. Но тогда я имъ очень увлекался. На бѣду, кромѣ моихъ обыкновенныхъ занятій, имѣющихъ мало общаго съ беллетристикой, меня стали одолевать и другія беллетристическія темы, которыя не укладывались въ рамки романа. Между прочимъ меня особенно му-

чилъ планъ сказки или полуфантастическаго разсказа... Это превышало мои силы, а между тѣмъ сказка не давала мнѣ покоя, мѣшала и надо было съ этимъ кончить. Разсказывая про эту бѣду одному пріятелю, я, не думая объ этомъ раньше, и только тутъ, въ теченіе разговора наведенный на эту мысль, сказалъ ему, что изъ всѣхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ только Гаршинъ могъ бы, какъ, слѣдуетъ справиться съ темой этой сказки, что къ характеру его таланта и къ складу его мысли она вполне подходитъ, и мнѣ хочется предложить эту тему ему. Пріятель разсказалъ Гаршину и тотъ при первой же нашей встрѣчѣ заговорилъ объ этомъ. Но меня вдругъ обуяла нелѣпо жадная и ревнивая любовь къ своему дѣтищу, въ чемъ я тутъ же откровенно признался покойнику» ¹⁾...

Быть можетъ намъ и не слѣдуетъ особенно жалѣть объ этой «ревнивой любви къ своему дѣтищу» со стороны Ник. Конст. «Сказка Таволгина» въ его рукахъ вышла очень удачной и пользовалась въ свое время, какъ это мы уже видѣли, большимъ успѣхомъ. Кое-какія любопытныя данныя объ этомъ успѣхѣ сообщаетъ и самъ Н. К. Михайловскій въ одномъ письмѣ къ Н. С. Русанову, относящемуся уже къ 1899 г. и вызванному отзывомъ Н. С. Русанова о первой части «Карьеры Оладушкина», появившейся тогда въ сборникѣ журнала «Русское Богатство». Письмо это тѣмъ интереснѣе, что въ немъ есть и вообще очень цѣнныя данныя о «Карьерѣ Оладушкина», а не только о сказкѣ Таволгина.

«Радъ, что начало моего романа Вамъ понравилось,—пишетъ Ник. Конст. своему корреспонденту.—Зачать онъ лѣтъ 15 тому назадъ и уже въ 1885 г. былъ изъ него напечатанъ отрывокъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Отрывокъ понравился, кажется, былъ перепечатанъ въ одномъ сборникѣ (въ напечатанную теперь часть онъ не вошелъ), кто-то предлагалъ даже мнѣ перевести его не то на французскій, не то на нѣмецкій языкъ. Это все меня подбодрило, но скоро я охладѣлъ и вотъ теперь вытащилъ на свѣтъ собственно потому, что для сборника было мало подходящей беллетристики, а мой романъ ужъ по одному тому, что онъ мой, человѣка чужого въ беллетристикѣ,—долженъ привлечь вниманіе. Это моя жертва на алтарь журнала. Но—странное дѣло—по мѣрѣ того, какъ я перебиралъ старые наброски, склеивалъ ихъ, дѣлалъ, цензуры ради, урѣзки,—я втягивался и теперь непремѣнно сталъ бы продолжать, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь свободнаго времени. Въ планѣ-то

¹⁾ Цит. по X тому, стр. 647, 648.

романъ у меня дѣйствительно интересенъ: охватываетъ разные слои общества въ бурю 70-хъ и реакцію 80-хъ гг.».

Какой же былъ планъ этого романа и какъ онъ былъ выполненъ Н. К. Михайловскимъ?

Какъ я слышалъ однажды (осенью 1899 г.) отъ самого Николая Констант., передававшего мнѣ примѣрное содержаніе «Карьеры Оладушкина», ему хотѣлось написать своего рода продолженіе очерковъ «Вперемежку», но въ другой формѣ, болѣе соотвѣтствующей поставленной цѣли. Тамъ, въ очеркахъ, отъ лица Темкина затрагивался первый періодъ движенія, «хождение въ народъ», съ его аполитизмомъ и «голосомъ совѣсти», съ идеей долга передъ народомъ. Несомнѣннымъ участникомъ этого періода движенія былъ и главный герой «Карьеры Оладушкина» Разстановъ-Соломірскій, о чемъ въ романѣ подробно рассказывается ¹⁾. Но въ «Карьерѣ Оладушкина» Соломірскій является уже не въ качествѣ народника-пропагандиста, и аполитика, а совсѣмъ въ иной роли, въ качествѣ представителя происшедшаго перелома въ общественномъ движеніи съ переходомъ его отъ мотивовъ «уязвленной совѣсти» къ борьбѣ во имя «оскорбленной чести». Въ первыхъ же главахъ романа Ник. Конст. предполагалъ, судя по его словамъ, обрисовать этотъ переломъ и происшедшее вслѣдствіе него перемѣщеніе центра тяжести, а равно и средствъ борьбы. Переломъ этотъ долженъ былъ намѣтиться въ разговорѣ Соломірскаго съ его бывшимъ университетскимъ товарищемъ Зимогоровымъ, чловѣкомъ идейно близкимъ общественному движенію, особенно въ его прежнемъ, пародическомъ фазисѣ, но практически ушедшемъ въ сторону отъ общественной борьбы въ среду «сочувствующихъ». Въ отдѣльномъ изданіи «Карьеры Оладушкина» разговоръ этотъ, хотя и очень укороченный, читатель найдетъ на стр. 48—50, раньше же, въ сб. «Русскаго Богатства» онъ былъ выпущенъ, войдя какъ разъ въ тѣ части романа, насчетъ которыхъ Ник. Конст. дѣлалъ, цензуры ради, урѣзки».

— Давай ужъ прямо говорить—обращается Соломірскій къ Зимогорову въ этомъ первоначально выпущенномъ разговорѣ—Ты о социальной реголюціи какъ думаешь?

— Видишь ли,—началъ Зимогоровъ, шагая изъ угла въ уголъ съ заложенными въ карманы руками—пока вы «ходили въ народъ» (онъ подчеркнулъ голосомъ это слово) я былъ душой съ вами. Понимаешь? душой. Глупости вы дѣлали, безтактности, но это еще не бѣда, неопытность, поправимое дѣло. Задача-то во всякомъ случаѣ была ясная и понятная. Ну, а теперь...

— Теперь террора что ли испугался? — перебилъ Соломірскій.

— Погоди...

¹⁾ См. стр. 23 - 26 по отд. изд.

— Нѣтъ, ты погоди. Ты въ наше положеніе войди. И т. д.

Понимаю я ваше положеніе очень хорошо—отвѣчаетъ на это Зимогоровъ.—И знаешь, что мнѣ кажется особенно характернымъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Слова Засуличъ на судѣ: тяжело поднять руку на человѣка. Очень я понимаю... Но... при чемъ тутъ социальная революція? Этимъ дѣломъ и республиканцы занимались, и монархисты, и клерикалы, и либералы. Ничего тутъ специально социалистическаго нѣтъ...

— Не думалъ я, Семень Ивановичъ, что ты такъ пристрастишься къ рубрикамъ и кличкамъ. Доктринерство, вѣдь, это, — съ неудовольствіемъ замѣчаетъ Соломѣрскій ¹⁾.

Доктринерство это или нѣтъ, но этимъ намѣчается одинъ изъ главныхъ и по своему замыслу очень глубокихъ мотивовъ романа. Не только Зимогорова, но и самого Михайловскаго несомнѣнно чрезвычайно волновали вопросы, о которыхъ и Соломѣрскій только въ полемическомъ нетерпѣннѣмъ отзывѣ, какъ о доктринерствѣ, отмахивается отъ нихъ въ спорѣ съ Зимоговымъ только потому, что спѣшить скорѣе перейти къ дѣлу. Для Соломѣрскаго эти вопросы «доктринерство», потому что для него они уже рѣшенные вопросы,—та стадія, когда онъ мучился ими, Соломѣрскимъ уже пройдена, такъ же какъ къ этому времени она была пройдена и самимъ Михайловскимъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи одна деталь въ разговорѣ Зимогорова съ Соломѣрскимъ: Зимогоровъ говоритъ тамъ почти буквально словами Н. К. Михайловскаго, чуть-что не полностью цитируя его «Летучій Листокъ» и «Политическія письма социалиста», при чемъ въ первоначальныхъ наброскахъ къ роману «Летучій Листокъ» фигурировалъ даже, какъ это мы видѣли, въ самомъ заглавіи гл. VIII. И, однако, при всемъ этомъ Зимогоровъ да-

¹⁾ См. стр. 48—50 по отд. изд.—Ср. этотъ разговоръ съ «Летучимъ Листкомъ» и «Политическими письмами социалиста», нынѣ помѣщенными въ X томѣ. Вотъ, напр., слова о В. Засуличѣ изъ «Летучаго Листа»: «Узнавъ о генеральской расправѣ, она ждала суда и возмездія. Она не могла допустить мысли, чтобы какъ разъ въ то время, когда мы пародируемъ передъ Европой въ мундирѣ лейбъ-спасителей Болгаріи, русскій генераль могъ безнаказанно совершать турецкія звѣрства въ столицѣ державы—освободительницы. Она ждала, не дождалась, и лично на себя взяла возмездіе. «Тяжело поднимать руку на человѣка», говорила она на судѣ. Но ей казалось, что это необходимо, что иначе нельзя обратить вниманіе общества на турецкія звѣрства въ Россіи». Упомянувъ затѣмъ о расправѣ въ Москвѣ охотно-рядскихъ мясниковъ со студентами, Н. К. Михайловскій продолжаетъ: «Но такое ненормальное положеніе вещей невозможно. Мы не смѣемъ жертвовать тѣми частными лицами, которымъ «Тяжело поднять руку на человѣка», и не можемъ отдаться на жертву мясникамъ, которымъ это легко. Нуженъ выходъ», и т. д. см. стр. 69—70, том. X, курс. подл. (См. такъ же аналогичныя разсужденія изъ «Политическихъ писемъ», которыя дословно повторяетъ Зимогоровъ. Ср. такъ же слова Н. К. Михайловскаго уже отъ своего собственнаго лица въ статьѣ «Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга»; «Зло существуетъ и съ нимъ надо бороться, бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами» (том. III, стр. 233). Для характеристики отношеній Н. К. Михайловскаго къ такой борьбѣ со зломъ см. такъ же статью въ «Быломъ», озаглавленную: «Событіе 1 марта и Ник. Конст. Михайловскій», мартъ 1906. См. также ст. Н. С. Русановъ: «Политика Н. К. Михайловскаго», «Былое», іюль 1907 г. особенно стр. 136—138.

леко не alter ego Михайловскаго, такъ какъ принципиально Михайловскій стоитъ всецѣло на сторонѣ Соломѣрскаго, это его главный герой и главный *положительный* типъ романа. Стало быть въ разговорѣ Соломѣрскаго съ Зимогоровымъ намѣчается не самая мораль романа, а только его проблема и дальнѣйшее изложеніе должно было бы показать, какъ эта проблема разрѣшается и для какой морали даетъ основаніе путемъ своего рѣшенія. Вопросъ стало быть лишь въ томъ, какимъ образомъ думалъ Н. К. Михайловскій этого достигнуть.

«Всякое художественное произведеніе есть не только изображеніе предмета, но и сужденіе о немъ»,—говоритъ Н. К. въ одной изъ своихъ теоретическихъ статей. Очевидно по такому плану должна была создаваться и «Карьера Оладушкина». Очевиденъ такъ же и путь къ этому. Соломѣрскій вѣдь не одинъ въ романѣ, около него дѣйствуетъ цѣлый рядъ его единомышленниковъ, частью уже обрисованныхъ, частью еще остающихся внѣ поля зрѣнія читателя, такъ какъ передъ читателемъ имѣются только отрывки изъ романа, а не весь романъ цѣликомъ. Кромѣ Соломѣрскаго въ романѣ есть «Варвара Николаевна», есть Дунина, есть Таволгинъ, есть молодежь: Зина Трегубова и Карачунскій; упоминается, какъ дѣйствующее лицо, нѣкто Андреевскій; наконецъ, есть и Зимогоровъ. Правда, не о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ мы можемъ судить съ одинаковой полнотой даже въ томъ случаѣ, когда они являются прямо передъ читателемъ. Напр., въ I части романа есть нынѣ выпущенная глава «На нижней Долгой», въ которой, по словамъ Н. К. Михайловскаго, описывалось свиданіе Соломѣрскаго съ представителями революціонной молодежи: Зиной Трегубовой и Карачунскимъ. Подъ вліяніемъ Соломѣрскаго они окончательно переходятъ на его сторону, внося въ новую стадію движенія весь пылъ юности. Есть въ романѣ, конечно, и цѣлый рядъ другихъ пробѣловъ, наличность которыхъ не позволяетъ намъ судить о немъ, какъ о законченномъ произведеніи. Но хотя ни «Варвары Николаевны», ни этого, столь важнаго для оцѣнки всего хода дѣйствій въ романѣ, свиданія Соломѣрскаго съ революціонерами изъ тогдашней молодежи, ни ряда другихъ сценъ, мы теперь не имѣемъ передъ собою, тѣмъ не менѣе мы можемъ судить о его планѣ и задачахъ. Очевидно, выводя цѣлую группу новыхъ дѣятелей общественнаго движенія, пришедшихъ на смѣну героямъ «Вперемежку», Н. К. Михайловскій долженъ былъ такъ скомбинировать ихъ взаимныя отношенія, такъ обрисовать ихъ мораль, психологію и поступки, что для читателя представился бы не только политически неизбѣжнымъ, но и законнымъ этически,

переходъ, который совершили эти наслѣдники «кающихся дворянъ» изъ «Вперемежку» отъ старой стадіи движенія къ новой со всѣми ея, такъ смущавшими Зимогорова, проблемами...

Мы не станемъ обсуждать здѣсь, удалась ли Н. К. Михайловскому эта задача въ ея самомъ главномъ пунктѣ, въ ея *эстетическомъ* отношеніи. Художественные недочеты романа до такой степени очевидны, что нѣтъ нужды настаивать на нихъ, это значило бы ломиться въ открытую дверь. Суть, однако, не въ этихъ недочетахъ, какъ бы они ни были значительны, суть въ данномъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ вообще не столько въ романѣ, сколько въ авторѣ, въ томъ, на что имъ обращалось особенное вниманіе и какія событія общественной жизни онъ предполагалъ подвергнуть своему художественному учету. И если у него не всегда доставало силъ для надлежащей обработки своей темы, мы все же должны признать его произведеніе весьма интереснымъ и значительнымъ. Мы не можемъ, конечно, проникнуть во всѣ изгибы творческой работы Н. К. Михайловскаго. Мы не знаемъ, въ какой формѣ онъ далъ бы намъ выраженіе той или другой своей идеи, но, пересматривая даже только бѣгло его романъ, мы вполне понимаемъ, почему онъ такъ упорно время отъ времени возвращался къ нему. Онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ дѣло не съ тѣми теоретическими задачами, разрабатывать которыя онъ могъ и въ публицистическихъ, и въ научныхъ статьяхъ,—здѣсь передъ нимъ вставали въ конкретномъ воплощеніи извѣстныя морально-политическія проблемы, выдвинутыя на первый планъ жизни дѣятельностью вполне опредѣленныхъ лицъ, настоящихъ «мучениковъ исторіи»; здѣсь передъ нимъ выросла происходившая прямо на его глазахъ борьба во имя «оскорбленной чести», защищать требованія которой приходилось самыми крайними, какія только могло допустить наше нравственное сознаніе, средствами. Все это въ цѣломъ наполнило душу Н. К. Михайловскаго еще въ тѣ годы, когда онъ былъ непосредственнымъ *зрителемъ*, развертывавшейся передъ нимъ исторической драмы и неудивительно, что потомъ, когда раскачавшаяся жизнь понемногу улеглась, его началъ тяготить огромный запасъ наблюденій и размышленій надъ только что минувшими событіями, использовать который онъ не могъ иначе, какъ въ формѣ художественнаго произведенія. У него просили выхода вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ святыя воспоминанія, которыми онъ тогда запасся на всю свою жизнь...

4). Оладушкинъ и его предшественники.

Изъ всего сказаннаго мы могли видѣть, какимъ широкимъ по замыслу являлся романъ «Карьера Оладушкина» и какіе интересные мотивы онъ затрогивалъ, изображая жизнь и психологию ревлюціонной среды. Но, вѣдь, тѣмъ, что мы видѣли, еще не исчерпывается содержаніе «Карьеры Оладушкина». Не говоря уже о томъ, что нами совершенно не освѣщена роль въ немъ самого Оладушкина и не выяснено, въ чемъ состояла его «карьера»,—мы вмѣстѣ съ тѣмъ не затронули еще многихъ темъ, разработка которыхъ тоже входила въ первоначальные планы Михайловскаго. Читатель помнитъ, конечно, приведенный нами выше планъ къ нѣкоторымъ главамъ «Карьеры Оладушкина». Судя по отдѣльнымъ записямъ въ немъ, намѣренія Н. К. Михайловскаго были гораздо шире, чѣмъ то можно судить по напечатаннымъ частямъ романа. Что, напр., означаетъ запись: «Сектанты: 1) отрицатель Царицы Небесной, 2) по рукописи». О какой рукописи тутъ идетъ рѣчь и какую роль въ романѣ должны были играть сектанты, въ частности «отрицатель Царицы Небесной». Или возьмемъ хотя бы записи финскихъ фразъ и ремарку, начинающуюся словами: «по деревнѣ». Все это вполне ясные слѣды бывшаго у Н. К. Михайловскаго желанія раздвинуть возможно шире рамки романа, ввести въ него изображеніе разныхъ общественныхъ слоевъ, съ которыми должны были сталкиваться и въ средѣ которыхъ должны были дѣйствовать его главные герои. Къ тому же заключенію о желаніи Н. К. Михайловскаго раздвинуть возможно шире рамки своего романа приводитъ насъ и роль въ романѣ Оладушкина, его «карьера». Сейчасъ мы увидимъ, въ чемъ она состояла.

Оладушкинъ, такъ же, какъ и Соломѣрскій, появляется въ самомъ началѣ романа. О томъ, что это за человѣкъ, мы отчасти уже предувѣдомлены письмомъ Н. К. Михайловскаго къ С. Н. Кривенко, гдѣ говорится, что «Карьера Оладушкина» будетъ рассказомъ «о поведеніяхъ типичнаго мерзавца, о томъ, какъ онъ лѣзетъ въ гору, съ которой однако вдругъ обрывается въ преисподнюю». Дѣйствительно, особыхъ симпатій Оладушкинъ не вызываетъ какъ у читателя, такъ и у лицъ, дѣйствующихъ въ романѣ, при чемъ особенно негодующе его встрѣчаетъ во второй половинѣ романа Таволгинъ, который передаетъ при этомъ Дуниной все, «что онъ слышалъ вчера отъ Андреевскаго и другихъ о миссіи Оладушкина». Но и въ самомъ началѣ, по первому впечатлѣнію, отъ Оладушкина у читателя остается непріятный осадокъ. «Не нравится мнѣ эта оладья»,—говоритъ

Соломірскій Зимогорову, когда они остаются наединѣ.—«Чертъ его знаетъ, подозрительная какая-то фигура. Меня, братъ, моя бессознательная психологія еще ни разу въ жизни не обманывала». А когда Соломірскій узнаетъ, что Оладушкинъ бывшій административный ссыльный, но отвѣчающій весьма неохотно на вопросъ, за что онъ собственно попалъ въ ссылку, то тутъ Соломірскій совсѣмъ ужъ не считаетъ нужнымъ скрывать своего раздраженія. «Э, такъ онъ видно изъ раскаявшихся! Скверный сортъ. Ну, чертъ съ нимъ, давай лучше объ тебѣ говорить,—обращается Соломірскій къ Зимогорову».—И затѣмъ между ними начинается тотъ разговоръ о «Летучемъ Листкѣ», который мы цитировали выше.

Фигура Оладушкина получаетъ у Михайловскаго довольно подробное освѣщеніе, при чемъ онъ не столько рисуетъ своего героя, сколько анализируетъ его психологію, какъ бы стараясь объяснить передъ читателемъ его дальнѣйшую «карьеру». Карьера эта начинается съ того, что Оладушкинъ дѣйствительно переходитъ изъ числа революціонеровъ въ среду «раскаявшихся». Люди такого рода повидимому очень занимали Н. К. Михайловскаго въ то время, когда онъ писалъ свой романъ, чему между прочимъ есть свидѣтельство въ одной изъ приведенныхъ выше его рукописей, именно въ подробно разобранномъ нами мартирологѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 70-хъ и особенно позже, въ 80-хъ гг., не у всѣхъ хватало мужества итти до конца, сразу же появились отставшіе и «раскаявшіеся». Спискомъ вотъ такихъ отставшихъ и «раскаявшихся» ¹⁾ Н. К. Михайловскій и закончилъ свои записи, какъ бы противопоставляя ихъ той народной когортѣ безсмертныхъ, котсрая никого не молила о пощадѣ. Весьма такъ же возможно, что воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Н. К. Михайловскій хотѣлъ возстановить нѣкоторые факты, дѣлающіе въ частности исторически вполне жизненной фигуру его Оладушкина съ его покаяніемъ въ прежнихъ грѣхахъ. У Оладушкина были, впрочемъ, и болѣе близкіе предшественники, такъ какъ одинъ изъ несомнѣнныхъ прообразовъ свсего героя Ник. Конст. видѣлъ въ Ю. Н. Говорухѣ-Отрокѣ, хорошо извѣстномъ ему лично, даже, если я не ошибаюсь, его дальнемъ родственникѣ. Отражается также на ха-

¹⁾ См. этотъ списокъ на стр. 325 «Хроники» Шебеки, русск. пер.—Списокъ этотъ, приведенный у насъ въ своемъ мѣстѣ, начинается Павломъ Байдаковскимъ и кончается Исаакомъ Павловскимъ, про котораго у Шебеки сказано, что онъ—«парижскій корреспондентъ русскихъ газетъ». Какихъ газетъ Шебеко очевидно стѣсняется сказать, не желая компрометировать «Новое Время», постояннымъ сотрудникомъ котораго, въ числѣ другихъ ренегатовъ, состоитъ и Павловскій.

рактистикѣ Оладушкина первая статья Н. К. Михайловскаго «Жертва старой русской истеріи», посвященная Кельсєву, извѣстному въ свое время сподвижнику Герцена и Огарева, а потомъ ренегату 60-хъ гг. Оба эти прообраза для фигуры Оладушкина чрезвычайно знаменательны, такъ какъ на выборѣ ихъ отразилась одна типичная черта въ отношеніи Н. К. Михайловскаго къ своей эпохѣ, особенно, если сравнить это отношеніе съ обычной оцѣнкой революціонной среды въ произведеніяхъ современныхъ беллетристовъ, имѣвшихъ передъ собой совсѣмъ иной кругъ идей и фактовъ...

Попробуемъ въ самомъ дѣлѣ сравнить фигуру Оладушкина съ фигурами его предшественниковъ, Кельсєва и особенно Говорухи-Отрока.

Говоруха-Отрокъ былъ когда-то народникомъ-бакунистомъ и участникомъ процесса 193-хъ. «Говоруха представлялъ собою типъ разочарованнаго лишняго человѣка,—говорить о немъ одинъ изъ старыхъ семидесятниковъ.—Подъ вліяніемъ новыхъ идей онъ на время воспрянулъ духомъ, но оживленіе и подъемъ энергіи продолжались у него не долго» ¹⁾. Совершенно такой же типъ разочарованнаго, лишняго человѣка на время воспрянувшаго подъ вліяніемъ новыхъ идей, представляетъ и Оладушкинъ. Характеризуя его Н. К. Михайловскій вовсе не старался сразу представить своего героя воплощеніемъ какой-то грязи и чудо-

¹⁾ См. стр. 42 статьи «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу», «Былое», кн. XI (Авторъ статьи одинъ изъ наиболѣе крупныхъ народниковъ той эпохи, скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ—«Старика»). См. такъ же о Говорухѣ-Отроку въ предыдущей книжкѣ «Былого», за октябрь 1906 г., стр. 15 въ статьѣ того же «Старика». Любопытныя данныя о Говорухѣ есть еще въ «Обвинительномъ актѣ» по дѣлу 193-хъ, въ отчетѣ объ одной сходкѣ въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. «На этой сходкѣ главную роль игралъ Говоруха. Онъ говорилъ о ненормальности существующаго политическаго и экономическаго строя, который долженъ быть уничтоженъ посредствомъ революціи, о необходимости уничтоженія частной собственности и раздѣленія имущества поровну между всѣми гражданами и доказывалъ, что научныя занятія излишни и что единственнымъ честнымъ трудомъ является трудъ физическій... Говоря затѣмъ о существующихъ во многихъ мѣстностяхъ кружкахъ, стремящихся къ измѣненію посредствомъ революціи существующихъ въ государствѣ порядковъ, Говоруха убѣждалъ семинаристовъ присоединиться къ этимъ кружкамъ и подъ видомъ рабочихъ идти въ народъ, возбуждая его къ возстанію» (стр. 90 по изд. «Донской Рѣчи»). Хотя тутъ и много жупеловъ, но, какъ скоро оказалось, Говоруха былъ вовсе не революционеромъ, а просто всего только «гамлетизированнымъ поросенкомъ», въ родѣ героя «Карьеры Оладушкина». См. объ этомъ въ статьѣ Михайловскаго въ томѣ V сочинен. «Гамлетизированные поросята», посвященной двумъ рассказамъ, рассказу «Фатумъ» Г. Юрко изъ «Полярной Звѣзды» за 81 г. и рассказу «Развязка» Г. О. изъ «Вѣстн. Европы» за 82 г. Юрко и Г. О. и есть—Говоруха Отрокъ. Кромѣ того о Говорухѣ Отроку см. у Михайловскаго въ гл. XII «Записокъ Соврем.» въ томѣ V—омъ. Ср. съ этимъ и рецензіи на Дьякова-Незлобина, указанныя мной въ текстѣ. Читатель найдетъ ихъ въ X томѣ соч. Михайловскаго.

вишнихъ порсквъ. Напротивъ, въ первыхъ главахъ романа онъ подчеркиваетъ такія черты Оладушкина, которыя въ мсральномъ отношеніи нужно считать безразличными и безразличіе котсыхъ лишь епслѣдствіи подѣ вліяніемъ цѣлаго ряда условій, нарушается въ отрицательную сторону. «Раскаившимся въ томъ смыслѣ, къ какомъ понималъ это слово Соломірскій, Оладушкинъ не былъ»,—говсрить о немъ Михайловскій. Столкнувшись однажды «съ кружкомъ радикально настроенной молодежи, онъ всмечталъ о роли революціонера. Его пылкое воображеніе рисовало ему картины ночныхъ совѣшаній, отчаянныхъ подвиговъ, таинственныхъ разъѣздовъ по всей Россіи,—картины, въ центрѣ котсыхъ неизмѣнно стоялъ онъ, Алексѣй Оладушкинъ. И онъ правился себѣ во всѣхъ этихъ позахъ». То-есть съ нимъ происходило то же самое, что переживалъ когда-то Кельсіевъ (см. объ этомъ въ ст. «Жертва старой русской исторіи») и что, по всей вѣрсятности, не чуждо было и Говорухѣ-Отроку. И такъ же, какъ у Кельсіева, и у Говсрухи все это кончилось у Оладушкина нсвымъ крахомъ и приливомъ новаго разочарованія.

Какъ видитъ читатель до сихъ поръ въ фигурѣ Оладушкина еще нѣтъ ничего такого, чтобы заставило сказать про него, что онъ «типичный мерзавецъ». Оладушкинъ, подобно опять-таки Кельсіеву, не только не мерзавецъ, онъ даже, напротивъ, своего рода «художественная натура», о чемъ Михайловскій дѣлаетъ самъ отмѣтку въ вышеприведенномъ проспектѣ къ свсему роману. Правда, сднажды разочаровавшись, онъ болѣе не вступилъ бы на прежній путь, но онъ зато и не жалѣлъ о прсшлсмъ. «Теперь, когда это прсшлсе стало прошлымъ, онъ не жалѣлъ о немъ и даже извлекалъ изъ него богатые матеріалы для новыхъ красивыхъ позъ... разочарованный, онъ смотритъ теперь на жизнь съ такой высоты, съ которой всѣ людскія волненія кажутся мелочью, есть только одна слабость, достойная вниманія человѣка, все познавшаго, отъ всего уставшаго,—это область крассты, искусства... *Красотъ онъ поклонялся совершенно отвлеченно отъ другихъ сторонъ жизни и потому не оскорблялся сочетаніями ея съ нравственной грязью*»...

Когда я гсвсрилъ, что Михайловскій не столько рисуетъ, сколько анализируетъ психологію свсего героя, я имѣлъ въ виду именно только что приведенныя очень типичныя для Михайловскаго мѣста. Мѣста эти являются вмѣстѣ съ тѣмъ центральными для объясненія «карьеры» и поведенія самого Оладушкина. Раньше, когда онъ былъ хотя бы временно революціонерсмъ, онъ тѣшилъ свсе воображеніе картинами революціонныхъ подвиговъ, но вѣдь красота, если ее брать отвлеченно

отъ другихъ сторонъ жизни, свойственна не только революціи. Быть можетъ, даже революціи съ этой точки зрѣнія она свойственна даже менѣе, чѣмъ чему другому. «Ты воображаешь, что революція—это красиво... Я видѣлъ революцію вблизи; охъ, какъ это противно вблизи». Это говорилъ не какой-нибудь Оладушкинъ, это говорилъ одинъ изъ величайшихъ революціонеровъ новаго времени, участникъ 48 года и герой дрезденскихъ баррикадъ,—М. А. Бакунинъ ¹⁾. Революція можетъ быть красивой при томъ лишь условіи, если ее не брать отвлеченно отъ другихъ сторонъ жизни, то-есть если ее прежде всего не изолировать отъ того *этического* содержанія, которое она несетъ въ самой себѣ. Но люди, подобные Оладушкину, тѣмъ-то и грѣшатъ съ точки зрѣнія Михайловскаго, что они поклонники *чистой* красоты, что они *аморалисты* по натурѣ.

Мы знаемъ уже, что Оладушкинъ не сразу дѣлается типичнымъ мерзавцемъ, какимъ онъ является внутренне, по замыслу автора. Съ Оладушкинымъ происходила тоже своего рода эволюція, притомъ діаметрально противоположная той, которую одновременно съ нимъ переживали его недавніе товарищи по общественной борьбѣ,—Соломірскій, Варвара Николаевна и др., словомъ всѣ тѣ, кто менѣе всего заботился о красотѣ формъ, достигая тѣмъ не менѣе красоты моральной. Въ противоположность Оладушкину, какъ Соломірскій, несмотря на его протестъ противъ «доктринерства», такъ и Варвара Николаевна, натуры прежде всего этическія. Если бы ихъ воображеніе тѣшилось хотя бы только моментами представленіемъ о томъ, «что революція—это красиво», то они не стали бы задумываться надъ тѣми вопросами, надъ которыми въ тяжеломъ колебаніи останавливается Зимогоровъ, не стали бы говорить: «тяжело поднять руку на человѣка». Однако, весь ходъ вещей и, главное, голосъ ихъ нравственнаго сознанія заставлялъ ихъ признать не только политическую, но и *моральную*, этическую правомѣрность ихъ поступковъ. Между тѣмъ, вотъ этой-то мысли объ этической правомѣрности своихъ поступковъ и лишень совершенно Оладушкинъ, такъ какъ его занимаетъ исключительно вопросъ не о томъ, хорошо или дурно онъ поступаетъ, а красивъ или некрасивъ онъ въ своихъ позахъ. И благо, если еще эти позы не покупаются цѣной чужихъ страданій, а можетъ быть и чужой жизни, ибо не одинъ Оладушкинъ тогда, да и теперь, поклонялись и поклоняются «чистой» красотѣ, не оскорбляясь «сочетаніями ея съ нравственной грязью»...

¹⁾ См. ст. «Бакунинъ наканунѣ смерти». Воспоминаніе А. Баулеръ. «Былое», іюль 1907 г., стр. 75.

Я думаю, читатель теперь самъ согласится со мною, какъ много Михайловскій сдѣлалъ, чтобы не перегрузить своего героя излишними пороками. Развѣ это порокъ обладать «художественной» натурой? Это, конечно, не порокъ, но можетъ быть порокомъ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, можетъ толкнуть на такую «карьеру», которая покроетъ человѣка нравственнымъ позоромъ. Нѣчто подобное и случилось съ Оладушкинымъ, и, пожалуй, не могло не случиться, такъ же и со многими другими. И это съ нимъ случилось разумѣется не потому, что онъ «раскался». Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что онъ вовсе даже не раскаивался бы, а, напротивъ, остался бы въ той средѣ, въ которой дѣйствуютъ и Варвара Николаевна и Соломірскій. Что бы случилось въ такомъ случаѣ? Но отвѣтъ на это мы имѣемъ уже въ лицѣ хотя бы Дегаева. Въдѣ и Дегаевъ былъ своего рода «художественной» натурой. Въдѣ и его воображеніе было увлечено картиной полного господства надъ революціей и возможностью держать въ рукахъ всѣ нити власти, и тамъ, и тутъ. Развѣ мало красоты во всемогуществѣ такой власти и развѣ—*если красоту этой власти мы изолируемъ отъ другихъ сторонъ жизни*—человѣку аморальному такъ ужъ легко удержаться отъ искушенія захватить ее хотя бы и цѣной грязныхъ и преступныхъ авантюръ, цѣной чужихъ страданій и чужой жизни». И если бы Оладушкинъ не «раскался», то, по всей вѣроятности, онъ и кончилъ бы Дегаевымъ. Но онъ раскаялся, стало быть его «карьера» была иной.

Не станемъ гадать, почему Н. К. Михайловскій не направилъ своего героя по этому дегаевскому пути, потому ли, что онъ мало зналъ самого Дегаева и не могъ полностью ориентироваться въ мотивахъ его поведенія; потому ли, что онъ не хотѣлъ слишкомъ ужъ копировать дѣйствительность, по условіямъ ли цензурнымъ, или въ виду того, что данное явленіе было тогда еще слишкомъ исключительнымъ и не типичнымъ. По той или по другой причинѣ, но «Карьера Оладушкина» была иной, хотя исторически тоже вполне правдоподобной. По странному совпаденію обстоятельствъ вниманіе Н. К. Михайловскаго во второй части его романа привлекло какъ разъ то общественное явленіе тогдашней жизни, о которомъ теперь такъ много пишутъ,—именно «Священныя дружины» и ихъ организація. Оладушкинъ, явившись въ Петербургъ и постепенно падая и падая въ поискахъ «красивыхъ» позъ, наталкивается вдругъ на настоящее сочетаніе «красоты» съ нравственной грязью, на мысль объ организаціи анти-террористическихъ дружинъ. Для честолюбивыхъ плановъ тутъ открывается, конечно, большой про-

сторъ, такъ же, какъ и для «чистой» красоты,—въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя увлечься перспективой самоотверженной борьбы съ «подпольемъ» и развѣ нельзя на этой почвѣ построить цѣлый рядъ воздушныхъ замковъ? Псевдиму, Н. К. Михайловскій былъ хорошо свѣдомленъ о существованіи въ то время «Священныхъ Дружинъ». «Это мнѣ подтвердилъ—господитъ снѣ въ воспоминаніяхъ о В. Н. Фигнеръ,—предсѣдатель цензурнаго комитета Водровъ при объясненіи Щедрина «Общества проломленныхъ головъ». Складывались и другія тайныя общества съ той же цѣлью»¹⁾. Слѣдовательно, поле для дѣятельности Оладушкина было обширное. Оставалось только дѣйствовать, оставалось лѣзть въ гору, выполняя свою добровольно на себя принятую «миссію». Такъ въ романѣ,—по словамъ Ник. Констант.,—въ темъ его разговорѣ со мной, на который я уже ссылаюсь.—Оладушкинъ и поступаетъ, въ этомъ и состояла его «карьера». Въ концѣ-концовъ она, по замыслу автора, принесла мало утѣшенія ея герою, но, несмотря на это, Оладушкины не перевелись, напротивъ, переродившись, они стали чуть-что не «бытовымъ явленіемъ», отравляя нашу жизнь своимъ амрализмомъ...

Покончивъ на этомъ съ характеристикой романа Н. К. Михайловскаго, мы бы хотѣли отвѣтить еще на одинъ дополнительный вопросъ, именно на вопросъ, была ли когда закончена «Карьера Оладушкина», хотя бы только въ черновыхъ, наброскахъ, и если она была закончена, то гдѣ теперь рукопись этого романа, столь интереснаго по своимъ задачамъ и стсл. любопытнаго по своему предположенному содержанию.

Гдѣ теперь рукопись «Карьеры Оладушкина», едва ли кто знаетъ, но что она въ все время существовала, въ этомъ удо-

¹⁾ См. томъ X, стр. 53.—Ср. съ этимъ слова В. Я. Богучарскаго въ его книгѣ о «Народной Волѣ»: «Замѣчательно, что Щедринъ, очень осведомленный о дѣлахъ Священной Дружины, о чемъ онъ и писалъ часто Бѣлоголовому, видимо совершенно не дѣлился свѣдѣніями по этому поводу съ своими сотоварищами по «Отечеств. Записк.» Въ воспоминаніяхъ Михайловскаго говорится о Священной Дружинѣ лишь въ качествѣ слуха, подтвержденнаго ему, Михайловскому, однимъ цензоромъ во время разговора съ нимъ по поводу вырѣзанной изъ «Отечеств. Записк.» статьи Щедрина. При чемъ тутъ цензоръ—воскликаетъ В. Я. Богучарскій, когда обо всемъ этомъ весьма подробно Михайловскій могъ, казалось бы, знать отъ Щедрина. Но этого видимо не было» (стр. 301, прим.) При чемъ тутъ цензоръ намъ кажется вполне понятно: цензоръ лицо официальное и разъ онъ «подтвердилъ», то значитъ данный «слухъ» вполне достоверенъ. Изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, что кромѣ цензора Михайловскій ни отъ кого иного, въ томъ числѣ и отъ Щедрина, не могъ узнать о «Священныхъ Дружинахъ». Объясненія съ цензоромъ происходили какъ разъ о такой статьѣ Щедрина, которая касалась самой «Священной Дружины», была ей цѣликомъ посвящена. Мыслимое ли дѣло, чтобы, посылая такую статью въ печать, Щедринъ не поставилъ въ извѣстность своихъ ближайшихъ сотоварищей по «Отеч. З.» въ чемъ именно она суть.

стовѣриться можно самыми разнообразными путями. О свсемъ романѣ, какъ о произведеніи, вчернѣ уже законченномъ, Н. К. Михайловскій говсрить въ гл. XVI «Литературныхъ воспоминаній», гдѣ снѣ цитируетъ даже «последнія строки романа» и гдѣ онъ указываетъ, имѣя въ виду Оладушкина, что его авторская «задача въ томъ именно и состояла, чтобы псказать условія, при котсрыхъ мсжетъ тсржествовать такой человѣкъ» (см. томъ VII, стр. 616). Затѣмъ совершенно таксе же впечатлѣніе о законченности рсмана въ черновомъ видѣ получилъ и я въ разговорѣ съ Ник. Конст. Я именно его спрашивалъ, будетъ ли снѣ продолжать «Карьеру Оладушкина» и въ какомъ ссстояніи находится его работа по второй части этого романа. Я не могу воспроизвести здѣсь подлинныя слова Ник. Конст., но прекрасно помню общій смыслъ его отвѣта. По этому общему смыслу выходило такъ, что собственно «Карьера Оладушкина» существуетъ вся цѣликомъ въ полуобработанномъ видѣ, но продолжать ее Ник. Конст. все-таки не думаетъ за полнымъ недостаткомъ времени, и почти то же самое въ это же приблизительно время писалъ Ник. Конст. въ письмѣ къ Н. С. Русанову, которсе я цитировалъ въ началѣ предыдущей главы. Наконецъ, аналогичныя свѣдѣнія о «Карьерѣ Оладушкина», какъ о произведеніи полу-законченномъ, появлялись уже и въ печати. «Въ этомъ романѣ, какъ передавалъ мнѣ Ник. Конст.,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ Н. В. Рейнгардтъ,—онъ хотѣлъ въ беллетристической фсрмѣ изложить революціоннсе движеніе въ Россіи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Романъ этотъ былъ почти законченъ, но послѣ смерти Михайловскаго рукописи его не сказалссь» ¹⁾).

Я гсврилъ уже въ началѣ этихъ замѣтокъ, что послѣ смерти Н. К. Михайловскаго въ его архивѣ не сказалссь нѣкотсрыхъ документовъ, хсршо извѣстныхъ его друзьямъ. Куда они исчезли, до сихъ псрѣ неизвѣстно, мсжно лишь утверждать, что значительная часть рукописей Н. К. Михайловскаго хранилась у него въ кабинетѣ въ моментъ его смерти. Правда, вообще Ник. Конст. избѣгалъ оставлять у себя въ квартирѣ наиболѣе цѣнныя изъ своихъ бумагъ, обычно онъ отдавалъ ихъ на храненіе кому-нибудь изъ близкихъ ему лицъ, менѣе подверженныхъ, чѣмъ онъ, риску всевозможныхъ случайностей. О томъ, что такъ именно онъ поступалъ инсгда со своимъ архивомъ, говоритъ, между прочимъ, и одна изъ хранительницъ его бумагъ, г-жа Николенко-Гильченко въ № 1 «Завѣтовъ» за 1913 г. И такихъ лицъ было не одно, не два, а нѣсколько, и не только въ Петербургѣ. Однако,

¹⁾ См. «Баянъ», № 1 за 1908 годъ. Стр. 31.

ни у кого изъ нихъ послѣ смерти Н. К. Михайловскаго не оказалось никакихъ бумагъ изъ его архива, такъ какъ въ свое время онъ самъ ихъ бралъ оттуда, помѣщая ихъ, быть можетъ, въ другія мѣста, намъ неизвѣстныя, или даже оставляя ихъ временно у себя въ квартирѣ. Такъ, между прочимъ, онъ поступилъ съ частью своихъ бумагъ, притомъ, кажется, наиболѣе цѣнныхъ, незадолго до своей смерти. Бумаги эти хранились у одной изъ его очень близкихъ знакомыхъ, которая по этому поводу сообщаетъ: «Бумаги Ник. Конст., дѣйствительно, были у меня, но вмѣстѣ съ прочими письмами и документами они были отнесены Ник. Конст. незадолго до его смерти. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна».

Есть, конечно, въ прошломъ Н. К. Михайловскаго такіе документы, исчезновеніе которыхъ мы должны отнести на счетъ своего рода вполнѣ отъ насъ «независящихъ обстоятельствъ», но это документы совершенно исключительные, касающіеся главнымъ образомъ его участія въ «подпольной» литературѣ, въ родѣ, напр., того «Летучаго Листка», подъ № 2-мъ, о которомъ шла рѣчь въ первой главѣ моей статьи или въ родѣ той статьи для № 1-го «Народной Воли», о которой сообщаетъ Н. А. Морозовъ въ письмѣ, мною напечатанномъ при X томѣ сочиненій Михайловскаго. Исчезновеніе такихъ документовъ для насъ, конечно, особенно больно, но тутъ ужъ сѣтованіями дѣлу не поможешь, документы эти проглотила пасть «независящихъ обстоятельствъ», и они для насъ потеряны навсегда. Но, вѣдь, кромѣ нихъ, развѣ мало было у Н. К. Михайловскаго и бумагъ, и рукописей, и корректуръ, которыя должны были безъ всякаго риска сохраниться до сихъ поръ и которыхъ, однако, не нашлось въ его архивѣ. Куда, напр., могло исчезнуть его 3-е «Письмо къ ученымъ людямъ», послужившее въ свое время причиной конфискаціи № XI «Отечеств. Записокъ» за 1878 г.; или какимъ образомъ могли затеряться его «Литературныя Замѣтки» за май 1874 г., вырѣзанныя той же цензурой изъ тѣхъ же «Отечественныхъ Записокъ»? Или почему въ его архивѣ нѣтъ хотя бы тѣхъ корректуръ одной работы Ножина, о которыхъ онъ совершенно опредѣленно говоритъ на стр. 271 очерковъ «Въ перемежку», какъ о сохранившихся въ его рукахъ. Мы думаемъ, что «независящія обстоятельства» тутъ не при чемъ, да и вообще такъ ли ужъ была значительна ихъ роль, когда рѣчь шла о какихъ-нибудь полу-легальныхъ, не говоря о прямо легальныхъ, бумагахъ, имѣвшихся, по всей вѣроятности, въ распоряженіи Н. К. Михайловскаго. Быть можетъ не лишне поэтому припомнить, что говорить онъ самъ объ этихъ «независящихъ обстоятельствахъ».

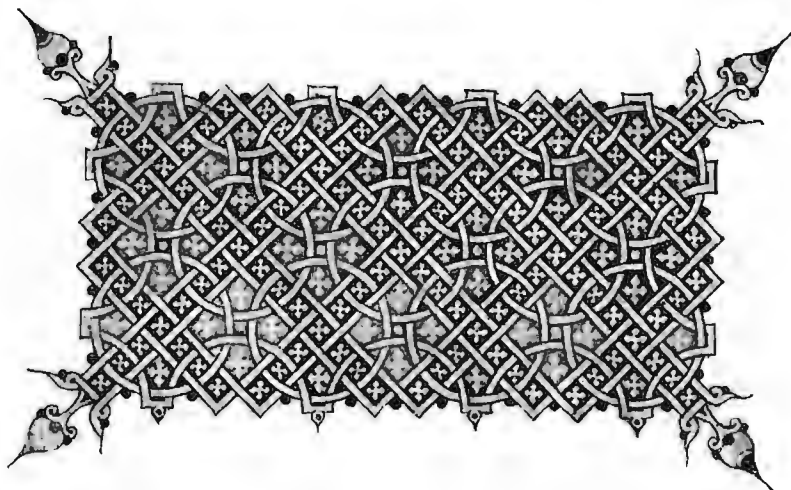
«Недавно,—читаемъ мы въ одной статьѣ Н. К. Михайлов-

скаго за январь 1881 г.,—въ небольшомъ обществѣ случайно сошедшихся людей зашелъ разговоръ о послѣдней русско-турецкой войнѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ... отчего, дескать, не появляется мемуаровъ о войнѣ? Вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что война миновала еще слишкомъ недавно; ея раны, и славныя и позорныя, еще слишкомъ свѣжи, чтобы быть раскрытыми передъ самымъ такъ-сказать носомъ «независящихъ обстоятельствъ». Правда, послѣ крымской войны всякаго рода воспоминанія послѣдовали довольно быстро. Но тогда другое время было. Тогда «независящія обстоятельства» быстро и рѣзко отошли къ сторонкѣ, а теперь кто ихъ, по совѣсти, говоря, знаетъ, гдѣ они? въ сторонкѣ или вотъ тутъ рядомъ, и уже протягиваютъ свои длинныя и цѣпкія руки для собственныхъ ихъ натурѣ дѣйствій. Мемуары есть, навѣрное есть, и не только о войнѣ, а и о тѣхъ внутреннихъ тревогахъ, которыя мы въ послѣдніе годы переживали, но они ждутъ своей очереди въ болѣе или менѣе отдаленныхъ померахъ «Русскаго Архива» или «Русской Старины»... А современнику есть что записывать. Столько мы видѣли, слышали, осязали, думали и чувствовали въ послѣднее время, особенно въ истекшемъ году, сколько въ иную пору и въ десятки лѣтъ не наберется¹⁾.

Мыслимое ли дѣло предположить, чтобы авторъ этихъ словъ изъ соображеній о власти «независящихъ обстоятельствъ» не попытался бы самъ хоть что-нибудь записать о томъ времени, о которомъ онъ говорилъ въ январѣ 1881 г. А вѣдь этимъ январемъ 1881 г. не кончалась лѣтопись тогдашнихъ событій, и мы видѣли уже, какъ по составленнымъ имъ мартирологамъ, такъ и по содержанію его романа, въ какомъ направленіи развивалась происходившая передъ его глазами исторія. Уже по одному этому мы не можемъ легко примириться съ исчезновеніемъ многихъ бумагъ Н. К. Михайловскаго. И, мнѣ кажется, должны быть приложены всѣ усилія, чтобы разыскать хотя часть того, что несомнѣнно находилось въ архивѣ Н. К. Михайловскаго изъ огромнаго запаса рукописей за его многолѣтнюю литературную дѣятельность. Настала уже 10-я годовщина со дня смерти Н. К. Михайловскаго († 28 Янв. 1904 г.), и неужели хотя бы ради ея не будетъ сдѣлано все возможное, чтобы оживить передъ нами его образъ путемъ розыска и опубликованія затерянныхъ доселѣ бумагъ и рукописей изъ его архива, а также и печатаніемъ того, что хранится въ архивѣ Н. К. Михайловскаго, переданнымъ его сыномъ редакціи «Русскаго Богатства»?

Евгеній Колосовъ.

¹⁾ См. т. V соч., стр. 391—393.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Былое въ украинскихъ журналахъ.

Исторія національнаго возрожденія украинскаго народа мало изучена. Украинская литература не можетъ похвалиться достаточнымъ количествомъ изслѣдованій, мемуаровъ, писемъ и др. документовъ, выясняющихъ развитіе общественно - политической мысли на Украинѣ, судьбы и стимулы національнаго движенія, его корни и развѣтвленія, дѣятельность общественно-политическихъ организацій и роль отдѣльныхъ лицъ въ этомъ движеніи. Все чаще и чаще въ украинской прессѣ и журналахъ раздаются голоса о необходимости болѣе всесторонняго и внимательнаго изученія украинскаго *былого*, все настойчивѣе чувствуется потребность въ оглашеніи историческихъ данныхъ, проливающихъ свѣтъ на содержаніе украинской жизни со времени пробужденія національнаго сознанія и организаціонныхъ начинаній украинскаго общества. И нельзя сказать, чтобы указанная пожеланія не находили отклика въ средѣ изслѣдователей украинскаго былого, равно какъ и въ средѣ живыхъ еще участниковъ событий и общественныхъ теченій, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи. Въ украинскихъ историческихъ и общихъ литературно-научныхъ журналахъ начинаютъ появляться мемуары, воспоминанія и письма современниковъ этихъ событий, дѣлаются попытки къ изученію этихъ историческихъ матеріаловъ, направляются опредѣленные усилія къ ихъ отысканію и накопленію, къ сохраненію ихъ отъ забвенія или гибели. Нельзя сказать, чтобы публикуемыя данныя къ исторіи украинскаго былого въ коли-

чественномъ отношеніи были слишкомъ богаты и разносторонни, но несомнѣнное оживленіе въ этой области необходимо отмѣтить въ особенности по сравненію съ недалекимъ прошлымъ.

Наиболѣе замѣтнымъ приобрѣтеніемъ для изученія украинскаго былого слѣдуетъ признать «Воспоминанія Б. С. Познанскаго» напечатанныя въ «Украинской Жизни» (I—V кн. 1913 г.) и вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Посвященныя выясненію «хлопоманіи» на Украинѣ, воспоминанія Б. С. Познанскаго, къ сожалѣнію, прерванныя на самомъ интересномъ мѣстѣ, привлекли къ себѣ вниманіе украинскихъ круговъ. Немногіе, оставшіеся въ живыхъ участники событій, описываемыхъ Б. С. Познанскимъ, подчеркиваютъ неточность, а то и неправильность ихъ въ передачѣ авторомъ «Воспоминаній», объясняемую отчасти тѣмъ, что авторъ многого не зналъ, а многое упустилъ изъ виду, благодаря чему исторія возникновенія «хлопоманіи» и взгляды представителей ея на задачи и цѣли своей дѣятельности оказались недостаточно выясненными. Какъ бы то ни было, за «Воспоминаніями» Б. С. Познанскаго остается значеніе цѣннаго источника для ознакомленія съ движеніемъ украинскихъ шестидесятниковъ, усугубляемое тѣмъ обстоятельствомъ, что «Воспоминанія» содѣйствовали оживленію интереса къ описываемымъ въ нихъ событіямъ, побудивъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ послѣднихъ опубликовать дополненія и поправки къ нимъ¹⁾ и вызвавъ рядъ статей и замѣтокъ изслѣдователей украинскаго былого, выясняющихъ нѣкоторыя неточности и неясныя мѣста «Воспоминаній». Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить статью А. Хатченко въ той же «Украинской Жизни» (X кн. 1913 г.). «По поводу «Воспоминаній Б. С. Познанскаго», устанавливающаго возникновеніе этихъ воспоминаній желаніемъ членовъ «Старой Украинской Громады» помимо непосредственной задачи «Воспоминаній»—дать отвѣтъ на книгу Равиты — Гаврснскаго—подѣлиться воспоминаніями о пережитомъ и сохранить его въ памяти новыхъ поколѣній.

Небольшой, но интересный очеркъ посвящаетъ Ол. Грушевскій жизни украинскаго кружка въ Петербургѣ 1858—1861 гг. («З життя українського гуртка в Петербурзі 1858—1861 рр.» «Літературно-Науковий Вістник» 1913 г. кн. VII—VIII). Во главѣ кружка стояли: Шевченко, Костомаровъ и Кулишъ. Вокругъ нихъ группировались остальные украинцы Петербурга. Поддерживая постоянныя сношенія съ Украиной, этотъ кружокъ

¹⁾ Такія дополненія будутъ опубликованы въ 1914 году въ журналѣ «Украинская Жизнь» однимъ изъ видныхъ участниковъ движенія 60-хъ гг., XIX ст. на Украинѣ.

интенсивно работалъ надъ вопросами, имѣющими отношеніе къ возрожденію родного края и просвѣтительнымъ начинаніямъ на пользу народа. Члены кружка часто собирались, при чемъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ, чаще всего обсуждавшихся на собраніяхъ, былъ вопросъ о минувшихъ судьбахъ украинскаго народа и необходимости разработки исторіи Украины. Этотъ повышенный интересъ къ вопросамъ исторіи Украины въ значительной степени, конечно, объяснялся вліяніемъ на жизнь и интересы петербургскаго украинскаго кружка Н. Костомарова, пользовавшагося особымъ уваженіемъ своихъ земляковъ. Много работая въ архивахъ Публичной Библіотеки, Синодальномъ и др., Костомаровъ очень часто дѣлился результатами своихъ изслѣдованій и на собраніяхъ кружка увлекалъ присутствующихъ живымъ и образнымъ изложеніемъ былыхъ судебъ украинскаго народа. «Передъ слушателями воскресало минувшее, его событія и его дѣятели. Лаконическіе отрывки старыхъ лѣтописей, сухія фразы официальныхъ актовъ, шаблонныя выраженія частныхъ писемъ — все это пріобрѣтало жизнь и краски, когда Костомаровъ съ воодушевленіемъ говорилъ объ этомъ въ кружкѣ пріятелей, знакомя ихъ съ новыми источниками для разработки украинской исторіи». Г. Грушевскій сжато излагаетъ планы научныхъ работъ Костомарова въ то время, при чемъ указываетъ на стремленіе историка привлечь къ участію въ этихъ работахъ новыхъ лицъ, сообщивъ имъ болѣе-менѣе коллективный характеръ. Въ процессѣ изученія архивнаго матеріала «сама собою возникла мысль о необходимости постояннаго обмѣна мыслей, постоянныхъ сношеній между тѣми, кто занимается научной разработкой вопросовъ украинской исторіи»... «сама собою возникла мысль о созданіи группы украинскихъ ученыхъ, объ украинскомъ научномъ обществѣ»... Эта мысль, какъ извѣстно, не была осуществлена не только въ тѣ годы, о которыхъ говоритъ авторъ очерка, но и въ болѣе позднее время, и только уже въ наши дни, въ связи съ общимъ развитіемъ украинскаго движенія, планы украинскихъ шестидесятниковъ объ украинскомъ научномъ обществѣ получили осуществленіе въ видѣ основанія соотвѣтствующаго учрежденія въ Кіевѣ. Впрочемъ, идея коллективной работы, отчасти замѣнившая работу украинскаго научнаго общества, вылилась въ изданіе перваго украинскаго журнала «Основа» (1861 г.), выходившаго на двухъ языкахъ — русскомъ и украинскомъ, при чемъ главными сотрудниками его были все тѣ же члены петербургскаго украинскаго кружка Костомаровъ, Нулишъ и Бѣлозерскій. Къ сожалѣнію, г. Грушевскій объ этомъ не упоминаетъ въ своемъ очеркѣ, благодаря чему послѣдній кажется

неполнымъ и неисчерпывающимъ тѣхъ идейныхъ интересовъ, которыми жили дѣятели украинскаго возрожденія въ шестидесятые годы XIX ст. Въ общемъ этюдъ г. Грушевскаго изъ жизни украинскаго кружка въ Петербургѣ 1858—1861 г.г. написанъ живо, у автора его имѣются и знаніе предмета, и умѣнье живо и интересно возстановлять на основаніи писемъ и т. п. матеріала какъ внѣшнія условія, среди которыхъ протекала дѣятельность украинскихъ видныхъ людей, такъ и идейное содержаніе послѣдней.

Къ той же эпохѣ шестидесятихъ годовъ относится и крайне интересный документъ, публицистическая статья «Украинофиламъ», оглашенный Ор. Левицкимъ въ «Запискахъ Украинскаго Науковаго Товариства у Київі» (кн. VIII 1911 г.), ранѣе неизвѣстный историкамъ украинскаго возрожденія. Авторомъ этого документа былъ П. Кулишъ, какъ доказываетъ это съ убѣдительною Ор. Левицкій, подробно выясняющій происхожденіе статьи «Украинофиламъ» и тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ авторъ ея. Статья эта интересна въ двоякомъ отношеніи: она служитъ цѣннымъ матеріаломъ для изученія національных стремленій и соціальныхъ взглядовъ видныхъ дѣятелей Украины въ шестидесятые годы и въ то же время очень ярко характеризуетъ личность Кулиша, сложную, противорѣчивую, неустойчивую, но въ одномъ вѣрную себѣ — это то въ скрытомъ, то въ явномъ, то, наконецъ, откровенно недружелюбномъ отношеніи къ идеямъ послѣдовательнаго демократизма въ программѣ и дѣятельности украинскаго общества. Талантливый, способный, трудолюбивый и упорный въ своемъ трудолюбіи онъ былъ непримиримъ, амбиціозенъ, до послѣдней степени самолюбивъ и нетерпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, до абсурда упоренъ въ своихъ заблужденіяхъ, при частой измѣнчивости въ оцѣнкѣ людей и явленій. Онъ могъ сегодня восхвалять превыше всякой мѣры Костомарова и Шевченка, черезъ нѣкоторое же время чернить ихъ и какъ людей и какъ дѣятелей, осуждая ихъ труды, не признавая ихъ творчества. И въ то же время онъ былъ неискрененъ и не чуждъ двоедушія. Онъ могъ въ письмѣ къ извѣстной писательницѣ Марко-Вовчокъ писать о томъ, что «заслугой украинской литературы по преимуществу демократической», является то, что она вызываетъ «панское негодованіе», а черезъ годъ съ небольшимъ выступаетъ съ публицистической статьей противъ демократическихъ тенденцій въ украинскомъ обществѣ, проповѣдуя гармонію классовыхъ интересовъ и агитируя за мирное сотрудничество «пана» съ «хлопомъ». Эта именно идея и проникаетъ собою статью «Украинофиламъ». Лозунги украинскаго возро-

жденія находили живой откликъ среди украинскаго «панства»; оно въ лицѣ наиболѣе просвѣщенныхъ помѣщиковъ Украины охотно поддерживало матеріально украинскія литературныя и просвѣтительныя начинанія; подписывалось на «Основу», но въ то же время пугалось демократическихъ лозунговъ и теченій, преобладавшихъ въ украинскомъ обществѣ, и употребляло со своей стороны опредѣленная усилія «къ успокоенію горячечныхъ увлеченій». Трубадуромъ такихъ помѣщиковъ и выступаетъ въ своей статьѣ, оставшейся ненапечатанной, Кулишъ. Онъ скорбитъ о томъ, что «между послѣдователями украинской идеи начали обнаруживаться... дикія тенденціи». Послѣднія усматриваются въ томъ, что «украинскіе народолюбцы, не обращая вниманія на благородную часть господствующаго класса, какъ на явленіе естественное, и поражаясь злоупотребленіями силы со стороны другой, несравненно многочисленнѣйшей части, какъ явленіемъ чудовищнымъ, отвернулись отъ всего, что составляетъ принадлежность господствующаго сословія, и начали искать истинной чело-вѣчности только въ сословіяхъ труждающихся и обремененныхъ. Роковая крайность!» Слѣдствіемъ ея, по мнѣнію Кулиша, было одностороннее развитіе литературныхъ талантовъ, безплодная или малополезная дѣятельность энергичныхъ людей, изолированность украинскихъ народолюбцевъ и «что хуже всего—отчужденіе отъ насъ множества людей богатыхъ и разносторонне образованныхъ, которые... дали бы ей истинно общественное значеніе, сообщили бы ей солидарность и спасли бы многихъ изъ насъ отъ напрасной гибели въ борьбѣ съ нуждою и неблагопріятными гражданскими обстоятельствами!» Развивая далѣе эти взгляды, Кулишъ ратуетъ за необходимость позаимствованій народолюбцами украинскими и народомъ лучшихъ чертъ и культурныхъ навыковъ украинскаго панства. Вскрывая нѣкоторыя крайности въ увлеченіяхъ украинскихъ народолюбцевъ формами этнографическаго быта, Кулишъ перегибаетъ палку и слишкомъ идеализируетъ благотѣльное вліяніе этого панства на укрѣпленіе украинской идеи, выставляя «укаинофиловъ — земле-владѣльцевъ» какъ ту среду, «гдѣ могли бы осуществиться законныя стремленія новой Украины къ возстановленію своей народности во всемъ ея достоинствѣ». Неизвѣстно, по какимъ причинамъ эта статья не была напечатана, но г. Ор. Левицкій приводитъ данныя въ доказательство стремленій автора ея къ тому, чтобы она увидѣла свѣтъ. Но и не будучи оглашенной въ печати, она была извѣстна въ украинскихъ кругахъ Кіева, причемъ, какъ свидѣтельствуется со словъ одного изъ членовъ старой кіевской «Громады» Ор. Левицкій, произвела на молодежь не-

пріятное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе производитъ она и теперь, поскольку выявляетъ неискренность автора ся, укорявшаго въ письмѣ къ Марко-Вовчокъ редактора «Основы» за то, что онъ «хочетъ издавать (журналъ) въ духѣ примиренія съ панами, хочетъ ублажать пановъ и полюбовиться имъ своимъ журналомъ».

Тому же Ор. Левицкому принадлежитъ статья «Страницы изъ жизни Владиміра Антоновича» (Літерат.-Наук. Вістн., 1913 г. кн. IV). Проф. В. Антоновичъ сыгралъ огромную роль въ исторіи украинскаго національнаго возрожденія, но, къ сожалѣнію, она въ достаточной степени еще не выяснена документально. «Воспоминанія Б. С. Познанскаго», (Укр. Жизнь кн. I—V, 1913 г.) даютъ много матеріала для пониманія дѣятельности покойнаго профессора Кіевского университета и «хлопоманіи» на Украинѣ. Несомнѣнно письма и воспоминанія объ этомъ интересномъ теченіи среди польской или, вѣрнѣе, ополяченной шляхты на Украинѣ современниковъ и участниковъ его прольютъ свѣтъ на роль въ немъ Антоновича; но Ор. Левицкій, лично близко знавшій украинскаго историка, справедливо полагаетъ, что обязанность современниковъ заключается не только въ томъ, чтобы озаботиться выясненіемъ историческихъ заслугъ В. Антоновича въ дѣлѣ возрожденія украинскаго народа, но и запечатлѣть «живой образъ Антоновича въ той полной необыкновенной привлекательности, красоты, какимъ онъ представляется въ памяти людей, близко стоявшихъ къ нему и любившихъ его». Г. Левицкій сообщаетъ цѣнные для біографа Антоновича факты, свидѣтельствующіе о добротѣ и скромности украинскаго ученаго.

Одному изъ видныхъ дѣятелей украинскаго возрожденія, Михаилу Комарову, посвящаетъ Вол. Дорошенко статью на страницахъ того же «Літерат.-Наук. Вістн.» (1913 г., кн. X), представляющую интересъ не только біографическій. Интересна она и тѣми сообщеніями, которыя введены авторомъ въ статью и даютъ нѣсколько штриховъ къ характеристикѣ настроеній украинскаго общества въ семидесятые—девяностые годы истекшаго столѣтія. Комаровъ представляетъ собою типъ убѣжденнаго украинца съ ярко-выраженными чертами активной любви къ родному краю и работы для него при всякихъ политическихъ условіяхъ, какъ бы неблагоприятны они ни были. Еще юнымъ студентомъ (род. 1844 г.), онъ входитъ сознательнымъ членомъ въ одну изъ украинскихъ «Громадъ», «ходитъ въ народъ», принимаетъ энергичное участіе въ украинскихъ начинаніяхъ, создавая вокругъ себя ячейки организованной работы общественнаго и литературнаго характера. Въ исторіи украинской литературы имя

Комарова пользуется большою извѣстностью, какъ одного изъ лучшихъ популяризаторовъ и заслуженнаго библіографа. Наиболѣе цѣнными трудами его въ области украинской библіографіи слѣдуетъ признать «Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (1903 г.)—на русскомъ языкѣ, «Українська драматургія» (1906 г.) на украинскомъ языкѣ. Изъ другихъ работъ его должны быть отмѣчены четыре большихъ тома «Словаря російсько-українського», лучшаго изъ существующихъ какъ полнотою матеріала, такъ и научною разработкой его. Для читателя-великоросса, не знакомаго съ украинскимъ языкомъ, этотъ словарь является незамѣнимымъ пока пособіемъ при чтеніи украинской книги. Авторъ статьи о Комаровѣ даетъ, какъ мы сказали выше, обстоятельный очеркъ литературной дѣятельности украинскаго библіографа, приводя болѣе или менѣе полный перечень статей, замѣтокъ и др. матеріаловъ, разбросанныхъ въ различныхъ галицкихъ изданіяхъ и давая сжатую характеристику имъ. Попутно Вол. Дорошенко останавливается и на личности Комарова какъ общественнаго дѣятеля опредѣленной окраски, примыкавшаго къ группѣ культурниковъ *par excellence*. Въ украинской «Громадѣ» онъ былъ въ оппозиціи къ радикальнымъ теченіямъ ея, представленнымъ М. Драгомановымъ и его сторонниками, примыкая къ умѣреннымъ демократамъ-постепеновцамъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Вол. Дорошенко, подтверждаютъ тотъ фактъ, что украинскія «Громады», какъ политическія организаціи, организованы были на началахъ, открывавшихъ возможность вступленія въ нихъ людямъ различныхъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, объединенныхъ лишь общностью національныхъ стремлений прогрессивнаго характера. Сближало Комарова съ украинскимъ радикаломъ Драгомановымъ и его единомышленниками, какъ, напр., М. Ковалевскій ¹⁾, совпаденіе взглядовъ на задачи украинской работы послѣ знаменитаго указа 1876 г. Этотъ указъ не могъ не произвести ошеломляющаго впечатлѣнія на украинское общество и породилъ въ немъ апатію, аполитизмъ и даже теорію о необходимости «переспать бѣду». Комаровъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто поддержалъ Драгоманова и другихъ членовъ «Громады» въ стремленіи, не поддаваясь указу 1876 г., перенести центръ тяжести украинской литературной работы за границу. На вопросы «что дѣлать?»—Комаровъ, согласно съ Драгомановымъ, давалъ отвѣтъ: «Нужно обратить возможно большее вниманіе на Галицію и посылать туда всѣ рукописи, которыя будутъ запрещены цензурой. Рано или поздно, а наша

¹⁾ Т.-е. Ник. Вас. Ковалевскій. *Ред.*

работа не пройдетъ безслѣдно для Украины, когда-то вернется къ намъ и окажетъ намъ большую помощь подобно тому, какъ оказали такую помощь Галиціи первыя стремленія Украины. Галиція—то нашъ свѣточъ, куда мы стремимся душой». Оцѣнка значенія Галиціи, какъ временнаго пристанища украинскихъ литературныхъ и общественныхъ стремленій, формулированная Комаровымъ, безусловно отвѣчала задачамъ момента и потребностямъ украинскаго общества. Одною изъ крупныхъ заслугъ этого украинскаго дѣятеля является подкрѣпленіе высказаннаго имъ взгляда дѣятельнымъ участіемъ въ украинскихъ изданіяхъ Галиціи по вопросамъ литературы, исторіи украинскихъ цензурныхъ запрещеній, этнографіи, библіографіи и пр.

Статья К. Заклинскаго «Университетская молодежь Австрійской Украины за послѣднія 40 лѣтъ» («Українська Хата» 1913 г. VII—VIII), представляетъ краткую исторію организаціи украинскихъ студенческихъ обществъ Австріи и характеристику идейныхъ теченій въ средѣ украинской молодежи въ указанное время. Для русскаго читателя статья эта представляетъ интересъ постольку, поскольку въ ней имѣются интересныя данныя о вліяніи русской литературы на выработку міровоззрѣнія украинскаго студенчества—въ 70—80 гг. 19 ст., а также о вліяніи на это студенчество Драгоманова. Будучи насадителемъ въ Галиціи идей федерализма и радикализма, Драгомановъ оказалъ большую услугу австрійскимъ украинцамъ и въ дѣлѣ поднятія культурнаго уровня ихъ при помощи, между прочимъ, и лучшихъ произведеній русской литературы, какъ художественной, такъ и научно-публицистической. Еще до эмиграціи Драгомановъ завязалъ тѣсныя сношенія съ украинскими студенческими организаціями и переписывался съ наиболѣе видными представителями послѣднихъ. Послѣ эмиграціи эти сношенія дѣлаются еще болѣе оживленными. Знакомство съ украинскимъ студенчествомъ открыло Драгоманову невысокій уровень и ограниченность интересовъ послѣдняго, равно какъ и оторванность его отъ практическихъ потребностей украинской жизни. Въ дѣлѣ поднятія этого уровня и насажденія среди украинскаго студенчества прогрессивныхъ идей и здоровыхъ политическихъ понятій Драгомановъ сыгралъ огромную роль. Онъ часто помѣщалъ статьи въ мѣстныхъ изданіяхъ по принципиальнымъ вопросамъ національной жизни и по вопросамъ самообразованія, состоялъ въ частой перепискѣ съ наиболѣе выдающимися и энергичными представителями украинской молодежи, указывалъ и въ статьяхъ, и въ письмахъ на необходимыя пособія для знакомства съ русской литературой, часто прилагая личныя усилія къ разсылкѣ рус-

скихъ книгъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ организаціямъ. Демократическій характеръ русской литературы, ея исканія и свободолюбивыя стремленія оказывали глубокое вліяніе на галицкихъ читателей и не только не содѣйствовали москвофилству и отрицанію самобытной украинской литературы, но, наоборотъ, насаждая идеи демократизма, возбуждали стремленіе къ осознанію самихъ себя и уясняли необходимость работать, примѣняясь къ реальнымъ условіямъ мѣстной жизни, къ бытовому и національному укладу ея, въ результатѣ чего молодые студенты даже изъ москвофильскаго лагеря дѣлались убѣжденными украинцами, дѣятельными работниками украинскаго возрожденія. Пробужденіе къ сознательной жизни украинскаго студенчества было отмѣчено репрессіями австрійскаго правительства, арестами, тюремнымъ заключеніемъ наиболѣе видныхъ послѣдователей Драгоманова, конфискаціей брошюръ и др. изданій. Интересно также отмѣтить вражду къ Драгоманову вліятельныхъ и въ большинствѣ лояльныхъ къ правительству круговъ украинскаго общества. Имя Драгоманова стало «пугаломъ» въ Галиціи, его боялись и ненавидѣли, отъ него открещивались и малодушные изъ его послѣдователей, но сѣмена, посѣяныя Драгомановымъ, все же давали всходъ, и сама личность его дѣлалась все болѣе дорогой и цѣнной въ глазахъ его убѣжденныхъ послѣдователей. «Ще Ви намъ любійші стали, відколи насъ за Васъ переслідують», писалъ къ нему одинъ изъ такихъ послѣдователей О. Терлецкій. Стаття К. Заклинскаго, представляющая изъ себя докладъ, читанный на послѣднемъ сѣздѣ украинскаго студенчества въ іюлѣ 1913 г. во Львовѣ, не исчерпывая темы, даетъ достаточно матеріала по существу ея, сообщая между прочимъ и нелишнія данныя о дѣятельности и вліянніи Драгоманова въ Галиціи. Авторъ упоминаетъ о вліянніи на галицкую молодежь женевскихъ изданій Драгоманова не только украинскихъ, но и русскихъ, и тѣмъ самымъ нѣсколько смягчаетъ утвержденія Л. Дейча («У начала легенды» Совр. Міръ, ноябрь 1913 г.) о «сложенныхъ въ большія груды произведеніяхъ Драгоманова» въ женевскихъ складахъ. Изъ этихъ «грудъ» многое попадало въ Галицію и здѣсь получало распространеніе. Значительное мѣсто выясненію вліянія Драгоманова на политическое сознаніе украинцевъ Галиціи отводитъ также В. Левинскій въ своей большой работѣ «Изъ исторіи украинскаго рабочаго движенія въ Галиціи», напечатанной въ новомъ украинскомъ журналѣ марксистскаго направленія «Дзвін» (кн. 6—12, 1913 г.). Авторъ этой добросовѣстной работы использовалъ въ большомъ количествѣ литературу предмета и далъ связный очеркъ развитія со-

ціалистическихъ идей и рабочаго движенія среди галицкихъ украинцевъ. Въ результатъ изученія исторіи этого движенія г. В. Левинскій приходитъ къ слѣдующему выводу: «Западно-европейское соціалистическое движеніе, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ соціалистическаго движенія въ Германіи и Зап. Европѣ не имѣло болѣе или менѣе значительнаго вліянія на *первые соціалистическіе кружки* въ Галиціи. Эти кружки организуются главнымъ образомъ по инициативѣ соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи» (стр. 96, кн. 7—8). Начало соціалистическаго движенія въ Галиціи тѣсно связано съ именами М. Драгоманова—украинца и Лимановскаго—поляка. Особенно громадную услугу развитію этого движенія и пробужденію интереса къ соціалистическимъ идеямъ оказалъ М. Драгомановъ. Галицкое украинское студенчество въ 70-ые годы переживало «тяжелый кризисъ» и въ это время «цѣлительной водой для молодежи было слово Драгоманова». «Листи Українця» (псевдонимъ Драгоманова), появлявшіеся на страницахъ «Друга» «производили просто революцію въ головахъ молодежи». Съ марта 1876 г. черезъ Львовъ начали проѣзжать украинскіе соціалисты (россійской Украины), знакомившіе львовскую молодежь съ соціализмомъ. Благодаря имъ и Драгоманову, она начала читать произведенія Добролюбова, Чернышевскаго, Герцена, Ланге, Ренана». Подъ вліяніемъ Драгоманова и при его дѣятельномъ участіи начинаютъ галицкіе украинцы издавать переводныя и компилятивныя соціалистическія брошюры, при чемъ авторомъ одной изъ нихъ является извѣстный эмигрантъ Ф. Волховскій. Одновременно идетъ организація рабочихъ кружковъ во Львовѣ, при чемъ дѣятельное участіе въ этой работѣ принимаютъ, помимо поляковъ, на которыхъ вліялъ Лимановскій, и украинцы. Къ этому же времени (1875—1876) относится и появленіе на польскомъ языкѣ романа Чернышевскаго «Что дѣлать», переработаннаго примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ украинцемъ Павликомъ Свѣнцинскимъ подъ заглавіемъ «Ludzie». Изъ идейнаго фермента, нашедшаго свое выраженіе въ соціалистическихъ кружкахъ Галиціи 70—80-хъ гг. 19 ст., выросли потомъ галицкая соціал-демократическая партія и украинская радикальная партія. Оцѣнивая значеніе Драгоманова для галицкихъ украинцевъ, г. Левинскій высказываетъ слѣдующую мысль: «Если украинство въ Галиціи выросло теперь въ серьезную политическую силу, а это могло произойти только съ пробужденіемъ народныхъ массъ, то въ этомъ главная заслуга Драгоманова». Говоря конкретнѣе, ни одна изъ современныхъ политическихъ украинскихъ партій Галиціи, включая и національ-демократовъ, не можетъ порвать

своей связи съ именемъ Драгоманова, оказавшаго поистинѣ историческую услугу въ дѣлѣ политическаго сознанія украинскаго общества. Назрѣвшей задачей историковъ украинскаго возрожденія является выясненіе роли Драгоманова и вліянія его идей и въ дѣлѣ такого же пробужденія среди украинцевъ Россіи. Къ сожалѣнію, книжки украинскихъ журналовъ, включенныхъ въ настоящій обзоръ, мало даютъ матеріала по интересующему вопросу. Слѣдуетъ лишь отмѣтить небольшую статью Д. Антоновича «Карл-Маркс і Українці» («Дзвін», кн. 3, 1913 г.), правда, слишкомъ сжатую и не исчерпывающую темы, но представляющую интересъ экскурсіями въ область исторіи возникновенія «Украинской Революціонной партіи» (У. Р. П.), въ 1900 г. въ Харьковѣ и устанавливающую вліяніе идей Драгоманова на эволюцію украинской политической мысли «отъ радикальнаго либерализма до послѣдовательнаго матеріалистическаго міровоззрѣнія». Авторъ не безъ основанія полагаетъ, что радикальная группа, возникшая въ 80-е годы среди украинцевъ подъ вліяніемъ Драгоманова, была той почвой, «на которой украинскіе элементы впервые встрѣтились съ марксизмомъ, какъ съ законченною системой общественнаго міровоззрѣнія».—Не лишенную интереса, но по содержанію своему отличную отъ упомянутыхъ выше статей по исторіи украинскаго былого, помѣстилъ въ новомъ журналѣ «Ілюстрована Україна» (№ 1, 1913), г. В. Пачовскій на тему «Самостоятельное кіевское королевство» по замыслу Бисмарка. Такой проектъ по порученію нѣмецкаго канцлера былъ составленъ подъ вліяніемъ призрака войны между Россіей и Германіей въ 1888 г. извѣстнымъ философомъ Э. Гартманомъ и опубликованъ въ берлинской «Die Gegenwart». Преувеличивая центробѣжныя стремленія народностей, населяющихъ Россію, а также ростъ революціснаго броженія въ ней, Гартманъ проектировалъ создать изъ Россіи три государства, при чемъ первое охватывать должно было территоріи, расположенныя по линіи рр. Вислы и Нѣмана, второе, начинаясь отъ Днѣпра и Сѣверной Двины, достигло бы на Востокѣ Волги и Дона (Кіевское королевство), третье—въ предѣлахъ территоріи, заселенной великоруссами. Въ крайнемъ случаѣ Гартманъ пректировалъ сознаніе Кіевского королевства въ границахъ между Прутомъ и Днѣпромъ, находящагося подъ протекторатомъ Австріи. По замысламъ Гартмана поляки должны быть ассимилированы, что достигалось бы разноплеменностью новаго созданнаго государства въ предѣлахъ Вислы и Нѣмана съ преобладаніемъ въ немъ нѣмецкаго элемента. Проектъ Гартмана любопытенъ, конечно, какъ справка къ замысламъ нѣмецкаго канцлера, какъ

схема дипломатическихъ комбинацій, создававшихся въ періодъ мірового усиленія Германіи съ ея движеніемъ nach Osten; соотвѣтствіе его дѣйствительнымъ потребностямъ—проблематично.

С. Петлюра.

Вольтеръ придворный и Вольтеръ-помѣщикъ ¹⁾.

Жизнь знаменитаго «царя-философовъ» XVIII вѣка, казалось бы, изслѣдована всесторонне къ нашему времени, и все же неутомимому изслѣдователю Косси удалось извлечь изъ архивной пыли нѣсколько документовъ, прибавляющихъ нѣсколько любопытныхъ чертъ къ характеристикѣ Вольтера.

Пятьдесятъ второй годъ шелъ Вльтеру. Европейское общество знало его какъ автора «Генріады», «Карла XII», какъ искуснаго драматурга, какъ остраго сочинителя «Англійскихъ писемъ». Мало того, онъ оказался недюжиннымъ дипломатическимъ агентомъ: неоднократно и съ успѣхомъ исполнялъ тайныя порученія при прусскомъ королѣ. Но ни литературныя его заслуги, ни дипломатическіе успѣхи не достаивались официальной награды. Свыше онъ получалъ поощрительныя и милостивыя слова—и только. Вся Европа считала его крупнѣйшимъ литературнымъ талантомъ Франціи — и все же академія была для него закрыта. А сына парижскаго буржуа снѣдало честолюбіе: онъ жаждалъ придворныхъ почестей. Долго его кормили обѣщаніями, но представился удобный случай, и честолюбивый поэтъ воспользовался имъ съ ловкостью опытнаго льстеца. Предстоялъ бракъ наслѣдника престола, ожидалась пышныя празднества, и Вольтеру былъ заказанъ балетъ. Быстро создавалась веселая, нѣжная «Принцесса Наваррская». И чего не сдѣлало прославленіе Генриха IV, историческіе труды и дипломатическія услуги, добыла легсная литературная бездѣлушка, изящный пустячокъ: Вольтеръ получилъ мѣсто придворнаго исторіографа съ 2000 ливровъ содержанія и право сидѣть за королевскимъ столомъ. Времена переѣзжались. Мѣсто гордой сановитой дворянки Шестору, заняла при особѣ короля плебейка д'Этіоль, будущая маркиза Помпадуръ. Вольтеръ былъ хорошо знакомъ съ семьей новой фаворитки; онъ былъ другомъ ея отца и матери, знавалъ ее маленькой дѣ-

¹⁾ (F. Caussy. M. de Voltaire, gentilhomme ordinaire — Mercure de France, 1914, 1 Janv.; idem. Voltaire à Ferney (documents inédits) — La Revue. 1913. 1 Sept.).

вочкой. Она и явилась его высокой покровительницей предъ лицомъ лѣниваго, сластолюбиваго короля Людовика XV. Лукавый придворный исторіографъ сумѣлъ теперь использовать «случай». Битва при Фонтелуа пробуждаетъ въ немъ одописца; замѣтивъ благосклонное вниманіе къ своей одѣ, онъ вызвался описать королевскіе походы и вскорѣ представилъ нѣсколько первыхъ главъ «Вѣка Людовика XV». И вотъ, стараніями новой фаворитки, онъ получаетъ мѣсто въ академіи безсмертныхъ, а въ концѣ года король пожаловалъ своему исторіографу придворное званіе — *gentilhomme ordinaire* (камеръ-юнкера) «чтобы отмѣтить свое особенное желаніе награждать тѣхъ, кто посвящаетъ себя литературѣ и содѣйствуетъ ея прогрессу, а равно проявляетъ особое рвеніе на службѣ его Величества», какъ было сказано въ высокомиловитомъ рескриптѣ. Одновременно Вольтеръ получилъ 60000 ливровъ содержанія.

Тщеславіе сына мелкаго буржуа было удовлетворено, и онъ не замедлилъ именовать себя «кавалеромъ», «камеръ-юнкеромъ его Величества». Его не на шутку заботятъ привилегіи, связанныя съ новымъ званіемъ, онъ не довольствуется передѣлкой своего герба. Портфели Вольтера, хранимые въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, содержатъ любопытные документы объ этомъ моментѣ жизни Вольтера. Едва получивъ придворное званіе, онъ уже обращается съ циркулярнымъ письмомъ къ своимъ коллегамъ по званію, предлагая имъ отстаивать права и прерогативы ихъ чина. За небольшую плату онъ вызывается дать историческій очеркъ происхожденія самаго званія и правъ съ нимъ соединенныхъ. Онъ тщательно выписываетъ изъ старыхъ церемоніаловъ и указовъ Генриховъ III и IV доказательства высокаго положенія *gentilhomme ordinaire*, устанавливаетъ съ непреложностью ихъ неотлучное пребываніе при особѣ короля.

Едва ли осуществились эти предложенія Вольтера при его жизни, такъ какъ и самый его трудъ увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1820 году. Не пришлось облагороженнымъ мѣщанамъ осуществить право высокородныхъ сеньеровъ при королевской особѣ, несмотря на доказательное изысканіе, достойное пера оберъ-церемоніймейстера.

Но если философъ наслаждался придворнымъ почетомъ, недружелюбно и завистливо смотрѣли на него столбовые дворяне захудалыхъ провинцій, дѣлившіе свое время между тяжбой съ мелкопомѣстнымъ сосѣдомъ и охотой на зайцевъ. Изъ глуши Пуату нѣкій племянникъ пишетъ дядюшкѣ горькую жалобу: «Меня увѣдомили, что король, введенный въ заблужденіе злонамѣренными людьми, пожаловалъ титулъ *gentilhomme ordinaire*

нѣкоему, именуемому Аруэ де Сепъ-Лу, сыну нѣкоей Дамаръ, извѣстному болѣе подъ именемъ Вольтера». Пылкій племянникъ предлагаетъ бойкотировать дерзкаго выскочку и хотѣлъ бы лично поговорить объ этомъ съ дядюшкой, да «гнидой палъ, а сѣраго нѣтъ дома».

Но глухая злоба родовитыхъ дворянъ ни мало не беспокоила Вольтера. Онъ сумѣлъ извлечь и матеріальную выгоду изъ своего придворнаго званія: съ согласія короля онъ продалъ это званіе одному буржуа, Петру Дюфуру. Расчетливый философъ въ это время предвидѣлъ полученіе подобнаго же чина при дворѣ своего почитателя Фридриха II. Несмотря на продажу, по особой милости короля, Вольтеръ однако сохранилъ свое французское придворное званіе на всю жизнь и не пропускалъ случая именовать себя «*Voltaire, gentilhomme ordinaire du roi*».

Но годы шли, сникли честолюбивыя мечты, и въ 1759 г. Вольтеръ водворился въ Фернѣ, недалеко отъ женевского озера. 20 лѣтъ живетъ онъ въ своемъ помѣстьѣ, какъ богатый баринъ, оракулъ европейскаго мыслящаго общества, къ голосу котораго прислушивается и публика, и правительство. Онъ неутомимо хлопочетъ о своихъ односельчанахъ, являясь для нихъ и старшиной, и главнымъ совѣтникомъ, и непремѣннымъ экспертомъ въ важнѣйшихъ вопросахъ мѣстной жизни. Онъ унаваживаетъ, садить, запахиваетъ новину, привлекаетъ въ деревушку ремесленниковъ. Мѣстечко Ферней начинаетъ процвѣтать; его населеніе увеличивается почти въ 7 разъ при Вольтерѣ. Мало того, онъ заботится ослабить по возможности податное бремя, ходатайствуетъ предъ правительствомъ о постройкѣ дорогъ, объ улучшеніи почты, словомъ, по справедливому замѣчанію Косси, это одинъ изъ предшественниковъ тѣхъ буржуа 20—40 годовъ XIX вѣка, которые руководились девизомъ «обогащайтесь»!

При всемъ этомъ онъ не забываетъ и своей выгоды. Добившись изъятія области Же (въ которой лежало мѣстечко Ферней) изъ-подъ власти откупщиковъ соляной подати, Вольтеръ не прочь ссудить деньги за умѣренный процентъ жителямъ области для уплаты вознагражденія откупщикамъ. Тѣмъ съ большимъ негодованіемъ выводитъ наружу корыстные планы мѣстнаго субдегата, который предлагалъ чрезъ подставныхъ лицъ уплатить это вознагражденіе, въ случаѣ если ему предоставятъ монопольную торговлю солью.

Но всего любопытнѣе роль церковнаго ктитора, принятая на себя Фернейскимъ помѣщикомъ.

Авторъ «Философскаго Словаря», деистъ и врагъ духовенства, строить на свой счетъ церковь. Правда, хитрый старикъ преслѣдо-

валь и здѣсь свои цѣли: старая церковь закрывала видъ изъ замка; хотѣлось ему перенести и кладбище, которое находилось по сосѣдству.

Благочестивые люди встревожились. Вольтеръ тогда поспѣшилъ опереться на рѣшеніе деревенскаго схода. Но вскорѣ противъ него выступаетъ грубый, «дерзкій» кюрэ сосѣдней деревушки. Онъ сумѣлъ вооружить противъ Вольтера всѣхъ окрестныхъ священниковъ, и даже его сосѣда, буржуа собственника. Начались жалобы на нарушеніе покоя мертвыхъ.

Въ благочестивомъ ктиторѣ и созидателѣ храма вдругъ проснулся старый скептикъ, авторъ «Бѣлаго быка», онъ пресерьезно увѣрялъ, что мнимыя кости умершихъ ни что иное, какъ двѣ бараньихъ котлетки, подзуживалъ молодого сосѣда проучить дерзкаго священника. Начинается тяжба, въ которой Вольтеръ выказываетъ себя искуснымъ кляузнымъ дѣломъ мастеромъ. Онъ предъявляетъ жалобу на пропажи и убытки, связанные съ пріостановкой постройки. Жалуется и епископъ, и отъ свсего имени, и отъ имени своей племянницы, которая жила при немъ неотлучно. Тяжба обрастаетъ мѣстными деревенскими сплетнями, которымъ острый и несдержанный языкъ Вольтера давалъ обильный матеріалъ. Нѣкая швея доноситъ, что Вольтеръ обозвалъ «висѣлицей» деревянный крестъ, маскировавшій порталъ старой церкви. Тотчасъ духовныя власти приводятъ въ дѣйствіе весь тяжелый аппаратъ слѣдственнаго процесса стараго времени, лаская себя надеждой добиться висѣлицы для дерзкаго вольнодумца. Вольтеръ не теряется, подаетъ контръ-жалобу, оспариваетъ полномочія благочиннаго, опорочиваетъ свидѣтелей. Но, чувствуя затруднительность свсего положенія, онъ рѣшается обратиться къ самому папѣ черезъ кардинала Пассіонеи. Онъ пишетъ послѣднему почтительно-льстивсе письмо, излагая свсе дѣло и увѣряя въ своей преданности интересамъ церкви. Разсыпаясь въ любезностяхъ передъ кардиналомъ, Вольтеръ ходатайствуетъ о великой милости: просить какой-либо реликвіи, обѣщая за это превознести до небесъ. Старый кощунникъ прорывается въ льстивомъ просителѣ: «одного пальца, одного егоса мнѣ достаточно»—пишетъ онъ кардиналу. Папа Климентъ XIV благосклонно внялъ просьбѣ Фернейскаго помѣщика и прислалъ для его церкви частицу чаши св. Франсиска. Но процессъ продолжалъ тянуться и лишь съ большимъ трудомъ былъ прекращенъ стараніями друзей Вольтера.

А. Васютинскій.

Изъ писемъ баронессы Штурмфедеръ объ австрійской революціи 1848 г.

Въ первомъ номерѣ «Oesterreichische Rundschau» за 1914 г. помѣщены письма баронессы Штурмфедеръ, касающіяся событій 1848 г., адресованныя къ ея сестрѣ баронессѣ фонъ-Дальбергъ. Баронесса Штурмфедеръ была мамкою эрцгерцога Франца-Иосифа (поднѣ императора-Франца Иосифа I, царствующаго въ Австро-Венгріи и нынѣ). Она жила постоянно при австрійскомъ дворѣ и послѣ того, какъ кончились ея обязанности мамки, и дѣлила съ императорской семьей всѣ ея невзгоды въ этотъ бурный годъ. Помѣщенная въ «О. Р.» часть писемъ касается одного изъ наиболѣе драматическихъ моментовъ «безумнаго года» — отъѣзда императорской семьи изъ Вѣны въ Тироль 17 мая и первыхъ мѣсяцевъ ея пребыванія на новомъ мѣстѣ жительства. Какъ извѣстно, 14 мая въ Вѣнѣ былъ опубликованъ приказъ о роспускѣ центральнаго комитета національной гвардіи, который былъ въ то время организованнымъ центромъ всѣхъ радикальныхъ и пролетарскихъ круговъ Вѣны. Этотъ приказъ вызвалъ огромное волненіе. Толпы рабочихъ и студентовъ, а также и національная гвардія направились ко дворцу, требуя отмѣны приказа, и правительство, которое не располагало войсками, принуждено было взять приказъ обратно и обѣщало 15 мая созвать учредительное собраніе, избранное на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Но реакціонныя сферы рѣшили не уступать; придворная камарилья увезла императора Фердинанда изъ Вѣны въ Инсбрукъ, надѣясь, что тамъ, вдали отъ столицы, среди клерикально и консервативно настроеннаго мѣстнаго общества, онъ станетъ вести болѣе рѣшительную борьбу съ революціей, при чемъ довольно ясно было дано понять, что императоръ вернется обратно въ свою столицу только въ томъ случаѣ, если населеніе Вѣны успокоится и согласится на отмѣну тѣхъ обѣщаній, которыя правительство дало 15 мая. Письма баронессы Штурмфедеръ, написанныя крайне наивно въ тонѣ преданнаго слуги, искренне потрясеннаго внезапно обрушившимися на императорскій домъ несчастіями, даютъ интересные бытовые штрихи къ характеристикѣ той растерянности и того бѣдственнаго положенія, въ которомъ оказался на первыхъ порахъ дворъ въ Инсбрукѣ. Придворная корреспондентка ярко описываетъ лишенія императорской семьи, выѣхавшей «такъ неподготовленно», оказавшейся въ пути «безъ всякихъ удобствъ и защиты противъ непогоды и ночного вѣтра», и видитъ въ благополучномъ окончаніи путешествія ничто иное, какъ руководство самого Господа Бога. Императоръ выѣхалъ

не только безъ всякаго багажа, но даже безъ плаща, безъ носовыхъ платковъ и смѣны бѣлья, такъ что все это ему доставили отчасти по пути, отчасти въ самомъ Инсбрукѣ. Въ первые мѣсяцы императорская семья терпѣла и очень большую нужду въ деньгахъ, и баронесса, которая сама имѣла въ тѣ дни довольно скудныхъ получки, отправляла небольшія суммы (около 200 флориновъ) изъ Зальцбурга, гдѣ она остановилась съ императрицей, въ Инсбрукъ, съ просьбой употребить ихъ для дѣтей, т.-е. для эрцгерцоговъ. У императрицы въ Зальцбургѣ не было ни кухонной посуды, ни собственнаго повара, и за этими удобствами она принуждена была обращаться къ жившему въ Зальцбургѣ кардиналу. «Повозки (съ багажомъ) не выпустили изъ города (т.-е. изъ Вѣны). Небо знаетъ, какъ это случилось. Также и въ Инсбрукѣ у нихъ еще ничего нѣтъ, кромѣ крайне необходимаго или даннаго въ долгъ», простодушно пишетъ баронесса. Она приводитъ сестрѣ выдержку изъ одного письма къ ней эрцгерцога Карла-Людвига, содержащую ту же жалобу на нужду: «ты вполнѣ права, говоря, что мы путешествовали безъ всякихъ удобствъ. У меня не было ничего со мной; вѣдь я долженъ былъ уѣзжать только съ тѣмъ, что было на мнѣ». Настроеніе въ придворныхъ кругахъ, вѣрнымъ отраженіемъ котораго являются письма баронессы, было тогда довольно нерѣшительное; никто не зналъ, сколько времени придется пробыть вдали отъ столицы и что вообще случится далѣе. «Мы, вѣроятно, пробудемъ здѣсь всю зиму,—пишетъ баронесса,—но все идетъ ото дня ко дню и то, что еще сегодня считали хорошимъ, завтра уже окажется непримѣнимымъ».

Интересна та картина настроенія тирольскаго и отчасти вообще нѣмецкаго общества, которая рисовалась баронессѣ Штурмфедеръ. Она выѣхала изъ Вѣны немедленно вслѣдъ за императорской семьей. Уже съ первыхъ станцій, говоритъ баронесса, ея экипажъ окружили мѣстные жители, которые «со слезами на глазахъ и въ трогательныхъ выраженіяхъ рассказывали ей о путешественикахъ (т.-е. объ императорской семьѣ) и выражали любовь и преданность дому императорскому и негодованіе по поводу происшествій въ Вѣнѣ». Вотъ ея рассказъ о прибытіи императора въ Инсбрукъ: «Моя императрица только что видала одного пастора изъ Циллертала... Онъ рассказывалъ о принятіи императора въ Инсбрукъ, а я стояла тутъ же и рыдала, но отъ радости... Когда пришло извѣстіе о прибытіи императора въ 11½ часовъ въ Инсбрукъ, многіе уже находились въ замкѣ и были разбужены крикомъ: «Свѣта сюда, императоръ ѣдетъ»; когда же императоръ прибылъ четвертью часами позднѣе, весь городъ былъ освѣщенъ и все потянулось ему навстрѣчу съ факелами». А вотъ рассказъ эрцгерцога Карла

Людвига о путешествіи императорской семьи, выдержку изъ письма котораго приводитъ баронесса: «Со второй станціи мы получали все большія и большія доказательства привязанности и любви, а когда мы переѣхали черезъ тирольскую границу наше путешествие стало истиннымъ триумфомъ». Съ восторгомъ рассказываетъ баронесса о той продѣлкѣ, которую сыграли тирольцы съ депутаціей изъ Вѣны, отправлявшейся въ Инсбрукъ: «прелестно, что случилось съ первой вѣнской депутаціей на первой станціи въ Тиролѣ: сначала ей наговорили всякихъ грубостей, а затѣмъ повернули ихъ (членовъ депутаціи) экипажи назадъ, такъ что они снова отправились бы въ обратный путь въ Вѣну, если бы не замѣтили этого въ послѣдній моментъ, сядя въ экипажи». Въ другомъ мѣстѣ баронесса пишетъ: «всякій, кто приходитъ изъ Инсбрука, восхищенъ тирольцами и тронутъ всѣми доказательствами привязанности и честности, которыя они дали. Одна портниха сдѣлала маленькому Людвигу (эрцгерцогу Людвигу-Виктору) тирольскій костюмъ по собственному побужденію. Онъ одѣлся въ него, и когда вслѣдъ за тѣмъ показался на балконѣ, не было конца ликованіямъ». Съ радостью сообщаетъ баронесса и о патріотическомъ настроеніи въ арміи: «вчера,—пишетъ она,—мнѣ рассказывалъ графъ Аппоньи о Францѣ (эрцгерцогѣ Францѣ-Иосифѣ): какой энтузіазмъ возбуждаетъ онъ въ арміи! Фельдмаршалъ Радецкій долженъ былъ запретить демонстраціи, такъ какъ, всегда, когда онъ появлялся съ нимъ, они оба не могли уже идти далѣе, а ихъ несли».

Всѣ эти рассказы, конечно, надо принимать въ извѣстномъ преломленіи черезъ вѣрноподданническое настроеніе придворной дамы; конечно, въ своей картинѣ общественнаго настроенія баронесса кладетъ слишкомъ густыя краски для характеристики патріотическихъ чувствъ населенія; не подлежитъ сомнѣнію, что въ личное общеніе и въ болѣе или менѣе интимные разговоры ей приходилось вступать только съ тѣми, кто былъ одинаково съ ней настроенъ и въ комъ она надѣялась найти сочувственный откликъ. Но было бы совершенно несправедливо приписывать все то, что сообщаетъ баронесса только ея патріотической фантазіи. Извѣстно впечатлѣніе, которое произвелъ отъѣздъ императора на самыя широкіе круги австрійскаго общества. Не говоря уже о дворянствѣ и духовенствѣ, значительная часть буржуазіи была очень испугана бѣгствомъ двора и раздражена противъ студентовъ и рабочихъ, вызвавшихъ это бѣгство. Для буржуазіи бѣгство императора означало цѣлый рядъ бурныхъ потрясеній, къ которымъ она была совершенно не расположена, которыя должны были подорвать спокойное развитіе торговли и промы-

шленности. Извѣстно, что значительная часть австрійской промышленности питалась заказами двора и аристократіи, связанной всѣмъ своимъ прошлымъ съ дворомъ; извѣстно также, что и фонды на биржѣ сильно упали подѣ вліяніемъ бѣгства императора. Австрійская революція 1848—49 гг., какъ показала ея скорый крахъ, вообще была построена на довольно шаткомъ фундаментѣ, и потому, отбросивъ преувеличенія и отнеся свидѣтельства бар. Штурмфедеръ не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ общественнымъ группамъ, можно признать характеристичность для квалифікаціи и настроенія буржуазіи за ея рассказами о тѣхъ выраженіяхъ негодованія, которыя она слышала по адресу виновниковъ событія 17 мая. Что касается до тирольцевъ, то тамъ среди патріархальныхъ условій крестьянской жизни долгое время сохранялась преданность императору. Тироль—это своего рода австрійская Вандея, это оплотъ консервативныхъ и клерикальных силъ австрійскаго народа. Извѣстно, что на выборахъ въ Учредительный рейхстагъ тирольскіе крестьяне шли на поводу у духовенства и послали консервативно-клерикальныхъ депутатовъ. Поэтому-то письма баронессы Штурмфедеръ, хотя и содержатъ въ себѣ нѣкоторыя преувеличенія, тѣмъ не менѣе являются очень характерными для опредѣленія настроенія тирольцевъ въ «безумный» годъ. Недаромъ, и императоръ нашелъ самымъ удобнымъ укрыться отъ революціоннаго населенія своей столицы въ тихій и послушный Тироль.

Но раскаты вѣнскихъ бурь стали постепенно доходить и до новаго пріюта императорской семьи и нарушали то идиллическое настроеніе, въ которое было погружилась баронесса, вѣроятно, вмѣстѣ съ остальной придворной аристократіей, подѣ вліяніемъ общенія съ преданными тирольцами. Уже 6 іюня баронесса пишетъ: «я боюсь, что это придетъ къ плохому концу; я полна постоянной тревоги за все... Какое страшное время, когда ни на мгновеніе нельзя быть спокойной ни за далекихъ, ни за близкихъ. Бѣдный Карлъ (эрцгерцогъ) чувствуетъ это также, потому что онъ сказалъ: «я не могу тебѣ много писать, потому что я слишкомъ потрясенъ этимъ»... Ежедневно проходятъ здѣсь всякаго рода депутаціи, чтобы побудить императора къ возвращенію, — не просить его, не съ извиненіями за происшедшее, не съ предложеніемъ гарантій на счетъ его будущей безопасности, нѣтъ, только требуя, чтобы не сказать, приказывая и угрожая... Какъ же все это кончится?» — съ тревогой заканчиваетъ это свое письмо баронесса.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя «это» кончилось кровавымъ подавленіемъ вѣнской революціи; добродушный императоръ Фер-

динандъ принужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего племянника Франца-Иосифа I, воспитанника баронессы, и онъ, не связанный конституціонными обѣщаніями своего предшественника, могъ приняться съ большей рѣшительностью за ликвидацію демократическихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ революціонное время. Но миръ уже не вернулся въ потрясенную душу наивной, но своеобразно искренней баронессы. Вѣнское возстаніе, революція въ Венгріи и другія кровавыя событія того времени оставили неизгладимый слѣдъ въ ея душѣ. Она утратила вѣру въ лойяльность австрійскаго народа. И это было тяжелымъ ударомъ для ея легитимнаго сердца. Ея письмо къ сестрѣ отъ 26 дек. 1848 г. проникнуто самымъ мрачнымъ пессимизмомъ. Она вспоминаетъ то время (вѣроятно, незадолго до революціи), когда вмѣстѣ съ сестрой проводила тихій вечеръ за музыкальными упражненіями. «То было также печальное время, пишетъ она, но тогда можно еще было найти благородное и доброе и истинную любовь къ отечеству; теперь не увидишь ничего подобнаго. Все это пошло прахомъ (*st zu Grabe gegangen*)...» Нѣсколькими строками ниже она съ горечью говоритъ о счастливомъ прошломъ, «когда считалось невозможнымъ въ этой странѣ думать о возстаніи. Теперь же,— пишетъ она,— всѣ также далеки отъ того, чтобы снова повѣрить въ покорность»... Доживавшая свой вѣкъ въ феодальномъ настроеніи вѣрнаго слуги и преданнаго товарища въ несчастіи баронесса не могла не замѣтить, что, несмотря на временное торжество правительства, черезъ милую ей старину уже прошла трещина и что возродить прежнія патріархальныя чувства въ народѣ теперь уже никому не подъ силу.

В. Перцевъ.

О погибшихъ произведеніяхъ Гаршина.

(Письмо въ редакцію).

Въ № 7 «Голоса Минувшаго» за 1913 г., въ письмѣ въ редакцію Л. О. Пантелѣва («Дополненіе къ статьѣ «Новое о Гаршинѣ») имѣется слѣдующее замѣчаніе по моему адресу: «Къ свѣдѣнію г. Дурылина, по наведеннымъ справкамъ у вдовы, Н. М. Гаршиной, оказывается, что ей рѣшительно неизвѣстно, чтобы Гаршинъ въ болѣзненномъ состояніи уничтожилъ какія-нибудь свои рукописи». Это замѣчаніе вызвано моей статьей «Погибшія произведенія Гаршина», помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 70) и въ значительной части цитованной въ «Голосѣ Минувшаго» (№ 5, статья Н. Л. Бродскаго «Новое о Гаршинѣ»), и, глав-

нымъ образомъ, моею фразой: «Въ одинъ изъ острыхъ приступовъ болѣзни онъ сжегъ рассказъ (рассказъ съ фантастическимъ сюжетомъ, написанный въ 1887 г.)».

Какъ человѣку, въ теченіе 8 лѣтъ работающему надъ біографіей Гаршина, мнѣ дорого и важно выяснить справедливость замѣчанія Л. О. Пантелѣева, опирающагося на справку у Н. М. Гаршиной. Близкій другъ Гаршина, недавно скончавшійся, В. А. Фаусекъ въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ «Памяти В. М. Гаршина» (Сборникъ «Памяти Гаршина» Спб. 1889), на стр 116—118, подробно передаетъ содержаніе упомянутаго рассказа со словъ самого Вс. М-ча, съ выпиской изъ его письма, гдѣ упоминается о рассказѣ,—и заключаетъ свой пересказъ слѣдующими словами: «Вообще, это была вещь въ высшей степени оригинальная. Онъ (В. М. Гаршинъ) написалъ ее въ іюнѣ, кажется, всего въ нѣсколько дней, а *когда заболѣлъ, то сжегъ рукопись, и теперь, рассказывая мнѣ, глубоко сожалѣлъ объ этомъ*, и говорилъ, что не сможетъ ужъ вновь написать позднѣе, «когда поправится». Этотъ рассказъ Фаусека не былъ никогда опровергнутъ ни Н. М.-вной, ни Е. М. Гаршинами, и вообще освѣдомленность и точность всѣхъ показаній Фаусека стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній, такъ какъ покойный Фаусекъ былъ одинъ изъ ближайшихъ людей Вс. М-ча и писалъ свои воспоминанія тотчасъ послѣ смерти Гаршина (Гаршинъ умеръ 2-го марта 1888 г., цензурное разрѣшеніе сборника «Памяти Гаршина» помѣчено 29 ноября того же года). Основываясь на этомъ рассказѣ Фаусека, я имѣлъ и имѣю полное основаніе утверждать, что В. М-чъ «въ одинъ изъ острыхъ приступовъ болѣзни сжегъ рассказъ».

О судьбѣ романа «Петръ I» я пишу только: «мы не знаемъ, что случилось съ «Петромъ»; но безразлично, истребилъ ли его Гаршинъ, или отрывки сохранились въ его бумагахъ у Н. М. Гаршиной,—мы никогда не прочтемъ ихъ: по волѣ Гаршина, всѣ его бумаги, хранящіяся у его жены, должны быть ею сожжены и обнародованію ни въ какомъ случаѣ не подлежать». Основаніе для такого утвержденія я получилъ въ письмѣ ко мнѣ Н. М. Гаршиной (отъ 3 марта 1910 г., изъ Смоленска), въ которомъ читаемъ «Вс. М-чъ ясно и рѣшительно выражалъ свою волю, чтобы ни письма его, *ни черновики, ни* ²⁾ *замѣтки никогда не появлялись въ печати...* Для меня воля покойнаго священна;.. Я исполняю лишь то, что завѣщалъ мнѣ исполнить мой покойный мужъ. Раздѣляя *вполнѣ его взглядъ относительно неприкосновенности*

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Курсивъ мой, здѣсь и дальше.

непредназначенныхъ имъ для печати рукописей, я держусь того же взгляда и относительно личныхъ воспоминаній».

Наконецъ, о третьемъ изъ разсматриваемыхъ мною «погибшихъ произведеній Гаршина», о сказкѣ про фіалку, я говорю лишь *предположительно и условно*: «сохранились свѣдѣнія объ одной сказкѣ, которую Гаршинъ хотѣлъ написать, но или не написалъ вовсе, или уничтожилъ написанное».

Изъ осторожности въ своей статьѣ я не упомянулъ вовсе о произведеніи Гаршина, которое, *возможно*, было имъ истреблено во время болѣзни 1880 г.—о «Людахъ и войнѣ». Однако, о немъ самъ Гаршинъ пишетъ: «написано у меня (вполнѣ) ихъ [печатныхъ листовъ. С. Д.] уже 6—7, а заготовлено на клочкахъ всего съ написаннымъ до 15» (Сб. «Памяти Г-на», стр. 35), а первый біографъ Гаршина, Я. В. Абрамовъ, дѣлаетъ къ этому примѣчаніе, опять-таки ничѣмъ не опровергнутое: «Къ сожалѣнію, во время дальнѣйшаго безумія В. М. все, написанное имъ, погибло безслѣдно». Я не считалъ возможнымъ включить «Люди и война» въ число *погибшихъ* произведеній именно потому, что, вопреки прямому свидѣтельству самого Гаршина, склоненъ раздѣлять предположеніе Абрамова: «можетъ быть, впрочемъ, сообщенія В. М. о написанномъ имъ были просто продуктомъ большой фантазіи».

На основаніи всего изложеннаго, думаю, что имѣлъ и имѣю полное основаніе, вопреки замѣчанію Л. О. Пантелѣева: 1) одно произведеніе Гаршина—фантастическій рассказъ—считать сожженнымъ имъ, 2) другое—«Петръ»—или истребленнымъ, или подлежащимъ истребленію и 3) о третьемъ—сказкѣ о фіалкѣ—дѣлать предположенія, лишь одно изъ которыхъ указываетъ на *возможность* истребленія сказки Гаршинымъ.

С. Дурьлинъ.

Статьи въ текущихъ журналахъ.

(Январь и Февраль).

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вересаевъ, В. Аполлонъ и Діонисъ (о Нишсе). «Рожденіе Трагедіи» («С о в р. М. № 2). Левинсонъ, А. «Опасныя связи» и ихъ авторъ Шодерло де Лакло («Р у с. М.» № 2). Францевъ, В. А. Къ біографіи чешскаго славянофила Яна Е. Пуркини («Р у с. Ф и л. В.» № 1). Колбъ, Ек. Викторія—гер-

манская императрица, прусская королева («В. Е в р.» № 3). Е. Панинъ Драма вѣчности въ творествѣ П. Клоделя («Е ж е г. И м п. Т.» № 2). Ященко, А. Теорія федерализма («У ч. З а п. Ю р. У - т а» № 1).

II. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Жуковичъ, П. Н. Управление и судъ въ Зап. Россіи въ царств. Екат. II (Ж. М и н. Н а р. П р.

№ 2). **Тихомировъ, И. А.** О трудахъ М. В. Ломоносова по полит. экономіи («Ж. Мин. Нар. Пр.» № 2). **Міяковский, В. В.** «Пѣснь историческая» А. Н. Радищева и «Considerations» Монтескье («Ж. Мин. Нар. Пр.» № 2). **Высоцкій, Н. Г.** Новые мат. изъ раннѣйш. исторіи духобор. секты («Р. Арх.» № 1). **Записки ген. Каховскаго** о походѣ во Францію въ 1814 г. Сообщ. Б. В. Каховскій («Рус. Ст.» № 2). **В. Богучарскій.** Провокаторъ двадцатыхъ годовъ XIX в. (Кіевъ. М. № 38). **Д. Коноваловъ.** Религіозныя движенія въ Россіи. В. Радаевъ (Ежем. Журн. № 2). **Котляревскій, Н.** Очерки изъ исторіи обществ. настроенія шестидесяти годовъ. Женскій вопр. въ его первой постан. («В. Евр.» № 2). **Дневникъ миров. посредн. А. А. Половцова.** Сообщ. А. А. Половцова («Рус. Ст.» № 2). **Стекловъ, Ю.** Соц.-полит. возрѣнія Бакунина. («Совр. М.» № 2). **Ковалевскій, М.** «За рубежомъ» (Изъ переп. рус. дѣят. за границей: Герцена, Лаврова и Тургенева) («В. Евр.» № 3). **В. Николаевъ.** Поиски Г. А. Лопатина въ Якутской области. («Сиб. Жизнь» № 33). **Н. А. Морозовъ.** Воспоминанія (Ежем. Журн. № 2). **Изъ писемъ К. Д. Кавелина** къ Н. А. Блокъ («Рус. М.» № 2). **Геккеръ, Н. Н. К.** Михайловскій въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ его современниковъ («Сѣв. Зап.» № 1). **Гизетти, А.** О міросозерцаніи Вл. Соловьева («Зав.» № 2). **Письма Властителей Сербіи** къ М. Г. Черняеву съ пред. А. М. Черняевой («Рус. Арх.» № 1). **Дневникъ ак. В. П. Безобразова.** Сообщ. М. В. Безобразова («Рус. Ст.» № 2). **В. Скороходовъ.** У Энгельгардта и въ Буковой общинѣ (Ежем. Журн. № 2). **Львовъ, Л.** Семь лѣтъ пазадъ. Покушеніе на гр. Витте и др. («Рус. М.» № 2). **Мякотинъ, В.** Памяти Д. А. Клеменна («Рус. Бог.» № 2). **Столѣтіе Имп. Публичн. Библіотекъ** («Рус. Библиоф.» № 1).

III. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Гудзій, Н. К. Литература «Слова о полку Игоревѣ» за послѣдн. двадцатилѣтіе (1894—1913) («Ж. Мин. Нар. Пр.» № 2). №. Проектъ издація Энциклопедіи Адансономъ

1772 г. («Рус. Библиоф.» № 1). **Семенниковъ, В. П.** Русскіе сатир. журналы 1769—1774 г.г. («Рус. Библиоф.» прилож. № 1). **Браиловскій, С. Н.** Къ вопр. о Пушкинск. плеядѣ. Арк. Гав. Родзянко («Рус. Фил. В.» № 1). **Лернеръ, Н.** Пушкинъ и футуризмъ («Сѣв. Зап.» № 1). **Соколовъ, В. П.** Боевые журналы бурной эпохи 1858—1861 г.г. («Рус. Библиоф.» № 1). **Крукоскій, А. В.** Писатель разночинецъ (Къ 50-лѣтію смерти Помяловскаго). («Рус. Фил. В.» № 1). **Письма И. А. Гончарова** къ А. В. Никитенку полъ ред. и съ прим. В. Яковлева («Рус. Ст.» № 2). **Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого** съ П. И. Бартеневымъ (о «Войнѣ и Мирѣ») («Р. Арх.» № 1). **В. Кранихфельдъ.** Новая пьеса Шедрина. («Кіев. Мысль» № 55). **Письмо М. Е. Салтыкова** къ А. Я. Герду («Рус. М.» № 2). **Алексѣевъ, В. А.** А. Н. Майковъ (Изъ дневника) («Ист. В.» № 2). **Лукьяновъ, С. М.** «Ангель смерти» гр. А. А. Голенищева-Кутузова. («Ж. Мин. Нар. Пр.» № 2). **Ө. Эрнъ.** Дѣти и школа въ произведеніяхъ Короленко («Вѣстн. В.» № 2).

IV. Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Богдановичъ, М. А. Краса и сила (Опытъ изслѣд. стиха Т. Шевченко) («Укр. Ж.» № 2). **Грушевскій, А. С.** Литерат. планы и надежды Кирилло-Меѳод. братства («Укр. Ж.» № 2). **Данько, М.** Націон. моментъ въ произв. Шевченко («Укр. Ж.» № 2). **Ефремовъ, С. А.** Шевченко въ своемъ дневникѣ («Укр. Ж.» № 2). **Зайцевъ, П.** Первая любовь Шевченко (Къ посвящ. ей неизд. стих. поэта) («В. Евр.» № 2). **Зайцевъ, П. И.** Новое о Шевченкѣ («Рус. Библиоф.» № 1). **Матушевскій, Ф. П.** Т. Г. Шевченко (Жизненный путь) («Укр. Ж.» № 2). **Матушевскій, Ф. П.** Шевченко въ историч. обстановкѣ («Укр. Ж.» № 2). **Мельниковъ, Л.** Шевченко и Гоголь («Укр. Ж.» № 2). **Пичета, В. И.** «Неволя» въ творчествѣ Т. Г. Шевченка («Укр. Ж.» № 2). **Славинскій, М. А.** Шевченко и Библия («Укр. Ж.» № 2). **Сумцовъ, Н. Ф., проф.** Любимыя народн. пѣсни Шевченка («Укр. Ж.» № 2). **Шероцкій, К.** Гравюры Т. Шевченка («Укр. Ж.»

№ 2). **Шероцкій, К. В.** Шевченко-художникъ («Р у с. Б и б л і о ф.» № 1).

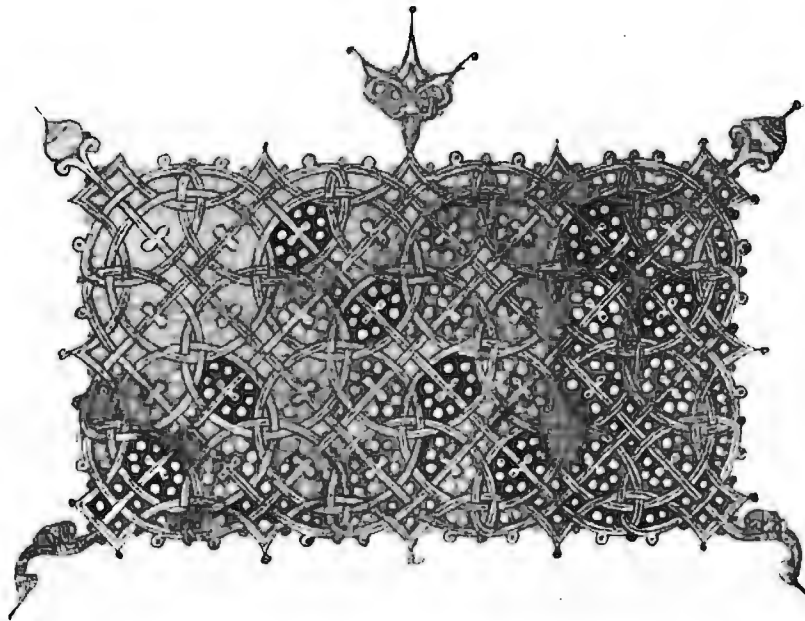
V. ТЕАТРЪ.

Линниченко, И. А. Нѣмецкій актеръ о Россіи XVIII в. («Е ж е г. Им п. Т е а т р.» № 1). **Чаевъ, Н. А.** М. С. Щепкинъ въ моихъ воспоминаніяхъ («Е ж е г. Им п. Т е а т р.» № 1). **Н. С. Васильевъ.** Отрывокъ изъ воспоминаній о В. П. Далматовѣ («Е ж. Им п. Т.» № 2). №. Матеріалы къ біографіи В. П. Далматова («Е ж е г. Им п. Т.» № 2). **П. Гнѣдичъ.** О В. П. Далматовѣ («Е ж. Им п. Т.» № 2). **Н. В. Дрозенъ.** В. И. Далматовъ въ

нѣкоторыхъ роляхъ своего репертуара. («Ежег. Им п. Т. № 2). туара («Е ж е г. Им п. Т.» № 2).

VI. ИСКУССТВО.

Яремичъ, С. Миниатюры зап.-европ. рукописей XIII—XVI ст. («С т. Г о д ы» № 1). **Эрнстъ, С. А. П.** Лосенко («С т. Г о д ы» № 1). **Яремичъ, С.** Миниатюры зап.-европ. рукописей XIII—XVI стол. (къ юбилею Им п. Публ. Библ.) («С т. Г о д ы» № 1); **Врангель, Н. бар.** Объ испанскихъ картинахъ Эрмитажа («С т. Г о д ы» № 1). **Пунинъ, Н. В. А.** Сѣровъ («С ѣ в. З а п.» № 1).

Критика и библиографія.

Евграфъ Сидоренко. Итальянскіе угольщики въ началѣ XIX в. (Опытъ историческаго изслѣдованія). С.-Петербургъ, 1913.

Книга г. Сидоренка основательно рассчитана на тотъ повышенный интересъ къ Италіи, который, судя по многочисленнымъ признакамъ, проявляетъ въ послѣднее время русская читающая публика. У русскаго читателя, къ тому же должны найтись еще и особенныя, исключительныя основанія для сугубаго интереса къ книгѣ, трактующей о карбонарскомъ движеніи. Весьма вѣроятно, поэтому, что книга эта встрѣтитъ хорошій спросъ и что не малое количество русскихъ людей поспѣшитъ запасться ею. Тѣмъ большей похвалы заслуживаютъ та искренность и откровенность, съ которыми авторъ спѣшитъ въ первой же строкѣ своего предисловія предупредить читателя, что «предлагаемая работа не есть историческій трудъ». Возникаетъ только нѣсколько щекотливый вопросъ: не слишкомъ ли поздно проявилъ авторъ свою искренность, предупреждая читателя, послѣ того, какъ тотъ истратилъ уже 2 рубля на покупку книги? Не правильнѣе ли было бы не вводить никого въ заблужденіе и не ставить на заглавномъ листѣ заманчивой вывѣски: «опытъ историческаго изслѣдованія»?.. Впрочемъ, виноватъ ли г. Сидоренко въ томъ, что время для историческаго труда о карбонаріяхъ еще не пріспѣло, такъ какъ, «заинтересовавшись карбонаризмомъ», онъ убѣдился, что «при бѣдности литературныхъ данныхъ детальное изученіе вопроса безъ разработки архивныхъ матеріаловъ абсолютно невозможно»; но ему «казалось цѣлесообразнымъ, до окончанія розысковъ архивныхъ и сведенія накопленнаго матеріала, вмѣстѣ съ данными, имѣющимися въ литературѣ, въ научное изслѣдованіе карбона-

ризма — опубликовать тѣ соображенія, къ которымъ привело первоначальное изученіе печатныхъ источниковъ». Ясно, что «опытъ историческаго изслѣдованія» и притомъ «научнаго» намъ г. Сидоренко со временемъ все-таки дастъ, пока же русскій читатель можетъ удовлетвориться и «соображеніями» г. Сидоренка, ибо въ дѣйствительности и таковыя могутъ представить извѣстный интересъ, если въ ихъ основаніи лежитъ добросовѣстное изученіе «печатныхъ источниковъ»... А въ этомъ отношеніи дата предисловія: «1913 годъ. *Неаполь*» — обѣщаетъ читателю чрезвычайно много, такъ какъ свидѣтельствуешь, что авторъ книгу свою написалъ *на мѣстѣ* тамъ, гдѣ только и можно и должно было ее написать. Въ самомъ дѣлѣ, если мы дадимъ себѣ трудъ заглянуть въ библиографію итальянскаго ризоржименто, приложенную къ книгѣ Pietro Orsi (*L'Italia modezna storia degli ultimi 150 anni*. 3 ed. Milano, 1910), то мы найдемъ тутъ не менѣе четырехъ десятковъ названій тѣхъ итальянскихъ «печатныхъ источниковъ», безъ знакомства съ большинствомъ которыхъ ни одинъ мало-мальски добросовѣстный изслѣдователь не приступилъ бы къ темѣ, трактуемой г. Сидоренкомъ. А между тѣмъ Орси приводитъ въ своемъ списокѣ только «труды наиболѣе извѣстные и распространенные въ Италіи». Если же мы пополнимъ его списокъ трудами, имъ пропущенными, или позже появившимися, то количество названій превыситъ шесть десятковъ, при чемъ не только количественно, но и качественно итальянская литература вопроса окажется необычайно богатой. Тутъ прежде всего обширная мемуарная литература, высокая цѣнность которой гарантируется именами Гульельмо Пепе, Монтанелли, Мадзини, Гарибальди и многихъ другихъ видныхъ и крупныхъ дѣятелей эпохи карбонарскаго движенія. Тутъ такіе дающіе обширный матеріалъ объ этомъ движеніи историки той же эпохи, какъ Пьетро Коллета, Анелли, Ботта, Канту, Франкетти, Мартини Поджи, Тиварони и др. Тутъ рядъ капитальныхъ работъ о тайныхъ обществахъ-карбонаріяхъ въ томъ числѣ такія, какъ восьми-томное «*Mondo Segreto*» Джіованни де-Кастро, или новѣйшія въ послѣднее десятилѣтіе появившіяся изслѣдованія Дель-Черро, Александро Луціо, Ореста Дитто и Джіованни Спадони, использовавшихъ огромный и цѣнный архивный матеріалъ. Тутъ такія капитальныя работы уже спеціально о карбонаріяхъ и карбонаризмѣ, какъ книга д'Анконы, какъ книга Луціо, восполняющая работу д'Анконы новыми документами, какъ работы Греко, Лабате, Козы, Ваннуччи, о карбонарскомъ движеніи въ отдѣльныхъ итальянскихъ областяхъ. Тутъ изданія цѣнныхъ архивныхъ матеріаловъ, какъ сборникъ секретныхъ бумагъ австрійской полиціи; какъ изданныя Маркотти секретныя бумаги тосканской полиціи; какъ составленное Танци описаніе государственнаго архива въ Лечче и т. д. Тутъ, наконецъ, подлинныя въ свое время изданные карбонарскіе статуты, регламенты, катехизисы, безъ знакомства съ которыми приступать къ «историческому изслѣдованію» невозможно. Не подлежитъ сомнѣнію, что и «соображенія» автора имѣли бы извѣстную цѣнность, если бы матеріалъ для нихъ онъ дѣйствительно черпалъ изъ той богатѣйшей сокровищницы, которую представляетъ въ данномъ случаѣ итальян-

ская литература вопроса. Но книга г. Сидоренка безспорное документальное доказательство, что *о существованіи этой литературы онъ даже не подозреваетъ*. И дата «Неаполь» является, по существу такой же ложной вывѣской, какъ и «опытъ историческаго изслѣдованія»... Понятна поэтому та смѣлость, съ которой г. Сидоренко заявляетъ о «бѣдности литературныхъ данныхъ» и утверждаетъ, что союзъ карбонаріевъ—«организациа совершенно почти не изученная» и стоящая «среди безчисленныхъ тайныхъ обществъ, совершенно особнякомъ» (стр. 5). Однако, какой-нибудь литературой да пользовался же г. Сидоренко? Чаше всего онъ ссылается на Сэнтъ-Эдма, затѣмъ цитируетъ Витта, Коллету, Жана Рейнара Duvergier de Haurenn'a, Луи-Блана. Ссылаясь на книжку Сэнтъ Эдма (Constitution et organisation des Carbonaris), авторъ указываетъ изданіе 1882 г., но это, очевидно, опечатка, такъ какъ книга эта существуетъ только въ двухъ изданіяхъ — 1821 и 1822 гг. На этой-то устарѣвшей книжкѣ нашъ авторъ собственно и строитъ все свое изданіе. Изъ нея онъ беретъ весь необходимый ему сырой матеріалъ въ видѣ текста статей карбонарскаго устава. Если бы нашъ ученый авторъ зналъ что-нибудь, кромѣ, повидимому, случайно попавшейся ему въ руки книжки Сэнтъ-Эдма, то онъ зналъ бы также и то, что карбонарія, по мѣткому замѣчанію Кардуччи, подобно хамелеону, мѣняющему свои цвѣта въ зависимости отъ обстановки, мѣняла и представляемые ею интересы и организациа въ зависимости отъ условій каждой области и характера мѣстнаго населенія,—зналъ бы, что французскій переводъ устава, приводимый Сэнтъ-Эдмомъ, имѣетъ часто мало общаго съ уставами, на самомъ дѣлѣ дѣйствовавшими въ Италіи, и потому, съ точки зрѣнія научной, представляетъ собою матеріалъ мало пригодный для сколько-нибудь прочныхъ заключеній и широкихъ обобщеній. Но г. Сидоренко беретъ у французскаго автора не только сырой матеріалъ, какъ онъ въ томъ старается убѣдить читателя своими ссылками: онъ беретъ у Сэнтъ-Эдма, но уже, конечно, безъ всякихъ ссылокъ, и большую часть вводнаго историческаго очерка. Естественно, что если бы г. Сидоренко зналъ подлинную карбонарскую легенду о св. Теобалдѣ, какъ она изложена въ общепризнанномъ карбонарскомъ катехизисѣ (кстати, какъ разъ *неаполитанскаго* изданія 1820 года), то онъ не повторилъ бы ошибочнаго изложенія ея Сэнтъ-Эдмомъ. Но у послѣдняго, кромѣ того, есть такія соблазнительныя цитаты!.. На стр. 9 своей книги Сэнтъ-Эдмъ ссылается на свидѣтельство аббата Richard'a и эта ссылка перекочевываетъ въ книгу г. Сидоренка. На стр. 21 Сэнтъ-Эдмъ цитируетъ «генерала Коллету», предательски не называя его труда, и «генералъ Коллета» вмѣстѣ съ цитатой переселяется къ г. Сидоренкѣ, явно не догадывающемуся, что такимъ образомъ среди его «источниковъ» оказался, наконецъ-таки, и одинъ итальянскій историкъ, каковаго качества онъ за «генераломъ», очевидно, не подозреваетъ. Увы!—таково же происхожденіе и всѣхъ другихъ упомянутыхъ выше цитатъ, но только беретъ ихъ нашъ авторъ уже не у Сэнтъ-Эдма. Обѣ версіи исторіи перемѣщенія карбонаризма во Францію—Луи Блана и Витта, — онъ обрѣтаетъ въ историческомъ введеніи къ драмѣ Шарля Нò (Les Carbonari, ou l'Italie

en 1829. Paris, 1887) и переносить ихъ къ себѣ совмѣстно съ цитатой изъ мемуаровъ Витта ¹⁾. Понятно, что въ то же время г. Сидоренко остерегается, хотя бы единымъ словомъ, упомянуть о побывавшей у него въ рукахъ и столь своеобразно использованной книгѣ Но. Историческое предисловіе къ драмѣ въ качествѣ основного пособия для историческаго изслѣдованія,—даже г. Сидоренко понималъ, что лучше читателю объ этомъ не знать. О роли, сыгранной карбонаризмомъ въ эпоху реставраціи, авторъ замѣчаетъ, что она «прекрасно очерчена въ краткихъ словахъ Duvergier de Haurepne въ извѣстной статьѣ его, своевременно появившейся въ Le Temps» и затѣмъ цитируетъ эту статью на... четырехъ страницахъ. Было бы большой жестокостью допытываться у г. Сидоренка, какъ называется эта «извѣстная» статья Дювержье, въ какомъ именно году и въ какомъ именно номерѣ Temps она «своевременно» появилась. Не виноватъ же нашъ авторъ, если въ той французской книжкѣ, изъ которой онъ заимствуетъ свою цитату, просто указано: «Duvergier de Haurepne. Article publié dans le journal le Temps». Со свойственной г-ну Сидоренкѣ скромностью умалчиваетъ онъ также о побывавшей у него въ рукахъ книгѣ Сэнтъ-Албэна (Les Francs-Maçons etes sociétés secrètes par Alex. de Saint-Albin. 2 ed., Paris, 1867). Да и стоило ли упоминать о книгѣ, которая могла быть полезна автору едва ли не единственно указаніемъ на стр. 429, что, по мнѣнію Луи Блана, карбонарія была только «la partie militante de Franc-Maçonerie». Впрочемъ, у г. Сидоренка, въ отличіе отъ Сэнтъ Албэна, къ заключенію, что карбонарія являлась «воинствующей частью масонства» приходитъ же не Луи Бланъ, а «многіе авторы». Понятно, что при научномъ багажѣ, сводящемся почти исключительно къ тремъ-четыремъ плохонькимъ французскимъ книжкамъ, всего менѣе способнымъ дать правильное представленіе о предметѣ, освѣдомленность г. Сидоренка оказывается замѣчательной. Онъ считаетъ несомнѣнной связь карбонаризма съ масонствомъ на томъ основаніи, что «карбонаризмъ *всегда* возникалъ *рядомъ* съ масонствомъ, при чемъ по времени основаніе ложъ предшествовало организаціи вентъ» (стр. 29). Къ такому своеобразному установленію историческаго факта путемъ курьезнаго и наивнаго (post hoc, ergo, propter hoc) умозаключенія, нашему автору не пришлось бы прибѣгнуть, если бы ему была извѣстна наличность безспорныхъ документальныхъ данныхъ, устанавливающихъ: 1) устройство масонами карбонарскихъ организацій, 2) выработку масонами карбонарскихъ уставовъ, 3) предоставленіе масонамъ особыхъ льготъ при приѣмѣ ихъ въ карбонарскія организаціи и возведеніи въ высшія карбонарскія степени...

Съ появленіемъ «опыта историческаго изслѣдованія» г. Сидоренка, «сѣдная» литература о карбонаріяхъ не обогатилась ни на іоту. Обогатился только книжный рынокъ новымъ промышленнымъ изданіемъ объ Италіи, рассчитаннымъ, какъ и большинство прежнихъ, исключительно на незнакомство читателя съ предметомъ и на легкую и безнаказанную возможность сбывать ему всякую вздорную и невѣжественную дребедень.

Гр. Шрейдеръ.

Петръ Струве. Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1913 г.

Новая книга г. Струве — не новинка для читающей публики. Какъ авторъ самъ предупреждаетъ въ предисловіи, онъ собралъ здѣсь свои «работы по исторіи крѣпостного хозяйства, разбросанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и ставшія теперь уже малодоступными». Кое-какія дополненія (на основаніи, отчасти, архивнаго матеріала) имъ сдѣланы, но авторъ оговариваетъ, что эти дополненія вносятъ «лишь мало новаго». И главная работа, давшая заглавіе всей книгѣ («Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.») «опирается всецѣло на собранный» г. Струве «болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, но еще не использованный матеріалъ первоисточниковъ». Точнѣе говоря, не «болѣе 10», а почти 15 лѣтъ, такъ какъ статья возникла въ 1899 г. Приблизительно такого же возраста и приложенные къ этой основной статьѣ мелкіе этюды на ту же или близко родственныя темы («Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ», «Крѣпостная статистика» и др. — всего 5 замѣтокъ и 2 рецензіи).

Какъ ни медленно движется у насъ разработка экономической исторіи Россіи (очень ужъ далекія путешествія приходится предпринимать иногда нашимъ экономистамъ-историкамъ, притомъ не всегда въ прямой связи съ предметомъ ихъ изученія), за 15 лѣтъ все же много воды утекло. И если *фактический матеріалъ*, имѣвшійся въ виду П. Б. Струве (о пробѣлахъ въ этомъ матеріалѣ мы скажемъ немного ниже), дѣйствительно, далеко еще не использованъ вполне, то сдѣланные имъ на основаніи этого матеріала *выводы*—выводы, такъ сказать, предварительные, черновые, наспѣхъ брошенные авторомъ въ его извѣстномъ докладѣ московскому юридическому обществу, но оставшіеся неприкосновенными и въ появившейся теперь книгѣ,—даютъ иногда впечатлѣніе большой дряхлости. Съ первыхъ же страницъ поражаетъ архаичность прежде всего той научной литературы, отъ которой отправляется авторъ, какъ отъ твердо установленнаго, добытаго. «Поскольку у насъ имѣются указанія источниковъ, мы можемъ сказать, что русскіе крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ»,—читаемъ мы на стр. 5. «Ни крестьяне Кіевской Руси, ни крестьяне Московской Руси не были земле-владѣльцами: они обрабатывали чужую, частновладѣльческую или княжескую землю». Въ примѣчаніи оговариваются, какъ исключеніе, новгородскіе «своеземцы»—которые, какъ разъ, крестьянами, въ собственномъ смыслѣ этого слова, едва ли были. Цитируемая дальше весьма древняя (70-хъ годовъ!) книжка Соколовскаго показываетъ, изъ какой эпохи пришла эта мысль къ Струве: смѣемъ его увѣрить, что то, что кажется ему непрерываемымъ историческимъ *фактомъ*, есть просто устарѣвшее литературное *мнѣніе*. Для Кіевской Руси оно, такъ сказать, офиціально оставлено уже наукой: а съ состояньемъ этого вопроса авторъ легко можетъ познакомиться по «Очеркамъ общественнаго и госуд. строя древней Руси» проф. Дьяконова (стр. 95 и сл. 2-го изданія). Для Московской Руси такого «каноническаго» текста мы не могли бы указать. Но, во-первыхъ, наличности вотчиннаго

крестьянского землевладѣнія въ *сѣверной* Россіи, до XVIII в., никто не отрицаетъ, а сѣверъ вообще отлично консервировалъ старые порядки и является настоящимъ рудникомъ аграрныхъ переживаній. А во-вторыхъ, г. Струве ссылается не на литературу, а на *источники*: ему важно не *communia opinio doctorum*, а факты; пусть онъ возьметъ давно изданныя московскія писцовыя книги XVI столѣтія—тамъ онъ найдетъ, сколько угодно, *обломковъ* мелкаго вотчиннаго землевладѣнія и нерѣдко на живыхъ примѣрахъ сможетъ прослѣдить поглощеніе его землевладѣніемъ крупнымъ. На стр. 28, говоря о «совершенно опредѣленной экономической почвѣ» петровской реформы, авторъ такъ опредѣляетъ эту почву: «Государство своей милитарной, административной и фискальной политикой дало сильный толчокъ развитію денежнаго хозяйства, главнѣйшимъ носителемъ котораго являлось оно само». Итакъ, экономическій переворотъ начала XVIII в. создало государство: это очень хорошо «по Милюкову», но, вѣдь, книга Милюкова вышла въ 1891 г., и съ тѣхъ поръ ни кто другой, какъ соратникъ г. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій указалъ «опредѣленную экономическую почву» самаго петровскаго государства: торговый капиталъ былъ той силой, которой это государство служило. Съ тѣхъ поръ это объясненіе сдѣлалось, можно сказать, обиходнымъ, проникло даже въ западно-европейскую литературу о Россіи ¹⁾.

Но все это, скажетъ читатель, не относится непосредственно къ крѣпостному хозяйству. Второй случай, собственно говоря, относится: организациі барщиннаго хозяйства нельзя себѣ представить внѣ связи съ торговымъ капитализмомъ. Это очень обстоятельно развито въ вышедшей еще въ 1908 г. книгѣ П. И. Лященко («Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натурального строя и условія образованія сельскохозяиственнаго рынка», главы II—V),—какъ и многое другое, оставшееся за предѣлами вниманія нашего автора. А затѣмъ, устарѣлость общей исторической концепціи фатальнымъ образомъ должна была отразиться на его взглядахъ по основному вопросу. Почерпнутая г. Струве у русскихъ гегельянцевъ — черезъ посредство г. Милюкова—мысль о томъ, что государство все можетъ, что государству русской исторіи принадлежитъ примать надъ обществомъ, приводитъ автора къ такому конечному выводу его изслѣдованій: «Крѣпостное право, какъ таковое, экономически не созрѣло къ своей отмѣнѣ въ 1861 году» (стр. 154). «Крѣпостное право было отмѣнено вопреки интересамъ помѣщичьяго класса. *Противное мнѣніе я считаю абсолютно не имѣющимъ никакой споры въ фактахъ* и потому не выдерживающимъ критики» (г. Струве подчеркиваетъ *первую* половину послѣдней тирады — *мы вторую*). Это былъ бы выводъ чрезвычайно цѣнный, если бы *объективный анализъ фактовъ* уполномочивалъ къ нему г. Струве. Но,

¹⁾ Назовемъ, хотя бы вышедшую въ прошломъ году книжку Pernet «*Piege le Grand mercantile*» (Paris 1913), не потому, чтобы книжка заслуживала большаго вниманія,—русскому читателю она ничего новаго не дастъ, а какъ доказательство общераспространенности темы.

очевидно, увѣренность въ непреложности гегельянской схемы *предшествовала* у него ознакомленію съ фактами: и тѣхъ, которые вели въ противоположномъ отъ этой схемы направленіи, онъ просто не замѣтилъ. Онъ прекрасно знакомъ съ «анти-барщинной» литературой 40-хъ годовъ (хотя страннымъ образомъ, изъ двухъ главныхъ ея представителей, Кошелева онъ не цитируетъ вовсе, а у Заблоцкаго-Десятовскаго не беретъ главной его работы—знаменитой «Записки», напечатанной въ приложеніяхъ и біографіи Киселева), онъ знаетъ о попыткахъ интенсификаціи помѣщичьяго хозяйства тѣхъ дней (стр. 71 и 75—77), ему извѣстно о колебаніяхъ хлѣбныхъ цѣнъ эпохи (хотя восхитившая его «остроумная» таблица К. Веселовскаго даетъ совершенно невѣрное понятіе о движеніи цѣны во времени: В—ій беретъ за исходную точку 1824 г.; когда цѣны *уже* сильно упали—оттого у него впечатлѣнія кризиса и не получается; начини онъ свою таблицу 1815 годомъ, картина была бы иная), наконецъ, онъ понимаетъ значеніе заграничнаго вывоза («внѣшній рынокъ расширился быстрѣе внутренняго», стр. 125): словомъ, всѣ *элементы* правильнаго рѣшенія вопроса у него въ рукахъ. Въмѣсто того, чтобы дать это рѣшеніе, онъ толкуетъ о «почеркѣ пера», и о томъ, пришелъ ли этотъ «почеркъ» слишкомъ рано или слишкомъ поздно... И когда ему самому такое канцелярское рѣшеніе вопроса начинаетъ казаться слишкомъ прѣснымъ, когда ему хочется въ проблему, чисто народно-хозяйственную, а не политическую, внести хоть что-нибудь «экономическое»,—онъ даетъ объясненіе, которое заставляетъ пожалѣть, что онъ не остался вѣренъ Милюкову до конца. Крестьянъ освободили потому, что правительство собиралось строить желѣзныя дороги: «Всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ былъ видѣть, что строить въ странѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ и поддерживать въ ней крѣпостное хозяйство было невозможно» (стр. 151). Вопросъ о постройкѣ русской желѣзнодорожной сѣти былъ поставленъ еще въ 30-хъ годахъ: ставившіе его, съ имп. Николаемъ во главѣ, отнюдь не смущались существованіемъ въ странѣ крѣпостного права, и мы не рѣшаемся отказать имъ въ «здравомысліи». Въ разгаръ крѣпостного права была построена Николаевская дорога—технически лучшая въ Россіи. Соединенные Штаты обладали развитой желѣзнодорожной сѣтью задолго до отмѣны рабства. Въ томъ переходѣ русскаго народнаго хозяйства на буржуазные рельсы, который начался реформой 19 февраля, постройка желѣзныхъ дорогъ была чрезвычайно существеннымъ моментомъ; но причинная связь была какъ разъ обратная—желѣзныя дороги построили потому, что пало крѣпостное хозяйство, а не потому оно пало, что стали строить желѣзныя дороги. А вотъ, что барщина была несовмѣстима съ сельскохозяйственными машинами—это вѣрно: вотъ почему интенсификація помѣщичьяго хозяйства и вела, какъ къ неизбѣжному результату, къ примѣненію вольнонаемнаго труда. Это, конечно, не вся проблема: но мы беремъ вопросъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какія поставилъ его г. Струве. Вопроса о выкупной операціи и ея *экономическихъ* основаніяхъ онъ совершенно не касается,—не касаемся его поэтому и мы: а именно эти-то экономическія основанія выкупной операціи и придали

всему дѣлу форму «почерка пера»; въ этомъ-то и состоитъ вопросъ, смущающій нашего автора: почему не было «массоваго отпуска крестьянъ на волю» (стр. 139). Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ нами данъ въ другомъ мѣстѣ—теперь мы пишемъ только рецензію на книгу г. Струве.

Итакъ, въ чемъ же значеніе этой книги? Ея автору принадлежитъ неоспоримая и крупная заслуга въ исторіи русскаго народнаго хозяйства: онъ первый поставилъ вопросъ о «крѣпостномъ хозяйствѣ», какъ извѣстной историко-экономической категоріи. Попавъ на колею ошибочнаго историческаго міросозерцанія, онъ не сумѣлъ его разрѣшить. Этой заслуги и этой неудачи скоро 15 лѣтъ. За это время все измѣнилось—даже русская историческая литература успѣла сдѣлать значительные успѣхи (а она такъ не спѣшитъ): г. Струве остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ. Его рефератъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ, въ декабрѣ 1899 г., былъ новымъ словомъ, но новыя слова не консервируются. Поскольку факты, о которыхъ трактуетъ книга, не составляютъ еще «общаго движенія», книга, конечно, сохранила извѣстную долю своей цѣны. Но самымъ цѣннымъ намъ кажется обѣщаніе автора, данное имъ въ предисловіи: «Настоящее изданіе фрагментовъ этого обширнаго плана означаетъ, однако, не отказъ отъ дальнѣйшей работы въ указанномъ направленіи, а, я надѣюсь, наоборотъ—возвращеніе къ этой работѣ, быть можетъ, въ нѣсколько иной обрисовкѣ». Вотъ, когда авторъ исполнитъ это обѣщаніе, мы получимъ не только новыя цѣнные факты—но и, въ этомъ мы глубоко убѣждены, совершенно иные выводы.

М. Покровскій.

И. О. Кузьминъ. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. СПб. 1913 г. Стр. 316—VIII. М. Куликовской По поводу книги И. О. Кузьмина Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. СПб. Стр. 16.

Полезную, но вмѣстѣ съ тѣмъ странную, книгу написалъ г. Кузьминъ. Ей несомнѣнно было удѣлено много труда и вниманія, но все же неясна задача, поставленная себѣ авторомъ, потому, что нерсвень путь, по которому онъ идетъ къ ней. Хотѣлось бы довѣрчиво послѣдовать за нимъ въ его изысканіяхъ, но невольно рождается тревога, когда путь неожиданно сворачиваетъ въ сторону, направляя читателя въ нездоровое мѣсто. Авторъ имѣетъ основаніе надѣяться, что его собраніе документовъ, относящихся къ обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ въ Польшѣ и Литвѣ, и его библиографія вопроса, охватывающая западно-европейскую, польскую и русскую литературу, «окажутся полезными и будущему собирателю матеріаловъ, и изслѣдователю, и, наконецъ, всякому, кто захочетъ самостоятельно разобраться въ вопросѣ». Надо думать, что авторъ имѣетъ въ виду не тѣхъ читателей, которые ограничатся чтеніемъ лишь одной его книги; онъ гверитъ о читателяхъ, которые пожелаютъ при его посредствѣ проникнуть въглубь исторіи обвиненія. Дѣйствительно,

тому, кто захочетъ серьезно изучить вопросъ, книга г. Кузьмина можетъ послужить на первыхъ шагахъ путеводителемъ. Однако нужна нѣкоторая осторожность. Нельзя полагать, чтобы авторъ написалъ свою книгу именно съ цѣлью произвести опредѣленное воздѣйствіе на читателя; для распространенія вѣры въ обвиненіе есть болѣе легкіе способы, чѣмъ составленіе книги, потребовавшей много усердія; къ тому же книга г. Кузьмина сама помогаетъ читателю подойти къ вопросу съ разныхъ сторонъ. Однако, представляя читателю сырые документы и библиографическія данныя, г. Кузьминъ допускаетъ *частичное освѣщеніе* ихъ, вслѣдствіе чего извѣстные матеріалы искусственно запечатлѣваются въ памяти читателя. Это производитъ тягостное впечатлѣніе и подъ такимъ, очевидно, впечатлѣніемъ написана брошюра М. Куликовскаго по поводу книги г. Кузьмина. Не всѣ упреки критики заслужены, какъ мнѣ кажется, г. Кузьминымъ. Напр., упрекъ, будто имъ не использованы работы ряда писателей, выяснившихъ тѣ условія, въ которыхъ возможна была въ Польшѣ инсценировка «ритуальныхъ преступленій»; г. Кузьминъ не только въ перечнѣ литературы, но и при отдѣльныхъ актахъ ссылается на труды этихъ изслѣдователей, давая такимъ образомъ читателю возможность подробно ознакомиться съ событіями, описанными въ актахъ. Не составляетъ большого грѣха, какъ кажется, и то, что г. Кузьминъ нерѣдко сокращаетъ заголовки документовъ въ сторону, такъ сказать, неблагопріятную для евреевъ; разъ документъ—хотя бы на латинскомъ языкѣ—тутъ же приводится, заголовокъ не играетъ особой роли, потому что вдумчивый читатель не ограничится заголовкомъ, а ознакомится и съ текстомъ документа: къ тому же г. Кузьминъ указываетъ источники, гдѣ заголовки приведены полностью.

Однако, если критикъ, на мой взглядъ, не совсѣмъ правъ въ отдѣльныхъ выпадахъ, все же вполне понятно его негодованіе: книга г. Кузьмина, преслѣдующая, казалось бы, одну чисто-научную цѣль, не свободна отъ нѣкотораго пристрастія. При всей готовности считать отдѣльные дефекты случайными, трудно допустить, чтобы примѣчанія составителя къ документамъ и библиографическому указателю, а также цитаты изъ книгъ въ библиографическомъ отдѣлѣ, могли сами собой, словно по волѣ слѣпой судьбы, вести читателя въ «страшное мѣсто», гдѣ якобы совершаются евреями ритуальныя преступленія.

Нельзя требовать отъ г. Кузьмина, чтобы онъ старался опровергнуть обвиненіе—это не задача собирателя документовъ и библиографа. Но нельзя также обойти молчаніемъ то, что авторъ серьезнаго труда уклонился отъ научнаго отношенія къ затронутой имъ темѣ. Разъ авторъ, не ограничиваясь своей непосредственной задачей, становится какъ бы комментаторомъ, открывается просторъ для догадокъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣлъ документовъ, по поводу которыхъ въ брошюрѣ М. Куликовскаго сдѣланы указанія, заслуживающія вниманія, я коснусь слегка русской библиографіи. Къ такому научному труду, какъ изслѣдованіе профессора СПб. духовной семинаріи Д. Хвольсона, составитель не привлекаетъ вниманія читателя, но невѣжественному лживому

произведенію, приписываемому лексикографу Далю ¹⁾, удѣляются одиннадцать страницъ: приводятся цитаты, не могущія имѣть иного результата, какъ сгущеніе атмосферы, благопріятной для обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Въ одной цитатѣ гсвсрится, между прочимъ, о показаніи крещенныхъ евреевъ, будто среди еврейскаго народа дѣйствительно совершаются ритуальныя преступленія. Въ числѣ этихъ свидѣтелей фигурируетъ нѣкій Грудинскій. Составитель книги ничего не говоритъ о немъ, а между тѣмъ г. Кузьмину не можетъ не быть извѣстнымъ, что Грудинскій сознался въ томъ, что онъ наклеветалъ на евреевъ, надѣясь заработать такимъ путемъ, и имп. Николай I повелѣлъ сдать его, въ видѣ наказанія, въ солдаты. Не служить ли для г. Кузьмина въ данномъ случаѣ оправданіемъ то, что книга, приписываемая Далю, представляетъ собою библиографическую рѣдкость (сна, впрочемъ, недавно переиздана въ большомъ числѣ экземпляровъ)? Есть много рѣдкихъ книгъ. Не всюду, кажется, найдется книжка Алексѣева крещенаго еврея, доказывающаго ложность обвиненія евреевъ,—но объ этой книжкѣ г. Кузьминъ не даетъ никакихъ извѣстій. Цитируется книга кн. Гслицына, но она не рѣдкость. Еще въ меньшей мѣрѣ можетъ почитаться рѣдкостью изданіе Академіи 1910 г., а между тѣмъ оттуда извлекаются неблагопріятныя для евреевъ слова епископа Порфирія, никакой цѣнности не представляющія.

Остановлюсь еще на одномъ случаѣ. Въ книгѣ г. Кузьмина приведена резолюція Николая I, свидѣтельствующая, что государь былъ склоненъ вѣрить въ существованіе среди евреевъ секты совершающей ритуальныя преступленія. По почему не приведена другая резолюція того же государя? Когда Николаю I донесли, что по показаніямъ христіанокъ-обличительницъ, евреи умертвили нѣсколькихъ христіанскихъ дѣтей, государь положилъ резолюцію: «Надо непременно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко, есть ли все это не гнусная ложь». И что-же? Никакихъ дѣтей не нашли, потому что никого не убивали. Выводъ ясенъ...

Тягостное впечатлѣніе производитъ книга г. Кузьмина. И объ этомъ надо пожалѣть. Откажись г. Кузьминъ отъ комментаріевъ, можно было бы говорить только о пользѣ, которую приносятъ подобныя книги. Теперь же приходится спасаться, что трудомъ г. Кузьмина воспользуются для преступной агитаціи.

Юлій Гессенъ.

Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Изданіе Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. Цѣна 2 руб. Томъ II, вып. I. Цѣна 50 коп. 1913.

Названные тома Собранія сочиненій А. Н. Веселовскаго, изъ которыхъ первый изданъ проф. Ѳ. Д. Батюшковымъ, а второй—проф. В. Ф. Шишмаревымъ, представляютъ собой исклю-

¹⁾ См. мою статью «Писалъ ли Даль о кровавомъ навѣтѣ», Голосъ Минувшаго 1914, № 1.

чительный интересъ, такъ какъ содержать «историческую поэтику», которая должна была явиться вѣнцомъ научной дѣятельности великаго изслѣдователя памятниковъ словеснаго творчества. Въ вступительной лекціи, читанной въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1870 г., заключается уже ясный намекъ на тѣ широкія обобщенія, которыя рисовались молодому тогда ученому въ конечномъ итогѣ. Эта лекція заканчивалась словами: «Если, какъ мнѣ кажется, въ исторіи литературы слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на поэзію, то сравнительный методъ откроетъ ей въ этой болѣе тѣсной сферѣ совершенно новую задачу—прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни, этотъ элементъ свободы, приливающий съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, проникаетъ старые образы, эти формы необходимости, въ которыя неизбѣжно отливалось всякое предыдущее развитіе. Но эта ея идеальная задача, и я берусь только указать вамъ, что можно сдѣлать на этомъ пути при настоящихъ условіяхъ знанія» (т. I. стр. 17). Въ 1887 г. А. Н. Веселовскій въ одной библиографической замѣткѣ опять высказывается о задачахъ сравнительной исторіи литературы, которая, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы «слѣдить за развитіемъ идей и формъ, за постоянными превращеніями однихъ и тѣхъ же или сходныхъ сюжетовъ въ литературахъ стараго и новаго времени, за вліяніемъ однихъ на другія» (т. I. Стр. 21.).

Только въ 1893 г. А. Н. Веселовскій выступилъ въ публичной лекціи съ первыми выводами въ области, которая здѣсь впервые именуется имъ «исторической» или «индуктивной поэтикой». Эта лекція и является какъ бы увертюрой въ историческую поэтику А. Н. Веселовскаго. Въ промежутокъ времени 1895—99 гг. выходятъ статьи, поражающія не только исчерпывающимъ обиліемъ матеріаловъ, но и замѣчательными построеніями: «Изъ исторіи эпитета», «Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ», «Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля», «Три главы изъ исторической поэтики». Всѣ эти статьи, съ рукописными дополненіями автора, а равно и вышепозванные лекціи и замѣтка 1887 г. составляютъ содержаніе перваго тома, который такимъ образомъ объединяетъ все то, что самъ А. Н. Веселовскій успѣлъ обнародовать изъ своихъ работъ по исторической поэтикѣ.

Эти статьи освѣщаютъ самые важные вопросы словеснаго творчества. Изслѣдованіе эпитета въ одинаковой степени поясняетъ процессъ зарожденія поэтическаго языка и вольности новѣйшей поэзіи. А. Н. Веселовскій подъ новѣйшей поэзіей понималъ, конечно, Льва Толстаго, Гонкуровъ, Келлера и др., но развѣ не осуждаетъ «шумы» футуристовъ такой выводъ, какъ слѣдующій, выраженный въ видѣ риторическаго вопроса: «искать обновленія впечатлительности въ эмоціональной части человѣческаго слова, выдѣлившагося въ особую область музыки, не значитъ ли идти противъ теченія?» (Т. I., стр. 85).—Въ статьѣ объ эпическихъ повтореніяхъ А. Н. Веселовскій прослѣживаетъ путь отъ хоровой пѣсни до личнаго пѣснопѣнія. Психологическій параллелизмъ раскрываетъ намъ пониманіе мистическаго чувства природы у современнаго человѣчества, проявившагося особенно въ средне-

вѣковой и романтической поэзіи. Наконецъ, А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ древнѣйшій доступный нашему наблюденію видъ словеснаго творчества, описалъ его синкретизмъ и выдѣленіе изъ него поэтическихъ родовъ. Остановливаясь на разложеніи древняго обрядоваго хора и углубляясь въ начала древнегреческой и рыцарской лирики, авторъ дѣлаетъ цѣнный анализъ роста личности на зарѣ исторіи. Въ главѣ, озаглавленной «Отъ пѣвца къ поэту», А. Н. Веселовскій даетъ научное опредѣленіе взаимоотношенія устнаго и письменнаго творчества и устраняетъ укоренившееся заблужденіе о народѣ, какъ творцѣ народной пѣсни. Тѣ спутанныя понятія о народности и простонародности, и національности, которыя господствуютъ еще въ трудахъ и умахъ, претендующихъ на научность, лучше всего подчеркиваютъ значеніе этой главы исторической поэтики. Третья глава посвящена выясненію языка поэзіи и языка прозы по сравненію ихъ другъ съ другомъ.

Если первый томъ поэтики разрабатываетъ вопросы поэтического стиля и закономерность формъ поэзіи, то первый выпускъ второго тома содержитъ все то, что осталось отъ «поэтики сюжетовъ» А. Н. Веселовскаго. Объ этомъ отдѣлѣ упоминается уже въ замѣткѣ 1887 г.: «Въ извѣстные періоды литературнаго развитія замѣчается предрасположеніе писателей, и, очевидно, публики, не только къ извѣстнымъ поэтическимъ родамъ (лирика или драма, пастораль или реальный романъ и т. п.), но и къ извѣстнымъ сюжетамъ. Эти сюжеты либо творятся на-ново, иногда изъ обломковъ старыхъ, или они уже были, и были забыты, и снова выдвигаются въ литературу, отвѣчая на общественный вопросъ». (Т. I., стр. 28). Въ теченіе 10 лѣтъ (1897—1906) А. Н. Веселовскій въ своихъ университетскихъ лекціяхъ разбиралъ вопросы, относящіеся къ «исторіи» или «поэтикѣ сюжетовъ». Послѣ его смерти осталось собранныхъ въ особой папкѣ 250 листовъ (499 страницъ) формата обычной четверти школьныхъ тетрадей. Весь этотъ матеріалъ издатель разбилъ на двѣ части: основную и приложенія. Приложенія составятъ второй выпускъ второго тома, и общественнаго интереса собой не представляютъ, хотя научное ихъ значеніе можетъ оказаться огромнымъ, въ смыслѣ дальнѣйшей разработки затронутыхъ вопросовъ. Основная часть поэтики сюжетовъ состоитъ изъ 11 главъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ общихъ чертахъ закончены, какъ главы: «Мотивъ и сюжетъ» и «Важнѣйшія направленія въ изученіи сюжетности», большинство же лишь намѣчены въ двухъ-трехъ словахъ.

Самымъ цѣннымъ въ «поэтикѣ сюжетовъ» А. Н. Веселовскаго является третья глава, обнимающая цѣлыхъ 100 печатныхъ страницъ и посвященная «Бытовымъ основамъ сюжетности». Къ сожалѣнію и въ ней больше сырыхъ матеріаловъ, чѣмъ обработанныхъ. Сперва дана характеристика тотемизма и связанныхъ съ нимъ сюжетовъ (стр. 33—47). Потомъ А. Н. Веселовскій останавливается на формахъ первобытной семьи (стр. 47—57). Къ этой этнографической схемѣ примыкаетъ любопытнѣйшая статья о партеногенезисѣ, какъ поэтическомъ мотивѣ (стр. 58—65). Послѣ небольшой замѣтки о кувадѣ, мы находимъ опять цѣнную параллель между Данаей и Буддой (стр. 67—77). Люби-

мая тема моего незабвеннаго учителя о боѣ отца съ сыномъ могла бы, при разработкѣ указанныхъ матеріаловъ, составить цѣлую книгу, теперь же передъ нами торсо, свидѣтельствующее о грандіозной эрудиціи автора (стр. 77—112). Наконецъ, намѣчены группы сюжетовъ, связанныхъ съ вопросомъ о приобщеніи къ роду.

Мы не знаемъ, какъ распредѣлилъ бы А. Н. Веселовскій главы своей исторической поэтики, конечно, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были обнародованы, но объ общихъ чертахъ его труда мы все же можемъ догадываться. Очевидно, поэтика распадалась бы на два отдѣленія, изъ которыхъ одно было бы посвящено формамъ поэзіи, а другое сюжетамъ. Въ обоихъ случаяхъ авторъ исходилъ бы отъ первобытнаго состоянія человѣчества и доводилъ бы свое изслѣдованіе до XIX вѣка. Вслѣдствіе такого захожденія въ глубь вѣковъ, вопросъ о происхожденіи поэзіи получилъ бы свое надлежащее освѣщеніе. Но и современная поэзія предстала бы передъ нами, какъ результатъ закономѣрнаго взаимодействія вѣкового наслѣдства въ области стилия и сюжетности и началъ личнаго творчества.

Хотя и въ незаконченномъ видѣ, «Историческая поэтика» А. Н. Веселовскаго останется великимъ нерукотвореннымъ памятникомъ его учености, его ума, его творческихъ дарованій.

К. Тиандеръ.

Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ Гоголь. Изд-во «Прометей». Спб. 1913. 1 р. 25 к.

Помимо извѣстнаго этюда «Писатель-гражданинъ» находимъ въ книгѣ С. А. Венгерова впервые появляющійся въ печати очеркъ «Гоголь ученый», перепечатку двухъ фельетоновъ изъ «Рѣчи»—«Гоголь совѣсть не зналъ русской дѣйствительности» и, наконецъ, комментарий къ перепискѣ Гоголя съ Бѣлинскимъ (съ приложеніемъ знаменитаго зальцбрунскаго письма—увы! по условіямъ нашего времени пересыпаннаго цѣломудренными многоточіями). Прежде всего обращаетъ вниманіе изслѣдованіе С. А. Венгеровымъ текста письма Бѣлинскаго: пользуясь копіей, сохранившейся въ бумагахъ Краевского, онъ нашелъ 64 разночтенія съ обычнымъ текстомъ, печатавшимся по копіи, къ-мъ-то доставленной Герцену въ «Полярную Звѣзду». Иногда разночтенія значительны; напр., обычная тирада: «А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеаль котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго?»—въ копіи Краевского читается такъ: «А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеаль котораго нашли вы въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина ¹⁾, и по разуму которой должно пороть и праваго и виновнаго?» Нельзя не согласиться съ изслѣдователемъ, что копія Краевского значительно совершеннѣе и устраняетъ нѣкоторыя неясности. Что касается двухъ новыхъ этюдовъ С. А. Венгерова, то первый не вызываетъ никакихъ вопросовъ: документальныя данныя, извлеченныя въ 1908—10 гг. г. Георгіевскимъ изъ рукописей

¹⁾ Жена коменданта въ «Капитанской дочкѣ».

Гоголя въ Румянцевскомъ Музеѣ, даютъ полное основаніе утверждать, что научные интересы Гоголя далеко не были случайны и такъ ничтожны, какъ представлялось раньше. Но главная мысль второго очерка, что авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» не зналъ «доподлинной» Россіи, что онъ не имѣлъ даже возможности наблюдать ее, что у него не было реальныхъ наблюдений, что Гоголь «все создалъ путемъ рефлексіи и художественнаго комбинирования, либо въ основу общерусской типизаціи положилъ впечатлѣнія малороссійскія», этотъ выводъ, дѣйствительно, оправдываетъ подзаголовокъ, данный самимъ С. А. Венгеровымъ своему очерку, «почти невѣроятное происшествіе»... Такъ какъ, по подсчету нашего автора, Гоголь провелъ всего 7 дней въ Курскѣ, 8—10 часовъ въ Подольскѣ, да 50 дней находился въ безостановочной ѣздѣ по «доподлинной» Руси, то... значитъ, «Ревизоръ» навѣянъ исключительно малороссійскими впечатлѣніями, въ основѣ «Мертвыхъ Душъ» нѣтъ реальныхъ наблюдений («Гоголь не заѣзжалъ никогда ни къ какому русскому помѣщику» и т. д., стр. 135), поэма Гоголя «въ гораздо большей степени можетъ быть причислена къ произведеніямъ символическимъ, нежели къ произведеніямъ реалистическимъ»... Не знаемъ, зналъ ли Гоголь «доподлинную» Россію, но что онъ раскрывалъ глаза своимъ современникамъ на *подлинную* русскую дѣйствительность,— это засвидѣтельствовали первые его читатели и ихъ судъ, ихъ мнѣніе о Гоголѣ, какъ геніальномъ реалистѣ, легшее въ основу нашего представленія о творчествѣ Гоголя, должно быть главнымъ фундаментомъ при рѣшеніи вопроса, кто былъ авторъ «Мертвыхъ душъ»—фантастъ, символистъ или реалистъ. Намъ теперь въ гоголевской Руси можетъ многое и многое представляться невѣроятнымъ, многія страницы Гоголя могутъ заставить подумать, не орудовалъ ли онъ исключительно гиперболой и вообще такими приѣмами, которые лишь съ большими оговорками могутъ быть сопричислены къ реализму. С. А. Венгеровъ, ссылаясь на гг. Брюсова, Розанова и др., соглашается съ ними, что установившаяся оцѣнка Гоголя должна быть замѣнена иной... Врядъ ли, однако, придется поколебать ее и думать, что «полнаго соответствія съ реальной дѣйствительностью искать не слѣдуетъ» въ «Мертвыхъ душахъ». Мемуарный комментарий гоголевскихъ сочиненій лучше всего подтверждаетъ, что въ самомъ фантастическомъ на нашъ взглядъ скрывается подлинно-реальное того времени. Изъ множества примѣровъ приведу одинъ: выдумка, фикція или правда—губернскій городъ, гдѣ чиновники разсуждаютъ о Чичиковѣ, не Наполеонъ ли это, сбѣжавшій съ острова Св. Елены? Разсказъ кн. Вяземскаго опредѣленно намѣчаетъ отвѣтъ: послѣ Отечественной войны проѣзжій на почтовой станціи замѣчаетъ портретъ Наполеона и спрашиваетъ смотрителя: «Зачѣмъ ты держишь на стѣнѣ этого негодяя?» — «А затѣмъ, — отвѣчаетъ смотритель, — чтобы, въ случаѣ, если онъ явится на станцію подъ ложнымъ именемъ и спроситъ лошадей по чужой подорожной, задержать его по силѣ примѣтъ»... Вотъ, присоединяя обильныя историческія подробности подобнаго рода, и невѣроятнымъ кажется, чтобы «въ нарочито-гиперболическихъ очертаніяхъ *поэмы* предъ нами была

только свободная, чисто творческая игра» (стр. 136)... Странно читать эти строки-выводы С. А. Венгерова: историкъ литературы долженъ помнить, что не «гиперболу» современники видѣли въ гоголевскихъ картинахъ, а «грустную» дѣйствительность, живьемъ стоявшую вокругъ нихъ... Далѣе, неужели Гоголь въ «подлинной» Россіи провелъ только «50 дней ѣзды и 7 дней», (въ Курскѣ)? Но куда же отнести около 7 лѣтъ его петербургской жизни? А, вѣдь, сколько разнообразныхъ лицъ встрѣчалъ онъ здѣсь? Какой богатый матеріалъ видѣлъ онъ, столь зоркій, наблюдательный, цѣпкій! Стоитъ только вспомнить, хотя бы воспоминанія Л. И. Арнольди, съ которымъ Гоголь ѣздилъ въ Калугу къ Смирновой, какъ Гоголь «впивался» въ людей, умѣлъ вести живую бѣсѣду съ городничимъ, трактирнымъ половымъ, спрашивая, откуда тотъ, гдѣ родители, кто чаще заходитъ въ трактиръ, какое кушанье любятъ больше чиновники въ Малоярославцѣ, кто живетъ близъ города и т. п., стоитъ только представить эту безмѣрную жадность Гоголя къ впечатлѣніямъ жизни, чтобъ понять глубокую правду его словъ: «я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи... У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ»...

Показанія современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей подтвердили признаніе Гоголя указаніемъ на многіе прототипы гоголевскихъ героев: недавно, напр., г. Лернеръ отмѣтилъ яркую жизненность «совершенно неестественнаго», по мнѣнію В. И. Шенрока, полковника Кошкарева («Нива» № 33). Не мѣшаетъ отмѣтить, что маршруты поѣздокъ Гоголя вовсе не были такъ стремительны безостановочны, какъ это кажется С. А. Венгеру: извѣстно, что Гоголь, бывая въ Калугѣ у Смирновой, нерѣдко заѣзжалъ на нѣсколько дней въ Оптину пустынь; въ Курской губерніи не особенно давно указывали на того помѣщика, который послужилъ моделью для Плюшкина и у котораго Гоголь бывалъ проѣздомъ (см. у г. Дудина въ «Историч. Вѣстникѣ»). Словомъ, «выводы» С. А. Венгерова далеко не такъ пріемлемы, какъ въ другихъ его очень интересныхъ очеркахъ.

Н. Бродскій.

«Софія» журналъ искусства и литературы.

Въ истекшемъ году появилось три новыхъ журнала «Свѣтильникъ», «Софія» и «Баянъ», теоретически близкихъ по своимъ задачамъ.

Это возникновеніе сразу нѣсколькихъ журналовъ, посвященныхъ старинному русскому искусству, по преимуществу надо связывать, конечно, съ тѣмъ пробудившимся интересомъ къ нему, который мы замѣчаемъ за послѣдніе годы въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества. Нѣкоторые связываютъ пробужденіе этого интереса съ прошлогоднею выставкою русскаго искусства, но причины лежатъ гораздо глубже и хронологически дальше; ихъ приходится связывать съ подъемомъ національнаго и общественнаго самосознанія, получившимъ новый толчокъ послѣ 1905 года. Изъ московскихъ журналовъ можно привѣтствовать появленіе «Софіи», заслуживающей наи-

большаго вниманія. Судить объ общемъ характерѣ журнала по одному, да еще первому номеру, не приходится.

Можно только заранѣе радоваться, если «Софіи» удастся выполнить свою программу во всей широтѣ, поставить изученіе русскаго искусства на научную почву, освѣщая тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ, преемственностью съ востока и съ запада. Программа журнала съ настоящимъ видѣ, можетъ-быть, уже черезчуръ расширена, включеніемъ въ нее таксй области, какъ литература. Это соединеніе, несомнѣнно, разбиваетъ сосредоточенность вниманія, какъ у читателя, такъ и у редакціи.

Центръ тяжести будущей дѣятельности журнала будетъ лежать, очевидно, въ изученіи древне-русскаго искусства, всего того, что съ нимъ связано и способствуетъ его всестороннему освѣщенію. Принимая въ расчетъ редакцію журнала и ближайшихъ сотрудниковъ, можно надѣяться, что дѣло будетъ поставлено на научную почву. Это тѣмъ болѣе необходимо, что послѣ прошлогодней выставки иконъ, такъ неожиданно поразившихъ насъ своими живописными красотами, мы переживаемъ періодъ увлеченія своего рода «медовый мѣсяцъ» любви къ древнему русскому искусству, когда многое кажется въ розовомъ свѣтѣ.

Когда этотъ періодъ пройдетъ и настанетъ время трезвой оцѣнки, то всѣ художественныя цѣнности, и притомъ большія, древне русской живописи не только останутся, но найдутъ себѣ еще большее утвержденіе, но съ другой стороны, несомнѣнно, окажется, что не вездѣ такъ прекрасно и безукоризненно, какъ это кажется теперь.

Въ этомъ отношеніи характерна статья Н. М. Щекотова, посвященная русскому старинному шитью. Статья очень интересна и по своей темѣ, мало разработанной, и по многимъ цѣннымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ авторомъ, и по той любви, которая чувствуется у него къ предмету.

Своему художественному разбору русскаго шитья авторъ предпосылаетъ нѣсколько страницъ общаго характера, выясняющихъ взглядъ автора на византійское искусство, которое создало также и высокіе образцы художественнаго шитья. Эти страницы, собственно, не являются необходимыми, тѣмъ болѣе, что онѣ не иллюстрируются соотвѣтственными памятниками, а кромѣ того, не все въ нихъ можетъ быть принято безъ оговорокъ или поправокъ. Такъ едва ли специалисты согласятся съ тѣмъ, что понятіе линіи въ античномъ искусствѣ и въ византійскомъ, какъ ее понимаетъ авторъ, одно и то же (стр. 8). На счетъ «тяжести руки восточнаго искусства», да еще въ ткани (стр. 9), тоже могутъ возникнуть сильныя сомнѣнія. Затѣмъ никакъ нельзя сравнивать вещи, эстетическія основы которыхъ и цѣли разнородны, какъ это дѣлаетъ авторъ, противопоставляя восточную ткань, покрытую узоромъ, — вышивкѣ. Далѣе говорится: «Ритмъ линіи (?), которой описаны фигуры святыхъ женъ и ангеловъ, склоненныхъ надъ саркофагомъ надъ тѣломъ Христа, далекъ отъ отвлеченнаго ритма восточнаго шитья». Повидимому, авторъ и здѣсь сравниваетъ вещи, назначеніе и художественный принципъ которыхъ различны.

Съ другой стороны, Н. М. Щекотовъ не далъ, къ сожалѣнію, того, что было бы въ высшей степени интересно и желательно видѣть въ вводной части его статьи,—тѣ, хотя бы нѣкоторыя, основанія, на которыхъ онъ датируетъ недатированныя вышивки и которыя могутъ быть опредѣлены, конечно, только вѣкомъ.

Обращаясь къ разбору авторомъ пелены Великой Княгини Маріи, датированной 1399 г., надо признать ее превосходнымъ памятникомъ русскаго шитья, хотя и попорченного позднѣйшей вставкою въ серединѣ съ образомъ Спаса Нерукотвореннаго, но то обстоятельство, что «лики ангеловъ являютъ вполне эллинискій характеръ», объясняется тѣмъ, что ангелы и въ самомъ византійскомъ искусствѣ дольше и больше сохраняли эллинистическія традиціи. «Тонкія изящныя фигуры Матери Божіей, Предтечи, Архангеловъ и Святителей, въ которыхъ чрезмерная (?) церковная пышность прежняго (?) времени уступила мѣсто болѣе нѣжному и поэтическому толкованію», зависятъ въ сильной степени отъ орнаментальнаго стиля и характера, которымъ проникнута эта пелена.

Къ сожалѣнію, пишуцій эти строки незнакомъ въ оригиналѣ съ шитьемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (знаменіе съ предстоящими) и потому судить о красочныхъ достоинствахъ его не можетъ, но, на основаніи репродукціи, трудно согласиться съ толкованіемъ Н. М. Щекотова этой пелены, такъ какъ самый рисунокъ въ ней имѣетъ дряблый, нѣсколько рваный характеръ: съ композиціей полу-орнаментальной каймы, особенно нижней части, знаменщикъ справился неудовлетворительно, — ея линіи неустойчивы и качаются. Называть ихъ за это «свободными и нѣжными», можетъ быть, нѣсколько преувеличено.

Плащаница Ефросиньи Старицкой съ точки зрѣнія строгаго декоративнаго стиля упадочнѣе плащаницы Историческаго Музея 1545 года, что сказывается и въ композиціи, которая бѣднѣе по своему содержанію, чѣмъ въ послѣдней, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько безпокойнѣе и требуетъ больше средствъ. Ярко выраженный трагизмъ, да еще «полный реализма», въ данномъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ недостаткамъ,—къ явленіямъ упадочнаго характера.

Критикуя отрицательно московское шитье XVI вѣка, въ частности пелену съ избранными святыми (20 стр.), съ точки зрѣнія красочныхъ тоновъ шитаго шелка, ихъ отношенія къ фону, и фоновъ между собою, Н. М. Щекотовъ говоритъ: «Свѣтло желтый цвѣтъ рядомъ съ фисташковымъ въ нѣкоторыхъ ризахъ сухо, подобно деревянной инкрустаціи, рисуется на лилово-красномъ фонѣ... Зеленая тафта, служащая фономъ въ средней части пелены, далека отъ полной гармоніи съ лиловымъ цвѣтомъ каймы». Н. М. Щекотовъ, видимо, не замѣтилъ, что красно-лиловый дисгармонирующий фонъ позднѣйшаго происхожденія, прежній же фонъ былъ глубоко-лиловаго цвѣта.

Авторъ этой замѣтки намѣренно остановился на этихъ примѣрахъ маленькихъ недочетовъ, которые всѣ имѣютъ однообразный и по своему происхожденію глубоко симпатичный характеръ. Источникъ ихъ искреннее и глубокое увлеченіе стариннымъ

искусствомъ, стремленіе найти въ немъ какъ можно больше хорошаго, желаніе убѣдить другихъ въ его красотѣ и показать, какъ безконечно несправедливо было до сихъ поръ къ нему русское общество. Своей цѣли для широкихъ слоевъ публики Н. М. Щекотовъ, несомнѣнно достигаетъ.

Кромѣ статьи Н. М. Щекотова, помѣщена отличная статья П. П. Муратова о «Гауденціо Феррари». Можно поблагодарить редакцію также и за переводъ изъ «очерковъ» Беренсона интереснаго отрывка объ «Основахъ художественнаго распознаванія». При томъ большемъ количествѣ книгъ по искусству, которое появляется на книжномъ рынкѣ и интересъ къ нимъ публики, журналу необходимо правильно и широко поставить библиографическій отдѣлъ.

Е. Коршъ.

Изъ текущей литературы.

Императорская публичная библіотека за 100 лѣтъ. 1814—1914.

2-го января Имп. Публичная Библіотека въ Петербургѣ отпраздновала свой 100-лѣтній юбилей. Библіотека издала ко дню юбилея толстый томъ in 4°, съ отличными иллюстраціями, подъ названіемъ «Имп. Публ. Библіотека за 100 л. 1814—1914», СПб., 1914, стр. 481+XXVI. Такъ какъ изданіе это, по своей величинѣ, дороговизнѣ и малому количеству экземпляровъ, врядъ ли проникнетъ въ широкіе слои читающей публики, мы считаемъ долгомъ ознакомить читателей «Голоса Минувшаго» съ тѣмъ, что пожелала сообщить публикѣ Библіотека изъ своей исторіи. Книга представляетъ собою коллективный трудъ служащихъ Библіотеки подъ редакціей директора ея Д. Θ. Кобеко и написана, главнымъ образомъ, по даннымъ архива Библіотеки. Авторы книги признаютъ сами «нѣкоторую неравномѣрность изложенія», что, впрочемъ, объясняется смертью библіотекаря А. А. Флоридова, которому было поручено составленіе исторіи Библіотеки. Написанная спѣшно, тѣмъ не менѣе, книга даетъ впечатлѣніе большого труда, вложеннаго въ ея составленіе. Нѣкоторыя главы написаны довольно живо, но главный недостатокъ книги — это ея общій тонъ, тонъ сухого канцелярскаго отчета казеннаго учрежденія, отсутствіе пониманія громаднаго общественнаго значенія Библіотеки. По крайней мѣрѣ эта общественная нотка точно вытравлена со страницъ труда опытной цензурскою рукою.

Мысль о публичной библіотекѣ возникала уже при Петрѣ I. Въ Духовномъ регламентѣ (1721) по поводу духовной академіи была выражена сентенція, что «безъ библіотеки, какъ безъ души академія». Были и частные проекты. Въ 1766 г. группа частныхъ лицъ въ Петербургѣ (гр. А. С. Строгановъ, гр. Головинъ, кн. П. Голицынъ и др.) составили проектъ общественной публичной библіотеки, но дѣло кончилось ничѣмъ. При Екатеринѣ II основана была Эрмитажная библіотека. При ней же, послѣ

взятія Варшавы Суворовымъ 29 Окт. 1794 г., привезено было изъ Варшавы собраніе книгъ, послужившее основою нашей публичной Библіотекѣ, принадлежавшее польскому правительству (точнѣе народу) и взятое, какъ военный трофей. Такимъ образомъ культурно бѣдная Россія положила начало своему громаднѣйшему книгохранилищу путемъ вооруженнаго грабежа у націи болѣе культурной. Этотъ способъ пополненія богатствъ Библіотеки примѣнялся и впослѣдствіи, хотя уже въ меньшихъ размѣрахъ.

Собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, была бібліотека гр. Залускихъ, основанная братьями Андреемъ-Станиславомъ и, особенно Іосифомъ-Андреемъ Залусскими. Въ концѣ 40-хъ г. XVIII-го в. Іосифъ Залусскій рѣшилъ сдѣлать свою бібліотеку публичной. Открытіе ея состоялось 8 Авг. 1748 г. въ присутствіи короля Августа III и знатнѣйшихъ представителей аристократіи. Въ 1761 г., тяготясь содержаніемъ бібліотеки на свой единоличный счетъ, гр. Залусскій завѣщалъ ее польскому народу, а управленіе ею вручилъ на вѣчныя времена Варшавскому іезуитскому коллегіуму съ обязательствомъ не раздроблять и не распродавать ее. Съ 1775 г. завѣдываніе бібліотекой перешло къ эдукаціонной комиссіи, только что учрежденной для завѣдыванія дѣлами народнаго просвѣщенія. Но положеніе ея годъ отъ году ухудшалось. Непрестанно разрываема на клочья своими сосѣдями, обуреваемая внутреннею неурядицей, Польша не могла содержать достойно даръ Залусскихъ, и составители сборника считают благомъ для бібліотеки, что она попала въ руки завоевателей. Изъ 400,000 томовъ, числившихся въ бібліотекѣ при конфискаціи, доѣхало до Петербурга не болѣе 250,000 т.

Основательницею бібліотеки должна, собственно, считаться имп. Екатерина II, повелѣвшая 16 Мая 1795 г. приступить къ постройкѣ зданія для Публичной Библіотеки. Екатерина хотѣла устроить книгохранилище, въ которомъ были бы собраны «всея русскія книги», въ которое вошли бы бібліотека Залусскихъ, а также Эрмитажная и тѣ, которыя были пріобрѣтены у Корфа. Вольтера и Дидеро. Зданіе было закончено уже при Павлѣ, но дѣло разборки книгъ и устройства бібліотеки двинулось въ ходъ лишь послѣ назначенія завѣдывающимъ ею гр. А. С. Строганова (1800). Наиболѣе старинная часть зданія, — та, которая выходитъ на Садовую улицу, Невскій пр. и на площадь Александринскаго театра, была передана Библіотекѣ 10 Сент. 1801 г. Затѣмъ началась переноска и разборка въ собственномъ зданіи книгъ. Въ этотъ переходной періодъ было сдѣлано замѣчательное пріобрѣтеніе для бібліотеки: въ 1805 г. пріобрѣтена была коллекція рѣдчайшихъ средневѣковыхъ рукописей и автографовъ, которые собралъ во Франціи, въ эпоху разгрома аббатствъ Сень-Жерменскаго и Корбійскаго, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ Дубровскій. Въ 1808 г. помощникомъ директора былъ назначенъ А. Н. Оленинъ, человѣкъ съ широкимъ кругозоромъ, одинаково близкій и къ литературѣ, и къ искусству, и къ археологіи. Онъ пригласилъ къ участию въ бібліотекѣ такихъ людей, какъ извѣстный бібліографъ Сопиковъ, какъ Гнѣдичъ и Крыловъ. Крайне

интересенъ подсчетъ книгъ, сдѣланный Оленинымъ въ 1809 г. Въ библіотекѣ Залусскихъ оказалось: латинскихъ книгъ — 64,480 т., французскихъ — 36,101 т., нѣмецкихъ — 24,735 т., польскихъ — 5,513, даже испанскихъ и португальскихъ — 874 т. Русскихъ же и славянскихъ книгъ было — *восемь*! Всего насчитали 238,632 тома, до 12,000 рукописей, 24,574 эстампа.

Пятнадцать лѣтъ библіотека не имѣла ни штатовъ, ни точнаго бюджета и лишь 14 окт. 1810 г. было утверждено «Положеніе объ управленіи И. Публ. Библ.» Библіотека передана былъ въ министерство Нар. Просв., подъ управленіемъ особаго главнаго директора. Въ 1812 г. былъ утвержденъ бюджетъ въ размѣрѣ 48 тыс. руб. Послѣ смерти гр. А. С. Строганова директоромъ назначенъ былъ статсъ-секретарь Оленинъ, стоявшій во главѣ учрежденія съ 13 Окт. 1811 г. вплоть до самой смерти своей (1843 г.). Оленинъ торопился во исполненіе воли Александра I, открыть библіотеку. 2 Янв. 1812 г. открытіе состоялось, и имп. Александръ I посѣтилъ библіотеку. Однако, не удалось еще открыть ее для публичнаго пользованія: только часть книгъ была описана. Къ тому же разразились событія 1812 г., когда опасались нападенія непріятеля на Петербургъ; библіотека была уложена въ ящики и на судахъ отослана на Ладожское озеро. Такимъ образомъ, въ 1812 — 13 гг. библиотека бездѣйствовала, и лишь въ 1813 г., осенью, удалось ее привести снова въ порядокъ. Новое торжественное открытіе состоялось 2 Янв. 1814 г., и съ этого момента официальные историки библіотеки ведутъ ея исторію. Въ 1814 г. занималось въ библіотекѣ 329 чел., потребовавшихъ 1341 книгу. Въ видѣ параллели составители книги отмѣчаютъ, что въ 1899 г. было выдано 27,899 билетовъ, сдѣлано было занимающимися 204,797 посѣщеній и затребовано читателями 522,958 кн. Съ самаго начала библіотеки было запрещено выдавать читателямъ газеты. Поясняя, что библіотека назначена для чтенія научныхъ книгъ, Оленинъ писалъ, что библіотека «отнюдь не есть мѣсто, опредѣленное для чтенія публичныхъ вѣдомостей»... «оняя всегда можно найти во всѣхъ кофейныхъ домахъ, клубахъ и др. мѣстахъ». Въ заключеніе Оленинъ высказывалъ странный взглядъ, что газеты имѣются въ библіотекѣ «единственно для свѣдѣнія служащихъ» и «суть нѣкоторымъ образомъ собственность (?) гг. служащихъ при библіотекѣ». Одновременно запрещена была выдача беллетристики. Въ 1814 г. было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ цензурныхъ экземпляровъ безвозмездно въ Публ. Библиотеку для созданія русскаго отдѣла. При Оленинѣ продолжалось пополненіе библіотеки военными трофеями и польскими конфискаціями (1831 г.). Такъ, во время русско-турецкой войны 1828 — 29 гг., было захвачено цѣнное собраніе восточныхъ рукописей въ Ардебилѣ, въ Ахалцыхѣ и Баязидѣ были также захвачены цѣнные собранія. Въ 1830—1 гг. были опустошены въ пользу Публ. Библиотеки—библіотеки полоцкаго іезуитскаго коллегіума, и варшавскія—публичныя и общества любителей наукъ и словесности. Сюда же пошли и частныя библіотеки кн. Сапѣги, гр. Ржевусскаго и княгини Чарторижской. Съ самаго основанія рукописнаго отдѣленія сюда передано было знаменитое «Остромирово Евангеліе».

Понятное дѣло, что въ директорство Оленина, когда все еще продолжалась разборка книгъ, библіотека не могла быть названа, въ истинномъ смыслѣ слова, публичной. Еще менѣе доступной стала она въ 6-лѣтнее директорство мракобѣса Бутурлина (1843—1849), запретившаго выдавать болѣе 1 сочиненія. Для двухъ уже требовалось разрѣшеніе директора. Равнымъ образомъ Бутурлинъ приказалъ сократить время занятій въ библіотекѣ. Книги выдавались при Бутурлинѣ «по званію», т.-е. если встрѣчались 2 требованія на книгу богословскую, то предпочтеніе имѣлъ читатель изъ духовнаго званія и т. п. Сравнительно съ этимъ временемъ директорство Оленина кажется эпохою, когда Библіотека являлась культурно-научнымъ и литературнымъ центромъ, правда, для немногихъ, для избранныхъ, и въ первую очередь для Оленина и его сослуживцевъ. Д. П. Бутурлинъ, замѣнившій Оленина на посту директора, получилъ «домашнее воспитаніе», сдѣлавъ чисто военную карьеру и ставъ «штатскимъ челоѡкомъ» только въ 1833 г., перейдя въ число сенаторовъ межевого департамента. Даже официальные историки признаютъ, что онъ былъ «характера властнаго и даже жестокаго». Управленіе интендантскими складами съ мукою или библіотекой — было для него однимъ и тѣмъ же. Онъ распредѣлилъ комнаты и залы Библіотеки между библіотекарями подрядъ, въ порядкѣ номеровъ, возложивши на чиновниковъ личную отвѣтственность за порученныя комнаты. Дѣятельность Бутурлина, какъ предсѣдателя «негласнаго» сверхъ-цензурнаго комитета, достаточно извѣстна. Отсюда ясно, какова могла быть его цѣль въ сферѣ библіотечной дѣятельности.

Чуть ли не черезъ «негласный» комитетъ получилъ возможность стать (въ 1849 г.) директоромъ умный, талантливый и ловкій бар. М. А. Корфъ. Николай Павловичъ думалъ, что директоръ Публ. Библіотеки долженъ быть, одновременно, и верховнымъ цензоромъ. Вполнѣ естественно, что Корфъ счелъ необходимымъ освободиться отъ подчиненности министру Нар. Просв. и исходатайствовалъ переводъ Библіотеки въ министерство Двора, что ставило его ближе къ Государю. Положеніе библіотеки ко времени вступленія въ должность Корфа было неважное. Но Корфъ сумѣлъ такъ описать бутурлинское наслѣдство и впоследствии такъ подчеркнуть свои заслуги, что его фигура и до сихъ поръ затмеваетъ своимъ блескомъ всѣхъ директоровъ до и послѣ него. Корфъ принялъ приблизительно 640,000 томовъ, 18,000 рукописей, 50 тыс. эстамповъ, а за 12 лѣтъ своего директорства сумѣлъ умножить библіотеку слѣдующими приобрѣтеніями: книгъ 343,421 том., 11,485 рукописей и автографовъ, 29,362 эстампа. При немъ были куплены и пожертвованы въ библіотеку слѣдующія собранія: «древнехранилище» Погодина, коллекція восточныхъ рукописей Тишендорфа, глаголическое славянское Евангеліе XII в.; возвращены лицевыя (французскія) рукописи, взятые одно время въ Эрмитажъ. Изъ общей массы книгъ были выдѣлены: первопечатныя изданія, т. н. «инкунабулы», т.-е. книги, печатанныя до 1500 г.; изданія венеціанскихъ типографшиковъ Альдовъ и — голландскихъ Эльзевировъ: книги гражданской печати Петровскаго времени. Наконецъ—любимая идея Корфа, — со-

зданъ отдѣлъ Rossica, т.-е. собраніе книгъ на иностр. языкахъ о Россіи. Нужно отдать справедливость энергіи Корфа въ приобрѣтеніи рѣдкихъ изданій: на нихъ онъ не жалѣлъ денегъ. А такъ какъ средства Библіотеки были всегда скудны и всегда во много разъ менѣе той суммы, которая была объективно нужна для этого учрежденія, то Корфъ и пустился на операціи коммерческаго характера. Не мало книгъ было пожертвовано лицами, избранными въ большомъ количествѣ въ почетные члены, и книгопродавцами, получавшими ордена и медали. Но онъ привлекалъ пожертвованія и отъ лицъ, не жаждавшихъ какого-нибудь отличія. Отъ Бутурлина перешли къ Корфу такіе работники, какъ кн. В. О. Одоевскій и Руд. И. Минцловъ. При немъ стали работать Коссовичъ, извѣстный библиографъ В. И. Межовъ, В. В. Стасовъ, Горностаевъ, А. О. Бычковъ, Соболевъ, Бар. Корфъ умѣлъ «показать товаръ лицомъ» и рекламировать «свое» учрежденіе не только въ высшихъ сферахъ, мнѣніемъ которыхъ онъ такъ дорожилъ, но и среди публики, мнѣніе которой онъ сумѣлъ оцѣнить послѣ 1855 г. Доступъ для публики былъ расширенъ, и время занятій увеличено. Наплывъ публики сталъ такъ великъ (на 48 мѣствъ — 150—200 читателей), что пришлось возбудить вопросъ о постройкѣ новаго читальнаго зала, который и былъ открытъ (въ 1862 г.) уже при Деляновѣ.

И. Д. Деляновъ, впоследствии графъ и министръ народнаго просвѣщенія, управлялъ библіотекою 21 годъ (съ 1861 по 1882 г.). Онъ совмѣщалъ свое директорство съ цѣлымъ рядомъ должностей, но это не мѣшало ему дѣлать довольно много для библіотеки. Вслѣдъ за вступленіемъ въ должность онъ вошелъ въ сношенія съ иностранными послами о присылкѣ отчетовъ законодательныхъ собраній, вновь разрѣшилъ выдачу поврежденныхъ изданій. При немъ были приобрѣтены Codex Sinaiticus (IV в.); поступилъ отъ ген. Кауфмана знаменитый Коранъ перваго вѣка мусульманской эры; куплены (1862 и 1876) два собранія рѣдчайшихъ еврейскихъ рукописей Фирковича; наконецъ, были пожертвованы бумаги М. М. Сперанскаго въ томъ числѣ конституціонный проектъ 1809 г. Всего при Деляновѣ поступило въ библіотеку (1862—1881): книгъ 453,854 тома, 15,334 рукописи и автографа, 5,455 картъ и плановъ, 23,358 эстамповъ и фотографій, 12,882 музык. произв. Деляновъ привлекъ библіотекарей къ болѣе активной работѣ по управленію библіотекою. При немъ вступили на службу: Феттерлейнъ, Стасовъ (1872—1906), извѣстный философъ Н. Н. Страховъ (1873—1885), гебраистъ А. Я. Гаркави (1876—1914), хранитель рукописей И. А. Бычковъ (1881—1914). Управление Делянова я назвалъ бы благожелательно-бюрократическимъ: все шло по установившемуся шаблону.

Съ 1882 по 1899 годъ управлялъ библіотекою извѣстный ученый А. О. Бычковъ. При немъ библіотека начала чувствовать крайнюю тѣсноту. Приливъ читателей въ залъ, построенномъ въ 1862 г., становился непосильнымъ для библіотеки. Въ 1890 г. было въ обращеніи 224,609 томовъ и 44,372 №№ газетъ и журналовъ, а въ 1893 г. книгъ обращалось 286,786 т. и 46,883 №№ газ. и журн. Въ 1889 г. Бычкову удалось выхлопотать 2 участка земли

около библіотеки — бесплатно городской, и за 100 тыс. рубл. принадлежавшей Министерству Двора. Изъ числа приобрѣтеній этой эпохи можно отмѣтить: (1896) т. н. Сармисахлинское Евангеліе, на греч. яз., VI в., писанное серебромъ на пурпурѣ (даръ Государя); коллекціи еп. Порфирія Успенскаго, Буслаева, архим. Антонина и рукописи XVIII в. гр. А. Г. Строганова (книги же Строганова поступили въ Томскій университетъ). При Бычковѣ начали работать Леон. Н. Майковъ, незабвенный для русскихъ писателей Вл. П. Ламбинъ и др. Поступили при Бычковѣ: книгъ — 579,978 томовъ; 15,440 муз. произведеній.; 2546 картъ и плановъ; 21,959 эстамповъ и фотографій и 53,368 рукопис. При Бычковѣ библіотека задыхалась въ своихъ стѣнахъ, обстановка изнашивалась и дряхлѣла, и всѣ силы директора уходили на веденіе дѣла при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Директорство историка ген. Н. К. Шильдера было недолговременно (1899—1902). При немъ, осенью 1901 г., былъ открытъ новый читальный залъ, а прежній отошелъ подъ библіотеку. Изъ приобрѣтеній при Шильдерѣ отмѣтимъ собраніе, пожертвованное А. А. Титовымъ, 4 рукописи XII—XIV в. на слав. яз. («Остромирово Евангеліе») и книги петровской эпохи.

Съ 1902 г. директоромъ библіотеки состоитъ д. т. с. Д. Θ. Кобеко. Обсужденіе его дѣятельности было бы уже, собственно, публицистической статьей, а не библіографической замѣткой. Труды его (по русской исторіи) немногочисленны, но обладаютъ всѣми достоинствами серьезныхъ научныхъ трудовъ. Д. В. Философовъ, служившій при немъ, неоднократно, именовалъ его въ печати «либеральнымъ и гуманнымъ сановникомъ». Въ пользу этого государственнаго дѣятеля говорятъ и труды его по библіотекѣ: такъ, по словамъ отчета, Д. Θ. Кобеко особое вниманіе обратилъ не на приобрѣтеніе «раритетовъ», а на удовлетвореніе запросовъ многотысячнаго средняго читателя. Подобныя мѣропріятія, соответствующія духу времени и истинному назначенію библіотеки, нельзя не привѣтствовать. При Д. Θ. Кобеко значительно расширено справочное отдѣленіе, что дало возможность разгрузить читальный залъ и облегчило трудъ, какъ читателей, такъ и библіотекарей. Однако, при томъ же директорѣ заведены правила для читателей, какихъ не бывало 100 лѣтъ, (требованіе при записи *паспортныхъ* и т. п.). Объ этихъ мѣрахъ отчетъ замѣчаетъ, что онѣ «на первое время произвели впечатлѣніе какъ бы стѣснительныхъ, но быстро были оцѣнены въ истинномъ ихъ значеніи, и теперь, кажется, всѣми уже признаны вполне цѣлесообразными». (?) Мы не будемъ перечислять приобрѣтеній библіотеки за 1902—14 гг., и приведемъ лишь цифры поступленій въ библіотеку за эти годы. По 1911 г. поступило: книгъ — 713,581 т.; нотъ 15,423; эстамповъ, литографій и фотографій — 18,876, картъ и плановъ—1381 и рукописей 37,136. Нельзя не поразиться тѣмъ, какъ громадно выросъ потокъ книгъ, заливающихъ полки библіотеки въ XX в. Великою заслугою библіотекарей И. П. Библіотека является колоссальный трудъ, произведенный ими въ 1913 г. по подсчету «въ натурѣ» всѣхъ книгъ, рукописей и отдѣльных листовъ къ 1 Дек. 1913 г. въ Имп. Публ. Библ. было:

рукописей—207.816; книгъ и брошюръ—2.615,374; нотъ, картъ, плановъ, гравюръ, фотографій и т. п. — 193,445, а всего 3,016,635 экземпляровъ, не считается дублетовъ, каталоговъ, плакатовъ и т. п., число коихъ равно приблизительно 200,000 экз. Эти цифры показываютъ, какъ громадно наше крупнѣйшее книгохранилище, наша національная библіотека. Не менѣе колоссальны, конечно, и ея заслуги предъ русскимъ просвѣщеніемъ. Публичною стала она, собственно, не болѣе какъ 50—55 л. тому назадъ. Но за эти полстолѣтія многие литераторы и ученые обязаны возможностью создать свои труды именно Публ. Библіотекѣ. Можно отъ души пожалѣть, что столѣтній Отчетъ вышелъ, по необходимости, такимъ сухимъ и такъ мало посвятилъ вниманія общественному значенію Библіотеки, ея значенію для литературы и науки, ея связи съ обществомъ. Можетъ быть, это — недостатокъ времени и мѣста; можетъ быть, это—вѣяніе времени; можетъ быть также, это — сознательное уклоненіе отъ работы, которая должна лечь на плечи самихъ ученыхъ, внѣ библіотеки стоящихъ. Все равно, этотъ пробѣлъ въ исторіографіи русской долженъ быть пополненъ. Изъ отчета видно, что и до сихъ поръ Библіотека не снабжена достаточными средствами, чтобы играть роль, дѣйствительно, національной библіотеки. Можетъ быть, народное представительство больше пойдетъ на встрѣчу требованіямъ жизни, нежели шла до сихъ поръ бюрократія.

Разные люди служили въ библіотекѣ. Были здѣсь и чиновники, ставившіе своимъ идеаломъ поставить какъ можно больше рога-токъ между книгою и читателемъ; были просто чиновники, служившіе болѣе-менѣе исправно, но были и люди, память о которыхъ будетъ вѣчно сохраняться и въ сердцахъ людей, съ ними встрѣчавшихся въ Библіотекѣ, и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Глубокою благодарностью этимъ послѣднимъ мы и закончимъ свой очеркъ.

С. Сватиковъ.

Одна изъ загадокъ исторіи.

E. Laloy. Énigmes du grand siècle. Le masque de fer. Jac Stuart de la Cloche. L'abbé Prignani. Roux de Marsilly. Paris, 1913. in 12. 312 стр.

Обстоятельно документированная книга почти вся цѣликомъ посвящена установленію личности «человѣка съ желѣзной маской». Одна изъ многихъ загадокъ исторіи, легенда о желѣзной маскѣ, не разъ привлекала вниманіе изслѣдователей. Литература о желѣзной маскѣ интересна уже потому, что на ней можно ясно видѣть, какъ создается историческая легенда. Съ одной стороны рядъ фактовъ, завѣренныхъ официальными документами, съ другой стороны свидѣтельства современниковъ-очевидцевъ. Но и факты, и свидѣтельства настолько странны, что воображеніе какъ бы невольно стремится дополнить и объяснить непонятное. Народное воображеніе создало свою легенду о сынѣ короля, осужденномъ на вѣчное заключеніе. Вольтеръ, а впослѣдствіи Александръ Дюма

поразили воображеніе своихъ современниковъ, придавъ художественную форму легендѣ. По Вольтеру маска на лицѣ была желѣзной только у подбородка, гдѣ искусно прилаженная пружинка позволяла ея носителю открывать ротъ во время ѣды, не снимая маски.

Тайна человѣка съ желѣзной маской на лицѣ относится къ тому періоду стараго порядка Франціи, когда система *lettres de cachet* (тайнаго повелѣнія объ арестѣ) получила свое наибольшее развитіе. Двери Бастиліи закрывались за вновь прибывшимъ заключеннымъ, и ни приводившая его стража, ни сами тюремщики не знали настоящей причины заключенія. Краткое *lettre de cachet* замѣняло всякія объясненія, и впослѣдствіи для историка не оставалось никакихъ официальныхъ документовъ для сужденія о винѣ заключеннаго. Къ счастью для наиболѣе интереснаго періода стараго порядка мы обладаемъ документомъ большой важности. Это журналъ одного изъ королевскихъ лейтенантовъ Бастиліи *Этиенна дю-Жонка*. Назначенный въ Бастилію, онъ съ момента своего вступленія въ должность сталъ писать нѣчто вродѣ дневника, гдѣ къ фактамъ тюремной жизни присоединялъ свои догадки и размышленія. 18 сентября 1698 онъ записалъ: «Въ три часа дня Сень-Марсъ, новый главный правитель Бастиліи, прибылъ въ первый разъ съ мѣста своей прежней службы и привезъ съ собой въ закрытой каретѣ бывшаго у него тамъ заключеннаго. Лицо привезеннаго закрыто маской, и имя его никому не сообщается. Изъ кареты его провели въ первую комнату башни Базильера, откуда по наступленіи ночи самъ Сень-Марсъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сержантовъ Разаржемъ провели этого человѣка въ третью комнату башни Бертодіера». Пять лѣтъ спустя 19 ноября 1703 года дю-Жонка пишетъ: «Неизвѣстный заключенный, съ маской чернаго бархата на лицѣ, вчера, выходя съ мессы, почувствовалъ себя плохо и умеръ сегодня въ 10 часовъ вечера безъ признаковъ какой-либо тяжелой болѣзни. Жиро, нашъ священникъ, исповѣдавшій его вчера, пораженъ его смертію. Онъ не успѣлъ приобщиться святыхъ тайнъ, и священникъ едва успѣлъ прочесть ему отпущеніе грѣховъ за нѣсколько мгновеній до смерти. Онъ погребенъ вчера въ четыре часа на кладбищѣ Петра и Павла нашего прихода. При погребеніи ему дали неизвѣстное имя. Майоръ Разаржъ и хирургъ Аррель подписали свидѣтельство погребенія».

Вотъ документы, по поводу которыхъ появилось впослѣдствіи столько изслѣдованій. Одна изъ амстердамскихъ газетъ того времени также передаетъ, что Сень-Марсъ привезъ съ собой въ Бастилію замаскированнаго заключеннаго. Въ 1711 г. Палатинская Принцесса также говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Одинъ человѣкъ много лѣтъ оставался въ Бастиліи и такъ и умеръ тамъ съ маскою на лицѣ. Съ обоихъ сторонъ около него стояли два мушкетера, готовые его убить, какъ только онъ сниметъ маску. Онъ ѣлъ и спалъ въ маскѣ. Очевидно было необходимо, чтобы это было такъ, потому что въ остальномъ его не стѣсняли. У него была хорошая камера, ему давали все, что онъ желалъ. Онъ приобщался въ маскѣ. Онъ былъ набоженъ и постоян-

но читаль. Никогда не могли узнать, кто онъ такой»¹⁾. Нѣсколько позже Палатинская Принцесса высказываетъ догадку, что это былъ одинъ англійскій милордъ, замѣшанный въ дѣло герцога Бервика. Много позже въ мемуарахъ, появившихся въ Амстердамѣ, человѣку въ желѣзной маскѣ дается имя графа Вермандуа, побочнаго сына Людовика XIV, давшаго пощечину дофину и заключенному за это въ одной изъ тюремъ государства. Вольтеръ въ «Вѣкѣ Людовика XIV», пишетъ о человѣкѣ въ маскѣ, какъ о сынѣ Людовика XIV, а нѣсколько лѣтъ спустя въ Энциклопедіи, исправляя детали своей первой версіи, называетъ его братомъ Людовика XIV, сыномъ Мазарини и Анны Австрійской. Позднѣе цѣлый рядъ ученыхъ, библиофиловъ и даже романистовъ пытается строить различныя гипотезы²⁾. Человѣкъ въ маскѣ оказывался сыномъ короля, его братомъ, государственнымъ измѣнникомъ Матиоли, герцогомъ Бофоромъ, министромъ Фуке, армянскимъ патріархомъ Аведикомъ—жертвой іезуитовъ, генераломъ Лаббе и т. д. Изъ болѣе новыхъ работъ наиболѣе обстоятельно является изслѣдованіе Лера³⁾. По мнѣнію Лера заключеннымъ въ маскѣ былъ нѣкто Евстахій Данжеръ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ темныхъ услугахъ которыхъ нуждались иногда государственные люди того времени, а послѣ убійствомъ ихъ или вѣчнымъ заключеніемъ гарантировали себѣ ихъ молчаніе. Леръ основывается, главнымъ образомъ на обширной перепискѣ главнаго министра Лавуа съ однимъ изъ самыхъ исполнительныхъ тюремщиковъ стараго порядка, Сень-Марсомъ. За двадцать лѣтъ до своего назначенія губернаторомъ Бастиліи Сень-Марсъ былъ начальникомъ тюрьмы въ Пинероло. Сюда ему и адресовано письмо Лавуа, извѣщающее о присылкѣ въ Пинерольскую тюрьму новаго заключеннаго, Евстахія Данжера. «Весьма важно,—пишетъ Лавуа, чтобы его стерегли, какъ можно тщательнѣе и чтобы онъ не могъ дать о себѣ никакихъ извѣстій. Я нарочно извѣщаю заранѣе, чтобы вы могли приготовить камеру, куда его слѣдуетъ помѣстить. Обратите особое вниманіе на то, чтобы отверстія для свѣта не выходили на мѣста, гдѣ кто-либо можетъ находиться. Нужно, чтобы лично вы сами приносили этому несчастному разъ въ день необходимую пищу. Не слушайте никогда ни подъ какимъ предлогомъ то, что онъ будетъ вамъ говорить. Угрожайте ему смертью, если онъ откроетъ ротъ сказать что-либо другое, кромѣ самаго необходимаго». Единственною милостью для этого несчастнаго являлось позволеніе слушать мессу, служившуюся для Фуке⁴⁾, но необходимымъ условіемъ было приказаніе «помѣщать его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не могъ увидѣть». Очевидно этотъ человѣкъ обладалъ тайной, которая должна была умереть вмѣстѣ съ нимъ. Леръ доказываетъ, что именно этого заключеннаго Сень-

¹⁾ Letres de Princesse Palatine. Paris 1788.

²⁾ Въ числѣ прочихъ упомянемъ: La Grange-Chaniel, Sainte Foy, библиофила Іасова, Александра Дюма, барона Глѣкена, Камилла Руссе, Мариуса Топена, Функъ-Брептаню, генерала Юнга, Эмиля Бургарда.

³⁾ Lair. Nicolas Fouquet. Paris. 1890.

⁴⁾ Фуке—генеральный прокуроръ парламента и суперъ-интендантъ финансовъ, подвергнутый при Людовикѣ XIV (въ 1664 г.) за страшныя хищенія пожизненному заключенію. *Ред.*

Марсъ двадцать лѣтъ спустя привезъ въ Бастилію. Годы проходили, и узникъ жилъ, «покорившись волѣ Бога и короля», такъ что, наконецъ, по ходатайству Сень-Марса, Лавуа разрѣшаетъ назначить его въ лакеи къ Фуке. Но всё же помимо Фуке съ нимъ никто не долженъ ни говорить, ни видѣться. Даже тогда, когда въ послѣдствіи тюремный режимъ для Фуке немного смягчился, и ему позволили видѣться иногда съ Лозеномъ ¹⁾, лакей Фуке долженъ былъ быть удаляемъ изъ камеры Фуке. Послѣ смерти послѣдняго, узнавъ, что Фуке и Лозенъ нашли способъ свободно, безъ наблюденія сообщаться другъ съ другомъ, и думая, что секреты господъ могли сдѣлаться секретами лакеевъ, Лавуа обрушивается на послѣднихъ. Евстахій Данжеръ и лакей Лозена запираются въ нижнюю башню, и для большей безопасности Лавуа предписываетъ Сень-Марсу убѣдить Лозена, что Данжеръ выпущенъ на свободу.

Отнынѣ Данжеръ и лакей Лозена не называются больше по имени. «Заключенный нижней башни» — вотъ подъ какимъ именемъ фигурируютъ они въ перепискѣ Лавуа съ Сень-Марсомъ. Въ 1681 г. Сень-Марсъ назначается губернаторомъ Экзилль въ Пиемонтѣ. Извѣщая его объ этомъ, Лавуа передаетъ волю короля, чтобы Сень-Марсъ «перевезъ на мѣсто своего новаго назначенія тѣхъ заключенныхъ, относительно которыхъ его величество думаетъ, что имъ лучше быть въ вашихъ рукахъ, чѣмъ въ чьихъ-нибудь другихъ». Въ припискѣ къ этому письму онъ добавляетъ, что король вѣроятно захочетъ перевести только «двухъ заключенныхъ нижней башни». Режимъ этихъ двухъ несчастныхъ и въ новомъ мѣстѣ необычайно суровъ. «Чтобы никто не могъ увидѣть заключенныхъ, ихъ не будутъ выпускать изъ камеръ даже для слушанія мессы, доносить Сень-Марсъ министру. — Для большей безопасности одинъ изъ моихъ помощниковъ будетъ спать наверху надъ ихъ камерой. Меня беспокоитъ только вопросъ объ исповѣдникѣ, но если вы позволите, я дамъ имъ мѣстнаго кюре, человѣка вполнѣ надежнаго и къ тому же очень стараго. Отъ имени короля я ему запрещаю не только узнавать, кто эти заключенные, но даже говорить о всѣмъ, что не относится къ исповѣди, или получать какое-либо сообщеніе, письменное или устное». Одинъ изъ заключенныхъ нижней башни, бывший лакей Лозена, заболѣлъ водянкой, и Лавуа разрѣшаетъ ему исповѣдываться у этого священника, но только тогда, когда «будутъ налицо признаки близкой смерти». Смерть не замедлила, и съ 1687 г. остается только одинъ «заключенный нижней башни». Восемнадцать лѣтъ провелъ онъ уже въ заточеніи все подъ надзоромъ Сень-Марса. И когда Сень-Марсъ, котораго король не забывалъ своими милостями, назначается губернаторомъ на острова св. Маргериты, и туда онъ долженъ везти своего таинственнаго заключеннаго. Онъ вѣзъ этого несчастнаго въ особой каретѣ, затянутой со всѣхъ сторонъ матеріей, «такимъ образомъ, чтобы было достаточно воздуха для дыханія, но никто не могъ бы ни видѣть, ни говорить съ нимъ во всё время пути». Тайна была сохранена, но самая таинствен-

¹⁾ Lausun — одинъ изъ приближенныхъ Людовика XIV, два раза заплатившійся заключеніемъ въ крѣпости по проискамъ Лавуа. Въ Пинероло онъ провелъ пять лѣтъ.

ность переѣзда возбудила всеобщее любопытство и заставляла каждого задумываться надъ личностью перевозимаго. Это и констатируетъ Сень-Марсъ въ своемъ донесеніи.

Лавуа умеръ, но его преемникъ сохранилъ то же отношеніе къ заключенному нижней башни. «Если вы захотите сообщить мнѣ что-либо о заключенномъ, *который находится подъ вашей охраной уже двадцать лѣтъ*, дѣлайте это съ тѣми же предосторожностями, какъ и раньше при Лавуа».

Леръ стремится доказать, что, когда нѣсколько лѣтъ спустя. Сень-Марсъ назначается въ Бастилію, онъ перевозитъ съ собой этого несчастнаго. Зловѣщею и таинственною связью соединила судьба этихъ двухъ человѣкъ: тюремщика и его жертву. И дѣйствительно, въ приказѣ Сень-Марсу значится: «королю угодно было вамъ приказать, чтобы при вашемъ отѣздѣ съ острова св. Маргериты вы перевезли бы съ собой въ Бастилію *вашего прежняго заключеннаго* и приняли бы всѣ предосторожности, чтобы его никто не видѣлъ и не узналъ». И предосторожности приняты. Въ закрытой каретѣ заключеннаго перевозятъ въ Бастилію. На этотъ разъ, въ виду продолжительности переѣзда, Сень-Марсъ долженъ былъ для большей безопасности надѣть ему на лицо маску чернаго бархата. Такъ въ черной маскѣ его и ввезли въ Бастилію, какъ и свидѣтельствуетъ объ этомъ дневникъ цитируемаго нами въ началѣ Жонка. Здѣсь онъ называется «человѣкъ въ маскѣ».

Но здѣсь какъ разъ слабое мѣсто въ доказательствахъ Лера. Былъ ли привезенный въ Бастилію «человѣкъ въ маскѣ» Евстахѣмъ Данжеромъ или нѣтъ? Только что цитированныя нами изъ приказа Сень-Марсу слова о *прежнемъ заключенномъ* не могутъ служить положительнымъ доказательствомъ. За одиннадцать лѣтъ губернаторства Сень-Марса на островахъ св. Маргериты Евстахій Данжеръ могъ умереть¹⁾. Въ руки неумолимаго тюремщика могъ быть отданъ еще одинъ несчастный, скрыть личность котораго было также важно королю или министру. По свидѣтельству майора Шевалье человѣку въ маскѣ оказывалось большое вниманіе со стороны администраціи тюрьмы, и вообще обращеніе съ нимъ было лучшимъ, чѣмъ съ другими заключенными. Это также противорѣчитъ предположенію Лера, такъ какъ Данжеръ, по всей вѣроятности, не былъ высокопоставленнымъ лицомъ, если нашли возможнымъ опредѣлить его въ лакеи къ Фуке. Но съ другой стороны священникъ Гриффе, долгое время бывший исповѣдникомъ Бастиліи ничѣмъ не подтверждаетъ свидѣтельство Шевалье, хотя неоднократно въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о «человѣкѣ въ маскѣ». Въ послѣдніе годы заключенія король позволилъ немного смягчить суровый режимъ человѣка въ маскѣ. Ему разрѣшено было исповѣдываться «всякій разъ, когда Сень-Марсъ найдетъ это удобнымъ», и позволена была прогулка. Его могъ посѣщать врачъ. Но при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ онъ оставался съ маскою на лицѣ. Такъ въ маскѣ онъ и умеръ въ 1703 г.

Въ послѣднее время Барнс²⁾ опубликовалъ нозую работу объ

¹⁾ Если принять гипотезу Лера, то Данжеръ долженъ былъ провести въ непрерывномъ заточеніи 34 года.

²⁾ Barnes. The Man of the Mask. London. 1909.

этомъ загадочномъ заточенномъ. Онъ согласенъ съ Леромъ въ томъ, что Данжеръ и человѣкъ въ маскѣ одно и то же лицо, но даетъ иное толкованіе личности Данжера. Тогда было въ обычаѣ давать вымышленныя имена заключеннымъ, и такъ имя Данжера Барнсъ считаетъ однимъ изъ такихъ псевдонимовъ. Подъ именемъ Данжера, по мнѣнію Барнса, былъ заключенъ аббатъ Приньяни, посредникъ въ переговорахъ между Людовикомъ XIV и Карломъ II англійскимъ. Въ переговорахъ шла рѣчь о помощи англійскому королю въ его войнѣ съ Голландіей. Требовался вѣрный человѣкъ, могущій хранить довѣренное. Карлъ II довѣрилъ эти переговоры аббату Приньяни, одному изъ своихъ близкихъ приближенныхъ. Приньяни, дѣйствительно, удачно выполнилъ нѣсколько порученій Людовика XIV къ Карлу II, какъ вдругъ 1669 г., отправившись во Францію, безслѣдно исчезаетъ; нигдѣ въ официальной перепискѣ о немъ больше не упоминается. Весьма возможно, что, заподозрѣнный Людовикомъ XIV, онъ былъ арестованъ и подъ именемъ Данжера заключенъ въ Пинероло. Даты вполне совпадаютъ. Приньяни былъ въ курсѣ государственныхъ плановъ Людовика XIV и зналъ поэтому многое, что было извѣстно Фуке. Вотъ почему впоследствии онъ могъ быть допущенъ къ Фуке подъ видомъ лакея: ничего новаго они не могли сообщить другъ-другу. Но ему было запрещено, какъ мы видѣли, сообщаться съ кѣмъ-либо другимъ.

Но Барнсъ идетъ дальше. Аббатъ Приньяни былъ, по его мнѣнію, никто иной, какъ одинъ изъ побочныхъ сыновей Карла II. Вотъ почему послѣдній и выбралъ его для секретныхъ и деликатныхъ переговоровъ. Барнсъ думаетъ, что сначала Людовикъ и его министры не знали подлинной личности арестованнаго агента. Но потомъ, просматривая ли его бумаги, или просто благодаря случаю, они вдругъ открыли, что агентомъ Карла II является его собственный сынъ. Желая имѣть подъ рукой человѣка, могущаго въ одинъ прекрасный день сдѣлаться претендентомъ на англійскій престолъ, Людовикъ смягчаетъ режимъ заключеннаго, но въ то же время принимаетъ всѣ мѣры, чтобы скрыть его личность. И Приньяни превращается въ «человѣка въ маскѣ». Снова какъ будто бы воскресаетъ старая народная легенда о заточенномъ сынѣ короля, но только на этотъ разъ это сынъ не Людовика, а Карла англійскаго. Увы, въ цитированной нами въ заголовкѣ работѣ Лалуа приходитъ къ заключенію, что и эта гипотеза не выдерживаетъ исторической критики. Данжера нельзя отождествлять съ аббатомъ Приньяни. И «человѣкомъ въ маскѣ» не былъ ни тотъ, ни другой. Самъ Лалуа послѣ тщательнаго и кропотливаго анализа прямыхъ и косвенныхъ документовъ отказывается дать какое-либо рѣшеніе. Загадка остается неразрѣшенной. И, можетъ быть, все не такъ таинственно и романтично, какъ это рисуютъ создающіяся легенды. Людовикъ XV въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы Шуазеля довѣрить ему эту тайну сказалъ: «Если бы вы знали, въ чемъ тутъ дѣло, вы бы увидѣли, что это очень мало интересно». Можетъ быть, это и такъ. Но тогда зачѣмъ столько таинственности и такое желаніе сохранить эту тайну?

П. Войковъ.

Театральные нравы прошлого вѣка.

Въ недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ А. И. Шубертъ («Моя жизнь». Изд. Дирекціи Имп. Театровъ. Спб., 1913 г.) можно найти много любопытныхъ подробностей, рисующихъ нравы театральной среды эпохи отъ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, и, дополнивъ рассказы, здѣсь помѣщенные, свѣдѣніями, взятыми изъ обнародованной переписки А. Н. Верстовскаго (завѣдующаго репертуаромъ въ Москвѣ) съ М. А. Геденовымъ (директоромъ театровъ ¹⁾) мы получимъ довольно полную картинку нравственной и художественной распущенности, царившей не такъ давно за кулисами театра.

Начиная со школьной скамьи, будущая дѣятельница сцены находилась уже въ атмосферѣ влюбленности, ухаживанья съ одной стороны, и полной распущенности и ничего недѣланья съ другой. Все воспитаніе было въ рукахъ классныхъ дамъ изъ «барскихъ нянюшекъ, грубыхъ, необразованныхъ, смотрѣвшихъ сквозь пальцы на любовныя похожденія своихъ воспитанницъ, а иногда и помогавшихъ имъ въ этомъ». Вотъ характеристика этихъ «удивительныхъ воспитательницъ».

«Бурцева только всѣмъ уши драла походя; простая баба. Русанова рассказывала взрослымъ дѣвицамъ двусмысленные анекдоты, а Ек. Васил. Румянцева, протеже Дубельта ²⁾, и со всѣмъ позорными дѣлами занималась» и только М. О. Ларіонова «была скромнаго и тихаго характера, хотя и она «дралась до остервененія линейкой, притомъ ребромъ, по чемъ попало» и «волочила за волосы по полу до тѣхъ поръ, пока не останутся въ рукахъ у нея пряди волосъ».

Особенно страдали вновь вступившія, которымъ приходилось трепетать не только передъ классными дамами, но и передъ старшими воспитанницами, подъ началъ къ которымъ ихъ отдавали. О маленькихъ ученицахъ А. И. Шубертъ пишетъ: «Это были истинныя мученицы. Онѣ исполняли роль горничныхъ при своихъ покровительницахъ, бѣгали въ буфетную съ чайниками и кофейниками, одѣвали старшихъ, застегивали имъ платья, и за все награждались колотушками». Преподаванію различныхъ наукъ удѣлялось въ школѣ мало времени, и хотя ихъ было

¹⁾ Еж. Импер. Театровъ за 1912 и 1913 годы.

²⁾ Л. В. Дубельтъ, знаменитый управляющій III Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи императора Николая I, о немъ см. М. Лемке, «Николаевскіе жандармы» (СПб., 1908 г.) и «Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 3. Въ воспоминаніяхъ А. И. Шубертъ, этотъ «благодѣтельный старичекъ», какимъ онъ былъ по отношенію къ хорошенькимъ актрисамъ, ясно обрисованъ.

много и «все мудренныя: эстетика, археологія, міѳологія», но дирекція обращала вниманіе только на танцы, при чемъ этой «наукѣ» учили всѣхъ маленькихъ, а затѣмъ «хорошенькихъ» оставляли въ балетѣ, а дурнушекъ и неуклюжихъ пристраивали къ драмѣ. Въ балетное отдѣленіе мечтали всѣ попасть, хотя на балеринъ въ то время смотрѣли, какъ «на особъ легкаго поведенія», однако это была завидная карьера въ будущемъ, да и въ настоящемъ избавляли отъ классовъ и давали возможность долго спать,

«По утрамъ спальня представляла полный хаосъ: кто пьетъ чай или кофе въ постели, кто спитъ, кто переодѣвается въ танцовальное платье. Еле-еле къ самому обѣду управятся», и вся забота воспитанницъ состояла въ томъ, чтобы тщательно причесать голову, платье же было растрепано, а часто просто накинуть большой платокъ на плечи. Дѣлалось это для того, чтобы плѣнять головой, гулявшихъ по «Улицѣ Любви» гвардейцевъ, которымъ черезъ замазанныя зимой окна были видны однѣ головы, для чего воспитанницы взбирались на окошки. Такъ черезъ окно завязывались знакомства, и «офицеры ухитрялись пробираться къ намъ» подъ видомъ полотеровъ или рядились кучерами и возили воспитанницъ въ театръ на казенныхъ линейкахъ.

Но дѣло не ограничивалось только «платоническими перелгядываніями черезъ улицу».

Кромѣ того, «далеко не все обстояло благополучно и въ самой школѣ». И инспекторъ «разыгрывалъ роль любящаго отца»; обнималъ старшихъ воспитанницъ, цѣловалъ, говорилъ «ты», называлъ полуименемъ и водилъ къ себѣ дѣвицъ чай пить, и учителя, въ родѣ Алиминіева, который въ классѣ «вралъ всякія неприличныя вещи», ловили и щипали воспитанницъ. И директоръ «способствовалъ знакомству дѣвицъ съ разными барами»; поэтому, кто «былъ другомъ директора, свой человѣкъ у него въ домѣ, значить свой и въ нашей школѣ». Такъ Л. В. Дубельтъ устраивалъ свиданія съ понравившейся ему воспитанницей въ квартирѣ классной дамы и «чтобы прикрыть неблаговидность этого, онъ выбралъ еще нѣсколько подростковъ, присылалъ имъ гостинцы и платилъ мѣсячное жалованье; онѣ называли его папашей, а онъ ихъ дочками».

Какъ только ученица попадала на сцену, такъ маменьки и старшія сестры старались устроить ихъ «на готовыя квартиры съ адюлтеромъ», объ этомъ заботился и директоръ театровъ Геденовъ. «Онъ,—разсказываетъ Шубертъ,—вызвалъ меня къ себѣ и, имѣя въ виду мое счастье, сталъ уговаривать идти на содержаніе къ Л. В. Дубельту. Я сказала, что не желаю. Тогда, смѣясь и шутя, онъ предложилъ идти на содержаніе къ нему. Я отказалась».

И въ Москвѣ было то же самое: всѣ артистки имѣли богатыхъ и знатныхъ покровителей, и начальникъ репертуара (главная театральная власть въ Москвѣ) помогаль знакомству вліятельныхъ лицъ съ театральными знаменитостями (см. напр., Е. И. Т. 1913, II, стр. 40), которые свободно проходили на сцену. Любопытны мѣры, принятыя для прекращенія этихъ посѣщеній Верестовскимъ. «Я просилъ—пишетъ онъ Геденонову,—отъ 2, XII, (1843),—и въ вашемъ бенуарѣ и въ Министерской ложѣ сдѣлать по крючку для запора дверей»; но театралы все-таки проникали за кулисы.

Такими наивными мѣрами боролось начальство противъ «благодѣтельныхъ стариковъ», само же, однако, постоянно считалось съ ихъ мнѣніемъ и выдвигало ихъ *protégé*..

Надо отмѣтить, что покровительство вліятельнаго лица обезпечивало внѣшній успѣхъ и въ публикѣ, что можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ Верестовскимъ директору: «Отъ того ли, что всѣ ясно начинаютъ видѣть разницу, или, если вѣрить слухамъ, что ее Цынскій¹⁾ бросилъ, но только узнать нельзя той холодности, съ которой ее встрѣчаютъ²⁾, или въ другомъ письмѣ по поводу успѣха балерины Ворониной Верестовскій пишетъ: «Отъ того ли, что по слухамъ Левъ Михайловичъ (Цынскій) на нее цѣлилъ, или оставилъ, какъ говорятъ, Санковскую, но въ продолженіе всего балета не было ни одного ни шикунa, ни свистуна, хоти Санковская съ компаніей весьма работала помѣшать успѣху Ворониной».

Изъ всего вышесказаннаго понятно, что и за кулисами «высокопоставленнымъ любовницамъ оказывали почетъ» (Шубертъ, *ibid*), но «внутри театральнаго міра только и были заняты сохраненіемъ условной нравственности, другого интереса и разговора не было, а внѣ его большинство было съ «поведеніемъ», и вотъ за кулисами создалась своеобразная «ехидно-добродѣтельная мораль».

Актрисы отказывались отъ роли Софьи въ «Горе отъ ума», считая ее неприличною за ночныя бесѣды съ Молчалинымъ или, напримѣръ, Каратыгина, получивъ роль пожилой графини, притворщицы и интригантки, которую въ концѣ пьесы выводятъ на свѣжую воду, — писала «режиссеру: «Милостивый Государь

¹⁾ Левъ Михайловичъ, Свиты Генераль-маіоръ, Московскій Оберъ-цмейстеръ.

²⁾ Дѣло идетъ объ извѣстной въ свое время балеринѣ Санковской, которую Геденовъ и его приспѣшники топили, чтобы очистить дорогу Анdreяновой, которой покровительствовалъ Геденовъ. (См. «Записки Каратыгина», СПб., 1880 г., стр. 283—288).

Н. И. ¹⁾, вы, вѣроятно забыли, что я играю роли только честныхъ женщинъ (подчеркнуто) и поэтому возвращаю эту, присланную мнѣ, вѣроятно, по ошибкѣ. А. К.).

Режиссеру приходилось въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ угрозамъ и уловкамъ. Такъ, въ одномъ водевилѣ была роль дѣвушки, находившейся въ тайной связи съ ученикомъ, и, хотя въ самой роли не было ничего нескромнаго, актрисы несоглашались ее играть, пока режиссеръ не догадался напечатать на афишѣ «тайно обвиненная».

И на ряду съ этимъ лицемѣремъ, особенно страдали тѣ, кто не умѣлъ скрыть своего «поведенія»: однажды двумъ молодымъ актрисамъ, которыя не могли больше скрывать своей беременности, придумали слѣдующую казнь: ихъ «заставили играть въ пьесѣ «Новички въ любви», гдѣ двѣ дѣвочки въ коротенькихъ бѣлыхъ платицахъ и панталончикахъ, какъ тогда одѣвали дѣтей, и въ локопчикахъ, высказываютъ желаніе выйти скорѣе замужъ, плачутъ, топаютъ ножками». «Это было ужасное представленіе»—воскликаетъ А. И. Ш. — «фигуры дѣвочекъ на 7-мъ или 8-мъ мѣсяцѣ беременности. Всѣ ихъ наивныя слова принимались публикой съ какимъ-то злораднымъ хохотомъ»...

Въ Петербургѣ на новую пьесу тратилось не больше 3-хъ репетицій, если же пьеса была переводной, то и играли и репетировали ее кое-какъ, Это было въ концѣ пятидесятихъ годовъ и то же нашла А. И. Ш. черезъ 23 года: «Полное невѣжество, непониманіе русской жизни, и честнаго отношенія къ дѣлу. Ни одна душа ничего не читаетъ, ничѣмъ не интересуется и только носится со своимъ «я». Новыя реформы, благотѣльные для артистовъ, добрейшій человекъ Потѣхинъ, прямо заявившій, что онъ не начальникъ, проситъ считать его товарищемъ и помогать ему въ новомъ для него дѣлѣ... Все это не понято, обругано, оплевано, такъ что молишь судьбу: Господи дай настоящаго начальника въ мундирѣ съ плетью: не доросли мы, чтобы безъ палки служить! Эту фразу Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ твердилъ еще тридцать лѣтъ назадъ».

Щепкинъ былъ неправъ: начальникъ съ плетью не смогъ бы очистить весь театральнй, накопившійся отъ крѣпостнаго времени, соръ—только личный примѣръ культурнаго артиста—человѣка могъ поднять уровень среди актеровъ. Этого и добился въ Москвѣ Щепкинъ.

В. Филипповъ.

¹⁾ Николай Ивановичъ Куликовъ, родной братъ А. И. Шубертъ, извѣстный болѣе какъ авторъ цѣлаго ряда драмъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

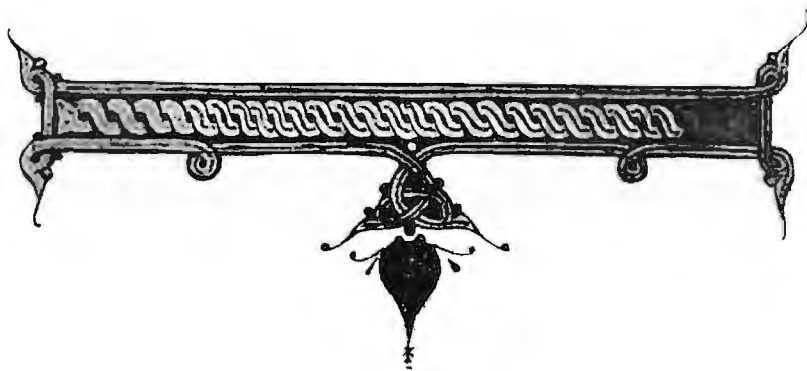
Бѣлинскій. Письма. Т. I (1829—1839). Т. II (1839—1843). Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. Спб. 1914 г. Цѣна тома 2 р. 50 к. **Гинкенъ, А.** О чтеніи и книгахъ. Вып. II. Спб. 1914 г. Ц. 80 к. **Дунаевъ, Б. И.** Библиотека старорусскихъ повѣстей XVIII в. Петровская эпоха. Москва. 1914 г. Ц. 35 к. **Егорьевъ, В. и Марковъ, В.** Свирѣль Китая. Изд. О-ва Худ. «Союзъ молодежи». Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. **Жулавскій, Г.** Побѣдитель. Москва. Кн-во К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р. 40 к. **Избран. стихи русскихъ поэтовъ.** Серия сборн. по періодамъ. Періодъ третій. Вып. II (А. Блокъ—М. Шагинянь). 1914 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к. **Истоминъ, К. К.** «Старая манера» Тургенева (1834—1855). Опытъ психол. творчества. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. **Капустинъ, Вл. А.** Десятилѣтіе (1903—1913) оцѣноч. производ. по отчужд. участ. земли въ Леоновѣ для Моск. Окр. ж. дор. Москва. 1913. **Коваленскій, М. Н.** Московск. политич. литератур. XVI в. Кул.-истор. библ. подъ ред. И. К. У. О. О. Р. Т. З. № 8. Ц. 85 к. 1914 г. Кн-во «Энергія». Спб. **Козловскій, Л. С.** Герценъ-публицистъ. Кул.-истор. библ. подъ ред. И. К. У. О. О. Р. Т. З. № 9. Ц. 90 к. 1914 г. Кн-во «Энергія». Спб. **Кулишеръ, І. М.** Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его истор. развитіи. Спб. 1914 г. Ц. 3 р. **Массальскій, Н.** Поволжье, Приуралье и лѣчебныя степи. Изд. Суринъ. Спб. **Матеріалы** для ист. города Боровска и его уѣзда. Т. I. Соб. и зап. Н. П.

Глухаревымъ. 1913 г. Ц. 1 р. **Московск. театръ** при ц. Алексѣѣ и Петрѣ. Матер. собр. С. К. Богоявленскимъ. Изд. Им. О-ва Ист. и Древ. Рос. при Моск. У-тетѣ. Москва. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. **Мукаловъ, Н.** Методич. руковод. къ изуч. дробн. чиселъ. Изд. I. Кіевъ. 1914 г. Ц. 60 к. **Очерки** по вопр. эконо. дѣятельности евреевъ въ Россіи. Вып. I. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. **Павловъ, А.** Ода на столѣтіе паровоза. Тифл. 1914 г. **Рабиндранатъ Тагоръ.** Гитанджали (жертвопѣсн). Пер. подъ ред. Ю. Балтрушайтиса. Изд. В. Португалова. Москва. 1914 г. Ц. 40 к. **Сазавскій, М.** Славянская письменность и литургія въ IX—XI в. на западѣ. Ниж.-Нов. 1914 г. **Сивковъ, К. В.** Путешествія рус. людей за границу въ XVIII в. Кул.-истор. библ., подъ ред. И. К. У. О. О. Р. Т. З. № 7. Ц. 85 к. Кн-во «Энергія». Спб. **T i h o m i. r o v, V. V.** Al kvesto pri evoluado de Esperanto, kiel lingvo vivanta. Москва. 1914 г. Ц. 20 к. **T i h o m i r o v, V. V.** (В. В. Тихомировъ). Novaja russkaja azbuka. Новая русская азбука. Москва. 1914 г. Цѣна 8 коп. **Трентъ, В. и Эрскинъ, Дж.** Великіе америк. писатели. Изд. П. И. Пѣвина. «Биб. Соврем.». Спб. Безпл. прил. къ журн. «Соврем.». **Шретеръ, М. В.** Пѣсни чижики. Спб. 1914 г. Ц. 90 к. **Харламповичъ, К. В.** Малороссійское вліяніе на великорус. церковн. жизнь. Т. I. Казань. Изд. кн. маг. М. А. Голубева. 1914 г. Ц. 7 р.

Новыя книги.

Адамъ, Робертъ и Джемсъ. Англійскій классицизмъ XVIII в. Архит. проекты. **Багалъй, Д. И., проф.** Экономич. положеніе русск. университетовъ. **Бертенсонъ, В. Б.** За 30 лѣтъ. **Борецкій-Бергфельдъ.** Колоніальная исторія зап.-европ. континент. странъ. **Бурцевъ, А. Е.** Мой журналъ для немногихъ. В. 7. **М. А. Бадунинъ** и его худож. творчество. **Бурцевъ, А. Е.** Мой журналъ для немногихъ. Вып. 8. В. С. **Щербаковъ** и его худ. творчество. **Герье, В. И., проф. Т. Н. Грановскій.** **Евгеньевъ, В.** Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. **Иваскъ, І. Г.** Жизнь и труды В. И. Соболевскаго. **Итальянск. архитектура**

эпохи Возрожденія. **Корелинъ, М.** Ранній итал. гуманизмъ и его исторіографія. **Лазурскій, В. О.** Курсъ исторіи Зап.-европ. литературы. **Леманъ, І. І.** Гравюра и литографія. **Липранди, А. П.** Польскій вопръ въ Зап. Руси. **Николай Михайловичъ, Вел. Кн.** Русскій провинц. Некрополь. **Никонъ, архіеп.** Мои дневники. **Новыя идеи** въ сціологіи. Подъ ред. проф. М. М. Коваленскаго и Е. В. де-Роберти. **Переверзевъ, В. О.** Творчество Гоголя. **Радловъ, Н. Е.** Сѣровъ. **Ростовцевъ, М.** Античная декорат. живопись на югѣ Россіи. **Селивановъ.**

† Александръ Христофоровичъ Христофоровъ.

Скончавшійся наканунѣ «новаго» 1914 года (31 декабря) въ Кларанѣ Ал. Хр. Христофоровъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ представителей русскаго освободительнаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ русской эмиграціи. Къ движенію этому онъ примкнулъ въ бытность свою студентомъ казанскаго университета еще въ 1862 г. Исключенный изъ университета за участіе въ «студенческихъ безпорядкахъ» того времени, Христофоровъ жилъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Саратовѣ и тамъ занимался организаціей «артельныхъ мастерскихъ», участниками которыхъ явились, какъ лица интеллигентныхъ профессій, такъ и рабочіе. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ Александръ Христофоровичъ былъ высланъ «административнымъ порядкомъ» въ Шенкурскъ, а въ 1875 году отправился за границу, гдѣ и прожилъ всю свою остальную жизнь. Тамъ сдѣлался онъ основателемъ журнала, который издавался въ теченіе 14 лѣтъ (1877—1890)—«Общее Дѣло». Названіе это вполне отвѣчаетъ содержанію и направленію журнала, ибо, явившись съ самаго начала провозвѣстникомъ борьбы за политическую свободу и плывя въ этомъ отношеніи въ первое время своего существованія и «противъ теченія», журналъ проповѣдывалъ, что дѣло завоеванія политической свободы есть *общее дѣло* всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ Россіи, независимо отъ различія ихъ взглядовъ на другіе вопросы русской жизни, и что именно на этой базѣ и должна быть построена общая платформа для всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ направленій въ Россіи. Этого взгляда Христофоровъ держался неизмѣнно до конца жизни, горячо привѣтствуя возникшій за границею уже въ началѣ XX вѣка журналъ «Освобожденіе», въ приложеніи къ которому (первой книжкѣ) онъ и напечаталъ свои очень цѣнные, относящіяся къ исторіи «Общаго Дѣла», воспоминанія. Изъ этихъ

воспоминаній мы здѣсь и приведемъ слѣдующія строки: «пріѣхавъ въ 1875 году за границу, я съ неостывшими еще впечатлѣніями отъ вопіющихъ безобразій, совершаемыхъ въ моемъ отечествѣ нашими большими и малыми властителями, тотчасъ же набросился на русскую вольную прессу и былъ пораженъ незначительной долей вниманія, которое она удѣляла этимъ безобразіямъ. Затѣмъ, встрѣтившись въ Женевѣ съ двумя политическими эмигрантами, моими старыми товарищами по казанскому университету, я подѣлился съ ними своими впечатлѣніями, высказавъ сожалѣніе объ отсутствіи въ русской вольной прессѣ періодическаго изданія, которое было бы органомъ всего русскаго общества, враждебнаго существующему у насъ политическому строю, имѣя предметомъ свей пропаганды то, въ чемъ согласны всѣ партіи, и ближайшею цѣлью — ограниченіе самодержавія національнымъ представительствомъ. Оба они оказались одинаковаго со мною мнѣнія, а одинъ изъ нихъ, М. К. Элпидинъ, тотчасъ же предложилъ издавать газету въ желательномъ для насъ направленіи, взявъ на себя заботы пріискать для этого сотрудниковъ и матеріальныя средства. Я съ удовольствіемъ согласился послужить этому дѣлу перомъ, въ надеждѣ, что мой примѣръ вызоветъ подражаніе со стороны болѣе сильныхъ. Но добыть сотрудниковъ было не легко. Всѣ, владѣющіе перомъ, русскіе эмигранты были заняты по своимъ собственнымъ органамъ, а изъ еще незанятыхъ поблизости оказался только одинъ человѣкъ съ выдающимся литературнымъ дарованіемъ — П. Н. Ткачевъ. Онъ тогда жилъ въ Женевѣ, и къ нему-то и обратился М. К. Элпидинъ съ предложеніемъ сотрудничества. Ткачевъ не отказывался, но и не спѣшилъ съ своимъ согласіемъ. Политическая сторона предполагаемаго органа его привлекала, но общественный характеръ этого направленія и особенно его положительное отношеніе къ вопросу о конституціи не совпадало съ его идеями и настроеніемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, можетъ быть, согласился бы на условное сотрудничество, если бы вскорѣ не явилась у него возможность основать собственный органъ — «Набатъ». Вскорѣ послѣ появленія «Набата» вышелъ въ Маѣ 1877 г. и первый номеръ нашего изданія, названнаго, по моему предложенію «Общимъ Дѣломъ», при чемъ всѣ статьи для этого номера за исключеніемъ одной, доставленной специалистомъ по политической экономіи и финансамъ N, а именно, — «Свобода, какъ двигатель общественнаго развитія», — пришлось написать мнѣ. Вскорѣ однако все публицистическое одиночество прекратилось. На призывъ «Общаго Дѣла» къ сотрудничеству первый откликнулся изъ Ниццы небезызвѣстный публицистъ П. Θ. Алисовъ, приславшій

сочувственное письмо въ редакцію, которымъ онъ и началъ свое, впрочемъ, очень рѣдкое сотрудничество въ этомъ изданіи. Затѣмъ съ 3-го № началось очень дѣятельное сотрудничество извѣстнаго русскаго литератора В. А. Зайцева; съ 4-го № «Общее дѣло» приобрѣло новаго сотрудника, который подъ псевдонимомъ Изгоева, кромѣ многихъ мелкихъ статей, помѣстилъ тамъ подъ общимъ заглавіемъ «Возможно ли возрожденіе Россіи мирнымъ путемъ» рядъ изслѣдованій, составлявшихъ плодъ его усердныхъ размышленій надъ требованіями русской жизни и долгой практической опытности, приобретенной имъ на разныхъ видныхъ постахъ государственной службы. Наконецъ, въ сентябрѣ 1878 г. появилась въ «Общемъ Дѣлѣ» статья «Источники деспотизма», принадлежащая перу д-ра Н. А. Бѣлоголоваго, явившагося наиболѣе вліятельнымъ и постояннымъ участникомъ «Общаго Дѣла» во все время существованія этого изданія, которое его всесторонней поддержкѣ и обязано главнымъ образомъ своею сравнительно долгою жизнью. Не говорю о прочихъ случайныхъ участникахъ, время отъ времени находившихъ мѣсто для своихъ статей и корреспонденцій въ «Общемъ Дѣлѣ»,—ихъ было немного, но между ними встрѣчаются имена лицъ самыхъ различныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ направленій,—отъ украинофила проф. Драгоманова, ученаго географа М. И. Венюкова, извѣстнаго сибирскаго патріота и публициста Ядринцева до «отщепенца» Соколова и революціонера-народовольца Морозова. Главныхъ же постоянныхъ участниковъ «Общаго Дѣла» было всего четверо: В. А. Зайцевъ, Н. А. Бѣлоголовый, вышеупомянутый экономистъ N и нижеподписавшійся.

Эти строки А. Х. Христофоровъ напечаталъ въ 1903 году, слѣдовательно, еще до амнистіи 1905 года, покрывшей старые грѣхи разныхъ лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ «нелегальной печати», другими словами, совершившихъ такое «преступленіе», которое даже не имѣло давности. Поэтому экономиста N,—и понынѣ здравствующаго,—Христофоровъ и не называлъ по имени. Но въ 1906 г. въ Женевѣ вышла, составленная Элпидинымъ книжка, называющаяся «Библиографическій каталогъ—профили редакторовъ и сотрудниковъ» (русской зарубежной печати). Тамъ названъ по имени и №, съ нелестной, правда, для него характеристикой, которую мы, конечно, здѣсь опускаемъ, замѣтивши, къ слову, что подобными характеристиками изобилуетъ «Библиографическій каталогъ» и потому цѣнность произведенія Элпидина составляетъ отнюдь не эти, нерѣдко очень легкомысленныя характеристики, а исключительно фактическая сторона книжки. №—это Нилъ Александровичъ Юреневъ—

Отмѣтимъ здѣсь же, на основаніи того же «Каталога», что подъ псевдонимомъ Изгоева въ «Общемъ Дѣлѣ» писалъ—«Николай Осиповичъ Осиповъ, бывшій управляющій палатой государственныхъ имуществъ въ Астрахани, впослѣдствіи тайный совѣтникъ и членъ государственнаго контроля».

Вступленіе Бѣлоголоваго въ составъ редакціи «Общаго Дѣла» было для журнала фактомъ въ высокой степени плодотворнымъ, ибо Бѣлоголовый вложилъ въ это дѣло много энергіи. Онъ имѣлъ обширныя связи не только въ литературномъ мірѣ, поддерживая въ частности очень тѣсныя отношенія съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ, но и съ такими лицами, какъ гр. Лорисъ-Меликовъ, у котораго онъ былъ постояннымъ врачомъ и съ которымъ сошелся весьма близко и какъ просто съ хорошимъ знакомымъ. Всѣ эти разнообразныя связи Бѣлоголовый весьма дѣятельно утилизировалъ для «Общаго Дѣла». Ему же передалъ Лорисъ-Меликовъ и тѣ историческіе документы, которые послѣ смерти «диктатора» были напечатаны за границей въ книжкѣ, называющейся «Конституція Лорисъ-Меликова». Тайна участія Бѣлоголоваго въ «Общемъ Дѣлѣ» хранилась А. Х. Христофоровымъ такъ свято, что объ этомъ фактѣ не знали рѣшительно ничего не только правительственные сыщики, но и никто даже изъ самыхъ видныхъ представителей тогдашней эмиграціи въ Женевѣ. Въ напечатанной въ іюньской книжкѣ «Современника» за 1913 годъ статьѣ «Вольное Слово и эмиграція», жившая въ эпоху изданія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ въ качествѣ эмигрантки В. И. Засуличъ, полемизируя съ Б. А. Кистяковскимъ, касается, между прочимъ, нѣкоторыхъ обстоятельствъ очень любопытныхъ, какъ для уясненія немногимъ извѣстнаго положенія въ то время «Общаго Дѣла», такъ и для подтвержденія того факта, что роль Бѣлоголоваго въ редактированіи этого журнала была отъ эмиграціи безусловно скрыта. «Г. Кистяковскій,—пишетъ В. И. Засуличъ,—знаетъ, что газета «Общее Дѣло», которую онъ цитируетъ, ставила своею главною задачею борьбу за политическую свободу, но онъ совершенно не знаетъ положенія этой газеты въ эмиграціи. Начала она выходить въ 1877 г., *когда никто въ эмиграціи о политической свободѣ еще не думалъ*. Стало «Общее Дѣло» въ сторонѣ, да такъ и осталось. Никто на него не сердился, никто не считалъ зазорнымъ помѣстить въ немъ то или другое заявленіе, разъ это было нужно, а своего органа не было, но въ общемъ ни сторонниковъ, ни противниковъ въ революціонной эмиграціи у него не имѣлось. Его негласнаго редактора, жившаго на югѣ Франціи, доктора Бѣлоголоваго *никто не зналъ*... Если бы мы знали, откуда черпаетъ «Общее Дѣло» свои разсужденія,

мы ими, вѣроятно, заинтересовались бы; а такъ казалось, что—хорошіе, конечно, люди Христофоровъ и Зайцевъ (гласные редакторы журнала), но откуда имъ знать, когда какого министра и какими словами обругать слѣдуетъ?»

Такимъ образомъ А. Х. Христофоровъ поставилъ за границу журналъ въ цѣляхъ борьбы за политическую свободу въ то время, когда «никто въ эмиграціи о политической свободѣ еще не думалъ». Онъ же своимъ настойчивымъ трудомъ сумѣлъ продолжать это дѣло въ теченіе 14 лѣтъ, т.-е. въ теченіе такого значительнаго для заграничнаго журнала періода времени, который по продолжительности явился единственнымъ въ своемъ родѣ, ибо въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ даже герценовскій «Колоколъ». Онъ же своею замѣчательною личностью сумѣлъ привлечь къ ближайшему участию въ этомъ дѣлѣ Н. А. Бѣлоголоваго, а въ качествѣ сотрудниковъ такихъ людей, какъ М. И. Венюковъ, Н. М. Ядринцевъ и другіе. Онъ же, стоя въ центрѣ журнала, сумѣлъ дать приложеніе противоположнымъ темпераментамъ двухъ своихъ соредаторовъ: и кипучей революціонной энергіи Зайцева, и умѣряющей разсудительности Бѣлоголоваго. Онъ же, нѣмой, какъ могила, въ области вѣранныхъ ему тайнъ, явился личностью, которой безбоязненно отдавали въ то суровое время свои статьи «незаконные» люди. Все это отводитъ Александру Христофоровичу почетное мѣсто въ исторіи русскаго освободительнаго движенія.

Несмотря на свое продолжительное существованіе, «Общее Дѣло» не имѣло сколько-нибудь широкаго вліянія ни за границею, ни въ Россіи,—самый тиражъ журнала былъ очень незначительный,—но кто учтетъ ту незамѣтную съ внѣшней стороны роль, которую сыгралъ журналъ хотя бы только въ средѣ такихъ своихъ читателей, какъ русская учащаяся молодежь въ учебныхъ заведеніяхъ Европы? Вѣдь были въ 80-е годы цѣлые періоды, когда за границей, кромѣ «Общаго Дѣла», не было совсѣмъ другихъ періодическихъ изданій. Кромѣ того, за «Общимъ Дѣломъ» нельзя не признать и еще одной заслуги: конечно, далеко не все, что въ немъ печаталось, вполне соотвѣтствуетъ истинѣ,—не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ,—но все же и матеріаловъ вполне вѣрныхъ тамъ напечатано такъ много, что теперь ни одинъ историкъ нашего общественнаго движенія не можетъ обойтись безъ детальнаго изученія этого журнала.

Послѣ прекращенія «Общаго Дѣла» Христофоровъ существовалъ уроками и другими случайными заработками. Жизнь его была тяжела. Къ тому же онъ оглохъ и съ нимъ можно было разговаривать только черезъ слуховую трубку. Вѣчная тишина,

его вслѣдствіе этого окружавшая, наложила на его лицо какой-то отпечатокъ,—мы готовы сказать,—внутренней величавости. Онъ не поддавался и этому тяжкому несчастію, переносилъ его стойчески, попрежнему оставаясь по отношенію ко всѣмъ его окружавшимъ (цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ онъ жилъ около Клара у извѣстнаго общественнаго дѣятеля Е. Е. Лазарева), тѣмъ же добрымъ, хорошимъ «дѣдушкой».

Мы уже упоминали, какъ привѣтствовалъ онъ появленіе «Освобожденія» П. Б. Струве. Прибавимъ, что Христофорову же обязаны и лично мы многими чрезвычайно цѣнными указаніями во время предпринятаго нами лѣтъ 13—14 тому назадъ изданія заграницей серіи сборниковъ «Государственные преступленія въ Россіи» съ ихъ приложеніями, а затѣмъ и дальнѣйшихъ работъ уже въ Россіи по исторіи русскаго освободительнаго движенія. Много разъ обращался пишущій эти строки письменно за тою или иною, относящеюся къ этимъ работамъ, справкою къ А. Х. Христофорову и всегда получалъ отъ него цѣнные указанія или совѣты, къ кому слѣдуетъ за этимъ обратиться.

Одинъ извѣстный русскій художникъ нарисовалъ года 2—3 тому назадъ большой портретъ А. Х. Христофорова и очень хорошо запечатлѣлъ на немъ основныя черты духовной фizioноміи покойнаго. Было бы очень желательно, чтобы снимки съ этого портрета появились и въ Россіи,—странѣ, которой отдалъ Александръ Христофоровичъ всѣ свои силы.

Въ напечатанномъ въ «Рѣчи» некрологѣ Христофорова его близкій пріятель Л. Ф. Пантелѣевъ пишетъ:

«Какъ бы въ предчувствіи своего близкаго конца онъ писалъ мнѣ 18 прошлаго декабря: «новаго у меня то, что записался въ члены лозанскаго крематорія, гдѣ въ урочный часъ и буду испепеленъ».

Этотъ «урочный часъ» и наступилъ для Христофорова въ очень скоромъ послѣ того времени. Да помянетъ его та русская земля, которую онъ такъ сильно любилъ и для блага которой такъ много поработалъ.

В. Богучарскій.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.

ВЫШЕЛЪ № 3 (МАРТЪ) ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевского, Ө. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою: на годъ 9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. **Съ наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка 1 р. 10 к. За границу: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, Баскова, 9; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: Никитскій бульваръ, д. 19; въ Одессѣ: въ книжн. магаз., „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 0; въ магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ „Сотрудникъ“. Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 коп. съ экземпляра.

КАТАЛОГИ книжный магазинъ	НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ	ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО
	И. М. ФАДѢВЪ. МОСКВА, Моховая д. 26.	

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“
(Москва, Н. Кисловка, домъ 1, кв. 4. — Телефонъ 4-50-61).

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЮ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Поступило въ продажу новое 2-е значительно дополненное
и перераб. изданіе книги

И. П. БЪЛОКОНСКАГО:

Земское Движеніе.

Въ книгѣ помѣщено около 300 портретовъ земскихъ дѣятелей. Ц. 3 руб.
Имѣется на складѣ незначительный остатокъ давно вышедшей
изъ продажи книги извѣстнаго земскаго дѣятеля

В. Ю. СКАЛОНА:

ЗЕМСКІЕ ВЗГЛЯДЫ НА РЕФОРМУ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

(Изд. 1884 г.) Ц. 1 р. 50 к.

Популярный очеркъ кн. Г. Е. ЛЬВОВА и Т. И. ПОЛНЕРА

„Наше земство и 50 лѣтъ его работы“

6 изд. Ц. 12 к.

(При массовомъ заказѣ не менѣе 3000 экземпляровъ. 6 коп.—
4¹/₂ коп.).

== НОВЫЯ КНИГИ: ==

И. Н. РОЗАНОВЪ:

Русская Лирика.

Историко-литературные очерки. Ц. 2 р. 50 к.

Н. П. ОГАНОВСКІЙ.

**Обновленіе земледѣльческой Россіи
и АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА.**

Вып. I. Населеніе. Переселенческій вопросъ. Ц. 2 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 48.

Кристоферъ Марло. «Трагическая исторія доктора Фауста». Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 коп.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не приветствовать поэтому переводъ одно изъ самыхъ выдающихся (по нѣсь, сдѣланный опытной и искусною рукою). „Вѣстникъ Европы“, кн. 5. 1912 г.

Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ, большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ. Знамениты „Фаустъ“ гениальнаго Гете, немногими извѣстна замѣчательная драматическая по ма глубоко-оригинальн го нѣмецкаго поэта Николая Лилу, мало распространенъ „Фаустъ“ Клингсмарна. Произведене Марло до перевода К. Д. Бальмонта русскимъ читателямъ было совершенно неизвѣстно.

„Фаустъ“ Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ.

Издана книга издѣльно. Стоимость ея, конечно, не высока.

„Сибирская Жизнь“ № 86, отъ 17 апрѣля 1912 г.

Фридрихъ Максимиланъ Клингеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣмецк. со вступит. статей и примѣчаніями А. Лютера. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Послѣ гетевского. Клингеровскіи „Фаустъ“ самое крупное и глубокое произведене изъ всѣхъ драмъ, написанныхъ на ту тему. Все гер и Клингеръ отождествляетъ съ иппскимъ типографикомъ Иоанн м. Фаустомъ, однимъ изъ нриыхъ историч. печатнаго дѣла. Это хотя и противорѣчитъ нѣмскимъ народнымъ преданіямъ, но зато даетъ возможность Клингеру развить интересные мотивы. Въ противоположность гете скому, Фаустъ Клингера терзается не столько метафизическими вопросами, сколько эвческими и въ этомъ отношеніи. сещѣ находится подъ вліяніемъ идей Руссо. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ надо приветствовать, какъ полезное пособіе для изученія эпохи Гете.

„Вѣстникъ“, № 20, 21 января 1913 г.

Давно пора русскому интеллигенту ознакомиться съ „Фаустомъ“ Клингера и издательство К. Ф. Некрасова прекрасно сдѣлало, издавъ перев. д. А. Лютера, добросовѣстный и литературный и сибженный интереснымъ бюрафическимъ очеркомъ и обстоятельнымъ приѣчаніемъ.

„Рижская Мысль“, № 1682, 4 марта 1913 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 руб. за пересылку не платятъ книги высылаются также и съ наложеннымъ пла ежомъ.

— — — — — Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія изъ Россіи. — — — — —

Товарищество суконной торговли и складовъ

„М. Поповъ съ Сыновьями“

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.

МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

== СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ, ==

РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ
МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.

== ПЛЗДЫ И ОДЪЯЛА. ==

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ.

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ
ПОДАРОКЪ**
для дѣтей и взрослыхъ

**ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЕ
ЯКОРНЫЕ
КАМЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ
КУБИКИ.**

Эта игрушка удобна для родителей, нежелающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Отдѣленіе и фабрика Ад. РИХТЕРЪ и К^о.
С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Тел. 4-30-78.

Иллюстрированный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ высылаемъ бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.
МАЛЮТКА. ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

Допущенъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ библіотеки дѣтскихъ салоновъ и пріютовъ.

Годъ изданія двадцать девятый.

12 книжекъ журнала
МАЛЮТКА.

12 выпусковъ
„Сказки Кота Ученаго“

24 премій—игрушекъ для вырѣзыванія, склеиванія, рисованія и т. п. образцы лѣпки и работъ.

Годовая премія: „Исторія одного пуделя“,

интересный рассказъ (заимствованный съ англійск.) М. В. Архангельской.

При первомъ номерѣ подписчики получаютъ панораму изъ сказки „Мальчикъ съ пальчикъ“.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города Россіи:

Со сборникомъ Сказокъ Кота Ученаго. 4 р. — Безъ сборника сказокъ 2 р. 50 к.

— За границу: —

Со сборникомъ Сказокъ Кота Ученаго. 5 р. — Безъ сборника сказокъ 3 р. 50 к.

Иногородныхъ пріять адресовать свои требованія:

Москва, Спиридоновка, д. № 14, „Школа“, редакція журнала „Малютка“

При переимѣнѣ адреса прилагаются три семикопеечныя марки.

1. Оставшіеся э.з. журналы за 1905, 1906, 1907 гг., брошюры, книжками, продаются въ редакц. по 1 р.

2. 1911, 1912 и 1913 года—по подписной цѣнѣ.

3. Сказки Кота ученаго отдѣльно, за 1910, 1911 и 1913 годъ—по 1 руб. 50 коп.

За 1912 годъ сказки всѣ распроданы.

4. Сказка про Щепкуна и Мышиного Царя. въ папкѣ. цѣна 1 руб. 75 коп.

5. Робинзонъ Младшій. Въ папкѣ. цѣна 1 руб. 25 коп.

Подписчики журн. „МАЛЮТКА“ при выпискѣ этихъ книгъ изъ редакціи на сумму не менѣе 2 рубъ за пересылку не платятъ.

Заказы, выписанные изъ редакціи съ „наложнымъ платежемъ“, обратно не принимаются.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И СКЛАДЪ УДЕШЕВЛЕННЫХЪ КНИГЪ

А. Н. ПОЛЯКОВА.

ПРЕДЛАГАЕТЪ УДЕШЕВЛЕННО:

СПБ., Вознесенскій пр., 107 (Зданіе Н. Александр. рынка В.)

Великая реформа. 6 т., роскошн. изд. Ц. 25 р. за 15 р.

Отечественная война. Альбомъ раскраш. рисунк., текстъ Божерянова, изд. Про-
удина-Горскаго. Ц. 18 р. за 10 р. въ роскошной папкѣ.

Холодковский и Силантьевъ. Птицы Европы. Изд. Девриена. Ц. 21 р. за 17 р.

Бенуа. Русская Школа Живописи. Роскошн. изд. въ 10 вып. Ц. 50 р. за 35 р.

«Историческій Вѣстникъ» за 1912 и 1913 годы по 10 р.

Атласъ плодовъ. Роскошн. изд. Девриена, въ перепл., за 20 р.

«Русскій Библіофилъ» за годы 1911, 1912, 1913, въ бумажкѣ 35 р.

Шурцъ. Исторія первобытной культуры. Ц. 8 р. 60 к. за 6 р.

Достоевскій. Соч. 21 т., изд. т-ва «Просвѣщеніе», въ перепл. Ц. 38 р. 50 к. за 25 р.

Вселенная и человѣчество. 5 т., изд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. 55 р. за 20 р.

Брэмъ. Жизнь животныхъ. 3 т. Ц. 24 р. за 14 р.

Ратцель. Народовѣдѣніе. 2 т. Ц. 15 р. за 8 р.

Неймайеръ. Исторія земли. 2 т. Ц. 15 р. за 9 р.

Ранке. Человѣкъ. 2 т. Ц. 14 р. за 7 р.

Мейеръ. Жизнь природы. 1 т. Ц. 8 р. 50 к. за 6 р.

Мейеръ. Мірозданіе. 1 т. Ц. 8 р. 50 к. за 5 р.

Кернеръ. Жизнь растений. 2 т. Ц. 15 р. за 8 р.

Полевой. Исторія русскої словесности. 3 т. за 13 р., въ пер.

Министерство Финансовъ. 2 т. Историч. очеркъ, роскошн. изд. за 10 р.

Татищевъ. Императоръ Александръ II. 2 т., въ пер. за 12 р.

Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. 5 т., перев. Швырова, за 2 р. 50 к.

Ностомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. 18 т. въ пер. за 20 р.

Лажечниковъ. Соч. 10 т. за 9 р., въ пер.

Лависъ и Рамбо. Исторія XIX вѣка. 8 т., изд. т-ва «Гранатъ», за 16 р., въ пер.

«Старые Годы» за 1911 и 1912 годы, въ пер. за 60 р.

Шекспиръ. 5 т. Ц. 40 р. за 22 р. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ.

РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ, РАЗНЫХЪ ИЗДАНІЙ

Лѣсковъ. 36 т. 3 р.

М. Печерскій. 22 т. 4 р.

Ж. Вернь. 88 т. 12 р.

Нуперъ. 36 т. 5 р.

М. Твенъ. 28 т. 5 р.

Н. Данченко. 30 т. 7 р. 50 к.

Станюковичъ. 40 т. 4 р.

Вересаевъ. 10 т. 2 р.

Л. Андреевъ. 17 т. 3 р.

Фетъ. 6 т. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, Вс. (романистъ). Соч. 10 т. 7 р.

Григоровичъ. 12 т. 6 р.

Загоскинъ. 12 т. въ пер. 6 р.

Гауптманъ. 10 т. 1 р. 50 к.

Данилевскій. 24 т. 3 р.

Писемскій. 38 т. 4 р.

Уайльдъ, О. 8 т. 1 р. 50 к.

Чеховъ. 28 т. 9 р.

Ш. Михайловъ. 50 т. 3 р.

Ибсенъ. 18 т. 2 р. 50 к.

Нарзинъ. 20 т. 5 р.

Буссенаръ. 40 т. 5 р.

Жаколіо. 18 т. 3 р.

С. Щедринъ. 40 т. 5 р.

Горбуновъ. 4 т. 75 к.

Мольеръ. 10 т. 2 р.

Тютчевъ. 3 т. 1 р.

Помяловскій. 5 т. 1 р.

Тургеневъ. Соч. 10 т. 9 р.

Гончаровъ. 12 т. 6 р. 50 к.

Иннокентій. 12 т. 8 р. въ пер.

Гамсунъ. 18 т. 2 р. 50 к.

Жуковскій. 12 т. 1 р. 50 к.

Мей. 8 т. 1 р.

Толстой, А. 12 т. 4 р.

Успенскій. 28 т. 3 р.

Дюма, А. Отецъ. 84 т. 9 р.

Цѣны указаны безъ пересылки, пересылка за счетъ покупателя, упаковка за счетъ мага-
зина. Исполненіе заказовъ быстрое, скорое и аккуратное.

Немедленно высылаю всѣ книги, поступившія на книжный рынокъ, кѣмъ бы онѣ
ни были опубликованы, по ихъ цѣнамъ.

Принимаю заказы на пополненіе и составленіе всякаго рода бібліотекъ, а также
земскихъ книжныхъ складовъ. Казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ книги доста-
вляются безъ наложеннаго платежа. Уплата производится по полученіи и проверкѣ счета.

Каталогъ № XI, 10000 названій, высылается бесплатно по первому требованію.

Р. С. При заказѣ покорнѣе просимъ ссылаться на означенное объявленіе.

Н. Бродскій. Собраніе сочиненій С. А. Венгерова т. II. Писатель-гражданинъ Гоголь. **Е. Коршъ.** Журналъ «Софія». **ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ С. Святиковъ.** Императорская публичная библіотека за 100 лѣтъ. **П. Войковъ.** Одна изъ загадокъ исторіи.

Б. Филипповъ. Театральные нравы прошлаго вѣка. 292
— Новые книги. 325

VI. Некрологъ:

В. Я. Богучарскій. А. Х. Христофоровъ. 326

VII. Рисунки:

1. Сибирскій этапъ. 2. Арестантская партія въ пути. Портретъ С. Н. Южакова, Э. О. Короленко, А. Х. Христофорова. Заставки изъ рукописныхъ евангелій XVI в. изъ собранія А. А. Титова.

IX. Объявленія.

О подпискѣ на изданіе «Масонство».

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

1) Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, К-ра имѣетъ честь увѣдомить лицъ, пользующихся разсрочкой, о срокахъ взноса подписной платы: 1-го января—2 р.; 1-го апрѣля—2 р.; 1-го іюля—2 р. и 1-го сентября—2 р.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи **Москва, Нижняя Кисловка, д. 1. Ин-во „Задруга“.**

3) Жалобы на неисправность доставки направляются въ контору редакціи **не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.**

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщить его №.

Не сообщаящіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 1 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ Т-ВА «МІРЪ»

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Издание составитъ около 5 томовъ приблизительно по 18 листовъ въ каждомъ будетъ иллюстрировано портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждого тома въ переплетъ (включая пересылку) 2 руб. 80 коп. и сверхъ того за переводъ платежа 10 коп.

Первый томъ выйдетъ въ мартѣ. Подробные проспекты бесплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНИЯ Т-ВА «МІРЪ»:

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. Вс. О. Миллера, акад. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго и П. Н. Сакулина. **РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в. (1890—1910).** Подъ ред. проф. С. А. Венгерова.

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Подъ ред. О. Д. Батышкова.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. М. Н. Покровскаго.

ИТОГИ НАУКИ съ теорій и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА. Каруса Штерне. Съ дополнит. статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова.

ДЕКАМЕРОНЪ. Дж. Боккаччо. Перев. акад. Александра Веселовскаго.

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковского.

Проспекты бесплатно. Главная контора Т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменна, 9.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“

Москва, Б. Никитская, 24. Телеф. 1-77-14.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

НОВЫЙ РОМАНЪ КНУТА ГАМСУНА:

„ДѢТИ ВРЕМЕНИ“. Полный переводъ. Ц. 1 руб.

ТАГОРЪ. Жертвоуспіи. Переводъ подъ ред. Ю. Балтрушатиса. Ц. 40 коп.

Д-ръ Г. УЗЕНШТЕЙНЪ. Искусство Рококо. Иллюстрированное изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ БРЕДТЪ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Иллюстрированное изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

КАЛЕНБЕРГЪ. Вѣчная жиловка. Романъ. Ц. 1 руб.

Проф. БОАСЪ. Диагностика и терапія болѣзней желудка. Т. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. (Поступитъ въ продажу на-дняхъ).

А. Н. АФАНАСЬЕВЪ. Народныя русскія легенды. Содержаніе: 1) Чудесная молотѣба. 2) Чудо на мельницѣ. 3) Бѣдная вдова. 4) Исцѣленіе. 5) Попъ-завпудуше глаза. 6) Превращеніе. 7) Пиво и хлѣбъ. 8) Христосъ-братецъ. 9) Егорій храбрый. 10) Илья Пророкъ и Никола. 11) Касяня и Никола. 12) Золотое стремя. 13) Пятница. 14) О Ноѣ праведномъ. 15) Соломонъ премудрый. 16) Солдаты и смерть. 17) Видѣніе. 18) Потанька. 19) Побѣда въ Иерусалимѣ. 20) Пустынникъ и дьяволъ. 21) Пустыня. 22) Повѣсть о бражникахъ. 23) Царевичъ Евстафій. 24) Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострадала гордостью. 25) Смерть праведнаго и грѣшнаго. 26) Ангель. 27) Кумова кровать. 28) Грѣхъ и покаяніе. 29) Горькій пьяница. 30) Крестный отецъ. 31) Кузнецъ и чортъ. 32) Волкъ. 33) Пѣтухъ и жарновки. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ НОВИКОВЪ. Наука, школа и жизнь. Ц. 50 коп.

Проф. РЕМСЕНЪ. Неорганическая химія. В. I. Ц. 1 р. 50 к.

Пом. прис. пов. МАЙЗЕЛЬСЪ. Венсель. Практическое руководство для коммерсантовъ и пособіе для учащихся. Ц. 30 коп.

В. ПЕРЕВЕЗЕВЪ. Творчество Гоголя. Ц. 1 р. 25 к.

МЕЛАМЕДЪ. Психологія еврейскаго духа. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. ШЕФЕРЪ и МИНОГА. Жизнь, ея природа, происхожденіе и сохраненіе. Ц. 50 к.

Тип. П. П. Рабушинскаго. Москва.